

DAR

W.P.

Magistratu w Łodzi
po szkoleń. srod. rosyjsk.

Dla Biblioteki Publicznej

w kodzi

2790 N. 1117 - 19

История № 129

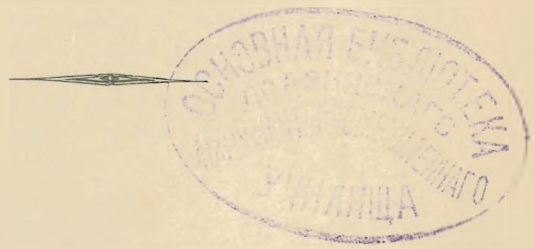
Матер. книга 1822 № 591

БОЯРСКАЯ ДУМА

ДРЕВНЕЙ РУСИ.

591 — 129
82

В. Ключевского.

МОСКВА.

Типографія А. Иванова (б. Миллера), Машковъ пер., д. № 12
1882.

K.

098293

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Введение.

ГЛАВА I. *Въ боярскомъ советѣ кievскаго князя X в. еще сидѣли представители класса, правившаго обществомъ раньше князя съ его боярами. Думы князя Владимира съ боярами, епископами и старцами градскими 14. Значеніе этихъ старцевъ 17. Очеркъ исторіи древнѣйшихъ волостныхъ городовъ на Руси 19. Происхожденіе городскихъ старцевъ 30. Отношеніе ихъ къ князю и его дружинѣ 32.*

ГЛАВА II. *Съ XI в. правительственный советъ при князѣ Киевской Руси является однословнымъ, боярскимъ 41. Дума и вѣче 42. Двѣ аристократіи, чрезъ нихъ дѣйствовавшія 48. Князь и бояре 50. Составъ боярской думы 55. Дѣятельность думы и ея характеръ 63. Боярство и боярская дума въ Галицкомъ княжествѣ 70. Политическое значеніе боярской думы въ кievской Руси XII—XIII в. 72.*

ГЛАВА III. *Военный сторожъ и подвижной вотчинъ всей Русской земли, князь, съ XIII в. становится на сѣверѣ сельскимъ хозяиномъ-вотчинникомъ своего удѣла 76. Перемена въ характеръ князя и княжескаго владѣнія на сѣверѣ съ XIII в. 76. Отношеніе князя къ землямъ дворцовымъ, чернымъ и служилымъ 82.*

ГЛАВА IV. *И общество удѣльнаго княжества на сѣверѣ становится больше сельскимъ, чѣмъ оно было прежде на югѣ 86. Происхожденіе удѣльнаго порядка княжескаго владѣнія въ связи съ русской колонизаціей верхняго Поволжья 86. Вліяніе колонизаціи на складъ общества верхневолжской Руси 98.*

ГЛАВА V. *Согласно съ политическимъ характеромъ удѣльнаго князя на сѣверѣ и удѣльное управленіе было*

довольно точною копией устройства древнерусской боярской вотчины 106. Связь удельных учреждений съ тремя разрядами земель въ удѣлѣ. Дворецъ князя 107. Значеніе дворцовыхъ путей 108. Отношеніе ихъ къ дворцовому 116. Намѣстники и волостели 118. Вотчинное управленіе и его значеніе въ исторіи централизаціи 121. Значеніе боярскаго суда 123.

ГЛАВА VI. *Боярская дума при князѣ удѣльнаго времени является совѣтомъ главныхъ дворцовыхъ приказниковъ, бояръ введенныхъ, по особо важнымъ дѣламъ* 128. Характеръ главныхъ памятниковъ дѣятельности думы въ удѣльные вѣка 128. Составъ думы 129. Бояре введенные и путные 130. Наличный составъ ежедневныхъ собраній думы 137. Причины его измѣнчивости. Характеръ удѣльнаго законодательства 140. Административный подборъ 144. Правительственное значеніе бояръ-совѣтниковъ 148. Моменты въ исторіи удѣльной думы 160. Дѣлопроизводство и вѣдомство 166.

ГЛАВА VII. *Московская боярская дума уже въ XV в., съ образованіемъ въ Москвѣ болѣе плотнаго боярства, становилась дворцовымъ совѣтомъ по недворцовымъ дѣламъ* 169. Боярскій совѣтъ, какъ проводникъ централизаціи въ удѣльномъ управленіи 169. Сосредоточеніе состава удѣльной думы 172. Признаки обособленія состава московской думы отъ областного управленія 174. Приказы и канцелярія думы 177. Превращеніе московской думы въ совѣтъ дворцовыхъ сановниковъ по недворцовымъ дѣламъ 180. Образованіе думнаго класса въ Москвѣ къ половинѣ XV в. 182. Вліяніе этого на характеръ и дѣятельность московской думы 185.

ГЛАВА VIII. *Въ Новгородѣ и Псковѣ XIII—XV в. боярская дума при князѣ превратилась въ исполнительный и распорядительный совѣтъ выборныхъ городскихъ старшинъ при вѣчѣ* 188. Происхожденіе боярства въ вольныхъ городахъ удѣльнаго времени 189. Политическое и экономическое значеніе этого боярства 197. Участіе бояръ въ управленіи 202. Происхожденіе и составъ господоы 206. Удаленіе изъ нея княжихъ бояръ и купецкихъ старость 212. Число членовъ и мѣсто засѣданій 214. Отношеніе господоы къ князю 217. Ея правительственная дѣятельность и отношеніе къ вѣчу 219.

ГЛАВА IX. *Изъ разсыянныхъ по удѣламъ князей и ихъ слугъ съ XV в., вслѣдствіе московскаго собиранія Руси, складывается въ Москвѣ правительственная аристократія* 226. Перемѣны въ составѣ московскаго боярства съ половины XV в. 226. Иерархическій распорядокъ боярскихъ фамилій 232. Превращеніе личныхъ льготъ въ сословныя привилегіи 239.

ГЛАВА X. *Въ составѣ московской боярской думы XVI в., отразились довольно точно перемѣны въ составѣ московскаго боярства съ половины XV в. Разборъ списка членовъ думы съ 1505 по 1682 г.* 240. Бояре 241. Окольничіе 244. Смѣна старшихъ фамилій младшими 246. Думные дворяне 250. Генеалогическое значеніе этихъ думныхъ чиновъ 251.

ГЛАВА XI. *Влѣсть съ тѣмъ московская боярская дума стала оплотомъ политическихъ притязаній, возникшихъ въ московскомъ боярствѣ при его новомъ составѣ* 252. Политическое настроеніе новаго боярства 252. Остатки удѣльнаго порядка въ XVI в. 254. Отношеніе къ нимъ московскихъ государей 259. Превращеніе удѣльныхъ правительственныхъ преданій въ политическія притязанія 264.

ГЛАВА XII. *Политическія привычки и стремленія московскихъ государей не противорѣчили этимъ притязаніямъ по крайней мѣрѣ до половины XVI в.* 266. Національное значеніе московскихъ государей и отношеніе къ нему новаго московскаго боярства 266. Происхожденіе и первоначальное значеніе титула „самодержецъ“ 269. Политическій характеръ московскихъ государей 272.

ГЛАВА XIII. *Однако перемѣны въ устройствѣ боярской думы XVI в. вышли не изъ этихъ боярскихъ притязаній* 276. Аристократическій составъ московскаго управления въ XVI в. 276. Обособленіе думы отъ дворцоваго управления 278. Раздѣленіе думы на чины въ связи съ новымъ составомъ боярства и новыми потребностями управления 280. Численный составъ и образованіе постоянного общаго собранія думы 289.

ГЛАВА XIV. *Само боярство не проводило въ XVI в. никакого плана государственнаго устройства, достаточно обезпеченнаго, въ смыслъ своихъ притязаній* 293. Бояре-публицисты XVI в. 293. Ихъ взглядъ на исторію Московскаго княжества 294. Ихъ отношеніе къ

современному русскому монашеству 295. Ихъ взглядъ на московскій государственный и общественный порядокъ 298. Политическіе идеалы боярства 302. Равнодушіе боярства къ вопросу о политическихъ обезпеченіяхъ 306.

ГЛАВА XV. Состояніе народнаго хозяйства было главною причиною равнодушія боярства XVI в. къ расширенію и обезпеченію своихъ политическихъ правъ 315. Вопросъ о судьбѣ московской аристократіи 315. Землевладѣніе въ верхневолжской Руси 319. Землевладѣльчeskій кризисъ въ XVI в. 321. Его вліяніе на политическое настроеніе боярства 325.

ГЛАВА XVI. Ближняя или комнатная дума государя была косвеннымъ признаніемъ съ ея стороны политическаго значенія боярской думы 328. Отношеніе московскихъ государей къ правительственному значенію боярства 328. Ближній совѣтъ в. кн. Василя Ивановича 334, царя Ивана Грознаго и его преемниковъ 340. Ея значеніе и отношеніе къ думѣ всѣхъ бояръ 345.

ГЛАВА XVII. Опричнина Грознаго была дальнѣйшимъ развитіемъ комнаты и завершеніемъ этою признанія 347. Значеніе термина 347. Полицейская цѣль учрежденія 349. Характеръ борьбы московскихъ государей съ боярствомъ 350. Ея династическое происхожденіе 354. Противорѣчіе въ московскомъ государственномъ строѣ и опричнина, какъ выходъ изъ него 361.

ГЛАВА XVIII. Мысль оградить политическое значеніе думы договоромъ съ государемъ возникла въ одномъ поколѣніи боярства подъ вліяніемъ исключительныхъ обстоятельствъ 368. Послѣдствія борьбы для боярства 368. Вліяніе пресѣченія династіи на боярство 370. Появленіе въ немъ мысли о политическомъ договорѣ 371. Два опыта этого договора въ Смутное время. Большіе бояре и значеніе думы при царѣ Василю Шуйскомъ 374. Второстепенная знать и договоръ 4 февраля 1610 г. 380. Третій опытъ; значеніе боярства при царѣ Михаилѣ 387. Значеніе этихъ опытовъ въ исторіи думы 390.

ГЛАВА XIX. Боярскій совѣтъ въ древней Руси былъ показателемъ общественныхъ классовъ, руководившихъ въ данное время народнымъ трудомъ 391. Моменты политической исторіи думы 391. Взглядъ на судьбу учрежденія: какъ въ составѣ думы отражался складъ общества 392.

ГЛАВА XX. Боярская дума XVI—XVII в. состояла из старших членов боярских фамилий и из выслужившихся приказных дьяцель 397. Генеалогический состав думы. Назначение членов по родословной очереди 397. Служебная карьера родовитого человека 400. Успехи неродовитых людей в думѣ 402. Упадок старой знати в думѣ XVII в. 408.

ГЛАВА XXI. Думные люди были управителями центральных приказов или исполнителями особых поручений по центральной и областной администрации 409. Административный состав думы. Правительственное значение думных людей в столицѣ и провинціи 410. Число наличных членов думы на ея засѣданія 413.

ГЛАВА XXII. В своей ежедневной практикѣ дума была постоянным совѣтомъ наличных думных людей, находившихся при государѣ 416. Названія думы, время и мѣсто ея засѣданій 416. Внешній порядок дѣлопроизводства. Очередь докладовъ 420. Предсѣдательство 421. Докладчики 422. Порядок совѣщаній. Засѣданіе при царѣ; пренія 426. Засѣданіе безъ царя 432. Запись приговоровъ и передача ихъ къ исполненію 434. Значеніе думныхъ судей для ихъ приказовъ 439.

ГЛАВА XXIII. Съ конца XVII в. дума становилась тѣмъ постояннымъ совѣтомъ, существовавшимъ безъ государя 440. Комиссія думы в Москвѣ во время государева отъѣзда 441. Расправная палата 443. Дума в началѣ царствованія Петра I 446. Ближняя канцелярія и ея отношеніе къ думѣ 450. Перемены в составѣ и характерѣ дѣятельности думы съ конца XVII в. 453. Отношеніе боярской думы Петра къ его Сенату 459.

ГЛАВА XXIV. Правительственная дѣятельность думы, при видимомъ разнообразіи дѣлъ, имѣла собственно законодательный характеръ 461. Общій характеръ правительственной дѣятельности дневнерусской боярской думы 461. Порядок возбужденія дѣлъ в думѣ. Государевъ указъ 464. Приказный докладъ 467. Частное челобитье 471. Порядок рѣшенія дѣлъ. Комиссія думы 473. Общее собраніе думы и его отношеніе къ государю 477. Случаи доклада боярскихъ приговоровъ государю 482. Кругъ дѣлъ общаго собранія думы. Частныя дѣла 484. Значеніе приговоровъ думы по частнымъ дѣламъ 486. Характеръ казуального за-

конодательства думы. Изложенія двухъ спорныхъ дѣлъ, вершенныхъ думой 488. Кодификація 498. Моменты законодательнаго процесса 501. Государственный порядокъ. Финансы 501. Устройство управленія. Боярскій проэктъ 1681 г. объ учрежденіи несмвняемыхъ намѣстниковъ 503. Личный составъ управленія 508. Надзоръ за управленіемъ 510. Правительственный авторитетъ думы 515.

ГЛАВА XXV. *Дума законодательствовала и въ дѣлахъ, касавшихся церкви, обыкновенно съ содѣйствіемъ церковной власти* 519. Думные соборы или засѣданія думы съ церковными „властями“. Ихъ происхождение 520. Вопросы, на нихъ рѣшавшіеся 522. Законодательное значеніе думы въ церковныхъ дѣлахъ 524. Составъ Освященнаго собора на засѣданіяхъ думы 525. Порядокъ совѣщаній 526. Вліяніе церковной власти на законодательную дѣятельность думы 528.

ГЛАВА XXVI. *Въ соціально-политическомъ значеніи московской боярской думы отразился основной фактъ исторіи Московскаго государства* 530. Обычай, какъ опора политическаго значенія думы 530. Источникъ этого обычая въ военно-національномъ происхожденіи Московскаго государства 531. Мѣстничество, какъ политическая формула этого обычая 534. Паденіе боярства и мѣстничества въ XVII в. 535.

ПРИЛОЖЕНІЯ. I. Приговоры думы Владиміра Святаго о вѣрахъ.—II. Русская колонизація Поволжья и Заволжья въ XIV и XV в.—III. Замѣтка о вѣсѣ гривны кунъ.—IV. Значеніе слова „путь“ въ древней Руси.—V. Замѣчанія о нижегородской „мѣстной“ грамотѣ XIV в.—VI. Составъ новгородскаго управленія.—VII. Происхожденіе думнаго дьячества.—VIII. Извѣстіе Фоккеродта объ устройствѣ высшаго управленія при царѣ Михаилѣ.—IX. Замѣтка объ отношеніи дворцовыхъ сановниковъ къ думѣ.

Въ судьбѣ учрежденія, исторія котораго послужила предметомъ предлагаемаго опыта, изучающій встрѣчаетъ много труднаго, пока неразрѣшимаго; но и въ томъ, что доступно изученію, въ чемъ можно отдать полный историческій отчетъ, остается много любопытнаго, возбуждающаго живѣйшій научный интересъ. Этимъ, съ одной стороны, объясняются недостатки предлагаемаго изслѣдованія, съ другой оправдывается рѣшимость автора предпринять это изслѣдованіе, не взирая на встрѣчаемыя изслѣдователемъ затрудненія.

Съ X и до XVIII в. боярская дума стояла во главѣ древнерусской администраціи, была маховымъ колесомъ, приводившимъ въ движеніе весь правительственный механизмъ; она же большею частью и создавала этотъ механизмъ, законодательствовала, регулировала всѣ отношенія, давала отвѣты на вопросы, обращенные къ правительству. Въ періодъ наиболѣе напряженной своей дѣятельности, съ половины XV и до конца XVII в., это учрежденіе было творцомъ сложнаго и во многихъ отношеніяхъ величественнаго государственнаго порядка, установившагося на огромномъ пространствѣ московской Руси, того порядка, который только и сдѣлалъ возможными смѣлыя виѣшнія и внутреннія предпріятія Петра, далъ необходимыя для того средства, людей и самыя идеи: даже идеи Петра, по крайней мѣрѣ основныя, наиболѣе плодотворныя изъ нихъ, выросли изъ московскаго государственнаго порядка и до

стались Петру по наслѣдству отъ предшественниковъ вмѣстѣ съ выдержаннымъ, удивительно дисциплинированнымъ политически обществомъ, руками и средствами котораго пользовался преобразователь.

Но эта правительственная пружина, все приводившая въ движеніе, сама оставалась невидимкой для тѣхъ, кто двигался по ея указаніямъ. Боярская дума рѣдко становилась, въ московской Руси (за исключеніемъ какихъ-нибудь двухъ съ половиной лѣтъ междуцарствія 1610—1613 г.) не становилась никогда прямо передъ обществомъ, которымъ она управляла: ее закрывали отъ этого общества, съ одной стороны, ея верховный предсѣдатель, князь-государь, съ другой ея докладчикъ и протоколистъ, дьякъ. Общество видѣло и слушало князя, мало зная его совѣтниковъ; къ нему обращалось оно съ своими запросами, его именемъ и авторитетомъ покрывались законодательные отвѣты, внушенные его совѣтниками; приговоры думы, законы доходили до управляемыхъ, какъ ихъ формулировалъ думный дьякъ и какъ подчиненное думѣ вѣдомство прилагало ихъ къ частнымъ лицамъ или къ отдѣльнымъ случаямъ. Отсюда трудность уловить правительственную дѣятельность думы. По существу своему она была законодательнымъ учрежденіемъ, устанавливала общія правила, постоянныя нормы; но передъ нами только практическіе результаты ея законодательной работы: мы видимъ эти нормы, насколько онѣ удавались въ дѣйствительныхъ отношеніяхъ жизни, въ большинствѣ случаевъ знаемъ эти правила, насколько они отражались въ указахъ, инструкціяхъ, въ отдѣльныхъ актахъ подчиненныхъ думѣ учреждений. Въ думу «вносили» свои вопросы и недоумѣнія правительственные органы, съ которыми общество имѣло непосредственное соприкосновеніе; изъ думы выносили они приговоры, выражавшіеся въ тѣхъ актахъ, которые теперь лежатъ передъ изслѣдователемъ: но сама она оставалась на своей заоблачной высотѣ, сокры-

тая и отъ общества, и отъ изслѣдователя; какъ вырабатывались эти приговоры, какіе интересы и мнѣнія боролись при этой работѣ—того почти никогда не видитъ изслѣдователь, какъ въ свое время не видѣло и общество. Столь же неуловимо и политическое значеніе думы. Люди, появлявшіеся въ ней на пространствѣ 8 вѣковъ, князья-государи и ихъ совѣтники, не чувствовали потребности точно опредѣлить свои взаимныя отношенія и закрѣпить эти опредѣленія надлежащимъ актомъ; никогда не были точно опредѣлены и отношенія этого совѣта къ низшимъ подчиненнымъ ему органамъ управленія. Въ тѣ вѣка политическіе дѣльцы не любили задавать себѣ общаго вопроса, какъ далеко простираются прерогативы верховнаго правителя, князя-государя, и гдѣ начинаются права его совѣтниковъ: политическій глазомѣръ и обычай указывали въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ предѣлы власти, избавляя обѣ стороны отъ труднаго дѣла точной формальной разверстки политическихъ правъ и обязанностей. Мы привыкли ко всякому учрежденію, подобному нашей боярской думѣ, обращаться съ вопросомъ, имѣло ли оно обязательное для верховной власти или только совѣщательное значеніе; а люди тѣхъ вѣковъ не различали столь тонкихъ понятій, возникавшія столкновения разрѣшали практически въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, отдѣльные случаи не любили обобщать, возводить въ постоянныя нормы, и не подготовили намъ прямого отвѣта на нашъ вопросъ.

Благодаря всему этому политическая и административная исторія боярской думы темна и бѣдна событіями, лишена драматическаго движенія. Закрытая отъ общества государемъ сверху и дьякомъ снизу, она является конституціоннымъ учрежденіемъ съ обширнымъ политическимъ вліяніемъ, но безъ конституціонной хартіи, правительственнымъ мѣстомъ съ обширнымъ кругомъ дѣлъ, но безъ канцеляріи, безъ архива. Такимъ образомъ изслѣдователь лишень возможно-

ести возстановить на основаніи подлинныхъ документовъ какъ политическое значеніе думы, такъ и порядокъ ея дѣлопроизводства. Въ предлагаемомъ опытѣ читатель не найдетъ удовлетворительнаго отвѣта на многіе вопросы, касающіеся того и другаго, и встрѣтитъ не мало догадокъ, которыми авторъ пытался восполнить недостатокъ прямыхъ историческихъ указаній.

Благодаря и любопытнаго соціальная исторія думы. Впродолженіе столѣтій встрѣчаемъ въ ней людей, которые носятъ одно и тоже званіе бояръ, думцевъ князя-государя; но какое разнообразіе ролей и фізіономій! Русскій бояринъ X в., не то купецъ, не то воинъ, хорошо помнившій, что онъ — варягъ, морской наѣздникъ-викингъ, на славянскомъ Днѣпрѣ переименованный въ витязя и не успѣвшій еще пересѣсть съ лодки на коня, чтобы стать степнымъ наѣзникомъ, «удалой поленицей»; кіевскій бояринъ XI—XII в., вольный товарищъ своего князя и подобно ему политическій бродяга, нигдѣ не пускавшій глубокихъ корней, не завязывавшій прочныхъ связей ни съ какимъ мѣстнымъ обществомъ; галицкій бояринъ-крамольникъ XIII в., старавшійся прочно укрѣпиться въ краѣ, ставъ между княземъ и простымъ обывателемъ, держа въ рукахъ того и другаго; сѣверный великорусскій бояринъ XIV в., служилый кочевникъ подобно своимъ южнымъ предкамъ, не знавшій, что дѣлать, какъ найтись среди множества князей-хозяевъ, столь непохожихъ на своихъ южныхъ предковъ, не знавшій, какъ стать между княземъ, плотно усѣвшимся въ своей вотчинѣ, и между подвижнымъ, текучимъ населеніемъ, и наконецъ подобно князю принявшійся за землевладѣльческое хозяйство; новгородскій бояринъ XV в., по видимому безсильный и покорный передъ вѣчевой сходкой, неразъ ею битый и грабленный, но богатый капиталистъ, крѣпко державшій въ своемъ кулакѣ нити народнаго труда и помощію ихъ вертѣвшій вѣчевою сходкой; московскій

бояринъ XVI в., недавно переименовавшійся изъ удѣльнаго князя, жалѣвшій о своемъ ростовскомъ или ярославскомъ прошломъ и недовольный московскимъ настоящимъ ни политическимъ, ни хозяйственнымъ, не знавшій, какъ поладить съ своимъ государемъ; наконецъ московскій бояринъ XVII в., смирившійся князь или выслужившійся разночинецъ, отказавшійся отъ политическихъ грезъ XVI в., покорный и преданный своему государю и широкой рукой забиравшій нити крестьянскаго труда: такой рядъ фигуръ проходить передъ наблюдателемъ черезъ боярскую думу въ разныхъ краяхъ древней Руси и въ разные вѣка ея исторіи. Каждый изъ этихъ типовъ сообщалъ свой особый складъ и характеръ боярской думѣ, въ которой онъ господствовалъ; но каждый изъ нихъ отражалъ въ себѣ складъ и характеръ общества въ разныхъ краяхъ Руси и въ разные вѣка ея исторіи.

Такъ изученіе древнерусской боярской думы ставитъ изслѣдователя прямо передъ исторіей древнерусскаго общества, передъ процессомъ образованія общественныхъ классовъ.

Исторія нашихъ общественныхъ классовъ представляетъ немало поучительнаго въ научномъ отношеніи. Въ ходѣ ихъ возникновенія и развитія, въ процессѣ опредѣленія ихъ взаимныхъ отношеній видимъ дѣйствіе условій, похожихъ на тѣ, какими создавались общественные классы въ другихъ странахъ Европы; но эти условія у насъ являются въ другихъ сочетаніяхъ, дѣйствуютъ при другихъ виѣшнихъ обстоятельствахъ, и потому созидаемое ими общество получаетъ своеобразный складъ и новыя формы.

Въ исторіи общественнаго класса различаются два главные момента, изъ которыхъ одинъ можно назвать экономическимъ, другой политическимъ. Первый выражается въ разчлененіи общества согласно съ раздѣленіемъ народнаго труда: тогда классы различаются между собою родомъ капитала, которымъ работаетъ каждый, и значеніе обще-

ственного класса опредѣляется цѣной, какую имѣетъ тотъ или другой капиталъ въ народномъ хозяйствѣ извѣстнаго времени и мѣста. Обыкновенно политическій моментъ завершаетъ соціальную работу народнаго хозяйства: господствующій капиталъ становится источникомъ власти, его операціи соединяются съ привилегіями, его владѣльцы образуютъ правительство, экономическіе классы превращаются въ политическія сословія.

Въ этомъ порядкѣ явленій политическіе факты вытекаютъ изъ экономическихъ, какъ ихъ послѣдствія. Но можно представить себѣ историческій процессъ, гдѣ явленія слѣдуютъ одни за другими въ обратномъ порядкѣ. Въ странѣ промышленная культура сдѣлала уже нѣкоторые успѣхи, трудъ населенія успѣлъ до извѣстной степени овладѣть силами и средствами мѣстной природы, народное хозяйство уже установилось съ нѣкоторой прочностью, когда эта страна подверглась завоеванію, которое ввело въ нее новый общественный классъ, измѣнивъ положеніе и отношенія прежнихъ туземныхъ. Пользуясь правомъ побѣды, этотъ классъ беретъ въ свое распоряженіе трудъ побѣжденнаго народа. Перемены, какія происходятъ отъ этого въ теченіи народно-хозяйственной жизни, являются прямымъ послѣдствіемъ политическаго факта, вторженія новаго класса, который начинаетъ править обществомъ въ силу завоеванія. Завоевателямъ для своего матеріальнаго обезпеченія нѣтъ нужды заводить вновь хозяйство въ захваченной странѣ, указывать приемы и средства для эксплуатаціи ея естественныхъ богатствъ. Они насильственно вторглись въ установившійся экономическій порядокъ, стали съ оружіемъ въ рукахъ у готоваго хозяйственнаго механизма; по указанію собственныхъ потребностей имъ только нужно переставить нѣкоторыя его части, задать ему нѣкоторыя новыя работы, направить народный трудъ преимущественно на разработку тѣхъ естественныхъ богатствъ края, обладаніе

которыми они нашли наиболее сподручнымъ и прибыльнымъ. Послѣ того у нихъ оставалась бы забота не устроить технически этотъ механизмъ, а только обезпечить за собой послушное дѣйствіе приставленныхъ къ нему рабочихъ рукъ. Этого обезпеченія господствующій классъ будетъ стараться достигнуть политическими средствами, извѣстной системой законодательства, приспособленной къ цѣли организаціей сословій, соотвѣтственнымъ устройствомъ правительственныхъ учреждений. Все это съ теченіемъ времени во многомъ измѣнитъ народное хозяйство, вызоветъ въ немъ много новыхъ отношеній, и всѣ эти новые экономическіе факты будутъ слѣдствіями предшествовавшихъ имъ фактовъ политическихъ. Думаемъ, что такимъ или подобнымъ такому процессомъ создавались многія государства средневѣковой Европы, образовавшіяся изъ провинцій Римской имперіи

Можетъ показаться, что разница между обоими указанными порядками явленій ощутительнѣе въ ихъ схемахъ, чѣмъ въ исторической дѣйствительности, что оба они вели къ одинаковому историческому результату: вытекали ли политическіе факты изъ экономическихъ или наоборотъ — въ томъ и другомъ случаѣ наступалъ моментъ, когда оба ряда фактовъ начинали дѣйствовать вмѣстѣ, влияя другъ на друга, и на ихъ взаимодѣйствіи созидался общественный порядокъ, характеръ котораго зависѣлъ отъ вызванныхъ этимъ взаимодѣйствіемъ новыхъ сочетаній тѣхъ и другихъ фактовъ, а не отъ первоначальнаго ихъ хронологическаго или причиннаго отношенія другъ къ другу, не оттого, которые изъ нихъ предшествовали другимъ и были ихъ источникомъ. Мы думаемъ напротивъ, что это первоначальное отношеніе кладетъ печать на всю послѣдующую судьбу общества, что характеръ взаимодѣйствія политическихъ и экономическихъ фактовъ, всѣ ихъ дальнѣйшія сочетанія во многомъ зависятъ отъ того, которые

изъ нихъ предшествовали другимъ и были ихъ причиною. Представимъ себѣ еще разъ ходъ дѣла во второмъ изъ описанныхъ выше историческихъ процессовъ. *Сила*, механически вторгнувшаяся въ общество со стороны или образовавшаяся внутри его и вооруженной рукой захватившая распоряженіе народнымъ трудомъ, становится *властью*, чтобы мирно пользоваться плодами захвата; съ цѣлью обезпечить за собой завоеванныя экономическія выгоды, она создаетъ такой государственный *порядокъ*, посредствомъ котораго она, ставъ его движущей пружиной, могла бы распоряжаться народнымъ трудомъ, не прибѣгая постоянно къ своему первоначальному средству дѣйствія, къ оружію. Основанія государственнаго устройства, отношенія къ верховной власти и къ другимъ сословіямъ при такомъ ходѣ дѣлъ привлекаютъ къ себѣ заботливое вниманіе господствующаго класса; вопросы государственнаго права выступаютъ на первый планъ, составляютъ самыя видныя явленія въ исторіи общества; частныя гражданскія отношенія лицъ, какъ и ихъ экономическое положеніе, устанавливаются подъ прямымъ вліяніемъ этихъ вопросовъ, въ прямой зависимости отъ того, какъ они разрѣшаются, а не наоборотъ, — и это потому, что господствующій классъ старается такъ опредѣлить свои политическія отношенія, чтобы можно было мирно пользоваться экономическими выгодами, пріобрѣтенными завоеваніемъ. Такимъ образомъ, гдѣ политическіе факты шли впереди, давая направленіе хозяйственной жизни народа, тамъ исторія получала, такъ сказать, боевой характеръ: вооруженная борьба смѣнялась борьбой политической, оружіе передавало свое дѣло закону, и работа обѣихъ силъ, оружія и права, направлялась къ одной цѣли, къ упроченію обладанія властью, а властью дорожили потому, что она доставляла обладаніе народнымъ трудомъ; подъ вліяніемъ этой борьбы всѣ отношенія обострялись, учрежденія и классы получали рѣзкія очертанія. Иной ха-

рактерь получала жизнь, гдѣ не политическая сила, захвативъ господствующій въ странѣ капиталъ, становилась распорядительницей народнаго труда, а наоборотъ господствующій капиталъ страны создавалъ изъ своихъ владѣльцевъ политическую силу, правительственный классъ. Такой ходъ дѣла обыкновенно встрѣчаемъ тамъ, гдѣ исторія начиналась съ начала, съ первичныхъ процессовъ общежитія, гдѣ трудъ только еще начиналъ овладѣвать силами природы и его скудные успѣхи ни въ комъ не возбуждали завоевательнаго аппетита. Вліяніе на общество пріобрѣталось здѣсь не оружіемъ или правомъ и не закрѣплялось обычными средствами власти, хартіями и учрежденіями: люди добровольно отдавались тому, въ чьихъ рукахъ скоплялся капиталъ, кто давалъ имъ хлѣбъ, т. е. средства для работы; дѣйствительная власть часто дѣйствовала безъ атрибутовъ правительственнаго авторитета, основанія общественнаго порядка не обозначались явственно, не проводились послѣдовательно въ практикѣ отношеній, формами демократіи иногда прикрывалась очень замкнутая и себялюбивая олигархія, вообще факты неполно и неточно отражались въ правѣ.

Который изъ указанныхъ выше процессовъ господствовалъ въ нашей исторіи — этотъ вопросъ нельзя считать въ числѣ рѣшенныхъ. По отношенію къ исторіи нашего общества его можно выразить въ такой формѣ: какой изъ двухъ моментовъ, политическій или экономической, предшествовалъ другому въ образованіи нашихъ общественныхъ классовъ и всегда ли одинъ и тотъ же изъ нихъ шелъ впереди другаго?

Видимъ, что у насъ общество иногда начинало разчленяться по роду занятій, по свойству капиталовъ, а потомъ уже сообразно съ значеніемъ разныхъ капиталовъ въ хозяйствѣ общества опредѣлялось политическое значеніе разныхъ его классовъ, распредѣлялись между ними права и обязанности.

Довольно послѣдовательно развивался этотъ процессъ въ исторіи Новгорода. Рано освободившись отъ непосредственнаго давленія со стороны князя и служилой аристократіи, этотъ вольный городъ усвоилъ себѣ формы демократическаго устройства. Но еще раньше усилъ вѣнчій торговли, ставшей главнымъ жизненнымъ нервомъ города, создали въ немъ нѣсколько крупныхъ торговыхъ домовъ, которые были руководителями новгородской торговли и въ силу этого сдѣлались потомъ руководителями новгородскаго управленія, правительственной аристократіей, господство которой однако всегда оставалось простымъ фактомъ, не сопровождалось отміной демократическихъ формъ новгородскаго устройства. И все общество Новгорода Великаго устроилось по образцу его вершины: новгородскія сословія были собственно торгово-промышленные разряды, гильдіи, политическое значеніе которыхъ точно соответствовало ихъ торговому вѣсу. Боярство превратилось постепенно въ кругъ главныхъ капиталистовъ-дисконтеровъ, которые не столько сами вели торговые обороты, сколько направляли ихъ, ссужая торговцевъ своими капиталами. Такую же роль играли въ мѣстной промышленности слѣдовавшій за боярами классъ «житыхъ людей», капиталистовъ средней руки. Ниже тѣхъ и другихъ стояли «купцы», настоящіе торговцы или агенты крупныхъ фирмъ, кредитовавшіеся у бояръ и житыхъ людей или дѣйствовавшіе по ихъ порученіямъ. Наконецъ «черные люди», ремесленники и рабочіе, брали работу и деньги для работы у высшихъ классовъ. На самомъ низу соціальной лѣстницы въ Новгородской землѣ помѣщались классы, дальше всѣхъ стоявшіе отъ главнаго источника богатства и политическаго значенія, именно «земцы», мелкіе землевладѣльцы, и «смерды» съ «половниками», крестьяне, работавшіе на государственныхъ или частныхъ земляхъ: это были сельскіе, а не городскіе классы, и въ политической жизни вольнаго города они зна-

чили гораздо меньше, чѣмъ даже городскіе «черные люди»; половники являются уже съ признаками полусвободныхъ крестьянъ, приближавшихся къ холопамъ.

Въ другихъ областяхъ древней Руси изслѣдователь наблюдаетъ другіе социальныя процессы и притомъ одинъ на другой непохожіе. Въ нашей исторіи можно отмѣтить двѣ эпохи, когда потребности внѣшней обороны вызывали напряженное развитіе военныхъ силъ страны. Въ XV и XVI в. государство создало усиленной вербовкой многочисленный вооруженный классъ, которому постепенно передало посредствомъ вотчинныхъ и помѣстныхъ дачъ огромный земельный капиталъ. Помощію этого капитала и соединенныхъ съ нимъ привилегій этотъ классъ въ XVII в. взялъ въ свое распоряженіе огромное количество земледѣльческаго труда. Дворянство, образовавшееся изъ этого класса, долго и съ большою пользою служило странѣ, обороняя ее отъ враговъ, никогда не завоевывало общества, но въ XVIII в., уже освободившись отъ обязательной службы, оно такъ правило обществомъ, что въ странахъ, гдѣ дворянство считало себя потомками завоевателей, власть его не отличалась ни болѣею энергіею и широтою привилегій, ни болѣшими злоупотребленіями. Точно также въ IX в. внѣшнія опасности создали по большимъ городамъ Поднѣпровья значительный вооруженный классъ для обороны границъ и торговыхъ путей. Иногда оружіемъ, чаще не однимъ оружіемъ, онъ подчинилъ своимъ городамъ и потомъ своимъ князьямъ-вождямъ большую часть восточныхъ Славянъ и сталъ правительственнымъ классомъ. Но по роду капитала, по своему экономическому положенію онъ долго былъ товарищемъ промышленнаго городского населенія, изъ котораго онъ вышелъ, долго дѣлился съ этимъ населеніемъ выгодами внѣшней торговли и только два-три вѣка спустя сталъ дѣлать замѣтные успѣхи въ землевладѣніи, и хотя иѣкогда онъ завоевалъ большую часть страны, ему по раз-

нымъ причинамъ не удалось достигнуть полнаго обладанія обществомъ.

Такъ въ исторіи нашего общества повидимому господствовали смѣшанные процессы. Иногда образованіе сословій и у насъ какъ будто начиналось политическимъ моментомъ: общественное дѣленіе первоначально основывалось на различіи правъ и обязанностей, и уже потомъ классы, обособившіеся политически, стремились обособиться и экономически, занявъ въ народномъ хозяйствѣ мѣсто соотвѣтственно своему политическому положенію. Но у насъ въ эту социальную работу обыкновенно вмѣшивались условія, которыя измѣняли ея первоначальное направленіе, лишали ее послѣдовательности развитія и приводили не къ тому концу, къ какому была она направлена своимъ началомъ. Въ этомъ вмѣшателствѣ источникъ одной изъ самыхъ характерныхъ особенностей нашей исторіи, въ которой простѣйшія политическія и общественныя формаціи создавались посредствомъ очень сложныхъ процессовъ, короткія разстоянія проходились длинными извилистыми путями. Изъ такихъ условій укажемъ на одно очень важное по своимъ послѣдствіямъ. Исторія нашего общества измѣнилась бы существенно, еслибы впродолженіе 8—9 столѣтій наше народное хозяйство не было историческимъ противорѣчіемъ природѣ страны. Въ XI в. масса русскаго населенія сосредоточивалась въ черноземномъ среднемъ Поднѣпровьѣ, а къ половинѣ XV в. передвинулась въ область верхняго Поволжья. Казалось бы, въ первомъ краѣ основаніемъ народнаго хозяйства должно было стать земледѣліе, а во второмъ должны были получить преобладаніе внѣшняя торговля, лѣсные и другіе промыслы. Но внѣшнія обстоятельства сложились такъ, что пока Русь сидѣла на днѣпровскомъ черноземѣ, она преимущественно торговала продуктами лѣсныхъ и другихъ промысловъ и принялась усиленно пахать, когда пересѣла на верхневолжскій суглинокъ. Слѣдствіемъ этого было то, что

изъ обѣихъ руководящихъ народно - хозяйственныхъ силъ, какими были служилое землевладѣніе и городской торговый промыселъ, каждая имѣла неестественную судьбу, не успѣвала развиваться тамъ, гдѣ было наиболѣе природныхъ условій для ея развитія, а гдѣ развивалась успѣшно, тамъ ея успѣхи были искусственны и сопровождались задержкой народныхъ успѣховъ въ другихъ отношеніяхъ.

Итакъ исторія общественныхъ классовъ у насъ не отличается простотой и однообразіемъ своихъ процессовъ. Изслѣдователь, хорошо изучившій происхожденіе и развитіе западно-европейскихъ сословій, не встрѣтитъ у насъ повторенія знакомыхъ ему явленій: онъ встрѣтитъ сходные моменты и условія, но встрѣтитъ ихъ въ своеобразныхъ сочетаніяхъ и при невиданныхъ имъ внѣшнихъ обстоятельствахъ. Во всякомъ случаѣ исторія западно-европейскихъ общественныхъ классовъ не можетъ дать полного отвѣта на вопросъ о томъ, какъ созидались европейскія общества.

Обращаясь къ изученію боярской думы, авторъ не надѣялся изобразить съ достаточной послѣдовательностью и полнотой исторію ея политическаго значенія и правительственной дѣятельности. Тѣмъ больше вниманія обращалъ онъ на то, въ чемъ выражалась непосредственная связь учрежденія съ обществомъ, на соціальныи составъ думы, на происхожденіе и значеніе классовъ, представители которыхъ находили въ ней мѣсто. Составомъ своимъ дума касалась только верхнихъ слоевъ древнерусскаго общества; потому исторія изучаемаго нами учрежденія даетъ возможность слѣдить за складомъ общества, насколько онъ отражался въ образованіи общественныхъ вершинъ.

Г Л А В А I.

Въ боярскомъ совѣтѣ кievскаго князя X в. еще сидѣли представители класса, правившаго обществомъ раньше князя съ его боярами.

Древнѣйшіе памятники нашей исторіи сообщаютъ намъ очень мало извѣстій объ устройствѣ управленія на Руси до половины XI в., до смерти Ярослава I. Среди этихъ скудныхъ извѣстій получаютъ особенную цѣну черты, которыми они изображаютъ учрежденіе, стоявшее во главѣ тогдашней княжеской администраціи. Съ этимъ учрежденіемъ знакомитъ насъ рассказъ начальной лѣтописи о дѣлахъ князя Владиміра Святаго. При кievскомъ князѣ въ концѣ X в. встрѣчаемъ правительственный классъ или кругъ людей, которые служатъ ближайшими правительственными сотрудниками князя. Эти люди называются то *боярами*, то *дружиной* князя и составляютъ его обычный совѣтъ, съ которымъ онъ думаетъ о ратныхъ дѣлахъ, объ устроеніи земли: «бѣ Володимеръ любя дружину, говоритъ начальная лѣтопись, и съ ними думая о строи земленѣмъ и о ратехъ и о уставѣ земленѣмъ». Итакъ эта боярская или дружинная дума была обычнымъ, постояннымъ совѣтомъ князя по дѣламъ военнаго и земскаго управленія. Со времени принятія христіанства подлѣ князя являются новые совѣтники, епископы. Извѣстный русскій священникъ Иларіонъ, ставшій въ 1051 г. митрополитомъ кievскимъ, въ своемъ похвальномъ словѣ «кагану» Владиміру пишетъ, что этотъ просвѣтитель Русской земли, «съ новыми отцы нашими епископы снимаяся (собираясь) часто, съ многимъ смиреніемъ свѣщавашеся, како въ человекѣхъ сихъ, новопознавшихъ Господа, законъ уставити». Въ начальной лѣтописи находимъ рассказъ изъ временъ Владимірова кня-

женія, который подтверждаетъ слова Иларіона и вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ, что совѣщанія князя съ духовными совѣтниками не ограничивались установленіемъ церковнаго закона въ новопросвѣщенномъ обществѣ, но касались и очень важныхъ вопросовъ государственнаго законодательства. Когда умножились разбои на Руси, епископы посовѣтовали князю замѣнить прежнее наказаніе за это преступленіе новымъ. До тѣхъ поръ, какъ узнаемъ изъ этого разсказа, за разбой вѣдали *виру*, денежную пеню. Теперь епископы посовѣтовали князю замѣнить виру за разбой «казнью», сказавъ: «достоитъ ти казнити разбойника, но со испытаніемъ». Князь принялъ совѣтъ, отмѣнилъ виры и началъ казнить разбойниковъ. Вслѣдъ за этимъ постановленіемъ, внесшимъ важную перемену въ уголовное право, лѣтопись разсказываетъ о финансовой мѣрѣ, внушенной также епископами и вмѣстѣ съ тѣмъ внесившей дальнѣйшее измѣненіе въ дѣйствовавшую систему наказаній. Тогда шла непрерывная борьба съ Печенѣгами, требовавшая усиленныхъ расходовъ. Епископы сказали князю: «война теперь большая; если случится вира, пусть идетъ она на оружіе и на коней». Князь принялъ и этотъ совѣтъ ¹⁾.

Рядомъ съ боярами и епископами въ составѣ думы Владиміра присутствовалъ еще третій элементъ. Онъ появляется въ разсказѣ начальной лѣтописи раньше принятія христіанства княземъ. Когда возникалъ вопросъ, выходившій изъ ряда обычныхъ дѣлъ княжескаго управленія, совѣтниками князя вмѣстѣ съ боярами являлись еще *старцы градскіе*. Въ 983 г., когда Владиміръ, воротясь изъ похода на Ятвяговъ, приносилъ жертву кумирамъ своимъ, «старцы и боляре» посовѣтовали ему принести въ жертву

¹⁾ Лѣтопись по Лавр. списку, стр. 124. Прибавленія къ Твор. Св. Отц., ч. 2, стр. 245 Объясненіе обоихъ постановленій см. ниже въ приложеніи I.

отрока и дѣвицу, выбравъ ихъ по жребію. Въ 987 г. Владиміръ созвалъ «боляры своя и старцы градскіе», чтобы посовѣтоваться о вѣрахъ, которыя предлагали ему разные иноземные миссіонеры. Когда воротились изъ Царьграда мужи, посланные для испытанія вѣръ, тотъ же князь опять собралъ бояръ своихъ и старцевъ, чтобы выслушать отчетъ пословъ объ ихъ поѣздкѣ. Эти извѣстія встрѣчаемъ въ лѣтописномъ сказаніи, въ которомъ подозрѣваютъ значительную примѣсь легенды. Но старцы градскіе присутствуютъ въ думѣ князя и подаютъ голосъ вмѣстѣ съ епископами по такимъ дѣламъ, о которыхъ начальная лѣтопись рассказываетъ безъ замѣтной примѣси легенды: обратить виры на вооруженіе ратныхъ людей посовѣтовали Владиміру вмѣстѣ съ епископами и старцы. Изъ разсказа лѣтописи не видно, одни ли кіевскіе старцы садились въ думѣ князя рядомъ съ боярами и епископами, или приглашали туда и старѣйшинъ другихъ городовъ; по крайней мѣрѣ въ другихъ случаяхъ рядомъ съ боярами и кіевскими старцами являлись при князѣ и иногородные старѣйшины. На знаменитыхъ пирахъ, которые задавалъ Владиміръ по воскресеньямъ или по случаю построенія новой церкви, онъ любилъ видѣть вокругъ себя верхи тогдашняго русскаго общества, представителей господствующихъ классовъ, «нарочитыхъ мужей». Счастливо избѣгнувъ опасности при нападеніи Печенѣговъ на Василевъ, князь построилъ въ городѣ церковь и «сотворилъ праздникъ великій», продолжавшійся 8 дней; на этотъ пиръ, вмѣстѣ съ боярами и областными правителями, посадниками, князь пригласилъ и «старѣйшинъ по всеѣмъ градомъ». Внесенная въ древнюю лѣтопись повѣсть о крещеніи Владиміра соединяетъ бояръ и городскихъ старѣйшинъ подъ однимъ общимъ названіемъ «дружины», которымъ обозначались собственно служилые люди князя. Созвавъ бояръ и старцевъ, чтобы выслушать отчетъ посланныхъ для испы-

танія вѣрь, князь обратился къ посламъ съ словами: «скажите предъ дружиною». Но съ другой стороны тѣже старцы градскіе являются представителями неслужилаго населенія: въ древнѣйшемъ спискѣ начальной лѣтописи они иногда называются старцами *людскими*, а «людьми» тогда назывались въ отличіе отъ служилыхъ «княжихъ мужей» простые люди, престонародье ¹⁾).

Въ этихъ городскихъ старцахъ обыкновенно видятъ остатки древнихъ родовыхъ союзовъ, нѣкогда господствовавшихъ у восточныхъ Славянъ: это родовые старшины, преемники тѣхъ родоначальниковъ, которые правили восточными Славянами до появленія пришлыхъ князей въ Кіевѣ, когда, по словамъ древней *Повѣсти* о началѣ Русской земли, «живяху каждо съ своимъ родомъ, владѣюще каждо родомъ своимъ». Византійскіе писатели, рассказывая о Славянахъ VI—VII в. и въ частности о Славянахъ восточныхъ, обитавшихъ по сѣверному берегу Чернаго моря, которыхъ они называли иногда Тавроскиѳами, говорятъ о многочисленныхъ царькахъ или филархахъ, которыми управлялись эти племена, не повиновавшіяся единому верховному властителю. Эти царьки или филархи и были отдаленными социальными, если не генеалогическими предками нашихъ градскихъ старцевъ X вѣка ²⁾. Но такой

1) Лѣтоп. по Лавр. списку, стр. 122, примѣчанія.

2) Соловьева, Ист. Росс. I, по 4 изданію стр. 238, и его же статья о нравахъ Славянъ въ Архивѣ историко-юрид. свѣдѣній, г. Калачова, кн. 1, отд. 1, стр. 19 и 20. Эверсъ видѣлъ въ старцахъ почетнѣйшихъ мужей въ знаменитѣйшихъ воинскихъ родахъ Кіева, мужей, которые по своей старости и опытности имѣли рѣшительное преимущество передъ своими согражданами Древн. русское право, въ переводѣ Платонова, стр. 244. Рейцъ нерѣшительно видитъ въ старцахъ знатныхъ начальниковъ племенъ, которые перешли въ классъ знатнѣйшихъ слугъ князя. Истор. рос. законовъ, въ переводѣ Морошкина, стр. 29 и слѣд. Г. Иловайсій считаетъ город-

взглядъ не даетъ отвѣта на два вопроса. Если въ Кіевѣ и подобныхъ ему большихъ городахъ X в. родовые союзы хранили еще столько цѣльности и силы, что были въ состояніи поддержать политическое значеніе своихъ старѣйшинъ при дворѣ кіевского князя; то еще бѣльшей крѣпостью должны были отличаться роды, не понавивіе въ большіе города, разсѣянные по селамъ, гдѣ было больше возможности обособиться, жить «съ родомъ своимъ на своемъ мѣстѣ», избѣгая разрушительныхъ для родоваго союза ежедневныхъ столкновеній съ чужеродцами, какія неизбежны въ городѣ. Что случилось съ этими сельскими родами и почему незамѣтно участія ихъ старѣйшинъ въ правительственной дѣятельности кіевского князя? Съ другой стороны, Кіевъ и другіе города Поднѣпровья, по разсказу древней *Повѣсти о началѣ Русской земли* ¹⁾, въ IX в. не призывали къ себѣ князей съ ихъ дружинами, а принуждены были волей неволей принять ихъ, когда они пришли сюда. Съ теченіемъ времени жизнь вмѣстѣ, общіе интересы и общія предпріятія могли сблизить властныхъ и вооруженныхъ пришельцевъ съ верхнимъ слоемъ туземнаго общества. Но въ первое время пришедшая сила должна была живѣе чувствовать, чѣмъ чувствовала потомъ, свое превосходство передъ туземцами или свое недовѣріе къ нимъ; по происхожденію и соціальному положенію обѣ стороны должны были тогда стоять дальше другъ отъ друга, чѣмъ стояли потомъ, и однако потомъ старцы городскіе или людскіе, представители неслужилаго общества, городского

скихъ старцевъ домовладыками, наиболѣе зажиточными и семейными людьми города. Ист. Россіи, ч. 2, стр. 301.

1) Эта „Повѣсть временныхъ лѣтъ, откуда есть пошла Русская земля“, занесенная въ начальную лѣтопись, какъ введеніе къ ней, по нѣкоторымъ признакамъ составлена, какъ мы думаемъ, около половины XI в., не позже смерти Ярослава I.

простонародья, не являются такими обычными совѣтниками кievскаго князя, какими были они въ X в.

Чтобы объяснить историческое происхожденіе и значеніе городскихъ старцевъ X в., мы должны сдѣлать небольшое отступленіе и коснуться первоначальной исторіи городовъ на Руси ¹⁾.

Исторія Россіи началась въ VI в. на сѣверовосточныхъ склонахъ и предгорьяхъ Карпатъ, на томъ обширномъ водораздѣлѣ, гдѣ берутъ свое начало Днѣстръ, оба Буга, правые притоки верхней Вислы, какъ и правые притоки верхней Припяти. Обозначая такъ начало нашей исторіи, мы хотимъ сказать, что тогда и тамъ впервые застаемъ мы восточныхъ Славянъ въ общественномъ союзѣ, о происхожденіи и характерѣ котораго можемъ составить себѣ хотя нѣкоторое представленіе, не касаясь труднаго вопроса, когда, какъ и откуда появились въ томъ краю эти Славяне. Въ тотъ вѣкъ среди прикарпатскихъ Славянъ господствовало воинственное движеніе за Дунай противъ Византіи, въ которомъ принимали участіе и вѣтви славянства, раскинувшіяся по сѣверовосточнымъ склонамъ этого горнаго славянскаго гнѣзда. Это воинственное движеніе сомкнуло племена восточныхъ Славянъ въ большой военный союзъ, политическое средоточіе котораго находилось на верхнемъ теченіи западнаго Буга и во главѣ котораго стояло съ своимъ княземъ жившее здѣсь племя Дулѣбовъ-Волынянъ. Остаются неясны причины, разрушившія этотъ союзъ; можно думать только, что это тѣже причины, которыя повели къ другому еще болѣе важному послѣдствію, къ расселенію восточныхъ Славянъ съ карпатскихъ склоновъ далѣе на востокъ и сѣверовостокъ. Нападенія на

¹⁾ Предлагаемый здѣсь очеркъ этой исторіи есть сокращеніе II—V главъ изслѣдованія, помѣщенныхъ въ №№ 1, 3, 4 и 10 Русской Мысли за 1880 г.

Византію взволновали, приподняли Славянъ съ насиженныхъ мѣсть. Нашествіе Аваровъ (во второй половинѣ VI в.) на карпатскихъ Славянъ, которые то воевали противъ нихъ, то вмѣстѣ съ ними громили имперію, еще болѣе усилило броженіе среди восточныхъ Славянъ. Византійскіе писатели VI и начала VII в. застаютъ ихъ въ состояніи такого напряженнаго движенія. Славяне живутъ какъ разбойники, всегда готовые подняться съ мѣста, въ неприступныхъ тущобахъ, поселками, разсѣянными по лѣсамъ и берегамъ многочисленныхъ рѣкъ ихъ страны: такъ описываетъ ихъ Маврикій, а Проконій замѣчаетъ, что они живутъ въ плохихъ разбросанныхъ по-одиночкѣ хижинахъ и часто переселяются. Слѣдствіемъ этихъ переселеній и было занятіе Славянами области средняго и верхняго Днѣпра съ его правыми и лѣвыми притоками, какъ и съ воднымъ продолженіемъ этой области, съ бассейномъ Ильмена-озера.

Это передвиженіе совершилось въ VII и VIII в. Днѣпръ скоро сталъ бойкой торговой дорогой для поселенцевъ, могучей питательной артеріей ихъ хозяйства. Своимъ теченіемъ, какъ и своими лѣвыми притоками, такъ близко подходящими къ бассейнамъ Дона и Волги, онъ потянулъ населеніе на югъ и востокъ, къ черноморскимъ, азовскимъ и каспійскимъ рынкамъ. Въ то самое время, съ конца VII в., на пространствѣ между Волгой и Днѣпромъ утвердилось владычество Хозарской орды, пришедшей по аварскимъ слѣдамъ. Славяне, только что начавшіе устроиться на своемъ днѣпровскомъ новосельѣ, подчинились этому владычеству. Съ тѣхъ поръ, какъ въ Хозарію проникли торговые Евреи и потомъ Арабы, хозарская столица на устьяхъ Волги стала сборнымъ торговымъ пунктомъ, узломъ живыхъ и разностороннихъ промышленныхъ сношеній. Покровительствуемые на Волгѣ и на степныхъ дорогахъ къ ней, какъ послушные данники

Хоразмъ, днѣпровскіе Славяне рано втянулись въ эти обороты. Арабъ Хордадбе писалъ въ 860-хъ или въ 870-хъ годахъ, т. е. около того времени, когда по нашей древней *Повѣсти* о началѣ Русской земли въ Новгородѣ утверждался Рюрикъ, а въ Кіевѣ Аскольдъ съ Диромъ; но арабскій географъ знаетъ уже, что русскіе купцы возятъ товары изъ отдаленнѣйшихъ краевъ своей страны къ Черному морю, въ греческіе города, гдѣ византійскій императоръ беретъ десятину съ ихъ товаровъ, что тѣ же купцы ходятъ на судахъ по Волгѣ, спускаются до хозарской столицы, владѣтелю которой также платятъ десятину, выходятъ въ Каспійское море и проникаютъ на юговосточные берега его, даже иногда привозятъ свои товары въ Багдадъ на верблюдахъ ¹⁾). Нужно было не одно поколѣніе, чтобы съ береговъ Днѣпра или Волхова проложить такіе далекіе и разносторонніе торговые пути. Эта восточная торговля Руси оставила по себѣ выразительный слѣдъ, который свидѣтельствуетъ, что она завязалась по крайней мѣрѣ лѣтъ за сто до Хордадбе. Въ монетныхъ кладахъ, найденныхъ въ разныхъ мѣстахъ древней кіевской Руси, самое большое количество восточныхъ монетъ относится къ IX и X. в. Понадались клады, въ которыхъ самыя позднія монеты принадлежатъ къ началу IX вѣка, значительное число относится къ VIII в.; но очень рѣдко встрѣчались монеты VII в. и то лишь самаго конца его. Такъ осязательно обозначается та эпоха нашей исторіи, когда началась усиленная эксплуатація лѣса, который долго питалъ русское народное хозяйство своимъ пушинымъ богатствомъ и бортнымъ пчеловодствомъ, доставляя главныя статьи русскаго вывоза, мѣха, медъ и воскъ.

Къ этому VIII вѣку надобно отнести возникновеніе древнѣй-

¹⁾ Г. Гаркави, Сказанія мусульм. писателей о Славянахъ и Русскихъ, стр. 49.

шихъ большихъ городовъ на Руси. Ихъ географическое размѣщеніе довольно наглядно показываетъ, что они были созданиемъ того торговаго движенія, которое съ VIII в. пошло среди восточныхъ Славянъ по рѣчной линіи Днѣпра - Волхова на югъ и по ея вѣтвямъ на востокъ, къ черноморскимъ, азовскимъ и каспійскимъ рынкамъ. Большинство ихъ (Ладога, Новгородъ, Смоленскъ, Любечъ, Кіевъ) вытянулось цѣпью по этой линіи, образовавшей операціонный базисъ русской промышленности; но нѣсколько передовыхъ постовъ выдвинулось уже съ этой линіи далѣе на востокъ: таковы были Переяславль южный, Черниговъ, Ростовъ. Эти города возникли, какъ сборныя мѣста русской торговли, пункты склада и отправленія русскаго вывоза. Каждый изъ нихъ былъ средоточіемъ извѣстнаго промышленнаго округа, посредникомъ между нимъ и приморскими рынками. Но скоро новыя обстоятельства превратили эти торговые центры въ политическіе, а ихъ промышленные округа въ подвластныя имъ области.

Уже въ первой половинѣ IX в. становятся замѣтны признаки упадка хозарскаго владычества въ южной Россіи. Изъ-за Волги сквозь хозарскія поселенія и кочевья проникаютъ къ Днѣпру Печенѣги. Эта хищная орда начала загораживать торговые пути днѣпровской Руси и отрѣзывать ее отъ приморскихъ рынковъ. Лишившись безопасности, какой пользовались днѣпровскіе города подъ покровомъ хозарской власти, они должны были собственными средствами возстановлять и поддерживать свои старыя торговыя дороги. Тогда они начали вооружаться, опоясываться укрѣпленіями, стягивать къ себѣ боевыя силы и выдвигать ихъ на опасныя окраины страны сторожевыми заставами или посылать вооруженными конвоями при своихъ торговыхъ караванахъ. Первое хронологически опредѣленное иноземное извѣстіе о Руси, сохранившееся въ Бертинской лѣтописи, говоритъ о томъ, что въ 839 г. русскіе

послы жаловались въ Константинополѣ на затрудненіе сношеній Руси съ Византіей «варварскими свирѣпыми народами». Одно изъ первыхъ хронологически опредѣленныхъ извѣстій о Кіевѣ, сохранившихся въ нашихъ лѣтописяхъ, говоритъ о томъ, что въ 867 г. Аскольдъ и Дирь, обороняя этотъ городъ, избили множество Печенѣговъ.

Торговый вооруженный городъ сталъ узломъ первой политической формы, завязавшейся среди восточныхъ Славянъ на новыхъ мѣстахъ жительства. На карпатскихъ склонахъ у нихъ господствовали родовые союзы, которыми руководили родовые и племенные князья, филархи и царьки, какъ ихъ называли византійскіе писатели. Военный волынскій союзъ, во главѣ котораго стоялъ князь Дулѣбовъ, былъ соединеніемъ такихъ родовъ и племенъ. Съ разрушеніемъ этого союза восточные Славяне остались раздѣленными «на многія племена и многочисленные роды», которые еще существовали или о которыхъ по крайней мѣрѣ помнили на Руси въ половинѣ X в., сколько можно судить о томъ по рассказамъ арабовъ Ибнъ-Даста и Масуди¹⁾. Но передвиженіе восточнаго славянства съ карпатскихъ склоновъ разбивало эти племенные и родовые союзы. Одни родичи уходили, другіе оставались; ушедшіе селились на новыхъ мѣстахъ не рядомъ, сплошными родственными поселками, а въ разброску, одинокими, удаленными другъ отъ друга дворами. Къ этому вынуждало тогдашнее состояніе страны, куда направлялась славянская колонизація: каждый выбиралъ для поселенія мѣсто удобное для лова и пашни, а среди лѣсовъ и болотъ такія мѣста не шли обширными сплошными пространствами. Такое топографическое удаленіе членовъ рода другъ отъ друга затрудняло практику власти родоваго старшины надъ всей родней, колебало и затрудняло имущественное общеніе между род-

1) Г. Гаркави въ указанномъ сочиненіи, стр. 137 и 268.

ственными дворами, помрачало въ родичахъ мысль объ общемъ родовомъ владѣнїи, людей разныхъ родовъ дѣлало ближайшими сосѣдами другъ другу. Такъ разрушались юридическія связи рода и подготовлялся переходъ общегитїя на новыя основанія: обязательныя родовыя отношенія превращались въ родословныя воспоминанія, или въ требованія родственнаго приличія, родство замѣнялось сосѣдствомъ. Съ теченіемъ времени успѣхи промысла и торга создавали среди разбросанныхъ дворовъ сборные пункты обмѣна, центры *гостьбы* (торговли), *погосты*; нѣкоторые изъ нихъ превращались въ болѣе значительныя торговыя средоточія, въ города, къ которымъ тянули въ промышленныхъ оборотахъ окрестныя погосты, а города, возникшіе на главныхъ торговыхъ путяхъ, по большимъ рѣкамъ, выросли въ большія торжища, которыя стягивали къ себѣ обороты окрестныхъ городскихъ рынковъ. Такъ племенные и родовые союзы смѣнялись или поглощались промышленными округами. Когда хозарское владычество поколебалось, малые и большіе города начали укрѣпляться и вооружаться. Тогда погосты стали подчиняться ближайшимъ городамъ, къ которымъ они тянули въ торговыхъ оборотахъ, а малые города подчинялись большимъ, которые служили имъ центральными рынками. Подчиненіе вызывалось или тѣмъ, что вооруженный и укрѣпленный городъ завоевывалъ тянувшій къ нему промышленный округъ, или тѣмъ, что населеніе округа находило въ своемъ городѣ убѣжище и защиту въ случаѣ опасности, или тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Такъ экономическія связи становились основаніемъ политическихъ, торговыя районы городовъ превращались въ городовыя *волости*. Въ историческихъ памятникахъ XI и XII в. можно еще замѣтить слѣды всѣхъ этихъ процессовъ; но можно замѣтить и то, что не во всѣхъ мѣстахъ они развивались съ одинаковымъ успѣхомъ и не вездѣ достигли послѣдняго

момента къ тому времени, когда преемникъ Рюрика утвердился въ Кіевѣ. Иныя племена, напримѣръ Древляне, даже въ X в., при преемникѣ Олега, оставались раздѣленными на мелкіе округа, средоточіями которыхъ были города, «дѣлавшіе пивы своя и земли своя», и во главѣ которыхъ стояли какіе-то «добрые князья, пасшіе Деревскую землю», независимые одинъ отъ другаго, хотя иногда и соединявшіеся другъ съ другомъ. Напротивъ Новгородъ, Смоленскъ, Черниговъ, Кіевъ уже въ IX в. успѣли стянуть къ себѣ значительныя области и стать во главѣ ихъ. Но и въ этихъ большихъ городскихъ областяхъ долго еще хранились остатки мелкихъ округовъ, которые нѣкогда были самостоятельными мірами и потомъ прикнули къ тому или другому большому городу. Въ половинѣ XII в. въ Смоленской области находимъ городъ Вержавскъ и рядомъ съ нимъ девять погостовъ, сельскихъ волостей, обозначавшихся общимъ названіемъ «Вержавлянъ Великихъ», а званіе *великихъ* носили въ древней Руси старшіе города, бывшіе самостоятельными главами своихъ областей, напримѣръ Ростовъ, Новгородъ. Точно также Любечъ, вошедшій послѣ въ составъ Черниговской области, въ IX и въ началѣ X в. является независимымъ отъ Чернигова, однимъ изъ главныхъ областныхъ городовъ наравнѣ съ Кіевомъ, Смоленскомъ, Чернигомъ. Эти области старинныхъ большихъ городовъ и легли въ основаніе областного дѣленія, какое видимъ на Руси впоследствии, въ XI и XII в. Этнографическій составъ этихъ городскихъ областей и показываетъ, что онѣ созидались на развалинахъ древнихъ племенныхъ и родовыхъ союзовъ. *Повѣсть* о началѣ Русской земли пересчитываетъ нѣсколько племенъ, на которыя распадалось восточное славянство до появленія князей въ Кіевѣ, и при этомъ довольно отчетливо указываетъ мѣстожителство каждаго племени. Но въ половинѣ IX в. эти племена были уже только этнографическими или геогра-

Фическими группами населенія, а не политическими союзами, хотя, быть можетъ, и составляли нѣкогда такіе союзы. *Повѣсть* смутно помнитъ, что когда-то у каждаго племени было «свое княженіе», но не запомнила ни одного племеннаго князя, который въ IX в. руководилъ бы цѣлымъ племенемъ. Областное дѣленіе Русской земли при первыхъ кievскихъ князьяхъ, въ основаніе котораго легли городовыя области болѣе ранняго происхожденія, далеко не совпадало съ племеннымъ, какъ его описываетъ *Повѣсть*. Не было ни одной области, которая состояла бы изъ одного цѣльнаго племени: большинство ихъ составилось изъ частей разныхъ племенъ; въ нѣкоторыхъ къ цѣльному племени примкнули части другихъ племенъ ¹⁾. Племена, части которыхъ, политически разбившись, притянуты были чужеплеменными большими городами, были именно тѣ, которыя и до этого не имѣли политическаго единства, а последнее не завязалось среди нихъ потому, что у нихъ не было большихъ городовъ, которые могли бы торгомъ или оружіемъ стянуть къ себѣ разрозненныя части своихъ племенъ, прежде чѣмъ сдѣлали это большіе города чужихъ племенъ. Около половины IX в. на длинной рѣчной полосѣ Дибра-Волхова между Кіевомъ и Ладогой положеніе дѣль, можно думать, было таково: изъ восьми занимавшихъ эту полосу славянскихъ племенъ четыре (Древляне, Дреговичи, Радимичи и Вятичи), жившія нѣсколько въ сторонѣ отъ

¹⁾ Полоцкая составилаь изъ вѣтви Кривичей съ частью Дреговичей, Смоленская изъ другой вѣтви Кривичей съ частью Радимичей и, кажется, съ нѣсколькими поселками Дреговичей и Вятичей, Черниговская изъ части Свверянъ съ частью Радимичей и съ большинствомъ Вятичей. Кіевская состояла изъ Полянъ, почти всѣхъ Древлянъ и части Дреговичей, Новгородская изъ племени Ильменскихъ Славянъ съ Изборской вѣтвью Кривичей. Одна Переяславская область имѣла одноплеменное славянское населеніе, состоявшее изъ южной половины Свверянъ.

торгового движенія по главнымъ рѣчнымъ путямъ и слабымъ захваченныя, оставались разбитыми на мелкіе независимые одинъ отъ другаго округа, кажется, промышленные по происхожденію, но по обстоятельствамъ IX в. устроившіеся въ военные союзы, средоточіями которыхъ были земледѣльческіе укрѣпленные пункты, городки, пашущіе свои нивы; у четырехъ другихъ племенъ (Славянъ Ильменскихъ, Кривичей, Сѣверянъ и Полянъ), жившихъ на главныхъ рѣчныхъ путяхъ и принимавшихъ болѣе дѣятельное участіе въ шедшемъ здѣсь торговомъ движеніи, такіе округа уже соединялись подъ руководствомъ большихъ промышленныхъ и укрѣпленныхъ городовъ, образуя шесть или семь крупныхъ городовыхъ областей, которыя захватывали значительныя части этихъ племенъ или цѣлыя племена и даже начинали втягивать въ себя ближайшія поселенія четырехъ другихъ племенъ ¹⁾. Процессъ образованія этихъ областей и расхищенія ими сосѣднихъ племенъ, не успѣвшихъ объединиться, начался до кіевскихъ князей, но завершился уже при нихъ и съ ихъ содѣйствіемъ.

Переходъ на военную ногу, вынужденный виѣшними обстоятельствами IX в., сдѣлалъ большіе промышленные города политическими центрами областей; такое политическое значеніе, въ свою очередь, создало въ этихъ городахъ новый правительственный классъ. Мы не знаемъ, какъ Хозары собирали дань съ подвластныхъ имъ славянскихъ племенъ, какъ правили своими данниками, посредствомъ ли своихъ или туземныхъ уполномоченныхъ. Во всякомъ слу-

¹⁾ Это были области Новгородская, Полоцкая, Смоленская, Черниговская, Кіевская и Переяславская, вѣроятно уже существовавшая въ то время; къ нимъ можно причислить и область Любеча, если только она по своимъ размѣрамъ соответствовала важному торговому значенію этого города въ X в.

чай, вооруженіе города, оборона торговыхъ путей, расширеніе области и укрѣпленіе власти надъ нею — все это создавало большому промышленному городу много новыхъ заботъ. Все это были дѣла правительственныя; но они были тѣсно связаны съ торговыми оборотами, и потому руководителями ихъ прежде всего стали люди, въ чьихъ рукахъ сосредоточивались эти обороты. Такъ въ одно время съ превращеніемъ большихъ городовъ въ политическіе центры промышленныхъ округовъ городской классъ, который держалъ въ рукахъ нити промышленности, пріобрѣталъ власть надъ городомъ и его областью. Одно виѣшнее обстоятельство помогло образоваться этому классу, усиливъ его пришлымъ элементомъ. Въ то время, какъ на южный конецъ торговаго пути Днѣпра-Волхова налегла опасность изъ степи отъ новыхъ кочевниковъ, заставивъ прибрежный торговый міръ запастись ратными людьми, на сѣверномъ концѣ этого рѣчнаго пути появились или чаще прежняго стали появляться пришельцы другого рода. То были Норманны, начавшіе тогда тревожить берега западной Европы и извѣстные тамъ подъ именемъ Дановъ, а у насъ прозванные Варягами. Они появлялись на Волховѣ больше для того, чтобы отсюда Днѣпромъ проникнуть въ богатыя южныя страны, преимущественно въ Византію, и тамъ поторговать, послужить императору, при случаѣ пограбить. И древнее кіевское преданіе, и скандинавская сага представляютъ варяга на Руси прежде всего вооруженнымъ купцомъ, появившимъ туда, чтобы пробраться «въ Греки». Съ тѣхъ поръ рѣчная дорога по Днѣпру-Волхову стала «путемъ изъ Варягъ въ Греки и изъ Грекъ», какъ зоветъ ее древняя *Повѣсть* о началѣ Русской земли. Но военно-торговья нужды прибрежныхъ большихъ городовъ доставляли шедшимъ мимо ихъ Варягамъ выгодныя занятія и на этомъ пути, заставляя значительную часть ихъ здѣсь осаживаться. Сходство занятій и интересовъ сближало пришельцевъ съ

туземными руководителями промышленности по большимъ городамъ: тѣ и другіе были вооруженные торговцы; содѣйствіе первыхъ было полезно вторымъ для расширенія городовыхъ областей и укрѣпленія ихъ за своими городами; тѣ и другіе одинаково нуждались въ безопасныхъ торговыхъ путяхъ къ черноморскимъ и каспійскимъ рынкамъ. Присутствіе этихъ иноземцевъ на Руси становится замѣтно уже въ первой половинѣ IX в., въ одно время съ «варварскими свирѣпыми народами», начавшими грозить сношеніямъ Руси съ Византіей, и эти иноземцы являются на Руси не простыми прохожими, а исполнителями порученій туземной власти: люди, которые въ 839 г., по разсказу Бертинской лѣтописи, въ Константинополѣ объявили себя послами отъ народа Руси, пришедшими «ради дружбы», оказались потомъ Шведами. Съ того времени Варяги приливали на Русь въ такомъ изобиліи, что кіевское общество XI в., историческія воспоминанія котораго передаетъ *Повѣсть* о началѣ Русской земли, склонно было даже преувеличивать численность этихъ пришельцевъ. Въ XI в. ихъ представляли на Руси такимъ густымъ наноснымъ слоемъ въ составѣ русскаго населенія, который уже въ IX в. распространился по главнымъ городамъ тогдашней Руси и въ нѣкоторыхъ даже закрылъ собою туземцевъ, «первыхъ насельниковъ»: по мнѣнію автора *Повѣсти*, Новгородцы, прежде бывшіе Славянами, вслѣдствіе прилива варяжскихъ «находниковъ» стали «людьми отъ рода варяжска», а Кіевъ, по одному преданію, будто бы и основанъ Варягами, которые были его первыми насельниками ¹⁾).

Такъ правительственный классъ, взявшій въ свои руки военно-торговую дѣла главныхъ областныхъ городовъ, составилъ изъ двухъ элементовъ, изъ вооруженныхъ промышленниковъ туземныхъ и заморскихъ. Этотъ классъ создалъ

¹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣтописей, VII, стр. 268.

въ большихъ городахъ то военно-промышленное управленіе, которое много вѣковъ оставалось господствующимъ типомъ городского устройства на Руси. Все вооруженное населеніе города раздѣлилось на десять ротъ или *сотенъ*, изъ которыхъ каждая подраздѣлялась на *десятки*; такимъ образомъ весь городъ составлялъ полкъ или *тысячу*. Этой тысячей командовалъ тысяцкій, какъ военный управитель города; ему подчинены были предводители частей тысячи, сотскіе, десятскіе. Замѣчательно, что только главные города старинныхъ областей образовали полныя тысячи; младшіе города или пригороды не были такими цѣльными полками или тысячами, хотя дѣлились на сотни подобно старшимъ. Такъ Псковъ долго былъ новгородскимъ пригородомъ и только съ XIV в. сталъ самостоятельнымъ главой особой волости; онъ также дѣлился на сотни, но во все время своей самостоятельной жизни не составлялъ тысячи и не имѣлъ тысяцкаго въ составѣ своей администраціи ¹⁾. Изъ преданій IX в. не запало въ наши древніе памятники ни одного намека на то, какъ эти тысяцкіе, сотскіе и другія городовыя власти назначались на свои должности. Но въислѣдствіи на противоположныхъ окраинахъ Русской земли, сѣверной и южной, встрѣчаемъ двѣ правительственныя формы, которыя при всѣхъ своихъ мѣстныхъ особенностяхъ были родственны по происхожденію, обѣ отлились по типу древняго городского устройства: одна была въ Новгородѣ,

¹⁾ Впрочемъ, гдѣ правительственный порядокъ устанавливался князьями, а не самимъ городскимъ обществомъ, тамъ и пригороды, становясь стольными великокняжескими городами, устроились въ тысячи: такъ встрѣчаемъ тысяцкихъ въ двухъ бывшихъ ростовскихъ пригородахъ, во Владимірѣ на Клязьмѣ въ XIII в. и въ Москвѣ въ XIV в. Тысяцкаго имѣлъ и Новгородъ Нижній, когда сталъ великокняжескимъ городомъ. Сторожевое укрѣпленіе въ Киевской землѣ Бѣлгородъ, возникшее при св. Владимірѣ изъ княжескаго дворцоваго села, при Мономахъ также было „тысячей“.

другая въ казачествѣ. Тамъ и здѣсь управленіе было выборное. Но казачество было чисто военнымъ товариществомъ, и потому казацкій кругъ отличался демократическими привычками: при избраніи войсковой старшины тамъ всё выбирали и каждый могъ быть выбранъ. На вѣчевой сходкѣ въ Новгородѣ также выбирали всё, но далеко не изъ всёхъ, а только изъ одного довольно тѣснаго круга лицъ. Это различіе происходило оттого, что военное устройство Новгорода осложнялось дѣйствіемъ торговаго капитала. Собранный на вѣчѣ городъ представлялъ собою верховную власть въ правительственныхъ дѣлахъ; но внѣ вѣча промышленными дѣлами согражданъ руководили крупные капиталисты. Изъ ихъ круга державный городъ обыкновенно и выбиралъ свою правительственную старшину, что сообщало новгородскому управленію аристократическій характеръ. Правительственный порядокъ въ большихъ русскихъ городахъ IX в., всего вѣроятнѣе, былъ ближе къ позднѣйшему новгородскому, который изъ него прямо и развился. Едвали тысячи и другія власти этихъ городовъ назначались гдѣ-либо хозарскимъ правительствомъ: съ того времени, какъ Печенѣги, проникнувъ въ область нижняго Днѣпра, поколебали хозарское владычество въ южной Руси, Хозары не могли дѣятельно вмѣшиваться въ управленіе подвластныхъ имъ Славянъ, хотя и продолжали нѣкоторое время брать съ нихъ дань.

Такъ до половины IX в. русскій городъ пережилъ рядъ экономическихъ и политическихъ переворотовъ. Возникнувъ среди разрушавшихся старыхъ племенныхъ и родовыхъ союзовъ, изъ погоста, изъ незначительнаго, но счастливо помѣщеннаго сельскаго рынка, онъ превращался въ средоточіе нѣсколькихъ такихъ рынковъ, становился сборнымъ пунктомъ обширнаго промышленнаго округа. Успѣхи торговли создавали въ немъ кругъ торговыхъ домовъ, которые вочлали оборотами округа, служа посредниками между ту-

земными производителями и иноземными рынками, а внѣшняя опасность заставили его потомъ вооружиться и укрѣпиться. Тогда его торговый округъ превратился въ подвластную ему область, а изъ его главныхъ торговыхъ домовъ, подкрѣпленныхъ вождями заморскихъ варяжскихъ компаній, составилаь военно-торговая аристократія, которая взяла въ свои руки управленіе городомъ и его областью. Эту торговую аристократію городовъ начальная лѣтопись въ разсказѣ о временахъ князя Владиміра и называетъ «нарочитыми мужами», а выходившихъ изъ нея десятскихъ, сотскихъ и другихъ городскихъ управителей «старцами градскими» или «старѣйшинами по всеѣмъ градомъ». Таково было значеніе и происхожденіе городскихъ старцевъ: это образовавшаяся изъ купечества военно-правительственная старшина торговаго города, который внѣшнія обстоятельства въ IX в. заставили вооружиться и устроиться повоенному.

Но въ концѣ X в., во времена князя Владиміра, политическое положеніе городской старшины было уже не то, какъ въ первой половинѣ IX в. До кievскихъ князей классъ, черезъ эту старшину правившій городомъ и его областью, былъ здѣсь единственной правительственной силой. Въ X в. онъ уже долженъ былъ дѣлиться выгодами власти съ соперникомъ, созданію котораго самъ болѣе всего содѣйствовалъ. Это были князь съ своей дружиной, выдѣлившіеся изъ той же военно-торговой аристократіи большихъ городовъ. Ходъ этого выдѣленія можно представить въ такихъ общихъ чертахъ. Въ X в. слѣды военно-промышленной аристократіи замѣтны и въ малыхъ городахъ среди племень, жившихъ въ сторонѣ отъ главныхъ рѣчныхъ путей, гдѣ потому не образовалось большихъ торговыхъ средоточій. Такъ изъ переданной въ начальной лѣтописи былины объ Ольгиной мести видимъ, что въ Древлянской землѣ было нѣсколько городовъ, подобныхъ Искоростѣню, жители

котораго убили кн. Игоря. Эти города, пахавшіе свои нивы, были повидимому укрѣпленными средоточіями земледѣльческихъ селеній, т. е. руководителями небольшихъ сельскихъ волостей. Ими управляли независимые одинъ отъ другаго «князья»; во времена лѣтописца кіевское преданіе помнило даже имя одного изъ этихъ князьковъ Мала, такъ неудачно посватавашагося къ вдовѣ Ольгѣ. Но эти князья «держали» землю не одни, а съ цѣлымъ правительственнымъ классомъ «старѣйшицъ» и «лучшихъ мужей». Повидимому эти князья были не болѣе какъ только вождями мѣстной старшины, этихъ «лучшихъ мужей, иже держашу Деревскую землю», т. е. которые руководили мѣстной промышленностію и обороняли свои мелкія волости отъ внѣшнихъ опасностей. Слѣды подобнаго политическаго быта замѣтны и у другаго племени, среди котораго не успѣлъ образоваться большой промышленный городъ, у Вятичей. Завязку такой мелкой старшины надобно отнести къ тому же времени, когда складывались крупныя городовыя области, когда внѣшнія опасности всюду пробуждали потребность огородиться подъ защитой и руководствомъ привычныхъ къ оружію людей. У Древлянъ и Вятичей князьки и старѣйшины были повидимому люди туземнаго происхожденія. Но тамъ, куда усиленно приливали вооруженныя компаніи изъ за моря, пришлый элементъ въ составѣ правительственнаго класса получалъ перевѣсъ, а гдѣ притомъ и внѣшняя опасность чувствовалась сильнѣе, тамъ военные интересы брали верхъ надъ интересами мирнаго промысла. Тогда городъ съ своей областью получалъ характеръ варяжскаго владѣнія, военнаго княжества: изъ центрального рыцка округа онъ превращался въ постоянный укрѣпленный лагерь, изъ котораго рѣже выходили купеческіе караваны, чѣмъ вооруженныя толпы для набѣговъ; вождь города изъ выборнаго тысяцкаго или добраго князя-пастыря, какъ называли Древляне своихъ князей, превращался въ военнаго

властителя, варяжскаго конунга, а кормъ, который получалъ онъ съ своей дружиной за военныя услуги съ оберегаемой области, замѣнялся данью или окупомъ, какого потребовали въ 980 г. у Владиміра посадившіе его въ Кіевѣ Варяги, сказавъ князю: «вѣдь городъ-то нашъ, мы его взяли». Въ IX в. встрѣчаемъ четыре такихъ варяжскихъ княжества: Рюриково въ Новгородѣ, Труворово въ Изборскѣ, Синеусово въ Бѣлозерской землѣ, Аскольдово въ Кіевѣ; въ X в. являются еще два, Рогволодово въ Полоцкѣ и Турово въ Туровѣ. Въ *Повѣсти* о началѣ Русской земли такимъ же точно фактомъ открывается разсказъ о призваніи князей изъ-за моря. Здѣсь читаемъ, что еще до прихода Рюрика съ братьями Варяги изъ заморья брали дань на Славянахъ новгородскихъ, Чуди и на другихъ сѣверныхъ племенахъ, которыя потомъ выгнали пришлыхъ властителей и перестали платить имъ дань. Преданіе не помнило, когда и какъ основалось это варяжское владѣніе, кто былъ вождемъ Варяговъ, долго ли продолжалось ихъ владычество; но оно помнило послѣдствія вторженія, дань, возстаніе данниковъ и изгнаніе пришельцевъ. Стороннимъ наблюдателямъ эти варяжскія владѣнія на Руси казались дѣломъ настоящаго завоеванія: одинъ изъ нихъ писалъ, что «племена сѣвера», т. е. Норманны, завладѣли нѣкоторыми изъ Славянъ и по сіе время обитаютъ между ними, даже усвоили себѣ ихъ языкъ, смѣшавшись съ ними ¹⁾. При содѣйствіи этихъ военныхъ варяжскихъ княжествъ оборонительная борьба, какую вели промышленные русскіе города съ степью, перешла въ наступательную: по замѣчанію одной лѣтописи ²⁾, Рюрикъ съ братьями, какъ только усѣлись на своихъ княженіяхъ, «начаша воевати всюду». Рядъ воин-

1) Еврей X в. Ибрагимъ въ отрывкахъ, приведенныхъ у араба Ал-Бекри. А. Куника и бар. Розена, Извѣстія Ал-Бекри и другихъ авторовъ о Руси и Славянахъ. Ч. 1, стр. 46 и 54.

2) Полн. Собр. Русск. Лѣтописей, VII, 268.

ственныхъ морскихъ набѣговъ Руси на далекіе черноморскіе и каспійскіе берега, начавшійся еще въ первой половинѣ IX в., закрылъ собою мирныя торговыя сношенія русскихъ городовъ прежняго времени; но онъ имѣлъ тѣсную связь съ этими сношеніями: то были вооруженныя рекогносцировки русскаго купечества съ цѣлю прочистить засорившіеся пути русской торговли и открыть доступъ къ приморскимъ рынкамъ. Исходнымъ пунктомъ этихъ смѣлыхъ предпріятій, сборнымъ мѣстомъ русскихъ витязей ¹⁾ былъ Кіевъ: у этого города, находившагося, по выраженію араба X в. Ибнъ-Даста, на самой границѣ страны Славянъ, сходились главныя рѣчныя дороги Руси; все движеніе русской промышленности прекращалось, какъ скоро перехватывалась врагами ея водная дѣйпривская артерія ниже Кіева. Поэтому въ Кіевѣ издавна скоплялось много Варяговъ: не даромъ одно попавшее въ лѣтопись преданіе считаетъ ихъ первыми обитателями Кіева, а по словамъ *Повѣсти* о началѣ Русской земли Аскольдъ могъ набрать здѣсь столько Варяговъ, что отважился напасть на самый Царьградъ. Поэтому же военно-торговая аристократія другихъ промышленныхъ городовъ готова была поддерживать и издавна поддерживала всякаго вожда, направлявшагося къ Кіеву, чтобы отсюда возстановить старыя пути русской торговли. Аскольдъ съ Диромъ, отдѣлившіеся отъ дружины новгородскаго конунга Рюрика, безъ борьбы утвердились въ Кіевѣ, не встрѣтивъ препятствій на своемъ пути; шедшаго по ихъ слѣдамъ преемника Рюрикова Олега дѣйпривскіе города Смоленскъ, Любечъ и тотъ же Кіевъ также встрѣтили безъ замѣтной борьбы. Конунгъ, сидѣвшій въ Кіевѣ, держалъ въ своихъ рукахъ нити русской промышленности. Отсюда соперничество между конунгами за этотъ городъ. Бродячіе искатели торговыхъ барышей, хорошихъ кормовъ за военныя услуги или воен-

¹⁾ Русская форма скандинавскаго викинга.

ной добычи, они перебивали другъ у друга ратныхъ людей, доходные города, выгодные торговые пути. Безконечная усобица русскихъ князей XI и XII в. за города, за волости родилась еще въ IX в. Кіевъ по своему значенію для русской промышленности болѣе другихъ городовъ вызывалъ это соперничество. Олегъ новгородскій за него погубилъ Аскольда и Дира кіевскихъ; потомъ другой новгородскій конунгъ Владиміръ, истребивъ конунга полоцкаго Рогволода съ сыновьями, погубилъ другаго конунга кіевского Ярополка, собственнаго брата. Изъ этого соперничества вышла первая русская династія: сперва восторжествовалъ родъ Рюрика, истребивъ или подчинивъ себѣ своихъ соперниковъ, другихъ такихъ же конунговъ; потомъ въ родѣ Рюрика восторжествовало племя младшаго его правнука Владиміра. Эта династія, утвердившись въ Кіевѣ и пользуясь экономическимъ его значеніемъ, постепенно стянула въ свои руки разрозненныя дотолѣ части Русской земли.

Такъ первый опытъ политическаго объединенія Русской земли былъ дѣломъ того же интереса, которымъ прежде созданы были независимыя одна отъ другой городовыя области, дѣломъ виѣшней русской торговли. Руководившая этими областями военно-торговая аристократія большихъ городовъ поддержала самага сильнаго изъ конунговъ, помогла ему укрѣпиться въ Кіевѣ, а потомъ военными походами и торговыми договорами съ Византіей возстановить и обезпечить торговыя сношенія съ приморскими рынками. Это общее дѣло разрозненныхъ дотолѣ областныхъ торговыхъ городовъ было завершеніемъ давнихъ усилій русскаго промышленнаго міра, которому съ начала IX в. враги начали загораживать торговые пути къ Черноморью и Каспію. Та же аристократія помогла кіевскимъ князьямъ распространить свою власть изъ Кіева. Этимъ содѣйствіемъ объясняется неодинаковый успѣхъ князей въ подчиненіи разныхъ племенъ. Гдѣ этотъ классъ былъ сосредоточенъ въ

большихъ торговыхъ центрахъ, какъ у Сѣверянъ черниговскихъ или переяславскихъ, тамъ вся область безъ борьбы или послѣ легкой борьбы подчинялась кievскому князю, увлекаемая своей старшиной, тянувшей къ нему по единству интересовъ и частію даже по племенному родству. Напротивъ, Древлянъ или Вятичей, у которыхъ, при отсутствіи центрального властнаго города, этотъ классъ былъ разбитъ на мелкія мѣстные общества, кievскимъ князьямъ пришлось завоевывать по частямъ, долгой и упорной борьбой. Значитъ, военно-торговая аристократія большихъ городовъ была одною изъ самыхъ дѣятельныхъ силъ въ созданіи политическаго единства Руси, которое тѣмъ и началось, что этотъ классъ сталъ собираться подъ знаменами вышедшаго изъ его среды кievскаго князя. Но это политическое объединеніе класса было началомъ его соціального раздѣленія. Его прошлое сообщило ему двойственный характеръ: руководя торговыми оборотами городовыхъ областей, онъ былъ для нихъ и военно-правительственной силой. Теперь его боевые элементы начали переходить въ дружину кievскаго князя, образуя новый правительственный классъ «княжихъ мужей», получавшій уже не мѣстное, а общерусское значеніе. Другіе болѣе мирные люди того же класса оставались на своихъ мѣстахъ, продолжая руководить городскими обществами. По нѣкоторымъ признакамъ это соціальное различіе въ первое время поддерживалось различіемъ племеннымъ: въ дружину варяжскаго конунга, утвердившагося въ Кіевѣ, вступали преимущественно его соотчичи, приливъ которыхъ продолжался весь X вѣкъ; благодаря этому слово *бояринъ* долго сохраняло у насъ значеніе знатнаго служилаго варяга ¹⁾.

1) Въ перечняхъ русскихъ пословъ, заключавшихъ договоры съ Греками въ X в., рѣшительно преобладаютъ скандинавскія имена. Въ словѣ о смиреніи, одномъ изъ древнихъ словъ на св. Четырдесятницу, сохранившихъ признаки принадлежности

Такъ изъ правительственнаго класса большихъ городовъ выдѣлился соперникъ, съ которымъ онъ долженъ былъ подѣлиться властью. Впрочемъ при первыхъ кievскихъ князьяхъ соперничество обоихъ классовъ смягчалось памятью объ ихъ недавнемъ товариществѣ, о близкомъ социальномъ родствѣ. Въ X в. между княжеской дружиной и городской торговой аристократіей еще не было значительнаго разстоянія ни экономическаго, ни политическаго. Въ начальной нашей лѣтописи слово *Русь*, этимологическое и историческое происхожденіе котораго доселѣ остается не объясненнымъ, имѣетъ измѣнчивое значеніе, то географическое, то племенное, то сословное: подъ нимъ разумѣются и Кіевская земля въ тѣсномъ смыслѣ, и пришлые Варяги въ отличіе отъ туземцевъ Славянъ, и высшій классъ, собравшійся вокругъ кievскаго князя, безъ различія племеннаго происхожденія. Отсюда можно заключить между прочимъ, что начальная лѣтопись рассказываетъ о временахъ, когда въ составѣ русскаго общества мѣшались племена и начинали раздѣляться сословія. Константинъ Багрянородный и арабскіе писатели X в. противопоставляли Русь Славянамъ, какъ господствующій классъ престопадобью, которое платило дань Руси. Но можно замѣтить, что арабы къ этому господствующему классу по сходству экономическаго быта причисляли и городское купечество, не умѣя отличить его отъ княжеской дружины. Одинъ изъ

первымъ временамъ христіанства на Руси, проповѣдникъ представляетъ современнаго ему русскаго боярина непременно челоукомъ одного племени съ кievскими мучениками-варягами. „Не хвались родомъ, благородный, поучаетъ онъ, не говори: отецъ у меня бояринъ, а мученики Христовы братья мнѣ“. Это намекъ на варяговъ-христіанъ, отца съ сыномъ, пострадавшихъ отъ кievскихъ язычниковъ при кн. Владимірѣ въ 983 г. См. объ этихъ словахъ въ Прибавленіяхъ къ твор. св. отцовъ, ч. XVII, кн. 1, стр. 34, и Опис. слав. рукоп. Синод. библ., отд. 2, Прибавленіе, стр. 89.

нихъ зналъ Русь того времени, когда кievскій князь съ своими намѣстниками изъ Кіева и другихъ главныхъ городовъ Руси завоевывалъ славянскія племена, еще оставшіяся независимыми, продолжая дѣло, начатое городской старшиной прежняго времени ¹⁾. По его словамъ, Русь не имѣетъ ни недвижимаго имущества, ни пашень, и единственный ея промыселъ — торговля мѣхами; но эта же торговая Русь «производитъ набѣги на Славянъ, подъѣзжаетъ къ нимъ на корабляхъ, высаживается, забираетъ ихъ въ плѣнъ, отвозитъ къ Хозарамъ и Болгарамъ и продаетъ тамъ». Изъ договоровъ Руси съ Греками X в. знаемъ, что князь кievскій, его родня и бояре были тогда главные русскіе купцы, посылавшіе съ своими агентами торговые корабли въ Византію. Но между тѣмъ какъ правительственный классъ Руси торговалъ, торговая аристократія большихъ городовъ продолжала пользоваться правительственнымъ значеніемъ. Городскія общества оставались въ ея рукахъ. Города и при князьяхъ сохраняли свое прежнее военное устройство; ихъ полки участвовали въ походахъ княжеской дружины подъ начальствомъ городской старшины. Князь Владиміръ на свои воскресные пиры приглашалъ вмѣстѣ съ боярами и сотскихъ, десятскихъ и нарочитыхъ мужей. Не принадлежа къ княжеской дружинѣ, эти сотники и десятники городовъ въ X в. повидимому еще выбирались самими горожанами. Но трудно сказать, что случилось съ главнымъ вождемъ городского полка, съ тысяцкимъ, который, по выраженію лѣтописей XI—XIII в., держалъ воеводство своей тысячи и «весь рядъ» ²⁾. Позднѣе, въ XI и XII в., эта важная должность не была уже выборной: тысяцкаго назначалъ самъ князь изъ членовъ

1) Ибнъ-Даста, писавшій приблизительно въ 930-хъ годахъ. Г. Гаркави, Сказанія мусульм. писателей о Славянахъ и Русскихъ, стр. 267 и сл.

2) Лаврент. лѣт. 201 и 450.

своей дружины, изъ своихъ «мужей». Въ 1089 г. тысяцкимъ въ Кіевѣ былъ Янъ, который въ разсказѣ кіевскаго лѣтописца является дружинникомъ князя, вліятельнымъ бояриномъ. Отца этого Яна Вышату Ярославъ I назначилъ въ 1043 г. воеводой въ походѣ на Грековъ, куда посланы были дружина князя и городовые полки. Но читая разсказъ лѣтописи объ этомъ походѣ, легко замѣтить особенную близость Вышаты къ этимъ полкамъ. Рядомъ съ нимъ видимъ особаго «воеводу Ярославля», вѣроятно командовавшаго собственно княжей дружиной. Когда бурей выбросило на берегъ нѣсколько тысячъ городского ополченія, никто изъ княжей дружины не хотѣлъ вести ихъ домой; одинъ Вышата сказалъ: «я пойду съ ними; останусь ли живъ или погибну—только съ своими вмѣстѣ». Это сообщаетъ вѣроятность догадкѣ, что Вышата былъ кіевскимъ тысяцкимъ ¹⁾. Можетъ быть, Вышата по происхожденію принадлежалъ къ городской неслужилой знати, но служба въ санѣ тысяцкаго по назначенію князя ввела его съ сыномъ въ княжескую дружину. Точно также новгородская знать XI — XII в., занимая должности въ мѣстной администраціи по назначенію князя, получила значеніе и званіе служилаго боярства. Такъ прежняя старшина большихъ городовъ преобразовывалась въ княжескую дружину. Назначая тысяцкаго изъ среды городской знати, князь могъ поручать эту должность и члену своей дружины, но съ согласія города. Нѣчто подобное было съ должностью кіевского тиуна, городского судьи, въ 1146 г., когда князь обѣщалъ кіевлянамъ замѣщать ее «по ихъ волѣ». Тѣмъ или другимъ порядкомъ назначенія тысяцкаго могли примиряться и въ X в. притязанія обѣихъ силъ, дѣлившихъ между собою власть надъ обществомъ. Эта

¹⁾ Тамъ же, стр. 201, 212, 271, 150. Соловьевъ, I, 252 по 4 изданію.

политическая и экономическая близость двух господствующих классовъ и обозначилась присутствіемъ городской старшины въ совѣтѣ князя Владиміра рядомъ съ княжеской дружиной, городскихъ старцевъ рядомъ съ боярами.

Г Л А В А П.

Съ XI в. правительственный совѣтъ при князѣ кievской Руси является однословнымъ, боярскимъ.

Пока новое правительство, князь съ дружиной, не укрѣнилось и нуждалось въ помощи городской знати, изъ которой оно само вышло, обѣ общественныя силы стояли очень близко другъ къ другу. Весь X вѣкъ онѣ дѣйствуютъ дружно и остаются очень похожи одна на другую, вмѣстѣ воюютъ и торгуютъ, вмѣстѣ обсуждаютъ въ думѣ князя важнѣйшіе вопросы законодательства. Но потомъ обѣ эти силы, столь родственныя по происхожденію, расходятся все дальше. Это взаимное удаленіе обнаруживается съ половины XI в., при дѣтяхъ Ярослава; оно было подготовлено разными обстоятельствами. Княжеское правительство, устроившись и укрѣпившись въ административномъ и военномъ отношеніи, стало меньше нуждаться въ содѣйствіи городского управления и городовыхъ полковъ. Княженіе Владиміра, когда городскіе старѣйшины такъ часто появлялись въ княжескомъ дворцѣ рядомъ съ боярами, было временемъ самой напряженной борьбы съ степью. Тогда кievское правительство всюду усиленно искало ратныхъ людей. Но страшное пораженіе, нанесенное Ярославомъ Печенѣгамъ въ 1036 г. подъ стѣнами Кіева, на нѣкоторое время развязало руки правительству съ этой

стороны. Въ то же время стало замѣтно расширяться политическое и экономическое растояніе между княжеской дружиной и городской аристократіей. Служебныя преимущества все болѣе сообщали первой значеніе дворянства, низводя послѣднюю въ положеніе простыхъ мѣщанъ. Торговые успѣхи распространили въ страиѣ значительный оборотный капиталъ, подняли денежныя доходы правительственнаго класса насчетъ дохода натурой и ослабили его непосредственное участіе въ торговыхъ операціяхъ городовъ. Появленіе у бояръ привилегированной земельной собственности, признаки которой становятся замѣтны съ XI в., еще болѣе удалило этотъ классъ отъ городского общества, владѣвшаго торговымъ капиталомъ.

Подъ вліяніемъ этихъ перемѣнъ отношенія между обоими господствующими классами облеклись въ своеобразныя политическія формы, которыя существенно измѣнили составъ правительственной думы при князѣ и самое ея значеніе. Въ Кіевѣ, стольномъ городѣ великаго князя, и въ областныхъ городахъ, гдѣ сидѣли его младшіе родичи, при преемникахъ Ярослава, какъ и при его предкахъ, князь съ совѣтомъ своихъ бояръ стоялъ во главѣ управленія. Но прежде этотъ совѣтъ былъ единственнымъ высшимъ правительственнымъ учрежденіемъ; теперь онъ долженъ былъ считаться съ *внцемъ*, сходкой стольнаго города, дѣятельность которой до XI в. не оставила замѣтныхъ слѣдовъ въ уцѣлѣвшихъ памятникахъ нашей исторіи. Читая нѣкоторыя извѣстія кіевской лѣтописи XI и XII в., можно подумать, что и при болѣе дѣятельномъ участіи городского вѣча въ политическихъ дѣлахъ княжескій совѣтъ оставался въ прежнемъ составѣ, представители городскихъ міровъ сохраняли ту же близость къ князю и его боярамъ, какая существовала между ними во времена кн. Владиміра. Въ 1096 г. князя Святополкъ и Мономахъ позвали Олега черниговскаго въ Кіевъ подумать вмѣстѣ, «рядъ учинить»

передъ епископами и игуменами, передъ мужами отцовъ своихъ и передъ «людьми градскими» о томъ, какъ оборонить землю Русскую отъ поганыхъ. Въ важныхъ или торжественныхъ случаяхъ великіе князья звали къ себѣ «Кіянъ» на совѣщаніе или на пиръ, какъ дѣлалъ Владиміръ ¹⁾. Но эти Кіяне, *люди градскіе*, не были прежніе городскіе старѣйшины, *старцы людскіе*. Городовая старшина, т. е. тѣ высшіе сановники, тысяцкій съ сотскими, которые сидѣли въ думѣ кн. Владиміра, теперь назначались княземъ изъ его дружины и не были уже представителями городскихъ міровъ. О тысяцкомъ лѣтопись прямо указываетъ на это; о сотскихъ можно такъ думать потому, что въ немногихъ лѣтописныхъ извѣстіяхъ, ихъ касающихся, они являются въ составѣ княжеской администраціи рядомъ съ тысяцкими ²⁾. Этой переменой объясняется, почему съ XI в. лѣтопись не говоритъ о городскихъ старѣйшинахъ: ихъ мѣста въ городскомъ управленіи занимали уже члены княжей дружины; въ нее вступали и люди городской знати, назначенные на эти мѣста княземъ, а такое назначеніе лишало ихъ характера городскихъ старцевъ. Но обезсиливаемая этими переходами и вытѣсняемая изъ городского управленія княжей дружиной, аристократія большихъ городовъ не утратила своего мѣстнаго значенія. Отдалившись отъ княжей дружины, она стала ближе къ городскому простонародью, руководила вѣчемъ и въ столкновеніяхъ послѣдняго съ княземъ являлась посредницей между ними.

¹⁾ Лаврент. 222. Ипат. 160, 288 и 290.

²⁾ Ипат. 231, 527 и 198: тысяцкій Путята, братъ упомянутого выше Яна Вышатича, является по лѣтописи въ числѣ „мужей“, бояръ кн. Святополка. См. тамъ же, стр. 180 и 186. Въ извѣстномъ законѣ Мономаха о ростахъ, занесенномъ въ Русскую Правду, тысяцкіе названы „дружиной“ князя. О сотскихъ см. Ипат. 231 и 509. Излагаемая здѣсь соображенія не относятся къ Новгороду Великому, идѣ съ XII в. дѣла шли инымъ путемъ, какъ увидимъ ниже въ VIII главѣ.

Таковыми посредниками и были тѣ «Кіянне», которые по временамъ приходили къ князю на его дворъ говорить о политическихъ дѣлахъ. Они не были должностными лицами, являлись передъ княземъ въ качествѣ вліятельныхъ вождей городской сходки, и потому лѣтопись называетъ ихъ не «старцами градскими», а просто «лучшими людьми». Въ событіяхъ XII в. довольно явственно выступаетъ такое значеніе этихъ лучшихъ людей. Въ 1146 г. великій кн. Всеволодъ на пути въ Кіевъ изъ похода разболѣлся. Ставъ подъ Вышгородомъ, онъ призвалъ къ себѣ Кіевлянъ и предложилъ имъ въ преемники брата своего Игоря. Тѣ согласились. Явившись съ ними въ Кіевъ, Игорь созвалъ «всѣхъ Кіянъ», которые, собравшись на вѣче, присягнули новому князю. По смерти Всеволода всѣ Кіевляне, собравшись на Ярославовомъ дворѣ, вторично присягнули Игорю, но потомъ, сошедшись на другомъ мѣстѣ, позвали къ себѣ князя. Послѣдній, остановившись съ дружиною поодаль отъ вѣча, послалъ туда брата своего Святослава. Кіевляне начали жаловаться ему на тиуновъ Всеволода и потребовали обязательства, чтобы въ обидахъ князь самъ творилъ праву. Святославъ отвѣчалъ: «цѣлую крестъ за брата, что не будетъ вамъ никакого насилія, будетъ у васъ тиунъ по вашей волѣ». Во время этихъ переговоровъ князь и присутствовавшіе на вѣчѣ горожане были на коняхъ: то были переговоры военнаго общества, вооруженнаго города съ своими вождями. Обѣ стороны, снѣшившись, скрѣпили взаимныя обязательства крестоцѣлованіемъ. Потомъ Святославъ, взявъ съ вѣча «лучшихъ мужей», привелъ ихъ къ ожидавшемуся его Игорю, который, также сошедши съ коня, поцѣловалъ имъ крестъ «на всей ихъ волѣ» и поѣхалъ обѣдать. Эти лучшіе люди, очевидно, не постоянная городская власть, а депутаты вѣча, выбиравшіеся изъ городской знати особо всякій разъ, какъ являлась въ нихъ нужда. Ихъ не видимъ въ думѣ князя рядомъ съ боярами:

князь призывалъ ихъ, чтобы черезъ нихъ сообщить вѣчу рѣшеніе, принятое имъ на совѣтѣ съ своей братіей князьями или съ боярами, и черезъ нихъ же узнать отвѣтъ вѣча. Такими посредниками были и Кіяне, призванные Всеволодомъ подъ Вышгородъ. При-смерти больной князь не могъ много говорить съ большою толпою; онъ только сообщилъ приглашеннымъ свое распоряженіе о преемникѣ, еще за годъ передъ тѣмъ обдуманное имъ сообща съ его ближайшими родичами. Не «лучшіе люди созывались на княжескій дворъ для совѣщанія вмѣстѣ съ его боярами и дружиною подъ непосредственнымъ предсѣдательствомъ самого князя» ¹⁾, а наоборотъ князь съ своими боярами и дружиною иногда являлись на городской площади среди вѣча, чтобы сообща обсудить дѣло и уговориться. Гдѣ лѣтопись ставитъ рядомъ дружину и горожанъ на княжескомъ совѣтѣ, тамъ слѣдуетъ видѣть не одно, а два учрежденія, боярскую думу и вѣче горожанъ, дѣйствующія раздѣльно или соединенно ²⁾. Лѣтопись иногда очень наглядно изображаетъ эти соединенныя присутствія думы и вѣча, если можно такъ выразиться о сходкѣ на городской площади съ участіемъ князя и его дружины. Въ 1147 г. Изяславъ въ Кіевѣ созвалъ бояръ своихъ, всю свою дружину и Кіевлянъ и «явилъ» имъ свою мысль, принятую по совѣту съ братіей, идти на дядю Юрія. Бояре и дружина молчали, т. е. согласились на предложеніе своего князя; но Кіевляне воз-

1) Слова г. Иловайскаго въ его „Исторіи Россіи“, ч. 2, стр. 301. Ипат. 229 и слѣд.

2) См. напримѣръ по Ипатьевскому списку лѣтописи разсказъ о борьбѣ Изяслава съ Юріемъ Долгорукимъ подъ г. 1151, стр. 295: „Вичьславъ же и Изяславъ и Ростиславъ, съзвавше братію свою, и почаша думати... Дружина же Вячеслава и Изяслава и Ростислава и всихъ князій устягивахуть отъ того и Кіяне, наипаче же Черніи Клобуци... Вячеславъ же, Изяславъ и Ростиславъ, послушавше дружины своя и Кіянь и Черныхъ Клобуквъ“....

ражали и между прочимъ заявили, что не могутъ поднять руки на Мономахово племя, т. е. на Юрія. Изяславъ, отвѣтивъ на это: «а тотъ добръ, кто за мной поидеть», выступилъ въ походъ. Нѣсколько времени спустя онъ прислалъ въ Кіевъ посла, приказывая остававшемуся тамъ брату своему, митрополиту и кіевскому тысяцкому созвать Кіевлянъ на вѣче на дворъ къ св. Софіи. Здѣсь въ присутствіи Изяслава брата, владыки и тысяцкихъ обоихъ князей посоль отъ лица Изяслава напомнилъ собравшимся «отъ мала и до велика» горожанамъ прежнее совѣщаніе, предложеніе князя и отвѣтъ Кіевлянъ на него, и пригласилъ ихъ исполнить данное ими на томъ же совѣщаніи слово пойти на Ольговичей черниговскихъ. Очевидно, и прежнее совѣщаніе было такое же вѣче, только съ участіемъ самого князя, его бояръ и всей дружины. Но лѣтописецъ хорошо отличалъ боярскую думу князя отъ городского вѣча и другихъ большихъ народныхъ собраній. Въ 1093 г. въ походѣ на Половцевъ князя Святополкъ, Владиміръ и Ростиславъ на берегахъ Стугны «созваша дружину свою на совѣтъ, хотяче поступити черезъ рѣку, и начаша думати». На этомъ совѣтѣ присутствовалъ и извѣстный намъ Янъ. Онъ со «смысленными мужами» присталъ къ мнѣнію Мономаха, который высказался за миръ съ Половцами. Но Кіевляне были противъ этого мнѣнія, объявили, что хотятъ драться съ погаными, и ихъ голосъ одержалъ верхъ. Эти Кіевляне—кіевскій городской полкъ, участвовавшій въ походѣ. Говоря о совѣтѣ князей съ дружиной, лѣтопись не упоминаетъ о Кіевлянахъ. Но пока князя думали съ боярами, кіевскій полкъ «всталъ» вѣчемъ, сидя на коняхъ, какъ онъ дѣлалъ и въ самомъ Кіевѣ. Когда на этомъ вѣчѣ сдѣлалось извѣстно предложеніе Мономаха, Кіевляне, вооруженная *тысяча*, «не всхотѣша совѣта сего», разошедшись въ этомъ случаѣ даже съ собственнымъ командиромъ, если только Янъ тогда еще оставался въ должности кіевского

тысяцкаго, которую онъ занималъ въ 1089¹⁾). Въ 1187 г. Ярославъ Осмомыслъ, князь галицкій, почувствовавъ близость смерти, созвалъ къ себѣ въ столичный городъ дружину, «мужей своихъ», духовенство всѣхъ соборовъ и монастырей, нищихъ, словомъ всю Галицкую землю, и три дня прощался со всѣми. Но въ это же время у князя разрѣшался вопросъ о передачѣ стола галицкаго младшему сыну Ярослава мимо старшаго и разрѣшался съ одними боярами: князь объ этомъ государственномъ дѣлѣ «молвываетъ мужемъ своимъ» и только имъ. Въ рассказѣ лѣтописи явственно выражается мысль, что собравшіеся въ Галичъ всякіе люди не участвовали въ обсужденіи этого дѣла, не составляли всесловнаго собора или земскаго вѣча ни законодательнаго, ни совѣщательнаго. Подобное явленіе встрѣчаемъ и на суздальскомъ сѣверѣ. Рѣшившись передать свой столъ и старшинство младшему сыну Юрію, Всеволодъ III въ 1212 г. созвалъ «всѣхъ бояръ своихъ съ городовъ и съ волостей и епископа Іоанна и игумены и попы и купцы и дворяны и вси люди» и заставилъ ихъ присягнуть Юрію; но «думцами», съ которыми великій князь «смышлялъ» объ этомъ дѣлѣ, которые послѣ многихъ «словесъ» и пререканій «сдумаша сія тако сотворити», были только бояре князя и епископъ Іоаннъ²⁾).

1) Ипат. 243 и 246. Лавр. 300 и 212.

2) Ипат. 442. Воскрес. въ Полн. Собр. лѣтописей, VII, 117. Никон. II, 311. Точно также Мстиславъ, получивъ Волынское княжество по завѣщанію отъ брата своего Владиміра Васильковича въ 1287 г., пріѣхалъ въ г. Владиміръ, созвалъ бояръ и горожанъ, даже Нѣмцевъ, и велѣлъ прочитать завѣщаніе умирающаго брата. Когда всѣ отъ мала до велика выслушали грамоту, епископъ благословилъ Мстислава на княженіе. Это не совѣщаніе земскихъ людей съ боярами и даже не городское правительственное вѣче въ присутствіи бояръ и князя, а простое оповѣщеніе обывателей о распоряженіи умирающаго князя, сдѣланномъ безъ ихъ участія. Ипат. 596.

Такъ дума и вѣче представляли собою не параллельныя государственныя вѣдомства и не разныя правительственныя инстанціи, а два общественные класса, двѣ различныя политическія силы, другъ съ другомъ соперничавшія. Эти учрежденія различались между собою не столько правительственными функціями, сколько соціально-политическими интересами. Отношенія между обоими классами, интересы которыхъ находили себѣ выраженіе въ думѣ и на вѣчѣ, въ XII в. основывались на взаимномъ соглашеніи, на договорѣ или «рядѣ». Въ старыхъ городахъ кievской Руси этотъ договоръ не успѣлъ развиться въ точно опредѣленныя постоянныя условія, подобныя позднѣйшимъ новгородскимъ, которыя вездѣ имѣли бы одинаково обязательное значеніе: они опредѣлялись обстоятельствами, расширялись или стѣснялись, даже иногда совсѣмъ исчезали, смотря по тому, на которую сторону склонялся перевѣсъ силы. Князь, садясь на какой-либо столъ, долженъ былъ прежде всего «утвердиться съ людьми» обоюднымъ крестоцѣлованіемъ: таково было господствующее мнѣніе. По понятіямъ вѣка всѣ отношенія князя должны были держаться на крестномъ цѣлованіи, договорѣ съ политическими силами времени, среди которыхъ онъ вращался. «Богъ велѣлъ вамъ такъ быть, говорили тогдашнимъ князьямъ: творить правду на семь свѣтѣ, по правдѣ судъ судить и въ крестномъ цѣлованіи стоять». Къ числу этихъ силъ принадлежали и старшіе стольные города: князь долженъ былъ «взять рядъ» съ горожанами, чтобы укрѣпить свой столъ подъ собою ¹⁾. Необходимость этого вытекала изъ положенія, какое занимали тогда обѣ стороны, старшіе города и князья съ своими дружинами. Первый опытъ политическаго объединенія Русской земли былъ дѣломъ дружныхъ усилій торговаго населенія большихъ городовъ и военнаго класса, созданнаго

¹⁾ Ипат. 326, 360, 363, 365 и 375.

въ его средѣ виѣшними опасностями русской торговли IX в. Но это объединеніе разъединило прежнихъ союзниковъ и поставило ихъ другъ противъ друга. Эта перемѣна тотчасъ отразилась на составѣ правительственнаго совѣта при князѣ: представителей городской торговой знати, въ X в. сидѣвшихъ въ думѣ рядомъ съ боярами, не видимъ тамъ въ XI и XII в. Но политическая роль этой знати не пала, а только перемѣстилась на другую сцену: переставъ давать князю совѣтниковъ изъ своей среды, этотъ классъ сталъ заправителемъ городского вѣча. Сами князья помогли этому. Политическое единство Руси, созданное совокупными усиліями обѣихъ общественныхъ силъ, но еще не упроченное, стало разрушаться по смерти Ярослава I. Вѣрные привычкамъ и понятіямъ своихъ предковъ IX в., князья и въ XI в. оставались на русскихъ рѣкахъ морскими набѣдниками, викингими, слабо привязанными къ землѣ. Двухвѣковой дѣятельностію въ русскомъ князѣ выработался типъ, завязавшійся въ самомъ ея началѣ: это военный сторожъ земли, точнѣе—ея торговыхъ путей и оборотовъ. Когда князей появилось много, они стали дѣлиться сторожевыми обязанностями и выгодами, сторожевыми кормами, дѣля между собою и мѣняя области по очереди старшинства. Это очередное владѣніе дѣлало князя бродячимъ гостемъ области, подвижнымъ витяземъ, какимъ онъ былъ два вѣка назадъ. Тогда старшіе города остались одни постоянными и привычными руководителями своихъ областей. Политическія отношенія начали локализоваться по-прежнему: мѣстные міры, стянутые къ Кіеву князьями X в., опять потянули къ своимъ мѣстнымъ центрамъ; пригороды опять, какъ въ-старину, стали послушно принимать то, что рѣшали на вѣчѣ «старѣйшіе» города, и этими «старѣйшими», «властями», какъ ихъ называетъ сѣверный владимірскій лѣтописецъ XII в., являются въ рассказѣ послѣдняго тѣ же самые города, которые стояли во главѣ обла-

стей еще до объединенія Русской земли кievскими князьями, Новгородъ, Смоленскъ, Кіевъ, Полоцкъ ¹⁾). Но по мѣрѣ того какъ князья превращались въ подвижныхъ земскихъ сторожей, перебивавшихъ другъ у друга волости, т. е. волостные кормы, и волостные города въ свою очередь все рѣшительнѣе выступали хозяевами-наемщиками, перебивавшими этихъ сторожей другъ у друга, какъ они поступали нѣкогда. Такъ политическія отношенія XI—XII в. во многомъ были возвратомъ къ порядку, дѣйствовавшему до основанія великаго княжества Кіевского; по крайней мѣрѣ въ этомъ порядкѣ надобно искать первоначальнаго источника тѣхъ отношеній. Русская земля первоначально сложилась изъ самостоятельныхъ городовыхъ областей помощію тѣснаго союза двухъ аристократій, военной и торговой. Когда этотъ союзъ земскихъ силъ распался, составныя части земли стали также возвращаться къ прежнему политическому обособленію. Тогда знать торговаго капитала осталась во главѣ мѣстныхъ міровъ, а аристократія оружія съ своими князьями скользила поверхъ этихъ міровъ, едва поддерживая связь между ними. Борьба этихъ двухъ силъ и была основнымъ фактомъ, изъ котораго развивались политическія явленія при Ярославичахъ: то была борьба двухъ правъ, княжескаго и городского, двухъ земскихъ порядковъ, изъ коихъ одинъ объединялъ землю посредствомъ очереднаго княжескаго владѣнія, другой разбивалъ ее на самостоятельныя городовыя волости. При тогдашнемъ положеніи обѣихъ соперничавшихъ силъ договоръ, «рядъ» оставался единственнымъ выходомъ изъ этой борьбы двухъ порядковъ, единственнымъ средствомъ поддержанія разрушавшихся земскихъ связей.

Такъ правительственный совѣтъ при князѣ сталъ чисто боярскимъ, служилымъ. Но начало договора, лежавшее въ основаніи отношеній князя къ своей братіи и къ старшимъ

1) Лаврент. 358.

городамъ, оказывало сильное дѣйствіе и на отношенія князя къ его вольнымъ слугамъ. Княжескіе споры и распри за старшинство, за очередь давали старшимъ городамъ возможность выбирать между соперниками, не выходя изъ-подъ власти русскаго княжескаго рода. Точно также при переходахъ князей изъ волости въ волость вольные слуги могли переходить отъ князя къ князю, оставаясь на службѣ у русскаго князя. Какъ выборъ князя городомъ велъ къ договору между ними, такъ и вступленіе вольнаго слуги на службу къ князю вызывало соглашеніе между ними, обоюдныя обязательства. Въ княжескихъ отношеніяхъ дружина является на ряду съ господствующими общественными силами, съ которыми приходилось считаться каждому князю, на ряду съ князьями, высшимъ духовенствомъ, старшими городами. Садясь на кіевскій столъ, новый великій князь бралъ рядъ съ братіей, дружиной и горожанами. Дружина отца, переходя на службу къ сыну, цѣловала ему крестъ и при этомъ переходѣ иногда рѣшала судьбу княжескаго стола вопреки княжеской очереди. По смерти Святослава Ольговича въ 1164 г. черниговскій столъ по старшинству принадлежалъ его племяннику Святославу Всеволодовичу. Но дружина покойнаго князя, именно «передніе мужи» его, бояре, хотѣли посадить его сына Олега на опустѣвшій столъ и по думѣ съ княгиней—вдовой и мѣстнымъ епископомъ поцѣловали Спасовъ образъ, поклявшись не посылать за очереднымъ владѣльцемъ до приѣзда Олега. Послѣдній потомъ добровольно уступилъ черниговскій столъ старшему двоюродному брату. Когда князя цѣловали крестъ другъ другу, ихъ клятва скрѣплялась крестоцѣлованіемъ ихъ бояръ. На княжескихъ съѣздахъ дружина, бояре были необходимыми и дѣятельными участниками совѣщаній, вступали въ пренія съ князьями; не считалось возможнымъ рѣшить дѣло соглашеніемъ однихъ князей, безъ согласія ихъ бояръ. Мономахъ подговаривалъ

великаго князя Святополка на поганыхъ. Святополкъ не возражалъ, но отдалъ дѣло на обсужденіе своей дружинѣ. Та, какъ и Мономахова дружина, была противъ похода. Святополкъ послалъ сказать двоюродному брату: «съѣдемся и подумаемъ о томъ съ дружиною». На съѣздѣ Мономахъ держалъ сильную рѣчь къ своимъ и братнимъ боярамъ, чтобы разбить ихъ возраженія, и только когда дружина согласилась съ нимъ, великій князь заключилъ совѣщаніе словами: «я готовъ, братъ, идти съ тобою». Иногда на-противъ князя должны были принимать мнѣніе дружины, отказываясь отъ своего, съ которымъ она не соглашалась: такъ поступили даже настойчивый Изяславъ Мстиславичъ съ братомъ въ 1151 г., во время борьбы съ Юріемъ Дол-горукимъ, когда противъ нихъ высказалась дружина всѣхъ шести присутствовавшихъ на совѣщаніи князей и была поддержана Кіевлянами и Черными Клобуками ¹⁾.

Общественное мнѣніе тогдашней Руси давало большую политическую цѣну боярскому совѣту и считало его необходимою условіемъ хорошаго княжескаго управленія. Если князь не совѣтовался съ своими боярами, если онъ «думы не любяшетъ съ мужми своими», лѣтописецъ XII в. отмѣ-чалъ это, какъ признакъ недобраго князя ²⁾. Отъ свойства совѣтниковъ зависѣли политическіе успѣхи князя, его доб-рыя или враждебныя отношенія къ другимъ князьямъ. Среди житейскихъ афоризмовъ, щедро разсыпанныхъ въ извѣстномъ древнемъ *Словѣ* Даніила Заточника и заимствованныхъ изъ запаса народной наблюдательности, читаемъ такую полити-ческую притчу: «съ мудрымъ думцею князь высока стола додумается, а съ лихимъ думцею думаетъ, и малаго стола лишенъ будетъ» ³⁾. Бояре были ближайшими посредниками

¹⁾ Ипат. 365, 357, 278, 191 (ср. Лаврент. 267), 295 и 368.

²⁾ Тамъ же 444.

³⁾ Въ томъ же *Словѣ*: „Князь не самъ впадаетъ во многія вещи злыя, но думцы вводятъ“; „умныхъ дума добра, тѣхъ бо

между князьями: черезъ нихъ послѣдніе улаживались въ размолокѣ, разбирали свои взаимные счета; крестоцѣлованіе князей скрѣплялось присягой ихъ бояръ на томъ, чтобы «между ними добра хотѣть, честь ихъ стеречь и не ссорить ихъ другъ съ другомъ». Бояринъ Давида Ростиславича Василь донесъ своему князю, что Владиміръ Мстиславичъ, князь волынской, замышляетъ противъ своего племянника, великаго князя Мстислава. Давидъ сказалъ объ этомъ Мстиславу. Приѣхавъ въ Кіевъ, Владиміръ увѣрялъ, что это неправда. Мстиславъ сослался на Давида, который послалъ Василя уличать провинившагося князя, и началась «тяжа», судъ по формѣ. Василь явился съ двумя приставами, Давидовымъ тысяцкимъ и другимъ бояриномъ; представителями обвиняемаго на судѣ были два его боярина, которые спорили съ Василемъ, отрицая взводимое на ихъ князя обвиненіе; но по Василѣ «вылѣзъ послухъ», который подтвердилъ его показаніе. Мстиславъ покончилъ тяжбу однимъ изъ видовъ суда Божія, предложивъ дядѣ поцѣловать крестъ на томъ, что не умышлялъ лиха на племянника. Такимъ общественнымъ значеніемъ бояръ опредѣлялось политическое значеніе боярской думы для князя, которое, можетъ быть, никогда въ тѣ вѣка не выражалось въ видѣ непрѣмьнаго условія, точно формулированнаго боярскаго права, но тѣмъ не менѣе служило основаніемъ отношеній между княземъ и его боярами. Совѣтоваться съ боярами было для князя не столько формальной обязанностью, сколько практической необходимостью. Бояринъ былъ не столько слуга, сколько правительственный сотрудникъ князя, отвѣтственный свидѣтель и участникъ его политическихъ думъ и предпріятій. Князь долженъ былъ «являть» ему свою думу, въ каждомъ важномъ дѣлѣ его предвари-

тельное соглашеніе съ боярами предполагалось само собою: бояре считали себя въ правѣ отказать князю въ своемъ содѣйствіи, если дѣло задумано безъ ихъ вѣдома, а князя, дѣйствовавшаго безъ бояръ, встрѣчали съ недовѣріемъ. Князю принадлежалъ выборъ совѣтниковъ; онъ могъ измѣнять составъ своего совѣта, но не считалъ возможнымъ остаться совѣмъ безъ совѣтниковъ, могъ разойтись съ лицами, но не могъ обойтись безъ учрежденія. Черты, которыми характеризовалось политическое значеніе бояръ, какъ совѣтниковъ князя, особенно полно и осязательно выступаютъ въ дальнѣйшемъ разсказѣ лѣтописи о тѣхъ же князьяхъ Мстиславѣ и Владимірѣ, между которыми шла описанная выше тяжба. Не смотря на данную племяннику клятву, Владиміръ безъ вѣдома своихъ бояръ завелъ сношенія съ Черными Клобуками, поднимая ихъ на Мстислава. Только получивъ отъ варваровъ обѣщаніе дѣйствовать вмѣстѣ, Владиміръ явилъ боярамъ «думу свою». Но дружина сказала ему: «ты это, князь, самъ собою замыслилъ, такъ не ѣдемъ за тобою: мы того не вѣдали». Взглянувъ на свою младшую дружину, на «дѣтскихъ» или отроковъ, князь отвѣчалъ боярамъ: «ну, такъ вотъ эти будутъ моими боярами». Онъ поѣхалъ къ Клобукамъ безъ бояръ; но тѣ встрѣтили его враждебно, сказавъ ему между прочимъ: «ты обманулъ насъ, пріѣхалъ одинъ, безъ братіи и безъ мужей своихъ». Съ этими словами они принялись стрѣлять въ князя и перебили его дѣтскихъ. Мстиславъ отставилъ отъ службы двоихъ изъ своей дружины за то, что ихъ холопы украли коней изъ княжаго стада. Злѣясь на то, отставленные бояре на походѣ князей въ степь наговорили Давиду Ростиславичу, будто Мстиславъ хочетъ схватить его съ братомъ. Ростиславичи повѣрили клеветѣ и потребовали отъ Мстислава новаго крестоцѣлованія на томъ, что онъ не замыслилъ на нихъ лиха. Мстиславъ обратился за совѣтомъ къ своей дружинѣ. Та посоветовала ему согласиться на крестоцѣлованіе, но съ тѣмъ,

чтобы Ростиславичи выдали ссорщиковъ; при этомъ она сказала своему князю: «ты правъ передъ Богомъ и передъ людьми; тебѣ нельзя было того безъ насъ ни замыслить, ни слѣлать, а мы всё вѣдаемъ твою истинную любовь ко всей братіи». Значить, бояре поставили себя въ «послухи», свидѣтели правоты своего князя въ тяжбѣ его съ братіей¹⁾.

Князь XII в. часто думаетъ съ своей дружиной. Разсказъ лѣтописи объ этихъ «думахъ» даетъ понять важное политическое значеніе боярскаго совѣта; но его устройство и значеніе правительственное не раскрываются въ этомъ разсказѣ съ достаточной полнотой. Отношеніе боярскаго совѣта къ князю ясно; но неясно ея отношеніе къ административному механизму, двигателемъ котораго былъ князь съ боярскаго совѣта. Главная причина этого въ томъ, что мы знаемъ боярскаго совѣта того времени почти исключительно по лѣтописи, а лѣтопись выводитъ бояръ-совѣтниковъ почти только въ походахъ князя на враговъ и въ отношеніяхъ его къ другимъ князьямъ. То были чрезвычайные, хотя и частые случаи, такъ сказать, дѣла внѣшней политики князя. Ходъ внутренняго управленія, теченіе ежедневныхъ административныхъ дѣлъ остаются у лѣтописца въ тѣни, въ глубинѣ сцены, на которой разыгрываются описываемыя имъ событія. Благодаря этому многое въ устройствѣ и дѣятельности боярскаго совѣта тѣхъ вѣковъ остается необъяснимымъ.

Обозначая составъ совѣта, лѣтопись XII в. часто говоритъ, что князь думалъ съ своей «дружиной». Но подъ этимъ неопредѣленнымъ выраженіемъ лѣтописецъ разумѣлъ только верхній слой класса, носившаго такое названіе, «старѣйшую» или «большую» дружину, «переднихъ» или «лѣпшихъ мужей», которые были обычными, постоянными

¹⁾ Ипат. 278. О Мстиславѣ и Владимірѣ тамъ же подъ годами 1169 и 1170, стр. 366—371.

совѣтниками князя. Если князь предпринималъ дѣло, «не повѣдавъ мужемъ своимъ лѣпшимъ думы своя», лѣтописецъ отмѣчалъ это, какъ необычное и неправильное явленіе ¹⁾). Въ лѣтописномъ разсказѣ о засѣданіяхъ княжескаго совѣта эти обычные и постоянные совѣтники чаще всего зовутся просто «мужами» или «боярами». Въ исключительныхъ случаяхъ, на походѣ, когда князь спрашивалъ мнѣнія своей младшей дружины, лѣтописецъ точно отличаетъ послѣднюю отъ старшихъ дружинниковъ, замѣчая, что была дума не только съ мужами, но и со *всей* дружиной ²⁾). Въ глазахъ простаго неслужаго населенія и младшая дружина считалась мужами, боярами. Но лѣтопись XI в., какъ и XIII, называетъ ее въ отличіе отъ настоящихъ бояръ «боярцами» или «боярами молодыми». Повидимому *бояринъ* уже тогда получалъ специальное значеніе совѣтника, княжяго «думцы» или «думника»: одинъ князь XII в., герой *Слова о полку Игоревъ*, отличалъ «бояръ думающихъ» отъ «мужей храборствующихъ», отъ военной дружины, не имѣвшей мѣста въ думѣ ³⁾). Выше было разсказано, какъ кн. Владиміръ Мстиславичъ пригрозилъ своимъ несговорчивымъ боярамъ возвести въ званіе бояръ своихъ отроковъ, людей младшей дружины. Изъ этой угрозы можно заключить, что если князь и не возвелъ отроковъ въ бояре, то считалъ пожалованіе боярскаго сана княжескимъ правомъ. Но трудно сказать, чѣмъ руководились князья при этомъ пожалованіи, были ли необходимы какія-либо личныя или генеалогическія качества, чтобы получить это званіе. Очень вѣроятно, что къ концу XII в. на Руси образовался уже

1) Ипат. 357: дружина въ думѣ—передніе мужи; 250: „сзъва дружину свою старвйшую и яви имъ“; 416. Ср. Лаврент. 211 и 361.

2) Ипат. 252 и 266: Изяславъ съ братіей „сзъваша бояры свое и всю дружину свою и нача думати съ ними“.

3) Лавр. 129. Ипат. 604 и 434.

кругъ служилыхъ фамилій, члены которыхъ, достигнувъ надлежащаго возраста, служили боярами при многочисленныхъ княжескихъ дворахъ того времени. По лѣтописи извѣстны случаи, впрочемъ очень рѣдкіе, когда даже въ важной должности кievскаго тысяцкаго являлись преемственно отецъ и сынъ, старшій и младшій братъ. Но въ составѣ дружины, даже въ числѣ бояръ, по крайней мѣрѣ галицкихъ, встрѣчаемъ людей неслужилаго происхожденія, не только изъ духовнаго званія, но и «отъ племени смердья», по выраженію лѣтописца ¹⁾).

Правительственный составъ думы доступенъ изученію не болѣе социальнаго. Трудно сказать, каково было административное положеніе ея членовъ, занимали ли всѣ они какія-либо должности внѣ думы, или правительственное значеніе нѣкоторыхъ ограничивалось званіемъ княжихъ совѣтниковъ. Въ старыхъ областяхъ кievской Руси при княжескихъ дворахъ XII и XIII в. встрѣчаемъ довольно значительный штатъ сановниковъ. То были: *тысяцкій съ сотскими*, обыкновенно командовавшій полкомъ стольнаго города, *дворскій* или *дворецкій*, *печатникъ*, *стольникъ*, *меченоса*, *мечники*, *конюшій*, *спдельничій*, *покладникъ* или *постельничій*, *ловчій*, *ключники* и *тіуны* разныхъ родовъ, *осменникъ* и *мытники*, *биричи*, *подвойскіе*. Нѣкоторыя изъ этихъ должностныхъ лицъ были очевидно дворцовые слуги невысокаго ранга; другія напротивъ входили въ составъ того, что можно назвать высшимъ центральнымъ правительствомъ въ княжествѣ того времени. Тысяцкій и дворскій принадлежали къ «великимъ боярамъ» и въ разсказѣ лѣтописцевъ иногда являются самыми видными и вліятельными сановниками. Волынскій лѣтописецъ XIII в. причис-

¹⁾ По година, О наследственности древнихъ сановъ, въ Архивѣ ист.-юр. свѣдѣній, г. К а л а ч о в а, вн. 1, отд. 1, стр. 78 и 79. Ср. Соловьева, Ист. Росс. III, 15 по 4 изд. Ипат. 508 и 525.

ляетъ къ боярамъ вмѣстѣ съ дворскимъ и стольника, который даже является у него потомъ въ должности дворскаго, а при кн. Андреѣ Боголюбскомъ въ числѣ бояръ и важнымъ дипломатическимъ агентомъ встрѣчаемъ мечника. Печатникъ и меченоша командовали полками, а первый кромѣ того является въ одной провинціи Галицкой земли съ порученіемъ отъ князей устроить мѣстныя дѣла и успокоить общество. Тіуны у князей, какъ и у бояръ, служили по домашнему хозяйству въ городѣ при дворцѣ и въ княжихъ селахъ; принадлежа къ штату простыхъ дворовыхъ слугъ, они отличались отъ «мужей», не входили въ составъ ратной дружины. Но были правительственные тіуны, которымъ князь поручалъ судъ и расправу въ городахъ своего княжества, даже въ столицѣ. Эти городовые судные тіуны были важные сановники съ большою властью: Киевляне въ 1146 г. жаловались на тіуновъ, поставленныхъ вел. кн. Всеволодомъ въ Кіевѣ и Вышгородѣ, говоря, что они неправдами своими «погубили» оба города; идя въ Кіевъ на великокняжескій столъ, князь посылалъ туда напередъ своего тіуна. Если Татищевъ въ своемъ повѣствованіи о полоцкихъ событіяхъ 1217 г. и о княгинѣ Святохнѣ точно передалъ административную терминологию исчезнувшей лѣтописи, изъ которой заимствованъ этотъ любопытный рассказъ; то въ г. Полоцкѣ, какъ и въ Новгородѣ, кромѣ тысяцкаго былъ еще *посадникъ*. Мало того: рядомъ съ этими сановниками тамъ въ числѣ знатнѣйшихъ вельможъ и «главныхъ совѣтниковъ князя» является ключникъ, называвшійся иначе *казначеемъ* ¹⁾.

1) Ипат. 518, 525, 529, 530, 230, 388, 389, 526, 274, 326, 365, 229. Лаврент. 413 и 433. Русская Правда, по изд. г. Калачова, II, 10 и 11. О значеніи осменика въ Кіевѣ XV и XVI в. см. Акт. Зап. Росс. I, №№ 120 и 170, и Михалона Литвина Отрывки въ Архивѣ ист.-юр. свѣдѣній, г. Калачова, II, отд. V, 67. Татищ. III, 403—409. Никон. II, 207.

Въ думѣ князя XII и XIII в. имѣли мѣсто важнѣйшія изъ этихъ должностныхъ лицъ, служившихъ органами княжескаго центрального и дворцоваго управленія. Это можно сказать о дворскомъ, печатникѣ, стольникѣ, меченосцѣ, главномъ мѣчникѣ, казначеѣ. Участіе тысяцкаго въ княжескомъ совѣтѣ извѣстно по лѣтописи; въ смоленскихъ актахъ 1284 г. боярами-совѣтниками князя являются намѣстникъ, соотвѣтствовавшій полоцкому посаднику, и *окольничій*, придворный сановникъ, который становится впервые извѣстенъ по одной изъ этихъ грамотъ, а въ другой, излагающей условія торговаго договора съ Ригой, рядомъ съ боярами и другими совѣтниками смоленскаго князя поставленъ «таможникъ ветхій», повидимому соотвѣтствовавшій кіевскому осменику ¹⁾). Почти всѣхъ этихъ сановниковъ центральной и дворцовой администраціи встрѣчаемъ позднѣе и въ княжескомъ совѣтѣ сѣверовосточной удѣльной Руси. Но въ боярской думѣ на юго-западѣ XII—XIV в. была особеннѣе, которая сближала ее съ польско-литовской радой: это — присутствіе въ ней представителей областной администраціи. Изъ одной статьи Русской Правды видимъ, что въ думѣ великаго князя Владиміра Мономаха, приговорившей ограничить размѣръ роста по долгосрочнымъ займамъ, присутствовали тысяцкіе переяславскій и бѣлгородскій вмѣстѣ съ кіевскимъ. Еще значительнѣе этотъ элементъ въ составѣ думы галицко-волынскаго князя. Впрочемъ составъ галицко-волынскаго совѣта узнаемъ по памятникамъ довольно поздняго времени, составленнымъ наканунѣ паденія политической самостоятельности княжества. Это двѣ сохранившіяся на латинскомъ языкѣ грамоты послѣдняго галицко-волынскаго князя Юрія къ великимъ магистрамъ Нѣмецкаго

1) Русско-Ливонск. акты, № 37. Собр. гос. грам. и договоровъ, II, № 3: „таможникъ ветхій“, вѣроятно, былъ главный таможникъ, староста таможенный, какъ „конюхъ старый“ Русской Правды былъ тунъ или староста конюшія.

ордена о мирѣ и дружбѣ. Здѣсь князь обращается къ магистрамъ съ своими «любезными и вѣрными баронами» или «соратниками». Изъ семи бароновъ-совѣтниковъ князя, поименованныхъ въ одной изъ этихъ грамотъ, четверо были «палатинами», т. е. воеводами или намѣстниками главныхъ городовъ княжества ¹⁾.

Эту особенность можно объяснить характеромъ княжескаго хозяйства и связаннаго съ нимъ княжескаго управленія въ древней кievской Руси. Тамъ главными средствами княжеской казны были правительственные доходы князя, дани, судебныя и другія пошлыны. Въ лѣтописяхъ XII и XIII в. находимъ указанія на дворцовыя княжескія земли, дворы городскіе и загородныя, села, цѣлыя волости и даже города, на то, что князья звали «своею жизнью». Но при тогдашней подвижности князей эти недвижимыя дворцовыя имущества не были значительны, не могли стать главнымъ основаніемъ княжескаго хозяйства. Свой дворецъ, свою дружину князь содержалъ преимущественно тѣмъ, что онъ получалъ какъ правитель и военный сторожъ земли, а не какъ личный собственникъ, хозяинъ. Дворецъ еще не былъ такимъ могущественнымъ центромъ управленія, какимъ онъ сталъ потомъ въ удѣльныхъ княжествахъ на верхневолжскомъ сѣверѣ, гдѣ дворцовая хозяйственная администрація слилась съ центральнымъ управленіемъ, поглотила его и провела рѣзкую административную и хозяйственную грань между дворцовыми и недворцовыми землями, взявъ въ свое непосредственное распоряженіе первыя и отдавъ послѣднія въ руки органовъ областной администраціи, намѣстниковъ и волостелей. Въ бродячей правительственной средѣ старой кievской Руси не могло образоваться такое

¹⁾ Это были „палатины“: белзьскій Михаль Елезаровичъ, перемышльскій Грицко Косачовичъ, львовскій Бориско Кракула и луцкій Ходоръ Отекъ. Обѣ грамоты, писанныя въ 1334 и 1335 г., см. у Карамзина, IV, примѣч. 276.

рѣзкое разграниченіе между дворцовымъ центромъ и на-
мѣстничьей провинціей, уѣздомъ. Сѣвъ на новомъ столѣ,
князь спѣшилъ разсажать по городамъ и волостямъ кня-
жества своихъ мужей и дѣтскихъ, оставляя нѣкоторыхъ
при себѣ для правительственныхъ и дворцовыхъ надобно-
стей. Но всѣ эти большіе и малые «посадники» не теряли
характера лагеря, разсѣявшагося по княжеству на торопли-
вый и кратковременный «покормъ» до скорого похода или
перемѣщенія въ новое княжество. Совѣтуясь съ своими
боярами на походѣ, князь не различалъ между ними двор-
цовыхъ сановниковъ и областныхъ управителей; сидя въ
своемъ стольномъ городѣ, отдыхая между двумя походами,
онъ для рѣшенія важнаго вопроса вмѣстѣ съ сановниками
столичнаго правительства призывалъ къ себѣ посадниковъ
или тысяцкихъ и изъ пригородовъ, кого было нужно и
можно призвать. Признаки нѣкоторой устойчивости и слож-
ности управленія, слѣды развитія дворцоваго штата ста-
новятся замѣтны уже съ XIII в. преимущественно тамъ,
гдѣ князья выбивались изъ очереднаго порядка владѣнія и
дѣлались болѣе осѣдлыми правителями и хозяевами. Можетъ
быть, поэтому старшій ключникъ полоцкаго князя сталъ
однимъ изъ знатнѣйшихъ вельможъ и главныхъ княжихъ
совѣтниковъ. Къ числу такихъ княжествъ принадлежало и
Галицкое. Въ лѣтописи встрѣчаемъ намеки на зарождав-
шійся тамъ контроль надъ областными управителями: въ
1241 г. кн. Даниль съ братомъ послали печатника раз-
слѣдовать незаконныя дѣйствія, «исписати грабительства»
боярь, расхватавшихъ части Галицкой земли въ управленіе.
Галицкій князь располагалъ такими административными
средствами, что могъ сосчитать, сколько погибло народа
въ его княжествѣ отъ Татаръ, въ 1283 г. прошедшихъ
черезъ Галицію, и сосчитать довольно точно, судя по
обозначенной лѣтописцемъ цифрѣ 12,500 ¹⁾. Здѣсь же и

¹⁾ Ипат. 526 и 589.

дворцовые сановники, дворскій и стольникъ, выступаютъ видными управителями и совѣтниками князя. Такимъ образомъ въ составѣ боярской думы въ Галицкомъ княжествѣ XIII и XIV в. можно различить три административные элемента: это были областные воеводы или намѣстники, дворцовые сановники и наконецъ органы того, что можно назвать тогдашнимъ центральнымъ или столичнымъ управленіемъ. Трудно сказать, въ какой степени на такой составъ галицкой думы подѣйствовали политическіе порядки и придворные обычаи двухъ сосѣднихъ странъ, Польши и Венгрии, съ которыми Галиція въ тѣ вѣка имѣла постоянныя сношенія и столкновенія. По крайней мѣрѣ легко замѣтить сходство галицкой думы съ польско-литовской радой и боярскимъ совѣтомъ другой сосѣдней съ Галиціей страны, господарства Молдавскаго, куда изъ Галиціи проникало русское вліяніе, не прекратившееся и послѣ паденія княжества Данила Романовича. По актамъ XIV и XV в. тамъ и здѣсь въ государственномъ совѣтѣ присутствуютъ должностныя лица, напоминающія совѣтниковъ древнихъ кievскихъ и галицкихъ князей значеніемъ и даже иногда названіями своихъ должностей. Но въ польско-литовской радѣ, какъ обозначается ея обычный составъ въ актахъ XV в., преобладали областные управители, воеводы, намѣстники и старосты, иногда соединявшіе съ этими должностями и придворныя званія. Среди «жупановъ», составлявшихъ совѣтъ молдавскаго господаря XV в., самымъ значительнымъ элементомъ былъ сложный штатъ собственно дворцовыхъ сановниковъ ¹⁾. Тотъ же элементъ получаетъ рѣшительное

¹⁾ Это были: великій дворникъ (главный дворецкій), вестіаръ (казначей), стольникъ, чашникъ, пахарникъ (подчашій), комисъ (конюшій), постельникъ. Эти придворные являются въ молдавскихъ актахъ совѣтниками господарей рядомъ съ спатаромъ (меченосей), логоуетомъ (печатникомъ), областными старостами и другими жупанами или боярами. См. Калужняцкаго Documenta moldawskie i multanskie z archiwum miasta Lwowa. 1878. We Lwowie.

преобладаніе въ боярской думѣ сѣверной Руси XIV и XV в. — знакъ, что не столько иноземное вліяніе, сколько постепенное измѣненіе княжескаго хозяйства и связаннаго съ нимъ управленія дѣйствовало на составъ боярской думы въ старыхъ княжествахъ югозападной Руси. На верхней Волгѣ XIV и XV в., какъ и на Прутѣ и нижнемъ Дунаѣ тѣхъ же вѣковъ, складъ боярскаго совѣта былъ развитіемъ того, что завязывалось въ области средняго Днѣпра и верхняго Днѣстра XII в. Уже при дворѣ Владиміра Мономаха, какъ видимъ изъ его *Поученія*, существовали эти «наряды» ловчій, сокольничій и другіе, изъ которыхъ состоялъ дворцовый штатъ московскаго князя удѣльнаго времени.

Памятники XII и XIII в. даютъ немного чертъ для изображенія ежедневной дѣятельности боярской думы. Лѣтопись обыкновенно ограничивается краткимъ замѣчаніемъ, что князь «сдума съ мужи своими», не указывая, сколько совѣтниковъ присутствовало на этихъ «думахъ» или засѣданіяхъ. По другимъ памятникамъ видимъ, что обычныя собранія боярскаго совѣта не были многочисленны. Дума, собранная вел. кн. Владиміромъ Мономахомъ въ подгородномъ селѣ Берестовѣ и постановившая ограничить росты, состояла изъ шести мужей, одинъ изъ коихъ былъ представителемъ князя черниговскаго Олега. Въ 1284 г. смоленскій князь Феодоръ Ростиславичъ разбиралъ споръ нѣмца съ русскимъ: «а ту были на судѣ со мною, замѣчаетъ князь въ своемъ приговорѣ, бояре мои» такіе-то; ихъ названо 6, въ томъ числѣ намѣстникъ, окольничій и печатникъ, печатавшій грамоту. Въ томъ же году смоленское правительство заключило торговый договоръ съ Ригой. Въ трактатѣ обозначены имена 10 членовъ смоленскаго правительственнаго совѣта, его заключившихъ: то были князь Андрей, родственникъ отсутствовавшаго кн. Феодора, намѣстникъ, печатникъ, «таможникъ ветхій», 4 боярина, поименованные безъ обозначенія ихъ должностей, наконецъ намѣстникъ смоленскаго

владыки и «Андрей попъ», можетъ быть духовникъ князя; двоихъ послѣднихъ можно назвать экстренными членами совѣта, присутствовавшими здѣсь только въ особыхъ случаяхъ. Въ упомянутыхъ выше галицкихъ грамотахъ XIV в. названы совѣтники князя, по 7 въ каждой; они не всѣ одни и тѣже въ обѣихъ; одна изъ нихъ въ числѣ «бароновъ и соратниковъ» князя ставитъ и епископа Теодора; въ обѣихъ значитъ среди бояръ дворскій ¹⁾).

Когда князь жилъ дома, совѣтъ собирався при немъ по-видимому ежедневно, рано по утрамъ. Если Владиміръ Мономахъ самъ поступалъ такъ же, какъ въ *Поученіи* совѣтовалъ поступать своимъ дѣтямъ; то обыкновенно, встрѣтивъ молитвой восходъ солнца, сходявъ въ церковь, онъ садился «думать съ дружиной» и «оправливалъ людей», судилъ. Преп. Θεодосій, по разсказу его древняго жизнеописателя, разъ на зарѣ возвращаясь въ Печерскій монастырь отъ великаго князя Изяслава, встрѣчалъ по пути бояръ, которые уже ѣхали во дворець. Но князь часто думалъ съ своими мужами и въ полѣ на походѣ или въ станѣ подъ осажденнымъ городомъ. Походъ обыкновенно сопровождался рядомъ совѣщаній съ боярами; князь не дѣлалъ шага, не размысливъ съ дружиною, не повѣдавъ мужамъ думы своей и не спросивъ ихъ совѣта ²⁾). Пред-

¹⁾ *Judex curiae nostrae*, какъ называетъ его князь въ грамотахъ. Въ латинскомъ описаніи молдо-валахскаго двора, составленномъ въ XVII в., *judex curiae*—великій дворникъ. Калужняцкаго Documenta, 33. Хотя количество совѣтниковъ въ каждомъ засѣданіи по-видимому не имѣло значенія, однако намѣреннаго подбора ихъ княземъ не одобряли въ обществѣ. Намекъ на это можно видѣть въ порицаніи лѣтописцемъ великаго князя Всеволода за то, что онъ подъ старость „нача любити смель уныхъ, совѣтъ творя съ ними“ и пренебрегая старшей дружиной, если только подъ „юными“ разумѣются младшіе бояре, а не младшая дружина. Лаврент. 209. См. другое объясненіе этого мѣста у Соловьева, II, 33.

²⁾ Ипат. 347, 351, 461, 284 и сл., 335, 615, 326. Лаврент. 212, 238 и 242.

метомъ совѣщаній, о которыхъ рассказываетъ лѣтопись, чаще всего служили военныя дѣла и отношенія князя къ братіи, къ другимъ князьямъ. Какъ оборонить землю Русскую отъ поганныхъ, предпринять ли походъ въ степь или въ другую русскую волость противъ соперника, какою идти дорогой, мириться ли съ врагами, какъ подѣлиться волостями: все эти вопросы князья рѣшали, «сгадавъ съ мужи своими». Въ присутствіи бояръ князь творилъ судъ и расправу, по совѣту съ ними заключалъ договоры съ иноземцами, издавалъ новые законы, дѣлалъ предсмертныя распоряженія о своемъ княжествѣ, измѣнялъ порядокъ княжескаго преемства; князь черниговскій въ 1159 г. совѣтуется съ мужами своими и епископомъ даже о томъ, какъ похоронить тѣло митрополита Константина, выброшенное за городъ согласно съ завѣщаніемъ владыки¹⁾). Лѣтопись иногда съ живымъ драматизмомъ изображаетъ ходъ думскихъ совѣщаній, описываетъ поднимавшіяся на нихъ пренія, передаетъ рѣчи, какія держали бояре къ князьямъ и князья къ боярамъ, излагаетъ возраженія, какія вызывалъ князь со стороны думцевъ своимъ предложеніемъ. Князь или соглашался съ боярами, или же ему «бѣшеть нелюбо, оже ему тако молвять дружина», и поступалъ по своему. Разсказъ лѣтописи объ одномъ случаѣ такого несогласія вскрываетъ нравственныя побужденія, которымъ иногда подчинялись политическіе планы, обсуждавшіеся въ думѣ. Кн. Ярославъ отнялъ Луцкъ у Данила Романовича. Данилъ въ 1227 г.

1) Ипат. 379, 412, 251, 422, 430, 459, 236. 442. Лаврент. 331. Никон. II, 311. Впрочемъ, судя по разсказу лѣтописи о томъ, какъ въ 1289 г. волынской князь наложилъ ловчее на жителей Бреста за крамолу, можно подумать, что князь считалъ себя въ правѣ вводить новые налоги, не спрашиваясь бояръ. Князь только спросилъ бояръ, есть ли ловчій въ Брестѣ: получивъ отвѣтъ, что его не бывало отъ вѣка, онъ продиктовалъ своему писцу уставную грамоту о новомъ налогѣ, указывавшую, сколько должны были платить обыватели крамольнаго города. Ипат. 613.

воротилъ городъ и взялъ въ плѣнъ самого Ярослава. Но не задолго передъ тѣмъ Давидъ ѣздилъ въ Жидичинъ помолиться св. Николѣ. Тамъ былъ и Ярославъ, звавшій Данила къ себѣ въ Луцкъ. Бояре Данила совѣтовали ему воспользоваться случаемъ, схватить Ярослава и взять Луцкъ. Давидъ не согласился, сказавъ: «не могу: я пришелъ помолиться св. Николѣ». Иногда совѣтъ раздѣлялся и высказывались различныя мнѣнія; князь выслушивалъ обѣ стороны и рѣшалъ вопросъ, присоединяясь къ одной изъ нихъ. Ходъ дѣла осложнялся еще вліяніемъ или прямымъ вмѣшательствомъ другихъ политическихъ силъ, съ которыми должны были считаться князь и его думная дружина, городского вѣча, духовенства, союзныхъ или служилыхъ инородцевъ Черныхъ Клобуковъ, вожди которыхъ въ походахъ также иногда приглашались на совѣтъ вмѣстѣ съ боярами. Въ особо важныхъ случаяхъ, какъ мы видѣли, въ боярскомъ совѣтѣ присутствовалъ мѣстный епископъ или его намѣстникъ. Разъ, когда въ Кіевѣ не было митрополита, городское духовенство вмѣшалось въ политическое дѣло и склонило князя на свою сторону. Въ 1127 г. кн. Всеволодъ выгналъ изъ Чернигова дядю своего Ярослава. Великій князь кіевскій Мстиславъ, поклявшійся Ярославу посадить его въ Черниговѣ, сталъ собираться въ походъ на обидчика. Всеволодъ началъ умаливать Мстислава отложить походъ, подговаривалъ и подкупалъ его бояръ, упрасивая ихъ дѣйствовать за него передъ великимъ княземъ. Ярославъ явился къ Мстиславу и напомнилъ ему о крестномъ цѣлованіи. Игумень одного кіевского монастыря, всѣми уважаемый, никому не давалъ слова молвить въ пользу похода, не позволялъ и Мстиславу идти на Всеволода, говоря: «меньше грѣха нарушить крестное цѣлованіе, чѣмъ лить кровь христіанскую». Онъ созвалъ «весь соборъ іерейскій», который сказалъ князю: «миришь! беремъ на себя твой грѣхъ». Мстиславъ послу-

шался собора и плакался объ этомъ всю свою жизнь, прибавляетъ лѣтописецъ ¹⁾. Благодаря всему этому въ дѣятельности боярскаго совѣта, какъ изображаетъ ее лѣтопись XII в., мало порядка, совсѣмъ незамѣтно канцелярскихъ формальностей, зато много шума, говора, движенія. Если сказанныя въ думѣ княжія и боярскія рѣчи хотя нѣсколько похожи были на то, какъ ихъ передала лѣтопись, то можно почувствовать, какъ откровенно любили высказываться князья и ихъ бояре, какъ они привыкли къ устному слову и гласному обсужденію дѣлъ, какіе были охотники и мастера говорить. Но можно замѣтить также, что эта шумная и говорливая дѣятельность была довольно поверхностна, шла за текущими дѣлами, не направляя ихъ, обращалась къ случайнымъ вопросамъ и интересамъ, всплывавшимъ на поверхность жизни, не касалась основаній существовавшаго порядка, съ трудомъ его поддерживая. Въ этомъ отношеніи она была рѣзкой противоположностью дѣятельности боярскаго совѣта на удѣльномъ сѣверѣ, тихой, молчаливой и кропотливой, какою является она въ памятникахъ XIV и XV в.

Такой характеръ боярскаго думы въ кievской Руси XII в. былъ отраженіемъ той подвижности, слабости связей съ мѣстными обществами, какой отличалась жизнь тогдашнихъ князей и ихъ дружинъ. Только съ половины XII в., по мѣрѣ того какъ падала очередь въ княжескомъ владѣніи и росла среди князей мысль о *моемъ*, о *своей* волости, замѣченная пѣвцомъ *Слова о полку Игоревѣ*, и въ служиломъ классѣ становятся замѣтны признаки болѣе осѣдлости. Боярское землевладѣніе дѣлаетъ нѣкоторые успѣхи; боярство становится менѣ бродячимъ. Тотъ же очередной порядокъ княжескаго владѣнія, который производилъ эту бродячесть,

¹⁾ Ипат. 286, 383, 430, 326, 461, 266, 501, 210. Лаврент. 211, 282. Ср. Полн. Собр. Р. Лѣт. VII, 27.

соудѣйствовалъ и скопленію дружинъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ. Этотъ порядокъ пріучалъ бояръ мѣнять волости, какъ мѣняли ихъ князья, мѣнять и князей, какъ мѣняли ихъ волости. Когда соперникъ сгонялъ князя съ лучшаго стола на худшій, дружинѣ изгнанника выгоднѣе было остаться въ прежней волости; когда князь переходилъ изъ худшей волости въ лучшую, его слугамъ лучше было остаться при прежнемъ князѣ. Когда князь добирался наконецъ до вершины лѣствицы старшинства, до стола кіевскаго, выгоды мѣста побуждали его дружину здѣсь осѣсться. Новый великій князь волей-неволей долженъ былъ принимать въ составъ своей дружины остававшихся въ Кіевѣ слугъ своихъ предшественниковъ. Святополкъ Изяславичъ, ставъ великимъ княземъ, привелъ изъ Турова въ Кіевъ свою дружину. Лѣтописецъ осуждаетъ его за то, что онъ сначала не хотѣлъ думать «съ большею дружиной» отца своего и дяди, совѣтовался только съ своими старыми туровскими боярами. Значитъ, эти послѣдніе вошли въ ряды боярства, усаживавшагося въ Кіевѣ впродолженіе 40 лѣтъ, при великихъ князьяхъ Изяславѣ и Всеволодѣ ¹⁾). Такъ къ Кіеву шель постоянный прибой, который наносилъ на поверхность тамошняго общества одинъ дружинный слой за другимъ. Это дѣлало Кіевскую область одною изъ наиболѣе дружинныхъ по составу населенія, если только не самой дружинной. Враждебныя смѣны князей должны были противодѣйствовать такому скопленію служилыхъ людей въ краѣ, заставляя часть туземной дружины убѣгать оттуда въ слѣдъ за прогнаннымъ

¹⁾ Одинъ изъ этихъ кіевскихъ бояръ Янъ преемственно служилъ въ Кіевѣ великимъ князьямъ Святославу, Всеволоду и Святополку; братъ его Путята служилъ тамъ же Святополку, по смерти его въ 1113 г. держалъ сторону черниговскихъ Святославичей, за которыми была очередь княжить въ Кіевѣ, а отецъ обоихъ уже при Ярославѣ въ 1043 г. является кіевскимъ воеводой. Лаврент 211. Соловьевъ, II, 36 и 85.

княземъ. Но на кievскомъ столѣ въ продолженіе 70 лѣтъ, со смерти Святослава Ярославича до смерти Всеволода Ольговича въ 1146 г., не было насильственныхъ смѣнъ. При томъ бoльшая осѣдлость служилыхъ людей вела къ болѣе успѣшному развитію частнаго служилаго землевладѣнія, которое въ свою очередь становилось новой связью, прикрѣплявшей землевладѣльцевъ къ краю. Разсказъ лѣтописи о движеніи Изяслава къ Кіеву на дядю Юрія въ 1150 г. вскрываетъ всѣ эти условія, помогавшія и мѣшавшія дружинѣ усаживаться въ Кіевской землѣ. Съ Изяславомъ шло много кievской дружины, которая бѣжала съ нимъ, когда Юрій выгналъ его изъ Кіева, и теперь возвращалась на покинутыя мѣста. Въ думѣ на походѣ Изяславъ говорилъ ей: «вы изъ Русской (Кіевской) земли ушли за иною, потерявъ свои села и жизни (имущества), да и я не могу отказаться отъ своей дѣдины и отчины; либо голову свою сложу, либо добуду свою отчину и всю вашу жизнь». Когда Изяславъ приблизился къ Тетереву, къ нему пришло «многое множество» дружины, которая «сидѣла» по этой рѣкѣ, имѣла здѣсь свою «жизнь» и села ¹⁾). Изъ этого разсказа видимъ, какъ служилые люди гнѣздами усаживались въ Кіевской землѣ и какъ княжескія усобицы разоряли эти гнѣзда. У лѣтописца находимъ другой намекъ на то же скопленіе служилыхъ силъ въ Кіевской землѣ XII вѣка: въ 1136 г. онъ говоритъ о «боярахъ кievскихъ». Это не какіе либо особые *земскіе* бояре, а тѣ же княжіе мужи, составлявшіе мѣстный осадокъ, какой отлагался отъ дружины среди княжескаго круговорота. Такъ складывалось въ Кіевѣ боярство, которое привыкло мѣнять князей, чтобы не покидать своей волости, какъ другіе мѣняли тогда волости, чтобы не покидать своихъ князей. По мѣрѣ того какъ разгорались усобицы и линіи княжескаго рода обо-

1) Ипат. 284 и 286.

соблялись, замыкаясь по своимъ волостямъ, ихъ старшіе столыные города становились также пунктами, гдѣ осаживались служилыя силы. Съ конца XII в. лѣтопись говорить о боярахъ «владимірскихъ» на Волыни и «галицкихъ», а *Слово о полку Игоревъ* поеть объ удалыхъ «черниговскихъ быляхъ» или боярахъ, которые «безъ щитовъ съ засапожными ножами однимъ кликомъ побѣждаютъ полки, звоня въ прадѣдную славу»; оно перечисляетъ даже шесть славныхъ въ то время фамилій этого черниговскаго быльства ¹⁾.

Галицкое княжество принадлежало къ числу тѣхъ русскихъ окраинъ, которыя рано выбились изъ круга областей, гдѣ дѣйствовалъ очередной порядокъ княжескаго владѣнія, стали отрѣзанными ломтями въ семьѣ русскихъ княжествъ. Тамъ боярство сложилось въ многочисленный и могущественный классъ, который успѣшно соперничалъ съ княземъ и не разъ рѣшительно торжествовалъ надъ нимъ. Тамъ бояринъ на пиру плескалъ виномъ въ лицо князю, изъ чванства ѣздилъ во дворецъ къ князю запросто въ одной рубашкѣ и даже однажды попытался «вокняжиться», посидѣть на галицкомъ столѣ. Но трудно сказать, какъ это преобладаніе боярства отразилось на политическомъ авторитетѣ и устройствѣ галицкой боярской думы. Значеніе этого класса въ Галицкой землѣ вскрывается среди борьбы съ княземъ, а въ борьбѣ трудно отличить случайность отъ нормы, фактъ отъ права, потому что право перестаетъ дѣйствовать, а фактъ иногда принимаетъ наружность права. Можно замѣтить, что боярство стремилось тамъ поставить князя въ такое положеніе, чтобы онъ только княжилъ, а не правилъ, отдавъ дѣйствительное управленіе страной въ руки бояръ: «бояре галицкіе, замѣчаетъ лѣтописецъ, Данила княземъ собѣ называху, а самъ всю землю держаху». Они

¹⁾ Тамъ же 214, 446, 480, 486 и др.

отмѣняли княжеское завѣщаніе, скрѣпленное ихъ же крестоцѣлованіемъ, призывали и прогоняли князей, вѣшали ихъ, разбирали по рукамъ землю въ управленіе, не спросясь у князя, раздавали своимъ сторонникамъ волости и доходныя казенныя статьи. Но трудно разобрать, гдѣ во всемъ этомъ кончалось право и начинался захватъ, крамола; по крайней мѣрѣ ни князь, ни бояре не считали всего этого признаннымъ, безспорнымъ боярскимъ правомъ. Въ смутныхъ обстоятельствахъ, когда внутри дѣйствовала боярская крамола, а извнѣ грозили Венгры и Поляки, приближенные «великіе» бояре совѣтовали княжившему въ Галичѣ Мстиславу Удалому отдать Галичъ вмѣстѣ съ рукой дочери венгерскому королевичу, чтобы этимъ сдержать короля и прекратить смуту. Они говорили Мстиславу: «самъ ты не можешь держать Галича, а бояре не хотятъ тебя». Значить, при другихъ обстоятельствахъ, когда бы князь могъ держать Галичъ самъ, обходясь безъ содѣйствія недовольныхъ бояръ, ихъ недовольство не было бы для него достаточнымъ побужденіемъ отказываться отъ власти. Повидимому все зависѣло отъ измѣнчиваго перевѣса силъ. Бояре, которые при случаѣ обращались съ своимъ княземъ такъ нахально, въ другое время падали ему въ ноги, прося милости и каясь: «согрѣшили мы, принявъ чужаго князя» ¹⁾. Самое основаніе политической силы боярства обозначается въ лѣтописи неясно. Классъ вовсе не дѣйствовалъ дружно въ одномъ направленіи, дѣлился на партіи. Онъ стремился стать стѣной между княземъ и народомъ, «простою чадью»; но народъ склонялся болѣе на сторону князя, видя въ немъ своего «держателя, Богомъ ему даннаго». Незамѣтно также, чтобы бояре были сильны землевладѣніемъ. Господствующимъ ихъ интересомъ и средствомъ вліянія было управленіе. Они хлопотали о томъ, чтобы «держать всю землю», чтобы

¹⁾ Ипат. 525, 442, 500 и 518.

новый князь раздавалъ имъ правительственныя должности, города и волости для «корма», отдавалъ имъ «весь нарядъ» земскій. Вѣроятно какъ областные управители, они имѣли при себѣ «свои» полки, съ которыми возставали противъ князей ¹⁾. Значить, они боролись съ княземъ, не будучи представителями интересовъ народа, и хотѣли править народомъ, не держа въ рукахъ нитей народнаго труда. Въ этомъ отношеніи боярство Галича рѣзко отличалось отъ знати другаго аристократическаго города древней Руси, Новгорода Великаго. Вообще господство галицкаго боярства, какъ его изображаетъ лѣтопись XII и XIII в., производитъ впечатлѣніе боярской анархіи, которой не удалось превратиться въ прочный аристократическій порядокъ. Потому, можетъ быть, это господство не отразилось замѣтно на галицкой боярской думѣ. Она могла быть многочисленнѣе обычнаго боярскаго совѣта кіевскихъ князей и могли быть точнѣе опредѣлены ея составъ и отношенія къ другимъ органамъ управленія; но былъ ли опредѣленнѣе и выше ея политическій авторитетъ передъ лицомъ князя, этого не видно изъ лѣтописи. Послѣдняя даже сравнительно рѣдко упоминаетъ о думѣ галицкаго князя съ боярами. Въ со-сѣднемъ Волынскомъ княжествѣ, очень близкомъ къ Галицкому по строю и историческимъ связямъ, боярская дума своимъ политическимъ значеніемъ не отличалась отъ боярскаго совѣта другихъ князей кіевской Руси: здѣсь князь многое дѣлалъ безъ совѣта бояръ, также иногда слушался больше «молодыхъ бояръ», чѣмъ старыхъ, и также не всегда принималъ мнѣніе своихъ совѣтниковъ ²⁾.

Итакъ боярскую думу въ кіевской Руси XI—XIII в. надобно отличать отъ двухъ другихъ правительственныхъ формъ, въ которыхъ проявлялась тогда политическая дѣя-

1) Тамъ же 517, 514, 592, 445, 444 и 490.

2) Ипат. 611, 501, 594 и сл.

тельность разныхъ классовъ общества, отъ совѣщанія князя со всей дружиной и отъ городского вѣча, на которомъ иногда также появлялся князь съ своей дружиной. Боярская дума была третьей формой, отличавшейся отъ двухъ другихъ тѣмъ, что она была учрежденіемъ постояннымъ, дѣйствовавшимъ ежедневно. Въ обычномъ своемъ составѣ она была однословнымъ совѣтомъ, состоявшимъ изъ людей верхняго дружиннаго слоя, изъ бояръ. Но въ особыхъ случаяхъ въ нее приглашались представители духовенства, мѣстный владыка и даже священники. Всего труднѣе опредѣлить въ думѣ то, чего не опредѣляли сами дѣйствовавшія въ ней лица, ея политическій авторитетъ. Въ ней обсуждались дѣла законодательнаго свойства; она была также высшимъ судебнымъ мѣстомъ. Имѣла ли она обязательный для князя и рѣшающій голосъ, или была только совѣщательнымъ собраніемъ, къ которому князь обращался за справкой, когда хотѣлъ, оставляя за собой рѣшающее слово? Отвѣтъ на этотъ вопросъ легче почувствовать, чѣмъ формулировать. Думаемъ, что не можетъ быть рѣчи ни о совѣщательномъ, ни объ обязательномъ голосѣ. Въ отношеніяхъ между княземъ и боярами открывается совсѣмъ иной порядокъ понятій и побужденій. Прежде всего надобно различать обязательность для князя самаго совѣщанія съ боярами и обязательность мнѣнія совѣтниковъ. Припомнимъ политическій характеръ обѣихъ сторонъ, какъ онъ обнаруживался въ большинствѣ князей и бояръ XI и XII в. Весь княжескій родъ владѣлъ всей Русской землей по извѣстному порядку; но каждый князь былъ лишь временнымъ «держателемъ» той или другой волости. Точно также дружинники были постоянными сотрудниками и слугами всего русскаго князя; но отдѣльные лица обѣихъ сторонъ связывались другъ съ другомъ временнымъ личнымъ уговоромъ. Этимъ уговоромъ опредѣлялись обоюдныя права и обязанности: бояринъ обязывался помогать князю въ его предпріятіяхъ, за что князь платилъ

ему жалованье или давалъ доходную должность при дворѣ либо въ областномъ управленіи. Но «сидѣнье въ думѣ о дѣлахъ» едвали могло входить въ условія этого уговора: оно не сопровождалось прямыми осязательными выгодами для бояръ, а дальновидное намѣреніе посредствомъ законодательства перестроить порядокъ въ волости согласно съ своими интересами едвали можно предполагать въ людяхъ, которые были временными дѣльцами въ волости и выгоды которыхъ хорошо были уже обезпечены общимъ порядкомъ, дѣйствовавшимъ тогда на Руси. Но если обычай совѣщаться съ боярами не могъ считаться правомъ послѣднихъ, то нарушеніе его создавало важныя неудобства для обѣихъ сторонъ. Общество не довѣряло князю, который дѣйствовалъ безъ соглашенія съ боярами; не думая съ ними, князь могъ задумать дѣло, которому они не могли или не хотѣли содѣйствовать. Значитъ, совѣщаніе съ боярами было не *политическимъ правомъ* бояръ или обязанностью князя, а *практическимъ удобствомъ* для обѣихъ сторонъ, не условіемъ взаимнаго уговора, а средствомъ его исполненія. Такимъ же образомъ опредѣлялось отношеніе князя къ мнѣнію совѣтниковъ. Прежде всего князь иногда «являлъ свою думу» боярамъ только къ свѣдѣнію: хозяинъ долженъ былъ напередъ дать знать своимъ наемнымъ сотрудникамъ, какое дѣло будутъ они дѣлать. Трудное или важное дѣло нужно было обсудить сообща, чтобы уговориться, какъ лучше его сдѣлать. Князь или принималъ мнѣніе совѣтниковъ, или отвергалъ его и объявлялъ свое. Разногласіе разрѣшалось не общимъ обязательнымъ правиломъ, а соображеніемъ обстоятельствъ минуты и обоюдныхъ интересовъ. Собираясь въ походъ, великій князь спрашивалъ Кіевлянъ на вѣчь, могутъ ли они идти за нимъ. Если они отвѣчали, что не могутъ, то князь или отлагалъ походъ, или шелъ съ одной своей дружиной, когда надѣялся справиться съ врагомъ безъ кіевского полка. Въ томъ и другомъ случаѣ

онъ оставался «держателемъ» Кіева. Но бояре были не простые граждане, а наемные сотрудники князя; отказывая князю въ своемъ содѣйствіи, они разрывали уговоръ съ нимъ. Въ случаѣ столкновенія мнѣній обѣ стороны соображали, стоитъ ли дѣло того, чтобы изъ-за него разрывать взаимныя связи и расходиться. Такъ разногласіе разрѣшалось не *обязательностью* мнѣнія одной стороны для другой, а *возможностью* навязать свое мнѣніе противной сторонѣ. Изъ совокупности этихъ условій вытекала для князя и практическая *необходимость* совѣщаться съ боярами, и *возможность* не принять ихъ мнѣніе въ иномъ случаѣ. Смѣшивать политическую обязательность съ практической необходимостью значитъ рисковать утратить самое понятіе о правѣ. Многое, что часто *обходятъ*, не перестаетъ быть обязательнымъ; наоборотъ многое, безъ чего обойтись нельзя, не считается обязательнымъ и никогда не будетъ считаться, хотя останется всегда необходимымъ. То и другое—отношенія совсѣмъ различныхъ порядковъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ свою исторію, и нѣтъ нужды опредѣлять одинъ изъ нихъ терминологіей другаго. Обязательность—поятіе изъ области права, а необходимость—простой фактъ. Гдѣ дѣйствуетъ постоянное обязательное право, тамъ не остается мѣста для личнаго уговора; совѣщаніе князя съ боярами было возобновленіемъ ихъ личнаго уговора въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, практическимъ приложеніемъ его къ обстоятельствамъ минуты.

ГЛАВА III.

Военный сторожъ и подвижной вотчинъ всей Русской земли, князь съ XIII в. становится на стѣрь сельскимъ хозяиномъ-вотчинникомъ своего удѣла.

Въ XI и XII в. элементы государственнаго единства Руси были еще очень слабы. Въ XIII и XIV в., когда господствовалъ такъ-называемый удѣльный порядокъ княжескаго владѣнія въ сѣверной Руси, этихъ элементовъ стало въ ней еще меньше, чѣмъ было прежде. Южные князья прежняго времени хотя въ добрыя минуты вспоминали, что они внуки единаго дѣда. Свѣжее преданіе отцовъ и близость враговъ поддерживали въ нихъ сознаніе необходимости, даже обязанности общими силами защищать землю Русскую, не давать поганымъ нести ее розно, а еще державшійся кой-какъ порядокъ владѣнія частями Руси по очереди старшинства не позволялъ отношеніямъ и интересамъ князей слишкомъ локализоваться. Среди удѣльныхъ князей сѣверной Руси XIII и XIV в. незамѣтно и этого: прежнія чувства слабѣютъ съ исчезновеніемъ условій, ихъ питавшихъ. Размѣщаясь по своимъ «опричинамъ», дѣля ихъ между своими дѣтьми, внуки Всеволода III повидимому гораздо скорѣе забыли своего дѣда, чѣмъ внуки Ярослава I—своего. Сидя по своимъ удѣльнымъ гнѣздамъ и вылетая изъ нихъ только на добычу, бѣдища и дичая въ одиночествѣ съ-каждымъ поколѣніемъ, эти князья постепенно отвыкали отъ помысловъ, шедшихъ дальше заботы о птенцахъ. Наблюдатели-современники иногда будто невзначай отмѣчали въ событіяхъ черты, сопоставленіе которыхъ живьемъ выдаетъ переломъ, совершившійся въ промежутокъ двухъ близкихъ другъ къ другу эпохъ. Въ концѣ XII в. въ южной Руси правнуки Мономаха еще говорили его внуку, своему дядѣ:

«ты старшій во Владиміровомъ племени, такъ думай-гадай о Русской землѣ, о чести своей и о нашей». Въ началѣ XIII в. въ сѣверной Руси младшіе сыновья того же Всеволода Юрьевича, къ которому южные племянники обращались съ сейчасъ приведеннымъ приглашеніемъ, отвѣчаютъ на предложеніе своего старшаго роднаго брата подѣлиться мирно, какъ слѣдуетъ роднымъ: «перемоги насъ, и тогда вся земля тебѣ» ¹⁾). Въ удѣльномъ князѣ XIV в. меньше земскаго сознанія и гражданскаго чувства, въ этомъ отношеніи онъ болѣе варваръ, чѣмъ его южный предокъ, какой-нибудь младшій областной Ярославичъ XII в., и если онъ меньше послѣдняго дерется, то лишь потому, что онъ по воспитанію и вкусамъ больше мужикъ, малопривычный ко всякому бою, въ сравненіи съ старымъ южнымъ княземъ, еще сохранявшимъ наслѣдственныя привычки витязя. Изъ общественныхъ чувствъ и понятій князя XII в. еще можно было при благопріятныхъ обстоятельствахъ составить кой-какое представленіе объ охранителѣ общаго земскаго блага; въ понятіяхъ и интересахъ удѣльныхъ князей XIV в. труднѣе было найти какой-нибудь годный для того матеріалъ. Государство, національное русское государство вышло изъ этого удѣльнаго порядка XIV в., а не изъ прежняго, но не потому, что прежній порядокъ былъ болѣе далекъ отъ національно-государственнаго, чѣмъ удѣльный XIV в.: сами по себѣ оба они имѣли мало того, изъ чего складывается народное государство, и послѣдній даже меньше имѣлъ этого, чѣмъ первый; оба они должны были разрушиться, чтобы могло создаться такое государство; но послѣдній гораздо легче было разрушить, чѣмъ первый,—и только поэтому одно изъ удѣльныхъ княжествъ, вотчина Даниловичей, стало зерномъ народнаго русскаго государства.

Хорошо извѣстно, какъ все это сдѣлалось. Но прежде

¹⁾ Ипат. 461. Лаврент. 469.

чѣмъ сложилось это національное русское государство, на значительномъ пространствѣ Руси, раздѣленной на удѣлы, дѣйствовалъ довольно своеобразный общественный порядокъ, остатки котораго долго жили подъ покровомъ новой формы политическаго быта, его смѣнившей.

Утрата Киевомъ прежняго значенія для князей и земли, разрывъ связей, соединявшихъ съ нимъ другія волости, торжество степныхъ поганыхъ, признаки паденія матеріальнаго благосостоянія общества, запутанность княжескихъ споровъ, ставшихъ къ XIII в. неразрѣшимыми, наконецъ уходъ значительной части приднѣпровскаго населенія въ другіе края Руси—эти и другія явленія, указывавшія на разгромъ установившагося порядка жизни, должны были сильно по-дѣйствовать на русскіе умы, на общественное сознание. Однимъ изъ самыхъ важныхъ послѣдствій этого общественнаго потрясенія было то, что замутилось понятіе о единой Русской землѣ, воспитанное въ обществѣ политическими, экономическими и церковными связями прежняго времени. По крайней мѣрѣ съ половины XIII в. литературные памятники, особенно лѣтописи, употребляютъ выраженіе *Русская земля* далеко не такъ часто и не съ такою любовью, какъ это было въ XII в. Общественныя понятія людей сузились и локализовались, какъ тѣ мелкіе областные міры, на которые внѣшними и внутренними ударами разбивалась Русская земля Ярослава Стараго и Мономаха.

Оскудѣніе нравственно-гражданскаго чувства въ удѣльныхъ князьяхъ XIII и XIV в. было однимъ изъ признаковъ этого общаго упадка земскаго сознанія. Взаимное отчужденіе князей становится замѣтнѣе; каждый изъ нихъ все болѣе привыкаетъ дѣйствовать особнякомъ. Княжескіе съѣзды, довольно частые въ XII в., становятся очень рѣдки въ XIII и XIV в., притомъ теряютъ прежній характеръ и превращаются или въ собранія подручныхъ удѣльныхъ князей, повелительно созываемыхъ великимъ, или въ тѣ соглаше-

нія, памятниками которыхъ остаются договорныя грамоты князей XIV и XV в. Правительственный характеръ удѣльнаго князя соотвѣтствовалъ уровню его общественнаго сознанія и его политическому одиночеству. Онъ все болѣе уединялся въ своей отчинѣ, переставалъ чувствовать себя звеномъ въ родственной цѣпи князей, облежавшей кольцомъ всю землю Русскую. Но и въ своемъ удѣлѣ онъ собственно былъ не правитель, а владѣлецъ; его княжество было для него не обществомъ, а хозяйствомъ; онъ имъ не правилъ, а эксплуатировалъ его. Онъ считалъ себя собственникомъ всей территоріи княжества, но только территоріи съ ея хозяйственными угодьями. Люди, свободныя лица юридически не входили въ составъ этой собственности. Свободный человѣкъ приходилъ, работалъ и уходилъ, былъ экономической случайностью въ княжествѣ. Князь не видѣлъ въ немъ подданнаго въ нашемъ смыслѣ этого слова, потому что и себя не считалъ государемъ. Этихъ политическихъ понятій тогда не существовало, не существовало и отношеній, изъ нихъ вытекающихъ. Словомъ *государь* выражалась тогда личная власть свободнаго человѣка надъ несвободнымъ, надъ холопомъ, и удѣльный князь подобно всякому землевладѣльцу считалъ себя государемъ только для своей челяди.

Итакъ княжеское удѣльное владѣніе приблизилось по характеру къ простому частному землевладѣнію, къ той привилегированной собственности, которая на языкѣ древнерусскаго права называлась *болрской*. На это сходство обоихъ видовъ владѣнія, прежде столь различныхъ, особенно указываютъ два признака, которые теперь стали общи имъ обоимъ; одинъ изъ этихъ признаковъ назовемъ юридическимъ, другой хозяйственно-административнымъ. Теперь удѣлы вообще наследуются по завѣщанію, передаются по личному усмотрѣнію завѣщателя, а не по какой-либо установленной очереди. Таковъ обычный поря-

докъ наслѣдованія частнаго имущества и по Русской Правдѣ, по которой наслѣдованіе по закону вступало въ дѣйствіе только при отсутствіи завѣщанія умершаго хозяина. Удѣльный князь XIII и XIV в., не имѣя другихъ ближайшихъ наслѣдниковъ, могъ передать свой удѣль или часть его князю-сосѣду, женѣ и даже дочери. Случаи такихъ передачъ извѣстны. До XIII в. княжескія волости не переходили къ женщинамъ. По Русской Правдѣ право передать имущество дочери за отсутствіемъ сыновей у владѣльца есть юридическая особенность, отличающая боярское владѣніе отъ смердыго. Это значитъ не то, что тогдашнее право равняло князя со смердомъ, одинаково лишая того и другаго привилегіи боярскаго состоянія, а только то, что имущество безсыновняго смерда отходило послѣ него къ мѣстному волостному князю, а волость безсыновняго князя возвращалась въ княжескій родъ, который отдавалъ ее очередному наслѣднику; оба вида владѣнія считались не частной, а государственной собственностью, какъ тогда ее понимали. Теперь удѣльное княжеское владѣніе усвоило себѣ юридическую особенность владѣнія боярскаго — знакъ, что оно стало считаться полной частной собственностью владѣльца. Другой признакъ заключался въ способѣ веденія удѣльнаго хозяйства. Изстари на Руси значительныя хозяйства частныхъ лицъ управлялись посредствомъ рабовъ; на это указываютъ иностранцы въ своихъ извѣстіяхъ о русскихъ купцахъ X в. Это до такой степени было въ обычаѣ, что самую службу по частному хозяйству безъ особаго договора, «тіунство безъ ряду», законъ признавалъ источникомъ рабства. Взгляда Русской Правды не чуждается и Судебникъ Ивана III: «по тіунству и по ключу по сельскому холопъ», гласитъ онъ, перечисляя источники рабства. Такое свойство службы по частному хозяйству сообщалось въ нѣкоторой степени и хозяйственной службѣ у князя: въ духовной удѣльнаго серпуховскаго князя 1410 г.

встрѣчаемъ постановленіе, изъ котораго видно, что свободные люди, которые купили земли, служа ключниками у князя, лишались этихъ земель, если покидали службу. Теперь, когда удѣльное княжеское управленіе усвоило характеръ поземельнаго вотчиннаго хозяйства, даже не всегда крупнаго благодаря измельчанію удѣловъ въ далекихъ поколѣніяхъ суздальскихъ Всеволодовичей, теперь согласно съ чисто хозяйственными цѣлями этого управленія и органами его могли служить люди, бывшіе хозяйственною принадлежностью княжескаго дворца. У московскихъ князей XIV в. на второстепенныхъ должностяхъ по дворцовому вѣдомству встрѣчаемъ людей купленныхъ, полныхъ холоповъ, которыхъ князья, умирая, отпускали на волю ради спасенія души. Въ этой сферѣ, въ должности начальника какого-нибудь хозяйственнаго департамента, холопъ былъ даже удобнѣе свободного человѣка, могъ оказать больше покорности, сноровки и даже больше охоты къ дѣлу, нежели вольный слуга, ратный человѣкъ въ тѣ вѣка, когда всякая невоенная частная служба считалась холопскою или приближалась къ ней.

Таковы признаки, указывающіе на перемѣну, какая произошла въ характерѣ княжескаго владѣнія, приблизивъ его къ вотчинному владѣнію частнаго собственника. Впрочемъ, утверждая, что удѣльный князь усвоилъ себѣ значеніе и владѣльческіе приемы простаго вотчинника, не надобно думать, что вслѣдствіе этого онъ пересталъ быть политической властью для своего удѣла: съ обычными правами собственника онъ соединялъ и настоящія государственныя права, послѣдствіи отдѣлившіяся и вошедшія въ составъ верховной власти, право суда, налоговъ, войны и проч. Но эта правительственная примѣсь нисколько не мѣшала князю оставаться простымъ вотчинникомъ или очень похожимъ на него владѣльцемъ, не измѣняла значенія поземельнаго собственника удѣла, какое онъ себѣ усвоилъ: его

верховныя государственныя права такъ сливались съ владѣльческими, вытекавшими изъ поземельной собственности, что и сами разсматривались, какъ статьи простаго поземельнаго хозяйства. Князь и поступалъ съ ними, какъ съ послѣдними, дробилъ ихъ, отдавалъ въ частное пользованіе цѣликомъ или частями.

Характеръ личнаго хозяина удѣла съ указанными сейчасъ особенностями выражался въ отношеніяхъ князя къ тремъ разрядамъ земель, изъ которыхъ состояла его удѣльная вотчина. Это были земли дворцовыя, черныя и боярскія, т. е. вообще земли частныхъ собственниковъ, свѣтскихъ или церковныхъ. Различіе между этими разрядами происходило отъ чисто хозяйственной причины, оттого, что къ разнымъ частямъ своей удѣльной собственности владѣлецъ прилагалъ различныя приемы хозяйственной эксплуатаціи. Дворцовыя земли въ княжескомъ поземельномъ хозяйствѣ похожи на то, чѣмъ была барская запашка въ хозяйствѣ частнаго землевладѣльца: доходы съ нихъ натурой шли непосредственно на содержаніе княжескаго дворца. Эти земли эксплуатировались обязательнымъ трудомъ несвободныхъ людей князя, дворовыхъ холоповъ, посаженныхъ на пашню, «страдниковъ», или отдавались въ пользованіе вольнымъ людямъ, крестьянамъ, съ обязательствомъ ставить на дворецъ извѣстное количество хлѣба, сѣна, рыбы, подводъ и т. п. Первоначальной и отличительной чертой этого разряда земель было *издѣлье*, натуральная работа на князя, поставка на дворецъ за пользованіе дворцовой землей. Черныя земли сдавались въ аренду, на оброкъ отдѣльнымъ крестьянамъ или цѣлымъ крестьянскимъ обществамъ, иногда людямъ и другихъ классовъ, какъ это дѣлали и частныя землевладѣльцы; онѣ собственно и назывались *оброчными*. Сложнѣе кажутся отношенія князя къ третьему разряду земель въ удѣлѣ. Весь удѣлъ былъ наследственной собственностью его князя; но послѣдній

раздѣлялъ дѣйствительное владѣніе имъ съ другими частными вотчинниками. Въ каждомъ значительномъ удѣлѣ бывало такъ, что первый князь, на немъ садившійся, уже заставлялъ въ немъ частныхъ землевладѣльцевъ, свѣтскихъ или церковныхъ, которые водворились здѣсь прежде, чѣмъ край сталъ особымъ княжествомъ. Потомъ первый князь и его преемники сами уступали другія земли въ своемъ удѣлѣ лицамъ и церковнымъ учрежденіямъ, которыя были имъ нужны для службы или молитвы. Какимъ образомъ князь могъ оставаться поземельнымъ собственникомъ всего удѣла рядомъ съ этими также полными земельными собственниками, которые владѣли частями того же удѣла? При сліяніи правъ государя и землевладѣльца въ лицѣ князя это не только было возможно юридически, но и доставляло князю важныя практическія выгоды. вмѣстѣ съ правомъ собственности на землю въ своемъ удѣлѣ князь уступалъ владѣльцу и свои государственныя права въ бдльшемъ или меньшемъ размѣрѣ, превращая его такимъ образомъ въ свое административное орудіе. Обыкновенно при этой передачѣ князь удерживалъ за собою дань и судъ по важнѣйшимъ, т. е. доходнѣйшимъ преступленіямъ. Но такъ какъ и эти правительственныя права, которыя князь удерживалъ за собою, считались владѣльческими и наравнѣ съ другими входили въ юридическій составъ привилегированной земельной собственности, то появленіе въ удѣлѣ земли, принадлежавшей другому владѣльцу, не мѣшало князю считать себя такимъ же собственникомъ всего удѣла; тотъ и другой различались между собою не свойствомъ правъ, которыя въ сущности всѣ были финансовыя, хозяйственныя, а ихъ количествомъ. Поэтому, кабы много ихъ ни уступалъ князь привилегированному частному землевладѣльцу, онъ не разрывалъ своей владѣльческой связи съ пріобрѣтенной послѣднимъ землей, не терялъ ее для своего хозяйства. Существенная особенность, которой этотъ разрядъ земель

отличался отъ двухъ другихъ, состояла въ томъ, что съ такихъ земель отбывалась ратная служба въ пользу князя, обязательная или необязательная. Служилый человекъ, имѣвшій вотчину въ удѣлѣ одного князя, по дѣйствовавшему тогда междукняжескому праву могъ состоять на личной службѣ у другаго, не теряя ничего изъ своихъ вотчинныхъ правъ. Но очень понятныя побужденія заставляли вольнаго слугу держаться на службѣ того князя, въ удѣлѣ котораго онъ «жилъ», т. е. имѣлъ земельную собственность. Поэтому чѣмъ больше земли въ удѣлѣ отходило въ собственность такихъ вотчинниковъ, тѣмъ лучше обезпечивалось удовлетвореніе едва ли не самой важной и дорогой потребности княжескаго хозяйства, какою была нужда въ вольныхъ слугахъ, хотя приобретаемая такимъ средствомъ личная служба вольнаго слуги не была обязательна. Частное землевладѣніе доставляло князю не только личную, но и поземельную службу, притомъ обязательную. Это такъ-называемая въ договорныхъ грамотахъ князей XIV и XV в. «городная осада»: когда нужно было защищать городъ, въ оборонѣ его обязаны были принимать участіе всѣ землевладѣльцы, владѣвшіе землей въ уѣздѣ этого города, даже тѣ, которые служили въ другомъ удѣлѣ; отъ этой повинности были свободны только землевладѣльцы, которые занимали при князѣ нѣкоторыя должности по дворцовому управленію. Церковныя учрежденія, владѣвшія землями, также окупали передъ обществомъ свои земельныя богатства участіемъ въ военной защитѣ страны, независимо отъ тѣхъ духовныхъ и благотворительныхъ задачъ, какія принимала на себя церковь, приобретаая эти богатства. Поэтому всѣ земли, составлявшія собственность частныхъ лицъ и церковныхъ учреждений, въ отличіе отъ двухъ другихъ разрядовъ можно назвать *служилыми*.

Такимъ образомъ всѣ земли въ удѣльной вотчинѣ, издѣльные, оброчныя и служилыя, различались существенно тѣмъ

хозяйственнымъ употребленіемъ, какое дѣлалъ князь изъ каждаго ихъ разряда. На этомъ хозяйственномъ различіи держалось все удѣльное устройство административное, судебное, финансовое, держалась вся внутренняя политика удѣла; имъ же опредѣлялось и юридическое положеніе классовъ удѣльнаго общества. Владѣніе удѣломъ, видѣли мы, довольно своеобразно раздѣлено было между княземъ и другими вотчинниками, лицами и учрежденіями, гдѣ они были. Князь отличался отъ этихъ вотчинниковъ не какъ политическій владѣтель территоріи отъ гражданскихъ землевладѣльцевъ, а какъ общій вотчинникъ удѣла отъ частныхъ, на земли которыхъ онъ сохранялъ нѣкоторыя вотчинныя, хозяйственныя права. Но предметомъ владѣнія княжескаго, какъ и боярскаго, одинаково была только земля, а не люди, т. е. не свободные люди. Такъ какъ понятія о политической связи подданнаго съ государемъ помимо земельныхъ отношеній не существовало въ удѣлѣ, то масса удѣльнаго населенія, свободные обыватели городскіе и сельскіе, каково бы ни было ихъ дѣйствительное положеніе, по праву, по выразившимся въ тогдашнихъ юридическихъ памянникахъ понятіямъ были вольные арендаторы, снимавшіе землю по гражданскому договору у князя или у частныхъ землевладѣльцевъ. Политическая зависимость этихъ арендаторовъ была послѣдствіемъ ихъ хозяйственной связи съ удѣльнымъ владѣльцемъ и прекращалась съ разрывомъ послѣдней, съ отказомъ отъ пользованія удѣльной землей.

Такъ удѣльное княжеское владѣніе сложилось по типу частной земельной вотчины, и князь сталъ наследственнымъ землевладѣльцемъ, сельскимъ хозяиномъ своего удѣла. Въ кievской Руси XI и XII в. князь не имѣлъ такого значенія въ своей волости, не былъ ея постояннымъ наследственнымъ владѣтелемъ и не носилъ характера сельскаго хозяина землевладѣльца въ ея управленіи. Причинъ такой перемѣны

надобно искать въ самомъ происхожденіи удѣльнаго порядка княжескаго владѣнія.

ГЛАВА IV.

И общество удѣльнаго княжества на сѣверѣ становится болѣе сельскимъ, чѣмъ оно было прежде на югѣ.

Когда сѣверная Русь начала дѣлиться на удѣлы, разрываемое ими общество состояло изъ тѣхъ же элементовъ, какіе присутствовали въ составѣ прежняго общества кievской Руси. Но теперь на сѣверѣ они входили въ иное сочетаніе, и этотъ новый складъ измѣнилъ общежитіе въ томъ же направленіи, въ какомъ, видѣли мы, измѣнились порядокъ и характеръ княжескаго владѣнія. Чтобы объяснить причины и значеніе этой перемѣны какъ въ княжескомъ владѣніи, такъ и въ складѣ общества, надобно припомнить рядъ фактовъ, очень отдаленныхъ отъ правительственнаго учрежденія, которое составляетъ предметъ нашего разсказа.

Удѣльный порядокъ княжескаго владѣнія, установившійся впродолженіе XIII и XIV в. на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ отъ лѣсовъ древнихъ Вятичей, имѣлъ довольно сложное происхожденіе. Онъ произошелъ не оттого только, что среди князей, усѣвшихся въ этомъ краю, понятіе объ отдѣльномъ наслѣдственномъ владѣніи восторжествовало надъ прежнимъ княжескимъ представленіемъ о землѣ Русской, какъ нераздѣльномъ дѣдовскомъ достояніи, которымъ все внуки владѣютъ сообща, т. е. по извѣстной очереди. Говоря точнѣе, самое понятіе объ отдѣльномъ наслѣдственномъ владѣніи есть не причина, а скорѣе содержаніе, сущность удѣльнаго порядка. Первоначальныя и важнѣйшія причины,

его создавшія, лежали внѣ круга князей, не были прямо связаны съ крѣпостью или ослабленіемъ ихъ родственнаго союза. Еслибы возможность владѣльческаго обособленія князей заключалась единственно въ томъ простомъ фактѣ, что исчезла родственная близость между князьями, то въ суздальской Руси XIII в. понятію, на которомъ держался удѣльный порядокъ, было бы труднѣе возникнуть, чѣмъ въ кievской Руси второй половины XII в.: вѣдь сыновья и внуки Всеволода III, раздѣлившіе свою заокскую отчину и дѣдину на удѣлы, были больше родня между собою, чѣмъ Мономаховичи и Ольговичи XII в., отдѣленные другъ отъ друга троюроднымъ, четвероюроднымъ, если еще не болѣе далекимъ братствомъ, что не мѣшало нѣкоторымъ изъ нихъ въ самомъ концѣ этого столѣтія выражать мысль о нераздѣльности земли и о родственной связи князей, ея владѣльцевъ, такъ ясно, какъ не выражали ея никогда птенцы Всеволодова гнѣзда. Эти причины были не генеалогическія, а географическія и экономическія. Онѣ были вызваны къ дѣйствию ходомъ русской колонизаціи по Окѣ, верхней Волгѣ и сѣверному Заволжью.

Въ широкомъ, медленномъ и разсѣянномъ движеніи, которое переносило массы изъ югозападной полосы Руси на сѣверо-востокъ въ XII—XIV в., можно различить два послѣдовательные момента, изъ коихъ второй началомъ своимъ совпадаетъ съ концомъ перваго. Въ первый изъ нихъ поселенцы скучивались въ треугольникъ между Окой и верхней Волгой. То было время образованія и возвышенія владимірскаго края, возникновенія въ немъ первыхъ удѣловъ, время экономического возрастанія Москвы и ея первыхъ политическихъ успѣховъ: все это факты, имѣвшіе тѣсную внутреннюю связь съ колонизаціей той страны. Такое скопленіе населенія въ междурѣчьи Оки и Волги было въ значительной степени насильственнымъ. Поселенцы, подвигавшіеся изъ-за Оки и Угры, здѣсь задерживались, потому

что дальнѣйшій путь въ ту или другую сторону долго оставался закрытымъ. Востокъ и юго-востокъ былъ запертъ сперва Мордвой и волжскими Болгарами, а потомъ Татарами; за Волгой къ сѣверу и сѣверо-востоку колонистамъ перебывало дорогу еще продолжавшееся напряженное движеніе изъ Новгорода. Второй моментъ наступаетъ по мѣрѣ устраненія этихъ задержекъ. Онъ совпадаетъ съ тѣми крупными шагами, какіе стала дѣлать Москва съ половины XIV вѣка въ расширеніи своей территоріи на востокъ и сѣверо-востокъ, и трудно сказать, которое изъ этихъ одновременныхъ движеній шло за другимъ или вело за собою другое. Но несомнѣнно, что пріобрѣтеніе Москвой обширныхъ пустырей въ захваченныхъ сыномъ Донскаго княжествахъ Нижегородскомъ, Муромскомъ и Тарусскомъ и въ примыслахъ на сѣверъ отъ верхней Волги открывало сравнительно густому населенію московскаго и князьминскаго края свободный путь въ эти стороны, особенно на сѣверъ за Волгу ¹⁾). Русская колонизація Заволжья была продолженіемъ процесса, заселившаго центральное междурѣчье. Остановимся предварительно на ея политическихъ послѣдствіяхъ, чтобы лучше видѣть, какъ въ первые моменты этого процесса завязывался удѣльный порядокъ.

Эта колонизація создавала міръ русскихъ поселковъ, послужившій готовой почвой для удѣльнаго порядка княжескаго владѣнія. Заволжскій сѣверъ и сѣверо-востокъ и теперь не вездѣ доступенъ заселенію. Четыреста или пятьсотъ лѣтъ назадъ поселенецъ съ великимъ трудомъ искалъ здѣсь твердаго и чистаго мѣста, гдѣ бы можно было безопасно и съ нѣкоторымъ удобствомъ поставить ногу. Стоя на возвышенномъ холму у стѣны какого-нибудь сѣвернаго монастыря и разсматривая открывающійся передъ нами широкій видъ, мы часто удивляемся эстетическому чутью,

¹⁾ Нѣкоторыя подробности этого движенія см. въ приложеніи II.

которое указало основателю это мѣсто; при этомъ мы забываемъ, что четыре вѣка назадъ этого ландшафта не было видно изъ-за лѣса и во всей окрестности этотъ холмъ былъ, можетъ быть, единственнымъ обитаемымъ пунктомъ. Мѣстами, гдѣ прежде всего осаживалось населеніе, естественно становились нагорные берега рѣкъ и сухія рамени по окраинамъ вѣковыхъ непроходимыхъ лѣсовъ. Такъ вытягивались жилия полосы, обитаемые острова среди дремучихъ тенерь исчезнувшихъ лѣсовъ и заросшихъ или заростающихъ болотъ. Первое поселеніе, возникавшее на такомъ острову, забиралось повыше, очищая окрестность, выжигая лѣсъ; новыя займища, выставки, выселки, почики на лѣсѣ, заводимые новыми пришельцами со стороны или выходцами изъ стараго поселенія, сползали пониже, садясь по окрестнымъ возвышеніямъ и образуя болѣе или менѣе правильную сѣть пролагаемыми между ними соединительными тропами. Пришлое населеніе, занимавшее эти полосы, было земледѣльческое; но въ каждой изъ нихъ была какая-нибудь мѣстная природная особенность, открывалось какое-нибудь угодые, разработка котораго, служа подспорьемъ къ скудному хлѣбопашеству на верхневолжскомъ суглинкѣ, становилась основаніемъ экономическаго быта всего географическаго округа, сообщала ему особый промышленный типъ. Такъ возникли разнообразные мѣстные промыслы бортниковъ, огородниковъ, садовниковъ, рыболововъ, звѣрогоновъ, лыкодеровъ и т. п. Эти промыслы издавна составляли характеристическую особенность центральной Вѣлкороссіи и только съ недавняго времени стали падать подъ давленіемъ фабричной централизаціи промышленности. Такія промысловыя спеціальности дѣлали очень легкой задачу администратора, приходившаго въ край, чтобы раздѣлить его на административныя части, станы и волости: административный округъ обозначался самъ собою экономическими гранями, какъ районъ экономической обозначался географи-

ческими межами обитаемой полосы ¹⁾. Читая акты и писцовыя книги XV и XVI в., встрѣчаемъ на всемъ пространствѣ тогдашняго Московскаго государства слѣды такого географическаго или промысловаго, кустарнаго происхожденія сельскихъ административныхъ округовъ, иногда отражавшагося въ самыхъ названіяхъ Загорья, Заболотья, Залясья, Замошья, Раменейца, Раменки, Суходола, Вышелъса, Бортнаго стана, Соли и т. п. Развитіе мѣстныхъ промысловъ вызывало обильнѣ; но мы ошиблись бы, еслибы предположили, что уже въ первую пору колонизаціи обильнѣ достигалъ въ этомъ краю той живости, какую дѣлаетъ возможной сѣть великорусскихъ рѣкъ при достаточной населенности страны. Первоначально экономическое общеніе въ сѣверномъ Заволжьѣ долго ограничивалось сосѣдними округами, наиболѣе удобно связанными другъ съ другомъ географически: поселенія питательныхъ вѣтвей, притоковъ, тянули къ округу главной рѣчной артеріи. Такъ изъ экономическихъ округовъ отдѣльныхъ рѣкъ создавалась экономическая область или уѣздъ цѣлаго бассейна.

Повидимому въ эту первую пору экономическаго общенія стали появляться въ колонизируемомъ краю многочисленные мелкіе удѣлы княжескихъ линий ростовской и ярославской съ ихъ бѣлозерскими, заозерскими и другими отростками. Небольшіе бассейны рѣкъ того края, Суды, Кемы, Андоги, Ухтомы, Сити, Мологи, Кубены, Бохтюги, представляли такіе недавно заселенные или только еще заселявшіеся острова, открытыя и сухія прогалины среди моря лѣсовъ и болотъ. Когда для счастливо размножавшихся князей

¹⁾ Одинъ приходъ на Андогъ, какъ онъ описанъ лѣтъ 15 назадъ, тянулся по этой рѣкѣ длинной и узкой полосой версты на 2—3 въ ширину и на 20 верстъ въ длину; изъ 26 составлявшихъ его деревень 22 расположены были въ линію по одной дорогѣ на протяженіи 20 верстъ. Новгород. Сборникъ, выпускъ V, 1866 г.

упомянутыхъ линій надобились отдѣльные участки въ ихъ отчинахъ, эти рѣчные округа и области служили готовымъ основаніемъ для удѣльныхъ дѣленій и подраздѣленій. Такъ возникали въ XIV и XV в. всѣ эти мелкія княжества Кемское, Андожское, Ухтомское, Сицкое, Кубенское, Бохтюжское и многія другія, называвшіяся по именамъ рѣчекъ, бассейнами которыхъ, даже не всегда цѣлыми бассейнами, ограничивались ихъ территоріи¹⁾. Можно найти нѣкоторые признаки такого положенія края въ моментъ образованія въ немъ этихъ удѣловъ. Большая часть послѣднихъ по свойству поселеній носила чисто сельскій характеръ, представляла міръ сель и деревень и не имѣла жилаго мѣста, которое можно было бы назвать городомъ въ тогдашнемъ экономическомъ и административномъ смыслѣ этого слова. На рѣкѣ Андогѣ, среди тянувшихся по ней и ея притокамъ сель, селець и деревень, не было ни одного городка, а между тѣмъ здѣсь находились стольныя мѣста, резиденціи трехъ удѣльныхъ княжескихъ династій, Андожской, Шелешчанской и Вадбольской. Далѣе на востокъ являются слѣды еще ббльшей простоты общественнаго склада. Въ духовныхъ грамотахъ московскихъ князей XIV и XV в. великокняжескія волости на Вологдѣ и Костромѣ обозначаются просто именами рѣкъ: завѣщатель отдаетъ наслѣдникамъ Обнору, Сяму, Пелшму, Комелу—знакъ, что эти волости состояли изъ разбросанныхъ деревень и починовъ, административнымъ центромъ которыхъ служило какое-нибудь поселеніе на главной рѣкѣ округа. Не вездѣ даже, быть можетъ, успѣли возникнуть такіе окружные центры, которые по своей населенности отличались бы отъ простой сѣверной деревни того времени. На это есть намекъ въ договорныхъ грамотахъ. Великій князь Василій Темный подѣлилъ бывшее

¹⁾ Такъ по рѣкѣ Андогѣ рядомъ съ Андожскимъ княжествомъ простирался еще удѣль Вадбольскій, въ которомъ было 3—4 десятка деревень, составлявшихъ не болѣе двухъ приходоу.

Заозерское княжество (на сѣверо-востокъ отъ Кубенскаго озера) съ верейскимъ княземъ Михаиломъ Андреевичемъ: послѣдній получилъ половину Заозерья и еще 100 деревень изъ другой половины, — деревень и ничего больше, ни одного села. Самая резиденція инаго удѣльнаго князя въ этомъ краю имѣла видъ простой барской усадьбы, одинокаго большаго двора при погостѣ. Въ житіи преп. Іоасафа Каменскаго есть маленькая, но очень изобразительная картинка мѣсто-пребыванія его отца, заозерскаго князя Димитрія Васильевича, одного изъ удѣльныхъ князей ярославской линіи (XIV—XV вѣка): на рѣкѣ Кубенѣ стоялъ его княжескій дворъ, подлѣ храмъ св. Димитрія Солунскаго, вѣроятно, имъ же и построенный въ честь своего ангела; въ сторонѣ отъ княжескаго двора «весь» Чиркова, которая вмѣстѣ съ нимъ служила приходомъ этого храма: «весь же зовется Чиркова къ нему приходеше».

Удѣльный порядокъ княжескаго владѣнія начался не этими мелкими заволжскими удѣлами и не въ XIV—XV в., когда они возникали. Но по ихъ образованію можно наблюдать продолженіе или даже конецъ того процесса, начало котораго, менѣе для насъ открытое, создало первые удѣлы въ сѣверной Руси, и многія явленія, вскрывающіяся въ исторіи заволжскихъ удѣловъ, были повтореніемъ того, что происходило раньше по сую сторону Волги. Первые князья, владѣвшіе этой Русью въ XII и началѣ XIII вѣка (не говоримъ о тѣхъ немногихъ, которые прежде являлись туда на-время), не были чужды если не чувствъ и понятій, то привычекъ и преданій, на которыхъ держались отношенія ихъ южныхъ отцовъ и дѣдовъ. Они иногда вспоминали о правахъ старшинства, о владѣніи землей по очереди, на немъ основанной, пытались сдѣлать изъ Владиміра центръ такого же княжескаго круговращенія, какое происходило прежде вокругъ Кіева. Но эти преданія и привычки какъ-то плохо прививаются къ дѣйствительнымъ отношеніямъ на

сѣверѣ и довольно скоро исчезаютъ, уступая мѣсто удѣльному порядку; по владѣльческимъ понятіямъ и отношеніямъ поколѣнія князей здѣсь расходятся между собою гораздо дальше, чѣмъ по росписи родства; внуки Всеволода III чувствуютъ меньше взаимной близости, чѣмъ правнуки Ярослава I. Когда ищемъ причинъ этого, прежде всего останавливаемся на складѣ того общества, какое создавала въ этомъ краю колонизація, на томъ дѣйствиі, какое она производила на общественныя и владѣльческія понятія здѣшнихъ князей.

Колонизація колебала и разрывала общественныя и экономическія связи тамъ, откуда выходила, и давала мало средствъ установить ихъ въ томъ краю, гдѣ понемногу осаживались переносимыя ею массы населенія. Отсюда происходило общее потрясеніе экономической жизни, невозможность разсчитать взаимное матеріальное отношеніе частей колонизируемой страны. Значеніе каждой мѣстности въ народномъ хозяйствѣ зависѣло не отъ ея внутреннихъ постоянныхъ средствъ, которыя большею частію еще оставались неразработанными, а отъ вѣшной случайности, отъ прилива и отлива бродячихъ рабочихъ силъ, и измѣнялось вмѣстѣ съ передвиженіемъ послѣднихъ. Общественная почва страны такъ же тряслась подъ ногами князей-устроителей, какъ зыбучая поверхность полузаросшаго сѣвернаго болота подъ ногами крестьянина-колониста. Каждый край для князя былъ экономическимъ вопросомъ. Во второй половинѣ XIII в., когда Всеволодовы потомки еще дорожили великокняжеской властью Владиміра на Клязьмѣ, едвали кто-нибудь изъ нихъ предчувствовалъ скоро обнаружившійся быстрый экономическій ростъ московскаго края: еслибы они предчувствовали это, изъ тогдашнихъ князей Москва досталась бы кому-нибудь постарше кн. Данила Александровича. Въ тому времени, когда южные князья завели очередное владѣніе Русской землей по старшинству, въ широкой полосѣ по

Днѣпру съ его притоками экономической быть настолько установился и опредѣлился, что княжеская администрація могла взвѣсить сравнительную стоимость каждой волости, чтобы рѣшить, какой ступени на лѣствицѣ княжескаго старшинства она должна соответствовать. При этой оцѣнкѣ князья ошиблись развѣ только въ двухъ волостяхъ: въ XI в. они не предвидѣли, что область южнаго Переяславля, слишкомъ углубленная въ опасную степь, скоро станетъ хуже другихъ, поставленныхъ ниже ея въ росписи старшинства, а крайняя Галицкая земля черезъ столѣтіе съ чѣмъ-нибудь переростетъ многія другія. За Окой въ XIII в. нельзя было распределить волости съ такою точностію, потому что ихъ экономическое отношеніе иногда измѣнялось съ быстротою человѣческаго возраста, и сынъ или внукъ младшаго Александровича, поднявшись на лѣствицѣ старшинства, едвали промѣнялъ бы охотно свою московскую область на какую-либо изъ старшихъ, тверскую или ростовскую, послѣ того какъ событія первой половины XIV в. перетянули значительную часть населенія изъ обѣихъ этихъ волостей въ московскій край.

Въ то же время ходъ дѣль, направляемый колонизаціей, отвлекая вниманіе князей отъ общихъ интересовъ, сосредоточивалъ его на мѣстныхъ явленіяхъ. Общество колонизуемой страны дробилось, отношенія локализовались, обособлялись. Отсюда происходила другая рѣзкая черта жизни, отличавшая сѣверную Русь XIII в. отъ южной прежняго времени. Вслѣдствіе давняго и живаго обмѣна интересовъ между волостями этой послѣдней общія условія жизни тамъ могущественно дѣйствовали на положеніе мѣстныхъ дѣль, а мѣстныя явленія дѣйствовали далѣе предѣловъ своихъ мѣстностей, отражались на общемъ благосостояніи. Засорится степь кочевниками близъ русской границы, переймутъ они южные торговые пути, умретъ великій князь въ Кіевѣ и заспорятъ между собою его младшіе родичи: каждое изъ

этихъ событій почувствуется съ бѣльшей или меньшей силой во всѣхъ волостяхъ, скажется на всѣхъ рынкахъ, спутаетъ и разстроитъ множество дѣлъ и расчетовъ. Въ этомъ отношеніи кіевская Русь похожа была на нервный организмъ, въ которомъ мѣстная или даже совершенно виѣшняя непріятность производитъ общее болѣзненное разстройство: вѣдь эта Русь и выросла на бассейнѣ одной рѣки, которая съ своими идущими съ разныхъ сторонъ притоками представляла географическій становой хребетъ Русской земли съ его отроутками. Сѣверная Русь при сыновьяхъ и внукахъ Всеволода III не была такимъ чувствительнымъ организмомъ. Перемѣна въ общемъ положеніи дѣлъ здѣсь слабо отражалась на мѣстной жизни, какъ и мѣстныя явленія мало измѣняли общее положеніе дѣлъ: подвижность населенія и производимая ею измѣнчивость отношеній не давали установиться въ странѣ одному центру, ни политическому, ни экономическому, и разрывали нити, которыя могли бы связывать этотъ центръ съ областями. Поссорятся князья-сосѣди, сойдутся съ своими полками, потолкуютъ и разойдутся безъ боя; Татары нападутъ на какой-нибудь уголь рязанскаго или нижегородскаго края: спасшееся населеніе убѣжитъ въ сосѣдніе края, а когда минуетъ бѣда, воротится на прежнія мѣста, покинувъ большую или меньшую долю своей массы въ бывшемъ убѣжищѣ. Слѣдовательно, какъ на югѣ княжеское владѣніе землей по очереди старшинства было возможно только при тѣсной взаимной связи ея частей, политической, экономической и географической; такъ на сѣверѣ созданная природой страны и колонизаціей разорванность населенныхъ мѣстностей и людскихъ отношеній давала готовое основаніе для удѣльнаго порядка владѣнія.

Наконецъ, сосредоточивая вниманіе князей на мѣстныхъ интересахъ, колонизація производила на нихъ впечатлѣніе, которое, быть можетъ, составляло самую глубокую черту

въ характерѣ удѣльнаго порядка и всего лучше объясняетъ его происхожденіе. На югѣ въ продолженіе трехъ столѣтій смѣнилось много княжескихъ поколѣній въ управленіи Русской землей. Каждое изъ нихъ принималось за это дѣло съ мыслию, что общественный порядокъ, среди котораго оно дѣйствуетъ, созданъ задолго до него, и ни одинъ князь, умирая, не могъ сказать, что онъ совершилъ коренное измѣненіе земскаго строя, который онъ засталъ на Руси. Общество кievской Руси было старше своихъ князей; расширяя и обороняя Русскую землю, они могли считать ее своимъ достояніемъ, которое отцы и дѣды ихъ стяжали «трудомъ своимъ великимъ»; правя ею, они поддерживали въ ней существовавшій житейскій порядокъ, опредѣляли подробности земскаго строя, но не могли сказать, что они создали самыя основанія этого строя, были творцами общества, которымъ правили. Совѣтъ иной взглядъ складывался изъ самаго хода вещей въ князьяхъ сѣверной Руси. Начиная съ Юрія Долгорукаго, оставившаго своимъ дѣтямъ столько новыхъ городовъ и селеній въ Суздальской землѣ, каждый князь, правившій этой землей или ея частью, покидалъ свое владѣніе далеко не такимъ, какимъ заставлялъ его. Край оживалъ на его глазахъ: глухія дебри расчищались, пришлые люди селились на новяхъ, возникали промыслы, новые доходы прибывали въ княжескую казну, новые классы завязывались въ обществѣ. Путемъ соблазнительной административной логики, которой не чуждались и позднѣйшіе правители, гораздо болѣе привычные къ анализу явленій, князь, собираясь писать духовную и припоминая всѣ новости, совершившіяся при немъ въ его отчинѣ, приходилъ къ мысли, что все это—его личное дѣло, создано имъ, его личными усиліями и по праву можетъ быть передано имъ женѣ и дѣтямъ, мимо братьевъ и племянниковъ. Въ половинѣ XII в. одинъ изъ южныхъ князей, Изяславъ Мстиславичъ волинскій, считалъ себя въ правѣ

распоряжаться Кіевомъ и Переяславлемъ помимо очереди старшинства только потому, что взялъ ихъ съ бою у соперниковъ, «своей головой добылъ» эти города, какъ говорилъ самъ въ оправданіе присвояемаго имъ права. Если мысль о личной собственности возникала въ головѣ этого князя изъ права завоеванія у своихъ же родичей, то у сѣверныхъ князей она выростала изъ взгляда на свое княжество, подобнаго тому, какимъ хозяинъ смотритъ на свой домъ, имъ же построенный. Родоначальникъ домовитыхъ суздальскихъ князей-хозяевъ Юрій Долгорукій, такъ усердно обзаводившій свою волость новыми городами и деревнями, не успѣлъ еще проникнуться этимъ взглядомъ, судя по совершенно южной привязанности, которая влекла его къ Кіеву. Въ дѣтяхъ его этотъ взглядъ становится уже очень замѣтенъ. Въ немъ надобно видѣть истинный источникъ отчужденія Андрея Боголюбскаго отъ южной Руси и его стремленія обособить отъ нея свою сѣверную волость въ политическомъ и даже церковномъ отношеніи. Онъ бралъ Кіевъ своими полками, но не имѣлъ охоты садиться на его «златокованный столъ», предметъ думъ и желаній для южнаго князя XII в. Андрей прожилъ всю жизнь на сѣверѣ и видѣлъ, какъ при отцѣ его оживалъ этотъ край и выростала въ немъ новая Русь. На югъ онъ бывалъ на короткое время съ полками отца и въ послѣднюю поѣздку бѣжалъ оттуда украдкой на свою Клязьму. По смерти отца онъ хвалился, что наполнилъ Суздальскую землю городами и селами и сдѣлалъ многолюдной: онъ могъ сказать, что это они съ отцомъ сдѣлали суздальскую Русь, и не имѣлъ охоты дѣлиться ею съ другими, вводить ее въ кругъ общаго родового владѣнія князей; онъ распоряжался ею какъ «самовластецъ», по выраженію южнаго лѣтописца, т. е. не обращая вниманія на другихъ князей и на обычные порядки управленія. Подобно старшему брату поступалъ и Всеволодъ III, а ихъ образъ дѣйствій сталъ преданіемъ,

правиломъ для потомковъ послѣдняго. Мысль: это мое, потому что мной заведено, приобрѣтено, эта мысль, внушаемая колонизаціей цѣлому ряду княжескихъ поколѣній, сгладила самую существенную юридическую черту, отличавшую княжеское владѣніе отъ частнаго, отъ простой земельной собственности; а удѣльный порядокъ зародился въ тотъ моментъ, когда княжеская волость усвоила себѣ юридическій характеръ частной вотчины привилегированнаго землевладѣльца.

Остается обозначить, какой видъ приняло гражданское общество въ рамкахъ удѣльнаго порядка, подъ дѣйствіемъ экономическаго быта, какой создавался въ колонизируемой странѣ.

Каждый удѣльный князь подобно великому имѣлъ свой дворъ, свою дружину. Это были вольные слуги-землевладѣльцы; по крайней мѣрѣ въ такомъ двойномъ значеніи разсматриваютъ ихъ договорныя грамоты князей XIV и XV в., основные памятники междукняжескаго права тѣхъ вѣковъ. Какъ вольные слуги, дружина и теперь составляла подвижную, бродячую ратную массу, кочевавшую по русскимъ княжествамъ въ силу права вольнаго слуги выбирать себѣ мѣстомъ службы любой изъ тогдашнихъ княжескихъ дворовъ. Но какъ землевладѣльцы, эти вольные слуги уже тогда начинали складываться въ земскій классъ, отбывавшій финансовыя и нѣкоторыя ратныя повинности по землѣ и водѣ, по мѣсту землевладѣнія. По своимъ поземельнымъ отношеніямъ бояре и вольные слуги уже въ XIV в. составляли уѣздные міры или землевладѣльческія общества, подобныя тѣмъ, на какія дѣлился классъ городскихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ XVI и XVII в. Вольный слуга, служившій великому князю московскому Димитрію Ивановичу, по вотчинѣ своей могъ входить въ составъ какого-нибудь уѣзднаго общества землевладѣльцевъ въ серпуховскомъ удѣлѣ князя Владиміра Андреевича и въ случаѣ осады защищать свой уѣздный городъ.

Не смотря на такое простое опредѣленіе своихъ служебныхъ и поземельныхъ отношеній, этотъ классъ бояръ и вольныхъ слугъ среди удѣльнаго общества XIV в. въ значительной степени былъ социальнымъ и политическимъ анахронизмомъ. Въ его общественномъ положеніи находимъ черты, которыя совсѣмъ не шли къ удѣльному порядку, къ общему направленію удѣльной жизни. Строгое разграниченіе служебныхъ и поземельныхъ отношеній вольныхъ слугъ, какое проводятъ договорныя грамоты князей XIV и XV в., мало согласовалось съ стремленіемъ удѣльнаго княжескаго хозяйства соединить личную службу вольныхъ слугъ съ землевладѣніемъ въ удѣлѣ, закрѣпить первую послѣднимъ. Возможность для вольнаго слуги служить въ одномъ княжествѣ и оставаться землевладѣльцемъ въ другомъ противорѣчила стремленію удѣльныхъ князей возможно болѣе замкнуться, обособиться другъ отъ друга политически. Съ этой стороны бояре и вольные слуги замѣтно выдѣлялись изъ состава удѣльнаго гражданскаго общества. Положеніе остальныхъ классовъ въ удѣлѣ опредѣлялось болѣе всего поземельными отношеніями къ князю, вотчиннику удѣла. Хотя землевладѣніе теперь все болѣе становилось и для бояръ основой общественнаго положенія, однако они одни продолжали поддерживать чисто личныя отношенія къ князю, вытекавшія изъ служебнаго договора съ нимъ и сложившіяся еще въ то время, когда не на землевладѣніи основывалось общественное значеніе этого класса. Такія особенности въ политическомъ положеніи служилыхъ людей не могли создаться изъ удѣльнаго порядка XIII—XIV вѣковъ: онѣ очевидно были остатками прежняго времени, когда господствовалъ очередной порядокъ княжескаго владѣнія и ни князья, ни ихъ дружины не были прочно связаны съ мѣстными областными мірами; онѣ не шли къ тому времени, когда Русская земля распалась на удѣльныя опричины, которыя, переходя къ дѣтямъ по

завѣщанію отцовъ, подвергались съ каждымъ поколѣніемъ дальнѣйшему дробленію. Самое право выбора мѣста службы, признаваемое въ договорныхъ грамотахъ князей за боярами и вольными слугами и бывшее одной изъ политическихъ формъ, въ которой выражалось земское единство кievской Руси, теперь стало несвоевременнымъ: этотъ классъ и на сѣверѣ попрежнему оставался ходячимъ представителемъ политическаго порядка, уже разрушеннаго, продолжалъ служить соединительной нитью между частями земли, которыя уже не составляли цѣлаго. Поэтому нельзя видѣть ничего неожиданнаго въ томъ, что въ *Златой Цѣпи* ¹⁾ одно поученіе уговариваетъ бояръ служить вѣрно своимъ князьямъ, не переходить изъ удѣла въ удѣлъ, считая такой переходъ измѣной наперекоръ продолжавшемуся обычаю. Въ тѣхъ же договорныхъ княжескихъ грамотахъ, которыя признаютъ за боярами и вольными слугами право служить въ одномъ княжествѣ, оставаясь землевладѣльцами въ другомъ, встречаемъ совсѣмъ иное условіе, которое лучше выражало собою удѣльную дѣйствительность, расхидившуюся съ унаслѣдованнымъ отъ прежняго времени обычаемъ: это условіе затрудняло для князей и ихъ бояръ пріобрѣтеніе земли въ чужихъ удѣлахъ и запрещало имъ держать тамъ закладней и оброчниковъ, т. е. запрещало обывателямъ уѣзда входить въ личную или имущественную зависимость отъ чужаго князя или боярина. Съ другой стороны, жизнь при сѣверныхъ княжескихъ дворахъ XIV в. наполнялась далеко не тѣми явленіями, какія господствовали при дворахъ прежнихъ южныхъ князей и на которыхъ воспитывались понятія и привычки тогдашнихъ дружинъ. Въ одномъ сказаніи о побоищѣ на Калкѣ читаемъ, что до нашествія Монголовъ было на Руси много князей храбрыхъ и высокоумныхъ, имѣвшихъ многочисленную и храбрую дружину и

¹⁾ По редакціи XIV в.

величавшихся ею ¹⁾). Теперь ходъ дѣлъ давалъ дружинѣ мало случаевъ искать себѣ чести, а князю славы. Княжескія усобицы удѣльнаго времени были не меньше прежняго тяжелы для мирнаго населенія, но не имѣли уже прежняго боеваго характера: въ нихъ было больше варварства, чѣмъ воинственности. И внѣшняя оборона земли не давала прежней пищи боевому духу дружинъ сѣверныхъ князей: изъ-за литовской границы до второй половины XIV в. не было энергическаго наступленія на востокъ, а ордынское иго надолго сняло съ князей и ихъ служилыхъ людей необходимость оборонять юговосточную окраину, служившую для южныхъ князей XII в. главнымъ питомникомъ воинственныхъ слугъ, и даже послѣ Куликовскаго побоища въ эту сторону шло изъ Руси больше денегъ, чѣмъ ратныхъ силъ. Но всего чувствительнѣе была перемѣна, происшедшая въ экономическомъ положеніи служилаго класса. Въ давнія времена X вѣка онъ вмѣстѣ съ князьями собиралъ дань съ подвластнаго населенія натурой и этой данью выгодно торговалъ съ Хозарами, съ Византіей. Потомъ, когда успѣхи торговли разлили въ странѣ оборотный капиталъ по всѣмъ классамъ общества, князья стали замѣнять прежніе поборы денежными налогами и давать своимъ боевымъ слугамъ денежное жалованье. Съ половины XII в. стало замѣтно, съ конца еще замѣтнѣе обѣднѣніе Руси. Оно обнаруживалось между прочимъ въ постепенномъ вздорожаніи денегъ—знакъ, что одною изъ причинъ его былъ упадокъ внѣшней торговли, ослабившій приливъ драгоценныхъ металловъ изъ-за границы. Русская ходячая гривна, такъ называемая *гривна кунъ* становилась все легковѣснѣе: въ началѣ XIII в. она содержала въ себѣ только $\frac{1}{4}$ фунта серебра, а въ 1230 г. равнялась въ Новгородѣ даже $\frac{1}{7}$ ф., тогда какъ въ болѣе раннее время ходили гривны

¹⁾ Поля. Собр. Лѣт. XV, 336.

въ треть фунта и даже въ полфунта ¹⁾). Но въ одномъ позднѣйшемъ лѣтописномъ сводѣ сохранилось размышленіе стараго лѣтописца XIII—XIV в., который, ставя современнымъ ему служилымъ людямъ въ образецъ жизнь прежнихъ дружинъ, замѣчаетъ, что княжіе слуги прежняго времени не говорили: «мало мнѣ, князь, 200 гривенъ» ²⁾). Лѣтописецъ-обличитель хочетъ сказать, что его ратные современники говорили это своему князю, и расположенъ видѣть въ этомъ слѣдствіе роскоши и «несытства» дружины своего времени. Вѣроятноже, что въ этой дружинной жалобѣ сказалось обычное затрудненіе, испытываемое служащими людьми среди народно-хозяйственныхъ переломовъ, когда прежній окладъ служилаго жалованья теряетъ на рынкѣ прежнюю цѣну. Большинство князей XIII—XIV в. не могло вывести дружину изъ этого затрудненія. Они сами должны были тяжело чувствовать общее колебаніе отношеній политическихъ и экономическихъ, какимъ характеризуется русская жизнь того времени. Тогда быстро измѣнялись княжескія состоянія и за немногими исключеніями измѣнялись къ худшему: одни удѣльные хозяйства едва заводились, другія уже разрушались и ни одно не стояло на твердомъ основаніи; никакой источникъ княжескаго дохода не казался надежнымъ. Измѣнчивость состояній заставляла служилый классъ искать обезпеченія въ экономическомъ источникѣ, который былъ надежнѣе другихъ, хотя вмѣстѣ съ другими испытывалъ дѣйствіе неустроенности общественнаго порядка, въ землевладѣніи: оно по крайней мѣрѣ ставило положеніе боярина въ меньшую зависимость отъ хозяйственныхъ случайностей и капризовъ князя, нежели денежное жалованье и административное кормленіе. Такъ служилые люди на сѣверѣ усвоили себѣ интересъ,

1) См. приложеніе III.

2) Полн. Собр. Р. Лѣт. V, 87.

господствовавшій въ удѣльной жизни, стремленіе стать сельскими хозяевами, пріобрѣтать земельную собственность, населять и разчищать пустоши, а для успѣха въ этомъ дѣлѣ работать и кабалить людей, заводить на своихъ земляхъ поселки земледѣльческихъ рабовъ-страдниковъ, выпрашивать землевладѣльческія льготы и ими приманивать вольныхъ крестьянъ на свои земли. И въ кievской Руси прежняго времени были въ дружинѣ люди, владѣвшіе землей; тамъ сложился и первоначальный юридическій типъ боярина-землевладѣльца, основныя черты котораго долго жили на Руси и оказали сильное дѣйствіе на развитіе и характеръ позднѣйшаго крѣпостнаго права. Но, вѣроятно, боярское землевладѣніе тамъ не достигло значительныхъ размѣровъ или закрывалось другими интересами дружины, такъ что не производило замѣтнаго дѣйствія на ея политическую роль. Теперь оно получило важное политическое значеніе въ судьбѣ служилаго класса и съ теченіемъ времени измѣнило его положеніе и при дворѣ князя, и въ мѣстномъ обществѣ.

По сказанному выше объ общественныхъ вершинахъ можно уже судить, какъ и все остальное общество сѣверовосточной, верхневолжской Руси XIII и XIV в. мало было похоже на прежнее общество средняго Днѣпра. Двѣ тѣсно связанныя между собою черты, отличавшія его отъ этого послѣдняго, особенно близко касаются изучаемаго правительственнаго учрежденія. Во первыхъ, это общество бѣдиѣе прежняго южнорусскаго. Капиталъ, который созданъ былъ и поддерживался живой и давней заграничной торговлей кievскаго юга, на суздальскомъ сѣверѣ въ тѣ вѣка является столь незначительнымъ, что перестаетъ оказывать замѣтное дѣйствіе на хозяйственную и политическую жизнь народа. Со-размѣрно съ этимъ уменьшилось и то количество народнаго труда, которое вызывалось движеніемъ этого капитала и сообщало такое промышленное оживленіе городамъ Днѣпра и его притоковъ. Это сокращеніе хозяйственныхъ оборотовъ,

какъ мы видѣли, обнаруживалось въ постепенномъ вздорожаніи денегъ. Земледѣльческое хозяйство съ его отраслями, сельскими промыслами, теперь оставалось если не совершенно одинокой, то болѣе прежняго господствующей экономической силой страны. Но очень долго это было подвижное, полукочевое хозяйство *на нови*, переносившееся съ одного едва насиженного мѣста на другое нетронутое, и рядъ поколѣній долженъ былъ подсѣкать и жечь лѣсъ, работать сохой и возить навозъ, чтобы создать на верхневолжскомъ суглинкѣ пригодную почву для прочнаго, осѣдлаго земледѣлія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ строя общественныхъ силъ на сѣверѣ выбылъ и классъ, преимущественно работавшій торговымъ капиталомъ, тотъ классъ, который состоялъ изъ промышленныхъ обывателей большихъ волостныхъ городовъ прежняго времени. Въ суздальской Руси ему не посчастливилось съ той самой поры, какъ сюда стала замѣтно отливать русская жизнь съ подиѣпровскаго юго-запада. Старые волостные города здѣшняго края Ростовъ и Суздаль, послѣ политическаго пораженія, какое потерпѣли они тотчасъ по смерти Андрея Боголюбскаго въ борьбѣ съ «новыми» и «малыми» людьми, т. е. съ пришлымъ низшимъ населеніемъ заокскаго Залѣся, потомъ не поднимались и экономически; изъ новыхъ городовъ долго ни одинъ не заступалъ ихъ мѣста въ хозяйственной жизни страны и никогда ни одинъ не заступилъ его въ жизни политической, не сдѣлался самобытнымъ земскимъ средоточіемъ и руководителемъ мѣстнаго волостнаго міра, потому что ни въ одномъ обыватели не сходились на вѣче, какъ на думу, и въ силу старшинства своего города не постановляли рѣшеній, обязательныхъ для младшихъ городовъ области. Это служитъ яснымъ знакомъ того, что въ суздальской Руси XIII и XIV в. изсякли источники, изъ которыхъ прежде старшій волостной городъ почерпалъ свою экономическую

и политическую силу. Въстѣ со вздорожаніемъ денегъ надала политическая цѣна посадскаго человѣка сравнительно съ «герожиномъ» кievской Руси. Послѣдній въ X в. стоитъ высоко надъ сельскимъ смердомъ и приближается къ мужамъ княжимъ, къ большимъ людямъ общества. Въ XIV в. «посажаниць» сливается въ одинъ классъ съ поселяниномъ подъ общимъ названіемъ «чернаго человѣка»: такъ грамоты великихъ и удѣльныхъ князей того вѣка говорятъ, что у чернаго человѣка нельзя покупать земли въ селѣ и двора въ городѣ. Послѣ, когда Московское государство устроилось, уѣздные и посадскіе люди, т. е. сельскіе и городскіе обыватели, въ иныхъ мѣстахъ соединялись въ одномъ и томъ же областномъ мірскомъ учрежденіи, въ *земской избѣ*, сливались въ одинъ уѣздный тяглый міръ, какъ одинаково пассивные элементы государства, мѣстныя орудія центральной администраціи. Языкъ московскихъ канцелярій довольно выразительно отмѣтилъ тягловое и экономическое различіе и одинаковое политическое положеніе обонхъ этихъ элементовъ, назвавъ однихъ *черносошными* людьми, другихъ людьми *черныхъ сотенъ и слободъ*. Въстѣ съ выходомъ областного города изъ строя активныхъ силъ общества исчезъ изъ оборота общественной жизни и тотъ рядъ интересовъ, который прежде создавался отношеніями обывателей волостнаго города къ другимъ общественнымъ силамъ.

Итакъ съ XIII в. общество сѣверовосточной суздальской Руси, слагавшееся подъ вліяніемъ колонизаціи, стало бѣдиѣе и проще.

ГЛАВА V.

Согласно съ политическимъ характеромъ удѣльнаго князя на сѣверъ и удѣльное управленіе было довольно точною копіей устройства древнерусской боярской вотчины.

Чтобы облегчить себѣ изученіе боярской думы, какую является она при удѣльныхъ и великихъ князьяхъ на сѣверѣ съ XIII в., надобно припомнить въ общихъ чертахъ механизмъ, посредствомъ котораго управлялось удѣльное княжество тѣхъ вѣковъ. Въ нашей исторической литературѣ этотъ механизмъ и особенно тѣ его колеса, которыя находились ближе къ князю, не привлекли къ себѣ всего вниманія, какого они заслуживаютъ по своему значенію въ исторіи нашего государственнаго устройства. Между тѣмъ именно эти ближайшія къ князю центральныя части административной машины удѣльнаго времени всего болѣе дѣлаютъ понятнымъ тотъ своеобразный характеръ, съ какимъ является изучаемое нами учрежденіе при князьяхъ XIV и XV в. Памятники того времени очень скудны и не воспроизводятъ съ достаточною полнотою существовавшаго въ удѣлахъ правительственнаго порядка; но въ московскомъ государственномъ управленіи долго сохранялись мелкія, иногда малозамѣтныя черты, унаслѣдованныя имъ отъ этого удѣльнаго порядка. Надобно внимательно всматриваться въ сложное и запутанное зданіе московской приказной администраціи, чтобы разглядѣть въ ней остатки этой старой правительственной кладки удѣльныхъ вѣковъ. Вотъ почему предпринимаемая попытка изобразить управленіе удѣльнаго княжества не могла освободиться отъ мелочныхъ разысканій и навѣрное не свободна ни отъ недомолвокъ, ни даже отъ значительныхъ обмолвокъ.

Администрація, дѣйствовавшая по удѣламъ, вездѣ имѣла одинаковыя основанія, различаясь въ большихъ и малыхъ княжествахъ развѣ только сложностью административнаго персонала. Она очень точно соотвѣтствовала характеру, какой сообщала колонизація удѣльному князю-вотчиннику, его удѣльному хозяйству и обществу, стоявшему подъ его управленіемъ. Наши привычныя понятія о центральномъ и мѣстномъ управленіи мало приложимы къ административному устройству удѣла. Въ немъ дѣйствовали рядомъ два порядка учреждений, между которыми существовало отношеніе, далеко не похожее на то, какое мы привыкли представлять между органами центрального и мѣстнаго управленія. Одинъ изъ этихъ порядковъ, который можно назвать тогдашнимъ центральнымъ управленіемъ, составляло дворцовое вѣдомство; другимъ была администрація намѣстниковъ и волостелей, которая по своему отношенію къ правительственному центру далеко не походила на нынѣшнее областное управленіе. Но между обоими этими порядками существовалъ еще третій, посредствующій и смѣшанный, который не имѣетъ ничего себѣ подобнаго въ нынѣшнемъ управленіи: это администрація частныхъ привилегированныхъ вотчинниковъ. Указанные три ряда учреждений соотвѣтствовали тремъ разрядамъ, на которые дѣлились земли въ удѣльномъ княжествѣ по своему отношенію къ владѣльцу удѣла: первый рядъ вѣдалъ земли дворцовыя, второй черныя, третій земли служилыя.

Средоточіемъ перваго порядка удѣльныхъ учреждений былъ *дворецъ* князя въ широкомъ смыслѣ этого слова: это было обширное хозяйственное вѣдомство, въ которомъ предметами управленія были, во-первыхъ, дворцовыя земли, села, деревни и различныя угодья съ предметами дворцоваго потребленія, потомъ дворцовыя слуги и дѣловые люди съ ихъ разнообразными службами и издѣльями на дворецѣ. Въ этомъ вѣдомствѣ надобно различать два главные отдѣ-

ленія, между которыми довольно своеобразно распредѣлялись обозначенныя сейчасъ статьи княжескаго дворцоваго хозяйства: однимъ былъ *дворецъ* въ тѣсномъ смыслѣ, состоявшій подъ управленіемъ дворецкаго; другое отдѣленіе составляли дворцовыя *пути*. Начнемъ съ послѣднихъ.

Великіе князья Василій Темный и Иванъ III, перечисляя въ духовныхъ грамотахъ областныя города своихъ княжествъ, различаютъ въ административномъ составѣ городской области или уѣзда волости, *пути* и села: городъ обыкновенно является въ этихъ грамотахъ съ своими «волостями и съ путями и съ селы». Какъ извѣстно, волости были административныя округа, на которые раздѣлялся уѣздъ. Духовныя разумѣютъ подъ селами собственно дворцовыя села, разсѣянныя по разнымъ волостямъ и имѣвшія особое управленіе. Но что такое были *пути*? Великій князь Василій Димитріевичъ въ своихъ духовныхъ упоминаетъ о Нерехтѣ съ варницами, бортниками и бобровниками, потомъ о переяславской волости Юлкѣ «также со всѣми людьми, котораго пути въ ней люди ни будутъ»¹⁾. Значитъ, по путямъ распредѣлены были разные дворцовыя люди, такъ часто упоминаемые въ княжескихъ духовныхъ XIV и XV в., всѣ эти бортники, бобровники, садовники, псары и т. п. Уже въ договорной грамотѣ сыновей Калиты 1341 г. названы три пути: *сокольничій, конюшій и ловчій*. Въ актахъ XV—XVI в. встрѣчаемъ указанія на составъ и устройство каждаго изъ этихъ вѣдомствъ. Къ ловчему пути принадлежали государевы бобровники и псары, къ сокольничему сокольники и другіе служители государевой птичьей охоты; въ конюшемъ вмѣстѣ съ лошадьми и конюхами вѣдались и государевы луга, разсѣянныя по разнымъ уѣздамъ государства. Но кромѣ трехъ указанныхъ путей въ актахъ XVI в. встрѣчаемъ

¹⁾ Собраніе государ. грам. и догов. I, стр. 202, 389, 81 и 84.

еще два: *стольничій* и *чашничій*. Уже въ XIV в. при дворахъ великихъ и значительныхъ удѣльныхъ князей являются въ штатѣ придворныхъ должностныхъ лицъ стольникъ и чашникъ. При московскомъ царскомъ дворѣ XVI—XVII в. эти сановники уже не имѣли спеціального административнаго значенія: стольничество превратилось въ званіе или служебный чинъ, а чашникъ сталъ простымъ оберъ-шенкомъ безъ правительственной должности, «государю пить подносилъ». Но въ удѣльное время тотъ и другой управлялъ особымъ дворцовымъ вѣдомствомъ, у того и другаго былъ свой «путь». Чашничій путь былъ вѣдомствомъ дворцоваго пчеловодства и государевыхъ питей; въ немъ вѣдались села и деревни дворцовыхъ бортниковъ, лѣсныхъ пчеловодовъ, вмѣстѣ съ бортными дворцовыми лѣсами. Къ стольничему пути принадлежали дворцовыя рыбныя ловли и также, кажется, дворцовыя сады и огороды съ дворцовыми рыболовами, садовниками и огородниками. Уставная грамота 1555 г. говоритъ еще о переяславскихъ «рыболовахъ и всѣхъ крестьянахъ стольнича пути». Въ началѣ XV в. стольникъ въ Московскомъ княжествѣ былъ еще судебно-административной властью для людей, земель и водъ этого пути. Когда нужно было помочь частному владѣльцу заселить его пустыя земли, на которыя могли падать повинности этого вѣдомства или которыя находились въ предѣлахъ его административнаго округа, правительство давало землевладѣльцу жалованную грамоту, по которой ни намѣстникъ того уѣзда, ни *стольникъ*, ни посельскій съ ихъ тѣми не могли ни брать съ поселенцевъ тѣхъ земель своихъ поборовъ, ни судить ихъ ни въ чемъ кромѣ душегубства и разбоя съ личнымъ¹⁾. Всѣ эти вѣдом-

¹⁾ Грамота 1423 г. въ Акт. Арх. Эксп. I, № 21. По сотной выписи 1562 г. переяславскіе рыболовы ловили одну ночь «на стольника» (тамъ же, № 261). Вѣроятно, это—особое пожалованіе какому-нибудь лицу, получившему „стольничество съ

ства, судя по указаніямъ позднѣйшихъ актовъ, въ удѣльное время были точно разграничены между собою и обособлены отъ другихъ правительственныхъ учреждений. Изъ одной грамоты Троицкаго Сергіева монастыря 1599 г. узнаемъ, что находившійся въ Муромскомъ уѣздѣ царскій лугъ Конюшъ-Островъ управлялся Конюшеннымъ приказомъ, а рыбныя ловли въ озерахъ на этомъ островѣ состояли въ вѣдомствѣ приказа Большаго Дворца. Въ началѣ XVI в. переяславскіе рыболовы стольнича пути, живя особою слободой на посадѣ г. Переяславля, не зависѣли отъ переяславскаго намѣстника, не тянули ни въ чемъ съ черными городскими людьми, а тянули «въ поварню великаго князя», управлялись особымъ «волостелемъ стольнича пути», были подданы ему «судомъ и кормомъ» и выбирали своего «старосту рыболовля», безъ котораго волостель не могъ судить никакого суда. Въ составѣ городского населенія Переяславля эта слобода была совершенно обособленнымъ административнымъ округомъ: о дѣвицѣ, выходившей изъ нея замужъ на сторону, говорили, что она выходила «изъ стольнича пути на посадѣ или въ волость». Но на томъ же посадѣ Переяславля стояло 20 дворовъ сокольниковъ «сокольнича пути»: еще новый мірокъ въ административномъ составѣ города съ своимъ управленіемъ на мѣстѣ и съ особымъ пунктомъ прикрѣпленія въ центрѣ, при дворцѣ государя; этимъ пунктомъ служилъ *сокольничій*. Такъ посадъ небольшого города, въ которомъ считалось всего 400 тяглыхъ дворовъ во второй половинѣ XVII в., раздѣленъ былъ въ XVI в. между тремя особыми вѣдомствами, которыя различались между собою не свойствомъ

путемъ“, а не должностной административный доходъ стольника, тогда уже не управлявшаго стольничимъ вѣдомствомъ: по грамотѣ 1555 г. переяславскихъ дворцовыхъ рыболововъ вѣдали судомъ и оброкомъ московскіе казначеи. Въ уставной грамотѣ 1506 г. (тамъ же, № 143) нѣтъ этой „ночи на стольника“.

административныхъ отправленій, не родомъ правительственныхъ дѣлъ, а родомъ управляемыхъ лицъ ¹⁾).

Управленіе путей составляло особую административную систему, которая, исходя изъ княжескаго дворца, перерѣзывала областное управленіе намѣстниковъ и волостелей. По городамъ и сельскимъ волостямъ княжества разсѣяны были слободы, села и деревни, приписанныя къ тому или другому пути, находившіяся въ очень слабой административной связи съ общимъ областнымъ управленіемъ или даже совершенно отъ него обособленныя. Каждый путь состоялъ изъ этихъ раскиданныхъ тамъ и сямъ клочковъ, иногда очень мелкихъ: московскій сокольничій вѣдалъ во всѣхъ дѣлахъ кромѣ душегубства и разбоя съ поличнымъ дворцовыхъ сокольниковъ и на посадѣ г. Переяславля, и въ Авнежской волости Вологодскаго уѣзда, и вездѣ, гдѣ ни находились поселенія людей этого званія или промысла. Пути переплетались не только съ общимъ областнымъ управленіемъ, но и между собою. Въ Бортномъ стану (Переяславскаго уѣзда), который самымъ именемъ своимъ указываетъ на принадлежность чашнику пути, въ XVI в. Лихая-Слободка входила въ составъ ловчаго пути. Повельскій станъ былъ сельскимъ административнымъ округомъ Дмитровскаго уѣзда; въ немъ находилось село Куликово, по нѣкоторымъ признакамъ дворцовое, составлявшее съ своими многочисленными деревнями и пустошами особый сельскій округъ подъ высшимъ управленіемъ великокня-

1) Акт. Арх. Эксп. I. №№ 242, 143 и 147; IV, стр. 349. Сборникъ грамотъ Троицк. Сергіева монастыря, составленный въ XVII в. при архим. Діонисіи, въ библіотекѣ Тр. Серг. лавры, № 530, л. 962. Такое же административное значеніе имѣли чашникъ, стольникъ и другіе упомянутые выше во II главѣ дворцовые сановники при дворѣ молдавскихъ господарей XV вѣка: такъ чашникъ управлялъ тѣмъ староствомъ, гдѣ приготавлилось лучшее вино. Калужняцкаго, Documenta moldawskie etc., стр. 21, 28, 44 и др.

жескаго дворецкаго; но среди этихъ деревень замѣшались двѣ деревни сокольнича пути и одна псарская, слѣдовательно принадлежавшая ловчему пути. Не смотря на свою разбросанность, селенія каждаго пути соединялись въ волости, которыми управляли особые волостели стольнича, чашнича или другаго пути, отличные отъ обыкновенныхъ непутныхъ. Эти путные управители дѣйствовали посредствомъ выборныхъ старостъ отдѣльныхъ путныхъ селъ и слободъ, бортиныхъ, рыболовлихъ и другихъ. Въ половинѣ XVI в. эти вѣдомства еще носили старыя удѣльныя названія путей конюшаго, чашнича, стольнича; область каждаго изъ нихъ дѣлилась на части, называвшіяся по именамъ городовъ или уѣздовъ, въ которыхъ находились земли и селенія, принадлежавшія тому или другому пути: такъ былъ стольничъ путь костромской, переяславскій и др. Отсюда необычайная дробность удѣльнаго управленія, увеличивавшаяся еще тѣмъ, что и среди путнаго округа появлялись въ свою очередь селенія со всѣмъ другихъ вѣдомствъ: въ волосткѣ чашнича пути Славцовѣ Владимірскаго уѣзда, выдѣлявшейся изъ мѣстной уѣздной администраціи подъ управленіемъ путнаго великокняжескаго волостеля, въ 1504 году встрѣчаемъ три деревни митрополита, не имѣвшія ни въ чемъ кромѣ душегубства и разбоя съ поличнымъ никакого отношенія ни къ путной, ни къ уѣздной администраціи ¹⁾. Въ этой дробности управленія удѣльнаго времени, унаслѣдованной потомъ администраціей Московскаго государства, сказывался древній административный взглядъ, столь непохожій на установившійся позднѣе. Позднѣйшее управленіе стреми-

¹⁾ Собрн. гр. Тр. Серг. мон. № 530, л. 678. Акты Ист. I, № 295. Акты Арх. Эксп. I, №№ 215 и 139 О. Горчакова, О земельн. владѣніяхъ митрополитовъ, патріарховъ и св. Синода, приложенія, стр. 42. Арх. ист.-юр. свѣд., г. Калачова, кн 3, отд. 2, стр. 48, 55 и 59.

лось сосредоточить въ извѣстномъ вѣдомствѣ все населеніе, но только по нѣкоторымъ административнымъ дѣламъ; древнее напротивъ сосредоточивало въ немъ все дѣла, но не всего населенія, а лишь какой-либо его части. Первое административно дробило лица, централизуя общество, если можно такъ выразиться; второе, дробя общество, щадило лицо, представляя его недѣлимой единицей со всеми его многообразными житейскими отношеніями. Въ такомъ порядкѣ было одно удобство, исчезнувшее въ позднѣйшей администраціи при большей сложности людскихъ отношеній: административная сосредоточенность управляемаго лица позволяла ему хорошо знать, куда обращаться съ своими дѣлами.

Итакъ «пути» были дворцовыя вѣдомства, между которыми была раздѣлена эксплуатація принадлежавшихъ княжескому дворцу хозяйственныхъ угодій. Но эти вѣдомства касались и недворцовыхъ земель. Пути можно было бы назвать промысловыми регаліями, еслибы право эксплуатаціи путныхъ угодій въ княжествѣ принадлежало исключительно княжескому дворцу. Но акты удѣльнаго и московскаго времени не указываютъ на такую исключительность: промысловыя угодья являются простою принадлежностью земельной собственности, и князь удѣльный или великій, передавая свою землю въ руки частнаго собственника, обыкновенно вмѣстѣ съ нею передавалъ и право пользованія находившимися на ней промысловыми угодьями, передавалъ ее, по обычному выраженію грамотъ, «и съ лѣсомъ и со всеми угодьями». Такъ Иванъ IV промѣнялъ боярину кн. Кубенскому упомянутое выше село Куликово со всеми деревнями, между которыми были двѣ сокольничья пути, и передача послѣднихъ не оговорена въ актѣ ничѣмъ, что показывало бы, что передавалась хозяйственная статья, составлявшая особенное и исключительное право казны. По актамъ XV и XVI в. борти встрѣчаются и на

земляхъ частныхъ владѣльцевъ, которые владѣютъ ими на одинаковомъ правѣ съ прочими своими землями, а изъ Уложенія царя Алексѣя знаемъ, что частныя лица владѣли на правѣ собственности бобровыми гонами, бортными ухажьями и другими угодыми не только въ своихъ, но и въ чужихъ, даже «государевыхъ» лѣсахъ. Великая княгиня Марья Ярославна въ льготной грамотѣ 1453 г. на деревни Киржацкаго монастыря въ Переяславскомъ уѣздѣ пишетъ, что въ бортное дубье, какое есть на тѣхъ монастырскихъ земляхъ, чапникъ княгининъ и староста бортный не вступаютъ. Это не значитъ, что монастырь не могъ пользоваться своимъ бортнымъ дубьемъ безъ особаго пожалованія права на то со стороны удѣльнаго правительства. Отсюда видно только, что монастырскія деревни находились въ округѣ дворцовыхъ бортниковъ, съ которымъ онѣ до пожалованія ихъ монастырю составляли одно административное и хозяйственное цѣлое, и что теперь понадобилось опредѣлить отношеніе прежняго начальства, чапника и старосты округа, къ бортному угодью, отошедшему вмѣстѣ съ деревнями къ новому владѣльцу. Въ княжескомъ хозяйствѣ бортничество было такимъ же путемъ, какими были рыбныя ловли и луга, а эти статьи не были княжескими регаліями ни въ удѣльное время, ни послѣ ¹⁾). Правда, доход-

1) Въ особенныхъ случаяхъ при переходѣ казенной земли въ частныя руки, право на нѣкоторыя угоды отдѣлялось отъ права на землю. Изъ одной неизданной грамоты Троицкаго Сергіева монастыря по г. Мурому узнаемъ, что въ 1566 году отведены были Краснослѣповымъ въ обмѣнъ на ихъ суздальскую вотчину казенныя деревни въ Муромскомъ уѣздѣ, но съ условіемъ въ государевы оброчныя и откушныя угоды не вступаться, государевъ бортный лѣсъ, находившійся въ переданныхъ Краснослѣповымъ деревняхъ, „бортное деревье“ по полямъ, заполицамъ и лѣсамъ, съ пчелами и безъ пчелъ, беречь, не сѣчь его и не поджигать и пчелъ не выдирать, чтобы тотъ государевъ бортный лѣсъ не заустѣлъ; за порчу этого лѣса назначенъ былъ штрафъ въ пользу государя. Какъ видно изъ акта, мѣ-

ныя угодья, принадлежавшія частнымъ землевладѣльцамъ, не были свободны отъ налоговъ. Вообще на земли владѣльческія и черныя крестьянскія падали разные путные сборы и повинности, которые взымались администраціей того или другаго пути, смотря по роду налога или подлежавшаго ему угодья. На эти налоги косвенно указываютъ льготныя грамоты XV и XVI вѣковъ, освобождавшія отъ нихъ нѣкоторыя привилегированныя земли. Въ договорѣ сыновей Калиты рядомъ съ конюшимъ путемъ упомянуто о правѣ князя «кони ставити», т. е. ставить ихъ на обывательскій кормъ; изъ льготныхъ грамотъ видно, что на Конюшенный приказъ ясельничіе собирали съ непривилегированныхъ землевладѣльцевъ «туковыя» деньги, что крестьяне кормили государева коня, косили сѣно на государевыхъ лугахъ, ловчіе съ государевыми бобровниками и псарями, проѣзжая по частнымъ землямъ на свое дѣло, брали у крестьянъ кормы себѣ и собакамъ, брали людей и подводы на медвѣжьи и лисьи поля, что въ пользу стольнича пути взымалось «езовое», сборъ съ рыбныхъ ловель и т. п. Но все это не сообщало путямъ характера регалій: угодья и доходные сельскіе промыслы подлежали путнымъ налогамъ и повинностямъ наравнѣ съ другими доходными статьями городского и сельскаго хозяйства. Хлѣбопашество не было регаліей; однако съ хлѣба въ землѣ или на корню казна взымала, какъ извѣстно, пошлину или подать, «доколѣ рожь изъ земли выйдеть» или «по кой мѣста была рожь въ земли», по выраженію

няли землю на землю такъ, чтобы вотчинники получили ровно столько же десятинъ пашни и сѣнокоса, сколько значилось въ ихъ прежней вотчинѣ; но въ послѣдней не было такого бортнаго лѣса, такихъ разработанныхъ и доходныхъ угодій, какія находились въ вымѣненныхъ Краснослѣповыми муромскихъ деревняхъ, и мѣна не была бы равномерна, еслибы вмѣстѣ съ землей имъ уступили и эти угодья. Сборн. грам. Тр. Серг. мон., л. 921.

актовъ XVI вѣка ¹⁾). Такъ администрація каждого пути слалась изъ двухъ главныхъ отпращеній: она завѣдовала эксплуатаціей извѣстнаго хозяйственнаго угодья на дворцовыхъ земляхъ князя и взиманіемъ извѣстныхъ налоговъ и повинностей, падавшихъ на недворцовыя земли, если онѣ не были освобождены отъ того особыми льготными грамотами.

По актамъ удѣльнаго времени управители дворцовыхъ путей вмѣстѣ съ дворецкимъ всего чаще являются при князѣ, какъ его правительственные сотрудники; почти только изъ нихъ и состояло высшее центральное управленіе въ сѣверномъ удѣльномъ княжествѣ. Къ нимъ можно развѣ присоединить еще казначея съ печатникомъ да тысяцкаго съ намѣстникомъ, гдѣ они были ²⁾). Въ этомъ поглощеніи центрального управленія княжескимъ дворцомъ всего явственнѣе сказался политическій характеръ сѣвернаго удѣльнаго князя, хозяина-землевладѣльца, для котораго дворцовое хозяйство стало главнымъ предметомъ правительственныхъ заботъ. Но были ли пути, какъ отдѣленія дворцоваго хозяйства, подчинены дворецкому, какъ главному управителю дворца, на это не даютъ прямого отвѣта ни удѣльные, ни позднѣйшіе памятники. Вѣроятноже, что пути были самостоятельныя вѣдомства. Московская дворцовая администрація XVI и XVII в. довольно крѣпко держалась обычаевъ и формъ удѣльнаго управленія, изъ котораго она развилась.

1) А. А. Э. I, № № 53, 21 и 215. А. И. I, № 74. Уложене, X, 214, 239—243. Собр. гос. гр. и догов. I, № 23. Въ XVII в. одному царю принадлежало право охоты въ подмосковныхъ лѣсахъ верстъ на 30 во всѣ стороны отъ столицы, и владѣльцамъ этихъ лѣсовъ запрещено было рубить ихъ. Существовали ли такія мѣстныя регалии въ удѣльное время, неизвѣстно. Котоших. 69.

2) Къ числу вышнихъ придворныхъ сановниковъ удѣльнаго времени принадлежалъ еще окольничій; но на его вѣдомство нѣтъ указаній въ памятникахъ того времени.

Но въ XVI в. дворецкій московскій не былъ первымъ придворнымъ сановникомъ: управитель одного изъ путей, конюшій бояринъ былъ «чиномъ и честію» выше его. Удѣльные пути потомъ превратились въ дворцовые приказы; но въ XVII в. не все прежнія путныя вѣдомства вошли въ составъ приказа Большаго Дворца, которымъ управлялъ дворецкій. Притомъ, судя по остаткамъ удѣльнаго административнаго языка, уцѣлѣвшимъ въ позднѣйшихъ актахъ, можно думать, что вѣдомство дворецкаго не только не сосредоточивало въ себѣ всехъ путей, но само считалось однимъ изъ нихъ ¹⁾. Наконецъ удѣльной администраціи вообще было чуждо стремленіе сосредоточивать вѣдомства; напротивъ, въ ней замѣтна наклонность дробить власть и управленіе, обособляя административныя части, центральныя и областныя, въ самостоятельныя учрежденія.

Но если дворецкій не былъ высшимъ управителемъ всего дворцоваго хозяйства, то, значить, въ его управленіи сосредоточивался какой-нибудь спеціальнѣйшій кругъ дѣлъ по этому хозяйству. Кромѣ дворовыхъ слугъ дворецкій вѣдалъ дворцовыя земли съ жившими на нихъ крестьянами и не-свободными людьми. Начальники путей также вѣдали крестьянскія поселенія съ ихъ пашнями, но только тогда, когда они служили орудіемъ эксплуатаціи того или другаго путнаго уголья, принадлежавшаго дворцу. Раздѣльная черта здѣсь проводилась свойствомъ княжескаго дохода: съ земель, управ-

1) Чашничій путь преобразился въ Сытенный дворъ или приказъ, а стольничій раздѣлился на два двора, Кормовой и Хлѣбный, и все три были подчинены приказу Большаго Дворца, составляли его департаменты. Но конюшій путь сталъ самостоятельнымъ приказомъ. Государева птичья охота, которую вѣдалъ прежде сокольничій, отчислена была къ приказу Тайныхъ Дѣлъ, а звѣриная, которой завѣдовалъ ловчій, входила въ составъ Конюшеннаго приказа. Котоших. 69—82. Въ жалованной грамотѣ В. В. Бутурлину 1654 г. доходы съ дворцовыхъ ярославскихъ рыбныхъ слободъ названы „дворецкаго пути“ доходами. Древн. Росс. Вивл. XV, 225.

ляемыхъ дворецкимъ, этотъ доходъ шелъ земледѣльческими произведеніями, а съ путей продуктами угодій или промысловъ, медомъ, рыбой, мѣхами и пр. На земляхъ вѣдомства дворецкаго были устроены княжескія дворцовыя пашни, поля, засѣваемые на князя; люди, жившіе на путныхъ земляхъ, пахали только на себя. Говоря короче, дворецкій завѣдовалъ дворцовымъ хлѣбопашествомъ, а управители путей дворцовыми промыслами.

Въ такомъ видѣ является центральное или, говоря точнѣе, дворцовое управленіе въ значительномъ княжествѣ XIV и XV в. Другой правительственный порядокъ простирался на все, что не было прямо приписано къ княжескому дворцу: это были земли тяглыхъ или черныхъ людей, городскихъ и сельскихъ, и земли частныхъ владѣльцевъ, церковныхъ и свѣтскихъ. Это сфера областнаго управленія.

Можетъ показаться, что обѣ сферы удѣльнаго управленія были неодинаковы по самому своему политическому характеру, что среди своихъ дворцовыхъ земель и угодій князь былъ частнымъ владѣльцемъ-вотчинникомъ, тогда такъ въ отношеніяхъ своихъ къ другимъ частнымъ землевладѣльцамъ и къ чернымъ тяглымъ людямъ онъ являлся съ фізіономіей и характеромъ государя въ настоящемъ политическомъ смыслѣ этого слова. Разница существовала; но она была не политическая, а административно-хозяйственная. Въ обѣихъ половинахъ своего княжества, въ дворцовой и недворцовой, князь одинаково былъ верховнымъ правителемъ, установителемъ общественнаго порядка и блюстителемъ своего и общаго блага; но неодинаково совершалъ онъ эти государственныя функціи въ той и другой половинѣ. Если нужно обозначить эту разницу, примѣняясь къ терминологіи государственнаго права, можно сказать, что въ дворцовомъ управленіи князь былъ вотчинникомъ съ правами государя, а въ областномъ являлся государемъ съ привычками вотчинника. Это значитъ, что тамъ и здѣсь власть

его была одна и таже, только дѣйствовала различно. Для объясненія этого различія надобно сопоставить удѣльное управленіе съ хозяйственной практикой древнерусскаго землевладѣнія. Центръ и провинція въ удѣльномъ княжествѣ, дворець князя и уѣздъ намѣстника съ волостелями—это почти тоже, что въ частной вотчинѣ XV в. боярская запашка и земля, отдаваемая въ оброчное пользованіе. Дворцовыя имущества княжескій дворець эксплуатировалъ самъ на собственное содержаніе; остальные владѣнія свои князь отдавалъ эксплуатировать другимъ лицамъ, боярамъ и слугамъ вольнымъ. Механизмомъ, посредствомъ котораго совершалась хозяйственная эксплуатація дворцовыхъ владѣній, и было то, что можно назвать центральнымъ управленіемъ въ княжествѣ удѣльнаго времени, и мы видѣли, какой это былъ по своей конструкціи сложный и дробный механизмъ при видимой простотѣ своихъ отправленій. Все остальное, чего дворець не эксплуатировалъ самъ, представлено было мѣстному управленію. Органы этого мѣстнаго управленія, намѣстники и волостели съ своими тиунами и доводчиками, были правительственными арендаторами у князя-хозяина, подобно тому какъ переходящіе крестьяне были земельными арендаторами у вотчинника XV в. Сходство аренды того и другаго рода простиралось даже на ея условія. Извѣстно, что въ древнерусскомъ землевладѣніи господствовалъ обычай отдавать землю въ наемъ *исполу* и господствовалъ въ такой степени, что крестьянинъ-наниматель звался *половникомъ* даже и въ томъ случаѣ, когда обязывался по контракту платить землевладѣльцу за пользованіе его землей гораздо меньше половины валоваго дохода съ арендуемаго участка. Великій князь московскій Семень Гордый, отказывая свой удѣлъ женѣ, въ духовной дѣлаетъ распоряженіе по областному управленію, чтобы бояре великаго князя, которые останутся на службѣ у его княгини и будутъ править волостями, отдавали ей *половину* дохода

съ управляемыхъ ими округовъ ¹⁾. На такомъ или иномъ условіи князь передавалъ такому правительственному арендатору, намѣстнику или волостелю, всѣ права своей власти на арендуемый участокъ территоріи, какія были необходимы для правительственной его эксплуатаціи, судъ и расправу, прямые и косвенные налоги. Если измѣрить широту власти, какой обыкновенно пользовался тогда областной администра-торъ, и припомнить, что онъ обыкновенно самъ создавалъ и весь штатъ подчиненныхъ ему орудій управленія изъ своихъ же дворовыхъ людей, что до половины XV вѣка со стороны центрального княжескаго правительства почти незамѣтно попытокъ регулировать и подчинить постоянному контролю дѣйствія областной администраціи; тогда и самое дворцовое вѣдомство представится намъ своего рода областью, одною изъ единицъ мѣстнаго административнаго дѣленія, болѣе обширной и важной для князя, чѣмъ другія единицы, но изолированной отъ нихъ и обнаруживавшей мало дѣйстви-тельнаго на нихъ вліянія. Въ этомъ отношеніи намѣстникъ удѣльнаго времени вовсе не былъ похожъ на своихъ адми-нистративныхъ преемниковъ, воеводу и губернатора: по-слѣдніе служили звеньями административной цѣпи, связы-вавшей область съ правительственнымъ центромъ; первый напротивъ разрывалъ эту цѣпь, изолируя область отъ центра. Такимъ образомъ областное управленіе удѣльнаго

1) Собраніе госуд. грам. и дог. I, № 24. Это условіе дѣйстви-вало и въ кормленіяхъ или „путяхъ“, какіе давались въ награду за службу чиновникамъ по дворцовому управленію даже въ XVII в. Бояринъ В. В. Бутурлинъ въ 1654 г. пожалованъ былъ дворечествомъ съ путемъ; въ путь ему даны были двор-цовыя ловецкія слободы на посадѣ и въ уѣздѣ г. Ярославля съ тѣмъ, чтобы онъ получалъ половину всѣхъ денежныхъ дворцовыхъ доходовъ оброчныхъ, таможенныхъ и другихъ, какіе шли съ тѣхъ слободъ, да изъ печатныхъ, откупныхъ и судебныхъ пошлинъ, какія собирались въ приказѣ Большаго Двор-ца, Бутурлину назначено было $\frac{2}{5}$. Древн. Росс. Вивліоѳ. XV, 225 и сл.

княжества нельзя подвести ни подъ одинъ изъ двухъ административныхъ порядковъ, господствовавшихъ въ послѣдующее время: это не была ни система централизаціи, ни система мѣстнаго самоуправленія. Кажется, всего лучше характеризовать этотъ порядокъ, назвавъ его *локализаціей* управленія.

Въ этомъ можно видѣть дѣйствительную особенность, отличавшую удѣльное управленіе отъ позднѣйшаго государственнаго. Со временемъ, когда вмѣстѣ съ правительственными задачами становились сложнѣе и приемы управленія, образовались постоянныя связи, соединявшія мѣстную администрацію съ правительственнымъ центромъ. Эти связи большею частію обозначились уже въ то время, когда удѣльный порядокъ уступалъ мѣсто государственному московскому. Но тогда и центральное управленіе существенно измѣнилось въ своемъ характерѣ, вышедши далеко за предѣлы дворцоваго вѣдомства. Впрочемъ изложенное выше описаніе удѣльнаго управленія изображаетъ послѣднее въ первоначальномъ и чистомъ, такъ сказать, математическомъ его видѣ. Въ сохранившихся памятникахъ, большею частію очень близкихъ ко времени торжества московскаго государственнаго порядка, удѣльная администрація обыкновенно является уже съ нѣкоторою примѣсью: въ ней можно замѣтить одну черту, которая проходила связующею нитью между областью и дворцовымъ центромъ, противодѣйствуя указанной выше локализаціи управленія, хотя эта черта сама выходила прямо изъ той же локализаціи. Эта своеобразная нить сплеталась изъ землевладѣльческой привилегіи.

Князь правилъ съ двумя классами, господствовавшими въ обществѣ, военно-служилымъ и духовнымъ. Въ рукахъ этихъ классовъ сосредоточивалась частная поземельная собственность, и землевладѣніе все болѣе становилось главнымъ экономическимъ средствомъ обезпеченія ихъ общественнаго по-

ложения. Привилегіи, бывшія послѣдствіемъ ихъ господствующаго положенія въ обществѣ, теперь также переносились на эту экономическую основу, становились опорой главнаго хозяйственнаго ихъ интереса, какъ прежде, когда землевладѣніе не было еще такимъ интересомъ, онѣ цѣплялись за операціи съ движимымъ имуществомъ, преимущественно за главную статью домашняго и промышленнаго хозяйства въ древней Руси, за рабовладѣніе. Привилегированный рабовладѣлецъ X и XI в. теперь превратился въ привилегированнаго землевладѣльца. Привилегіи эти состояли въ томъ, что князь передавалъ землевладѣльцу правительственную власть, похожую по своему составу на ту, какой облакалъ онѣ областного правителя, именно право суда и обложенія въ извѣстной мѣрѣ. Привилегированная вотчина сохраняла лишь слабую зависимость отъ управителя административнаго округа, въ которомъ она находилась; эта зависимость обыкновенно ограничивалась тѣмъ, что мѣстный управитель удерживалъ за собой право судить подвластное вотчиннику населеніе въ важнѣйшихъ уголовныхъ дѣлахъ, часто даже только въ дѣлахъ о душегубствѣ. Какъ извѣстно, власть намѣстника города простиралась въ полномъ своемъ объемѣ не на весь уѣздъ этого города, а только на подгородные станы. Всѣ остальные сельскія волости управлялись до введенія земскихъ учрежденій XVI в. своими особыми волостелями независимо отъ намѣстника. Обыкновенно, но не всегда, только важнѣйшія уголовныя дѣла по этимъ волостямъ и чаще всего только дѣла о душегубствѣ были подсудны намѣстнику. Такимъ образомъ вотчина привилегированнаго землевладѣльца становилась въ административномъ составѣ своего правительственнаго округа тѣмъ же самымъ, чѣмъ была сельская волость въ административномъ составѣ своего уѣзда. Мѣстное управленіе, разбившееся, подъ вліяніемъ удѣльной склонности дробить власть, на городскіе и сельскіе округа намѣстниковъ и волостелей съ указаннымъ

выше отношеніемъ къ центру, локализовалось еще болѣе благодаря землевладѣльческой привилегіи: привилегированная вотчина сама становилась административнымъ округомъ, волостью въ волости. Предоставляя землевладѣльцу правительственную власть надъ людьми его вотчины, удѣльное управленіе совершенно послѣдовательно освобождало самихъ такихъ волостелей-вотчинниковъ съ ихъ правительственными помощниками, прикащиками, отъ подсудности мѣстной власти: въ искахъ на нихъ они судились княземъ или его «бояриномъ введеннымъ», обыкновенно тѣмъ изъ бояръ, который управлялъ княжескимъ дворцомъ, т. е. дворецкимъ. Вслѣдствіе этого въ правительственномъ округѣ намѣстника или волостеля съ теченіемъ времени, по мѣрѣ развитія привилегированнаго землевладѣнія, появлялось все больше земель, куда, по выраженію жалованныхъ грамотъ, «намѣстницы мои и ихъ тіуни не высылаютъ дворянъ своихъ ни по что». Этимъ же объясняется, почему впоследствии, когда въ московскомъ управленіи выступила цѣлая система приказовъ, носившихъ характеръ настоящихъ центральныхъ учреждений, привилегированные землевладѣльцы и между ними монастыри вѣдались по своимъ землевладѣльческимъ дѣламъ въ Дворцовомъ приказѣ: въ удѣльное время, прежде чѣмъ сложилась эта система центрального управленія, отдѣльная отъ дворцоваго вѣдомства, значеніе центрального правительства имѣло преимущественно это послѣднее вѣдомство.

Значитъ, дальнѣйшая локализція удѣльнаго управленія путемъ привилегіи вызвала и реакцію противъ себя, повела къ тому, что извѣстный слой областного общества и извѣстный кругъ мѣстныхъ общественныхъ отношеній ускользали изъ-подъ рукъ областной администраціи и привязывались прямо къ княжескому дворцу, какъ средоточію центрального управленія. Но такая же реакція возникла и съ другой стороны, хотя изъ того же источника, изъ земле-

владѣльческой привилегіи. Оба Судебника, говоря о мѣстномъ управленіи, различаютъ намѣстниковъ и волостелей «съ боярскимъ судомъ» и мѣстныхъ правителей «безъ боярскаго суда». Этотъ терминъ толкуютъ двояко: одни думаютъ, что намѣстникъ или волостель съ боярскимъ судомъ имѣлъ кромѣ обычныхъ составныхъ частей власти областного правителя еще право такого суда, какой производили въ Москвѣ назначенные для того великимъ княземъ «введенные» бояре; другіе утверждаютъ, что «боярскимъ судомъ» назывался судъ областныхъ правителей, подобный суду боярь въ ихъ вотчинахъ ¹⁾. Оба мнѣнія, кажется намъ, отмѣчаютъ дѣйствительныя черты явленія, но недостаточно ясно и полно, и указываютъ послѣдствія, не указывая ихъ причины. Остается не разъясненнымъ, почему назывался этимъ терминомъ такой спеціальный судъ, какимъ былъ «боярскій», и притомъ судъ, дѣла котораго именно не входили въ составъ обычной юрисдикціи боярь-вотчинниковъ. Судебникъ 1550 г. очень точно опредѣляетъ сферу этого суда: «а судъ боярской тотъ: которому намѣстнику дано съ судомъ съ боярскимъ, и ему давати полныя и докладныя (грамоты на холопство), а правыя и бѣглыя давати съ докладу, а безъ докладу правыя не дати». Статья эта, очевидно, уже ограничиваетъ объемъ боярскаго суда, въ который первоначально входили, надобно думать, и тѣ дѣла о холопствѣ, рѣшеніе которыхъ излагалось въ правыхъ и бѣглыхъ грамотахъ и которыя по этой статьѣ окончательно рѣшались не областнымъ правителемъ, а по его докладу центральными учрежденіями. Кажется, точнѣе будетъ такое опредѣленіе «боярскаго суда», что это былъ судъ по боярскимъ дѣламъ: значитъ, въ терминѣ этомъ

¹⁾ Перваго мнѣнія держится г. Ланге, втораго г. Костомаровъ. См. ихъ статьи въ Русск. Вѣстн. 1876 г., № 5, и Вѣстн. Европы 1876 г., № 9. Значеніе боярь введенныхъ объяснено въ слѣдующей главѣ.

заключается указаніе на объектъ суда, а не на судью, который производилъ этотъ судъ. «Боярскимъ» назывался судъ по дѣламъ о холопствѣ. Эти дѣла были первоначальнымъ и существеннымъ содержаніемъ привилегированнаго русскаго землевладѣнія, такъ какъ рабовладѣніе было юридической и экономической основой боярскаго вотчина. Частное привилегированное землевладѣніе въ древней Руси развилось изъ рабовладѣнія. Вотчина частнаго владѣльца юридически и экономически зарождалась изъ того, что рабовладѣлецъ сажалъ на землю для ея хозяйственной эксплуатаціи своихъ холоповъ; земля прикрѣплялась къ лицу, становилась его собственностью посредствомъ того, что къ ней прикрѣплялись люди, лично ему крѣпкіе, составлявшіе его собственность; холопъ становился юридическимъ проводникомъ права владѣнія на землю и экономическимъ орудіемъ хозяйственной эксплуатаціи вотчины. На языкѣ древнерусскаго гражданскаго права *бояринъ* отъ временъ Русской Правды и вплоть до указовъ Петра Великаго значилъ не то, что при дворѣ древнерусскаго князя и московскаго царя: здѣсь онъ былъ высшимъ служилымъ чиномъ, а тамъ частнымъ привилегированнымъ землевладѣльцемъ; холопъ назывался «боярскимъ», село «боярскимъ селомъ», работа на пашнѣ землевладѣльца «боярскимъ дѣломъ», «боярщиной», независимо отъ того, носилъ ли землевладѣлецъ при дворѣ званіе боярина или нѣтъ. На сельскомъ холопѣ выработалась прежде всего и вотчинная власть древнерусскаго землевладѣльца, который иногда съ успѣхомъ распространялъ ея рабовладѣльческія права и приемы и на вольнонаемныхъ крестьянъ, какъ видно изъ того полусвободнаго состоянія, въ какомъ является «ролейный закупъ», вольнонаемный рабочій-земледѣлецъ, на землѣ частнаго владѣльца по Русской Правдѣ. Вотъ почему судъ по указаннымъ въ Судебникахъ дѣламъ о холопствѣ получилъ названіе «боярскаго суда». Суду областныхъ правителей Судебники противопол-

лагають судъ княжескій, судъ центральныхъ органовъ княжеской власти, слѣдовательно судъ надъ привилегированными лицами, изъятыми изъ подсудности намѣстникамъ и волостелямъ. Надобно думать, что первоначально въ удѣльномъ управленіи, любившемъ дробить власть и обособлять ея части, указанные дѣла о холопствѣ вполнѣ принадлежали всѣмъ безъ различія намѣстникамъ и волостелямъ, которые всѣ были управителями «съ боярскимъ судомъ». Но съ развитіемъ боярскихъ землевладѣльческихъ привилегій и «боярскій судъ» намѣстниковъ и волостелей подвергся ограниченію: онъ остался за нѣкоторыми высшими или наиболѣе довѣренными областными правителями, а для остальныхъ введенъ былъ «докладъ», контроль или ревизія со стороны центрального правительства, какъ тогда понимали контрольный и ревизіонный порядокъ дѣлопроизводства ¹⁾. Значить, въ слѣдъ за дѣлами о привилегированныхъ землевладѣльцахъ къ центральному правительству стали стягиваться и дѣла объ ихъ людяхъ, холопяхъ и крестьянахъ, ускользя изъ-подъ юрисдикціи областныхъ управителей или подчиня ея надзору центральной власти. Изучая дѣятельность боярской думы при князѣ удѣльного времени, мы увидимъ, что весь кругъ развивавшихся поземельныхъ отно-

1) Этимъ можно объяснить то мѣсто жалованной грамоты 1494 г., гдѣ великій князь Иванъ III, освобождая игумена Троицкаго Сергіева монастыря съ людьми монастырскихъ селъ въ Бѣжецкомъ уѣздѣ отъ подсудности бѣжецкимъ намѣстникамъ, говорить, что эти намѣстники „игуменова прикащика ни моимъ судомъ великаго князя, ни боярскимъ судомъ не судятъ ихъ (монастырскихъ) людей“. Эта слишкомъ сжато выраженная формула значить, что намѣстники не судятъ игуменова прикащика судомъ, какимъ судились привилегированныя лица и который принадлежалъ князю, а людей монастырскихъ не судятъ боярскимъ судомъ, какому подлежали дѣла о холопствѣ. Здѣсь судъ надъ монастырскими крестьянами названъ уже „боярскимъ судомъ“, т. е. судомъ по дѣламъ о холопствѣ, какъ потомъ дѣла о крестьянахъ являются въ вѣдѣніи Холопьяго приказа. А. Арх. Эксп. I, № 131.

шней прикрѣпился къ центру, составивъ главный предметъ его правительственныхъ заботъ. Такъ княжеское правитель-ство выступало постепенно изъ тѣсной сферы дворцовыхъ дѣлъ, дворцоваго хозяйства. Землевладѣльческая привилегія была причиной ограниченія не только территоріальнаго про-странства, но и политическаго объема власти областного управителя; она не только сообщала дворцовому вѣдомству первыя черты характера центрального правительства, но и противодѣйствовала удѣльной локализациі управленія, со-общая намѣстнику и волостелю, правительственному арен-датору князя, характеръ мѣстнаго органа центрального пра-вительства, который стоитъ подъ нѣкоторымъ надзоромъ послѣдняго.

Изученіе характера удѣльнаго княжескаго владѣнія при-вело насъ выше къ мысли, что оно сложилось по юриди-ческому типу частной земельной вотчины. Разсматривая по-литическое устройство княжества удѣльнаго времени, нахо-димъ въ этомъ устройствѣ такое же сходство съ хозяй-ственнымъ управленіемъ той же боярской вотчины. Двор-цовое вѣдомство удѣльнаго княжества соответствовало «двор-цу» боярской вотчины съ его боярской запашкой и дво-ровыми рабочими «дѣлюями», а областное управленіе бо-ярскимъ землямъ, сдаваемымъ въ аренду обыкновенно крестьянамъ, съ завѣдовавшими этимъ населеніемъ прика-щиками; наконецъ земли частныхъ привилегированныхъ зем-левладѣльцевъ нѣкоторыми чертами своего положенія въ княжествѣ напоминали тѣ участки въ составѣ крупной древнерусской вотчины, которые отдавались во владѣніе «дворянамъ», прикащикамъ или тиунамъ и тому подобнымъ дворовымъ «слугамъ» вотчинника за ихъ службу.

ГЛАВА VI.

Боярская дума при князѣ удѣльнаго времени является совѣтомъ главныхъ дворцовыхъ прикащиковъ, бояръ введенныхъ, по особо важнымъ дѣламъ.

Согласно со всѣмъ строемъ управленія въ княжествѣ удѣльнаго времени и боярская дума при тогдашнемъ князѣ является съ такими особенностями, которыя во многомъ отличаютъ ее отъ позднѣйшаго боярскаго совѣта московскихъ государей, хотя послѣдній развился прямо изъ первой. Къ сожалѣнію, трудно рѣшить, насколько эти особенности новы, т. е. перешли ли онѣ въ сѣверныя княжества XIII и XIV в. по наслѣдству съ кievскаго юго-запада, или впервые возникли при княжескихъ столахъ на сѣверо-востокѣ. Трудность рѣшить это происходитъ оттого, что мы узнаемъ княжескую думу въ обѣихъ этихъ половинахъ Руси или, точнѣе, въ оба эти періода нашей исторіи, кievскій и удѣльный, по историческимъ памятникамъ совершенно различнаго характера и слѣдовательно узнаемъ ее не съ одинаковыхъ сторонъ. Въ разсказѣ южной лѣтописи XI и XII в. княжеская дума является преимущественно въ рѣшительныя, торжественныя минуты, когда обсуждался вопросъ особенно важный для князя и общества; но мы можемъ только догадываться о томъ, какъ велись текуція дѣла управленія въ тѣхъ ежедневныхъ утреннихъ ея засѣданіяхъ, о которыхъ говоритъ Владиміръ Мономахъ въ своемъ *Поученіи*. Напротивъ сѣверный лѣтописецъ XIII и XIV в. очень рѣдко и большею частію мимоходомъ упоминаетъ о княжеской думѣ; мы знаемъ ее больше всего по частнымъ актамъ XIV и XV в., въ которыхъ отражается ежедневный будничныи ходъ высшаго управленія. Впрочемъ черты, которыми обозначаются

въ этихъ актахъ характеръ и дѣятельность удѣльной думы, не перестаютъ принадлежать ей, если даже не ею самой созданы, а достались ей по наслѣдству отъ Руси другихъ вѣковъ и другихъ географическихъ широтъ. Притомъ переменна, происшедшая во всемъ складѣ русской жизни съ отливомъ ея на сѣверо-востокъ изъ средняго Поднѣпровья, поможетъ намъ замѣтить по актамъ дѣятельности боярской думы, въ какомъ направленіи должно было измѣниться и это правительственное учрежденіе. Теперь благодаря удѣльному уединенію сѣверныхъ князей у нихъ рѣже, чѣмъ у ихъ южныхъ предковъ, бывали рѣшительныя, торжественныя минуты, и мелкія будничныя дѣла хозяйственной администраціи княжества становились для нихъ важнѣе прежнихъ воинственныхъ занятій и генеалогическихъ счетовъ.

Прежде всего попытаемся разсмотрѣть составъ думы. Съ удаленіемъ изъ нея городской старшины правительственный совѣтъ при князѣ сталъ однословнымъ, состоялъ обыкновенно изъ людей высшаго служилаго класса, «боярь думающихъ». При недостаткѣ свѣдѣній о составѣ старшей дружины у князей XI и XII в. трудно отвѣтить на вопросъ, вступали ли люди городской промышленной аристократіи въ княжескую думу въ званіи боярь съ тѣхъ поръ, какъ эта дума стала боярской и социальное разстояніе между обѣими аристократіями, служилой и торговой, столь незначительное въ X в., стало раздвигаться все болѣе. Говоря о верховолжской Руси XIII и XIV в., скорѣе можно дать утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ, если въ удѣльное время не было безиримѣрнымъ явленіе, какое встрѣчаемъ въ одномъ случайно уцѣлѣвшемъ актѣ XIV вѣка: это «списокъ съ мѣстной грамоты», въ которой великій князь нижегородскій Дмитрій Константиновичъ († 1383 г.) указываетъ, какъ, въ какомъ порядкѣ сидѣть его боярамъ ¹⁾. Въ уцѣлѣв-

1) Списокъ найденъ Соловьевымъ въ дѣлѣ объ А. П. Во-

шемъ отрывкѣ нижегородской лѣтописи подѣ 1371 г. есть разсказъ о набольшемъ нижегородскомъ гостѣ Тарасѣ Петровѣ, который выкупилъ въ Ордѣ множество плѣнниковъ, «всякихъ чиновъ людей», и у своего великаго князя купилъ вотчины на р. Сундовикѣ за Кудьмой. Въ мѣстнической грамотѣ, какъ она передана въ списокѣ, встрѣчаемъ среди нижегородскаго боярства и служившаго казначеемъ у кн. Дмитрія Константиновича боярина Тарасія Петровича Новосильцева, о которомъ списокъ разсказываетъ, что онъ два раза выкупилъ изъ плѣна своего великаго князя и одинъ разъ великую княгиню, за что былъ пожалованъ въ бояре и даже повидимому не одинъ: рядомъ съ нашимъ Тарасомъ упомянутъ въ списокѣ, очевидно, братъ его Василій Петровичъ Новосильцевъ, также бояринъ. Изъ этого случая можно извлечь по крайней мѣрѣ то заключеніе, что въ XIV в. высшій служилый чинъ боярина былъ доступнѣе для людей, поднимавшихся изъ среды городскаго промышленнаго класса, чѣмъ сталъ онъ впоследствии: два съ половиной вѣка спустя землякъ Новосильцева и подобно ему купецъ Кузьма Мининъ за свой великій патріотическій подвигъ удостоенъ былъ только званія думнаго дворянина, т. е. чина 3-го класса.

Высшій правительственный классъ или, точнѣе, личный составъ высшаго управленія въ княжествѣ удѣльнаго времени обозначается въ княжескихъ грамотахъ XIV и XV в. названіемъ бояръ *введенныхъ* и *путныхъ* или *путниковъ*. Значеніе этихъ терминовъ не указывается въ актахъ съ достаточной ясностью и толкуется сбивчиво. Одна изъ причинъ этого въ томъ, что на древнерусскомъ дѣловомъ языкѣ смыслъ слова *путь* колебался. Договорныя грамоты князей обыкновенно упоминаютъ о боярахъ введенныхъ и путныхъ

льнскомъ и напечатанъ въ приложеніи къ XX тому „Исторіи Россіи“, стр. 484. Нѣкоторыя соображенія объ этомъ документѣ см. въ приложеніи V.

въ связи съ одной привилегіей, которою они пользовались и которой не имѣли остальные бояре и служилые люди. По обыкновенному условію княжескихъ договоровъ служилый человекъ отбывалъ ратную службу въ пользу того князя, которому онъ служилъ, хотя бы его вотчина находилась въ другомъ княжествѣ. Но повинность «городной осады» временно отдавала такого служилаго человека въ военное распоряженіе чужаго князя, того, въ чьихъ владѣніяхъ была вотчина слуги: въ случаѣ непріятельскаго нашествія онъ съ своими людьми обязанъ былъ садиться въ осаду для защиты города, въ уѣздѣ котораго владѣлъ землей, «жилъ», по техническому выраженію грамотъ. Отъ этой повинности, очень тяжелой по обстоятельствамъ того времени, были свободны бояре введенные и путные. Отсюда слѣдуетъ, что существовала какая-то связь, привязывавшая такихъ бояръ къ князю тѣснѣе чѣмъ остальныхъ, не позволявшая имъ отрываться отъ *личной* службы для несенія ратной *поземельной* повинности. Въ договорѣ в. кн. Дмитрія Донскаго съ удѣльнымъ серпуховскимъ Владиміромъ Андреевичемъ 1388 г. читаемъ условіе, что когда первый возьметъ дань на своихъ боярахъ, на *большихъ* и на путныхъ, тогда и второй долженъ взять дань на своихъ боярахъ «также по кормленью и по путемъ» и передать собранныя деньги великому князю. Другія договорныя грамоты говорятъ не о *большихъ* и путныхъ боярахъ, а о боярахъ *введенныхъ* и путныхъ: можно думать, что введенные назывались еще большими. Съ другой стороны, въ нѣкоторыхъ старинныхъ бумагахъ встрѣчаемъ замѣчаніе объ иномъ служиломъ человекѣ XIV—XV в., что онъ былъ у такого-то князя «бояринъ введенный и горододержавецъ», держалъ такіе-то города безъ отнимки. Зная, что значили пути на языкѣ дворцовой хозяйственной администраціи удѣльнаго времени, можно прежде всего подуматъ, что введенные или большіе бояре были городовые намѣстники князя, пользовавшіеся доходами съ своихъ

административныхъ округовъ какъ кормленіемъ, а путные управляли путями, извѣстными вѣдомствами центрального или дворцоваго хозяйства, получали содержаніе изъ доходовъ этихъ вѣдомствъ и считались меньшими боярами сравнительно съ введенными ¹⁾. Но такое толкованіе возбуждаетъ рядъ затрудненій. Во-первыхъ, непонятно, почему областные управители считались большими боярами по отношенію къ главнымъ управителямъ центральныхъ учреждений, *путей*, а не наоборотъ. Во-вторыхъ, очень важныхъ сановниковъ дворцовой администраціи, окольничаго, можетъ быть самого дворецкаго, такое толкованіе ставить въ разряда: это ни большіе, ни меньшіе бояре, потому что они не были ни намѣстниками, городержавцами, ни управителями дворцовыхъ путей. Притомъ пути въ значеніи кормленія, т. е. дворцовыя земли въ пользованіе за службу давались не только меньшимъ слугамъ князя, но и большимъ боярамъ, не только управителямъ извѣстныхъ путныхъ вѣдомствъ, но и дворцовымъ сановникамъ, вѣдомства которыхъ не назывались путями: въ актахъ XVI в. встрѣчаемъ постельничихъ, крайчихъ, даже ключниковъ «съ путемъ». Вотъ почему и княжескія договорныя грамоты XV в. не различаютъ строго званій бояръ введенныхъ и путныхъ: здѣсь свободными отъ повинности «городной осады» являются то бояре введенные и путные, то одни путные, но никогда одни введенные. Отсюда слѣдуетъ, что эти званія не были ни несомвѣстимы другъ съ другомъ, ни вполнѣ тождественны. Они не исключали одно другаго, но и не совпадали одно съ другимъ, а только соприкасались: введенные обыкновенно пользовались извѣстными дворцовыми землями или доходами «въ путь» на правахъ кормленія и потому считались путными боярами; но не всѣ путники, пользовавшіеся такими кормленіями,

1) Соловьева, Ист. Росс., IV, стр. 200 по 3-му изданію.

были введенными. Далеко не все служилые люди, получавшіе пути въ кормленіе, носили даже боярское званіе. Намекъ на это можно видѣть въ договорной грамотѣ можайскихъ князей съ Василиемъ Темнымъ, написанной около 1433 г., гдѣ отъ городской осады освобождаются не бояре введенные и путные, а «бояре и путники»¹⁾.

Бояринъ введенный, какъ должностное лицо, обыкновенно является въ тѣхъ жалованныхъ грамотахъ, которыми землевладѣльцы церковные или свѣтскіе освобождались отъ юрисдикціи областныхъ управителей, намѣстниковъ или волостелей, и подчинялись прямо суду самого князя, ставились въ непосредственную зависимость отъ центрального правительства. Привилегіи, какія получали такіе землевладѣльцы, обыкновенно завершались въ грамотахъ постановленіемъ, что въ случаѣ чьего либо иска на привилегированномъ лицѣ «ино сужу его язъ, великій князь, или мой бояринъ введенной». Иныя грамоты вносятъ въ эту обычную формулу любопытный вариантъ: вмѣсто боярина введеннаго является дворецкій. Объясненіе этого варианта встрѣчаемъ въ одномъ актѣ Троицкаго Сергіева монастыря. У древнихъ нашихъ великихъ княгинь и царицъ былъ свой особый «дворецъ», особое дворцовое вѣдомство съ своимъ служебнымъ и административнымъ штатомъ, съ своими дворцовыми землями, которыя преемственно переходили отъ одной къ другой. Въ 1543 г. «богомольцу матери великаго князя», игумену приписнаго къ Троицкому Махрищскаго монастыря дана была въ память покойной государыни жалованная грамота, въ которой читаемъ: «кому будетъ чего искати на самомъ игуменѣ или на братьѣ и на ихъ людехъ и на крестьянехъ, ино ихъ сужу язъ, князь великій, или мой бояринъ введенной, у котораго будетъ матери моей великой княгини *дворецъ* въ приказѣ». Мо-

1) Собр. гос. гр. и дог. I, №№ 45, 37 и 46.

настырь подчиненъ юрисдикціи дворецкаго великой княгини, вѣроятно, потому, что значительное количество его земель находилось въ Марининской волости Переяславскаго уѣзда, а эта волость принадлежала къ дворцовымъ землямъ великой княгини Елены, матери Ивана IV. Таковъ былъ обычный порядокъ: и въ церковномъ управленіи привилегированныя лица и учрежденія церковнаго вѣдомства въ XVII в. освобождались отъ суда мѣстныхъ десятинниковъ и судились самимъ патриархомъ или его дворецкимъ ¹⁾. Значить, дворецкій былъ тѣмъ бояриномъ введеннымъ, который служилъ органомъ непосредственнаго княжескаго суда, дворцовой юрисдикціи для тѣхъ, кто освобождался отъ подсудности мѣстнымъ властямъ. Но дворецкій не былъ единственнымъ органомъ этой дворцовой юрисдикціи. Слуги и крестьяне, принадлежавшіе разнымъ дворцовымъ путямъ, также освобождались отъ суда областныхъ управителей и подчинялись княжеской юрисдикціи. Органами этого суда при дворцѣ князя были управители дворцовыхъ путей. По грамотѣ 1540 г. оброчныхъ дворцовыхъ сокольниковъ Авнежской волости областные управители не судили ни въ чемъ кромѣ дѣлъ высшей уголовной юрисдикціи. Иски на нихъ стороннихъ людей разбирались тѣмъ же порядкомъ, какой былъ установленъ для привилегированныхъ лицъ, освобождавшихся отъ подсудности намѣстникамъ и волостелямъ, т. е. ихъ судилъ самъ великій князь или его бояринъ введенный; только этимъ бояриномъ, органомъ непосредственнаго княжескаго суда, былъ не дворецкій: «ино ихъ язъ сужу самъ, князь великій, или мой сокольниковичей» ²⁾. Такимъ же органомъ княжескаго суда, дворцовымъ судьей былъ, какъ мы видѣли выше, стольникъ

1) Сборн. грам. Тр. Серг. мон. № 530, л. 796 и 775. Иванова, Опис. Архива Сгар. Двлъ, стр. 244.

2) Акты Ист. I, № 295 Ср. акт. Арх. Эксп. I, № 147.

для людей, которые жили на земляхъ, подвѣдомственныхъ столярничу пути.

Такъ объясняется правительственное значеніе бояръ введенныхъ. Это были управители отдѣльныхъ вѣдомствъ дворцовой администраціи или дворцоваго хозяйства, дворецкій, казначей, сокольничій, столярникъ, чашникъ и проч. Можно понять, почему въ княжескихъ договорныхъ грамотахъ бояре введенные то подразумѣваются подъ общимъ названіемъ бояръ путныхъ, то отличаются отъ путниковъ, какъ большіе бояре. Путными назывались всѣ дворцовые чиновники, высшіе и низшіе, получавшіе за службу дворцовыя земли и доходы въ путь или въ кормленіе. Бояринъ введенный былъ вмѣстѣ и путнымъ, потому что обыкновенно пользовался такимъ жалованьемъ; но какъ большой бояринъ, онъ возвышался надъ простыми путниками, которые не были главными управителями отдѣльныхъ вѣдомствъ дворцоваго хозяйства. Занятые постоянно текущими дѣлами дворцоваго управленія, бояре введенные и путные съ своими людьми не могли отрываться отъ своихъ должностей для несенія поземельной повинности «городной осады», и потому князья въ своихъ договорахъ освобождали ихъ отъ этой обязанности ¹⁾).

Изъ начальникомъ отдѣльныхъ вѣдомствъ дворцовой администраціи, изъ этихъ бояръ введенныхъ собственно и состояла боярская дума удѣльнаго времени. Указанія съ двухъ сторонъ говорятъ въ пользу этого. Во-первыхъ, на это указываетъ позднѣйшій административный языкъ московскихъ канцелярій. Терминъ, о которомъ идетъ рѣчь, здѣсь держался едвали не до конца XVI в., и можно за-

1) Труднѣе объяснить происхожденіе самаго названія бояръ введенныхъ. Вѣроятно, въ немъ скрывается намекъ на то, что князь, назначая ихъ главными распорядителями своего дворцоваго хозяйства, поручая имъ своихъ домовыхъ слугъ и свои домашнія дѣла, какъ бы вводилъ ихъ въ свой дворецъ.

мѣтитъ, что въ актахъ этого времени названіе «введеннаго» было уже устарѣлымъ словомъ, подъ которымъ разумѣли «думнаго» человѣка. Въ нѣкоторыхъ актахъ 1571 г. дьякъ В. Я. Щелкаловъ называется «дьякомъ введеннымъ», а въ 1570-хъ годахъ этотъ дьякъ былъ уже думнымъ. Бояре введенные, какъ мы видѣли, въ грамотахъ удѣльнаго времени зовутся еще «большими»; точно также и въ позднѣйшихъ московскихъ актахъ думные дворяне отличались отъ простыхъ названіемъ «большихъ дворянъ». Бояринъ введенный удѣльнаго времени въ XVI в. обозначается также названіемъ «старѣйшаго человѣка» ¹⁾. Административный архаизмъ, какимъ былъ въ XVI в. титулъ «введеннаго», повидимому служилъ уже тогда почетнымъ отличіемъ и для членовъ думы, такъ что не всякій думный человѣкъ, а только наиболѣе приближенный къ государю изъ думныхъ носилъ это званіе. Упомянутому дьяку введенному Щелкалову не разъ поручались дипломатическія дѣла еще прежде, чѣмъ онъ наслѣдовалъ послѣ брата управленіе Посольскимъ приказомъ. Въ этихъ дѣлахъ онъ является съ званіемъ «дьяка ближняго». Въ 1587 г. онъ вмѣстѣ съ другимъ думнымъ дьякомъ Дружиной Петелинымъ, управителемъ Казанскаго дворца, отправленъ былъ въ числѣ великихъ московскихъ пословъ хлопотать на польскомъ избирательномъ сеймѣ объ избраніи царя Ѳедора на престолъ Польши и Литвы; но Пете-

¹⁾ Акты Ист. I, № 180. Дѣла, неподсудныя областнымъ управителямъ, въ удѣльное время докладывались самому князю или его боярину введенному. Въ 1520 г. тиунъ намѣстника перевитскаго съ Рязани, разбирая дѣло, превышавшее его компетенцію, сказалъ тяжущимся, что онъ доложить о немъ «государя великаго князя или человѣка старѣйшаго», и дѣло было доложено боярину Григорью Ѳедоровичу (Давыдову, родственнику дворецкаго В. А. Челядина, который уже прежде разбиралъ это дѣло и умеръ въ 1518 г.). Пискарева, Древн. грамоты Рязанск. края, № 13.

линъ назывался просто думнымъ дьякомъ, а Щелкаловъ *ближнимъ*. Другое указаніе находимъ въ самыхъ актахъ удѣльнаго времени. Когда извѣстное дѣло рѣшалось самимъ княземъ съ его боярскимъ совѣтомъ, въ грамотѣ обыкновенно обозначались имена бояръ, присутствовавшихъ на совѣтѣ. Къ сожалѣнію, при этомъ не всегда указывались должности, какія занимали участвовавшіе въ дѣлѣ совѣтники князя. Тамъ, гдѣ эти должности отмѣчались, мы чаще всего встрѣчаемъ околичаго, стольника, чашника, иногда казначея, а это все бояре введенные, ближайшіе къ князю придворные саповники, начальники отдѣльныхъ вѣдомствъ дворцовой администраціи ¹⁾).

Итакъ правительственный совѣтъ князя удѣльнаго времени состоялъ изъ главныхъ дворцовыхъ прикащиковъ: такъ можно назвать бояръ введенныхъ, и такое названіе поддерживается языкомъ актовъ древней Руси. Въ жалованныхъ грамотахъ привилегированнымъ лицамъ обычное выраженіе удѣльнаго времени: «сужу ихъ язъ, великій князь, или мой бояринъ введенный» въ XVI в. иногда замѣнялось однозначашею формулой: «сужу ихъ язъ, царь и великій князь, или кому *прикажемъ*».

Теперь обратимся къ актамъ удѣльнаго времени, въ которыхъ дѣла рѣшаются не единолично княземъ или бояриномъ, а совѣтомъ бояръ съ княземъ во главѣ или княземъ въ присутствіи совѣта. Такихъ актовъ уцѣлѣло довольно много отъ удѣльныхъ вѣковъ, и по нимъ можно составить понятіе о томъ, съ какимъ характеромъ и въ какомъ составѣ являлась боярская дума въ правительственной практикѣ. Въ сѣверовосточной Руси XIII—XIV в., въ княжествахъ по Окѣ и верхней Волгѣ, нельзя ожидать установившихся политическихъ формъ и отношеній, сложнаго

¹⁾ Памятн. дипл. снош. т. I, стр. 544 и 1183. Флетчеръ, гл. 10.

правительственного механизма. Многія изъ здѣшнихъ княжествъ, какъ младшія вѣтви, только еще выдѣлялись изъ старшихъ по мѣрѣ развѣтвленія княжескихъ линий. Это постепенное удѣльное дробленіе вмѣстѣ съ политическими границами колебало и политическіе порядки. Впрочемъ и здѣсь въ составѣ и дѣятельности боярскаго совѣта можно замѣтить черты, напоминающія боярскую думу, какую мы видѣли на Днѣпрѣ и Волынѣ XII и XIII в. По одной неизданной грамотѣ великій князь рязанскій Олегъ Ивановичъ во второй половинѣ XIV в. продалъ селище Солотчинскому монастырю, «поговоря» съ зятемъ своимъ (по сестрѣ), рязанскимъ бояриномъ Ив. Мирославичемъ, и въ присутствіи двухъ бояръ, изъ которыхъ одинъ былъ стольникомъ, а другой чашникомъ. Тому же князю принадлежитъ другой подобный актъ частнаго характера. Олегъ далъ село Ольгову монастырю, «сгадавъ» съ епископомъ рязанскимъ и съ своими боярами, которыхъ поименовано девять и притомъ одинъ «съ братьей», не перечисленной въ грамотѣ; въ числѣ этихъ совѣтниковъ князя встрѣчаемъ его дядьку, окольниковичаго и чашника. Въ другихъ случаяхъ при князѣ, у котораго можно предполагать значительное по числу боярство, боярскій правительственный совѣтъ является въ составѣ еще болѣе ограниченномъ. У преемниковъ Олега, великихъ князей рязанскихъ, былъ большой дворъ, не было недостатка въ боярствѣ; отъ нихъ сохранилось значительное количество актовъ съ обозначеніемъ присутствовавшихъ при ихъ совершеніи совѣтниковъ князя, и почти каждый разъ этотъ совѣтъ составляется всего изъ двухъ бояръ. Внукъ Олега, вел. кн. Иванъ Федоровичъ (1409—1456) далъ дворцовое село Солотчинскому монастырю, «поговоря» съ своимъ дядей, сыномъ упомянутаго выше Мирославича, бояриномъ Григоріемъ Ивановичемъ, и въ присутствіи 4 другихъ бояръ. Но жалуй этому дядѣ землю со льготами, тотъ же князь имѣлъ при себѣ только 2 бояръ. Иванъ

Селивановичъ Коробья, сынъ рязанскаго боярина изъ вы-
зжихъ татаръ и родоначальникъ рязанской боярской фами-
лиі Коробьиныхъ, докладывалъ своему вел. кн. Василию
Ивановичу (1464—1483) о совершенной имъ покупкѣ
села: «а тогда были у великаго князя бояре» такіе-то,
прибавляетъ докладная грамота, называя двухъ бояръ. Въ
1519 г. рязанскій вел. кн. Иванъ далъ деревню дѣтямъ
боярскимъ Ворыпаевымъ даже съ однимъ только бояриномъ
Ѳ. И. Сунбуломъ. Тоже встрѣчаемъ и при другомъ боль-
шомъ дворѣ. Служилые люди Подосеновы продали свою
землю, «доложа вел. кн. Михаила Борисовича» (тверскаго
1461—1485); въ докладной грамотѣ, сохранившейся въ
Троицкомъ Сергіевомъ монастырѣ, обозначены имена двухъ
бояръ, которые «у доклада были у великаго князя». Даже
вел. кн. московскій Василій Темный, мѣняясь селами съ
Троицкимъ Сергіевымъ монастыремъ, пишетъ въ мѣновой
грамотѣ: «а туто были на мѣнѣ бояре мои», которыхъ
названо трое. Такой же составъ имѣлъ въ ежедневной пра-
вительственной практикѣ и совѣтъ значительнаго удѣльнаго
князя. Дума князя верейскаго около половины XV в.
составлялась по одному дѣлу изъ 3, по другому изъ 2 бояръ;
а когда этотъ князь, выслушавъ докладъ о размежеваніи
своей земли съ землей Троицкаго Сергіева монастыря,
велѣлъ дать монастырскому повѣренному межевую или «разъ-
ѣздную» грамоту, «туто былъ у него» всего одинъ бояринъ
кн. В. В. Ромодановскій ¹⁾.

Изъ перечисленныхъ актовъ видно, что боярскій совѣтъ
при князѣ удѣльнаго времени не имѣлъ постоянного со-

¹⁾ Акты Вердеревскихъ и Ворыпаевыхъ въ рукописной Го-
дословной Иванова, въ Моск. Арх. мин. юстици. А. И. I, №№
2 и 36. Пискарева, Др. гр. Ряз. края, №№ 3 и 4. Акты,
относ. до юр. быта, II, № 156, VIII Г. Калачова, Арх. ист.-
юр. св., кн. 2, полов. 1-я, отд. 3, стр. 129. Сборн. гр. Тр. Серг.
мон. № 530, л. 274, 269 и 360.

става. Совѣтниками князя были всѣ его бояре введенные. «Мѣстная» нижегородская грамота XIV в., перечисляя по-видимому обычныхъ совѣтниковъ в. кн. Дмитрія Константиновича, называетъ 8 лицъ, въ томъ числѣ тысяцкаго княжеской столицы и казначея; на одномъ засѣданіи совѣта современника Дмитріева, вел. кн. рязанскаго Олега присутствовало болѣе 9 бояръ; даже у Владиміра Андреевича, удѣльнаго серпуховскаго князя того же времени, было 10 бояръ введенныхъ и путныхъ; не говоримъ уже о боярахъ великаго князя московскаго. Но обычныя засѣданія совѣта составлялись далеко не изъ всѣхъ бояръ, и трудно замѣтить, чѣмъ опредѣлялся этотъ составъ. Иныя дѣла князь рѣшалъ, «сгадавъ» съ довольно значительнымъ числомъ совѣтниковъ, даже иногда при участіи высшаго мѣстнаго представителя церковной іерархіи; при рѣшеніи другихъ по-видимому столь же важныхъ или столь же неважныхъ дѣлъ присутствовало всего два-три боярина даже при такихъ дворахъ, гдѣ ихъ всегда можно было собрать гораздо больше.

Объясняя, почему составъ боярской думы удѣльныхъ вѣковъ былъ такъ измѣнчивъ, надобно коснуться политическаго значенія тѣхъ актовъ удѣльнаго времени, которые исходили отъ князя съ его боярскимъ совѣтомъ. Акты эти въ большинствѣ частнаго характера: это все жалованныя, докладныя и тому подобныя грамоты. Но въ такихъ именно актахъ и выражалось княжеское законодательство того времени. Оно не знало основныхъ законоположеній, общихъ регламентовъ; точнѣе говоря, при установленіи правительственнаго и общественнаго порядка оно шло не отъ такихъ законоположеній и регламентовъ, опредѣляя ими частные случаи, а наоборотъ. Каждый частный случай, разрѣшенный въ извѣстномъ смыслѣ по указанію опыта или потребности данной минуты, становился прецедентомъ; приговоръ правительства по частной просьбѣ служилъ при-

мѣромъ, образцомъ на долгое время для многихъ однородныхъ ходатайствъ. Такъ мозаически складывался общій порядокъ. Значить, частные акты, исходившіе отъ князя съ его боярскимъ совѣтомъ, имѣли учредительное значеніе, какъ бы ни были мелки опредѣлявшіяся ими отношенія; читая всѣ эти жалованныя, докладныя и другія грамоты, въ значительномъ количествѣ уцѣлѣвшія отъ удѣльнаго времени, мы присутствуемъ при строеніи удѣла, слѣдовательно при закладкѣ основаній правительственнаго и общественнаго порядка въ Московскомъ государствѣ, строй котораго былъ послѣдовательнымъ развитіемъ удѣльнаго. Такой ходъ дѣлъ былъ неизбежнымъ послѣдствіемъ процесса, которымъ создавалась удѣльная Русь. Удѣль въ ту минуту, когда на немъ садился тотъ или другой князь, не былъ готовымъ обществомъ съ установившимися отношеніями, съ достаточно устроеннымъ правительственнымъ, общественнымъ и экономическимъ бытомъ, который оставалось бы только скрѣпить общими законоположеніями. Все только завязывалось, только еще прокладывало себѣ дорогу; однородныя явленія опредѣлялись законодательствомъ по мѣрѣ того, какъ возникали одно за другимъ. Какъ съ развитіемъ колонизаціи изъ новаго села, постепенно оброставшаго новыми деревнями, возникалъ новый административный округъ, волость; такъ по мѣрѣ успѣховъ хозяйственной эксплуатаціи княжества въ центральномъ его управленіи появлялись новыя вѣдомства. Дворецъ князя былъ первичнымъ зерномъ, изъ котораго выросло все въ значительныхъ княжествахъ довольно сложное центральное управленіе удѣльнаго времени, какъ дворецкій былъ первообразомъ центральнаго администратора, боярина введеннаго и потомъ судьи московскаго приказа. Гдѣ на дворцовыхъ земляхъ достигала значительныхъ размѣровъ разработка «бортныхъ ухажьевъ», рыбныхъ ловель и другихъ угодій столична пути, тамъ рядомъ съ дворецкимъ становились

стольникъ и чашникъ, даже два стольника и чашника. Въ большихъ княжествахъ очень рано должны были явиться около дворецкихъ окольничіе, казначеи, конюшіе, стольники, чашники, ловчіе и пр.; въ мелкихъ удѣлахъ штатъ дворцовой администраціи и въ позднѣйшее время не достигалъ такой полноты развитія. Образование постоянныхъ отдѣльныхъ вѣдомствъ дворцоваго управленія, установленіе однообразнаго порядка текущаго дѣлопроизводства было вызвано постепеннымъ накопленіемъ или частымъ повтореніемъ однородныхъ правительственныхъ дѣлъ, а это накопленіе или повтореніе было слѣдствіемъ успѣховъ развитія извѣстныхъ общественныхъ отношеній и интересовъ. Но прежде чѣмъ эти отношенія и интересы проторили себѣ привычную дорогу въ удѣльномъ управленіи и улеглись въ извѣстныхъ вѣдомствахъ, они являлись передъ удѣльнымъ правительствомъ экстренными дѣлами, которыя разрѣшались такимъ же экстреннымъ способомъ. Здѣсь начало тѣхъ правительственныхъ порученій, временныхъ и случайныхъ, посредствомъ которыхъ вершились дѣла прежде, чѣмъ образовались для нихъ постоянныя учрежденія. Такой порядокъ веденія дѣлъ былъ замѣтенъ въ разныхъ отрасляхъ московскаго управленія даже XVI вѣка. Чиновника, завѣдовавшаго той или другою частью дворцоваго хозяйства, иногда встрѣчаемъ за правительственнымъ дѣломъ, не имѣвшимъ повидимому ничего общаго съ тѣмъ вѣдомствомъ, къ которому онъ принадлежалъ по своей должности: дворцовый дьякъ ѣздилъ посланникомъ къ императору германскому, а казначей назначался «въ отвѣтъ», для переговоровъ съ иностраннымъ посольствомъ, пріѣхавшимъ къ московскому государю, или вмѣстѣ съ дьякомъ Казанскаго дворца посылался на съѣздъ съ шведскими послами для заключенія мира. Въ удѣльномъ княжествѣ сѣверо-восточной Руси, только еще устроявшемся, правительству на каждомъ шагу встрѣчались дѣла, которыя не

укладывались въ существовавшія постоянныя учрежденія. Самый языкъ старинныхъ актовъ долго хранилъ на себѣ слѣды того, что въ высшей удѣльной администраціи для многихъ правительственныхъ дѣлъ не существовало специальныхъ постоянныхъ должностей или учреждений, а дѣлались особыя временныя назначенія. Выше было уже замѣчено, что жалованныя грамоты XIV и XV в., опредѣляя подсудность привилегированнаго землевладѣльца, обыкновенно выражаются, что судить его самъ князь или его бояринъ введенный, не указывая, какой именно по должности, какъ бы разумѣя того, который будетъ нарочно назначенъ для этого. Позднѣе, когда вѣдомства въ центральномъ управленіи разграничились, грамоты стали точнѣе обозначать этого боярина введеннаго, говоря, что жалуемое лицо судить самъ князь или его дворецкій.

Всѣ чрезвычайныя для тогдашняго управленія дѣла, случившіяся однако довольно часто, восходили, разумѣется, къ самому князю и рѣшались тѣмъ же способомъ особыхъ порученій. Вопросъ объ этомъ способѣ представляетъ нѣкоторый историческій интересъ, потому что касается происхожденія центральныхъ правительственныхъ учреждений, дѣйствовавшихъ въ Московскомъ государствѣ XVI и XVII в. Форма порученій не всегда была одинакова, если можно такъ выразиться о правительственныхъ лицахъ, на которыхъ они возлагались. На это различіе указываютъ жалованныя грамоты, когда говорятъ, что привилегированнаго землевладѣльца судить самъ князь или его бояринъ введенный. Слова этой формулы не значать, что все равно, судилъ ли въ этомъ случаѣ самъ князь, или бояринъ введенный: судъ того и другаго—это различныя виды дворцоваго или центрального суда, которые иногда прямо различаются и въ актахъ. Великій князь Иванъ III далъ въ кормленіе волость Бѣль Кушалъскую въ Тверскомъ уѣздѣ дмитровскому намѣстнику Еремѣеву и въ жалованной гра-

мотѣ прибавилъ, что въ случаѣ иска на людяхъ той волости со стороны «введенные мои бояре не судятъ, а судить ихъ намѣстникъ нашъ, или ихъ сужу язъ самъ, великій князь». Частное привилегированное лицо подлежало суду самого князя или его боярина введеннаго. Но намѣстникъ не былъ частнымъ лицомъ: по своимъ правительственнымъ полномочіямъ онъ самъ становился въ положеніе боярина введеннаго, надъ которымъ стояла одна власть князя, и потому дѣла, переносившіяся изъ намѣстничьей волости въ центральное управленіе, восходили къ самому князю помимо того или другаго боярина введеннаго ¹⁾. Значитъ, въ разсматриваемомъ выраженіи жалованныхъ грамотъ о подсудности самому князю или его боярину введенному различаются судъ боярскаго совѣта при князѣ и единоличный судъ того боярина, которому князь поручалъ дѣло. Обычная формула жалованныхъ грамотъ, опредѣляющая подсудность привилегированныхъ лицъ, можно думать, идетъ отъ того еще времени, когда въ центральномъ управленіи княжества впервые начали разграничиваться правительственныя инстанціи, какими впоследствии являются московскій приказъ и московская боярская дума.

Если такое объясненіе указанной формулы жалованныхъ грамотъ заслуживаетъ вѣроятія, то по частнымъ актамъ, уцѣлѣвшимъ отъ удѣльнаго времени, мы застаемъ боярскую думу въ ея первоначальномъ, еще неотвержденномъ состояніи и можемъ слѣдить, какъ изъ княжескаго совѣта, слу-

¹⁾ Временникъ Общ. Ист. и Древн. Росс., кн. 20, смѣсь, стр. 23. Такое отношеніе намѣстника къ центральному правительству можно сопоставить съ 75-ю статьей Судебника 1550 г., по которой вызывать намѣстника изъ его округа раньше, чѣмъ онъ „сѣдетъ съ жалованья“, можно было только по такой записи, „которую велеть дати бояре, приговора вмѣствъ, а одному боярину и дьяку пристава съ записью не давати“. Вызвать намѣстника могла только боярская дума, т. е. самъ государь, а не бояринъ, управлявшій тѣмъ или другимъ приказомъ.

чайнаго и измѣнчиваго по составу и кругу дѣлъ, она превращается въ учрежденіе съ твердыми формами и определеннымъ вѣдомствомъ. Съ теченіемъ времени все большее количество дѣлъ, превышавшихъ компетенцію областныхъ правителей, но имѣвшихъ уже прецеденты, ставшихъ обычными, рѣшалъ тотъ или другой бояринъ введенный по особому порученію отъ князя или въ качествѣ начальника особаго постояннаго вѣдомства. Но въ свое время подобныя дѣла имѣли значеніе экстренныхъ, и тогда каждое такое дѣло восходило къ самому князю. Послѣдній призывалъ къ себѣ для его рѣшенія нѣкоторыхъ изъ своихъ бояръ, имена которыхъ и прописывались въ актѣ, излагавшемъ приговоръ совѣта: такъ въ иной грамотѣ читаемъ, что на докладѣ объ извѣстномъ дѣлѣ у князя были такіе-то бояре, что князь пожаловалъ извѣстное лицо окольнымъ и чашникомъ или съ окольнымъ и чашникомъ такими-то. Составъ такого совѣта зависѣлъ отъ усмотрѣнія князя. При недостаткѣ знакомства съ подробностями административныхъ отношеній времени и мѣста этотъ составъ кажется совершенно случайнымъ; притомъ грамоты не всегда обозначаютъ должности бояръ, составлявшихъ совѣтъ князя при рѣшеніи дѣла. Въ большей части случаевъ нѣтъ возможности догадаться, почему на совѣтѣ у князя присутствовали такіе-то бояре, почему однородныя повидимому дѣла иногда рѣшаются въ присутствіи окольного и чашника, иногда стольника и двухъ чашниковъ. Но по нѣкоторымъ грамотамъ можно заключать, что составъ такихъ совѣтовъ въ иныхъ случаяхъ опредѣлялся извѣстными административными соображеніями. Грамота рязанскаго князя Ивана Федоровича, утверждая служилыхъ людей Бузовлевыхъ во владѣніи наследственнымъ селомъ, жалуешь имъ при этомъ обычныя землевладѣльческія льготы ¹⁾. Въ актѣ

¹⁾ Акты рода Бузовлевыхъ въ упомянутой выше рукописной Родословной Иванава.

обозначены имена двухъ бояръ, присутствовавшихъ при его совершении, окольниковъ и чашника. Трудно объяснить присутствіе перваго; но второй имѣлъ прямое административное отношеніе къ дѣлу, потому что къ селу, о которомъ говоритъ грамота, принадлежала «вотчина, земля бортная», а доходы князя съ частныхъ бортныхъ угодій, если послѣднія не были освобождены отъ налоговъ особымъ пожалованіемъ, вѣдалъ чашникъ. Здѣсь надобно искать причины, почему князь, обладавшій значительнымъ боярствомъ и рѣшавшій мелкія частныя дѣла съ двумя, даже иногда съ однимъ бояриномъ, по дѣламъ особенно важнымъ созывалъ многочисленный совѣтъ. Великій князь рязанскій Олегъ Ивановичъ, жалуя Ольгову монастырю село Арестовское, подтвердилъ право обители на владѣніе обширною вотчиною, пріобрѣтенной ею отъ прежнихъ рязанскихъ князей и бояръ и состоявшею изъ многихъ бортныхъ земель и погостовъ съ озерами, бобровыми ловлями, перевѣсками и со всѣми пошлинами: все это касалось многихъ вѣдомствъ княжеской администраціи. Притомъ Олегъ отдавалъ богатую обитель въ пожизненное управленіе игумену Арсенію съ правомъ назначить себѣ преемника, а это прямо касалось енархіального рязанскаго архіерея. Такое важное и сложное дѣло великій князь рѣшаетъ, «сгадавъ» съ отцомъ своимъ владыкою Василиемъ и со многими боярами, въ числѣ которыхъ названы и окольниковъ съ чашникомъ; но въ актѣ нѣтъ и намека на то, чтобъ это было общее собраніе всѣхъ совѣтниковъ князя. Памятники удѣльнаго времени не даютъ возможности видѣть, насколько правильно и послѣдовательно проводился такой правительственный подборъ совѣтниковъ въ боярскихъ совѣтахъ разныхъ княжествъ. Онъ былъ, разумѣется, возможенъ только тамъ, гдѣ центральное дворцовое управленіе достигло нѣкотораго развитія и расчлененія, нѣкотораго отверженія вѣдомствъ. Благодаря такому подбору боярскій совѣтъ

при князѣ, первоначально случайный и измѣнчивый по составу, потомъ, оставаясь измѣнчивымъ попрежнему, становился менѣе случайнымъ по крайней мѣрѣ въ значительныхъ княжествахъ, составлялся изъ тѣхъ бояръ введенныхъ, которыхъ наиболѣе касалось извѣстное дѣло по роду управляемыхъ ими вѣдомствъ. Такіе боярскіе совѣты, составлявшіеся особо для каждаго дѣла или для нѣсколькихъ дѣлъ изъ прикосновенныхъ къ нимъ управителей, на современномъ административномъ языкѣ можно было бы назвать правительственными комиссіями, еслибы только при комиссіи не предполагалось общее собраніе, на утвержденіе котораго восходятъ ея рѣшенія. Вопросъ о существованіи общихъ собраній княжескихъ совѣтниковъ рядомъ съ тѣсными и частными совѣтами едвали приложимъ къ правительственнымъ порядкамъ и понятіямъ того времени, и мы нигдѣ не находимъ намека на нихъ. Правительственная практика была еще такъ проста, что не возбуждала въ правителяхъ мысли о различіи между общимъ собраніемъ боярской думы и думскою комиссіей. Обыкновенные, ежедневные совѣты, какими они являются при князѣ по актамъ удѣльнаго времени, скорѣе можно было бы назвать отдѣленіями или департаментами боярской думы, еслибы встрѣтились въ памятникахъ указанія на то, что одни дѣла князь постоянно рѣшалъ напримѣръ съ стольникомъ и чашникомъ, а другія всегда съ дворецкимъ, окольничимъ и т. п. При отсутствіи такихъ указаній остается признать, что боярская дума, смотря по важности дѣла, собиралась въ болѣе полномъ или въ менѣе полномъ составѣ; но состояла ли она изъ двухъ бояръ, или изъ десяти, даже съ представителемъ мѣстной церковной власти, въ томъ и другомъ случаѣ это была все та же обыкновенная боярская дума подъ предсѣдательствомъ князя, и ея постановленіе считалось окончательнымъ приговоромъ самого князя. Въ правительственныхъ соображеніяхъ послѣдняго

могло быть мѣсто вопросу, кого изъ наличныхъ бояръ призвать на совѣтъ по извѣстному дѣлу; но трудно себѣ представить, что могло побудить его думать о томъ, сколько ихъ призвать.

Два обстоятельства должны были мѣшать развитію мысли о правительственномъ значеніи числа, о политической ариетикѣ, вообще о составныхъ элементахъ боярскаго совѣта при князѣ. Во-первыхъ, мы ошиблись бы, еслибы стали представлять себѣ боярскую думу того времени законодательнымъ или совѣщательнымъ собраніемъ государственныхъ совѣтниковъ, все правительственное назначеніе которыхъ только въ томъ и состояло, чтобы собираться и вотирировать законы или давать князю полезные совѣты. Званіе боярина еще не получило такого спеціальнаго правительственнаго значенія. Онъ былъ просто старшимъ служилымъ человѣкомъ князя и удовлетворялъ различнымъ потребностямъ княжескаго управленія. Онъ водилъ полки своего князя въ походы, былъ въ то же время бояриномъ введеннымъ, т. е. занималъ какую-нибудь должность по центральному дворцовому управленію; онъ же служилъ орудіемъ областной администраціи, получалъ какой-либо городъ въ кратковременное кормленіе за свою службу. Все это должно было сообщать кругу наличныхъ совѣтниковъ князя въ значительномъ княжествѣ характеръ подвижнаго и измѣнчиваго общества. Всѣ бояре, занимавшіе должности по военному, дворцовому и областному управленію, считались совѣтниками князя. Но чѣмъ сложнѣе становилось управленіе, тѣмъ болѣе должно было увеличиваться количество бояръ, которыхъ можно, примѣняясь къ языку Свода Законовъ, назвать «неприсутствующими членами» княжескаго совѣта, и тѣмъ труднѣе было возникнуть мысли о постоянномъ или нормальномъ численномъ составѣ боярскаго думы. Съ другой стороны, боярство въ княжествѣ удѣльнаго времени далеко не было постоянной мѣстной корпораціей привилегирован-

ныхъ землевладѣльцевъ, которые въ силу этого руководили управленіемъ княжества въ качествѣ совѣтниковъ князя. Бояринъ былъ такою же случайностью въ княжествѣ, гдѣ служилъ, какъ и всякій другой свободный обыватель. Онъ свободно переходилъ отъ князя къ князю, могъ имѣть и не имѣть земельной собственности тамъ, гдѣ служилъ, и часто имѣлъ землю не тамъ, гдѣ служилъ. Его служебныя отношенія, его правительственное значеніе не были связаны съ землевладѣльческимъ его положеніемъ: онъ былъ совѣтникомъ князя потому, что былъ его слугой, а не потому, что былъ землевладѣльцемъ въ его княжествѣ, какъ не былъ слугой его потому, что имѣлъ вотчину въ предѣлахъ его владѣній, хотя часто становился вотчинникомъ въ княжествѣ потому, что служилъ его князю. Поэтому въ исторіи боярской думы незамѣтно многихъ явленій, какія встрѣчаемъ въ исторіи подобныхъ учрежденій тамъ, гдѣ верховная власть имѣла дѣло съ такими обществами привилегированныхъ землевладѣльцевъ. Такъ средневѣковые короли Франціи должны были вести съ ними борьбу по вопросамъ о составѣ высшаго центрального управления и въ частности своего правительственнаго совѣта. Не безъ труда удавалось имъ превратить извѣстный придворный санъ, наслѣдственно связанный съ однимъ леномъ, въ правительственную должность по королевскому назначенію (*dignitas non propterea, sed mandata*), какъ это было съ великимъ сенешалемъ при Капетингахъ. Они должны были одолѣть сопротивленіе главныхъ феодаловъ королевства, чтобы слить совѣтъ пэровъ съ совѣтомъ главныхъ сановниковъ королевскаго дворца ¹⁾. Точно также нужны были

1) *Ministeriales palatii domini regis*, наши бояре введенные. Тѣ и другіе носили почти однозначачія должностныя званія: *connétable* нашъ конюшій, *grand maître* дворецкій, *grand chambrier* казначей, *panetier* стольникъ, *bouteiller* или *échanson* чашникъ.

усилія, чтобы дать мѣсто и значеніе въ королевскомъ совѣтѣ или парламентѣ рядомъ съ баронами и прелатами приказному элементу, если позволено будетъ такъ назвать легистовъ, знатоковъ римскаго права съ ихъ теоріей королевской власти и стремленіемъ къ политической централизациі. Въ боярскомъ совѣтѣ русскаго князя, даже такого значительнаго, какимъ былъ московскій въ началѣ XV в., не встрѣчались элементы столь разнородные по происхожденію и политическому характеру. Бояринъ введенный обыкновенно былъ крупнымъ землевладѣльцемъ въ княжествѣ; но занимая должность по дворцовому управленію, онъ дѣйствовалъ исключительно по полномочію, полученному отъ князя, имѣлъ значеніе его большаго прикащика. Онъ былъ въ то же время и привычнымъ авторитетомъ для подчиненныхъ, знатокомъ правительственнаго дѣлопроизводства. Въ средѣ боярскаго совѣта русскому князю не приходилось различать совѣтниковъ наслѣдственныхъ и пожалованныхъ (*les conseillers nés et les conseillers faits*, пэры и коронные сановники) и противопоставлять однихъ другимъ. Въ большихъ княжествахъ удѣльнаго времени встрѣчаемъ боярскія фамиліи, какъ будто наслѣдственно пользовавшіяся извѣстными правительственными должностями. Такъ родословная тверскихъ бояръ Шетневыхъ говоритъ о дѣдѣ, отцѣ и внукѣ, преемственно занимавшихъ въ Твери XIII—XIV в. должность тысяцкаго; ту же должность занимали въ Москвѣ при Иванѣ Калитѣ и его преемникахъ родоначальникъ Вельяминовыхъ Протасій Вельяминъ съ сыномъ и внукомъ. Но это было слѣдствіемъ правительственныхъ соображеній князя, а не какого-либо независимаго отъ него политическаго значенія фамиліи среди мѣстнаго общества. Значить, совѣтники князя были простыми административными его орудіями, а не политическими голосами: ихъ не было нужды считать при рѣшеніи дѣлъ и рѣд-

ко приходилось считаться съ ними въ политическихъ затрудненіяхъ.

Сравненіе съвернорусской боярской думы удѣльнаго времени съ правительственнымъ совѣтомъ средневѣковыхъ французскихъ королей помогаетъ лучше видѣть, чѣмъ не была и не могла быть первая. Сопоставленіе ея съ правительственнымъ совѣтомъ другаго ближайшаго къ Москвѣ и притомъ полурусскаго государства поможетъ разсмотрѣть, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ и что значили ея члены въ ежедневномъ правительственномъ обиходѣ. Встрѣчая подъ какой-либо жалованною грамотой князя удѣльнаго времени перечень именъ двухъ или трехъ бояръ, присутствовавшихъ у князя при совершеніи акта, въ первую минуту недоумѣваешь, засѣданіе ли это боярской думы, или что иное. Великій князь московскій Василій Димитріевичъ промѣнялъ митрополиту Кириану слободу Святославию на митрополичій городъ Алексинъ¹⁾). Обѣ власти совершили мѣну съ своими боярами, и подъ актомъ подписаны были имена шести бояръ великокняжескихъ и пяти митрополичьихъ. Частная ли это сдѣлка съ обозначеніемъ свидѣтелей, или соединенное засѣданіе двухъ думъ и двухъ ли думъ, или только ихъ комиссій? И то и другое въ извѣстномъ смыслѣ: и частная сдѣлка при свидѣтеляхъ по формѣ, и актъ двухъ правительственныхъ совѣтовъ по существу, хотя мы не можемъ сказать, состоялся ли онъ на соединенномъ засѣданіи обоихъ, или какъ иначе. Князь удѣльнаго времени былъ государь съ правами верховной власти, и собиравшійся при немъ совѣтъ бояръ былъ государственный совѣтъ въ тогдашнемъ смыслѣ этихъ словъ. Но управленіе въ княжествѣ того времени складывалось по типу частной привилегированной вотчины и заимствовало формы изъ круга частныхъ юридическихъ отношеній. Такой по-

¹⁾ Акты Ист. I, № 215.

литическій актъ, какъ передача княжества наслѣдникамъ, совершался посредствомъ духовной грамоты, по формѣ сходной съ завѣщаніемъ частнаго лица. Въ XV в. политическій бытъ и общественныя отношенія обѣихъ половинъ Руси, западной литовской и восточной, объединявшейся подъ властію Москвы, представляли еще много сходнаго. Жалованныя грамоты великихъ князей литовскихъ, какъ и нашихъ, обыкновенно оканчиваются перечнемъ совѣтниковъ, въ присутствіи которыхъ совершался актъ, и этотъ перечень начинается почти тѣми же словами: «а при томъ были» такіе-то паны. Извѣстны двѣ жалованныя грамоты в. кн. Свидригайла, написанныя въ 1438 году на разстояніи менѣе чѣмъ трехъ мѣсяцевъ. Личный составъ великокняжескаго совѣта не могъ измѣниться значительно въ такой короткій промежутокъ времени; между тѣмъ подъ первымъ актомъ обозначены имена одиннадцати пановъ, подъ вторымъ восьми, и изъ всѣхъ этихъ именъ всего три стоятъ въ обоихъ актахъ. Еще скромнѣе по составу правительственный совѣтъ, изъ котораго исходили жалованныя грамоты короля польскаго и великаго князя литовскаго Казимира: въ этомъ отношеніи онѣ близко напоминаютъ акты рязанскихъ князей XV в. Изъ двухъ грамотъ 1450 г. одному и тому же пану подъ одной, данной въ Вильнѣ, значится четыре панскихъ имени, а подъ другой, написанной въ Гроднѣ всего недѣлю спустя, только три, и имена эти въ обоихъ актахъ всѣ разныя кромѣ одного. Кажется, и тамъ, какъ у насъ, количество совѣтниковъ, призываемыхъ для рѣшенія дѣла, зависѣло отъ политической важности послѣдняго: для жалованной грамоты простому пану на вотчину считали достаточнымъ присутствіе трехъ или четырехъ думныхъ людей, а при утвержденіи за кн. Ѳ. Воротынскимъ наслѣдственнаго обладанія данными ему въ вотчину волостями въ 1455 г. присутствовали виленскій епископъ, четыре сановника, poi-

менованные въ актѣ, «и иные панове вси старшіе». Однако каждое изъ указанныхъ собраній, столь измѣнивыхъ по составу и иногда столь малочисленныхъ, считалось настоящимъ правительственнымъ совѣтомъ, *радой* великаго князя: въ одной изъ грамотъ 1438 г. Свидригайло пишетъ, что онъ далъ ее, «порадивше съ нашими князи и съ паны и съ нашею вѣрною радюю»; точно также и Казимиръ пожаловалъ пана, «подумавши съ князьями и съ паны, съ вѣрною радюю», хотя эта рада состояла всего изъ четырехъ пановъ, изъ которыхъ ни одинъ не носилъ княжескаго титула ¹⁾.

Любопытное всего то, что въ этихъ русско-литовскихъ актахъ члены правительственнаго совѣта обозначаются терминомъ, прямо взятымъ изъ круга частныхъ юридическихъ отношеній: великій князь обыкновенно говоритъ, перечисляя своихъ совѣтниковъ: «а притомъ были *свѣдоки*, рада наша». Думаемъ, что этотъ терминъ указываетъ на первоначальное простѣйшее значеніе, какое имѣлъ княжескій совѣтникъ въ удѣльное время: онъ былъ не болѣе какъ свидѣтелемъ, который скрѣплялъ своимъ присутствіемъ актъ верховной власти. Памятники права, обращавшіеся въ древней Руси, даютъ и съ другой стороны указаніе на ту же близость терминологіи высшаго княжескаго управленія къ языку частныхъ юридическихъ отношеній. Слово *совѣтникъ* старинный терминъ, извѣстный на московскомъ придворномъ языкѣ въ смыслѣ боярина уже по актамъ начала XVI в., но вѣроятно употреблявшійся и ранѣе. Древнерусскій *послухъ*, свидѣтель, часто становился на мѣсто тяжущейся стороны, въ пользу которой показывалъ,

¹⁾ Акты Зап. Росс. 1, №№ 36, 37, 54, 57. Ср. тамъ же №№ 53, 70, 77, 120 и 170. Русск. Ист. Библиотека, II, № 17. О радѣ короля Казимира 1463 г. и о думѣ кн. Димитрія Ольгердовича 1388 г. см. Срезневскаго, Свѣдѣнія и зам. о малоизвѣстн. пам. №№ X и LIII. Григоровича, Вѣлорусск. Арх., I, № 6.

принималъ на себя такую отвѣтственность за ея дѣло, что оно становилось его собственнымъ дѣломъ. Въ этомъ отношеніи послушество имѣло нѣкоторое сходство съ порукой за чужой долгъ передъ кредиторомъ. Въ старинномъ славянорусскомъ переводѣ византійскаго *Прохирона* имп. Василія Македонянина, вошедшемъ въ составъ нашей Кормчей подъ названіемъ *Градскаго Закона*, оставливаетъ на себѣ вниманіе одинъ видъ поручительства за должника: отвѣчающій за взятые займы деньги (*constitutae pecuniae reus, ἀντιφωρητής*) названъ въ переводѣ «совѣтникомъ»¹⁾. Такимъ образомъ, если правительственный совѣтникъ являлся въ актахъ съ названіемъ свидѣтеля, то и отвѣтственный передъ займодавцемъ свидѣтель займа назывался совѣтникомъ должника. Какъ бы оправдывая такое сродство терминологіи государственнаго и гражданскаго права, по актамъ какъ западной, такъ и восточной Руси боярскій совѣтъ иногда является въ такомъ видѣ, что бояринъ-совѣтникъ очень походитъ на частнаго случайнаго свидѣтеля акта, по крайней мѣрѣ сидитъ съ нимъ рядомъ. Въ первой половинѣ XV в. правилъ Кіевомъ въ качествѣ намѣстника великаго князя литовскаго внукъ Ольгерда Александръ (Олелько) Владиміровичъ, а преемникомъ его былъ сынъ его Семень. Намѣстники въ Литвѣ тогда дѣйствовали еще какъ удѣльные князья: Олелько и его сынъ имѣли своихъ служилыхъ князей и бояръ, раздавали земли въ управляемой области. Жена князя-намѣстника Олелька была московка, дочь великаго князя московскаго Василія Димитріевича Настасья. По смерти мужа она вспомнила свою далекую родину и пожертвовала въ обитель преп. Сергія двѣ волости Передоль и Почань въ тогдашнемъ Малоярославскомъ уѣздѣ. Этотъ частный актъ личнаго

¹⁾ *Zachariae, Prochiron, tit. XVI, cap. 10* ср. съ соответствующимъ мѣстомъ 48 главы печатной Кормчей.

усердія къ монастырю княгиня-вдова облекла въ торжественную форму приговора кievской боярской думы, въ которой она сама является предсѣдательницей, а сынъ-правитель однимъ изъ совѣтниковъ рядомъ съ архимандритомъ печерскимъ. Въ одной неизданной грамотѣ Троицкаго Сергіева монастыря читаемъ: «Милостію Божіею мы, княгини Александровая Настасья кievская, подумавши есмь съ своими лѣтми, со кн. Семеномъ Александровичемъ и со кн. Михаиломъ Александровичемъ и съ нашимъ отцемъ съ архимандритомъ печерскимъ Николюю и съ нашею вѣрною радою, съ князьми и съ паны, придали есмя у домъ св. Троицы къ монастырю Сергіеву двѣ волости нашихъ Передоль и Почаць» ¹⁾. Еще своеобразіе было одно засѣданіе думы другого служилаго литовскаго князя Андрея Владиміровича, деверя упомянутой кievской княгини-московки. Пріѣхавъ съ семьей и дворомъ въ Кіевъ въ 1446 г., онъ написалъ духовную, въ которой отказалъ женѣ и дѣтямъ «свою отчину и свою выслугу», гдѣ онъ правилъ какъ удѣльный князь. Онъ совершилъ этотъ актъ, подумавши съ своей

¹⁾ Сборн. Тр. Серг мон. № 530, л. 315. Подлинной грамоты Настасьи не могли уже найти въ монастырѣ при архимандритѣ Діонисіи, когда приводили въ порядокъ монастырскіе акты. Но при Грозномъ эта повидимому грамота хранилась въ одномъ изъ ящиковъ царскаго архива. Акт. Арх. Эксп. I, стр. 346. Дата (6907 г. индикта 7) передана въ копіи невѣрно: вѣротно, пропущена цифра десятковъ. Число индикта показываетъ, что это могъ быть или 6937 или 6967 годъ. Вѣроятіе послѣдній: въ 1429 г. Николай еще не былъ печерскимъ архимандритомъ и, кажется, былъ еще живъ Олелько. Строева, Списки іерарховъ, 12. О Настасьѣ наши лѣтописи упоминаютъ въ 1447 г. Объ Олелькѣ и Семенѣ см. Акт. Зап. Росс. I, №№ 28 и 77. Соловьева, Ист. Росс. IV, прим. 39. Опис. Киевопеч. Лавры, стр. 20: митр. Евгеній называетъ Семена Олельковича княземъ Слуцкимъ, можетъ быть, смѣшивая его съ племянникомъ Семеномъ Михайловичемъ, который въ нашихъ старинныхъ родословныхъ носитъ этотъ титулъ. Врем. Общ. Ист. и Др. Рос., X, II, 83 и 139.

княгиней, съ архимандритомъ печерскимъ и со святыми старцами, также съ своими боярами; на засѣданіи присутствовали вмѣстѣ съ архимандритомъ уставщикъ, ключникъ, келарь монастыря «и иныхъ господа нашее старцевъ много»; наконецъ «при томъ были» три боярина и «маршалка» завѣщателя, обозначенные поименно, изъ нихъ одинъ князь, «и иныя бояре наши и слуги при томъ были», прибавляетъ завѣщатель въ заключеніе перечня. Служилые литовскіе князья-братья Бабичи-Друцкіе въ 1460-хъ годахъ пожертвовали основанному смоленскимъ епископомъ Михаиломъ монастырю свои вотчинныя села. Какъ частныя лица, совершившія частный актъ, они потомъ лично подтвердили, «очивистѣ признали» свои вкладныя записи на докладѣ передъ королемъ Казимиромъ. Какъ частный актъ, каждая вкладная скрѣплена свидѣтелями, которые «при томъ были»; этими свѣдоками были собственные бояре вкладчиковъ и рядомъ съ ними стороннія лица, священники, государственный чиновникъ, маршалко епископа и даже сторонніе князья, такіе же какъ сами Бибичи, притомъ одинъ также съ своими боярами ¹⁾).

Въ восточной Руси политическая централизація шла быстрѣе и дѣйствовала исключительно. У служилыхъ князей здѣсь не видимъ ни бояръ, ни боярскихъ совѣтовъ, какъ скоро они теряли удѣльную самостоятельность и становились простыми землевладѣльцами. Но въ церковномъ управленіи долго и по исчезновеніи удѣловъ держались удѣльныя формы и порядки. У митрополита и епархіальныхъ архіереевъ были свои бояре, міряне или иноки, и свои дьяки введенные; тѣ и другіе составляли думу владыки, и извѣстные акты этой думы ни по формѣ, ни по содержанію не отличаются отъ большей части грамотъ, какія исходили отъ князя съ его боярскимъ совѣтомъ.

¹⁾ Акты Зап. Росс. I, № 46; III, № 101.

Митрополиту докладывали поземельныя дѣла каѳедры и монастырей, непосредственно ей подчиненныхъ; на докладныхъ помѣчалось, что «на докладѣ были у господина митрополита его бояре» такіе-то, обыкновенно двое или трое, и грамота подписывалась его дьякомъ думнымъ или введеннымъ. Жалованная грамота ростовскаго архіепископа Вассіана 1468 г. на льготы двумъ церквамъ въ селахъ Кириллова монастыря оканчивается замѣчаніемъ, что владыка пожаловалъ монастырь тремя своими боярами, изъ которыхъ одинъ былъ инокъ. На отписи одного изъ Вассіановыхъ преемниковъ Кирилла митрополиту Даніилу о взаимномъ невмѣшательствѣ въ рыбныя ловли обоихъ на Шекенѣ приписано: «а у архіепискупа въ ту пору были бояре» Писемскій да Плишка. Но въ поземельныхъ сдѣлкахъ, однородныхъ съ тѣми, на докладѣ о которыхъ при митрополитѣ присутствовали его бояре въ качествѣ совѣтниковъ, тѣ же бояре писались въ актахъ простыми свидѣтелями, «послухами». Окольничій великаго князя Ощера въ 1486 г. взялъ въ пожизненное пользованіе село митрополичьяго домового монастыря Новинскаго съ доклада митрополиту и его боярамъ. Въ 1499 г. каѳедра помѣнялась землями съ другимъ митрополичьимъ домовымъ монастыремъ, и тѣ же самые бояре, которые на докладной 1486 г. обозначены какъ совѣтники владыки, здѣсь являются простыми «послухами», хотя скорѣе можно было бы ожидать наоборотъ, что они явятся совѣтниками каѳедры въ сдѣлкѣ съ подчиненнымъ ей церковнымъ учрежденіемъ, а свидѣтелями въ соглашеніи съ постороннимъ лицомъ, сановникомъ великаго князя. Еще замѣчательнѣе то, что когда сдѣлка каѳедры совершалась съ разрѣшенія или доклада великаго князя, послухами являлись рядомъ съ митрополичьими и великокняжескіе бояре. Поэтому, читая грамоту, въ которой князь верейскій Михаилъ Андреевичъ пишетъ, что онъ помѣнялся землями съ нѣкимъ Алешкой Аванасьевымъ и что «туту

были» такіа-то лица, которыя подругимъ грамотамъ извѣстны какъ бояре этого князя, трудно разобрать, въ качествѣ ли совѣтниковъ или простыхъ свидѣтелей частной сдѣлки своего князя обозначены здѣсь эти верейскіе бояре ¹⁾).

Слѣдовательно и на востокъ Руси бояринъ имѣлъ значеніе, близко подходившее къ названію свидѣтеля, какое даютъ государственному совѣтнику, члену рады, русско-литовскіе акты XV в. Въ грамотахъ князей удѣльной Руси мы застаемъ понятіе и политическую роль боярина еще не вполне выдѣлившимися изъ круга отношеній частнаго гражданскаго права: это черта боярской думы удѣльныхъ вѣковъ, наиболѣе заслуживающая вниманія. Бояринъ имѣлъ въ древней Руси различныя значенія; изъ нихъ два открываются въ древнѣйшихъ нашихъ памятникахъ. По лѣтописи XI и XII в. это обычный правительственный сотрудникъ князя. Но Русская Правда еще не знаетъ его въ этомъ смыслѣ; въ ней онъ привилегированный служилый работавладѣлецъ или землевладѣлецъ. Съ такимъ смысломъ слово это проходитъ по памятникамъ нашего права до самаго XVIII в. Это значеніе болѣе древнее; но и оно едвали первообразное, коренное. Оба значенія, правительственное и землевладѣльческое, кажется, развились изъ еще болѣе древняго — военнаго: бояре были большіе «мужи», старшіе дружинники или соратники князя, какъ они названы въ галицкой грамотѣ XIV в. Въ такомъ случаѣ бояринъ, какимъ встрѣчаемъ его въ актахъ XIV и XV в. и какимъ онъ сталъ, безъ сомнѣнія, раньше, былъ переходнымъ типомъ, черезъ который прошелъ древній «мужъ князь», чтобы стать постояннымъ спеціальнымъ государственнымъ совѣтникомъ, какимъ находимъ его въ думѣ московскаго государя XVI и XVII в. Такое переходное значеніе боярина

¹⁾ Акты, относящ. до юрид. быта др. Росс. I, № 69; II, №№ 183, 147 (грамота 17-я) и 156. Акт. Арх. Эксп. I, № 85.

вполнѣ отвѣчало политическому характеру князя удѣльнаго времени. Главный землевладѣлецъ удѣла и его государь вмѣстѣ, этотъ князь плохо отличалъ свои частныя землевладѣльческія операціи отъ правительственныхъ отправленій. Къ свободнымъ обывателямъ княжества онъ относился не какъ къ своимъ подданнымъ, а какъ къ людямъ, вступившимъ въ нему въ добровольныя гражданскія отношенія по землѣ или службѣ, которыя они также добровольно могли разорвать и перейти въ другое княжество. Правительственный сотрудникъ князя и вмѣстѣ посредникъ между двумя гражданскими сторонами, бояринъ, обыкновенно самъ землевладѣлецъ, юридически являлся свидѣтелемъ въ ихъ взаимныхъ сдѣлкахъ, вытекавшихъ изъ поземельныхъ отношеній хозяина удѣла къ нанимателямъ его земли. Политическое значеніе государственнаго совѣтника при князѣ сливалось съ гражданскимъ «послушествомъ», потому что государственная власть въ лицѣ князя еще не отдѣлилась отъ правъ и отношеній землевладѣльца. Потому же и правительственныя дѣйствія князя съ его совѣтомъ иногда были такъ похожи на юридическіе акты частныхъ лицъ. Последнія въ сдѣлкахъ другъ съ другомъ или въ предсмертныхъ распоряженіяхъ своимъ имуществомъ призывали свидѣтелей изъ лицъ, имъ знакомыхъ и знавшихъ ихъ дѣла, и эти свидѣтели брали на себя извѣстную отвѣтственность за актъ, совершенный въ ихъ присутствіи. Съ значеніемъ подобныхъ отвѣтственныхъ свидѣтелей являлись и бояре введенные въ думѣ своего князя. Сущность юридическаго и нравственнаго обязательства, вытекавшаго изъ такого послушества, просто и ясно выражена въ дарственной записи княгини Збаражской, урожденной княжны Мстиславской, которая, перечисляя пановъ, призванныхъ ею въ качествѣ свѣдоковъ, пишетъ: «а туто были и того добрѣ свѣдомы» такіе-то паны. Читая въ концѣ второй духовной великаго князя Димигрія Донскаго, что когда она

писалась, «тутъ были» десять бояръ вмѣстѣ съ двумя игуменами, духовными отцами завѣщателя, мы имѣемъ передъ собою и собраніе совѣтниковъ князя по поводу важнаго государственнаго акта, даже довольно полное собраніе, и обычныхъ при составленіи такихъ грамотъ свидѣтелей, «послуховъ», какъ они и названы въ первой духовной того же князя ¹⁾.

Представимъ себѣ теперь какого-нибудь князя XIII или XIV в., который садился на новый еще не обсиженный столъ въ значительномъ краю верхневолжской Руси, выдѣленномъ ему по духовной отца, среди населенія, большая часть котораго только-что сѣла или садилась «ново», на «сыромъ корню». Собравъ разсѣянныя по памяткамъ указанія, можно безъ особенныхъ усилій воображенія уяснить себѣ, какъ складывалась въ такомъ княжествѣ боярская дума, какъ опредѣлялись ея составъ и политическое значеніе ея членовъ. Когда князь садился на свой столъ, у него не было подъ руками ни думы, ни приказовъ, но былъ кругъ бояръ и слугъ, данныхъ ему отцомъ или вызвавшихся служить ему, съ которыми онъ будетъ думать и которымъ станетъ приказывать разные дѣла. Онъ будетъ вмѣстѣ съ ними дѣлать эти дѣла; но не было нужды всѣмъ имъ вмѣстѣ дѣлать одно и то же дѣло. Однихъ бояръ князь посылалъ въ города и волости на кормленія, другихъ удерживалъ при себѣ для дворцовыхъ дѣлъ. Это ближайшіе къ нему люди, его бояре введенные: одному изъ нихъ поручалъ онъ вѣдать дворовыхъ слугъ и земли, отведенныя на содержаніе дворца, другому хранить домашній скарбъ, домовую казну, третьему править конюшнями съ приписанными къ нимъ слугами и лугами и т. п. Но все это кратковременныя порученія: черезъ годъ или

¹⁾ Акт. Зап. Р. III, № 36, 1564 г. Собр. гос. гр. и дог. I, №№ 30 и 34.

меньше одни возвращаются съ кормленій, другіе ѣдутъ на ихъ мѣста покормиться послѣ дворцовой службы, и на-личный штатъ бояръ введенныхъ измѣняется. Съ другой стороны, казначея съ дворцовымъ дьякомъ назначаютъ въ посольскую поѣздку или на съѣздъ съ боярами сосѣд-няго удѣла для улаженія пограничнаго спора, а управителю дворцовыхъ слугъ и земель поручаютъ разобратъ тяжбу игумена изъ дальняго уѣзднаго города съ посадскими людьми. Этотъ игумень вмѣстѣ съ жалобой на отвѣтчи-ковъ положилъ передъ княземъ данную еще отцомъ по-слѣдняго несудимую грамоту, освобождавшую монастырь въ тяжбахъ съ сторонними людьми отъ подсудности намѣстни-камъ и волостелямъ; при этомъ настоятель, очутившійся подъ властію новаго правительства, просилъ сына подтвер-дить грамоту отца, подписать ее на свое имя. Въ актѣ поименованы два боярина, присутствовавшіе при его со-вершеніи, и одинъ изъ нихъ служилъ теперь при дворѣ князя-сына. Справка подтвердила дѣйствительность отцовска-го пожалованія. Но вотъ слуга вольный бьетъ челомъ о такой же жалованной грамотѣ на купленную имъ или данную княземъ вотчину, прося 5 лѣтъ льготы отъ дани, яма и всякой тягости для крестьянъ старожильцевъ и 10 лѣтъ для новоприходцевъ, которыхъ онъ перезоветъ къ себѣ «съ иныхъ сторонъ»; онъ проситъ при этомъ, чтобы «въ его околицу» не вѣзжали ни за чѣмъ ни волостели, ни бобровникъ, ни закосникъ и т. п. Дѣло новое, разрѣ-шеніе котораго станетъ прецедентомъ для многихъ другихъ. Князь властенъ и одинъ разрѣшить его; но онъ призываетъ для этого двухъ-трехъ бояръ, которымъ, по его мнѣнію, ближе другихъ вѣдать о томъ надлежитъ, имена которыхъ и прописываются въ актѣ вмѣстѣ съ именемъ дьяка, его писавшаго. По смерти князя въ случаѣ просьбы о подпи-саніи грамоты, или даже при жизни его въ случаѣ жалобы на нарушеніе льготы новымъ волостелемъ, эти имена

укажутъ, на кого сослаться или у кого навести справку для провѣрки дѣла и возстановленія силы акта: вѣдь грамота едвали тогда записывалась въ какую-нибудь книгу исходящихъ бумагъ, и руки князя подъ ней не было, онъ и писать не умѣеть, «книгамъ не ученъ бѣаше», а только «книги духовныя въ сердцѣ своемъ имаше». Это и есть боярская дума въ ея простѣйшемъ составѣ, какую она является по актамъ удѣльнаго времени въ ежедневномъ правительственномъ обиходѣ. Ни князю, ни боярамъ не было нужды настаивать, чтобы всѣ они, сколько ихъ было на-лицо при дворѣ, присутствовали при рѣшеніи такихъ частныхъ актовъ: дѣло шло не о власти, не о политическихъ правахъ той или другой стороны, а объ административныхъ удобствахъ, о средствахъ устроиться и завести порядокъ. Заболѣвъ тяжело, князь велитъ писать духовную. Частные люди въ этомъ случаѣ, какъ и въ сдѣлкахъ другъ съ другомъ, призывали свидѣтелей изъ лицъ имъ знакомыхъ. Князь собиралъ къ себѣ бояръ, съ которыми привыкъ дѣлать всякія дѣла, «веселился и скорбѣлъ, отчину соблюдалъ и укрѣплялъ, подъ которыми города держалъ и великія волости». Князь могъ желать, чтобы «туто было» возможно больше его сотрудниковъ. Въ его «душевной грамотѣ» описывается весь полуустроенный имъ правительственный и хозяйственный порядокъ, который поддерживать и довершать завѣщатель поручаетъ дѣтямъ. Бояре, какъ люди вѣдавшіе правительственныя дѣла, должны были знать эти распоряженія, и не только знать, но присутствіемъ своимъ обязаться юридически и нравственно исполнять ихъ, служа вдовѣ и дѣтямъ. «Припомните, говорилъ имъ князь при этомъ, на чемъ вы дали мнѣ слово нѣкогда—положить головы свои, служа мнѣ и дѣтямъ моимъ: и вы, братія моя бояре, послужите имъ отъ всего сердца, въ скорби не оставьте ихъ, напоминайте имъ, чтобы жили въ любви и княжили, какъ я въ гра-

мотъ душевной указаль имъ, какъ раздѣлили между ними свою отчину». Такъ говорятъ, умирая, великіе князья Дмитрій Донской и Михаилъ Александровичъ тверской въ составленныхъ современниками сказаніяхъ о нихъ. Въ этихъ словахъ картина торжественнаго засѣданія боярскаго совѣта при князѣ и лучшая политическая характеристика боярина-совѣтника. По условіямъ русской жизни тѣхъ вѣковъ онъ не былъ ни представителемъ сплоченнаго мѣстнаго общества привилегированныхъ землевладѣльцевъ, который въ силу этого, независимо отъ князя, имѣлъ политическое значеніе, ни ученымъ законовѣдомъ съ выгодной для князя политической теоріей, призываемымъ на совѣтъ въ качествѣ эксперта для разрѣшенія важныхъ государственныхъ и юридическихъ вопросовъ. Но онъ большой, «старѣйшій человекъ» въ землѣ, «старецъ земскій», который, служа то въ томъ, то въ другомъ княженіи по личному «ряду» съ княземъ, вездѣ становясь у важныхъ дѣлъ, какъ «нарочитый поставленникъ» князя, извѣдалъ правительственные порядки, приобрѣлъ навыкъ въ искусствѣ строить и водить полки, судить и рядить дюдѣй. Онъ правительственный «свѣдогъ» и «знахарь», отвѣтственный свидѣтель и сотрудникъ князя по дѣламъ управленія, давшій ему слово на томъ и крестъ цѣловавшій. Князь слушаетъ его и думаетъ съ нимъ «добрую думу, коя бы пошла на добро», потому что онъ лучше другихъ знаетъ «добрыя нравы и добрую думу и добрыя дѣла», вѣдаетъ, какъ князю «безбѣдно прожити» и «како княжити, чтобы его христіаномъ малымъ и великимъ было добро» ¹⁾.

Первый князь, умирая, вѣроятно еще не могъ завѣщать дѣтямъ вполнѣ устроеннаго центрального управленія, ни постоянныхъ отдѣльныхъ вѣдомствъ, ни постоянной орга-

¹⁾ Полн. Собр. Р. Лѣт. IV, 353 и 359. Собр. гос. гр. и дог. II, № 15 Ср. Никон. V, 27—29.

низованной боярской думы во главѣ ихъ. При дворѣ его по утрамъ всегда можно было встрѣтить нѣсколько думныхъ людей, бояръ введенныхъ, которымъ давались временныя и случайныя порученія по текущимъ дѣламъ и изъ которыхъ составлялся совѣтъ князя по отдѣльнымъ экстреннымъ случаямъ; но этотъ совѣтъ не имѣлъ ни опредѣленнаго круга дѣлъ, ни постояннаго состава. Притомъ и весь дворъ князя разбивался послѣ его смерти: старые бояре и слуги отца, съ раздѣленіемъ отчины между сыновьями, расходились по дворамъ молодыхъ князей. Но гдѣ жизнь устроивалась, тамъ отверждалось, расчленяясь, и управленіе: текущія дѣла, усложняясь, распадалась на отдѣльныя постоянныя вѣдомства; случайныя и измѣнчивыя порученія превращались въ постоянныя *приказы* пока еще только въ смыслѣ постоянныхъ правительственныхъ должностей, а не сложныхъ правительственныхъ канцелярій. Тогда и бояринъ введенный, которому по обстоятельствамъ минуты поручались разныя дѣла, становился прикащикомъ князя по какому-либо одному разряду дѣлъ дворцоваго хозяйства. Военное управленіе стольнымъ городомъ, устроеннымъ въ *тысячу*, поручалось тысяцкому; въ другихъ дѣлахъ вѣдалъ столицу намѣстникъ. Съ развитіемъ бортнаго промысла въ дворцовыхъ лѣсахъ князя они вмѣстѣ съ поселками бортниковъ выдѣлялись изъ круга дворцовыхъ земель въ особое вѣдомство, которое поручалось чашнику. Такъ при значительныхъ дворахъ складывался штатъ высшей центральной администраціи: то были *тысяцкій, намѣстникъ* столицы, *дворецкій, казначей, окольныйй, конюшій, стольникъ, чашникъ, сокольничій, ловчій*. Въ членамъ думы надобно причислить и *печатника*, которымъ бывало иногда духовное лице, монахъ или бѣлый священникъ. При большихъ дворахъ нѣкоторыхъ изъ этихъ сановниковъ бывало по двое. Привычка и другія административныя удобства вели къ тому, что эти должности подолгу оставались

въ рукахъ однихъ и тѣхъ же лицъ, даже иногда переходили отъ отца къ сыну прямо или черезъ извѣстный промежутокъ времени. Такъ можно думать по извѣстіямъ о тверскихъ и московскихъ тысяцкихъ XIV вѣка; подобное было въ Рязани съ должностью чашника, какъ можно догадываться по именамъ лицъ, занимавшихъ ее въ XV в.; послѣ московскіе великіе князья любили назначать казначеевъ изъ фамиліи Ховриныхъ-Головиныхъ. Съ образованіемъ вѣдомствъ, съ превращеніемъ порученій въ постоянныя должности, въ кругу думныхъ людей при дворѣ князя, располагавшаго значительнымъ боярствомъ, должны были обозначиться два элемента, должностныя лица и бояре, не занимавшіе постоянныхъ придворныхъ должностей. Эти послѣдніе, кажется, преимущественно получали назначенія по областной администраціи, образуя подвижной кружокъ бояръ, которые то дѣйствовали при дворѣ, то сидѣли на кратковременныхъ кормленіяхъ по городамъ и волостямъ. Боярамъ этого круга, надобно думать, поручались при дворѣ текущія дѣла, которыя еще не нашли себѣ постоянного мѣста въ существующихъ центральныхъ учрежденіяхъ и велись путемъ прежнихъ временныхъ порученій. Указанными переменами въ центральномъ правительствѣ обозначился второй моментъ въ развитіи боярской думы. Она осталась совѣтомъ князя по чрезвычайнымъ дѣламъ, попрежнему не имѣла опредѣленнаго числа членовъ и попрежнему не возникало вопроса о политическомъ значеніи численнаго ея состава; но теперь получаетъ значеніе административный подборъ этого состава для каждаго засѣданія. Чрезвычайными дѣлами были теперь тѣ, которыя превышали компетенцію отдѣльныхъ центральныхъ вѣдомствъ или касались многихъ изъ нихъ. Для рѣшенія такого дѣла князь призывалъ управителей вѣдомствъ, которыхъ оно касалось, и къ нимъ присоединялъ иногда другихъ недолжностныхъ бояръ, присутствіе которыхъ почему-либо князь считалъ

нужнымъ: могло, на примѣръ, понадобится присутствіе боярина, бывшаго намѣстникомъ въ городѣ, откуда поступило разбиравшееся княземъ дѣло. Наконецъ и представитель мѣстнаго духовенства, епископъ, даже архимандриты являлись въ числѣ совѣтниковъ князя, приглашались принять участіе въ дѣлѣ, которое касалось церкви или считалось особенно важнымъ.

Таковы два момента, обозначающіеся въ исторіи боярской думы удѣльнаго времени, если слѣдить за ея дѣятельностію, какъ она отразилась въ уцѣлѣвшихъ актахъ тѣхъ вѣковъ. Но скуднымъ извѣстіямъ трудно представить себѣ обычное теченіе правительственнаго дворцоваго дѣлопроизводства въ его ежедневной обстановкѣ. Можно думать, что чѣмъ проще мы представимъ его себѣ, тѣмъ станемъ ближе къ дѣйствительности. Всѣ дѣла велись во дворцѣ, куда по утрамъ собирались правительственные лица. Дьяки докладывали боярамъ текуція дѣла по вѣдомству каждаго и писали грамоты; у каждаго дьяка были свои «ларцы» для храненія судныхъ списковъ и другихъ актовъ. Текущихъ дѣлъ не могло быть слишкомъ много, какъ и дѣлъ особо важныхъ, которыя не могли быть разрѣшены однимъ бояриномъ и докладывались самому князю. Докладъ и рѣшеніе такого дѣла происходили при двухъ или болѣе боярахъ, которыхъ тутъ же приглашалъ къ себѣ князь по указаннымъ соображеніямъ изъ числа присутствовавшихъ во дворцѣ. И частныя лица съ своими просьбами допускались не только въ дворцовыя палаты или «избы», гдѣ бояре съ дьяками творили судъ и расправу, но и къ самому князю съ его боярскимъ совѣтомъ. Сохранился рядъ грамотъ XV в., которыя изображаютъ очень живо и иногда съ наивною, исчезающею въ позднѣйшихъ актахъ, какъ вершились дѣла самимъ княземъ, какъ челобитчикъ излагалъ свою просьбу передъ нимъ и его боярами, какъ князь опрашивалъ «обоихъ истцовъ», ищю и отвѣтника,

съ ихъ свидѣтелями, послухами или знахарями, и какъ, разобравъ дѣло, приказывалъ дать той или другой сторонѣ грамоту съ своимъ приговоромъ и съ обозначеніемъ именъ «туто» бывшихъ бояръ ¹⁾. На такой порядокъ дворцоваго управленія при его обычномъ ежедневномъ ходѣ указываетъ повидимому и краткая, но любопытная замѣтка, сдѣланная авторомъ жизнеописанія тверскаго великаго князя Михаила Александровича ²⁾. Биографъ рассказываетъ, что незадолго до смерти князя (въ 1399 г.) дѣти его утромъ были у больнаго отца, «прочимъ же княземъ и боярамъ и всѣмъ людемъ ждущимъ и хотящимъ пріити къ нему обычнаго градскаго ради управленія»; но князь уже готовился къ смерти и никого не принималъ. Сложнаго канцелярскаго дѣлопроизводства незамѣтно еще въ половинѣ XV в. по крайней мѣрѣ въ удѣльныхъ княжествахъ. Къ удѣльному верейскому князю Михаилу Андреевичу является отвѣтчикъ по одному земельному дѣлу и бьетъ челомъ: «назначилъ ты мнѣ, господарь, словесно срокъ на Сборное воскресенье стать передъ тобой, чтобы отвѣчать по дѣлу, а вотъ истецъ не сталъ на срокъ, послуха не поставилъ и купчей на спорную землю не положилъ». Князь припомнилъ, что дѣйствительно былъ назначенъ словесно такой срокъ, и оправилъ отвѣтчика, велѣвъ выдать ему правую безсудную грамоту. При такой простотѣ дѣлопроизводства едвали могли точно обозначиться предѣлы вѣдомства думы и ея дѣловыя отношенія къ князю и другимъ учрежденіямъ. Она была высшимъ правительственнымъ мѣстомъ по дѣламъ дворцоваго хозяйства, высшимъ судебнымъ мѣстомъ, совѣтомъ князя по всѣмъ дѣламъ, которыя не могли быть рѣшены низшими учрежденіями и восходили къ князю. Но по сохра-

¹⁾ Изъ актовъ изданныхъ см. Акт. Юр., стр. 8, 13, 25, 27; Акты, относящ. до юр. быта, I, стр. 169 и 639; Арх. ист.-юр. свѣд., г. Калачова, II, отд. 3, стр. 129

²⁾ Никон. IV, 289.

нившимся памятникамъ трудно разобрать, насколько точно было опредѣлено, какія дѣла должны восходить къ князю, какія онъ рѣшалъ одинъ и какія съ боярами. Видно только, что одни дѣла онъ поручалъ рѣшать своимъ боярамъ, одному или двоимъ, другія рѣшалъ самъ въ присутствіи одного, двухъ или болѣе бояръ, а при рѣшеніи третьихъ вовсе незамѣтно присутствія бояръ. Въ дѣлахъ важныхъ или касавшихся церкви въ думу призывали церковныхъ іерарховъ. Но при вел. кн. Димитріи Донскомъ самые важные вопросы церковнаго устройства и управленія рѣшались иногда безъ участія духовныхъ властей. По смерти митроп. Алексія архим. Митяй объявилъ себя кандидатомъ на митрополию только «по совѣту великаго князя и бояръ его». Когда Митяй, ссылаясь на церковныя правила, предложилъ, чтобы его рукоположили въ санъ митрополита русскіе епископы независимо отъ патріарха цареградскаго, великій князь и бояре «восхотѣша тако быти». Переворотъ въ церковномъ порядкѣ былъ рѣшенъ княземъ и боярами, и только тогда были созваны русскіе епископы, чтобы посвятить Митяя. Сохранилось сказаніе о ростовскомъ епископѣ XIV в. Іаковѣ, которое даетъ почувствовать неопредѣленность правительственныхъ отношеній въ удѣльное время. Ростовскій князь съ совѣтомъ бояръ судилъ женщину, захваченную на мѣстѣ преступленія, и осудилъ ее на смерть. Дѣло, повидимому семейное, касалось и церковнаго суда. Неизвѣстно, присутствовалъ ли епископъ въ думѣ при его рѣшеніи. Осужденная обратилась къ владыкѣ съ мольбой о помилованіи, и онъ разрѣшилъ ее отъ казни. Князь и бояре разсердились на владыку за отмѣну ихъ приговора, подняли на него городъ и выгнали его изъ Ростова ¹⁾. Приговоры думы по текущимъ дѣламъ

¹⁾ Никон. IV, 70 и 233: биографъ преп. Сергія считалъ выборъ Митяя „мірскимъ избраніемъ и хотѣніемъ“. Іерархи

излагались въ грамотахъ, которыми разрѣшались спорныя дѣла, утверждались за лицами и обществами пріобрѣтенныя права, жаловались имъ льготы или устанавливались ихъ обязанности къ правительству. Нижегородская «мѣстная» грамота, сколько можно судить о ней по сохранившемуся ея изложенію, имѣла видъ думскаго протокола, устанавливавшего порядокъ засѣданій думы, точнѣе говоря, порядокъ, въ какомъ должны были сидѣть ея восемь членовъ. Она дана была «по челобитью» самихъ бояръ, «по печалованію» архимандрита нижегородскаго Печерскаго монастыря и по благословенію мѣстнаго епископа; бояре съ дьякомъ приложили къ ней свои руки.

ГЛАВА VII.

Московская боярская дума уже въ XV вѣкъ, съ образованіемъ въ Москвѣ болѣе плотнаго боярства, становилась дворцовымъ совѣтомъ по недворцовымъ дѣламъ.

Трудно опредѣлить, шло ли развитіе думы въ сѣверныхъ княжествахъ удѣльнаго времени дальше втораго изъ указанныхъ моментовъ. Только въ княжествѣ Московскомъ замѣтны признаки значительныхъ дальнѣйшихъ успѣховъ въ ея устройствѣ и политическомъ значеніи, достигнутыхъ прежде, чѣмъ исчезли немосковскіе удѣлы.

Оставаясь въ ежедневной дѣятельности совѣтомъ по экстреннымъ дѣламъ дворцоваго управленія, который составлялся то изъ тѣхъ, то изъ другихъ дворцовыхъ сановниковъ, смотря по свойству восходившихъ къ князю

дѣль, дума и въ другихъ княжествахъ могла во многомъ измѣнить первоначальный порядокъ удѣльной администраціи. Прежде всего можно замѣтить, что ея дѣятельность начала точнѣе опредѣлять отношенія центрального правительства къ областному управленію, ослабляя удѣльную локализацию послѣдняго. Въ вѣдомство областного управителя по самому значенію кормленщика входили текуція доходныя дѣла: намѣстникъ и волость вѣдали и судили обывателей и доходы съ нихъ брали по наказному списку, какъ выражаются «ввозныя» грамоты на кормленія XV в. Потому дѣла новыя, не давашія указнаго дохода, вопросы законодательнаго свойства стояли внѣ компетенціи областной администраціи. Важнѣйшими изъ нихъ были дѣла по землевладѣнію. XIV и XV вѣка были въ исторіи восточной Руси временемъ устройства новаго порядка поземельныхъ отношеній; на этихъ отношеніяхъ держался общественный и политическій строй княжества удѣльнаго времени. Поземельныя дѣла идутъ изъ уѣзда въ центральныя учрежденія и обратно мимо областныхъ властей, или послѣднія въ такихъ дѣлахъ служатъ только вспомогательными орудіями органовъ центрального правительства. По актамъ этого рода мы болѣе всего и знаемъ о правительственной дѣятельности думы того времени: купчія, межевыя, жалованныя и тому подобныя грамоты исходятъ отъ самого князя съ его совѣтомъ или имъ утверждаются. Въ дѣлахъ о «разъѣздѣ», размежеваніи спорныхъ земель, землевладѣльцы били челомъ князю дать имъ «разъѣщиковъ», которые, какъ впослѣдствіи писцы, переписывавшіе земли въ книги сошныя, оброчныя и другія, разбирали при этомъ и поземельныя тяжбы, докладывая о нихъ для окончательнаго рѣшенія самому князю или одному изъ бояръ при его дворѣ помимо областныхъ управителей. Одинъ неизданный фамильный актъ кашинскихъ дворянъ Бѣдовыхъ начала XVI в. указываетъ, какъ дѣйствовало центральное прави-

тельство при устройствѣ поземельныхъ отношеній въ удѣльномъ княжествѣ. Въ 1511 г. дмитровскій князь Юрій Ивановичъ послалъ своего боярина Давида Даниловича въ отчину свою въ Кашинъ «для смотрѣнія сель». Предприять былъ въ уѣздѣ большой «земляной разводъ» или разѣздъ, и для него учреждена цѣлая межевая комиссія, во главѣ которой сталъ бояринъ, а товарищемъ къ нему назначенъ кашинскій «разѣщикъ» Бѣдовъ; кашинскимъ намѣстникамъ и тиунамъ велѣно ихъ слушать и почитать, а двумъ дѣтямъ боярскимъ быть докладчиками у обоихъ уполномоченныхъ. Такъ какъ при межеваніи предвидѣлось много поземельныхъ тяжбъ, которыя должна была разобрать комиссія, то половина «присуда», судебныхъ пошлинъ отъ этихъ дѣлъ, назначена боярину, четверть его товарищу, а остальная четверть докладчикамъ съ тиунами и другими чиновниками кашинскихъ намѣстниковъ ¹⁾. Въ удѣльное время не замѣтно контроля центрального правительства надъ областными правителями по дѣламъ кормленія, и въ этой сферѣ администраціи они не похожи на орудія центральной власти, вѣдали дѣла больше на себя, чѣмъ на князя. Но чрезвычайныя дѣла по устройству землевладѣнія, которыя вѣдалъ самъ князь съ боярскою думой, давали много случаевъ пользоваться областнымъ управленіемъ если не какъ прямымъ и постояннымъ органомъ, то какъ временнымъ пособіемъ централизаціи. Въ слѣдъ за новыми поземельными дѣлами, не входившими въ вѣдомство областныхъ правителей, къ центральному правительству отошли путемъ доклада и нѣкоторыя дѣла старыя, связанныя съ землевладѣніемъ и прежде вершившіяся въ уѣздѣ. Въ слѣдъ за судомъ надъ землевладѣльцами, которыхъ привилегія подчиняла прямо юрисдикціи князя или его боярина введеннаго, къ послѣднимъ отошло

¹⁾ См. родъ Бѣдовыхъ въ Родословной Иванова.

вершеніе важнѣйшихъ поземельныхъ тяжбъ непривилегированныхъ лицъ, какъ и рѣшеніе дѣлъ о холопствѣ, возникавшихъ въ административныхъ округахъ, управители которыхъ держали кормленія «безъ боярскаго суда». Въ XIV—XV в. князя, освобождая монастырскихъ крестьянъ отъ подсудности намѣстникамъ и волостелямъ во всѣхъ дѣлахъ кромѣ душегубства, просто замѣчаютъ въ грамотахъ, что тѣхъ крестьянъ судить игумень; иногда они прибавляютъ оговорку, что какого суда игумень не захочетъ судить, онъ долженъ послать людей къ князю, который ихъ разсудитъ. По Судебнику 1497 г. за областными правителями «съ боярскимъ судомъ» оставалось право судить безъ доклада татей, душегубцевъ и всякихъ лихихъ людей; другіе областные судьи не могли судить такихъ дѣлъ безъ доклада. По грамотѣ 1498 г. въ Волоцкомъ княжествѣ крестьянъ привилегированнаго монастыря намѣстникъ князя также не судилъ ни въ чемъ кромѣ душегубства, а судилъ ихъ игумень; но въ дѣлахъ о разбоѣ и татѣбѣ съ поличнымъ для него обязательенъ былъ докладъ князю или его боярину введенному ¹⁾). Такъ благодаря тому, что устройство землевладѣнія стало главнымъ предметомъ устроительной дѣятельности думы, именно развитіе поземельныхъ отношеній прежде всего выводило слишкомъ локализованную областную администрацію изъ ея удѣльнаго обособленія: согласно со всѣмъ строемъ тогдашняго княжества землевладѣніе стало первымъ проводникомъ и административной централизаціи.

Содѣйствуя централизаціи управленія, боярская дума по своему удѣльному складу должна была сама получать въ иныхъ случаяхъ больше сосредоточенности. Въ ежедневномъ правительственномъ обиходѣ боярскій совѣтъ составлялся изъ бояръ, которыхъ наиболѣе касалось то или другое экстренное

¹⁾ Акт. Ист. I, № 106.

дѣлъ. Но въ исключительныхъ случаяхъ, касавшихся всѣхъ одинаково, въ вопросахъ, стоявшихъ выше каждаго отдѣльнаго вѣдомства, князь долженъ былъ призывать къ себѣ на совѣтъ всѣхъ наличныхъ совѣтниковъ. Такіе случаи чаще всего вызывались внѣшнею политикою князя, взаимными княжескими отношеніями и столкновеніями. Политическій характеръ боярь-совѣтниковъ дѣлалъ для князя не-обходимыми въ этихъ случаяхъ такіе большіе совѣты. Теперь, какъ и въ старой кievской Руси, бояринъ былъ не подданный, а вольный сотрудникъ князя, служившій ему по «ряду», уговору. Въ дѣлахъ, требовавшихъ содѣйствія всѣхъ боярь, рѣшеніе, принятое «всѣхъ общемою думою», имѣло значеніе круговаго обязательства со стороны боярь дружно помогать князю въ предпринятомъ съ ихъ согласія дѣлѣ. Такіе большіе совѣты можно видѣть въ тѣхъ совѣщаніяхъ князя съ боярами при исключительныхъ обстоятельствахъ, о которыхъ изрѣдка рассказываетъ лѣтопись XIV и XV вѣковъ: только о такихъ исключительныхъ совѣщаніяхъ она и рассказываетъ, умалчивая объ обычномъ ходѣ управленія при княжескихъ дворахъ. Лѣтописный рассказъ о послѣднемъ совѣтѣ нижегородскаго князя съ своими боярами въ 1390 г. наглядно изображаетъ такое значеніе думы князя со всѣми боярами. Когда великій князь московскій Василій, выхлопотавъ себѣ въ Ордѣ Нижегородское княжество, послалъ въ Нижній боярь съ посломъ татарскимъ, Борисъ созвалъ своихъ боярь и молилъ ихъ «съ плачемъ и со слезами», говоря: «господа и братья, бояре и друзья! попомните свое крестное цѣлованіе ко мнѣ и нашу къ вамъ любовь». Старѣйшій бояринъ Румянецъ, тайный сторонникъ Москвы, увѣрялъ Бориса въ единомысліи всѣхъ боярь съ своимъ княземъ и посовѣтовалъ ему впустить московскихъ пословъ въ городъ, сказавъ: «что они могутъ сдѣлать? мы всѣ за тебя». Когда посланцы Василя, вступивъ въ городъ, велѣли зво-

нить въ колокола, Борисъ опять обратился къ своимъ боярамъ, прося ихъ не выдавать его врагамъ. На этотъ разъ тотъ же Румянецъ отвѣчалъ ему за всѣхъ своихъ товарищей: «не надѣйся на насъ, господинъ князь! теперь мы не твои и не за тебя, а на тебя» ¹⁾).

Оба процесса, и опредѣленіе отношеній правительственнаго центра къ области, и сосредоточеніе состава думы, въ Москвѣ шли дальше, чѣмъ въ другихъ княжествахъ. Во-первыхъ, здѣсь дума стала болѣе замкнутымъ совѣтомъ. И на удѣльномъ сѣверѣ замѣтны нѣкоторые слѣды того, что мы видѣли въ думѣ кievскихъ и галицкихъ князей, какъ и въ литовской радѣ. На обычныхъ засѣданіяхъ послѣдней большинство членовъ, какъ они обозначаются въ актахъ XV—XVI в., состояло изъ сановниковъ двухъ разрядовъ: одни были областные управители, воеводы, намѣстники, старосты; другіе съ этими должностями соединяли придворныя должности канцлера, маршалка дворнаго, маршалка земскаго, подчашаго и др. Нѣчто подобное встрѣчаемъ въ Московскомъ и другихъ княжествахъ XIV—XV в. Въ 1572 г. думный дворянинъ Олферьевъ писалъ про одного изъ своихъ предковъ, служившаго около половины XV в. у верейскаго князя, что онъ былъ у этого князя дворецкимъ, «а было за нимъ княжаго жалованья Бѣлоозера да Верея и иныя жалованья». Ближайшій смыслъ этихъ словъ Олферьева тотъ, что его предокъ правилъ городами, оставаясь бояриномъ введеннымъ, дворецкимъ. Такъ повидимому надобно понимать и извѣстія о служилыхъ людяхъ XIV и XV в., которые были «боярами введенными и горододер-

¹⁾ Никон. IV, 240. Ср. рассказъ о томъ, какъ Шемяка, «обдумавъ съ бояры своими», освободилъ взятую имъ въ плѣнъ мать Василія Темнаго Софью, свою тетку. Тамъ же V, 214. Иногда удѣльный князь совѣтовался не только съ своими боярами, но и со всей дружиной, какъ это бывало и въ кievской Руси. Тамъ же III, 81.

жавцами» ¹⁾. Въ 1420 г. намѣстникомъ великаго князя московскаго въ Новгородѣ былъ кн. Ѳеодоръ Патрикѣевичъ, сынъ выѣзжаго изъ Литвы Гедиминовича и родоначальникъ князей Хованскихъ; въ то же время кн. Ѳеодоръ оставался чашникомъ великаго князя. Другой пришлецъ изъ Литвы, панъ Ив. Судимонтъ является у великаго князя Ивана III бояриномъ введеннымъ и намѣстникомъ въ Костромѣ, потомъ во Владимірѣ, такъ что и объ немъ можно сказать: «былъ онъ бояринъ введенный и горододержавецъ, а было за нимъ княжяго жалованья Кострома да Владиміръ». Такъ областные управители удерживали придворныя званія; съ другой стороны, бояре, дѣйствовавшіе при дворѣ, носили иногда званія областныхъ правителей. Извѣстно, что московскіе думные люди, назначавшіеся для переговоровъ съ иностранными послами въ XV и XVI в., писались въ дипломатическихъ бумагахъ воеводами московскимъ, новгородскимъ, коломенскимъ и т. п. Повидимому эти званія уже при Иванѣ III были только почетными титулами. Изъ грамоты Ивана III пану Судимонту видно, что иногда намѣстникъ пріѣзжалъ изъ Костромы въ Москву; вѣроятно, онъ появлялся тогда и въ боярскомъ совѣтѣ, какъ бояринъ. Собираясь на Новгородъ въ 1471 г., Иванъ III сначала посовѣтовался съ митрополитомъ, съ своею матерью и «сущими у него боярами», а потомъ «розосла по всю братію свою и по всеѣ епископы земли своея и по князи и по бояре свои и по воеводы». Этому многолюдному собранію сановниковъ, вызванныхъ изъ областей, великій князь явилъ свою мысль идти на Новгородъ и предложилъ на обсужденіе вопросъ: идти ли лѣтомъ, или дожидаться зимняго пути?

¹⁾ Акт. Зап. Росс. I, №№ 118, 189, 191 и другіе, указанные въ предыдущей главѣ; ср. № 192, стр. 267. Разрядн. книга въ Моск. архивъ мин. иностр. дѣлъ, № ⁹⁹/₁₃₁, л. 468 и сл. Родословная роспись рода Кикиныхъ въ Симбирск. Сборн. Валуева, стр. 3. Полн. Собр. Лѣт. VIII, 161.

Однако можно замѣтить, что обычай призывать въ думу областныхъ правителей не прививается въ Москвѣ и потомъ совсѣмъ исчезаетъ. Намекъ на это встрѣчаемъ уже въ лѣтописи начала XV в., въ разказѣ о размирьѣ вел. кн. Василя Димитріевича съ тестемъ Витовтомъ (1406—1408 г.). Когда Эдигей, подстрекая зятя на тестя, прислалъ въ Москву съ предложеніемъ своей помощи, Василий собралъ своихъ думцевъ, князей и бояръ, и «повѣда имъ таковая словеса». Думцы съ радостью приняли татарское предложеніе. Этими думцами были «юные» бояре, которые, по словамъ лѣтописца, тогда совѣтовали обо всемъ, радуясь размирію и кровопролитію, а князь слушалъ ихъ и не выступалъ изъ ихъ думы. Но опытные старики въ Москвѣ не одобряли такой политики, говорили: «не добра дума бояръ нашихъ, что Татаръ приводятъ къ себѣ на помощь»; и въ извѣстномъ письмѣ Эдигея великому князю дается совѣтъ не слушать молодыхъ, а собрать старыхъ бояръ и съ ними думать добрую думу. Причиной такого господства молодыхъ бояръ было то, что на ту пору не случилось въ Москвѣ старыхъ. Всего вѣроятнѣе объясняется ихъ отсутствіе тѣмъ, что они сидѣли намѣстниками по городамъ или стояли съ полками на границахъ. Если это было такъ, то въ разказѣ лѣтописи вскрываются и желаніе московскаго общества, чтобы въ важныхъ дѣлахъ князь призывалъ въ думу и бояръ, дѣйствовавшихъ въ областяхъ, и привычка князей московскихъ думать только съ тѣми совѣтниками, какіе были подъ рукой. Иванъ III въ грамотѣ своей запрещаетъ Судимонту ѣздить въ Москву изъ Костромы безъ предварительной «обсылки». Послѣ бояре, правя областями, иногда сохраняли придворныя должностныя званія, но возвращались въ думу, только когда съѣзжали съ своихъ областныхъ кормленій ¹⁾).

1) Полн. Собр. Р. Лѣт. IV, 119. Русско-Лив. Акты, стр. 175: въ нѣмецкомъ текстѣ договора 1420 г. кн. Федоръ Патри-

Такъ въ Москвѣ дума по своему личному составу обособилась отъ областной администраціи въ то самое время, когда послѣдняя стала подвергаться болѣе дѣятельному контролю со стороны центрального правительства. Между боярскимъ совѣтомъ и бояриномъ-намѣстникомъ сталъ московскій *приказъ*, и мы не видимъ въ Москвѣ явленій, какія бывали въ Литвѣ, гдѣ въ числѣ трехъ членовъ рады, изъ которой въ 1494 г. вышла одна грамота на имя смоленскаго намѣстника, присутствовалъ на засѣданіи этотъ самый намѣстникъ. Съ другой стороны, если въ другихъ княжествахъ только исключительные случаи виѣшней политики выводили боярскую думу изъ ея обычнаго тѣснаго состава, то въ Москвѣ она превращалась въ постоянный совѣтъ всѣхъ наличныхъ бояръ благодаря послѣдовательному развитію внутренняго управленія. Дума вѣдала все новыя, чрезвычайныя дѣла; но по мѣрѣ того какъ послѣднія, повторяясь, становились обычными явленіями, они отходили въ составъ отдѣльныхъ центральныхъ вѣдомствъ, старыхъ или особо для нихъ учреждавшихся. Центральныя вѣдомства формировались, такъ сказать, изъ тѣхъ административныхъ осадковъ, какіе постепенно отлагались отъ законодательной дѣятельности думы по чрезвычайнымъ дѣламъ, входя въ порядокъ текущаго дѣлопроизводства. Такъ складывались дворцовыя вѣдомства удѣльнаго времени. Въ слѣдъ за первоначальными дворцовыми вѣдомствами тѣмъ же самымъ путемъ шло образованіе позднѣйшихъ московскихъ приказовъ. Такимъ ходомъ дѣла объясняются и некоторые особенности въ системѣ московскаго центрального управленія, которыя на первый взглядъ кажутся странными. Впослѣдствіи, не смотря на чрезвычайное усложненіе своихъ занятій, боярская дума не обнаруживала склонности рас-

насться на отдѣленія, постоянные департаменты, и не смотря на развитіе канцелярскаго дѣлопроизводства въ нѣсколькихъ десяткахъ подчиненныхъ ей приказовъ, одна не имѣла особой канцеляріи. Съ другой стороны, самые важные изъ этихъ приказовъ по своимъ вѣдомствамъ, Разрядный, Помѣстный и Посольскій, почти до 1670-хъ годовъ управлялись не людьми высшихъ чиновъ, не боярами, окольничими или думными дворянами, какъ другіе приказы, а только дьяками (за исключеніемъ немногихъ случаевъ, въ томъ числѣ когда первые дьяки этихъ приказовъ возводились въ званіе окольничихъ или думныхъ дворянъ). Эта видимая несообразность объясняется тѣмъ, что обыкновенно первые дьяки этихъ приказовъ были и думными дьяками, государственными секретарями. Приказы эти именно потому, что были важнѣе другихъ, долго не обособлялись въ самостоятельныя вѣдомства, министерства, а служили только отдѣленіями канцеляріи государственнаго совѣта, секретари которыхъ были непосредственными докладчиками и секретарями думы. Вотъ почему, вѣдая «всякія воинскія дѣла», дьякъ Разряда былъ въ то же время ближайшимъ дѣлопроизводителемъ думы: онъ приказывалъ разсылать думнымъ людямъ повѣстки о чрезвычайныхъ ея засѣданіяхъ и передавалъ другимъ приказамъ касавшіяся ихъ распоряженія боярскаго совѣта вовсе не военнаго свойства.

Исторія Посольскаго приказа наглядно указываетъ на ходъ образованія такихъ отдѣленій думской канцеляріи. Не смотря на многостороннее развитіе дипломатическихъ сношеній московскаго двора со времени Ивана III, долго не замѣтно особаго завѣдовавшаго ими учрежденія: ихъ велъ непосредственно самъ государь съ думой. Въ 1565 г. построено было особое зданіе для этого учрежденія на томъ мѣстѣ въ Кремлѣ, гдѣ его находимъ и въ XVII в. Съ тѣхъ поръ это учрежденіе зовется въ актахъ *Посольной палатой*, *Посольской избой* или *Посольскимъ при-*

казомъ. Но оно остается еще очень легкимъ на подъемъ, подвижнымъ учрежденіемъ: выѣзжая изъ Москвы, царь беретъ его съ собой вмѣстѣ съ управлявшимъ имъ дьякомъ А. Щелкаловымъ, такъ что эта *изба*, называвшаяся Посольскимъ приказомъ, была похожа на походную канцелярію государя по иностраннымъ дѣламъ ¹⁾. Названіе *палаты*, какое носилъ этотъ приказъ, намекаетъ на то, что до постройки особаго зданія онъ помѣщался въ одной изъ палатъ дворца. Если такъ было дѣйствительно, то до 1565 г. этотъ приказъ по самому своему помѣщенію могъ быть названъ канцеляріей думы по иностраннымъ дѣламъ. Съ другой стороны, изъ описи царскаго архива времени Грознаго видно, что дипломатическія бумаги тогда хранились еще «у государя въ казнѣ». Уже при дѣдѣ Грознаго въ концѣ XV в. дипломатическіе документы, приходившіе изъ-за границы, передавались казначею для храненія въ его приказѣ вмѣстѣ со всякой домовою казною государя. Съ этимъ въ связи надобно поставить и то, что въ концѣ XV и во весь почти XVI вѣкъ дипломатическія порученія очень часто возлагались на казначеевъ; трудно только рѣшить, что здѣсь было причиной и что слѣдствіемъ, бывалъ ли казначей дипломатомъ, потому что хранилъ дипломатическія дѣла въ своемъ приказѣ, или наоборотъ. Другимъ важнымъ дѣльцомъ по дипломатическимъ дѣламъ является въ XVI в. печатникъ. Этимъ объясняется тѣсная административная

¹⁾ Карамзинъ, IX, прим. 163. Акт. Арх. Эксп. I, стр. 336: Посольная палата въ 1567 г. Русск. Ист. Сборн. подъ редакціей Погодина, II, 80: Посольская изба въ 1572 г. Памятн. дипломат. снош. I, 505: Посольскій приказъ въ 1576 г. Ср. Неволіна, Полн. собр. сочиненій, VI, 172. Можетъ быть, этотъ приказъ разумѣется подъ Походной палатой, куда въ 1564 г., до постройки зданія Посольскаго приказа, взяты были нѣкоторыя дипломатическія бумаги изъ царскаго архива, если только не вслѣдствіе опечатки эта палата названа „Походной“ вмѣсто „Посольной“. Акт. Арх. Эксп. I, стр. 346.

связь двухъ столь различныхъ учрежденій, какъ Казенный дворъ и вѣдомство иностранныхъ дѣлъ: казначей въ XVI в. бывалъ въ то же время и печатникомъ, а думный дьякъ А. Щелкаловъ, правя Посольскимъ приказомъ, занималъ должность казначея. Первоначально приказъ казначея служилъ архивомъ и канцеляріей думы по иностраннымъ дѣламъ, а потомъ, при усложненіи дипломатическихъ сношеній, для нихъ образовали особое отдѣленіе думской канцеляріи, при чемъ однако не перенесли всѣхъ дипломатическихъ дѣлъ изъ Казеннаго приказа въ новое учрежденіе и потому иногда поручали посольскому дьяку управленіе и Казеннымъ приказомъ¹⁾. Посольскій приказъ, какъ Разрядный и Помѣстный, велъ дѣла, не входившія въ первоначальный составъ дворцоваго управленія удѣльнаго времени. Ихъ вѣдалъ самъ князь съ своею думой, а канцелярское ихъ производство въ первое время распредѣляли, какъ могли, по наличнымъ дворцовымъ вѣдомствамъ. Но когда послѣднимъ становилось трудно справляться съ ними, для нихъ создавались сперва только отдѣленія думской канцеляріи подъ управленіемъ дьяковъ, а потомъ, когда такія дѣла переставали быть исключительными, экстренными, отдѣленія эти превращались въ особыя вѣдомства съ боярами и окольными во главѣ и съ болѣе широкою компетенціей. Подобнымъ образомъ, вѣроятно, складывались и нѣкоторые другіе новые приказы въ XV—XVII вѣкахъ, напримѣръ Холодній, Казанскій.

Можетъ показаться, что этотъ процессъ былъ только повтореніемъ или продолженіемъ того, которымъ образовались и первоначальныя дворцовыя вѣдомства дворецкаго, казначея, конюшаго и т. д. Но теперь этотъ процессъ совершался надъ дѣлами далеко не прежняго дворцоваго

¹⁾ Др. Росс. Вивліое. XX, 334. Дѣло о печатникѣ и казначеѣ Олферьевѣ въ указанной выше Разрядной подъ 1572 г.

характера, и возникновеніемъ новыхъ приказовъ обозначился новый политическій моментъ въ исторіи боярской думы. Его трудно опредѣлить хронологически; но можно предполагать, что онъ имѣлъ мѣсто въ исторіи только московскаго управленія: другія княжества повидимому исчезли, не доживъ до него. Дума удѣльнаго времени была совѣтомъ управителей, вѣдавшихъ текущія дѣла дворцоваго хозяйства, но совѣтомъ по вопросамъ управленія, выходящимъ изъ ряда текущихъ. Такіе вопросы впрочемъ были болѣе или менѣе связаны съ дворцовымъ хозяйствомъ въ его удѣльномъ объемѣ. Но пока эти экстренныя дѣла, становясь обычными, укладывались въ существующія дворцовыя вѣдомства, въ управленіи вмѣстѣ съ успѣхами московскаго объединенія Руси накоплялись задачи, выходящія далеко за предѣлы дворцовой администраціи. Они сначала задавали рядъ новыхъ отиравленій, лишннихъ работъ старымъ правительственнымъ мѣстамъ, а потомъ вызывали рядъ новыхъ правительственныхъ учрежденій. Вмѣстѣ съ тѣмъ боярская дума становилась совѣтомъ дворцовыхъ сановниковъ по недворцовымъ дѣламъ. Съ этой минуты долженъ былъ измѣниться ея удѣльный складъ. Прежде она составлялась обыкновенно или преимущественно изъ управителей вѣдомствъ, которыхъ касалось дѣло, подлежащее обсужденію; теперь этому обсужденію болшею частію подлежали дѣла, не касавшіяся ни одного изъ нихъ или касавшіяся всѣхъ одинаково. Думаемъ, что съ этой минуты стали входить въ обычай собранія всѣхъ наличныхъ совѣтниковъ независимо отъ спеціального вѣдомства каждаго, вытѣсняя постепенно прежнія обычные собранія то тѣхъ, то другихъ изъ нихъ. Значить, въ Москвѣ послѣдовательный ростъ администраціи сдѣлалъ обычнымъ порядкомъ то, что прежде было исключительнымъ случаемъ какъ здѣсь, такъ и въ другихъ княжествахъ. Въ памятникахъ дѣятельности московскаго центрального правительства такой поря

докъ открывається уже въ XVI в., не раньше; но едвали ошибемся, если отнесемъ его завязку еще ко временамъ до княженія Ивана III. Съ одной стороны, въ Москвѣ чаще чѣмъ при другихъ дворахъ повторялись исключительные случаи, заставлявшіе князя думать со всѣми его наличными думцами, благодаря разностороннему развитію ея внѣшнихъ сношеній и столкновеній, вообще благодаря болѣе широкому поприщу дѣятельности, на какое она выступила уже въ XIV вѣкѣ. Съ другой стороны, внѣшніе успѣхи Москвы должны были рано усложнить ея внутреннее управленіе настолько, чтобы вывести центральное правительство изъ тѣснаго круга дворцоваго хозяйства. Такъ уже въ лѣтописномъ разсказѣ о событіяхъ княженія Ивана III открываются слѣды такого устройства службы многочисленнаго служилаго класса и служилаго землевладѣнія по мѣсту службы, что если не самые приказы Разрядный и Помѣстный, то дѣла, которыми они потомъ завѣдовали, должны были завязаться значительно раньше этого княженія.

Такъ московская боярская дума, строясь на одинаковыхъ основаніяхъ съ боярскими совѣтами другихъ княжествъ, еще въ удѣльное время вышла непохожей на нихъ во многомъ. Она отличалась отъ нихъ и количествомъ думныхъ людей, и болѣе раннимъ выходомъ изъ тѣснаго круга дворцоваго хозяйства, и болѣе раннею выработкой постоянной формы; думаемъ, что она отличалась отъ другихъ и общественнымъ характеромъ своихъ членовъ. Если припомнимъ общественное положеніе и служебные нравы тогдашнихъ бояръ, ихъ бродячесть, недостатокъ прочныхъ связей между собою и съ мѣстными обществами, привычку служить князьямъ по личному временному договору, то поймемъ, что люди, которымъ князь поручалъ высшее управленіе своею вотчиной, были для него собственно чужіе, сторонніе люди, его случайные гости или, точнѣе, наемные

сотрудники. Вся совокупность этихъ людей, разбѣянныхъ по княжествамъ, составляла слой, отличавшійся отъ остальнаго общества богатствомъ, вліяніемъ, родомъ дѣятельности, можетъ быть даже понятіями; но при каждомъ дворѣ это былъ не общественный классъ, а измѣнчивый кругъ одинокихъ лицъ, случайно встрѣтившихся другъ съ другомъ. Такое положеніе думнаго боярства было отраженіемъ общаго состоянія Руси, создавшаго тѣ великія и удѣльныя княжества, по которымъ служили бояре. Тогда все здѣсь дробилось, обособлялось. Складывался великорусскій народъ; но онъ оставался пока единицей этнографической и церковной, не ставъ еще цѣлымъ ни экономическимъ, ни политическимъ. Только въ Москвѣ обстоятельства начали соединять эти одинокія лица въ нѣчто цѣлое, въ плотный общественный классъ. Уже въ XIV в. московская служба представляла выгоды, какихъ бояринъ не находилъ при другихъ дворахъ; отсюда и усиленный приливъ служилыхъ людей въ Москву, и сравнительно меньшая склонность московскихъ бояръ переѣзжать къ другимъ князьямъ. Уже около половины XV в. московское боярство по происхожденію своему представляло собою всю Русскую землю, состояло изъ многочисленныхъ фамилій, родоначальники которыхъ сошли въ Москву чуть не изъ всѣхъ угловъ Руси, даже изъ такихъ, гдѣ тогда еще слабо пахло Русью¹⁾.

1) Это боярство представляло собою Русскую землю не только въ тогдашнемъ этнографическомъ, но и въ нынѣшнемъ географическомъ значеніи этого слова. Къ половинѣ XV в. въ Москвѣ обособились или только начинали отдѣляться отъ родословныхъ своихъ стволовъ фамиліи, которыя по мѣсту происхожденія родоначальниковъ можно распределить на такія вѣтныя группы: съ Волыни шли Волынскіе, изъ Кіева Квашнины, Разладины, изъ Чернигова Плещеевы, **Томины**, Игнатьевы, изъ Смоленска Томинскіе, Всеволожскіе, изъ Мурома Овцыны, изъ Твери Олферьевы, Безнины, Шетневы, изъ Орды Сабуровы, Годуновы, Старковы, изъ Крыма Ховрины-Головины, изъ Литвы князья Патри-

Это сообщало здѣшнему боярству большую устойчивость, его положенію и отношеніямъ большую определенность. Выгоды московской службы росли вмѣстѣ съ политическими успѣхами Москвы; отсюда дружное содѣйствіе, какое московскій великій князь XIV вѣка находилъ въ своихъ и иногда даже въ чужихъ боярахъ. Это приучало московскихъ бояръ дѣйствовать въ одномъ направленіи, воспитывало въ нихъ твердыя политическія привычки и сочувствія, политическое преданіе. Изъ событій XIV в., въ которыхъ они играли такую дѣятельную роль, они должны были вынести и больше сословной сплоченности, и больше политической выправки сравнительно съ своей братіей другихъ княжествъ; надобно думать, что они крѣпче послѣдней привязывались къ мѣсту своего служенія и нитями экономическими благодаря болѣе успѣшному развитію боярскаго землевладѣнія въ Московскомъ княжествѣ. Тѣснѣе связанные между собою и съ княземъ, московскіе бояре переставали быть случайными товарищами по службѣ, подвижными правительственными наемниками. Все это должно было отразиться на значеніи московскаго боярина, какъ совѣтника княжескаго. Въ думѣ съ княземъ онъ былъ нуженъ послѣднему не столько какъ прикащикъ, завѣдующій извѣстною частью дворцоваго хозяйства, или какъ пріѣзжій вольный наемникъ, котораго надобно было связать словомъ въ пользу извѣстнаго предпріятія; здѣсь онъ былъ важенъ для князя больше какъ хранитель мѣстной политической пошланы, какъ старый и вѣрный отцовскій слуга, радѣвшій княжескому дому и его отчинѣ, связанный

кѣвы съ позднѣйшими отраслями Голицыными и Куракиными, изъ Пруссіи Кошкины съ отраслями своими Захарьяными, Беззубцевыми и съ родичами Колычовыми и друг. Фамилія различнаго происхожденія, первыя поколѣнія которыхъ нѣкоторое время кружились по сѣверной Руси, пока не успѣли въ Москвѣ къ половинѣ XV в.: Морозовы, Сврябины, Поплевины, Бутурлины, Челяднины и мн. др.

съ ними одинаковыми постоянными интересами. Отсюда большое политическое вліяніе, съ какимъ является московское боярство при своемъ князѣ въ событіяхъ XIV и XV в. Князь того времени едвали могъ еще сказать своимъ боярамъ, что говорилъ потомъ отецъ Грознаго своимъ: «мы вамъ государи прирожденные, а вы наши извѣчные бояре». Но московскій князь XIV в. говорилъ имъ: «вы звались у меня не боярами, а князьями земли моей». Современникъ біографъ, вложившій эти слова въ уста умирающаго великаго князя Дмитрія Донскаго, заставляетъ его сказать своимъ дѣтямъ: «бояръ своихъ любите, безъ воли ихъ ничего не дѣлайте»; а дядя Донскаго великій князь Семень въ своей духовной даетъ завѣтъ братьямъ: «слушали бы есте отца нашего владыки Олексѣя, также старыхъ бояръ, кто хотѣлъ отцу нашему добра и намъ». Согласно съ завѣтомъ отца сынъ Донскаго давалъ своимъ боярамъ такое широкое и дѣятельное участіе въ управленіи, что московская политика при вел. князѣ Василіи Дмитріевичѣ представлялась обществу прямо дѣломъ бояръ.

Такъ, когда московская боярская дума начала выступать изъ тѣсной сферы дворцоваго хозяйственнаго управленія, и московскій бояринъ изъ дворцоваго прикащика князя сталъ превращаться въ государственнаго совѣтника, приближавшагося по своему значенію къ тому, что потомъ разумѣли подъ этимъ словомъ. Виѣстѣ съ тѣмъ сталъ измѣняться и характеръ всего управленія, а за нимъ и характеръ самой правительственной среды. Удѣльный князь правилъ собственно посредствомъ *лицъ*, случайныхъ, слабо связанныхъ и съ нимъ, и между собою; московскій князь еще прежде, чѣмъ сталъ во главѣ соединенной сѣверовосточной Руси, правилъ уже посредствомъ довольно плотнаго *класса*.

Это былъ фактъ новый, можетъ быть первый, которымъ обозначился выходъ верхневолжской Руси изъ состоянія

удѣльнаго дробленія. Потому онъ раньше и замѣтнѣе чѣмъ гдѣ-либо обнаружился въ княжествѣ, которое положило конецъ этому состоянію. Онъ сообщилъ московской думѣ характеръ, отличавшій ее отъ боярскаго совѣта какъ въ старой кievской Руси, такъ и въ сѣверныхъ удѣльныхъ княжествахъ. Бояре были вольные слуги, служившіе тому или другому князю по вольному уговору. Князь долженъ былъ обдумывать дѣла сообща съ ними, чтобы заручиться ихъ содѣйствіемъ въ задуманномъ предпріятіи. Такъ было въ удѣльное время; такъ же было и въ старой кievской Руси въ періодъ очереднаго княжескаго владѣнія. Но при сходствѣ политическихъ побужденій, вызывавшихъ такіе совѣты въ то и другое время, была разница въ характерѣ ихъ дѣятельности и въ отношеніи совѣтниковъ къ обществу. Подвижные князья прежняго времени съ своими дружинами были связующимъ элементомъ для общества среди городовыхъ волостей, на которыя распадалась кievская Русь: не привязываясь прочно къ почвѣ, князья скользили по поверхности этихъ земскихъ міровъ, противодѣйствуя ихъ мѣстному обособленію, вытягивая изъ нихъ своихъ слугъ и сотрудииковъ. Теперь въ верхневолжской Руси, напротивъ, князья съ своими дворами были силой, разъединявшей общество: они крѣпко ухватились каждый за свою вотчину, и мимо нихъ шло народное движеніе, увлекавшее всѣ классы, которые не хотѣли знать политическихъ перегорождокъ, какія ставилъ удѣльный порядокъ княжескаго владѣнія. Вся внутренняя политика князей теперь состояла въ томъ, чтобы остановить это народное движеніе, задержать текуція силы въ своемъ княжествѣ административными и хозяйственными плотинами, усадить на мѣстѣ. Служилые люди были также захвачены этимъ потокомъ, и правительственное искусство князя состояло теперь въ томъ, чтобы поймать и удержать при себѣ служилаго человѣка, какъ прежде оно состояло въ умѣнши вырвать его изъ мѣстнаго общества и увлечь

за собой. Лучшимъ средствомъ удержать при себѣ вольныхъ слугъ было для князя развитіе служилаго боярскаго землевладѣнія: чрезъ него не только самъ слуга привязывался къ княжеству, но и становился орудіемъ привязи для низшаго населенія. Потому князь щедро надѣлялъ своего боярина поземельными льготами съ тѣмъ, чтобъ онъ привлекалъ на свою землю и удерживалъ на ней вольныхъ поселенцевъ. Этимъ общимъ экономическимъ интересомъ обѣихъ сторонъ смѣнился прежній политическій. Совѣтъ съ бояриномъ оставался и теперь необходимъ для князя; но онъ надобился теперь чаще по другимъ дѣламъ. Борьба за столы, за старшинство или очередь смѣнилась борьбою за земли, за рабочія тяглыя руки. Поэтому не было случайностью и свойство историческихъ памятниковъ удѣльнаго времени, по которымъ мы узнаемъ дѣятельность боярскаго думы не съ той стороны, съ какой изображаетъ ее древняя лѣтопись. Думу XI—XII в. мы встрѣчаемъ преимущественно въ лѣтописномъ разсказѣ о важныхъ, торжественныхъ минутахъ, когда для князя рѣшался вопросъ власти, чести, даже иногда жизни, а дѣятельность удѣльной думы открывается преимущественно изъ мелкихъ ежедневныхъ случаевъ управленія, по актамъ поземельнымъ, жалованнымъ, купчимъ, межевымъ и т. д.

Повидимому въ удѣльное время положеніе боярина, какъ и его значеніе, осталось прежнее. Прежде онъ вмѣстѣ съ княземъ бродилъ по землѣ среди населенія, разбивавшагося на замкнутые политически областныя мѣры; теперь онъ бродилъ вмѣстѣ съ населеніемъ среди князей, стремившихся замкнуться въ удѣльныя гнѣзда. Прежде значеніе боярина выражалось въ словахъ къ князю: «ты это безъ насъ задумалъ, такъ не *идемъ* съ тобой». Теперь бояре могли сказать князю: «ты безъ насъ думаешь, такъ не хотимъ *сидѣть* съ тобой въ твоемъ удѣлѣ». Но характеръ политической дѣятельности думы значительно измѣнился.

Прежде она устроила преимущественно внѣшнія дѣла князя, его отношенія къ другимъ князьямъ, къ волостнымъ городамъ, къ внѣшнимъ врагамъ или союзникамъ. Теперь она преимущественно устроила домашнія хозяйственныя дѣла князя, управленіе вотчиной, отношенія къ обывателямъ. Среди этой переходной дѣятельности при неподвижныхъ князьяхъ выгоды службы потянули боярство къ одному изъ нихъ, и подъ рукою этого князя оно стало могущественнымъ орудіемъ политическаго объединенія Русской земли. Съ превращеніемъ московскаго удѣла въ государство Русской земли и удѣльная работа думы превратилась въ земское строеніе. Но теперь измѣнилось и положеніе боярина. Эту переменѣ онъ могъ обозначить словами: «теперь *уйти* стало некуда, такъ надобно подумать, какъ намъ *сидѣть* съ своимъ государемъ». Благодаря такой переменѣ московская боярская дума вынесла изъ удѣльнаго времени двѣ задачи, важныя для дальнѣйшей судьбы представляемаго ею класса: она должна была строить объединявшуюся землю вмѣстѣ съ государемъ и устроить отношенія своего класса къ этому государю.

ГЛАВА VIII.

Въ Новгородѣ и Псковѣ XIII—XV в. боярская дума при князѣ превратилась въ исполнительный и распорядительный совѣтъ выборныхъ городскихъ старшинъ при вѣчѣ.

Изучивъ устройство и дѣятельность боярской думы при князѣ удѣльныхъ вѣковъ, коснемся мимоходомъ учрежденія, которое соотвѣтствовало ей по своему правительственному значенію, но развивалось при другихъ обстоятельствахъ и

изъ другихъ общественныхъ элементовъ. Это учрежденіе складывалось и дѣйствовало въ тѣ же удѣльные вѣка, но погибло прежде, чѣмъ въ московской Руси исчезли послѣдніе удѣлы. Мы говоримъ о боярскомъ совѣтѣ въ вольныхъ городахъ Новгородѣ и Псковѣ. Мы остановимся на этомъ мѣстномъ явленіи лишь для того, чтобы видѣть, какова была дальнѣйшая политическая судьба древнихъ «старцевъ градскихъ» тамъ, гдѣ они уцѣляли при установленіи новаго порядка князьями кievской Руси и даже пережили этотъ порядокъ, сгубившій или принизившій ихъ собратьевъ въ другихъ волостныхъ городахъ.

И въ вольныхъ городахъ люди мѣстнаго правительственнаго класса обозначались одинаковымъ соціальнымъ терминомъ съ совѣтниками князей удѣльнаго времени, назывались боярами. Въ основѣ различныхъ значеній, какія имѣло слово *бояринъ* на древнерусскомъ языкѣ, оставалась та мысль, что это «княжь мужъ», служилый челоувѣкъ, ближайшій сотрудникъ и совѣтникъ князя, пользующійся за то извѣстными преимуществами. Древнѣйшіе памятники нашей письменности, ни оригинальные, ни переводные, не указываютъ въ этомъ терминѣ другаго болѣе ранняго или болѣе общаго значенія; не видно напримѣръ, чтобы этимъ званіемъ отличались всѣ вообще знатные люди независимо отъ того, пріобрѣталась ли эта знатность службой, правительственною дѣятельностію или другимъ путемъ ¹⁾. Отсюда возникаетъ вопросъ, какъ образовалось боярство въ Новгородѣ и Псковѣ, гдѣ политическое положеніе людей этого званія опредѣлялось не княжескою службой, гдѣ князья были сторонней, пришлой и постоянно мѣнявшеюся силой, приходили туда съ своими особыми боярами и не входили съ ними органически въ

1) Въ переводныхъ произведеніяхъ XI—XII в. терминомъ *б о я р и н ъ* передаются греческія слова, означающія начальника, правителя, сенатора; *б о я р с т в о*—сенатъ и правительственная должность вообще. См. эти слова въ Словарѣ Востокова.

жизнь мѣстнаго общества, заботливо устраняемые отъ того самимъ мѣстнымъ боярствомъ. Различныя рѣшенія этого вопроса строятся на той мысли, что боярство родилось на Руси не съ княжескою властью, что и до князей и долго при нихъ у насъ существовали въ старинныхъ волостныхъ городахъ мѣстные бояре, не принадлежавшіе къ «княжимъ мужамъ», къ служилой дружинѣ; этихъ неслужилыхъ бояръ въ отличіе отъ княжихъ принято называть *земскими*. Это, по мнѣнію изслѣдователей, вліятельные и богатые граждане — землевладѣльцы, члены знаменитыхъ фамилій, составлявшихъ коренное, старшее населеніе городовъ, высшіе представители земщины и т. п. Но кромѣ Новгорода и Пскова древніе памятники нашей исторіи нигдѣ не знаютъ подобнаго боярства. Тамъ, гдѣ древнія лѣтописи говорятъ о мѣстныхъ боярахъ, онѣ ни одною чертой не намекаютъ на такой земскій ихъ характеръ: это обыкновенные служилые бояре, плотнѣе другихъ усѣвшіеся въ извѣстной волости или княжествѣ среди общаго кочеванья князей и ихъ слугъ, но остававшіеся тѣми же княжими боярами. Напротивъ, неслужилыхъ вліятельныхъ людей, имѣвшихъ значеніе въ томъ или другомъ мѣстномъ обществѣ кромѣ Новгорода и Пскова, ни лѣтописи, ни другіе памятники нашей древней исторіи не называютъ ни земскими боярами, ни просто боярами. Самое выраженіе *земскіе бояре* не было чуждо языку древней Руси; но оно становится извѣстно довольно поздно и означаетъ явленія, вовсе непохожія на то земское боярство, о которомъ идетъ рѣчь. Боярамъ, которые не были зачислены въ опричину и остались во главѣ управленія земщиной, Московскимъ государствомъ, царь Иванъ Грозный, по словамъ лѣтописи, «велѣлъ быть въ земскихъ». Въ договорныхъ грамотахъ Новгорода и Пскова съ ливонскими Нѣмцами XV в. земскими боярами называются посылавшіеся для переговоровъ рыцари, савонники Ордена, въ отличіе отъ бургомистровъ и ратмановъ,

пріѣзжавшихъ уполномоченными отъ ливонскихъ городовъ. Но изъ этого термина, передававшего понятіе о нѣмецкихъ *Landesherrten*, нельзя заключать о существованіи на Руси класса, специально имъ обозначавшагося, какъ изъ того, что тѣ же рыцари назывались у насъ «слугами Божиими» и «Божіими дворянами», нельзя заключать о существованіи на Руси класса, носившаго такія названія. *Земскій бояринъ* терминъ искусственно составленный, а не взятый изъ живаго общественнаго словаря, и псковской лѣтописецъ XV в., хорошо знакомый съ неслужилымъ боярствомъ своего города, однако плохо понимаетъ это выраженіе: одного изъ дерптскихъ пословъ, названнаго земскимъ бояриномъ въ заключенномъ ими съ Псковомъ договорѣ 1474 г., этотъ лѣтописецъ зоветъ то «бояриномъ земнымъ», то просто «Иваномъ земскимъ» безъ титула боярина, въ видѣ прозвища. Это потому, что и бояре вольныхъ городовъ, не принадлежавшіе къ княжимъ служилымъ людямъ, однако не назывались земскими боярами, а мелкіе новгородскіе и псковскіе землевладѣльцы, извѣстные подъ названіемъ *земцевъ*, ни въ одномъ памятникѣ не причисляются къ мѣстному боярству. Но если бояре вольныхъ городовъ, не входившіе въ составъ княжеской дружины, не являются съ названіемъ земскихъ, то мѣстное боярство другихъ областей Руси, въ которомъ находятъ признаки земскаго характера, оказывается обыкновенною княжеской дружиной. Какъ на образчикъ такого боярства, подобнаго новгородскому, обыкновенно указываютъ на бояръ ростовскихъ, поднявшихъ извѣстную шумную борьбу по смерти кн. Андрея Боголюбскаго противъ его младшихъ братьевъ. Но во-первыхъ, современный мѣстный лѣтописецъ выводитъ двигателями этой борьбы не ростовскихъ городскихъ бояръ, а «Ростовцевъ и бояръ», всюду въ своемъ разсказѣ строго отличая послѣднихъ отъ горожанъ Ростова и Суздаля и иногда противопоставляя ихъ этимъ горожанамъ, какъ членовъ княжеской

дружины. Во-вторыхъ, одно случайно уцѣлѣвшее извѣстіе показываетъ, что такъ называемые земскіе ростовскіе бояре не только были обыкновенными княжескими дружинниками но не всѣ принадлежали къ мѣстному земству и по происхожденію, не всѣ были изъ туземцевъ. Вмѣстѣ съ этими боярами дѣйствовалъ противъ братьевъ Андрея и воевода послѣдняго, являющійся во время борьбы на службѣ у рязанскихъ князей, нѣкто Борисъ Жидиславичъ. Нашелся памятникъ, изъ котораго узнаемъ, что этотъ Борисъ былъ внукомъ Славяты, служившаго великому князю кievскому Святополку и извѣстнаго по лѣтописи участіемъ въ избіеніи Половцевъ въ Переяславлѣ по порученію Мономаха въ 1095 году. Тамъ, въ южномъ Переяславлѣ, жила сестра Бориса, игуменья основаннаго ихъ дѣдомъ монастыря; тамъ вѣроятно служилъ Мономаху отецъ ихъ Жидиславъ Славяничъ и оттуда, можетъ-быть, пришелъ на суздальскій сѣверъ служить сыну или внуку Мономаха Борисъ Жидиславичъ¹⁾.

Тотъ классъ общества, который назывался въ древней Руси боярами, былъ вездѣ служилымъ по происхожденію и значенію, созданъ былъ княжескою властью и дѣйствовалъ какъ ея правительственное орудіе. Такое же служилое происхожденіе имѣло и боярство вельныхъ городовъ; только здѣсь оно складывалось нѣсколько иначе, чѣмъ въ другихъ областяхъ древней Руси, и со временемъ утратило служилый характеръ, переставъ быть правительственнымъ орудіемъ князя.

¹⁾ О земскихъ боярахъ см. напримѣръ у Бѣляева въ Лекціяхъ по ист. русск. законод., стр. 51, 167 и др. Пассекъ въ соч. „Новгородъ самъ въ себѣ“ характеризуетъ ихъ названіемъ „докняжескихъ бояръ“. — Карамзинъ, IX, прим. 137. Акты Зап. Росс. I, №№ 69 и 75. Полн. Собр. Лѣт. IV, 246 и 248; ср. 201. О Борисѣ Жидиславичѣ см. въ „Сказ. о чудесахъ Владимірской иконы Божіей Матери XII в.“, изданномъ пишущимъ эти строки для Общества любителей древней письменности.

Мысль о земскихъ, доняжескихъ или нежняжескихъ боярахъ есть предположеніе, не поддерживаемое историческими свидѣтельствами, въ которомъ притомъ нѣтъ никакой научной нужды. При кievскихъ князьяхъ долго сохранялись слѣды общественнаго порядка, который задолго до нихъ началъ устанавливаться по большимъ городамъ Руси. По этимъ слѣдамъ можно разглядѣть тотъ классъ, который руководилъ этимъ порядкомъ. То было вооруженное купечество, составившееся изъ туземныхъ и пришлыхъ заморскихъ элементовъ. Изъ его среды выходила городова старшина, правившая промышленными округами, волостями, эти тысяцкіе, сотскіе, старосты и другія власти. Остатки этой военно-правительственной городской старшины являются, какъ мы видѣли, еще вліятельною силою при кievскомъ князѣ X вѣка подъ именемъ «градскихъ старцевъ». Но эти старцы нигдѣ не называются боярами; напротивъ, древній лѣтописецъ, указывая на политическую близость ихъ къ боярамъ, ясно отмѣчаетъ соціальное различіе между тѣми и другими, какъ между классомъ земскимъ и служилымъ, между старѣйшинами «людскими» и княжими мужами. Князья вытѣснили эту старшину изъ управленія своими слугами, принявъ впрочемъ нѣкоторую часть ея въ составъ дружины. Остальные люди этого класса являются на городскихъ вѣчахъ подъ именемъ «лучшихъ мужей» съ политическимъ вліяніемъ, но безъ оффиціальнаго правительственнаго значенія.

Такъ было во всѣхъ областяхъ Русской земли. Только въ Новгородской волости старая городова старшина уцѣлѣла. Разныя обстоятельства помогли этому. Во-первыхъ, здѣсь дольше чѣмъ гдѣ-либо продолжался процессъ, которымъ образовались старинныя городова волости на Руси, вооруженное распространеніе и укрѣпленіе границъ промышленнаго округа, тянувшего и политически и экономически къ главному городу. Новгородцы и при князьяхъ

впродолженіе многихъ столѣтій раздвигали предѣлы своей волости большею частью собственными средствами, безъ поддержки со стороны князей, своими «молодцами». Вооруженный торгъ оставался однимъ изъ самыхъ напряженныхъ нервовъ новгородской жизни, и далекіе военно-промышленные походы были обычными въ ней явленіями. Это поддерживало и питало сложившійся въ мѣстномъ обществѣ еще до князей кругъ вліятельныхъ руководителей этого вооруженнаго промысла, тогда какъ въ другихъ областяхъ, съ переходомъ военнаго управленія и вооруженной охраны рынковъ и торговыхъ путей въ руки князей съ ихъ дружинами, эти руководители оставались безъ дѣла и теряли главное средство вліянія на мѣстныя общества. Сверхъ того, вытѣсненный изъ управленія старый правительственный классъ въ другихъ волостныхъ городахъ встрѣтилъ опасныхъ соперниковъ и въ экономической жизни, на внутреннихъ рынкахъ, которыми онъ руководилъ прежде. Въ XII в. становятся замѣтны успѣхи частнаго землевладѣнія на Руси. Князья и ихъ слуги преимущественно старались овладѣть этой экономической силой, особенно въ приднѣпровскихъ областяхъ. Такимъ образомъ село, откуда главные торговые дома большихъ городовъ снабжались для своихъ заграничныхъ оборотовъ, ускользало изъ ихъ рукъ, ихъ промышленное вліаніе на него ослаблялось новыми землевладѣльцами. Служилые вотчинники начали плотными гнѣздами усаживаться по волостямъ, служа готовой опорой князьямъ въ ихъ столкновеніяхъ съ волостными городами, отбивая у высшаго городского класса власть и вліаніе, частью даже внутренніе рынки, въ то время какъ Половцы все успѣшнѣе отбивали у нихъ рынки заграничныя. Новгородская волость не отставала отъ другихъ въ развитіи частнаго землевладѣнія. Но это было, такъ сказать, землевладѣніе неземледѣльческое, которое держалось не столько хлѣбопашествомъ, сколько разработкой промысловыхъ угодій.

Оно требовало особыхъ хозяйственныхъ приемовъ, непривычныхъ южнорусскому служилому человѣку, прежде всего требовало непосредственнаго руководства знатока-промышленника. Потому на него обратились усилія городскихъ капиталистовъ; но оно не привлекало къ себѣ князей и ихъ слугъ въ то время, когда Новгородъ еще не ставилъ препятствій приобрѣтенію земель въ его волости князьями и ихъ служилыми людьми. Такъ въ Новгородской землѣ не завелось гнѣзда служилыхъ землевладѣльцевъ, которые такъ стѣсняли вліятельныхъ горожанъ въ другихъ волостяхъ. Князь и его дружина всегда являлись тамъ пришлымъ элементомъ, лишь механически входившимъ въ составъ мѣстнаго общества. Это же было одною изъ причинъ, почему ни одна княжеская линія не основалась въ Новгородской волости. Но всего важнѣе было то обстоятельство, что въ Новгородѣ старая правительственная старшина не была вытѣснена изъ управленія. По разнымъ причинамъ, исчислять которыя здѣсь не мѣсто, князья, правившіе Новгородомъ, не могли или не хотѣли удовлетворять потребностямъ мѣстнаго управленія одними собственными административными средствами, замѣщая всѣ должности своими служилыми людьми. Задолго прежде, чѣмъ высшая новгородская администрація стала выборной, она становилась уже туземной по происхожденію своего личнаго состава: князья часто назначали на иныя правительственныя мѣста мѣстныхъ обывателей, а не людей изъ своей дружины. Въ началѣ XII вѣка туземный элементъ повидимому если уже не преобладалъ, то былъ очень значителенъ въ составѣ новгородскаго управленія. Впослѣдствіи Новгородцы въ договорахъ съ князьями ставили имъ условіе волостей новгородскихъ «не держати своими мужи, но держати мужи новгородскими». Это условіе было лишь закрѣпленіемъ обычая, который завелся задолго до этихъ договоровъ. Можно даже замѣтить, что уже при дѣтяхъ и внукахъ Ярослава I въ Новгородѣ успѣлъ

обозначиться извѣстный кругъ лицъ или фамилій, изъ котораго выходили новгородскіе сановники, еще не будучи или не ставъ окончательно выборными. Сопоставляя уцѣлѣвшій списокъ новгородскихъ посадниковъ съ рассказомъ древней мѣстной лѣтописи, видимъ на должности посадника въ первой половинѣ XII вѣка рядъ новгородцевъ, отцы или дѣды которыхъ занимали эту должность по назначенію князя въ XI и въ началѣ XII вѣка. Не будетъ слишкомъ смѣлою догадкой мысль, что эта новая правительственная знать была лишь преемницей городской военной старшины, нѣкогда правившей городомъ и его областью. Присутствіе тамъ этой старшины при первыхъ кіевскихъ князьяхъ ощутительно даже по краткимъ и отрывочнымъ извѣстіямъ лѣтописи о томъ, что дѣлалось на сѣверной окраинѣ Русской земли. Въ X и XI в. эти князья не разъ обращались къ помощи новгородскихъ ополченій; сотскіе, старосты и другіе военачальники, которые водили эти полки на югъ, были, какъ можно думать, всѣ или въ большинствѣ изъ мѣстныхъ «нарочитыхъ мужей», «славныхъ воевъ», которыхъ указываетъ лѣтопись, излагая событія XI вѣка ¹⁾.

Этимъ важнымъ обстоятельствомъ объясняется и происхожденіе новгородскаго боярства. Впослѣдствіи занятіе должности посадника, тысяцкаго или сотскаго въ Новгородѣ не сообщало лицу значенія служилаго княжаго чловѣка, потому что эта должность была выборной, поручалась лицу согражданами, а не княземъ. Но въ XI и въ началѣ XII в., когда живѣе чѣмъ потомъ помнилась еще прежняя социальная близость княжеской дружины къ верхнему слою городского населенія, назначеніе вліятельнаго новгородца княземъ на правительственную должность, какую въ другихъ волостяхъ обыкновенно занималъ большой князь мужъ,

¹⁾ Новгор. лѣт. по академ. списку въ Продолж. Др. Росс. Вивл. II, 317.

сообщало назначенному служилый характеръ, вводило его въ кругъ княжихъ мужей, бояръ. Два указанія, близкія другъ къ другу по времени, поддерживаютъ это объясненіе. Въ 1118 году Мономахъ вызвалъ къ себѣ въ Кіевъ всѣхъ нарочитыхъ мужей новгородскихъ. Они являются здѣсь какими-то представителями своего города. Повидимому это были лица должностныя или по крайней мѣрѣ пользовавшіяся вліяніемъ на мѣстное управленіе: великій князь почему-то приводитъ ихъ къ присягѣ; на нѣкоторыхъ онъ разсердился за произведенное ими въ Новгородѣ самоуправство; въ числѣ опальныхъ прямо названъ одинъ сотскій. Разказывая объ этомъ случаѣ, мѣстная лѣтопись впервые называетъ нарочитыхъ мужей Новгорода новгородскими боярами. Внуку Мономаха Всеволоду въ данномъ Новгороду церковномъ уставѣ, который по сличенію съ лѣтописью всего вѣроятнѣе можно отнести къ 1135 г., упоминаетъ и о сотскихъ въ числѣ своихъ совѣтниковъ, призванныхъ въ думу по этому дѣлу. Князь отличаетъ ихъ отъ «своихъ бояръ», но въ концѣ устава называетъ *своими* мужами: «та вся дѣла приказахъ св. Софѣи и всему Новуграду, *моимъ* мужемъ десяти соцкимъ». На югѣ повидимому уже раньше привыкли смотрѣть на новгородскую знать какъ на княжихъ мужей, если древнему кіевскому лѣтописцу принадлежитъ извѣстіе начальной лѣтописи 1018 г., гдѣ эта знать названа боярами ¹⁾.

Еслибы въ Новгородѣ утвердилась какая-нибудь постоянная линія княжескаго рода, то смотря по направленію, какое приняла бы мѣстная политическая жизнь, новгородское боярство, слившись съ княжескою дружиной и рѣзче отдѣлившись отъ мѣстнаго земства, вышло бы или соперникомъ строптивыхъ горожанъ, готовымъ всегда поддерживать противъ нихъ своего князя, какъ въ большей

1) Пресов. Макаріи, Ист. Р. Церкви, II, 362. Лаврент. 140.

части другихъ областей Руси, или соперникомъ и горожанъ и князя подобно галицкому боярству, сдерживавшему власть послѣдняго и не допускавшему до власти первыхъ. Но политическія отношенія въ Новгородѣ сложились нѣсколько иначе. Взаимные споры и частыя смѣны князей въ Новгородѣ вызывали столкновенія его съ князьями, побуждая его дѣйствовать противъ одного, чтобы пріобрѣсти или удержать у себя другаго. При этихъ столкновеніяхъ во главѣ города естественно становились люди того вліятельнаго круга, изъ котораго выходили туземные сановники мѣстной администраціи. Этотъ классъ сталъ привычнымъ политическимъ руководителемъ мѣстнаго общества еще прежде, чѣмъ должностные члены этого круга начали получать свои полномочія отъ мѣстнаго вѣча, сдѣлались выборными. Новгородцы стали усильно добиваться и этой перемѣны, какъ только упала тяжелая рука, ихъ сдерживавшая: въ слѣдъ за смертью Мономаха въ Новгородѣ появляются выборные посадники, нѣкоторое время впрочемъ еще чередовавшіеся съ назначенными княземъ. Любопытно, что первый посадникъ, о вступленіи котораго въ должность мѣстная лѣтопись выражается такъ, какъ она потомъ обыкновенно говоритъ о выборныхъ посадникахъ, былъ сынъ новгородца, посадничавшаго по назначенію князя, принадлежалъ къ мѣстному боярскому кругу¹⁾. Перенесеніе права замѣщать высшія правительственныя должности въ Новгородѣ на вѣче, къ «сомищу людскому», на которомъ не разъ являлась рѣшительницей политическихъ вопросовъ «простая чадь», нисколько не уронило политическаго значенія этого боярскаго круга, людей котораго городъ при-

¹⁾ Полн. Собр. Р. Лѣт. III, 5: вдаша посадничество Миро-славу Гюрятиницу“ въ 1126 г. Гюрита, тотъ самый, который рассказывалъ кievскому лѣтописцу о дальнсмѣ сѣверѣ, посадничалъ въ началѣ XII в., раньше смерти Мономаха, судя по его мѣсту въ спискѣ новгородскихъ посадниковъ.

выкъ видѣть во главѣ своего управленія; напротивъ, эта перемѣна еще болѣе обособила его и сдѣлала необходимымъ для согражданъ. Занятіе должности посадника или тысяцкаго требовало богатства, вліянія, политическаго навыка и преданія, условій, которыя соединялись только въ этомъ кругу; за то послѣдній теперь избавился отъ соперничества княжихъ бояръ на правительственномъ поприщѣ. Съ появленіемъ выборной администраціи правительственный классъ въ Новгородѣ, не смотря на зависимость отъ демократическаго вѣча по выборамъ, даже какъ будто становится болѣе прежняго замкнутымъ и олигархичнымъ. Народъ иногда жестоко расправлялся съ неугоднымъ или провинившимся сановникомъ, могъ разграбить его домъ, распродать его села и челядь, самого «казнить ранами близъ смерти» и даже сбросить съ моста въ Волховъ, «яко разбойника»; но на мѣсто низложеннаго онъ долженъ былъ выбирать другаго изъ того же круга; отнявъ посадничество у знатнаго и богатаго боярина Михалка Степанича, онъ передавалъ должность не менѣе знатному и богатому боярину Мироникѣ Нездиничу. Произволь капризнаго и недобрчиваго къ знати вѣча не помѣшалъ ей даже завести извѣстную очередь старшинства въ занятіи выборныхъ должностей, подобную той, какую князья XI и XII в. старались установить между собою въ занятіи столовъ, и вѣче сообразовалось съ этой очередью при выборахъ. Во второй половинѣ XII в. въ Новгородѣ пользовались большимъ вліяніемъ два боярина, упомянутый выше Михалко и Якунь Мирославичъ, сынъ того Мирослава, котораго можно считать первымъ выборнымъ новгородскимъ посадникомъ. Оба они неоднократно избираемы были въ посадники; Якунь даже породнился съ князьями и былъ тестемъ одного изъ племянниковъ Андрея Боголюбскаго. Онъ былъ гораздо старше Михалка, былъ уже избранъ въ посадники въ 1137 г., тогда какъ Михалко въ первый разъ по-

садничаль въ 1180 г. Въ 1209 г., когда сына Якуцова не было въ Новгородѣ, посадничество дали Михалкову сыну Твердиславу; но какъ скоро въ 1211 г. Якуничъ явился въ городъ, Михалковичъ «по своей волѣ» уступилъ ему должность, какъ старшему, и вѣче уважило это новгородское боярское «отечество», выбрало посадникомъ старшаго ¹⁾).

Такъ создавалось политическое положеніе новгородскаго боярства. Оно переродилось изъ древней военно-промышленной знати, правившей городомъ еще до князей. Военныя дѣла Новгорода поддержали мѣстное вліяніе этой знати при первыхъ князьяхъ; административная служба по назначенію князя дала ей званіе и значеніе боярства; боярскій авторитетъ и правительственное вліяніе помогли ей стать руководительницей мѣстнаго общества въ его столкновеніяхъ съ князьями и при содѣйствіи вѣча превратить высшую мѣстную администрацію въ выборную, а избирательность должностей обезпечила за ней, такъ сказать, правительственную монополию и тѣснѣе прежняго сомкнула ее въ мѣстный правительственный классъ. Экономическое положеніе боярства опредѣлялось въ связи съ политическимъ. Этотъ классъ былъ руководителемъ промышленной жизни края еще прежде, чѣмъ сталъ называться боярствомъ; онъ остался такимъ руководителемъ и послѣ, получивъ это новое значеніе. Въ Новгородѣ были очень крупныя землевладѣльцы ²⁾). Но не въ землевладѣніи заключалась главная экономическая сила здѣшняго боярства. Представленіе о богатѣйшемъ куцѣ соединилось съ мыслью о бояринѣ въ сѣверной новгородской былинѣ, которая поетъ о добромъ молодцѣ,

¹⁾ Полн. Собр. Р. Лѣт. III, 31.

²⁾ Ланнуа пишетъ о Новгородѣ въ началѣ XV в.: „У а dans la dicte ville molt grans seigneurs qu'ilz appellent bayars; et у а tel bourgeois qui tient bien de terre deux cens lieues de long, riches et puissans à merveilles. Voyages etc., 20.

задавшемся «къ купцу, купцу богатому, ко боярину». Но чѣмъ болѣе входило это боярство въ правительственныя дѣла края, тѣмъ меньше могло оно принимать непосредственное участіе въ купеческихъ оборотахъ. Значительная часть его, если не большинство, со временемъ превратилась въ капиталистовъ, отдававшихъ свои капиталы купцамъ, по техническому выраженію древнерусской торговли, «на торговлю въ куны». Новгородская лѣтопись и легенда согласно отмѣчаютъ такое значеніе правительственной знати города въ мѣстной торговлѣ. Разграбивъ въ 1209 году домъ посадника Дмитра Мирошкинича, народъ нашелъ у него долговыя «доски», на которыхъ значилось отданнаго займа «безъ числа», и новгородская толпа какъ будто даже относилась къ этимъ доскамъ съ бѣльшимъ уваженіемъ, чѣмъ къ остальному имуществу опальнаго посадника: расхитивъ его сокровища, распродавъ села и рабовъ, она не уничтожила досокъ, а передала ихъ князю. Извѣстное сказаніе о богатомъ посадникѣ Шилѣ, который занимался тѣмъ, что давалъ многимъ купцамъ деньги въ лихву, свидѣтельствуетъ о необыкновенной дешевизнѣ новгородскихъ боярскихъ капиталовъ. Если легенда хотя въ нѣкоторой степени отражаетъ дѣйствительное состояніе новгородскаго денежнаго рынка, по ней можно видѣть, въ какомъ изобиліи предлагались эти капиталы мѣстной торговлѣ. Посадникъ собралъ «многое множество» имѣнія, взявая роста по 1 деньгѣ въ годъ на новгородскій рубль, т. е. всего по $\frac{1}{2}\%$, тогда какъ даже древнерусскія церковныя поученія, горячо возстававшія противъ отдачи денегъ въ лихву, считали легкимъ и нравственно - простибельнымъ ростомъ 7 рѣзанъ на гривну кунъ или 14%¹⁾). Такое употреб-

¹⁾ Извѣстная редакція сказанія о Шилѣ сложилась уже въ то время, когда въ новгородскомъ рублѣ считали 14 гривенъ и 4 деньги или 200 денегъ, т. е. уже послѣ присоединенія вольнаго города къ Москвѣ, въ концѣ XV или въ началѣ XVI в.

леніе торговаго капитала ставило въ зависимость отъ боярства массу горожанъ и надежнѣе обезпечивало общественное его значеніе, чѣмъ крупныя боярскія вотчины, населенныя обыкновенно челядью и получавшія значеніе въ хозяйствѣ того края только при помощи того же капитала.

Такое своеобразное положеніе создало себѣ новгородское боярство. Въ другихъ областяхъ Руси боярство или стояло одиноко между княземъ и городомъ, или зависѣло отъ князя, соперничая съ городомъ. Въ Новгородѣ оно дѣйствовало то противъ князя, опираясь на городъ, то противъ города, опираясь на князя. Оно и зависѣло отъ мѣстнаго общества, и господствовало надъ нимъ: зависѣло какъ правительственный классъ, отъ него получавшій полномочія и передъ нимъ отвѣтственный, господствовало какъ классъ, державшій въ своихъ рукахъ главный рычагъ хозяйственной жизни края.

Теперь посмотримъ, въ какихъ формахъ выражалась политическая дѣятельность этого правительственнаго класса въ Новгородѣ и въ Псковѣ, который долго входилъ въ составъ волости перваго, какъ его пригородъ, и ставъ вольнымъ городомъ въ XIV вѣкѣ, устроился по образцу своего старшаго брата. Въ мѣстныхъ лѣтописяхъ и актахъ XIII—XV вѣковъ эти формы являются довольно разнообразными. Во-первыхъ, бояре и выбранные изъ ихъ среды городскіе сановники или одни сановники дѣйствуютъ вмѣстѣ со всеми горожанами, входя въ составъ городского собранія или даже становясь во главѣ его. Посадники и «весь Псковъ» бьютъ челомъ уѣзжавшему князю не покидать княженія; посадникъ и съ нимъ много «бояръ добрыхъ людей» ѣдутъ отъ Пскова звать другаго князя на псковской столъ; князь псковской, «сдумавши съ посадники и съ бояры и

со Псковичи на вѣчѣ», посылаетъ гонца къ великому князю московскому просить помощи на Нѣмцевъ. Въ дѣлѣ церковномъ посадники являются на вѣчѣ вмѣстѣ съ представителями церковной власти и духовенствомъ города: въ 1442 г. князь псковской, посадникъ, псковской намѣстникъ митрополита и поны всѣхъ трехъ соборовъ, «погадаше съ Псковичи», поставили новую церковь по случаю мора. Но лѣтописи хорошо отличаютъ участіе боярь и городскихъ сановниковъ въ вѣчевыхъ совѣщаніяхъ отъ правительственныхъ дѣйствій тѣхъ же боярь и сановниковъ, при которыхъ не присутствовало вѣче и на которыя иногда оно не давало даже особаго полномочія. При отъѣздѣ изъ Пскова московскаго воеводы, котораго великій князь въ 1463 г. присылалъ на помощь городу противъ Нѣмцевъ, его провожали посадники и «всѣ бояре псковскіе». Передъ смертью новгородскаго архіепископа Далмата въ 1274 г. посадникъ съ «мужи старѣйшими» спрашивали владыку, кого онъ благословить на свое мѣсто, и когда Далматъ называлъ кандидатовъ, изъ которыхъ городъ долженъ былъ выбрать ему преемника, посадникъ созывалъ вѣче и объявлялъ народу волю владыки. Въ 1375 г. Новгородцы съ вѣча послали великокняжескаго намѣстника, посадника, тысяцкаго «и иныхъ многихъ боярь и добрыхъ мужъ» просить владыку не оставлять епископіи. Когда архіепископъ новгородскій посѣщалъ свою псковскую паству, его въ случаѣ добраго согласія между обѣими сторонами выѣзжали встрѣчать, чествовали и дарили отъ всѣхъ концовъ мѣстный князь, посадники и бояре безъ особаго вѣчеваго приговора о томъ. Наконецъ въ иныхъ случаяхъ сановники города дѣйствуютъ одни безъ вѣча и безъ боярь.

Таковы три формы, въ которыхъ проявлялась дѣятельность высшей администраціи вольнаго города. Легко замѣтить, что бояре не были постоянными правительственными сотрудниками мѣстнаго князя и посадниковъ. Такія же дѣла,

при отиравленіи которыхъ бояре становились рядомъ съ городскими правителями, иногда дѣлались послѣдними и безъ нихъ. Бояре присоединялись къ высшимъ должностнымъ лицамъ, когда обстоятельства сообщали дѣлу особенную важность или когда желали придать ему особенно торжественный характеръ. Такъ бывало чаще всего въ посольствахъ или при заключеніи договоровъ. Но тогда призывались къ дѣлу обыкновенно не всѣ или не безразлично какіе-нибудь бояре, а спеціально на тотъ случай уполномоченные представители отъ городскихъ концовъ. Каждый конецъ въ такихъ случаяхъ выставлялъ по одному, по два или по три боярина. Такъ въ 1499 г. Псковъ послалъ къ великому князю Ивану III трехъ посадниковъ и по три боярина съ конца по поводу назначенія сына Иванова Василия княземъ Новгорода и Пскова. Такіе бояре иногда дѣйствовали и одни безъ посадниковъ, исполняя порученія вѣча. Такъ въ 1476 г. Псковъ посылалъ своихъ бояръ изъ всѣхъ концовъ жаловаться великому князю на его «злосердаго» намѣстника кн. Оболенскаго. Но подобныя порученія возлагались не на однихъ бояръ, а иногда вмѣстѣ съ ними или даже безъ нихъ и на людей другихъ классовъ. Такъ въ 1386 г., послѣ неудачной поѣздки владыки къ шедшему на Новгородъ войной Димитрію Донскому, Новгородцы послали къ нему съ поклономъ и челобитьемъ о мирѣ архимандрита, семь священниковъ и по человѣку отъ конца «житьихъ» людей, класса, стоявшаго ниже бояръ въ общественной іерархіи города. Значить, бояре отъ концовъ были не особыми и постоянными должностными лицами при посадникахъ, а только временными депутатами отъ частей города въ экстренныхъ случаяхъ. Поэтому въ текущихъ дѣлахъ управленія, или когда обыватели обращались съ важнымъ дѣломъ къ постоянному правительству города, при посадникахъ и другихъ властяхъ не встрѣчаемъ бояръ. Въ Псковѣ князь и посадники распоряжаются

посадкой новой городской стѣны, посылають одного изъ посадниковъ возстановлять сгорѣвшій городъ Опочку, посылають въ Выборгъ судью выкупать у Шведовъ плѣнныхъ Псковичей, собирають ратныхъ людей изъ пригородовъ и сельскихъ волостей, готовясь къ походу на Нѣмцевъ. Священники, которые не входили въ составъ существовавшихъ трехъ псковскихъ соборовъ, въ 1453 г. обращаются съ челобитьемъ о четвертомъ соборѣ къ князю, степенному посаднику и ко всѣмъ посадникамъ псковскимъ, и тогда эти власти идутъ къ навѣстившему Псковъ епархіальному новгородскому архіерею съ ходатайствомъ о позволеніи учредить новый соборъ ¹⁾.

Въ устройствѣ высшаго управленія Новгорода и Пскова многія подробности остаются еще не разъясненными. Причина этого въ томъ, что администрація вольныхъ городовъ вовсе не отличалась простотой. Новгородское и псковское общество мозаически сложено было изъ множества мелкихъ мѣстныхъ міровъ, которые входили въ составъ болѣе крупныхъ, а изъ послѣднихъ составлялись еще болѣе крупные союзы. Каждый изъ нихъ пользовался извѣстною долей самоуправленія, имѣлъ свою администрацію, своего старосту. Такъ Новгородъ независимо отъ дѣленія на топографическія части, концы, сотни, улицы, отдѣльныя слободы и посады, дѣлился еще на соціальныя слои, представлявшіе подобіе сословій, также съ признаками особаго управленія у каждого изъ нихъ. Изъ всего этого сплеталась сложная и довольно запутанная сѣть властей мелкихъ и крупныхъ, мѣстныхъ и общихъ, взаимныя отношенія и значеніе которыхъ очень трудно разобрать. Въ этой сложности общественнаго склада и административнаго устройства вольнаго города источникъ затрудненій, съ которыми сопряжено изученіе постоянного

¹⁾ Полн. Собр. Р. Лѣт. IV, 216, 213, 274, 212, 226, 271, 251, 211, 224, 215; III, 63, 90; V, 241.

правительственнаго мѣста, стоявшаго во главѣ его управленія.

Церковный уставъ кн. Всеволода Мстиславича описываетъ это учрежденіе, какимъ оно было въ Новгородѣ XII в. въ ту эпоху, когда высшая администрація города становилась выборной. Для обсужденія устава князь призвалъ на совѣтъ кромѣ мѣстнаго епископа и своихъ бояръ еще десять новгородскихъ сотскихъ, бирича и двухъ старость ¹⁾. Это, очевидно, та же старинная боярская дума при князѣ съ участіемъ мѣстной городской старшины, которая собиралась, по разсказу древней лѣтописи, при киевскомъ князѣ X в. Изъ этой боярской думы при князѣ развился боярскій совѣтъ, впослѣдствіи руководившій дѣлами Новгорода подъ надзоромъ вѣча, а по новгородскому образцу устроился такой совѣтъ и въ Псковѣ. Но при своемъ развитіи впродолженіе удѣльныхъ вѣковъ боярскій совѣтъ вольныхъ городовъ, присутствіе котораго въ старшемъ изъ нихъ подозрѣвалъ уже Рейцъ, потерялъ существенныя перемѣны, коснувшіяся его состава и политическаго положенія ²⁾.

Непремѣнными членами его и послѣ видимъ высшихъ городскихъ сановниковъ, степенныхъ посадника и тысяцкаго въ Новгородѣ, одного или двухъ посадниковъ въ Псковѣ, гдѣ не было тысяцкаго. Сотскіе также принадлежали къ его составу: они всегда причислялись къ «добрымъ людямъ» или «лучшимъ мужамъ», къ высшему правительственному

1) Не упомянуты въ уставѣ ни посадникъ, ни тысяцкій, первый вѣроятно потому, что занимавшій эту должность Мирославъ во время составленія устава (въ 1135 году) былъ на югѣ по одному политическому дѣлу, а второй, можетъ-быть, по какой-нибудь подобной же причинѣ, а можетъ-быть потому, что его должность еще не сдѣлалась выборной, и онъ разумѣлся въ числѣ княжихъ бояръ, призванныхъ на совѣтъ.

2) Рейца, Опытъ исторіи рос. законовъ, въ перев. Морошкина, § 43, примѣч. 2.

классу, и по мѣстнымъ лѣтописямъ не разъ являются при князѣ и посадникахъ участниками важнѣйшихъ правительственныхъ дѣлъ. Биричи, исполнительно-полицейскіе чиновники, объявлявшіе народу распоряженія правительства и руководившіе исполненіемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, вѣроятно и послѣ присутствовали въ правительственномъ совѣтѣ: по крайней мѣрѣ эту должность занимали люди высшаго круга общества, и одинъ биричъ XII в. Незда былъ родоначальникомъ знатной боярской фамиліи Нездичей, игравшей видную роль въ исторіи Новгорода. Въ одномъ нѣмецкомъ донесеніи (1331 года) рижскому городскому совѣту о ссорѣ Новгородцевъ съ нѣмецкими купцами упомянуты «позовники при совѣтѣ господъ», то-есть биричи ¹⁾. Въ русскихъ памятникахъ мы не знаемъ прямыхъ указаній на кончанскихъ старостъ, какъ членовъ высшаго правительственнаго совѣта въ Новгородѣ и Псковѣ. Но изъ другаго нѣмецкаго донесенія узнаемъ, что въ началѣ XV в. иноземный посолъ, имѣвшій дѣло до высшаго новгородскаго правительства, обращался къ архіепископу, посадникамъ, тысяцкимъ и «пяти старостамъ отъ пяти концовъ» ²⁾. Этимъ свидѣтельствомъ объясняются нѣкоторыя косвенныя указанія новгородскихъ памятниковъ. Сохранившаяся грамота Соловецкаго монастыря на владѣніе Соловецкими островами составлена около половины XV вѣка отъ имени всего Новгорода, который «на вѣцѣ на Ярославлѣ дворѣ»

¹⁾ Roperen bi der heren gade. Русско-Лив. Акты, стр. 61. Изъ дѣйствующихъ лицъ, поименованныхъ въ этомъ любопытномъ донесеніи, по крайней мѣрѣ троихъ можно признать такими Roperen или биричами. Они являются къ Нѣмцамъ для переговоровъ какъ отъ вѣча, такъ и отъ посадника и называются въ донесеніи еще посланцами (boden). Одинъ изъ нихъ носилъ званіе старосты (olderman).

²⁾ To vijf olderluden van vijf enden. Bunge, Urkundenbuch, IV, 531. Это мѣсто донесенія приведено у г. Никитскаго въ „Очеркахъ изъ жизни В. Новгорода“. Журн. Мин. Нар. Просв. 1869 г., № 10, стр. 301.

пожаловалъ обитель тѣми островами. Но древній біографъ основателей монастыря рассказываетъ, что грамота дана боярами, собравшимися для того по приглашенію владыки то-есть правительственнымъ совѣтомъ, разумѣется, по докладу о томъ на вѣчѣ. Къ акту приложено восемь печатей: то были печати новгородскаго владыки, посадника, тысяцкаго и еще «пять печатей, съ пяти концовъ града того по печати». Поэтому, читая рассказъ лѣтописца о томъ, что въ 1478 году къ присяжной записи Новгородцевъ на подданство Ивану III по волѣ великаго князя приложены были и печати отъ пяти концовъ вмѣстѣ съ владычней, можно думать, что прикладывали эти печати не особо для того избранные «бояре изо всѣхъ концовъ», а кончанскіе старосты въ боярскомъ совѣтѣ, куда эту запись принесли подъячій великаго князя¹⁾. По псковской лѣтописи, въ составѣ высшаго городского правительства рядомъ съ княземъ, посадниками, боярами и сотскими иногда являются еще «судьи». По псковской Судной грамотѣ извѣстенъ составъ, въ какомъ собирався судъ у князя на сѣняхъ въ XV в.: онъ состоялъ изъ князя, степенныхъ посадниковъ и сотскихъ; такимъ же является онъ и въ одномъ уцѣлѣвшемъ судебномъ дѣлѣ 1483 г. Значитъ, псковской судъ при князѣ состоялъ изъ членовъ обычнаго боярскаго правительственнаго совѣта²⁾. Ни въ лѣтописи, ни въ Судной грамотѣ слово «судья» не имѣло постоян-

1) Полн. Собр. Р. Лѣт. VI, 217 и сл. Соловецкая грамота у архим. Досеоея въ Опис. Солов. монастыря, I, 48, и въ Акт. Арх. Эксп. I, № 62.

2) Акты Юр. № 2. Въ Новгородѣ тяжба сельскаго Княжь-островскаго общества съ однимъ изъ его членовъ, не хотѣвшимъ «давать розрубъ», платить съ другими, рѣшена была двумя посадниками съ однимъ сотскимъ. См. снимокъ съ правой грамоты въ Нивѣ 1881 г., № 28, стр. 618. Судя по имени одного посадника, актъ относится къ послѣднимъ годамъ новгородской вольности.

наго точнаго значенія. Послѣдняя въ одной статьѣ называетъ судьями всѣхъ членовъ суда, и посадниковъ, и сотскихъ, въ другой отдѣляетъ судей отъ князя и посадниковъ, какъ бы разумѣя подъ ними однихъ сотскихъ, а лѣтопись отдѣляетъ судей отъ сотскихъ, слѣдовательно разумѣетъ подъ ними посадниковъ, рассказывая, что въ 1461 г. перемиріе съ Нѣмцами скрѣпили крестоцѣлованіемъ «судьи и сотскіе», хотя въ другомъ мѣстѣ она же отличаетъ ихъ отъ посадника, бояръ и сотскихъ, а въ третьемъ называетъ судьей одного псковскаго сотскаго. Но въ Псковѣ и кромѣ посадниковъ съ сотскими были должностныя лица, которыя носили или могли носить общее названіе судей. Въ судебнѣ присутствовали два подверника или придверника, одинъ отъ князя, другой отъ Пскова. По нѣкоторымъ признакамъ ихъ значеніе въ мѣстномъ судѣ и управленіи было важнѣе, чѣмъ можно думать, судя по ихъ званію: подобно посадникамъ и сотскимъ они при вступленіи въ должность цѣловали крестъ на томъ, что имъ «праваго не погубити, а виноватаго не оправити»; подобно князю и другимъ судьямъ они брали свою пошлину со всякаго суднаго дѣла. Есть извѣстіе объ одномъ сотскомъ, «старомъ придверникѣ», котораго въ 1491 г. вмѣстѣ съ бояриномъ послало вѣче описать слободу псковскаго Печерскаго монастыря. Это неясное указаніе значитъ, что подверникомъ отъ города бывалъ одинъ изъ городскихъ сотскихъ, какъ въ Новгородѣ биричи при совѣтѣ господъ иногда занимали и должность старосты. Намѣстникъ новгородскаго владыки въ Псковѣ кромѣ своего церковнаго суда имѣлъ еще мѣсто въ псковской судебнѣ рядомъ съ княземъ и другими судьями. Это бывало въ случаяхъ смѣснаго или общаго суда, когда сторонами являлись лица разныхъ юрисдикцій, княжеской и владычней. Намѣстникъ дѣйствовалъ вмѣстѣ съ владычнымъ печатникомъ; оба они съ половины XIV в. обыкновенно и даже обязательно назначались владыкой изъ мѣст-

ныхъ обывателей, принадлежали къ мѣстному правительственному кругу, какъ свои братья псковитяне, и наравнѣ съ другими сановниками города исполняли порученія мѣстнаго правительства вовсе не судебного свойства. Такъ въ 1445 г. псковской князь и посадники послали намѣстника Прокофья выкупать плѣнныхъ у Шведовъ. Какъ лица судебного вѣдомства, всѣ эти должностные люди носили общее званіе судей: судьей и называетъ лѣтопись упомянутаго сейчасъ владычняго намѣстника Прокофія. Какъ людей мѣстнаго правительственнаго круга, ихъ призывали на совѣтъ высшихъ властей города, когда того требовало дѣло. Такъ можно понимать рассказъ псковской лѣтописи объ одномъ дѣйствиіи мѣстнаго правительства 1472 г., въ которомъ рядомъ съ посадникомъ, боярами и сотскими участвовали еще «судьи» ¹⁾.

Но это повидимому не были постоянные члены боярскаго совѣта, какъ и бояре отъ концовъ. Появленіе такихъ временныхъ совѣтниковъ было одной изъ тѣхъ перемѣнъ, какія испытала старая боярская дума при князѣ въ вольныхъ городахъ. Двѣ изъ нихъ оказали здѣсь особенно сильное дѣйствиіе на судьбу и характеръ этого учрежденія. Во-первыхъ, въ составѣ его съ XIII в. появляется элементъ, котораго прежде не было замѣтно: это старые или бывшіе посадники въ Псковѣ, старые посадники и тысяцкіе въ Новгородѣ. Степенный посадникъ или тысяцкій, слагая съ себя должность, «слѣзая съ степени», продолжалъ носить званіе покинутой должности и сохранялъ правительственное значеніе въ качествѣ совѣтника при но-

1) Полн. Собр. Р. Лѣт. IV, 220, 222 и 226, 212 и 215, 243. Востокова, Опис. рукоп. Рум. Муз. 87 и сл. Наконецъ, можетъ быть, и въ Псковѣ были при высшихъ сановникахъ должностныя лица съ судебной властью, не входившія въ обычный составъ боярскаго совѣта, какія являются въ новгородскихъ актахъ наканунѣ паденія вольнаго города. См. приложение VI.

ныхъ степенныхъ посадникахъ и тысяцкихъ; послѣдніе всюду раздѣляютъ правительственныя труды съ своими предшественниками, и мѣстныя лѣтописи, какъ и мѣстныя канцеляріи, даже не всегда различаютъ тѣхъ и другихъ, рѣдко отмѣчаютъ, кто степенный и кто старый. Трудно объяснить побужденія или потребности, заставлявшія удерживать правительственный авторитетъ за бывшими высшими сановниками. Въ псковской Судной грамотѣ есть постановленіе, въ силу котораго посадникъ, сложивъ съ себя должность, обязанъ былъ покончить самъ судебныя дѣла, начатыя въ его управленіе: можетъ-быть, это подавало поводъ удерживать званіе посадника за сложившимъ эту должность ¹⁾. Можетъ-быть, источникъ явленія скрывается во всемъ строѣ управленія вольныхъ городовъ. По новгородскимъ актамъ XV в. видно, что дипломатическія порученія Новгорода иногда исполняли въ качествѣ бояръ отъ концовъ старые посадники и тысяцкіе, имѣвшіе правительственное значеніе и безъ этихъ кончанскихъ полномочій. Въ этомъ можно видѣть позднее дѣйствіе причины, которая первоначально ввела отставныхъ сановниковъ въ боярскій совѣтъ. Посадникъ, сложивъ съ себя должность, продолжалъ пользоваться вліяніемъ въ своемъ концѣ по мѣсту жительства. Къ нему, какъ къ привычному руководителю, вѣроятно, чаще всего обращалось общество, когда требовалась депутація отъ конца. Еще вѣроятнѣе, что его обыкновенно выбирали въ старосты конца, и вотъ почему, можетъ-быть, туземные памятники не указываютъ старость кончанскихъ въ числѣ членовъ совѣта: они сидѣли тамъ, но обозначались болѣе почетнымъ званіемъ старыхъ посадниковъ и тысяцкихъ. Частое появленіе въ совѣтѣ въ качествѣ ли старость концовъ, или временныхъ

¹⁾ Замѣчаніе это принадлежитъ г. Костомарову. Сѣверно-русск. народопр., II, 50.

уполномоченныхъ, постепенно превратило обычное явленіе въ постоянный обычай. Какъ бы то ни было, вступленіе въ совѣтъ старыхъ посадниковъ и тысяцкихъ значительно расширило его составъ. Судя по списку новгородскихъ посадниковъ, они подолгу занимали должность, когда назначались князьями. Но съ установленіемъ избирательности высшихъ должностей и съ развитіемъ политическихъ партій посадники и тысяцкіе смѣнялись очень часто; французскій путешественникъ Ланца, посѣтившій Новгородъ въ началѣ XV в., говоритъ даже, что эта смѣна происходила ежегодно. Это содѣйствовало накопленію старыхъ сановниковъ въ боярскомъ совѣтѣ. Въ 1471 г. псковская сила пошла противъ Новгорода на помощь Ивану III подъ начальствомъ 14 псковскихъ посадниковъ, а въ 1510 году ихъ поѣхало къ великому князю въ Новгородъ 11 чело-вѣкъ. Еще больше было ихъ въ Новгородѣ: по лѣтописно-му разсказу о пріѣздѣ великаго князя въ вольный городъ въ 1476 году можно насчитать болѣе 20 старыхъ посадниковъ и 5 тысяцкихъ сверхъ степенныхъ ¹⁾).

Съ другой стороны, элементъ, господствовавшій въ боярской думѣ при князѣ, княжеское боярство, съ XIII в. началъ постепенно и почти исчезъ изъ боярскаго совѣта вольныхъ городовъ. Это паденіе легко замѣтить, читая мѣстные лѣтописи. Всюду дѣйствуютъ, всѣмъ руководятъ посадники и другія городскія власти съ мѣстнымъ княземъ или безъ него. Изрѣдка упоминается намѣстникъ князя; но княжихъ бояръ совсѣмъ незамѣтно. Иногда какъ будто обнаруживалось стремленіе поддержать равновѣсіе между обѣими сторонами: въ концѣ XIII в., чтобы выслушать посольство, пріѣхавшее въ Новгородъ отъ ганзейскихъ городовъ, князь назначилъ съ своей стороны намѣстника и

¹⁾ Акт. А. Эксп. I. №№ 57, 58, 90, 91. Поля. Собр. Р. Лѣт. IV, 240, 273 и 284; VI, 200 и сл.

трехъ бояръ, а съ новгородской тысяцкаго и столько же мѣстныхъ бояръ, и всѣ эти уполномоченные заявили посольству, что они очи, уши и уста своего князя. Въ XV в. новгородскій князь посылалъ къ ливонскимъ Нѣмцамъ послами для заключенія договоровъ по боярину отъ себя и отъ Новгорода, или своего намѣстника и одного боярина съ двумя посадниками и тремя боярами отъ Новгорода. Но въ дошедшемъ до насъ нѣмецкомъ текстѣ одного такого договора даже не обозначено имя участвовавшаго въ его заключеніи княжескаго боярина. Напротивъ нелюбье между обоими правительственными элементами иногда выражалось въ очень рѣзкихъ формахъ. Въ 1384 г. пріѣхали въ Новгородъ за ордынскою данью бояре великаго князя московскаго. Новгородскіе бояре ѣздили на княжій дворъ «тягаться съ княжими боярами о обидахъ», и тяжба эта приняла такой характеръ, что многіе изъ москвичей убѣжали въ Москву. На ходъ управленія въ Новгородѣ и Псковѣ княжескіе бояре не оказывали замѣтнаго дѣйствія и въ XV в. едвали присутствовали въ обычныхъ собраніяхъ боярскаго совѣта того и другаго города. вмѣстѣ съ княжескими боярами изъ состава этого совѣта вышелъ и другой элементъ, представлявшій уже не пришлую стороннюю силу, а часть мѣстнаго общества. Въ XII в. князь Всеволодъ по дѣлу о церковномъ уставѣ для Новгорода призвалъ на совѣтъ вмѣстѣ съ сотскими и своими боярами старосту образовавшагося тогда здѣсь купческаго союза. Въ XV в. существовало уже много купческихъ старостъ въ обоихъ вольныхъ городахъ. Псковская лѣтопись разсказываетъ, что изъ Пскова въ 1510 г. поѣхали къ великому князю съ своими жалобами «купецкіе старосты всѣхъ рядовъ». Эти ряды были, вѣроятно, похожи на ряды или сотни гостинную и сукоицную въ позднѣйшей Москвѣ, такъ какъ и въ Псковѣ упоминаются сукопники во второй половинѣ XV в. Потому въ псковскихъ рядскихъ старостахъ

надобно видѣть представителей мѣстныхъ купеческихъ гильдій. Слѣды торговыхъ гильдейскихъ сотенъ, подобныхъ московскимъ съ ихъ старостами, замѣтны и въ древнемъ Новгородѣ: уже въ XIII в. тамъ существовало «Купецкое сто», не входившее въ число тѣхъ десяти военно-административныхъ сотенъ, на которыя дѣлился городъ. По распорядку общественныхъ слоевъ здѣсь, какъ и въ Псковѣ, купцы принадлежали къ меньшимъ, «молодымъ» людямъ, стояли ближе къ низшему черному населенію, чѣмъ къ боярамъ, отдѣляясь отъ послѣднихъ промежуточнымъ слоемъ житейскихъ людей. По мѣстнымъ лѣтописямъ купеческіе старосты не являются въ составѣ высшаго правительства вольнаго города рядомъ съ посадниками и сотскими; повидимому въ XIV и XV вѣкахъ они уже не имѣли мѣста въ боярскомъ совѣтѣ ни въ Новгородѣ, ни въ Псковѣ. Это предположеніе поддерживается однимъ нѣмецкимъ извѣстіемъ. Въ Новгородѣ произошло одно изъ обычныхъ столкновеній туземцевъ съ нѣмецкими купцами. Совѣтъ одного нѣмецкаго города, имѣвшаго торговля дѣла съ Новгородомъ, въ 1412 г. писалъ по поводу ихъ къ тамошнему правительству. Но жившіе въ томъ городѣ новгородскіе купцы заявили совѣту, что новгородскій владыка, посадникъ, тысяцкій и бояре скрываютъ подобныя бумаги отъ своего купечества и народа. Поэтому нѣмцы обратились съ новымъ посланіемъ уже не къ боярамъ, а прямо къ купеческимъ старостамъ Новгорода, которые, значитъ, не входили въ составъ боярскаго совѣта ¹⁾).

Такъ этотъ совѣтъ сжался сверху и снизу, обособился и отъ княжескаго боярства, и отъ представителей собственныхъ согражданъ, не принадлежавшихъ къ мѣстному боярству; переставъ быть совѣтомъ княжихъ бояръ, онъ въ то же

¹⁾ Полн. Собр. Р. Лѣтоп. IV, 91, 284 и 285. Г. Никитскаго, Очеркъ внутр. ист. Пекова, 146 и сл. Bunge, Urkundenbuch, I, 682. Русско-Лив. Акты, 167 и 175; ср. съ П. С. Лѣт. IV, 119.

время сталъ совѣтомъ чисто боярскимъ. Послѣ указанныхъ переменъ этотъ совѣтъ состоялъ въ Новгородѣ изъ князя, когда онъ жилъ тамъ, и его намѣстника, изъ владыки архіепископа, степенныхъ посадника и тысяцкаго, старыхъ посадниковъ и тысяцкихъ, старость концовъ и сотскихъ; при совѣтѣ состояло еще нѣсколько биричей. Остается неяснымъ, принадлежалъ ли къ составу совѣта дворецкій князя, который при содѣйствіи посадниковъ специально завѣдовалъ княжескими доходами въ Новгородской области, а также былъ ли вѣчевой или «вѣчный» дьякъ въ Новгородѣ и секретаремъ совѣта, или у послѣдняго была особая канцелярія. Въ Псковѣ не было ни епископа, ни тысяцкихъ, но выбирались обыкновенно два степенныхъ посадника. Трудно рѣшить, былъ ли здѣсь намѣстникъ новгородскаго владыки постояннымъ членомъ боярскаго совѣта, или только приглашался въ особыхъ случаяхъ. Таковъ былъ правительственный боярскій совѣтъ въ собственномъ смыслѣ, въ постоянномъ своемъ составѣ. Если предположить, что когда-нибудь на засѣданія приходили всѣ члены совѣта, то зная, какъ иногда много бывало старыхъ посадниковъ и тысяцкихъ, въ полномъ собраніи новгородскаго совѣта около половины XV в. можно было насчитать до 50 присутствующихъ. Въ пользу такого численнаго состава совѣта повидимому говоритъ одна подробность, отмѣченная современнымъ лѣтописцемъ въ разсказѣ о паденіи Новгорода. Въ 1478 г. Новгородцы должны были выдать московскимъ боярамъ и ту грамоту, которой они обязались всѣмъ городомъ стоять противъ великаго князя. Грамота была скрѣплена 58 печатами, а подобные акты обыкновенно скрѣплялись печатами высшихъ городскихъ сановниковъ, составлявшихъ правительственный совѣтъ. Это было полное собраніе совѣта по особо важному дѣлу; текуція дѣла велись немногими лицами, обыкновенно степенными посадникомъ и тысяцкимъ съ пятиконецкими старостами

подъ предсѣдательствомъ владыки ¹⁾. Иногда этотъ совѣтъ расширялся призывомъ въ него бояръ отъ концовъ и другихъ сановниковъ, которыхъ псковской лѣтописецъ обозначаетъ неопредѣленнымъ названіемъ «судей». Впрочемъ бояре отъ концовъ часто были тѣ же старые посадники или тысяцкіе. Притомъ они обыкновенно присоединялись къ посадникамъ для содѣйствія имъ въ исполненіи вѣчевыхъ постановленій или для того, чтобы придать извѣстному дѣйствию правительства болѣе торжественный характеръ: ихъ посылали съ посадниками на завладку городскихъ укрѣпленій, построить которыя приговорило вѣче, встрѣчать и провожать владыку, князя или его воеводу; съ посадниками или безъ нихъ, но иногда съ представителями житейхъ людей также по концамъ, они ѣздили вести дипломатическіе переговоры и заключать трактаты, жаловаться великому князю отъ имени согражданъ на его намѣстника и т. п. Не встрѣчаемъ въ памятникахъ Новгорода и Пскова постоянного спеціального термина, которымъ назывался этотъ боярскій совѣтъ; мѣстные лѣтописи и акты обыкновенно обозначали его перечнемъ сановниковъ, входившихъ въ его составъ. Слово *дума* и тамъ значило совѣтъ въ смыслѣ не правительственнаго учрежденія, а его отдѣльнаго акта, постановленія или совѣщанія. Не правительственный совѣтъ имѣлъ тѣсную связь съ мѣстнымъ судомъ; въ Псковѣ высшій городской судъ былъ тотъ же правительственный совѣтъ, только въ тѣсномъ составѣ, и псковская судебна у князя на сѣняхъ служила мѣстомъ собраній того и другаго учрежденія. Точно также и въ Новгородѣ боярскій совѣтъ засѣдалъ «у владыки въ палатѣ» или во «владычиѣ комнатѣ», гдѣ судили и посадникъ съ княжескимъ намѣстникомъ. Судебная коллегія въ

¹⁾ О численномъ составѣ совѣта см. разборъ нѣмецкаго донесенія 1331 г. въ приложеніи VI.

Псковъ называется въ псковской Судной грамотѣ «*господой*». Это названіе не имѣло спеціального технического значенія, не принадлежало исключительно этому учрежденію: вольные города называли такъ князей, а отдѣльные лица согражданъ, собравшихся на вѣчѣ. Можно думать, что такъ называли и боярскій совѣтъ; по крайней мѣрѣ названіе, какое давали ему Нѣмцы въ XIV в. (*hegen rad* или просто *hegen*), является близкимъ переводомъ этой *господы*¹⁾.

Перемены въ составѣ боярскаго совѣта сопровождались измѣненіемъ его политическаго значенія и характера его правительственной дѣятельности. Измѣненіе того и другаго было связано съ ходомъ отношеній совѣта къ князю и вѣчу. Новгородъ и Псковъ съ успѣхомъ шли къ цѣли, которой

1) Назывался ли совѣтъ бояръ малымъ вѣчемъ, на это нѣтъ прямыхъ указаній. Новгородцы, грубя Ивану III передъ разрывомъ съ нимъ въ 1471 г., „на дворъ великаго князя на Городище съ болшого вѣча присылали многихъ людей, а намѣстникомъ его да и послу в. князя лаяли и безчестовали (Полн. Собр. Р. Лѣт. VI, 3).“ Но это пишетъ не новгородецъ, а москвичъ, который могъ посвоему называть новгородскія учрежденія. При томъ онъ могъ считать малымъ вѣчемъ не боярскій совѣтъ, а эти шумные переговоры вѣчевыхъ уполномоченныхъ, „многихъ людей“, съ намѣстниками и посломъ великаго князя. Когда палъ Псковъ въ 1510 г., оттуда увезены были въ Москву оба политическіе колокола, „вѣчевой“, которымъ созывали вѣче, и „Корсунскій вѣчникъ, что на сѣни въ него звонили, какъ вѣче было“, замѣчаетъ мѣстная лѣтопись 8 лѣтъ спустя послѣ паденія Пскова. Это значитъ по нашему мнѣнію, что во время вѣчевой вольности въ Корсунскій колоколъ звонили, чтобы созвать бояръ на сѣни, т. е. на княжій дворъ, гдѣ обыкновенно засѣдалъ правительственный совѣтъ Пскова. Великій князь Василій потомъ прислалъ два другихъ колокола вмѣсто увезенныхъ, „большой и меншой“. Но изъ того, что совѣтъ „на сѣняхъ“ собирался по звону Корсунскаго вѣчника, нельзя заключать, что и этотъ совѣтъ назывался вѣчемъ, и еще менѣе можно заключать, что онъ назывался малымъ вѣчемъ: великій князь прислалъ „меншой“ колоколъ вмѣсто Корсунскаго, но псковская лѣтопись не называетъ Корсунскаго меньшимъ вѣчникомъ, а только говорить о немъ, какъ о „другомъ“ колоколѣ, увезенномъ въ Москву. Полн. Собр. Р. Лѣт. IV, 286, 288, 291 и 292.

не успѣли достигнуть другіе волостные города древней Руси, къ возстановленію того значенія, какое имѣли князья на Руси въ давнее время образованія первыхъ городовыхъ волостей. Пока московскій государь не взялъ всей своей воли надъ вольными городами, князь былъ для нихъ наемный оберегатель ихъ владѣній и промышленныхъ оборотовъ, служившій за «кормлю», «воевода и князь кормленый, о комъ было имъ стояти и боронитися», какъ выражается псковской лѣтописецъ о В. В. Шуйскомъ, послѣднемъ такомъ князѣ въ Новгородѣ. Пока эти города принимали князя «по своимъ старинамъ, кой намъ любь», князь среди мѣстнаго боярства не могъ быть тѣмъ, чѣмъ онъ былъ среди своей боярской думы въ княжествахъ удѣльной Руси: тамъ онъ превратился въ простаго предсѣдателя собранія городскихъ сановниковъ, не отъ него получавшихъ свои полномочія и не ему отдававшихъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Мѣстные лѣтописи вообще мало занимаются отношеніями этихъ князей къ выборнымъ властямъ своихъ городовъ. По разсказу псковскаго лѣтописца, мѣстный князь, обыкновенно посаженный «изъ руки» великаго князя московскаго, въ своей правительственной дѣятельности мало выдѣлялся изъ ряда высшихъ городскихъ сановниковъ, составлявшихъ боярскій совѣтъ: вмѣстѣ съ посадниками и боярами онъ исполнялъ порученія вѣча, ѣздилъ по дипломатическимъ дѣламъ, вмѣстѣ со всѣми посадниками ходилъ по просьбѣ духовенства бить челомъ архіепископу объ учрежденіи новаго собора. Удобно обходясь въ текущихъ дѣлахъ управленія безъ князя, боярскій совѣтъ иногда и при немъ дѣйствовалъ противъ него. Донесеніе ганзейскаго посольства конца XIII в. живо рисуетъ отношенія князя съ его боярами къ новгородской господѣ. Въ Новгородѣ отняли что-то у Нѣмцевъ, вѣроятно, товары, въ чемъ участвовали, кажется, и нѣкоторые новгородскіе сановники, члены совѣта, раздѣлившіе отнятое «съ

своими смердами». Въ княжихъ хоромахъ двѣ недѣли шли шумныя совѣщанія новгородскихъ сановниковъ съ княземъ и его боярами по поводу заявленныхъ послами жалобъ. Князь хотѣлъ быть безъ грѣха въ этомъ дѣлѣ, настаивалъ на удовлетвореніи Нѣмцевъ; по его порученію бояре шесть разъ просили о томъ Новгородцевъ, самъ князь лично умолялъ (*supplicuisset*) ихъ о томъ же и очень сокрушался объ ихъ упрямствѣ. Послы обращались послѣ того къ одному старостѣ, также къ посаднику и тысяцкому, но ни отъ кого не получили удовлетворительнаго отвѣта. Тысяцкій даже высказался прямо, безъ обиняковъ, съ досадой замѣтивъ посламъ, что это имъ не сидѣлось дома и зачѣмъ было князю въ тотъ годъ пріѣзжать въ Новгородъ. По поводу этого отказа въ отвѣтѣ на глазахъ пословъ произошла горячая сцена между новгородскимъ старостой и однимъ изъ бояръ князя. Но особенно характеренъ совѣтъ, какой послалъ князь уже выѣхавшимъ изъ города Нѣмцамъ вмѣстѣ съ продовольствіемъ и подарками. Умывъ руки во всемъ, что сдѣлали имъ Новгородцы, князь велѣлъ сказать по секрету безъ переводчика: «если вы мужи, оплатите имъ хорошенько тою же монетою». Весь этотъ случай былъ опроверженіемъ отвѣта, даннаго послами на это любезное приглашеніе князя, что возмездіе за обиду его дѣло и онъ вполне можетъ сдѣлать его въ силу своей верховной власти ¹⁾).

Господа тяготѣла къ вѣчу, а не къ князю. Вѣче избирало ее, къ вѣчу обращалась она за разрѣшеніемъ политическихъ вопросовъ, ему отдавала отчетъ въ своихъ правительственныхъ дѣйствіяхъ, оно ее судило и наказывало. Русскіе и нѣмецкіе памятники сохранили нѣсколько чертъ, рисующихъ обычный порядокъ ея дѣятельности и ея отношенія къ вѣчу. Боярскій совѣтъ созывался княземъ или

¹⁾ Bunge, Urkund. 1, 682—685.

посадникомъ, иногда владыкой; ни откуда не видно, чтобы у него было урочное время для засѣданій. Житіе преп. Зосимы рассказываетъ, какъ состоялось засѣданіе новгородскаго боярскаго совѣта по дѣламъ Соловецкаго монастыря. Пришедши въ Новгородъ, Зосима жаловался владыкѣ и боярамъ на обиды, какія терпятъ братія на острову отъ окрестныхъ обывателей, холоповъ и крестьянъ, насельниковъ боярскихъ земель. Владыка обѣщалъ «оповѣдать» объ этомъ «боляромъ первымъ, содержащимъ градъ». Нѣсколько времени спустя архіепископъ созвалъ къ себѣ бояръ и сказалъ имъ о насельникахъ, «пакости дѣющихъ преподобному». Всѣ бояре «со мнозѣмъ обѣщаніемъ изволиша помогати монастырю его». Слѣдствіемъ этого ходатайства была грамота монастырю на владѣніе Соловецкими островами, скрѣпленная 8 оловянными печатами владыки, посадника, тысяцкаго и пятиконецкихъ старостъ. Въ XIV вѣкѣ одно нѣмецкое посольство обратилось съ своими жалобами прежде всего къ владыкѣ, который послалъ его съ своимъ приставомъ къ посаднику, а послѣдній сказалъ посланъ, что созоветъ «господъ» и съ ними поговорить о дѣлѣ. Въ Псковѣ, какъ замѣчено выше, совѣтъ созывался особымъ для того колоколомъ. Въ Новгородѣ князь созывалъ совѣтъ на Городищѣ, своемъ загородномъ дворѣ. Безъ него бояре обыкновенно собирались «у владыки въ полатѣ», во дворцѣ архіепископа на Софійской сторонѣ города. Въ отсутствіе князя владыка былъ первенствующимъ членомъ новгородскаго совѣта, предсѣдательствовала въ немъ, какія бы дѣла тамъ ни обсуждались ¹⁾. Такъ иноземныя посольства правились всегда владыкѣ и Новгороду, т. е. прежде всего правительственному совѣту съ

¹⁾ G. de Lannoy (Voyages et ambassades, p. 19) говоритъ о новгородскомъ владыкѣ въ 1412 году: s'y ont ung évesque, qui i est comme leur souverain.

владыкой во главѣ. Иногда впрочемъ правительственный совѣтъ, по крайней мѣрѣ въ Псковѣ, совершалъ свои акты на самомъ вѣчѣ, въ присутствіи собравшагося народа. Псковской лѣтописецъ рассказываетъ, что князь, посадники и сотскіе на вѣчѣ «передъ всѣмъ Псковомъ» скрѣпляли крестоцѣлованіемъ договоръ съ находившимися здѣсь же нѣмецкими уполномоченными. Народное собраніе въ этихъ случаяхъ оставалось простымъ зрителемъ или свидѣтелемъ дѣйствій своего правительства. Точно также псковское духовенство въ 1469 году, рѣшивъ установить у себя церковное самоуправленіе помимо владыки, на вѣчѣ передъ всѣмъ Псковомъ составило грамоту или уставъ, придумавъ какъ-то основать его на Номоканонѣ, положило актъ въ государственный архивъ, въ «ларь» при Троицкомъ соборѣ, и тутъ же выбрало въ блюстители новаго порядка двухъ священниковъ: вѣче только смотрѣло на эти дѣйствія и одобряло ихъ. По политическому складу вольнаго города правительственный совѣтъ долженъ былъ имѣть самыя близкія отношенія къ вѣчу; по каждому вопросу, котораго не могли разрѣшить правители, они обращались къ вѣчу съ докладомъ. Во время переговоровъ съ Иваномъ III въ 1478 г. новгородскій владыка, посадники и другіе представители города на каждое новое предложеніе великаго князя давали одинъ отвѣтъ: «скажемъ то, господине, Новгороду». Иностранный посолъ въ Новгородѣ обращался съ своимъ дѣломъ иногда прямо въ совѣтъ къ владыкѣ, посадникамъ, тысяцкимъ и пятиконецкимъ старостамъ; собравшись на владычнемъ дворѣ и разсмотрѣвъ дѣло, они объявляли, что «поговорятъ съ Великимъ Новгородомъ» и сообщать послу его приговоръ. Въ началѣ XV в. нѣмецкіе послы въ Новгородѣ съ просьбой дать имъ путь въ Псковъ обратились къ степеннымъ посаднику и тысяцкому; тѣ чрезъ нѣсколько времени дали имъ отвѣтъ, что говорили о дѣлѣ «съ своимъ отцомъ владыкой, съ господами и съ

Новгородомъ». Послѣ драки Нѣмцевъ съ Новгородцами въ 1331 г. первые принесли тысяцкому свой проектъ мировой записи; тысяцкій доложилъ его посадникамъ и гесподамъ (*den borchgheuen unn den heren*). Точно определеннаго порядка веденія дѣлъ, очевидно, не существовало; но хорошо различались три правительственныя инстанціи: *степенные* посадникъ и тысяцкій, которые вели текущія дѣла, *совѣтъ господъ* съ владыкой во главѣ, предварительно обсуждавшій дѣла по докладу этихъ исполнительныхъ сановниковъ, и наконецъ *вѣче*, которое обыкновенно созывали тѣ же сановники для окончательнаго приговора. Иногда совѣтъ и вѣче какъ будто собирались одновременно по одному и тому же дѣлу, но въ разныхъ мѣстахъ. Въ 1495 г. Псковъ, собирая ратныхъ людей для похода на Шведовъ по зову великаго князя, положилъ сборъ и на церковныя земли. Духовенство возстало, ссылаясь на правила св. отцовъ, на Номоканонъ. Степенные посадники были съ вѣчемъ противъ освобожденія церковныхъ земель отъ ратной повинности; но въ совѣтѣ, засѣдавшемъ у князя на сѣняхъ, повидимому были сторонники духовенства ¹⁾. Посадники много разъ ходили съ вѣча на сѣни и съ сѣней на вѣче, «лазили многжды на сѣни и въ вѣче», хотѣли поповъ кнутомъ избезчестовать и двоихъ поставили на вѣчѣ въ однѣхъ рубашкахъ, изсромотили всѣхъ поповъ и дьяконовъ. Однако при поддержкѣ въ совѣтѣ духовенство отстояло свою привилегію.

Боярскій совѣтъ былъ страдательнымъ орудіемъ вѣча, исполнителемъ его постановленій: такимъ можетъ онъ показаться по оффиціальнымъ формамъ своей дѣятельности,

¹⁾ Говоримъ это въ томъ предположеніи, что мѣстная летопись разуметь здѣсь сѣни на дворѣ князя, а не при Троицкомъ соборѣ, гдѣ въ ларѣ вмѣстѣ съ государственными актами могли храниться и списокъ Номоканона, понадобившійся теперь властямъ для справокъ.

по заведенному порядку своихъ отношеній къ вѣчу. Но по самому своему устройству вѣче не могло постоянно и послѣдовательно руководить управленіемъ, не было способно къ правильной, послѣдовательной законодательной работѣ. На дѣлѣ совѣтъ былъ часто руководителемъ вѣча, направляя его рѣшенія. Вопросы текущаго законодательства предварительно обсуждались въ совѣтѣ. Онъ велъ дипломатическую переписку, и купцы въ началѣ XV вѣка жаловались, что совѣтъ не все доводитъ до свѣдѣнія народа; слѣдовательно совѣтъ же рѣшалъ, доложить ли обсуждаемое дѣло вѣчу или покончить безъ него. Когда Иванъ III въ 1478 году предъявилъ владыкѣ и другимъ властямъ Новгорода запись, на которой всѣ Новгородцы должны были цѣловать ему крестъ, власти просили явить ее всему Новгороду. Иванъ послалъ запись съ подъячимъ, велѣлъ явить ее Новгороду у владыки въ палатѣ, гдѣ засѣдала новгородская госнода. Дьякъ владыки списалъ запись, владыка подписалъ ее и приложилъ къ ней свою печать; приложили также печати пяти концовъ: о вѣчѣ всего Новгорода повѣствователь и не упоминаетъ. Есть намекъ и на участіе боярскаго совѣта въ законодательствѣ. По псковской Судной грамотѣ госнода, т. е. князь съ посадниками и сотскими, судить, но не законодательствуетъ; посадники только докладываютъ Пскову на вѣчѣ о новыхъ законахъ, новыхъ «строкахъ». Но въ одной статьѣ грамоты читаемъ, что если случится бой безъ грабежа и этотъ бой видѣли многіе люди, «а ставши передъ нами челоуѣки четыре или пять», подтверждаютъ это, битому выдать того, кто билъ его. Значить, одна и та же госнода правила городомъ, въ тѣсномъ составѣ своемъ судила и сверхъ того составляла проекты законовъ, даже не скрывая этого въ ихъ текстѣ ¹⁾.

¹⁾ П. С. Лѣт. IV, 225 и 226, 232, 269, 292; VI, 216 и 218. Bunge, Urkund. IV, 531 и 755; III, 298.

Распорядительное, руководящее значеніе совѣта повидимому всего сильнѣе сказывалось въ его отношеніяхъ къ властямъ отдѣльныхъ частей города. Эти отношенія наиболѣе темная сторона административнаго устройства обоихъ городовъ. Есть два акта XV в., бросающіе на нее нѣкоторый свѣтъ, но сохранившіеся подобно многимъ другимъ въ неисправныхъ спискахъ. Преп. Савва обратился въ Новгородъ съ просьбой о землѣ, на которой онъ въ началѣ XV в. основалъ монастырь недалеко отъ города (на р. Вишерѣ) Посадники и тысяцкіе, степенные и старые, пожаловали старцу эту землю, лежавшую въ округѣ Славенскаго конца. По смерти Саввы понадобилось опредѣлить границы этой земли и уладить споръ монастыря съ двумя сосѣдними землевладѣльцами. То и другое сдѣлано управленіемъ конца въ двухъ удѣлѣвшихъ грамотахъ: первая дана посадниками «великаго конца Славенскаго», боярами, житыми людьми и всѣмъ «господиномъ» великимъ концомъ Славенскимъ, а вторая одними посадниками конца, которыхъ названо восемь. Эти кончанскіе посадники были обыкновенные старые посадники Новгорода, составлявшіе по мѣсту жительства управленіе конца; между ними, вѣроятно, скрытъ подъ общимъ званіемъ посадника и староста конца ¹⁾. Вторая грамота имѣетъ характеръ исполнительнаго листа по отношенію къ первой, «данной»: на основаніи ея отводилась монастырю земля, утвержденная за нимъ приговоромъ конца. Перечисленные въ ней старые посадники съ старостой конца составляли коллегію, которая вела текущія дѣла конца подъ надзоромъ кончанскаго схода. Значитъ, каждый новгородскій конецъ былъ тотъ же Новгородъ въ маломъ видѣ, имѣлъ свою исполнительную управу и свое распорядительное вѣче, гдѣ присутствовали тѣ же общественные элементы, какіе являлись въ высшихъ

¹⁾ Ист. Росс. Іер. III, 559. Нѣкоторые изъ этихъ 8 посадниковъ извѣстны и по лѣтописямъ.

учрежденіяхъ. Черезъ эти кончанскія вѣча и управы дѣйствовалъ боярскій совѣтъ, возлагая на нихъ практическую разработку и исполненіе своихъ и вѣчевыхъ постановленій. Далеко не всѣ наличные бояре входили въ составъ боярскаго совѣта; но остававшіеся внѣ его не оставались внѣ управленія, заняты были въ разнообразныхъ мѣстныхъ мірахъ, не теряя связи съ высшимъ правительствомъ. Бояре отъ концовъ призывались содѣйствовать членамъ совѣта; въ свою очередь члены совѣта, старые посадники дѣйствовали въ концахъ, сотняхъ и т. д. Руководящій голосъ на вѣчѣ, разумѣется, принадлежалъ тѣмъ же мѣстнымъ и общимъ властямъ. Весь этотъ должностной персоналъ отъ старосты улицы до степеннаго посадника, захватывая не только боярство, но и часть примыкавшаго къ нему слоя житьихъ людей, иногда выступалъ противъ самого вѣча сомкнутымъ правительственнымъ классомъ подъ руководствомъ посадниковъ. Такъ было въ Псковѣ въ 1484—1486 гг. Посадники съ княземъ-намѣстникомъ московскимъ, не спросясь у вѣча, составили и положили въ ларь важный актъ, опредѣлявшій повинности смердовъ, государственныхъ крестьянъ, по отношенію къ Пскову. Вѣче раздѣлилось: «черные молодые люди» возстали и начали расправу съ виновными; но посадники, бояре и житьи люди стали заодно противъ черныхъ и поддержанные великимъ княземъ восторжествовали. Отказывая своимъ властямъ въ довѣрїи, чернь однако должна была выбирать послами въ Москву тѣхъ же посадниковъ и бояръ¹⁾. И въ Новгородѣ правительственный классъ выдѣляется на вѣчѣ изъ остальной массы какъ ея руководитель: въ спорѣ съ Нѣмцами въ 1331 году онъ является посредникомъ между враждующими сторонами, ведетъ переговоры съ иноземцами чрезъ своихъ посланцовъ, сдерживаетъ вѣчевую толпу и

¹⁾ Полн. Собр. Лѣт. IV, 266; V, 43.

улаживаетъ столкновеніе новымъ трактатомъ. Такъ боярство покрывало общество сѣтью учреждений, въ которой переплетались мѣстные правительственныя дѣла и власти съ общими и концы которой сосредоточивались въ боярскомъ совѣтѣ, завязывавшемъ ихъ въ одинъ общій узелъ. Послушное повидимому орудіе вѣча, совѣтъ былъ дѣятельнымъ рычагомъ, часто двигавшимъ самое вѣче.

Въ этомъ двойственномъ характерѣ учрежденія отражалась двойственность положенія класса, въ немъ и чрезъ него дѣйствовавшего: завися отъ массы по политическому устройству вольнаго города, этотъ классъ господствовалъ надъ ней въ экономической жизни.

ГЛАВА IX.

Изъ распянныхъ по удѣламъ князей и ихъ слугъ съ XV в., вслѣдствіе московскаго собиранія Руси, складывается въ Москвѣ правительственная аристократія.

Въ то время какъ вотчина московскихъ Даниловичей, расширяясь во все стороны, превращалась въ государство Московское и всея Руси, въ составъ и положеніи господствующаго класса московскаго общества происходила очень важная перемѣна. Въ половинѣ XV в. дворъ московскаго великаго князя былъ уже наиболѣе боярскимъ изъ всеѣхъ великокняжескихъ дворовъ на Руси того времени. Но вопросъ о политическихъ отношеніяхъ къ князю, о власти независимо отъ службы еще не возбуждался. Московскіе бояре усердно поддерживали своего князя въ его стремленіяхъ; князь дѣлился съ ними плодами своихъ успѣховъ, награждая ихъ за усердную службу почетомъ, вліяніемъ,

доходами, льготами; отдѣльные личныя столкновенія разрѣшались попрежнему разрывомъ отношеній, боярскимъ отъѣздомъ. Самыя поземельныя льготы имѣли еще характеръ личнаго пожалованія, не успѣвъ обобщиться и стать сословною привилегіей. Обстоятельства, которыми сопровождались дальнѣйшіе политическіе успѣхи Москвы, вызвали и этотъ политическій вопросъ.

Съ половины XV в. измѣнился прежде всего генеалогическій составъ московскаго боярства. Если въ боярской родословной книгѣ, составленной въ концѣ XVI в., можно видѣть полное собраніе генеалогическихъ деревьевъ, процвѣтавшихъ тогда въ Москвѣ, то по ней не трудно замѣтить, что старинное московское боярство, съ которымъ внукъ Калиты «мужествовалъ на многія страны», съ XV в. было если не подавлено, по крайней мѣрѣ закрыто массой пришельцевъ. Въ этой родословной книгѣ перечислено около 200 «родословныхъ», т. е. родовитыхъ фамилій, успѣвшихъ достаточно обособиться и упрочить свое положеніе въ высшемъ слоѣ служилаго общества. Изъ нихъ едвали наберется болѣе 40 такихъ, о которыхъ съ большей или меньшей увѣренностью можно было бы сказать, что онѣ въ началѣ XV в. уже дѣйствовали въ Москвѣ; притомъ многія и изъ этихъ фамилій тогда были еще недавними отсадками отъ старыхъ генеалогическихъ стволовъ. Такой наплывъ пришельцевъ самъ по себѣ не былъ новостью для московской служилой знати; посредствомъ такихъ же мелкихъ приливовъ складывалось московское боярство и въ XIV в. Но съ половины XV в. этотъ боярскій приливъ сталъ сопровождаться явленіями, которыхъ не было замѣтно прежде.

Дворъ московскаго князя уже въ XIV в. былъ наполненъ плотнѣе другихъ княжескихъ дворовъ. Выгоды московской службы привлекали къ ней сравнительно большее количество слугъ; но это не мѣшало сосѣдямъ по имѣнію, даже чле-

намъ одной фамиліи служить при разныхъ дворахъ. Такъ устанавливалось служебное, то-есть политическое отчужденіе между людьми, связанными экономически или происхожденіемъ. Къ концу XVI вѣка всѣ наличныя служилыя силы, разсѣянные дотолѣ по отдѣльнымъ княжествамъ, стали рядомъ въ распоряженіи одной власти, подѣ дѣйствіемъ одного государственнаго порядка; даже люди, разъединенные между собой экономическими отношеніями и фамильными счетами, теперь по крайней мѣрѣ политически пришли во взаимное соприкосновеніе, если и не сплотились тотчасъ въ цѣльный и единодушный классъ. Въ нѣкоторыхъ сферахъ государственной жизни того времени довольно ясно отражался процессъ этого политическаго сближенія. Въ первое время по присоединеніи удѣльныхъ княжествъ къ Москвѣ дворы ихъ еще не сливались съ московскимъ, оставаясь особыми мѣстными группами, военными и административными. По разряднымъ книгамъ, то-есть походнымъ росписямъ тогдашняго главнаго штаба въ Москвѣ видно, что при великомъ князѣ Иванѣ III, много лѣтъ спустя по присоединеніи къ Москвѣ Воротынска, Бѣлева и Одоева, военныя силы этихъ удѣловъ еще не вводились въ общее росписаніе московскихъ полковъ большаго, передоваго и другихъ. Владѣльцы этихъ удѣловъ, теперь служилые московскіе князья, составляли съ своими дворами особые полки, и московскій Разрядъ предоставлялъ имъ въ походѣ становиться подлѣ того или другаго московскаго полка, справа или слѣва, «гдѣ похотятъ». Впрочемъ уже въ послѣдніе годы княженія Ивана III они не присоединяются къ московскимъ корпусамъ съ своими удѣльными вспомогательными отрядами, а сами становятся во главѣ того или другаго московскаго полка, но только когда другими частями той же арміи командуютъ служилые князья, которые сравнительно съ старымъ боярствомъ Москвы еще недавно, какъ и они сами, признали себя слугами московскаго государя. Въ княженіе Иванова

сына исчезаетъ и этотъ остатокъ прежней удѣльной особенности служилыхъ князей. Тотъ же самый кн. Василій Семеновичъ Швихъ Одоевскій или кн. Иванъ Михайловичъ Воротынскій, которые или отцы которыхъ командовали своими удѣльными полками въ московскихъ походахъ, теперь водили московскіе полки по росписи не только выѣстѣ съ кн. Даниломъ Васильевичемъ Щенятемъ, литовскіе предки котораго уже съ начала XV вѣка служили Москвѣ, но и съ такими представителями стариннаго нетитулованнаго московскаго боярства, какъ Яковъ Захаревичъ Кошкинъ, Андрей Васильевичъ Сабуровъ или Иванъ Андреевичъ Колычовъ. Это значитъ, что пришельцы нашли себѣ наконецъ опредѣленное и постоянное мѣсто въ рядахъ московской знати. Такой же процессъ совершался на всехъ ступеняхъ тогдашней служилой іерархіи отъ верхняго слоя бывшихъ удѣльных князей и до низшей ступени уѣздныхъ дѣтей боярскихъ; только сохранившіеся памятники не позволяютъ намъ наблюдать его внизу такъ же легко, какъ онъ замѣтенъ наверху. Князь В. В. Ромодановскій, потомокъ утратившихъ удѣльную самостоятельность князей Стародубскихъ, служилъ *бояриномъ* у удѣльнаго верейскаго князя Михаила Андреевича. Много лѣтъ спустя по смерти его государя, именно въ 1501 г., встрѣчаемъ этого титулованнаго удѣльнаго боярина въ спискѣ думныхъ людей Московскаго государства; но онъ стоитъ здѣсь чиномъ пониже, т. е. въ званіи окольного, въ которомъ и умеръ, не дослужившись до боярства. Можно отмѣтить еще случай, показывающій, какъ шла сліянiе дворовъ другихъ княжествъ съ московскимъ. Ив. Никит. Жито-Бороздинъ, членъ знатнаго боярскаго рода Твери, перешедшій на московскую службу лѣтъ за 9 до паденія Тверскаго княжества, является потомъ бояриномъ и въ московскомъ спискѣ. Сынъ его Петръ Ивановичъ Житовъ едвали успѣлъ получить боярство еще въ Твери до эмиграціи отца въ Москву. Въ московской

разрядной росписи 1509 года, спустя 33 года послѣ этого переселенія и 24 года послѣ паденія Твери, Петръ Ивановичъ Житовъ прописанъ *тверскимъ бояриномъ*; между тѣмъ въ Москвѣ онъ служилъ и умеръ въ званіи *окольничаго*. Значить, тверской эмигрантъ служилъ по двумъ спискамъ, бояриномъ по тверскому, окольничимъ по московскому. Съ половины XVI в. такое чиновное двоеніе исчезаетъ. Такимъ образомъ удѣльные ручьи, вливавшіеся въ московскій служилый водоемъ, нѣкоторое время текли еще отдѣльными струями, которыя замѣтно отличались отъ воспринимавшей ихъ массы, пока не исчезали въ общемъ водоворотѣ ¹).

И до XV в. московское боярство отличалось сброднымъ составомъ, слагалось изъ единицъ различнаго происхожденія, прибывавшихъ въ Москву при различныхъ обстоятельствахъ. Политическія бури, которыя неслись тогда на Русскую землю съ востока, юга и запада,—да простятъ намъ это новое риторическое сравненіе, наглядно изображающее историческій фактъ,—эти бури, сокрушая общественныя вершины по окраинамъ, чаще всего заносили сорванные вѣтки въ центральное междурѣчье Оки и верхней Волги, на берега рѣки Москвы. Не разъ сюда попадалъ пришлецъ изъ какой-нибудь далекой нерусской страны, изъ Прусской земли, изъ Волошскаго или Теврижскаго государства, даже изъ Орды. Такимъ образомъ уже ко времени Василія Темнаго среди суздальскаго крестьянскаго чернолѣся въ Москвѣ поднялось десятка два-три красныхъ генеалогическихъ деревьевъ. Во время безпорядковъ въ Литвѣ въ 1378 г. князь трубчевскій Димитрій Ольгердо-

¹) См. боярскій списокъ въ Древн. Росс. Бивл., ч. XX. И. В. Ощера, служившій до 1472 г. бояриномъ у удѣльнаго дмитровскаго князя Юрія, въ Москвѣ болѣе 10 лѣтъ числился окольничимъ и умеръ, не дослужившись до полнаго боярства. Собр. гос. гр. и дог. I, № 96.

вить пріѣхалъ въ Москву, какъ говоритъ лѣтопись, «въ рядъ къ великому князю Димитрію Ивановичу и урядися у него въ рядъ и крѣпость взя». Великій князь далъ ему крѣпость и рядъ, принялъ съ честію великою и со мно-гою любовію столь знатнаго слугу и пожаловалъ ему городъ Переяславль со всѣми пошлинами ¹⁾). Подобнымъ образомъ опредѣлялось въ Москвѣ положеніе и другихъ менѣе знатныхъ пришелицевъ: они также рядились съ великимъ княземъ и брали крѣпости, образчики которыхъ можно видѣть въ нѣкоторыхъ сохранившихся жалованныхъ грамотахъ, которыя давали московскіе князья пріѣзжимъ слугамъ своимъ «на пріѣздъ» въ XIV и XV в. По этимъ грамотамъ можно видѣть, что каждый гость принимался въ Москвѣ охотно по личному уговору съ княземъ, получалъ мѣсто по личнымъ качествамъ, какъ они тогда цѣнились въ Москвѣ, держался на этомъ мѣстѣ, падалъ или поднимался по личнымъ заслугамъ или личной удачѣ, вообще вступалъ въ личныя отношенія къ принявшему его хозяину. Пріѣхавшая служилая единица со временемъ становилась единицей фамиліной, родословной; но къ послѣдней переходила по наслѣдству та случайность отношеній, которая господствовала въ положеніи ея родоначальника среди московскаго служилаго люда. Въ XV и XVI в. новые слуги приливали въ Москву цѣлыми массами, а не единицами. Подъ рукой московскаго князя собиралось все наличное количество служилыхъ людей, разсѣянное дотолѣ по разнымъ княжествамъ, съ прибавкой людей, которые прежде не служили, а сами имѣли вольныхъ слугъ. Московскій государь не уговаривался съ каждымъ лицомъ, которое Разрядный приказъ заносилъ въ московскіе списки; на мѣсто личного *ряда* въ опредѣленіи служебнаго положенія новаго слуги должно было явиться *уложеніе*, общая норма. Образчики

¹⁾ Никон. IV, 84.

такихъ уложеній находимъ въ тѣхъ опредѣленіяхъ княжескихъ договорныхъ и духовныхъ грамотъ того времени, которыя касаются служилыхъ князей и вольныхъ слугъ.

Двѣ важныя перемѣны успѣли къ половинѣ XVI в. обозначиться въ томъ положеніи, какое создано было для московскаго боярства событіями послѣднихъ ста лѣтъ. Одною изъ нихъ былъ іерархическій порядокъ, въ который стали складываться служебныя отношенія людей этого класса. Приливъ новыхъ слугъ въ Москву цѣлыми массами съ половины XV в. возбудилъ въ служилой средѣ множество казуистическихъ вопросовъ, безъ которыхъ обходилось московское боярство прежде при своемъ болѣе простомъ составѣ. Всѣ эти вопросы касались того, какъ размѣститься на московской іерархической лѣстницѣ, въ государственномъ управленіи и за великокняжескимъ столомъ, какъ размѣститься здѣсь людямъ столь непохожимъ другъ на друга по характеру, происхожденію и по прежнему общественному положенію, которые до той поры не имѣли между собой ничего общаго и теперь встрѣтились въ передней палатѣ московскаго дворца. По мѣстническимъ столкновеніямъ московскихъ бояръ съ конца XV в. можно слѣдить за тѣмъ, какъ устанавливалась эта новая боярская іерархія въ Москвѣ. Кажется, прежде всего восторжествовало общее правило, что бывший удѣльный князь становится и садится выше нетитулованнаго боярина, хотя бы первый былъ вчерашнимъ слугою Москвы, а послѣдній могъ указать въ своей родословной нѣсколько поколѣній знатныхъ предковъ, ей служившихъ. Извѣстенъ мѣстнический случай, въ которомъ самъ Иванъ III выразилъ мысль о служебномъ преимуществѣ служилаго князя передъ простымъ, хотя бы и родовитымъ московскимъ бояриномъ. Юр. Зах. Кошкинъ въ литовскомъ походѣ на Ведрошу не хотѣлъ командовать сторожевымъ полкомъ подъ воеводой большаго полка кн. Дан. В. Щенятемъ.

Великій князь, объяснивъ ему неприличіе его жалобы съ политической точки зрѣнія, напомнилъ ему одинъ служеб- ный случай изъ первыхъ лѣтъ своего княженія: бояринъ Ѡ. Дав. Хромой, одного корня съ старинными московскими фамиліями Бутурлиныхъ и Челяднинныхъ, командовалъ сто- рожевымъ полкомъ, когда главнымъ воеводой былъ по- слѣдній великій князь ярославскій, только въ 1463 г. съ своими удѣльными родичами бившій челомъ на москов- скую службу. Великій князь хотѣлъ сказать Захарьичу этимъ служебнымъ напоминаніемъ, что прежде бояринъ изъ фамиліи родовитой не менѣе Кошкиныхъ не обижался, отступая на низшее мѣсто передъ княземъ ярославскимъ, гораздо менѣе давнимъ московскою слугою, чѣмъ потомокъ Гедимины кн. Щеня-Патрикѣевъ. Такъ генеалогической знатности стали жертвовать давностью службы. Этимъ объ- яняется явленіе, рѣзко бросающееся въ глаза при чтеніи московскихъ разрядныхъ книгъ съ конца XV вѣка: вездѣ на первыхъ мѣстахъ государственнаго управленія стоятъ почти одни служилые князья, и только какой-нибудь Во- ронцовъ изъ старой первостепенной боярской фамиліи Моск- вы Вельяминовыхъ да столь же знатные Кошкины еще держатся кое-какъ на поверхности служилаго потока. Вы- ражавшійся въ этомъ служебномъ явленіи взглядъ сдѣ- лался мѣстническимъ преданіемъ, которое крѣпко держа- лось въ московскихъ служилыхъ умахъ и тогда, когда уже съ успѣхомъ стала пробиваться совсѣмъ иная оцѣнка сравнительнаго достоинства служилаго человѣка. Вельями- новы-Зерновы, не Воронцовы, начали служить въ Москвѣ гораздо раньше князей Вяземскихъ. Въ XVII в. одинъ изъ этихъ князей, доказывая свое служебное превосход- ство передъ Вельяминовымъ, говорилъ на мѣстническомъ судѣ: «да и по степени мы выше Вельяминовыхъ, потому что пошли отъ старшаго Мономахова сына, а Вельяминовы изъ Орды пришли, а не отъ великихъ и не отъ удѣль-

ныхъ князей: такъ мы больше Вельяминовыхъ». Правило, которымъ опредѣлялось общее отношеніе по службѣ между служилымъ княземъ и простымъ боярствомъ, легло въ основаніе распорядка служебныхъ отношеній и между самими князьями. Здѣсь было признано, что послѣдніе раз-
 станавливаются въ рядахъ московской служебной іерархіи по качеству столовъ, на которыхъ сидѣли ихъ владѣтель-
 ные предки: потомокъ княжеской вѣтви, занимавшей стар-
 ній изъ столовъ извѣстной линіи, ростовской, ярославской
 или тверской, по этому самому становился выше своихъ
 родичей, предки которыхъ пришли въ Москву съ младшихъ
 удѣльныхъ столовъ тѣхъ же линій. По разряднымъ росписямъ
 съ конца XV в. можно замѣтить, что всякій разъ, когда кн.
 Дан. А. Пенку (правильнѣе Пеньку) или его сыновьямъ прихо-
 дилось идти въ походъ воеводами вмѣстѣ съ ихъ ярославскими
 родичами, князьями Сицкими, Ушатыми, Курбскими, Дуло-
 выми, Прозоровскими, они становились выше послѣднихъ
 иногда на много іерархическихъ степеней. Фамилія князей
 Пенковыхъ пошла отъ упомянутаго выше послѣдняго ве-
 ликаго князя ярославскаго Александра Ѳеодоровича, и о ней
 родословная книга замѣчаетъ: «и потому князь Даниловъ
 родъ Пенковъ въ своемъ роду (въ ярославской княжеской
 линіи) большой, что до отца его были они на Ярославлѣ
 на большомъ княженіи». Князья Сицкіе, Прозоровскіе, Уша-
 тые, Дуловы, напротивъ, шли отъ родоначальника, сидѣв-
 шаго на одномъ изъ ярославскихъ удѣловъ, на Мологѣ¹⁾.

1) Замѣчательно, что это служебное преимущество Пенковыхъ
 вовсе не было основано на ихъ родовомъ старшинствѣ среди
 линіи ярославскихъ князей. Въ этомъ отношеніи князь Курб-
 скіе, пришедшіе изъ другаго ярославскаго удѣла, были выше
 Пенковыхъ, потому что шли по прямой линіи отъ князя, кото-
 рый былъ старшимъ братомъ родоначальника князей Пенковыхъ.
 Но этотъ старшій братъ не сидѣлъ на великомъ княженіи въ
 Ярославлѣ, а младшій, отецъ кн. Александра Ѳеодоровича, си-
 дѣлъ. Отсюда произошло любопытное явленіе въ московскомъ

Послѣдовательное примѣненіе того же правила приводило и къ одному исключенію изъ него. Когда служилый классъ въ Москвѣ началъ разстанавливаться по общему *уложенію*, а не по личному уговору новаго слуги съ великимъ княземъ, тогда на служебную карьеру фамиліи стало оказывать рѣшительное дѣйствіе то общественное положеніе, какое занимала она или ея родоначальникъ въ минуту перехода на московскую службу. Съ этимъ въ связи стоитъ и то извѣстное въ московскомъ мѣстничествѣ явленіе, что въ Москвѣ считались отношеніями предковъ, имѣвшими мѣсто еще до перехода послѣднихъ на московскую службу въ исчезнувшихъ уже княжествахъ. Удѣльный князь, дѣлаясь слугой Москвы, потому и становился выше стариннаго московскаго боярина, что послѣдній служилъ, когда первый самъ былъ государемъ, имѣвшимъ такихъ же своихъ слугъ. Но къ началу XVI в., когда исчезали послѣднія самостоятельныя княжества, въ спискахъ московскаго штаба накопилось много такихъ удѣльныхъ князей, которые перешли въ переднюю московскаго дворца не прямо съ удѣльныхъ столовъ: раньше этого они успѣли уже сдѣлаться слугами другихъ такихъ же удѣльныхъ князей, какими были прежде сами. Строгое примѣненіе указаннаго выше правила къ такому случаю уничтожало іерархическія преимущества, вытекавшія изъ княжескаго происхожденія: нетитулованный бояринъ, служившій московскому *великому* князю, становился выше князя, служившаго до перехода въ Москву князю *удѣльному*, какъ становился онъ выше и простаго удѣльнаго боярина. Нащокины старинная боярская фамилія, усѣвшаяся въ Москвѣ еще до половины XIV в. Она потомъ захудала, и только въ XVII в. знаменитый Аѳ. Лавр.

мѣстничествѣ, само по себѣ противорѣчившее первоначальному основанію мѣстничества, различіе между старшинствомъ родовымъ и родословнымъ, точнѣе говори, служебнымъ.

Ординъ-Нащокинъ напомнилъ, что нѣкогда его предки служили боярами у потомковъ Калиты. Въ 1572 году членъ этой фамиліи, думный дворянинъ Ром. Вас. Олферьевъ-Безнинъ былъ назначенъ товарищемъ казначея кн. В. В. Литвинова-Масальскаго, потомка черниговскихъ-карачевскихъ князей. Олферьевъ жаловался на униженіе и представилъ судившимъ его боярамъ родословную роспись своей фамиліи вмѣстѣ съ росписью князей Масальскихъ. Въ числѣ доказательствъ служебнаго превосходства своего рода передъ этими князьями, даже главнымъ доказательствомъ Олферьевъ приводилъ въ своей челобитной царю то, что «мы, холопи твои, искони вѣчные ваши государскіе, ни у кого не служивали окромя васъ, своихъ государей, а Масальскіе князи служили Воротынскимъ княземъ, кн. Ив. Масальскій-Колода служилъ кн. Ив. Воротынскому, были ему приказаны собаки», т. е. онъ былъ у него ловчимъ или, выражаясь языкомъ удѣльнаго времени, путнымъ бояриномъ ловчаго пути. Кн. Масальскій призналъ силу этого доказательства, заявивъ на судѣ, что Романъ человекъ великій, а онъ человекъ молодой и счету съ Романомъ не держитъ никотораго.

Такъ вскрывается цѣлый слой общественныхъ понятій, принесенныхъ въ Москву вмѣстѣ съ родовитыми именами, которыя съ половины XV в. въ такомъ множествѣ нахлынули въ служилые списки московскаго Разряда. Эти понятія замѣтно подѣйствовали на правительственный порядокъ, какой съ того времени устанавливался въ Москвѣ. Они главнымъ образомъ создали не самое мѣстничество, слѣды котораго становятся замѣтны гораздо прежде, а ту особую эпоху въ его исторіи, какой было столѣтіе съ княженія Ивана III до перемѣнъ, внесенныхъ въ мѣстничество московской боярской думой при его внуцѣ, потому что надобно строго отличать старинныя общія основанія мѣстничества отъ своеобразнаго строя мѣстническихъ отношеній,

сложившагося въ служиломъ обществѣ Московскаго государства. Благодаря тѣмъ же понятіямъ разнообразныя элементы, изъ которыхъ составилось служилое московское общество, распредѣлились на нѣсколько іерархическихъ разрядовъ, которые довольно явственно обозначились въ XVI в. Первый разрядъ, который тонкимъ слоемъ легъ на поверхности московскаго боярства, составили высшіе служилые князья, предки которыхъ пріѣхали въ Москву изъ Литвы или съ великокняжескихъ русскихъ столовъ: таковы были потомки литовскаго кн. Юрія Патрикѣевича, также князья Мстиславскіе, Бѣльскіе, Пенковы, Ростовскіе, Шуйскіе и др.; изъ простаго московскаго боярства одни Кошкины съ нѣкоторымъ успѣхомъ держались среди этой высшей знати. Затѣмъ слѣдуютъ князья, предки которыхъ до подчиненія Москвѣ владѣли значительными удѣлами въ бывшихъ княжествахъ Тверскомъ, Ярославскомъ и другихъ, князья Микулинскіе, Воротынскіе, Курбскіе, старшіе Оболенскіе; къ нимъ присоединилось и все первостепенное нетитулованное боярство Москвы, Воронцовы, Челяднины и друг. Въ составъ третьяго разряда вмѣстѣ съ второстепеннымъ московскимъ боярствомъ, съ Колычовыми, Сабуровыми, Салтыковыми, вошли потомки мелкихъ князей удѣльныхъ или оставшихся безъ удѣловъ еще прежде, чѣмъ ихъ бывшія отчины были присоединены къ Москвѣ, князья Ушатые, Палецкіе, Мезецкіе, Сицкіе, Прозоровскіе и мн. друг. Этотъ іерархическій распорядокъ былъ основанъ на происхожденіи, мало поддавался дѣйствию личныхъ заслугъ, какъ и произвола московскихъ государей, и дѣлалъ большіе успѣхи въ стремленіи стать наслѣдственнымъ. На этомъ распорядкѣ держалось и мѣстническое боярское *отечество*, т. е. созданное предками и переходившее по наслѣдству къ потомкамъ служебное отношеніе лица и фамиліи къ другимъ служилымъ лицамъ и фамиліямъ. Іерархію должностныхъ лицъ, выстраивавшуюся на такомъ основаніи, нельзя назвать иначе

какъ правительственной аристократіей, какъ бы строго, т. е. узко ни понимали мы это слово. У насъ не любятъ называть имъ старое московское боярство, и въ приложеніи къ послѣднему оно звучитъ парадоксомъ. Но тѣ, кому не жаль тратить слова, доказывая невозможность аристократіи при такой неограниченной власти, какую имѣли московскіе самодержцы XVI и XVII в., забываютъ или не хотятъ припомнить, что само московское правительство прямо признавало боярское *отечество* независимымъ ни отъ служебныхъ успѣховъ, ни отъ воли государя и рѣдко нарушало эту независимость даже при такихъ государяхъ, которые совсѣмъ не были склонны высказывать такое признаніе. Въ 1616 году кн. Ѳ. Волконскій жаловался, что ему по своей службѣ обидно быть меньше боярина П. П. Головина. Кн. Волконскій былъ человѣкъ «неродословный» и могъ сослаться только на свою личную службу, а не на предковъ. Бояре, разбиравшіе дѣло по приказу царя, послали князя въ тюрьму за то, что онъ своимъ бездѣльнымъ челобитьемъ обезчестилъ и опозорилъ Головина и его «родителей». На допросѣ бояре напомнили кн. Ѳеодору, что по государеву указу неродословнымъ людямъ съ родословными суда и счету въ отечествѣ не бывало, а что касается до его службы, то *за службу жалуется государь помѣстьемъ и деньгами, а не отечествомъ*¹⁾. Феодальный баронъ едвали сумѣлъ бы аристократичнѣе формулировать одно изъ основныхъ возрѣній политической аристократіи.

Итакъ, когда правительственныя силы, разбѣянные по удѣламъ, собрались въ Москвѣ и вошли въ составъ здѣшняго боярства, въ немъ установился распорядокъ лицъ и фамилій, отличавшійся аристократическимъ характеромъ. Это была первая и главная перемѣна, происшедшая въ положеніи московскаго боярства при его новомъ составѣ.

1) Книги Разр. I, 206.

Другая перемѣна состояла въ томъ, что личныя и случайныя землевладѣльческія льготы отдѣльныхъ служилыхъ лицъ стали превращаться въ сословныя политическія привилегіи. Въ удѣльное время служебныя обязанности вольнаго слуги не простирались на его вотчину; точно также вотчина его несла обычные поземельныя повинности въ пользу князя, въ удѣлѣ котораго находилась, независимо отъ того, служилъ ли ея владѣлецъ этому князю или другому. Таковъ былъ общій порядокъ отношеній. Исключеніемъ изъ него было то, что князь въ награду за вѣрную службу своего слуги освобождалъ его землю въ предѣлахъ своего княжества отъ тѣхъ или другихъ княжескихъ повинностей, на ней лежавшихъ, передавалъ ему тѣ или другія княжескія права свои на крестьянъ, эту землю обработывавшихъ. Эти льготы были личнымъ отличіемъ; пожалованіе и продолженіе ихъ было такъ же необязательно для князя, какъ необязательна была и вызвавшая ихъ служба вольнаго слуги. Съ объединеніемъ сѣверной Руси государственная служба служилыхъ людей сдѣлалась обязательной; тогда и поземельныя льготы, какъ ея послѣдствіе, перестали быть случайнымъ исключеніемъ, личнымъ отличіемъ, стали общимъ нормальнымъ явленіемъ. Онѣ служили такимъ же матеріальнымъ средствомъ для исправнаго отбыванія государственной повинности ратнаго челоуѣка, какимъ были помѣстные дачи, и какъ самая эта повинность стала политической особенностью цѣлаго класса служилыхъ землевладѣльцевъ, такъ и землевладѣльческія льготы получили значеніе сословныхъ преимуществъ служилаго класса.

ГЛАВА X.

Въ составъ московской боярской думы XVI в. отразились довольно точно перемѣны въ составъ московскаго боярства съ половины XV в.

Появленіе у московскаго правительственнаго механизма многочисленнаго класса съ такимъ аристократическимъ складомъ было естественнымъ послѣдствіемъ успѣшнаго собиранія Руси московскими князьями. Однако явленіе это было довольно неожиданно: его едвали предвидѣли и навѣрное не пожелали бы, еслибы предвидѣли, сами собиратели Руси, когда сосредоточивали въ своихъ рукахъ разбитую на части Русскую землю съ такимъ терпѣливымъ усердіемъ и съ такою изобрѣтательностію въ способахъ дѣйствія.

Посмотримъ, какъ отразился этотъ неожиданный фактъ на составѣ изучаемаго правительственнаго учрежденія. Для этого мы разберемъ погодный списокъ думныхъ московскихъ сановниковъ, которые съ начала XVI и почти до конца XVII в. приходили одни за другими въ переднюю государевыхъ кремлевскихъ хоромъ, чтобы подъ предсѣдательствомъ государя или безъ него «посидѣть о дѣлахъ» ¹⁾. Разбирая этотъ списокъ, мы пересчитаемъ особо людей каждаго изъ трехъ чиновъ, составлявшихъ іерархію думы,

¹⁾ Др. Росс. Вивл., XX. Списокъ этотъ не совсѣмъ исправенъ. Проверивъ его, сколько было возможно, съ помощію лѣтописей, разрядныхъ и боярскихъ книгъ и списковъ, изданныхъ и рукописныхъ, мы могли замѣтить, что съ княженія Василя Ивановича неисправность списка состоитъ не столько въ неполнотѣ перечня, сколько въ невѣрности хронологическихъ показаній: многіе бояре и окольничіе были пожалованы въ эти званія раньше, чѣмъ показано въ спискѣ. Ср. этотъ списокъ съ помѣщеннымъ въ Архивъ ист.-юр. свѣд., кн. 2, половина 1, отд. 2, стр. 121. Разумѣется, въ выводахъ, излагаемыхъ далѣе, нельзя искать полной точности.

т. е. боярь, окольничихъ и думныхъ дворянъ, пока не касаясь служилого значенія этихъ чиновъ. Беремъ хронологическое пространство въ 176 лѣтъ, съ 1505 года, когда сѣлъ на великокняжескій столъ Василій Ивановичъ, и до смерти царя Федора Алексѣевича въ 1682 году, то есть до эпохи, съ которой пошла усиленная ломка вѣковыхъ порядковъ и понятій въ Московскомъ государствѣ и обществѣ. Дѣлимъ это пространство на двѣ равныя половины, по 88 лѣтъ въ каждой, и фамиліи людей, присутствовавшихъ въ думѣ въ ту и другую половину, сортируемъ по ихъ происхожденію и «отечеству».

Съ 1505 года до 1593 включительно насчитываемъ до 70 фамилій, члены которыхъ перебивали въ московской государевой думѣ въ званіи боярь. Изъ нихъ слишкомъ 40 носили княжескій титулъ; остальные были простыя боярскія фамиліи. Пересчитывая боярь того и другаго разряда поголовно, находимъ, что изъ двухъ сотенъ боярь, посидѣвшихъ въ думѣ въ этотъ періодъ времени, было почти 130 князей и только 70 лицъ съ чѣмъ-нибудь не княжескаго происхожденія. Пользуясь наиболѣе обычнымъ способомъ обозначенія количественныхъ отношеній, можно сказать, что княжескихъ фамилій, члены которыхъ сидѣли въ думѣ боярами, было около 61,5%, а не княжескихъ около 38,5%. Считая лица, а не фамиліи, видимъ, что титулованная знать выслала въ думу въ званіи боярь около 65%, а нетитулованная около 35%. Значитъ, княжье численно преобладало въ составѣ думы великаго князя Василія, его сына и внука. Это княжье почти все состояло изъ лицъ, которыя или отцы которыхъ покинули свои княжескіе столы для московской службы недавно, при Иванѣ III или его сынѣ. Притомъ уже въ XVI вѣкѣ замѣтно дѣйствіе привилегіи, которая дѣлила боярскія фамиліи на два разряда, высшій и низшій: члены однихъ достигали боярства, проходя предварительно званіе окольничаго, а

члены другихъ становились прямо боярами, минуя эту ступень. Къ привилегированному слою принадлежать все тѣ же недавніе московскіе слуги съ громкими удѣльными фамиліями, князья Ростовскіе, Пенковы-Ярославскіе, Пронскіе, Микулинскіе, Шуйскіе, Воротынскіе, Мстиславскіе, Глинскіе, Щенятевы и ихъ родичи Булгаковы съ своими вѣтвями, Голицыными и Куракиными, Оболенскіе-Репнины и Оболенскіе-Серебряные. Изъ фамилій стараго московскаго нетитулованнаго боярства этимъ служебнымъ преимуществомъ пользуются лишь нѣкоторые изъ Воронцовыхъ, Бутурлиныхъ и Челяднинныхъ, Яковлей и Юрьевыхъ, двухъ вѣтвей фамиліи Кошкиныхъ, если только здѣсь не обманываетъ насъ неполнота списка, не обозначившаго, когда бояре этихъ фамилій были окольничими. Съ 1594 года до смерти царя Ѳедора Алексѣевича въ 1682 году слишкомъ 60 фамилій попали въ списокъ бояръ думы; изъ нихъ княжескихъ было до 40, около 62⁰/₀. Но мы ошиблись бы, подумавъ на основаніи этого процента, что боярская дума и въ XVII в. сохраняла свой прежній родовитый составъ, даже стала немного аристократичнѣ сравнительно съ думой предшествующаго столѣтія. Напротивъ, съ точки зрѣнія родословной знати XVI в. можно сказать, что по прекращеніи старой династіи московская боярская дума «захудала», стала наполняться «молодыми людьми», дворянскою демократіей. Хотя процентъ княжескихъ фамилій въ высшемъ думномъ чинѣ теперь нѣсколько поднялся, зато численное отношеніе бояръ-князей ко всему количеству бояръ думы значительно упало: теперь титулованныя фамиліи выставили въ думу около 110 человекъ почти на 200 бояръ, отмѣченныхъ въ списокѣ членовъ думы, т. е. около 56⁰/₀ вмѣсто 65⁰/₀, какъ приблизительно было впродолженіе 88 лѣтъ до 1594 года. Слѣдовательно нетитулованное боярство въ думѣ выиграло у князей въ XVII в. до 9⁰/₀. Притомъ княже-

скія фамиліи, представители которыхъ сидѣли боярами въ думѣ съ 1594 года, въ значительномъ большинствѣ были уже далеко не тѣ, какія то-и-дѣло мелькаютъ въ спискѣ бояръ прежде. До 20 княжескихъ фамилій XVI в. исчезли для думы XVII вѣка: ни одного члена ихъ не встрѣчаемъ въ числѣ московскихъ государевыхъ совѣтниковъ, которымъ сказано боярство послѣ 1593 года. На мѣсто этихъ бывшихъ фамилій появляется до 17 новыхъ, изъ которыхъ никто не бывалъ бояриномъ до 1594 года. Справившись по родословнымъ о происхожденіи этихъ новыхъ думныхъ фамилій, находимъ, что большею частію это были младшіе отпрыски генеалогическихъ стволовъ, старшія вѣтви которыхъ наполняли своими именами списки думныхъ людей XVI в. Не появляются болѣе въ думѣ боярами ни князья Пенковы, ни князья Курбскіе, ни князья Шастуновы, ни Кубенскіе, большіе роды ярославской княжеской линіи; на смѣну имъ приходятъ люди младшихъ родовъ той же линіи, князья Прозоровскіе, изъ которыхъ было 6 бояръ съ 1613 года, князья Шаховскіе, Львовы. То же явленіе можно замѣтить и въ другихъ боярскихъ фамиліяхъ, не только княжескихъ, но и въ простыхъ. Въ спискахъ бояръ нѣтъ болѣе Поплевиныхъ, старшей линіи Морозовыхъ; но вторая линія Салтыковыхъ, появляющаяся въ думѣ довольно поздно, уже во второй половинѣ XVI вѣка, въ XVII в. проводитъ туда болѣе 10 бояръ. Не встрѣчаемъ въ думѣ XVII в. и людей четвертой линіи того же стараго боярскаго рода Москвы Тучковыхъ, строптивыхъ нѣкогда собственниковъ князей Курбскихъ; но пятая линія Шейныхъ, появившаяся въ думѣ гораздо раньше Салтыковыхъ, держится въ ней и въ XVII в. Точно также исчезаютъ старшія линіи фамиліи, шедшей отъ боярина XIV в. Акинѳа Великаго, Чоботовы и Давыдовы-Челядины; но младшіе Бутурлины остаются въ думѣ, а совсѣмъ невидные до XVII в. родичи Акинѳовичей Пушкины, которые прежде

не бывали боярами, теперь проводятъ въ думу троихъ изъ своей фамиліи въ званіи бояръ. Вообще до 15 простыхъ боярскихъ фамилій XVI вѣка, большею частію старинныхъ, вышло изъ списка бояръ въ XVII вѣкѣ; на ихъ мѣсто явилось до дюжины такихъ неродословныхъ сравнительно съ Челяднинными или Яковлями фамилій, какъ Стрѣшневъ, Милославскіе, Нарышкины и др.

Особый служебный міръ открывается передъ нами, когда разсматриваемъ списокъ окольничихъ. Окольничество для однихъ служилыхъ лицъ и цѣлыхъ фамилій служило переходною ступенью къ боярству, для другихъ составляло вершину почестей, высшій предѣлъ чиновной карьеры. Если списокъ бояръ наполнялся именами знатнаго князя, которое здѣсь своей численностью давило нетитулованную знать, то окольничество служило пріютомъ для этой послѣдней. Съ 1505 по 1594 годъ насчитываемъ въ составѣ боярской думы до 140 окольничихъ; изъ нихъ князей было всего съ небольшимъ 30, менѣе 23%. Слѣдовательно нетитулованной знати въ этомъ чинѣ было гораздо больше, приблизительно на 12%, чѣмъ знати титулованной въ чинѣ бояръ. Притомъ князья, появлявшіеся въ званіи окольничихъ, большею частью далеко не принадлежали къ первостепенной знати: то были князья Ушатые, Сицкіе, Ноздроватые-Звенигородскіе, Великого-Гагины (вѣтвь Шастуновыхъ-Ярославскихъ), Хворостинины и т. п. Значительное большинство этихъ князей даже и не дослуживалось до боярства, оканчивая свое служебное поприще въ чинѣ окольничихъ, тогда какъ настоящіе титулованные бояре возводились въ высшій чинъ прямо, не бывавъ окольничими. Припоминая родословную нетитулованныхъ окольничихъ XVI в., видимъ, что это почти все люди изъ фамилій стариннаго московскаго боярства: изъ нихъ вышло въ этотъ періодъ времени не менѣе 85 окольничихъ, т. е. около 62%, такъ что на остальные не княжескіе роды досталось только 14—

15% всего количества окольныхихъ. Всего чаще появляются въ списокъ людей этого чина немногія коренныя фамиліи стараго московскаго боярства съ ихъ вѣтвями, Морозовы съ Тучковыми, Салтыковыми и Шеинными, Захарыны-Кошкины съ Беззубцевыми, Яковлями и Шереметевыми, Агинеовичи-Давыдовы съ Жулебинными, Бутурлиными и Чоботовыми, Сабуровы съ Годуновыми, Колычовы, Плещевы, Головины. Такъ въ списокъ окольныхихъ XVI в. вскрывается само собою коренное гнѣздо стараго московскаго боярства, свившееся еще въ XIV в., при первыхъ московскихъ князьяхъ. Оно уцѣлѣло среди потока нахлынувшаго въ Москву знатнаго князя; придавленное имъ наверху, вытѣсняемое съ высшей служебной ступени, это боярство отстояло вторую ступень и господствовало въ ней въ XVI в., стараясь въ свою очередь придавить и пришлое боярство изъ удѣловъ, и второй слой бывшаго удѣльнаго князя, пробивавшійся на верхъ къ своимъ старшимъ родичамъ. Но и это удавалось ему только до конца XVI в. Съ начала XVII в. въ списокъ окольныхихъ обнаруживаются явленія параллельныя тѣмъ, какія мы замѣтили при разборѣ списка бояръ. Нѣкоторое время съ 1594 г. окольныхичіе въ значительномъ количествѣ выходятъ все изъ тѣхъ же коренныхъ московскихъ фамилій Бутурлиныхъ, Годуновыхъ, Головиныхъ и др. При новой династіи изъ этихъ фамилій въ списокъ остаются только четыре: Салтыковы, Бутурлины, Головины и Колычовы, да и тѣ даютъ всего 11 на 114 окольныхихъ, занесенныхъ въ списокъ съ начала царствованія Михаила Федоровича. Зато списокъ окольныхихъ съ этого времени поражаетъ множествомъ и разнообразіемъ фамилій, которыхъ на пространствѣ 70 лѣтъ съ 1613 года обозначено больше, чѣмъ въ продолженіе 88 лѣтъ съ 1505 года. Очень многихъ изъ этихъ фамилій нельзя даже найти въ боярскихъ родословныхъ XVI в., и большинство ихъ, всѣ эти Чоглоковы, Соковнины, Нар-

бековы, Матюшкины, Чириковы, Чаадаевы, Хлоповы, теперь впервые появляются среди думныхъ фамилій, чтобы занести въ ихъ списокъ по одному, много по два окольныхъ. Видно, что прежняго окольного класса уже не существуетъ; плотный кругъ фамилій, представители которыхъ прежде чаще другихъ являлись въ званіи окольныхъ, разбился, и служебный или придворный случай вырываетъ теперь снизу одну за другой неизвѣстныя фамиліи, которыя скоро исчезали опять, оставивъ по себѣ слѣдъ въ спискахъ думныхъ людей однимъ или двумя именами.

Такъ на обѣихъ высшихъ ступеняхъ чиновной лѣствицы замѣчаемъ слѣды одной важной перемѣны, испытанной московскимъ боярствомъ. Въ XVII в. генеалогическій составъ этого боярства далеко не тотъ, какой былъ въ XVI в.; «прежніе большіе роды многіе, по выраженію Котошихина, безъ остатку миновались». Трудно уловить всё причины, которыя произвели этотъ генеалогическій переворотъ. Однѣ большія фамиліи XV—XVI в., какъ напримѣръ князя Щепятевы, Дорогобужскіе, Микулинскіе, Холмскіе, Пенковы, вымерли естественною смертію; другіе извелись отъ казней и побѣговъ въ Литву во время страшной развязки, какою разрѣшилась во второй половинѣ XVI в. борьба московскихъ государей съ ихъ притязательнымъ боярствомъ. Но можно замѣтить и слѣды причинъ менѣе понятнаго свойства. Нѣкоторыя боярскія фамиліи исчезаютъ изъ думы, не даютъ ей ни бояръ, ни окольныхъ. Но онѣ остаются живы; ихъ членовъ иногда въ значительномъ числѣ встрѣчаемъ въ чинахъ, слѣдующихъ за думными, въ стольникахъ и дворянахъ московскихъ. Можетъ-быть, и ихъ думные предки XVI в. начинали служебную карьеру въ этихъ же чинахъ; но теперь прямые ихъ потомки почему-то не поднимаются выше на думныя мѣста отцовъ или поднимаются очень рѣдко. Въ неисчислимомъ родѣ князей Обо-

денскихъ уже въ XVI в. можно насчитать до 20 обособившихся фамилій. Къ концу этого столѣтія старшія линіи одна за другой вымираютъ съ быстротой, какая могла только радовать царя Ивана Грознаго. Въ два-три поколѣнія исчезаютъ Курлятевы, Нагіе, Телепьевы, Ноготковы, Горенскіе. Уже при Грозномъ выбываетъ изъ думы только что поднявшаяся при отцѣ его младшая линія кн. Димитрія Щепы, князья Серебряные; старшіе Золотые какъ-то не пошли въ ходъ уже въ XVI в. На мѣсто ихъ изъ глубины титулованной служилой массы съ XVI в. пробираются въ думу младшіе итенцы этого плодovitаго родословнаго гнѣзда, князья Лыковы, Долгорукіе, Щербатые. Одинъ изъ Долгорукихъ былъ окольнымъ во второй половинѣ XVI вѣка; но въ числѣ бояръ они появляются вмѣстѣ съ Лыковыми только съ начала XVII в. Щербатые и ихъ дальніе родичи Барятинскіе попадаютъ въ думу еще позднѣе, уже во второй половинѣ XVII в. Причиной этого вовсе не было то, что они не успѣли отдѣлиться отъ родословнаго ствола, когда уже процвѣтали въ думныхъ чинахъ старшія его вѣтви, князья Стригины, Нагіе или Репнины. Напротивъ, въ поколѣнной росписи эти фамиліи Барятинскихъ, Долгорукихъ и Щербатыхъ появляются даже раньше Курлятевыхъ, Стригиныхъ и Репниныхъ на одно или на два поколѣнія: послѣднія фамиліи старше первыхъ по происхожденію, но позже ихъ принимаютъ свои фамильные прозванія; нѣкоторые изъ Барятинскихъ и Долгорукихъ встрѣчаются уже въ актахъ XV в. Стоитъ заглянуть въ боярскую книгу 1627 года: тамъ въ чинахъ, непосредственно слѣдовавшихъ за думными, въ стольникахъ и дворянахъ московскихъ, встрѣчаемъ 9 князей Щербатыхъ, 11 Барятинскихъ и 12 Долгорукихъ. Они стоятъ у самыхъ дверей думы, ожидая своей очереди, пока еще не имѣютъ возможности протѣсниться въ думу сквозь густые ряды болѣе родовитаго князья и проходятъ туда по мѣрѣ того, какъ эти ряды рѣдѣютъ.

Между тѣмъ живутъ еще остатки нѣкоторыхъ старшихъ вѣтвей: князя Черны-Оболенскіе, князя Тюфякины, первые предки которыхъ въ XVI в. бывали боярами и которыми какъ по родословцу, такъ и по службѣ отцовъ не слѣдовало бы, кажется, стоять ниже своихъ родичей Лыковыхъ или Долгорукихъ, нерѣдко мелькаютъ въ спискахъ тѣхъ же стольниковъ и дворянъ московскихъ XVII в., но не дослуживаются ни до боярства, ни даже до околичества. Точно также до 1613 года въ думѣ не находимъ никого изъ Прозоровскихъ, принадлежавшихъ къ числу младшихъ вѣтвей огромнаго рода князей Ярославскихъ, который успѣшнѣе другихъ соперничалъ съ Оболенскими обиліемъ лицъ и фамилій. Между тѣмъ уже Грозный писалъ кн. Курбскому, что у него и у его батюшки Прозоровскихъ было «не одно сто»; слѣдовательно они долго ждали, и когда не стало въ думѣ старшихъ фамилій линіи, ни Пенковыхъ, ни Курбскихъ, ни Кубенскихъ, они вмѣстѣ съ своими родичами князьями Львовыми пришли занять опустѣлыя мѣста. Иныя знатныя фамиліи XVI вѣка не выбываютъ изъ думы и въ слѣдующемъ столѣтіи; однако и по ихъ судьбѣ можно замѣтить, что служебное счастье не везетъ попрежнему старымъ большимъ боярскимъ родамъ. При царѣ Иванѣ Грозномъ въ московской служилой іерархіи немного можно было найти фамилій выше князей Воротынскихъ. Кн. И. М. Воротынскому, сыну одного изъ самыхъ заслуженныхъ и доблестныхъ воеводъ времени Грознаго, сказано было боярство по списку въ 1592 году. До смерти своей въ 1627 г. онъ оставался единственнымъ представителемъ своей фамиліи въ думѣ. Послѣ него здѣсь не было никого изъ Воротынскихъ до 1664 года, когда пожаловали въ бояре его внука: ни братъ, ни сынъ, ни правнукъ этого Ивана Михайловича не попали въ бояре, тогда какъ отецъ его и двое дядей были ими и нѣсколько лѣтъ сидѣли вмѣстѣ въ думѣ царя Ивана. Сабуровы не

принадлежали къ первостепенной московской знати XVI в. Однако, слѣдя за ними по разряднымъ росписямъ до XVII в., легко замѣтить, что это были люди очень «великіе»: не многие изъ стариннаго нетитулованнаго боярства Москвы становились выше ихъ, и члены не всякой княжеской фамиліи могли безнаказанно держать съ ними счетъ. Въ XV и XVI в. этотъ старый боярскій родъ выслалъ въ думу длинный рядъ представителей въ званіи бояръ. Послѣднимъ изъ нихъ былъ Михаилъ Богдановичъ, которому по списку сказано боярство въ 1606 г. Съ тѣхъ поръ никто болѣе изъ Сабуровыхъ не былъ пожалованъ въ бояре до смерти царя Ѳедора. Между тѣмъ родословная, составленная въ концѣ XVII в., выписываетъ вереницу дальнѣйшихъ поколѣній этой фамиліи, а въ боярскихъ и разрядныхъ книгахъ при царяхъ Михаилѣ и Алексѣѣ находимъ много Сабуровыхъ между стольниками, дворянами московскими и даже ниже ¹⁾).

Итакъ рядомъ съ боярскими фамиліями, вымиравшими естественною смертію, встрѣчаемъ рядъ другихъ, которыя подвергались, такъ сказать, политическому вымиранію. Однѣ, не успѣвъ развѣтвиться, исчезали безъ остатка; въ другихъ выбывали изъ служимыхъ рядовъ старшія вѣтви, уступая свои мѣста поднимавшимся младшимъ отросткамъ однихъ съ ними родословныхъ корней; наконецъ въ третьихъ старшія линіи мѣнялись положеніемъ съ младшими, падая сами, пускали ихъ на верхъ, начинали «худать» прежде, чѣмъ изводились, передавая другимъ свое прежнее политическое дородство. Причины этой политической худобы остаются неясны, какъ неясенъ во многомъ весь этотъ процессъ генеалогическаго обновленія московскаго боярства. Полнаго разъясненія этого процесса едвали не слѣдуетъ

¹⁾ Боярская книга № 1, 1627 г., въ Моск. архивѣ мин. Юстиціи. Бархатная кн. I, 241 и сл.

искать преимущественно въ томъ соціально-экономическомъ переворотѣ, который тихо совершился подъ шумъ политическихъ событій XVI и XVII в., захвативъ весь служилый классъ, а не однѣ его боярскія вершины, и подготовивъ тотъ складъ нашего дворянства, въ какомъ видимъ его въ XVIII в. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы коснемся мимоходомъ нѣкоторыхъ явленій этого переворота.

Пересчитавъ фамиліи московскаго боярства, члены которыхъ съ начала княженія Ивана III до конца царствованія Ивана IV сидѣли въ думѣ боярами или окольными, найдемъ, что такихъ фамилій было около ста. Но въ боярской родословной, составленной во второй половинѣ XVI в., обозначено около 200 боярскихъ фамилій, т. е. такихъ, члены которыхъ служили нѣкогда боярами въ разныхъ великихъ и удѣльныхъ княжествахъ или сами сидѣли на великихъ и удѣльныхъ княжескихъ столахъ. Слѣдовательно къ концу XVI вѣка должно было оказаться, что цѣлая половина московскаго боярства при его новомъ составѣ въ продолженіе ряда поколѣній не имѣла доступа въ думу и была лишена политическаго преимущества, которое только и сообщало служилому роду характеръ боярской фамиліи. Въ число такихъ родовъ, оставшихся за думнымъ штатомъ, попадали и нѣкоторыя старыя московскія боярскія фамиліи; но преимущественно такая участь постигала нетитулованные роды. Такъ началъ складываться особый слой въ составѣ московскаго служилаго класса, непосредственно слѣдовавшій за боярствомъ: онъ былъ боярскимъ по происхожденію, по родословному «отечеству», но переставалъ быть имъ по службѣ, «по разрядамъ», и долго обозначался названіемъ «дѣтей боярскихъ». Причиной появленія этого слоя было то же обиліе знатныхъ титулованныхъ фамилій, нахлынувшихъ въ Москву и затѣснившихъ не только пришлое удѣльное, но и старое московское боярство. Московская судьба тверскаго боярскаго рода Бороздиныхъ

наглядно показываетъ ходъ этого служебнаго приниженія простаго боярства. При Иванѣ III, вскорѣ по переходѣ на службу въ Москву, когда служилое княжье не успѣло затопить простое боярство, Бороздины держатся еще въ званіи бояръ. Въ княженіе Иванова сына и внука они уже не поднимаются выше окольниковства, а въ первой половинѣ XVII в. обѣихъ вѣтвей этого рода, ни Борисовыхъ, ни Житовыхъ, нѣтъ въ думѣ, а надобно ихъ искать въ самомъ концѣ длиннаго списка дворянъ московскихъ. Но и этотъ захудалый слой не вовсе пропалъ для боярской думы. Не говоря теперь о происхожденіи возникшаго въ XVI вѣкѣ третьяго разряда въ чиновномъ составѣ думы, чина думнаго дворянства, укажемъ пока на ту черту его, что первыя попавшія въ думскій списокъ имела думныхъ дворянъ принадлежать именно такимъ унавшимъ фамиліямъ, московскимъ и пришлымъ. Олферьевъ и Безнигъ были представители двухъ вѣтвей стариннаго московскаго служилаго рода Нащокиныхъ, Зюзинъ и Нагой—члены двухъ фамилій прежняго тверскаго боярства. Это думные дворяне времени Ивана Грознаго, а въ царствованіе его сына въ этомъ чинѣ являются два члена успѣвшей захудать титулованной фамиліи князей Буйносовыхъ-Ростовскихъ.

Такъ въ списокѣ трехъ чиновъ московской боярской думы XVI в. открываются слѣды трехъ различныхъ слоевъ московскаго боярства. Эти слои не отдѣляются одинъ отъ другаго глубокой политической межой. Званія бояръ, окольниковихъ и думныхъ дворянъ не были замкнутыми, неподвижными политическими состояніями: члены одной и той же фамиліи и въ одно время служили въ разныхъ думныхъ чинахъ; думный дворянинъ повышался въ окольниковіе, окольниковичій дослуживался до боярства. Но думные чины еще не превратились въ простые служебные ранги; между ними замѣтно въ XVI в. нѣкоторое социальное различіе, уже начавшее исчезать въ слѣдующемъ столѣтіи. За каждымъ

изъ нихъ стоялъ особый генеалогическій кругъ. Бояре выходили преимущественно изъ знатнѣйшихъ княжескихъ родовъ, къ которымъ примыкали немногія нетитулованныя фамиліи стариннаго московскаго боярства. Околичество принадлежало преимущественно тѣмъ фамиліямъ этого боярства, которыя успѣли спасти свое положеніе при наплывѣ новыхъ титулованныхъ бояръ; къ нимъ примкнуло второстепенное княжье съ немногими фамиліями удѣльнаго боярства. Наконецъ думное дворянство было убѣжищемъ выслужившихся лицъ смѣшаннаго класса, который составлялся изъ упавшихъ старыхъ московскихъ фамилій, изъ массы пришлаго удѣльнаго боярства, даже частію титулованнаго, и нѣкоторыхъ другихъ элементовъ. Легко замѣтить, что эта чиновная іерархія думныхъ людей была тѣсно связана съ тою генеалогической іерархіей, въ какую, какъ мы видѣли, сложилось новое московское боярство въ XV и XVI в., и чиновный составъ боярской думы былъ лишь отраженіемъ этого аристократическаго склада боярства.

ГЛАВА XI.

Вмѣстѣ съ тѣмъ московская боярская дума стала оплотомъ политическихъ притязаній, возникшихъ въ московскомъ боярствѣ при его новомъ составѣ.

Самый важный фактъ, открывающійся при разборѣ списка членовъ боярской думы, тотъ, что до конца XVI в. въ московскомъ государственномъ совѣтѣ преобладали старшія по происхожденію боярскія фамиліи, а въ XVII в. количественный перевѣсъ рѣшительно склонился на сторону младшихъ. Представивъ себѣ количество старшихъ бояр-

снихъ родовъ, уступившихъ въ XVII в. свои мѣста въ думѣ младшимъ, и количество новыхъ неизвѣстныхъ дотолѣ фамилій, пришедшихъ съ служилаго низа занять мѣста ныбывшихъ знатныхъ, мы поймемъ, что разница въ составѣ боярской думы того и другаго вѣка была слишкомъ значительна, чтобъ ея послѣдствія не шли далѣе родословной московскаго боярства. Смѣнились не только поколѣнія одного и того же класса, смѣнились самые классы, и еслибы гордому своимъ происхожденіемъ кн. А. М. Курбскому показать списокъ членовъ боярской думы XVII в., онъ навѣрное покачалъ бы головой и сказалъ: да, правду писалъ мнѣ въ Литву князь великій московскій Иванъ Васильевичъ, по своей привычкѣ злоупотребляя словами Св. Писанія, что «можетъ Богъ и изъ камней воздвигнуть чадъ Аврааму». Выходя за предѣлы генеалогіи боярства, этотъ фактъ долженъ былъ отразиться на политическомъ его настроеніи. Старшія знатныя фамиліи были преимущественными хранительницами тѣхъ правительственныхъ понятій и обычаевъ, подъ вліяніемъ которыхъ складывались политическія отношенія въ Москвѣ съ половины XV в. Изучая значеніе этого факта, надобно помнить одно свойство московскихъ умовъ того времени. Отношенія и стремленія людей, правившихъ тогдашнимъ обществомъ, управлялись гораздо болѣе привычками, преданіемъ, нежели идеями. Преданіе хранится въ памяти и нравахъ, поддерживаемое напоминающею его житейскою обстановкой, которая вмѣстѣ съ нимъ сложилась. Иныя явленія московской государственной старины кажутся намъ непонятными лишь потому, что мы предполагаемъ обдуманныя цѣли, политическія задачи тамъ, гдѣ дѣйствовали только передаваемыя по наслѣдству политическія привычки. О времени царя Ивана Грознаго преимущественно можно сказать, что люди тогда дѣйствовали такъ, а не иначе, не потому, что извѣстнымъ образомъ предначертали себѣ будущее, а потому, что не умѣли достаточно отвыкнуть отъ прошедшаго.

Помня, съ кѣмъ имѣемъ дѣло, отъ поколѣнныхъ боярскихъ росписей и разрядныхъ книгъ обратимся къ документамъ, изображающимъ экономическую обстановку московскаго боярства въ XVI в. Еслибы сохранились въ достаточной полнотѣ писцовыя книги московской Руси отъ конца XV и первой половины XVI в., по нимъ безъ труда можно было бы видѣть одну черту этой обстановки, которую безъ нихъ надобно возстановлять по отрывочнымъ мелкимъ указаніямъ. Легко было бы замѣтить, что въ началѣ XVI в., когда было уже снесено столько перегородокъ, дѣлившихъ сѣверную и центральную Русь на удѣльныя большія и малыя клѣтки, всюду еще видны были слѣды недавняго удѣльнаго дробленія. Масса князей и бояръ, переставъ быть удѣльными, оставалась еще простыми земельными владѣльцами въ своихъ бывшихъ удѣлахъ. Это понятно само по себѣ и едвали нуждается въ пространныхъ доказательствахъ: порядокъ, дѣйствовавшій три вѣка, не могъ исчезнуть безъ слѣда въ одно или два поколѣнія. Мы ограничимся немногими указаніями, наиболѣе выразительно рисующими хозяйственную обстановку новаго боярства, заимствуя ихъ преимущественно изъ неизданныхъ актовъ. Князь Курбскій въ своей исторіи Ивана Грознаго, рассказывая о гибели двухъ бояръ его, князей М. И. Воротынскаго и Н. Р. Одоевскаго, замѣчаетъ, что эти княжата въ то время, т. е. въ 1570-хъ годахъ, еще сидѣли на своихъ удѣлахъ и огромныя отчины подъ собою имѣли. По духовной царя Ивана, написанной въ 1570-хъ годахъ, князь М. И. Воротынскій еще владѣлъ третью г. Воротынска. Выше было указано, что по разряднымъ росписямъ конца XV в. князья Воротынскіе и Одоевскіе ходили въ московскіе походы съ своими особыми удѣльными полками. Въ одной разѣзжей (межевой) грамотѣ конца XV в. по уѣзду Малаго Ярославца является свидѣтелемъ намѣстникъ княгини Тарусской: эта княгиня не только оставалась землевладѣлицей въ прежнемъ

Тарусскомъ удѣлѣ, но и продолжала пользоваться нѣкоторыми удѣльными правительственными правами. Изъ тяжбнаго дѣла о землѣ между Троицкимъ Сергіевымъ монастыремъ и однимъ изъ князей Воротынскихъ того же времени видно, что въ тогдашнемъ Малоярославецкомъ уѣздѣ рѣчка Ичея служила межей, отдѣлявшей почапскія и другія земли монастыря отъ владѣній *всѣхъ* князей Оболенскихъ кромѣ кн. Д. С. Щены. Очевидно, владѣнія этой фамиліи составляли здѣсь сплошное пространство, цѣлый округъ, средоточіемъ котораго былъ фамильный городъ, потому что на вопросъ судьи, отчего монастырь не напоминалъ отвѣтчику кн. Оболенскому о захватѣ, старецъ, представлявшій интересы истца, отвѣчалъ, что напоминали объ этомъ ежегодно, но что «приставъ государя великаго князя къ нимъ въ Оболенскъ не вѣзжалъ». Значитъ, бывшіе удѣльные князья сохраняли еще долю своей удѣльной независимости въ видѣ землевладѣльческихъ привилегій. Еще въ началѣ второй половины XVI в. нѣкоторые изъ князей Оболенскихъ отказываютъ въ тотъ же монастырь по душѣ свои вотчинныя села съ деревнями въ уѣздѣ города Оболенска. Между тѣмъ Татищевъ, по поводу одного дополнительнаго указа къ Судебнику 1550 года о княжескихъ вотчинахъ въ бывшихъ удѣлахъ, замѣчаетъ, хотя недостаточно ясно, что онъ видѣлъ у князя Д. М. Голицына, извѣстнаго верховника, договорную грамоту, по которой князья Оболенскіе продали великому князю Ивану III за 2 села и 5.000 руб. свое право собственности на Оболенское княжество въ случаѣ пресѣченія мужской нисходящей линіи въ ихъ родѣ. Такимъ образомъ и другимъ вѣтвямъ обширнаго черниговскаго племени, родственнымъ кн. М. И. Воротынскому и кн. Н. Р. Одоевскому, вотчинныя прикащики до самой половины XVI в. еще живо напоминали своими хозяйственными отчетами минувшія удѣльныя времена, не смотря на то, что на примѣръ князя Оболенскіе задолго до Ивана

III стали записываться на московскую службу. То же видимъ въ двухъ другихъ многочисленныхъ княжескихъ линияхъ, ярославской и бѣлозерской. Актъ 1564 года указываетъ вотчины множества князей Сицкихъ и Прозоровскихъ по обѣ стороны р. Мологи. Очевидно, древній Моложскій удѣль и теперь оставался въ рукахъ потомковъ его основателя, которые сплошными гнѣздами сидѣли еще здѣсь на своихъ вотчинахъ сто лѣтъ спустя по присоединеніи ярославскихъ удѣловъ къ Москвѣ. Князья Кемскіе, Согорскіе, Ухтомскіе, Шелешчанскіе, уже въ XIV в. утратившіе удѣльную самостоятельность, въ первой половинѣ XVI в. все еще сидятъ на своихъ бывшихъ миниатюрныхъ удѣлахъ по Кемѣ, Ухтомѣ и другимъ рѣкамъ, иногда по нѣскольку на одномъ, правятъ и хозяйничаютъ попрежнему, иные въ качествѣ намѣстниковъ великаго князя московскаго, межуются землями другъ съ другомъ или съ Кирилловымъ монастыремъ и хоронятся въ этомъ монастырѣ или у своихъ вотчинныхъ церквей, какъ видно изъ ряда похоронныхъ записей на одной рукописи мѣстнаго происхожденія ¹⁾. Въ той же духовной царь Иванъ отдаетъ старшему сыну бывшій тверской удѣльный городъ Микулинъ и съ вотчиною кн. Семена Микулинскаго, «которая не отдана». Князь Семень Ивановичъ Микулинскій былъ извѣстный бояринъ 1550—60-хъ годовъ. Находимъ двѣ вкладныя грамоты, по которымъ вдова этого боярина и вдова его брата кн. Д. И. Микулинскаго, погибшаго при осадѣ Казани, первая въ 1567 г., вторая въ 1557 г., отдали въ Сергіевъ монастырь по приказу мужей нѣсколько ихъ вотчинныхъ селъ съ десятками деревень въ Тверскомъ и *Микулинскомъ* уѣздахъ, а первая присоединила къ этому цѣ-

¹⁾ Духовн. Ивана IV въ Доп. къ Акт. Ист. I, № 222. Сказ. кн. Курбскаго, изд. 2, стр. 99. Судебникъ, изд. Татищевымъ, изд. 2, стр. 166. Акт. Арх. Эксп. I, № 269. Акт. Юр. №№ 140, 146, 147 и 152. Церк. уставъ XVI в., рукоп. Е. В. Барсова.

ую дюжину дворовъ въ самомъ г. Микулинѣ, можетъ-быть еще уцѣлѣвшихъ отъ того времени, когда предки ея мужа сидѣли на удѣлѣ въ этомъ городѣ.

Обратимся еще разъ къ той же любопытной, но не вездѣ ясной духовной царя Ивана, чтобы замѣтные въ ней слѣды изучаемаго факта пояснить указаніями другихъ документовъ того вѣка. Завѣщатель пишетъ, что онъ далъ упомянутому выше боярину кн. М. И. Воротынскому взаменъ взятой у него старой вотчины Стародубъ Ряполовскій на Клязьмѣ, бывшій удѣлъ князей этого имени. Въ другомъ мѣстѣ царь отдаетъ старшему своему сыну бывшія вотчины князей Стародубскихъ въ Стародубѣ Ряполовскомъ, замѣчая, что онѣ остались за нимъ, царемъ, у кн. М. Воротынскаго. Здѣсь онъ пересчитываетъ до 30 князей и княгинь стародубской линии и до 40 принадлежавшихъ имъ сель съ деревнями въ бывшемъ Стародубскомъ удѣлѣ. Перебирая фамиліные акты многочисленныхъ князей этой линии, уцѣлѣвшіе среди грамотъ Троицкаго Сергіева монастыря, встрѣчаемъ длинный рядъ межевыхъ, вкладныхъ и духовныхъ, въ которыхъ разные князья Стародубскіе, Нагаевы—Ромодановскіе, Тулуповы, Осиповскіе являются еще новидимому полными владѣльцами своихъ измельчавшихъ вотчинъ въ бывшемъ удѣлѣ Стародуба Ряполовскаго, распоряжаются ими свободно. Эти акты относятся къ 1554—1574 годамъ, и въ нихъ названы нѣкоторыя изъ тѣхъ самыхъ лицъ и сель съ деревнями, которыя пересчитываются въ духовной царя Ивана. Потомки удѣльныхъ бояръ и въ XVI в. едвали еще не въ большей цѣлости, чѣмъ дѣти и внуки ихъ бывшихъ удѣльныхъ государей, сохраняли за собою старыя вотчины своихъ отцовъ и дѣдовъ. Бороздины, Киндыревы и Нагіе, старыя боярскіе роды Тверскаго княжества, во второй половинѣ XVI в., сто и больше лѣтъ спустя по присоединеніи Тверскаго княжества къ Москвѣ, еще продаютъ и отказываютъ въ монастыри по

душѣ свои вотчины «старинныя», «благословеніе отцовъ и прародителей», въ уѣздахъ Тверскомъ и Старицкомъ ¹⁾).

Обиліе такихъ указаній въ актахъ, случайно подвернувшихся подъ руки, освобождаетъ отъ обязанности увеличивать ихъ перечень. Если съ ихъ помощью представимъ себѣ московское боярство конца XV в., когда въ средѣ его многіе хорошо помнили, какъ они сидѣли на своихъ удѣлахъ, а многіе еще не успѣли забыть, какъ хозяйничали тамъ ихъ отцы, намъ станетъ очень ясно, какъ много удѣльнаго должно было тогда оставаться въ ежедневныхъ дѣлахъ и помыслахъ большей части боярѣ. Приѣзжая во дворецъ, они входили въ кругъ отношеній, къ которымъ не могла приучить ихъ прежняя жизнь на удѣлѣ; но въ своихъ вотчинахъ и на московскихъ подворьяхъ они видѣли себя въ обстановкѣ, чувствовали въ своихъ рукахъ нити отношеній, которыя возвращали ихъ къ мыслямъ и привычкамъ прежняго времени. Эти привычки и мысли отразились въ литературныхъ памятникахъ XVI в., чужихъ и своихъ. Читая въ запискахъ барона Герберштейна рассказы, слышанные имъ въ Москвѣ, чувствуешь, въ какой водоворотъ политическихъ сплетенъ и толковъ попадалъ иноземный посоль, приѣзжавшій въ Москву въ первыя десятилѣтія того вѣка. Эти толки и сплетни касались преимущественно удѣловъ исчезавшихъ, исчезнувшихъ или ждавшихъ своей очереди исчезнуть. Читая рассказъ кн. Курбскаго объ Иванѣ IV и переписку между ними, видишь, что головы обоихъ корреспондентовъ, отдаленныхъ потомковъ удѣльныхъ князей, еще полны свѣжими удѣльными воспоминаніями, отъ которыхъ они не умѣютъ отрѣшиться даже тогда, когда замѣчаютъ, что установившаяся дѣйствительность даетъ мало опоры этому запоздалому археологическому грузу памяти.

¹⁾ Сб. гр. Тр. С. мон. № 530, л. 326, 1093—1128; № 532, Тверь, №№ 2, 12, 13, 28 и др.

Еще важнѣе то, что само московское правительство Ивана III и его сына не только отлично помнило удѣльный порядокъ, но повидимому охотно признавало въ своей практикѣ нѣкоторые его остатки или послѣдствія, прямо изъ него вытекавшія. Не видно съ его стороны желанія мѣшать тому участию, какое получили удѣльныя генеалогическія преданія въ установленіи боярскаго служебнаго старшинства, и власти, разбиравшія въ 1576 г. мѣстнической споръ двухъ потомковъ тверскихъ бояръ, Зюзина съ Нагимъ, не возражали одному изъ тяжущихся, когда онъ въ отвѣтъ сопернику, указывавшему на «случай» своей московской службы, заявилъ, что ему нѣтъ дѣла до московскихъ разрядовъ, что онъ знаетъ только отношенія, бывшія между ихъ предками въ Твери, и лишь ими желаетъ считаться съ соперникомъ. Служилый князь Одоевскій или Воротынскій шелъ въ походъ съ своимъ особымъ удѣльнымъ полкомъ, какъ будто эти князья были удѣльными союзниками московскаго государя, а не такими же слугами-воеводами, какъ кн. Щеня или бояринъ Яковъ Захарьичъ. Политическое объединеніе не сопровождалось немедленно административнымъ. Центральная администрація Московскаго государства долго носила на себѣ отпечатокъ нестроты частей, вошедшихъ въ составъ его территоріи. Присоединенныя къ нему княжества и вольные города по многимъ дѣламъ долго управлялись особо; мѣстныя ихъ учрежденія только переносились въ Москву, становились мѣстными приказами, не сливаясь съ центральными учрежденіями прежняго Московскаго княжества. Такъ въ XVI в. въ Москвѣ дѣйствуютъ особые *дворцы* или дворцовые приказы Новгородскій, Тверской, Дмитровскій, Ростовскій, Нижегородскій и Мещерскій, Рязанскій, всѣ съ своими дворецкими; остались также слѣды мѣстныхъ *разрядовъ* или военно-административныхъ учрежденій, дѣйствовавшихъ изъ Москвы. Въ областномъ управленіи Московскаго государства при

Иванъ III и его сынъ также найдемъ слѣды этой политической осторожности, старавшейся смягчить боль удѣльныхъ обществъ отъ операціи государственнаго объединенія. Какъ скоро московскому великому князю удавалось оружіемъ или сдѣлкой водворить свою власть въ извѣстномъ княжествѣ, изъ Москвы не поднимали нетерпѣливаго гоненія ни противъ обычаевъ, ни противъ персонала прежняго управленія и даже за прежнимъ княземъ готовы были оставить часть его правительственной власти, если онъ умѣлъ мириться съ своей зависимостью. Выше былъ уже указанъ актъ, изъ котораго видно, что въ исходѣ XV в. у княгини Тарусской все еще оставался намѣстникъ въ краѣ, который пересталъ уже быть Тарусскимъ удѣломъ. Въ 1463 г. князья ярославскіе отдались московскому государю со всѣми своими вотчинами. Въ повѣсти объ открытіи мощей предка ихъ кн. Θεодора Чернаго въ томъ же году есть указанія на то, что тогдашній глава ярославской княжеской линіи Александръ Θεодоровичъ, переставъ быть великимъ княземъ въ Ярославлѣ, остался здѣсь намѣстникомъ московскаго государя, «старѣйшиной града», какъ называетъ его повѣствователь. Лѣтопись косвенно подтверждаетъ это указаніе извѣстіемъ, что бывший великій князь ярославскій умеръ въ Ярославлѣ и погребенъ въ монастырѣ, гдѣ лежали новоявленные мощи его предка. Сынъ этого Александра князь Даниль Пенко выросъ уже московскимъ слугой; однако въ 1497 г., 26 лѣтъ спустя по смерти отца, онъ подтверждаетъ жалованною грамотой Спасо Каменному монастырю вклады дѣда и отца, жалуетъ обитель землями въ своей ярославской вотчинѣ, даже съ посаженными на нихъ крестьянами, «по старинѣ, какъ жаловалъ дѣдъ мой и отецъ мой», и по выраженіямъ грамоты трудно догадаться, что ее писалъ не владѣтельный князь, а московскій бояринъ. Казалось, особенно непримиримо относилась Москва къ быту вольнаго Новгорода, стараясь разбить не

только его политическій строй, но и самое населеніе, особенно боярскій правительственный классъ; однако и послѣ паденія города договоръ съ ливонскимъ магистромъ въ 1481 г. скрѣпляютъ крестоцѣлованіемъ «новгородскіе бояре», какъ бывало въ вольную старину. Лѣтъ 60 спустя послѣ паденія Тверскаго княжества потомки тверскихъ удѣльныхъ князей и бояръ все еще являются при московскомъ дворѣ особымъ разрядомъ служилыхъ людей, который въ приказныхъ бумагахъ зовется «дворомъ Тверскимъ» или «боярами съ Тверской земли», а въ упомянутомъ мѣстническомъ спорѣ потомковъ тверскихъ бояръ Нагаго и Зюзина послѣдній показывалъ, что взявъ Тверь, великій князь Иванъ отдалъ ее сыну своему Ивану, который «бояръ прежняго государя Михаила Борисовича и у себя пожаловалъ, въ боярехъ учинилъ и грамоты свои на вотчины ихъ тверскія имъ давалъ и велѣлъ ихъ писать въ грамотахъ своими боярами». Одна половина Ростовскаго княжества, какъ извѣстно, еще до княженія Ивана III была присоединена къ Москвѣ, а другая находилась подъ сильнымъ ея давленіемъ еще прежде, чѣмъ была куплена Иваномъ. Великій князь Василій Темный, завѣщая Ростовъ своей княгинѣ, пишетъ въ духовной 1462 года: «а князи ростовскіе что вѣдали при мнѣ, ино потому держать и при моей княгинѣ, а княгиня моя у нихъ въ то не вступается». Сынъ Темнаго Юрій, къ которому имѣлъ перейти Ростовъ по смерти княгини, долженъ былъ по духовной точно также поступать съ мѣстными князьями: «что они вѣдали свое, ино потому же держать» ¹⁾. Благодаря такой политикѣ осторожности

1) Этимъ объясняется сообщеніе Татищева, который видѣлъ въ архивѣ кн. Д. М. Голицына акты, свидѣтельствовавшіе о томъ, что великій князь Василій Темный „велѣлъ ростовскимъ боярамъ судить по ихъ старымъ законамъ“, что Иваномъ III, при которомъ Рязань не была еще окончательно подчинена Москвѣ, подобное дозволеніе дано было и рязанскимъ боярамъ по ихъ ходатайству. Продолж. Др. Росс. Вивліое. I, 6.

создавалось переходное среднее состояніе между удѣльнымъ княземъ и простымъ служилымъ бояриномъ, которое можно назвать состояніемъ *служилаго князя на удѣль*. Если владѣтельный князь добровольно подчинялся Москвѣ, его обыкновенно оставляли владѣльцемъ всей его прежней вотчины, и тамъ новый московскій слуга пользовался значительною долей своихъ прежнихъ владѣтельныхъ правъ, оставаясь въ кругу старыхъ политическихъ обычаевъ и отношеній, заведенныхъ самостоятельными отцами. Въ 1493 г., когда московскіе воеводы взяли у Литвы Вязму и князей Вяземскихъ привели въ Москву, великій князь ихъ «пожаловалъ ихъ же вотчиною Вязмою и повелѣлъ имъ себѣ служить». Также поступилъ онъ съ пріѣхавшимъ тогда служить ему кн. М. Мезецкимъ; но братья послѣдняго, насильно привезенные имъ въ Москву, были посланы въ заточеніе ¹⁾.

Въ перечисленныхъ мелкихъ явленіяхъ вскрываются политическія понятія, которыми руководились люди, правившіе Московскимъ государствомъ въ XV и XVI в. Ходъ политическаго объединенія Руси Москвой становится ясенъ. Это не былъ крутой и быстрый переломъ, какимъ онъ иногда кажется. Покоряя новую область, Москва не спѣшила сокрушать дѣйствовавшій тамъ старый привычный порядокъ, чтобы замѣнить его своимъ московскимъ «обычаемъ». Напротивъ, не только этому порядку, но и ста-

1) Русс. Ист. Сб. V, 2 и 3. Дѣла Польскія въ Моск. архивѣ мни. Ив. Дѣль, № 3. Тамъ же Разр. кн. № 99/131. Доп. къ Акт. Ист. I, № 21. П. С. Р. Д. VI, 185; IV, 162. Акты З. Р. I, № 75. Собр. гос. гр. и дог. I, стр. 204. Въ указанной Разрядной подлѣ 1500 г. замѣчено, что когда князья С. И. Можайскій и В. И. Шемячичъ пріѣхали къ великому князю служить съ вотчинами, великій князь ихъ пожаловалъ, «подавалъ имъ удѣлы». Эти и подобные имъ князья и по вступленіи на московскую службу въ отличіе отъ другихъ служилыхъ князей продолжали официально называться «удѣльными».

рымъ привычнымъ охранителямъ его, прежнимъ властямъ она предоставляла нѣкоторое время дѣйствовать попрежнему, пользуясь ими для своихъ цѣлей. Власть московскаго государя становилась не на ихъ мѣсто, а падъ ними, и новый государственный порядокъ являлся тамъ, такъ сказать, новымъ слоемъ отношеній и учрежденій, который ложился поверхъ дѣйствовавшаго прежде, не разрушая его, а только возлагая на него новыя обязанности, указывая ему новыя задачи. Можно думать, что большая часть удѣльныхъ князей и бояръ перенесла безъ особенной боли перемѣну въ своемъ положеніи, переѣздъ изъ удѣла въ Москву. Это перемѣщеніе не было для нихъ разгромомъ; съ нимъ они далеко не теряли всего, что имѣли въ удѣлахъ. Они вѣдь и здѣсь имѣли не особенно много и не подчинились бы Москвѣ такъ легко и охотно, еслибъ имѣли много. Большая часть ихъ уже до этого утратила нѣкоторую долю правъ и привычекъ власти, а остатокъ этихъ правъ вмѣстѣ съ удѣльными понятіями и воспоминаніями сначала щадили и въ Москвѣ, не чувствуя ни надобности, ни охоты добивать ихъ, пока они ничему не мѣшали. Главнымъ политическимъ достояніемъ, которымъ они дорожили больше всего, были ихъ удѣльныя землевладѣльческія хозяйства и ихъ генеалогическіе счеты и споры о старшинствѣ. За бывшими удѣльными державцами въ Москвѣ оставляли вотчины въ ихъ прежнихъ удѣлахъ съ обширными привилегіями; ихъ иногда даже назначали намѣстниками въ города, гдѣ недавно были ихъ княжескіе столы; наконецъ нисколько не стѣсняли ихъ неумѣренной привязанности къ генеалогической археологіи, предоставляя имъ изучать въволю свои удѣльныя родословныя и на основаніи ихъ высчитывать другъ другу служебное старшинство въ Москвѣ. Пока хранились остатки удѣльной житейской обстановки, не могли погаснуть и удѣльныя понятія и преданія, которыя были съ нею связаны, ею воспитаны.

Но самый тотъ фактъ, что удѣльные владѣльцы или ихъ ближайшіе потомки теперь принуждены были ежедневно видаться другъ съ другомъ въ московскомъ Кремлѣ, сообщалъ запасу удѣльныхъ преданій и отношеній, уцѣлѣвшихъ отъ крушенія при перевозкѣ въ Москву, иное направленіе, какого они не могли получить при прежнемъ удѣльномъ уединеніи князей. Прежде каждый изъ нихъ сознавалъ себя безспорнымъ, наследственнымъ и пожалуй даже полновластнымъ владѣтелемъ части Русской земли, и это сознаніе господствовало въ умахъ, подавляя мысль о совокупности такихъ владѣльцевъ и такихъ частей, о генеалогической или народной связи между ними. Теперь чувство этой связи было ежедневнымъ впечатлѣніемъ, какое привозилось изъ Кремля, выносилось изъ каждаго служебнаго столкновенія. Съ минуты своего подчиненія Москвѣ бывший удѣльный князь привыкалъ сознавать себя если не самостоятельнымъ владѣльцемъ известной части Русской земли, какимъ онъ уже пересталъ быть на дѣлѣ, то частью многочисленнаго класса, который подъ руководствомъ московскаго государя правилъ всей Русской землей, ему повиновавшейся. Преданіе власти не прервалось, а преобразилось: власть эта стала теперь собирательной, сословной и общеземской, переставъ быть одиночной, личной и мѣстной.

Верхи этого класса, составившагося изъ удѣльныхъ элементовъ, сидѣли въ боярской думѣ и двигали правительственную машину государства. Непрерывность правительственнаго преданія, шедшаго изъ удѣловъ, должна была чувствоваться здѣсь еще живѣе, чѣмъ въ другихъ слояхъ того же класса, если припомнить, каково было по происхожденію большинство бояръ въ думѣ XVI в. То были потомки удѣльныхъ державцевъ; рядомъ съ ними появлялись иногда потомки удѣльныхъ бояръ, гораздо чаще люди большихъ и старинныхъ боярскихъ фамилій Московскаго кня-

жества. Глядя на такой состав боярской думы въ первой половинѣ XVI вѣка, приказный московскій публицистъ, умѣвшій «воротить» лѣтописцами и родословными, могъ основательно сказать: то все стариныя, привычныя власти Русской земли, тѣ же власти, какія правила землей прежде по удѣламъ; только прежде онѣ правила ею по частямъ и поодиночкѣ, а теперь, собравшись въ Москву, онѣ правятъ всею землей и всѣ вмѣстѣ, въ извѣстномъ порядкѣ старшинства разстанавливаясь у главныхъ колесъ правительственной машины. Но если московское боярство своимъ новымъ составомъ производило такое впечатлѣніе на общество, то его правительственное положеніе давало и ему право сказать: мы, совѣтники государя московскаго и всея Руси, потому и призываемся къ власти, въ думу, что мы сами по себѣ власти всей Русской земли; теперь государь править Русскою землей съ нами именно потому, что мы, то есть наши отцы, правила ею и безъ него. Нѣчто подобное такимъ умозаключеніямъ стало проникать въ среду тѣхъ пришлыхъ фамилій, главы которыхъ сидѣли въ московской боярской думѣ, въ умы удѣльнаго князя и боярства, когда оно увидѣло себя въ сборѣ вокругъ московскаго Кремля. Окруженные остатками удѣльныхъ отношеній, не видя со стороны московскаго государя рѣшительнаго отрицанія удѣльныхъ преданій, встрѣчая напротивъ прямое признаніе ихъ во многомъ, эти люди взглянули на свое общество, какъ на собраніе подчиненныхъ государю властей Русской земли, а на боярскую думу, какъ на сборное мѣсто, откуда они будутъ продолжать править Русскою землей, какъ отцы ихъ правила ею, сидя или служа по удѣламъ. Слѣды этого взгляда встрѣчаемъ въ памятникахъ, гдѣ находили себѣ выраженіе боярскія политическія сужденія XVI в.; на него указываетъ аристократическій характеръ, какимъ отличался составъ думы въ этотъ вѣкъ; наконецъ этотъ взглядъ съ вытекавшей изъ него мыслью,

что такъ составленная дума есть необходимая и естественная посредница между государемъ и землей, была прямо признана царемъ Иваномъ IV въ самый разгаръ его борьбы съ боярствомъ.

Такъ боярская дума въ Москвѣ съ половины XV в. является или стремится стать оплотомъ политическихъ притязаній, какія сами собою возникали въ служилой и землевладѣльческой московской аристократіи подъ вліяніемъ обстоятельствъ, при которыхъ она складывалась изъ удѣльныхъ элементовъ. Собравшись въ Москвѣ, люди этого класса стали смотрѣть на себя, какъ на властныхъ представителей Русской земли при князѣ, который нѣкогда былъ однимъ изъ нихъ, такимъ же княземъ, какъ ихъ предки, но потомъ благодаря счастью собралъ землю и потомковъ бывшихъ ея правителей призвалъ для управленія ею.

ГЛАВА XII.

Политическія привычки и стремленія московскихъ государей не противорѣчили этимъ притязаніямъ по крайней мѣрѣ до половины XVI в.

Сущность этихъ притязаній состояла въ требованіи, чтобы центральнымъ и областнымъ управленіемъ руководили вмѣстѣ съ государемъ люди извѣстнаго класса, разстанавливаясь согласно съ мѣстническимъ «отечествомъ», въ порядкѣ родословнаго старшинства лицъ и фамилій.

Въ запасѣ правительственныхъ привычекъ и понятій, доставшемся Ивану III и его преемникамъ по наслѣдству отъ предковъ, не было ничего непримиримаго съ такими притязаніями. Московскіе князья XIV и XV в. даже болѣе

другихъ великихъ привыкли дѣйствовать дружно съ своими боярами. Изъ всѣхъ великокняжескихъ городовъ тогдашней Руси ни одинъ не былъ въ такой степени боярскимъ, какъ Москва, по числу и знатности дѣйствовавшихъ здѣсь боярскихъ фамилій, и нигдѣ великокняжеская власть не была больше обязана своими успѣхами людямъ этого класса.

Правда, съ половины XV в. сталъ обнаруживаться одинъ новый фактъ, который стоить лишь назвать, чтобы понять его политическую важность. Московское княжество становится великорусскимъ государствомъ: предѣлы его, доселѣ опредѣлявшіеся случайными успѣхами князей-собирателей, которые раздвигали ихъ въ ту или другую сторону, уже въ первой половинѣ XVI в. встрѣтились наконецъ съ границами народности, незамѣтно образовавшейся сложнымъ процессомъ колонизаціи на сѣверъ и югъ отъ верхней Волги. Эта народность, среди удѣльнаго дробленія оставшаяся явленіемъ этнографическимъ, теперь впервые получила политическое значеніе. Московское княжество, удѣльное по происхожденію, въ XIV в. ставшее великимъ по своимъ успѣхамъ, сдѣлалось національнымъ великорусскимъ государствомъ по своимъ территоріальнымъ границамъ при Иванѣ III и его ближайшихъ преемникахъ: таковъ коренной и даже единственный фактъ, оправдывающій привычку нашей исторіографіи класть грань новаго историческаго періода на началѣ княженія Ивана III. Всѣ новыя политическія явленія нашей исторіи, внѣшнія и внутреннія, обнаруживающіяся съ этой поры, суть прямыя или отдаленныя послѣдствія этого факта.

Съ распространеніемъ удѣльной политической формы на цѣлую народность, въ кругъ хозяйственныхъ правъ и отношеній московскаго государя, изъ которыхъ собственно и состояло государство удѣльнаго времени, сталъ входить рядъ новыхъ политическихъ соображеній, которыя должны были измѣнить прежнія понятія о государствѣ и государѣ.

Но во-первыхъ, люди, съ появленіемъ которыхъ въ московской боярской думѣ обнаруживаются новыя политическія притязанія со стороны боярства, съ конца XV в. много, если не болѣе всего, содѣйствовали успѣху указаннаго факта. Всѣ эти князья Одоевскіе, Воротынскіе, Мстиславскіе, Микулинскіе, Ярославскіе и другіе, которые занимали первыя мѣста и въ думѣ, и за государевымъ столомъ, и въ полкахъ, добровольно, по крайней мѣрѣ безъ прямого принужденія съ московской стороны стали слугами московскаго государя и этимъ помогли ему какъ овладѣть сосѣдними великими княжествами по верхней Волгѣ, такъ и раздвинуть свои владѣнія на юго-западъ до верховьевъ Оки и до Днѣпра. Ихъ появленіе при московскомъ дворѣ всего болѣе и сообщило здѣшнему хозяину значеніе національнаго государя всея Руси и блескъ князя всѣхъ русскихъ князей. Они явились сюда не побѣжденными врагами и не случайными наемниками, а добровольными и усердными поборниками идеи, бывшей преданіемъ, завѣтнымъ помысломъ московскаго княжескаго дома. Допущенные къ власти, они не могли внести въ правительство стремленій враждебныхъ тому, во имя чего они пришли въ Москву съ своими вотчинами, пожертвовавъ удѣльною самостоятельностью или привольной литовскою зависимостью. Они слѣдовательно продолжали образъ дѣйствій московскихъ боярь XIV в. Примѣняя къ обстоятельствамъ своего времени слова духовной великаго князя Семена, завѣщавшаго братьямъ слушаться старыхъ боярь, которые хотѣли добра ихъ отцу и имъ, Иванъ III не погрѣшилъ бы противъ истины, еслибы написалъ въ своемъ завѣщаніи сыну: и *новыя* боярь слушайся, потому что они не меньше старыхъ хотѣли добра отцу моему и мнѣ. Притомъ новое національное значеніе московскаго государя въ первое время внушало больше неясныхъ чувствъ, чѣмъ опредѣленныхъ политическихъ понятій, выражалось не столько въ новыхъ правительственныхъ учрежденіяхъ,

въ перестройкѣ государственнаго права, сколько въ стремленіи создать новую обстановку придворной жизни, завести новый церемональ, построить новый дворець и соборъ при немъ лучше и просторнѣе прежнихъ, достать жену знатнаго, настоящаго царскаго корня, прибавить къ своему имени новый пышный титулъ, скрѣпить назначеніе преемника торжественнымъ церковнымъ вѣчаніемъ. Новое положеніе указало одну новую цѣль, удивительно ясно сознанную и твердо поставленную въ московской политической программѣ. Но и эта цѣль касалась виѣшней, а не внутренней политики: обладая Великою Русью, московскій великій князь съ чисто московскимъ, великорусскимъ постоянствомъ сталъ добиваться обладанія и всею Русью, какая еще оставалась въ чужихъ рукахъ. Но обрусѣшіе и пріѣхавшіе служить въ Мосеву Гедиминевичи, князья Бѣльскіе, Метиславскіе, Патрикѣевы, все большіе люди въ новомъ московскомъ боярствѣ, могли только оправдывать и поощрять эту національную политику московскаго государя.

Значить, ни московское правительственное преданіе, ни политическія задачи, стоявшія у московскаго государя на очереди, ни отношеніе къ нимъ новаго боярства не давали повода къ рѣшительному противодѣйствию боярскимъ политическимъ притязаніямъ. Мысль о неосуществимости этихъ притязаній чаще всего подсказывается однимъ терминомъ въ титулъ московскаго государя. Чтобы выразить особое почтеніе, нашихъ князей и прежде иногда величали «самодержцами». Съ Ивана III это слово было оффиціально введено въ постоянный титулъ московскаго государя и освящено церковнымъ обрядомъ, благословеніемъ духовной власти. При вѣчаніи Иванова внука Димитрія на великое княженіе въ 1494 г. митрополитъ называлъ великаго князядѣда «преславнымъ царемъ самодержцемъ». Разжаловавъ потомъ внука, Иванъ повторилъ обрядъ надъ новымъ наследникомъ, благословилъ и посадилъ сына своего Василя

на великое княженіе «самодержцемъ» по благословенію митрополита, и великій князь Василій писался самодержцемъ по смерти отца даже въ жалованныхъ грамотахъ частнымъ лицамъ, гдѣ обыкновенно употреблялся не полный торжественный, а малый будничный титулъ государя. Но не слѣдуетъ думать, что въ этомъ терминѣ уже тогда сказалась ясно сознанныя мысль, отрицавшая всякій раздѣлъ правительственной власти московскаго государя съ какою-либо другой внутренней политической силой. Политическіе термины имѣютъ свою исторію, и мы неизбѣжно впадемъ въ анахронизмъ, если, встрѣчая ихъ въ памятникахъ отдаленнаго времени, будемъ понимать ихъ въ современномъ намъ смыслѣ. Болѣе ста лѣтъ спустя послѣ вѣнчанія на царство Иванова внука вступилъ на московскій престолъ царь Василій изъ фамиліи князей Шуйскихъ съ формальною ограниченою властью; но въ посланіи объ его вступленіи на престолъ, разосланномъ по областямъ государства, боярская дума и всѣ чины называютъ новаго царя самодержцемъ. Не одно свидѣтельство XVII вѣка говоритъ также о томъ, что первый царь новой династіи не пользовался неограниченною властью; однако онъ не только писался въ актахъ самодержцемъ подобно предшественникамъ, но и на своей печати прибавилъ это слово къ царскому титулу, чего не дѣлали его предшественники, власть которыхъ не подвергалась формальнымъ ограниченіямъ. Съ другой стороны, трудно подумать, чтобы для людей тѣхъ вѣковъ этотъ терминъ былъ простымъ титулярнымъ украшеніемъ, чтобы они не соединяли съ нимъ никакого политическаго понятія или соединяли понятіе прямо противоположное дѣйствительности. Это слово, переводъ извѣстнаго греческаго термина, сдѣланный очевидно старинными книжниками, судя по его искусственности, стало входить въ московскій оффиціальный языкъ, когда съ прибытіемъ «царевны царегородской» Софьи къ московскому

двору здѣсь робко начала пробиваться мысль, что московскій государь и по женѣ, и по православному христіанству есть единственный наслѣдникъ павшаго цареградскаго императора, который считался на Руси высшимъ образцомъ государственной власти вполнѣ самостоятельной, независимой ни отъ какой сторонней силы. Эта мысль высказывалась въ подробностяхъ придворнаго церемоніала, въ новомъ государственномъ гербѣ, даже въ попыткѣ создать новую родословную московскихъ государей, давъ Рюрику прямаго предка въ лицѣ Августа, кесаря римскаго. «Самодержецъ» входитъ въ московскій титулъ одновременно съ «царемъ», а этотъ послѣдній терминъ былъ знакомъ того, что московскій государь уже не признавалъ себя данникомъ татарскаго хана, которому доселѣ Русь преимущественно усвоила названіе царя. Значитъ, словомъ *самодержецъ* характеризовали не внутреннія политическія отношенія, а виѣшнее положеніе московскаго государя: подъ нимъ разумѣли правителя, не зависящаго отъ посторонней, чуждой власти, самостоятельнаго; самодержцу противопоставали то, что мы называемъ вассаломъ, а не то, что на современномъ политическомъ языкѣ носить названіе конституціоннаго государя. Такъ и смотрѣли на московскаго государя современники Ивана III: они видѣли въ немъ «русскихъ земель государя», независимаго главу православнаго русскаго христіанства. Какой пророкъ пророчествовалъ, спрашивалъ архіепископъ ростовскій Вассіанъ въ посланіи къ Ивану III на Угру, какой апостолъ училъ, чтобы ты, «великій русскихъ странъ христіанскій царь», повиновался басурманскому царю? Съ понятіемъ о самодержавіи общество соединяло мысль о виѣшной независимости страны; вопросъ о внутреннихъ политическихъ отношеніяхъ еще не возбуждался. Во второй половинѣ XVI в., уже въ эпоху горячаго столкновенія государя съ своимъ боярствомъ, въ Москвѣ стали задумываться надъ этимъ терминомъ, разбирать его и со стороны внутреннихъ

политическихъ отношеній. Царь Иванъ старался понять его возможно проще, въ прямомъ этимологическомъ смыслѣ. Какъ же и самодержцемъ назвать царя, когда онъ не самъ строить? возражалъ Грозный въ письмѣ къ Курбскому на притязанія боярства. Но если царь этимъ словомъ колола глаза боярству за его политическія притязанія, то боярская сторона въ свою очередь этимъ же словомъ колола глаза самому царю за ту власть, какую онъ давалъ монашеству, надѣляя его землями и землевладѣльческими привилегіями. Извѣстная *Бесѣда* валаамскихъ чудотворцевъ есть политическій памфлетъ XVI в., тѣсно связанный по своему происхожденію съ лагеремъ оппозиціоннаго боярства и направленный противъ монастырскаго землевладѣнія, которое опустошало боярскія вотчины. «А селами и волостями съ крестьянами, читаемъ въ этомъ памятникѣ, царямъ не подобаетъ жаловать иноковъ, и непохвально дѣлають такъ цари. Пишутся они въ своихъ титулахъ самодержцами: такимъ царямъ никакъ не слѣдуетъ писаться самодержцами, потому что не сами собою держать Богомъ данное имъ царство и міръ и не съ *пріятелями* своими, князьями и боярами, а владѣють имъ и совѣтуются съ непогребенными мертвецами. Лучше сложить съ себя санъ и вѣнецъ царскій, отставить царскій жезлъ и не сидѣть на царскомъ престолѣ, чѣмъ отвращать иноковъ отъ душевнаго спасенія мірскими суетами». Но это были усилія мысли отдѣльныхъ публицистовъ, къ числу которыхъ принадлежалъ и Иванъ Грозный. Оффиціальныи языкъ московскаго правительства и послѣ того сохранялъ первоначальное историческое значеніе этого термина, которое не мѣшало прилагать его къ царямъ, вовсе не пользовавшимся самодержавною властію въ современномъ намъ смыслѣ этого слова.

Нѣтъ никакой нужды предварять историческій ходъ явленій, приписывая московскимъ государямъ XV и XVI в. политическое самосознаніе, которое съ великимъ трудомъ

выработалось лишь позднѣе. Иностранцы, наблюдавшіе политическій бытъ Москвы при отцѣ Грознаго, замѣчали, что московскій государь властію своею надъ подданными превосходилъ всѣхъ монарховъ въ свѣтѣ. Не нужно было особенной наблюдательности, чтобы замѣтить это. Такая власть была здѣсь не вчерашнимъ явленіемъ: она прямо развилась изъ значенія удѣльнаго князя-хозяина, окруженнаго дворовыми слугами, холопами. Но именно потому, что она имѣла такой источникъ, въ ней былъ одинъ существенный пробѣлъ. Московскій государь имѣлъ обширную власть надъ лицами, но не надъ порядкомъ, не потому, что у него не было матеріальныхъ средствъ владѣть и корякомъ, а потому, что въ кругу его политическихъ понятій не было самой идеи о возможности и надобности распоряжаться порядкомъ, какъ лицами. Великій князь Василій Ивановичъ бранилъ своихъ совѣтниковъ смердами и прогонялъ ихъ изъ думы съ глазъ долой, но въ полковыхъ росписяхъ какого-нибудь неблагонадежнаго политически кн. Горбатаго-Шуйскаго назначалъ на много мѣстъ выше преданнаго потомка старинныхъ московскихъ бояръ Хабары Симскаго или Лошакова-Колычова. Еслибы тому же великому князю какой-нибудь политикъ сталъ доказывать, что несогласно съ его державнымъ достоинствомъ ввѣрять управление строптивымъ боярамъ, жаловать въ боярское званіе знатныхъ людей только потому, что ихъ отцы носили его, ставить ихъ выше усердныхъ неродовитыхъ слугъ только потому, что такъ слѣдуетъ по боярскому мѣстническому «отечеству»: великій князь едвали понялъ бы подобныя разсужденія или понялъ бы только, что это такая же безлѣпица, какъ спать передъ обѣдомъ, обѣдать до обѣдни, играя «въ шахи», ходить съ черной клѣтки на желтую и т. п. Все это можно и легко сдѣлать, да такъ не повелось, и дѣлать такъ значило бы показать не самодержавную власть свою, а только свое неумѣнье жить съ людьми и играть въ шахи. Мос-

ковскіе государи всего менѣе поддавались соблазну такого самодержавія. Они предоставляли дѣламъ идти своимъ чередомъ, только высматривая въ заведенномъ порядкѣ обстоятельства, которыми можно было бы воспользоваться съ выгодой, и именно потому, что этотъ порядокъ часто давалъ имъ въ руки такія выгодныя обстоятельства, они не любили ломать его или круто поворачивать въ свою сторону. Это былъ ихъ фамилный упорный консерватизмъ преданія; въ немъ было много наблюдательности и практической сноровки, но очень мало творческихъ идей, или, что то же наизнанку, торопливой склонности все рвать и кроить посвоему. До Ивана Грознаго они все копили, собирали, были, по изысканному выраженію этого царя, «въ закоснѣнныхъ прародительствіяхъ земли обрѣтатели», одолевали соперниковъ и готовили средства для освобожденія себя и своей Руси отъ татарской власти, и когда наконецъ выбились изъ неволи, охотно приняли подсказанный духовенствомъ титулъ царей и самодержцевъ, какъ знакъ внѣшней независимости, а не какъ девизъ внутренней политики, подобно тому какъ церковнымъ вѣнчаніемъ на царство они замѣнили прежнее посаженіе на великокняжескій столъ татарскимъ посланцомъ. Среди внѣшнихъ хлопотъ они еще не успѣли хорошенько обдумать ни значенія этого титула, ни внутренняго политическаго содержанія своей власти, созданной новымъ положеніемъ, и еще менѣе успѣли подумать возвести этотъ титулъ въ политическую теорію и согласно съ этой новой властью перестроить свои внутреннія политическія отношенія и весь правительственный порядокъ. Между тѣмъ политическіе успѣхи собрали вокругъ московскаго государя цѣлый сонмъ новыхъ слугъ. Передніе ряды его состояли все изъ владѣтельныхъ князей или ихъ сыновей, которые или отцы которыхъ также самостоятелно владѣли своими отчинами, какъ московскіе князья своей. Въ большинствѣ они добровольно пришли

служить въ Москву, много помогли ея успѣхамъ и считали себя въ правѣ надѣяться, что за ними оставятъ если не все, то часть ихъ прежнихъ вотчинъ и вотчинныхъ правъ съ долей прежней правительственной власти. Все это и признали за ними московскіе государи, не торопясь точно опредѣлить новое положеніе сторонъ, не заботясь о противорѣчіяхъ, какія это признаніе вносило въ ихъ отношенія. До сихъ поръ они все старались овладѣть возможно большимъ количествомъ князей и княжествъ и, не задумываясь много надъ новою системою управленія пріобрѣтенными княжествами, стали править ими посредствомъ пріобрѣтенныхъ князей. Это открывало обширный просторъ обоюднымъ недоразумѣніямъ, которыя вызывали столкновенія между обѣими сторонами; но это было совершенно согласно съ фамильными политическими преданіями московскихъ государей, привыкшихъ дѣйствовать по старинѣ, по указаніямъ опыта и текущей минуты, пользуясь ближайшими наличными средствами.

Въ этомъ отношеніи московское общество, кажется, определило своихъ государей и вынесло изъ пережитаго болѣе цѣльное впечатлѣніе. Оно раньше ихъ вывело политическіе итоги изъ совершившихся перемѣнъ и составило совершенно отчетливое понятіе о верховной власти, отождествляя волю государя съ волею Божіей, а «свою волю» Новгородцевъ съ отсутствіемъ правды и всякаго порядка, считая себя и все свое полною собственностью государя, не признавая кромѣ его никакой другой власти въ государствѣ, называя его намѣстникомъ Бога на землѣ, постельникомъ Божиимъ и т. п. Выраженіе такихъ воззрѣній встрѣчаемъ въ своихъ и чужихъ памятникахъ уже при дѣдѣ и отцѣ Грознаго, а самъ Грозный, какъ увидимъ, даже не смотря на свои опыты въ непривычномъ для его предковъ политическомъ размышленіи, не только не могъ отрѣшиться отъ удѣльныхъ преданій, но и призналъ важнѣйшія изъ при-

тизаній своего боярства, съ которымъ такъ долго воевалъ и перомъ, и палачомъ.

ГЛАВА XIII.

Однако перемьны въ устройствѣ боярской думы XVI в. выжили не изъ этихъ боярскихъ притязаній.

Можно было бы ожидать, что на правительственномъ устройствѣ боярской думы въ такой же степени отразятся политическія притязанія новаго московскаго боярства, въ какой на ея составѣ отразился измѣнившійся составъ этого боярства.

Нѣкоторыя явленія заставляли предполагать, что перемьны въ устройствѣ учрежденія примуть именно направленіе согласное съ этими притязаніями. Уже къ началу XVI в. боярство новаго состава образовало изъ себя классъ, замѣтно стремившійся обособиться отъ низшихъ служилыхъ слоевъ. Въ XVI вѣкѣ новое боярство всюду является въ управленіи на первомъ планѣ. Люди родовитыхъ фамилій, начавшихъ служить въ Москвѣ не раньше XV вѣка, даютъ старинное боярство московское и своей численностію, и важностію занимаемыхъ ими должностей; огромное большинство этихъ людей составляютъ князья. И въ думѣ, и въ высшей военно-походной администраціи встрѣчаемъ сходныя явленія. Какъ тамъ первый думный чинъ, такъ здѣсь мѣста первыхъ полковыхъ воеводъ принадлежатъ преимущественно знатному князю; даже количественныя отношенія разныхъ генеалогическихъ слоевъ служилаго класса тамъ и здѣсь довольно близки другъ къ другу ¹⁾. Между

¹⁾ Беремъ на-удачу два года изъ двухъ смежныхъ царствованій, 7021 (съ сент. 1512 по сент. 1513 г.) и 7056, и сосчиты-

фамиліями, которыя составляли московское боярство, и даже между отдѣльными членами этихъ фамилій установился довольно точно опредѣленный іерархическій распорядокъ. Въ разрядныхъ росписяхъ походовъ иногда по имени перваго воеводы большаго полка можно приблизительно разсчитать, какія имена могли слѣдовать за нимъ на мѣстахъ его товарищей и воеводъ остальныхъ полковъ. Боярскія служебныя понятія, вскрывающіяся въ мѣстническихъ тяжбахъ, обличаютъ даже въ знатнѣйшихъ фамиліяхъ боярства стремленіе замкнуться въ тѣсную недоступную касту. Впродолженіе XVI в. кругъ первостепенной московской знати гораздо меньше принялъ въ свой составъ подиявшихся подсадковъ со стороны, чѣмъ отбросилъ собственныхъ засохшихъ, захудалыхъ сучьевъ. Съ тѣхъ поръ какъ прекратился усиленный приливъ въ Москву знатныхъ выходцевъ изъ удѣловъ и изъ-за границы, живо чувствуется эта наклонность боярства подчищаться. Съ половины XVI в. въ спискахъ уѣздныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ съ каждымъ поколѣніемъ является все больше громкихъ родовитыхъ именъ, носители которыхъ канули на дно служилаго общества, не выходятъ изъ низшихъ служилыхъ чиновъ, и болѣе счастливые родичи ихъ, уцѣлѣвшіе на родословномъ деревѣ, смотрятъ на нихъ свысока, какъ на людей «обышнихъ, неродословныхъ, городовыхъ», запрещаютъ имъ считаться своимъ родствомъ, чтобы не «худить» старшихъ или болѣе сановныхъ однофамильцевъ. До половины XVII вѣка неродовитому чело-вѣку было все еще трудно пробиться къ высшимъ служи-

ваемъ по разрядной книгѣ всѣхъ воеводъ, посланныхъ съ полками на разныя границы государства. Находимъ, что князей было въ первый годъ 32 изъ 57 воеводъ, во второй 55 изъ 92; членовъ фамилій, простыхъ или титулованныхъ, начавшихъ служить въ Москвѣ съ XV вѣка, въ первый годъ было 39, т. е. около 68%, во второй 68 или почти 73%, а членовъ фамилій, вступившихъ на московскую службу съ княженія Ивана III, въ тотъ и другой годъ было по половинѣ всего числа воеводъ.

лымъ чинамъ, не смотря на сильно порѣдѣвшіе ряды старой знати. Происхождение, родословное преданіе брало верхъ надъ дарованіемъ, личною заслугой, даже личною выслугою. Важнѣе всего было то, что этотъ родовитый кругъ чрезъ своихъ думныхъ представителей велъ текущее законодательство государства въ то самое время, когда оно устроялось въ своихъ новыхъ границахъ и въ новомъ общественномъ составѣ.

Казалось бы, при такомъ настроеніи и въ такомъ благоприятномъ положеніи думное боярство прежде всего будетъ добиваться двухъ перемѣнъ въ устройствѣ думы: во-первыхъ, подчистившись и замкнувшись возможно болѣе, попытается оставить двери думы открытыми лишь для немногихъ избранныхъ фамилій, преимущественно титулованныхъ; во-вторыхъ, поспѣшитъ взять въ свои руки направленіе, инициативу законодательства. Посмотримъ, насколько перемѣны, совершившіяся въ устройствѣ боярской думы Московскаго государства, соотвѣтствовали этимъ предположеніямъ.

Въ XVI в. эта дума по своему составу далеко не то, чѣмъ была она въ удѣльное время. Тогда она была совѣтомъ бояръ введенныхъ, главныхъ сановниковъ по дворцовому управленію. Теперь эти бояре введенные составляютъ мало замѣтный элементъ въ составѣ думы. Въ ней не присутствуютъ ни стольникъ, ни чашникъ, ни ловчій съ сокольничимъ. Другіе дворцовые управители являются непостоянными, случайными членами думы, потому что ихъ должности не связаны непременно съ думными чинами. Въ XVI вѣкѣ, какъ и въ XVII, дворецкій иногда получалъ эту должность, еще не имѣя думнаго чина, и много лѣтъ исправлялъ ее, прежде чѣмъ вступалъ въ думу въ званіи окольничаго. Конюшими также бывали въ XV вѣкѣ люди, не имѣвшіе думнаго чина. Въ удѣльное время всѣ эти должности были соединены съ званіемъ боярина введеннаго,

члена княжеской думы. Теперь должности по дворцовому вѣдомству обособляются отъ общегосударственной администраціи, образуютъ свою особую іерархію, параллельную послѣдней; онѣ и въ боярскихъ спискахъ обозначаются отдѣльно отъ думныхъ чиновъ. Въ XVII в. по Котошихину казначей сидѣлъ въ думѣ выше думныхъ дворянъ; но въ XV и XVI в. казначеями бывали и дьяки, и бояре, люди, стоявшіе и ниже и выше думныхъ дворянъ. Точно также ясельничій, управлявшій Конюшеннымъ приказомъ со времени упраздненія должности конюшаго, въ XVII в. былъ по Котошихину честию выше думныхъ дворянъ «и въ думѣ сидѣлъ съ царемъ и съ боярами вмѣстѣ»; а около половины XVII в. ясельничіе не только бывали думными дворянами, но и жаловались въ этотъ чинъ, слѣдовательно бывали ниже думныхъ дворянъ. Постельничій и стряпчій съ ключомъ, вѣдавшіе царскій гардеробъ, также считались честию «противъ окольныхъ», однако не сидѣли въ думѣ вмѣстѣ съ окольными. Вмѣсто прежнихъ бояръ введенныхъ, управлявшихъ разными отраслями дворцовой администраціи, думу теперь наполняли управители новыхъ государственныхъ приказовъ, возникавшихъ въ XV и XVI вѣкахъ. Судебникъ Ивана III представляетъ думныхъ людей, бояръ и окольныхъ, начальниками отдѣльныхъ приказовъ: говоря о судѣ бояръ и окольныхъ, онъ постановляетъ, что жалобы, не разрѣшенныя низшими учрежденіями, переносятся къ великому князю или къ тому, «которому которые люди приказаны вѣдати». Въ актахъ XVI вѣка дворцовое вѣдомство не входитъ какъ часть въ кругъ боярскаго управленія, а является особымъ параллельнымъ ему управленіемъ. По одной неизданной грамотѣ Троицкаго Сергіева монастыря царь въ 1551 году пожаловалъ двухъ своихъ пѣвчихъ дьяковъ «даннымъ приставствомъ» Сергіева монастыря, давъ имъ право въ случаѣ тяжбы назначать срокъ стать передъ царемъ, передъ бо-

ярами и дворецкими «тѣхъ городовъ людямъ, которые города у которыхъ боярь и у дворецкихъ въ приказѣ будутъ ¹⁾). Въ описаніи боярской думы при князѣ удѣльнаго времени было замѣчено, что съ усложненіемъ администраціи въ Московскомъ великомъ княжествѣ эта дума постепенно превращалась въ совѣтъ дворцовыхъ управителей по дѣламъ, выходявшимъ изъ круга дворцоваго хозяйства. Накопленіе такихъ дѣлъ вызвало съ теченіемъ времени сложную систему приказовъ, параллельныхъ дворцовымъ и вѣдавшихъ государственныя недворцовыя дѣла. Начальники этихъ приказовъ и явились въ думу на смѣну прежнихъ дворцовыхъ боярь введенныхъ. Съ тѣхъ поръ какъ они образовали главный элементъ въ правительственномъ составѣ думы, можно сказать, что она изъ государевой дворцовой думы при князѣ удѣльнаго времени превратилась въ государственный совѣтъ при государѣ московскомъ и всея Руси. По нѣкоторымъ признакамъ можно думать, что такое превращеніе совершилось еще до XVI вѣка.

Вмѣстѣ съ этою переменой въ правительственномъ устройствѣ московской думы замѣчаемъ и другую. Въ удѣльное время все совѣтники князя, управлявшіе разными отраслями дворцоваго хозяйства, носили одно общее званіе боярь, различаясь только должностями. Теперь члены думы раздѣляются еще по чинамъ на *боярь* и *окольничихъ*. Можно съ нѣкоторою точностію обозначить время, когда началось это раздѣленіе. Въ удѣльные вѣка окольничій принадлежалъ къ числу боярь введенныхъ; но недостаточно извѣстно, въ чемъ состояла его дворцовая должность. Изъ

¹⁾ Др. Росс. Вивл. XX, 55, 61, 93, 94, 99 и 108. Ср. Книги Разр. I, 1368, и II, 303. Боярск. кн. въ Моск. архивѣ мин. Юст. № 1. Пам. дипл. снош. съ Лит.-Польск. госуд., изд. г. Карповымъ въ 35 т. Сборн. Русск. Ист. Общ., стр. 163 и сл. Пам. дипл. снош. съ имп. Римск. I, 413. Котош. 59, 67, 23, 88. Сб. грам. Тр. Серг. мон № 530, л. 660.

поздѣйшихъ указаній видно только, что окольнічій былъ ближайшій къ князю человекъ его свиты, согласно съ своимъ званіемъ находился постоянно около него, въ поѣздкахъ государя ѣхалъ впереди его, приготовляя все нужное для пути по станамъ, во дворцѣ распоряжался приѣмомъ пословъ и т. п. Съ XVI вѣка постоянной должности окольнічаго не замѣтно, а его обязанности исполняли, когда это надобилось, люди разныхъ званій, какъ и въ XVII вѣкѣ, когда царь ѣздилъ къ Троицѣ, «въ окольнічихъ передъ государемъ» бывали даже дворяне московскіе, которые по своему чину стояли нѣсколькими ступенями ниже думныхъ окольнічихъ. Подобно этому при торжественныхъ обѣдахъ во дворцѣ иногда «чашничали столычники». Съ другой стороны, въ началѣ XVI вѣка нѣкоторые совѣтники государя называются просто боярами, другіе боярами-окольнічими¹⁾. Этимъ колебаніемъ въ значеніи званія повидимому и обозначился переходъ прежней постоянной должности окольнічаго во второй думный чинъ, который въ началѣ XVI вѣка очень мало еще отличался отъ перваго, отъ званія боярина, можетъ-быть меньше, чѣмъ теперь отличается тайный совѣтникъ отъ дѣйствительнаго тайнаго. Разбирая списокъ бояръ и окольнічихъ XVI вѣка, мы замѣтили, что эти званія имѣли тогда значеніе не только простыхъ служебныхъ чиновъ, но и генеалогическихъ слоевъ боярства. Полагаемъ, что въ этомъ заключалась главная причина раздѣленія личнаго состава думы на чиновные разряды. Въ удѣльное время отдѣльныя лица въ кругу совѣтниковъ князя различались между собою положеніемъ при дворѣ, мѣстами въ думѣ и за княжимъ столомъ; но они все носили одинаковое званіе бояръ. Теперь въ новомъ составѣ московскаго боярства обозначилось различіе не только между

¹⁾ Герберштейнъ въ переводѣ Анонимова, стр. 85. Дворц. Разр. I. 491 и 615. П. С. Р. Лвт. VIII, 248 и 250.

отдѣльными лицами класса по ихъ положенію, но и между цѣлыми слоями боярскихъ фамилій по ихъ происхожденію. Если люди первостепенныхъ родовъ вступали въ думу прямо боярами, то для членовъ второстепенной знати понадобилось создать второй думный рангъ, которымъ и стало званіе окольничаго, служившее для однихъ лишь переходною ступенью къ боярству, а для другихъ предѣломъ служебнаго движенія, къ какому они были способны по своему «отечеству».

Мысль о такомъ происхожденіи думныхъ чиновъ поддерживается исторіей третьяго чина, появившагося въ составѣ думы въ слѣдъ за окольничествомъ, *думнаго дворянства*. Въ спискѣ членовъ боярской думы думные дворяне появляются уже во второй половинѣ XVI вѣка, съ 1572 года. Но учрежденіе это возникло гораздо раньше. Еще въ малолѣтство Ивана IV, въ 1536 и 1537 годахъ, когда польскіе послы представлялись великому князю, при немъ вмѣстѣ съ боярами, окольничими и дворецкими находились «дѣти боярскія, которыя живутъ въ думѣ, и дѣти боярскія прибыльныя, которыя въ думѣ не живутъ». Точно также въ 1542 году, во время приѣма литовскаго посольства, въ избѣ при великомъ князѣ кромѣ бояръ были еще, какъ замѣчено въ приказной записи, князья и дѣти боярскія, которые въ думѣ живутъ и которые въ думѣ не живутъ. *Жить* въ думѣ значило присутствовать тамъ или быть туда приглашаему ¹⁾. Этимъ можно объяснить одно извѣстіе въ разсказѣ лѣтописи о томъ бурномъ засѣданіи думы при больномъ царѣ въ 1553 году, на которомъ шла рѣчь о присягѣ бояръ маленькому

¹⁾ Такъ о намѣстникахъ и другихъ гражданскихъ судьяхъ, присутствовавшихъ на судѣ епархіальнаго архіерея новгородскаго въ извѣстныхъ „смѣсныхъ дѣлахъ“, грамота 1598 года говоритъ, что судить эти дѣла митрополитъ новгородскій, а государевы судьи „у митрополита сами въ судѣ живутъ“. Доп. къ Акт. Ист. I, № 148.

наслѣднику царя Димитрію. Сказавъ, что къ вечеру поцѣ-
 ловали крестъ нѣкоторые бояре, лѣтопись продолжаетъ:
 «да которые *дворяне* не были у государя въ думѣ, Ал.
 Фед. сынъ Адашевъ да Иги. Вешняковъ, и тѣхъ государь
 привелъ къ цѣлованію въ вечеру же». Въ спискѣ членовъ
 боярской думы Алексѣй Адашевъ является прямо околни-
 чимъ въ 1555 году. Бывъ прежде спальникомъ у моло-
 даго царя, онъ потомъ сталъ, какъ видно по разрядной
 книгѣ, постельничимъ, которымъ оставался и въ 1553
 году, по словамъ князя Курбскаго. Но еще въ 1550 году,
 послѣ известной рѣчи своей къ народу на Лобномъ мѣстѣ,
 царь поручилъ ему «челобитныя примати отъ бѣдныхъ и
 обидимыхъ», т. е. назначилъ Алексѣя управителемъ ново-
 учрежденнаго Челобитнаго приказа. Такъ какъ прошенія,
 подаваемые самому царю, послѣдній разбиралъ съ боярами,
 то начальникъ этого приказа становился въ очень близкія
 отношенія къ думѣ. Надобно полагать, что съ того времени
 А. Адашевъ сталъ «жить въ думѣ», сдѣлался думнымъ
 дворяниномъ. Эта догадка поддерживается разрядною рос-
 писью царскаго похода въ Коломну въ 1553 году, гдѣ
 А. Адашевъ, еще не бывъ окольнымъ, назначенъ былъ
 «стряпчимъ у царя съ бояры» вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ
 Вешняковымъ, который является въ лѣтописи дворяниномъ,
 подобно Адашеву не случившимся у государя въ думѣ при
 обсужденіи дѣла о присягѣ. Всѣмъ этимъ объясняется,
 какимъ образомъ человекъ такой совсѣмъ неродословной
 фамиліи, какъ Адашевы, которому царь при назначеніи на
 должность въ 1550 году говорилъ, что взялъ его «отъ
 нищихъ и отъ самыхъ молодыхъ людей», по списку яв-
 ляется въ думѣ прямо окольнымъ подобно членамъ знат-
 ныхъ родовъ стараго московскаго боярства: предварительно
 онъ много лѣтъ состоялъ дворяниномъ въ думѣ, и на это
 думное званіе его намекаетъ царь въ письмѣ къ Курбскому,
 говоря, что взялъ Алексѣя «отъ гноища и учинилъ съ

вельможами, чая отъ него прямой службы». Слѣды заво-
дившагося обычая призывать въ думу людей, не носив-
шихъ еще званія ни боярина, ни окольничаго, замѣтны
уже при отцѣ Грознаго. Извѣстный И. Н. Берсень Бекле-
мишевъ бывалъ въ совѣтѣ великаго князя Василя, разъ
что-то возражалъ ему по дѣлу о Смоленскѣ и за то под-
вергся опалѣ. Но онъ нигдѣ не является ни бояриномъ,
ни окольничимъ, и самая фамилія его не принадлежала къ
такимъ, изъ которыхъ выходили люди этихъ званій въ
первой половинѣ XVI вѣка: это «добрый» родъ, но сто-
явшій нѣсколько ниже «среднихъ» при тогдашнемъ составѣ
московской знати. Берсень стоялъ уже на виду при дворѣ
Ивана III и былъ, кажется, особенно близокъ къ его сыну
Василію, дворъ котораго при жизни отца не отличался
родословнымъ блескомъ своего состава: бѣглый сынъ удѣль-
наго верейскаго князя Михаила около 1493 года именно
къ Берсеню обратился изъ Литвы съ просьбой битъ че-
ломъ Василію, чтобы тотъ похлопоталъ за него передъ
великимъ княземъ. Но при этомъ, какъ и въ другихъ
извѣстныхъ случаяхъ, Берсень является въ званіи сына
боярскаго. Отецъ, кажется, еще успѣлъ добраться до чина
боярина или окольничаго; но сынъ, какъ мы думаемъ,
бывалъ въ думѣ уже въ званіи сына боярскаго, въ думѣ
живущаго, а опала помѣшала его дальнѣйшему возвыше-
нію ¹⁾). Стѣбитъ лишь просмотрѣть списокъ думныхъ дво-

1) Акт. Зап. Росс. II, 252 и 268. Дѣла Польск. въ Моск.
арх. мин. Ин. Дѣль, № 3, л. 7—10 (въ сокращеніи у Со-
ловьева VI, 73); къ сожалѣнію, въ записи здѣсь не поимено-
ваны князья и дѣти боярскія, въ думѣ живущіе. Царств. кн.,
стр. 342. Карамз. VIII, прим. 184. Сказ. кн. Курбскаго, 42
и 187. Разр. кн., указанная выше, л. 262. Сб. Русск. Ист.
Общ. т. 35, стр. 82. Крымск. дѣла въ Моск. арх. мин. Ин. Д.
Д. № 1: здѣсь подъ 1474 г. отецъ Берсеня названъ бояриномъ,
даже ближнимъ, а въ лѣтописномъ разсказѣ официальнаго про-
исхожденія подъ 1476 г. онъ же является въ числѣ дѣтей бо-

ранъ XVI и XVII вѣковъ, чтобы замѣтить двоякое происхожденіе этого званія, соціально-административное. Съ одной стороны, благодаря появленію новой титулованной знати въ Москвѣ накопилось, говоря словами Котошихина, много добрыхъ и высокихъ родовъ, которые не могли придти въ честь «за причиною и за недослуженіемъ». Съ другой стороны, благодаря усложненію правительственныхъ задачъ въ Москвѣ возникъ рядъ такихъ новыхъ приказовъ или прежніе такъ измѣнились, что для управленія ими не годилась военно-придворная знать, или они не годились для административнаго испомѣщенія этой знати: они требовали постоянного личнаго присутствія управителя и той дѣловой опытности, которой обладали дьяки и лишены были большіе люди, ежегодно уѣзжавшіе изъ Москвы то намѣстничать по городамъ, то воеводствовать надъ полками. Такъ уже въ XVI в. образуется въ Москвѣ особый кругъ сановитыхъ дѣльцовъ, имена которыхъ рѣдко появляются въ разрядахъ между полковыми и городовыми воеводами, но которые замѣтно становились самыми дѣятельными двигателями центрального приказнаго управленія. Затраченное на военно-придворномъ поприщѣ, старое упавшее боярство, московское и удѣльное, теперь пригодилось правительству на новыхъ дѣловыхъ постахъ. Къ нему прикнули разные новые люди, пробиравшіеся наверхъ, въ особенности мастера приказнаго дѣла, дьяки. Рядомъ съ членами старыхъ московскихъ служилыхъ родовъ, Олферьевымъ, Безнинымъ, Воейковымъ, съ потерявшими титулъ потомками смоленскихъ князей Ржевскими и Татищевыми, съ потомками старыхъ

ярскихъ. II. С. Лѣт. VI, 203. Ср. тамъ же, стр. 271: вел. кн. Василій передъ смертью, призвавъ къ себѣ всѣхъ своихъ бояръ, на совѣщаніи обращается съ рѣчью не къ однимъ боярамъ, но и къ дѣтямъ боярскимъ и княжатамъ. Можетъ быть, это дѣти боярскія, въ думѣ живущія, однимъ изъ коихъ былъ прежде и Берсень.

тверскихъ бояръ Нагими и Зюзиными являются Адашевы, Сукины, Черемисиновы, Щелкаловы и другіе люди все съ темною родословной и видною дѣятельностію. Въ нѣкоторой степени къ нимъ идетъ преувеличенный отзывъ оппозиціонныхъ остряковъ XVI вѣка о дьякахъ, новыхъ довѣренныхъ людяхъ государя, отцы которыхъ отцамъ бояръ и въ холопы не годились и которые теперь не только землю владѣли, но и боярскими головами торговали. Но совсѣмъ несправедливо было бы вмѣстѣ съ Курбскимъ думать, что только вражда государей къ боярству выдвигала тогда впередъ этихъ людей. Они бывали у государя «людьми великими», какъ отзывались иностранцы объ А. Щелкаловѣ, пользовались большимъ вліяніемъ, но пріобрѣтали его путемъ, который и безъ этой вражды остался бы для нихъ открытымъ. Ихъ вызывали къ дѣламъ новыя потребности управленія. Начиная службу снизу, иные подъячими, они были хорошо знакомы съ подробностями усложнявшагося все болѣе государственнаго механизма и дѣлали всю черную работу администраціи, занимали самыя трудныя и хлопотливыя должности, служили казначеями, печатниками, стряпчими съ ключомъ, думными дьяками и начальниками наиболѣе рабочихъ приказовъ, которыми пренебрегала или не могла править родословная военная знать. Изъ этого новаго дѣловаго класса и выходили обыкновенно думные дворяне, въ списокъ которыхъ за весьма немногими исключеніями не видно людей настоящаго родословнаго боярства. Такъ думное дворянство не было произведеніемъ политическаго антагонизма между верховною властью и боярствомъ: его создали перемѣны въ составѣ служилаго класса и въ устройствѣ управленія. Боярская дума и теперь не перестала быть тѣмъ, чѣмъ была въ удѣльное время, оставалась совѣтомъ управителей главныхъ отраслей администраціи; только теперь такими отраслями были не одни дворцовыя вѣдомства, даже преимущественно не они, а новые государственные приказы.

Въ нѣкоторые изъ этихъ приказовъ по ихъ положенію въ іерархіи учрежденій или по роду дѣлъ не назначали людей военно-придворной знати; но по своему административному значенію они имѣли ближайшее отношеніе къ думѣ, и ихъ управители должны были имѣть тамъ мѣсто. Знатнаго боярина или окольногочаго непригоже было поставить во главѣ какого-нибудь Челобитнаго или Печатнаго приказа. Туда назначали людей помоложе родословною честью или совѣмъ худыхъ, не помнившихъ и даже не имѣвшихъ родословнаго родства, зато знавшихъ приказное дѣло; но такихъ людей непригоже было вводить въ думу прямо даже окольнымичами, потому что они изъ «такой статьи родовъ, которые въ боярехъ не бываютъ». Если это были дворяне, какъ Адашевъ или печатникъ Олферьевъ, ихъ вводили въ думу думными дворянами и за долгую и дѣльную службу возвышали въ окольныечаіе. Если это были дьяки, они являлись въ думу думными дьяками и иногда жаловали ихъ въ думные дворяне, даже въ окольныечаіе, какъ было съ дьякомъ Посольскаго приказа и печатникомъ В. Щелкаловымъ. Легко видѣть, какую перемѣну вносили эти люди въ составъ боярскаго думы: рядомъ съ аристократіей породы, родословной книги, становилась знать приказной службы и государевой милости. Не будучи произведеніемъ политической борьбы, вызванной притязаніями боярства, думное дворянство осталось не безъ участія въ его политическомъ разрушеніи, подкапывая самыя основы боярскаго аристократіи, разрушая господствовавшія въ XVI вѣкѣ понятія объ отношеніи породы къ службѣ.

Думное дьячество по своему происхожденію имѣло довольно тѣсную связь съ думнымъ дворянствомъ: то и другое вызвано было новыми потребностями администраціи. Уцѣлѣвшіе акты не объясняютъ достаточно того, какъ была устроена канцелярская часть при думѣ удѣльнаго времени, когда она была чисто дворцовымъ совѣтомъ.

Были уже изложены нами соображенія о томъ, какъ возникали въ Москвѣ новые приказы недворцоваго характера. Первоначально они были отдѣленіями думской канцеляріи подъ управленіемъ дьяковъ и лишь со временемъ, когда ихъ вѣдомства устанавливались, дѣла входили въ колею текущей администраціи, эти приказы отдѣлялись отъ думы въ особыя учрежденія, во главѣ которыхъ становились бояре, окольничіе или думные дворяне. Слѣды такого процесса можно замѣтить въ исторіи приказовъ Посольскаго, Разряднаго, Помѣстнаго, Печатнаго, Казанскаго Дворца, Новгородской и Новой Четверти и другихъ: въ XVII вѣкѣ эти приказы, управлявшіеся прежде дьяками, поступаютъ, одни раньше, другіе позже, подъ руководство бояръ и другихъ высшихъ чиновъ людей. Ямскимъ приказомъ, напримеръ, въ XVII вѣкѣ управляли бояре или окольничіе съ думными дворянами. Но онъ существовалъ уже въ первой половинѣ XVI вѣка и находился тогда подъ управленіемъ дьяковъ: актъ 1536 года говоритъ о дьякахъ въ Москвѣ, «которые ямы вѣдаютъ». Первые дьяки важнѣйшихъ изъ такихъ приказовъ и возводились въ званіе думныхъ дьяковъ или государственныхъ секретарей, какъ ихъ называли иностранцы. Съ половины XVI вѣка обыкновенно ихъ было четверо: посольскій, разрядный, помѣстный и изъ Казанскаго Дворца. Вѣдомства этихъ приказовъ отличались особенной канцелярскою сложностью, и дѣлами ихъ непосредственно руководила дума. Впрочемъ думныхъ дьяковъ бывало иногда меньше, иногда больше, по крайней мѣрѣ въ XVII вѣкѣ: первое происходило обыкновенно оттого, что иной думный дьякъ, продолжая править своимъ приказомъ, возводился въ высшій думный чинъ, а вмѣсто него не назначали другаго въ званіе думнаго дьяка; второе чаще всего бывало, когда въ иномъ изъ названныхъ четырехъ приказовъ два дьяка одновременно носили званіе думныхъ. Въ Посольскомъ приказѣ было въ одно время два думныхъ

дьяка даже въ 1668 году, когда имъ управлялъ уже бояринъ А. Л. Ординъ-Нащокинъ, такъ что это учрежденіе имѣло въ думѣ трехъ представителей; это объясняется, можетъ-быть, тѣмъ, что имъ сверхъ Посольскаго поручены были еще четыре важные приказа. Впрочемъ обыкновенно встрѣчаемъ въ названныхъ приказахъ по одному думному дьяку и тогда, когда начальниками ихъ были думные дворяне и окольничіе, возведенные въ эти званія изъ думныхъ же дьяковъ. Такъ было и при Котошихинѣ. Последній изображаетъ думныхъ дьяковъ пассивными протоколистами или секретарями, которые, *стоя* въ думѣ, только помѣчали и записывали ея приговоры или по порученію царя заготовляли проекты разныхъ грамотъ и росписей. Однако можно думать, что ихъ участіе въ совѣщаніяхъ думы было болѣе дѣятельнымъ. Дѣла обсуждались въ думѣ; но приговоры составлялись безъ регулярной подачи голосовъ. Думные дьяки являлись сюда докладчиками по дѣламъ своихъ приказовъ, давали справки и мнѣнія, какія при этомъ отъ нихъ требовались. Имѣя только совѣщательный голосъ, они однако должны были оказывать большое вліяніе на ходъ и послѣдствія совѣщанія и не разъ подсказывали думѣ ея приговоры. Такое значеніе дьяковъ отразилось и на формѣ думскихъ приговоровъ. Хотя дьяки не причислялись, если можно такъ сказать, къ рѣшающимъ членамъ совѣта, однако въ резолюціяхъ думы иногда помѣчалось, что дѣло рѣшено по приговору бояръ да дьяковъ думныхъ такихъ-то ¹⁾.

Учрежденіемъ думнаго дворянства и думнаго дьячества

1) Др. Росс. Вивл. XX, 417. Котошихинъ, 91. Кн. Разр. II, 302 и др. Акт. Зап. Росс. II, 252. Флетчеръ, гл. 11. Дворц. Разр. III, 87 и 838: здѣсь въ Казанскомъ Дворцѣ нѣтъ думнаго дьяка; зато думный дьякъ правилъ тогда Стрѣлецкимъ приказомъ. Ср. Котошихина, 75, 72 и 78, и Др. Р. Вивл. XX, 392 и 359. Десятня Ряжская въ Моск. арх. мин. Юст. № 94.

завершилось образованіе чиновнаго состава боярской думы: она составила изъ четырехъ чиновъ. Думное дьячество не было званіемъ, совершенно обособленнымъ отъ трехъ остальныхъ: это лишь крайнее звено въ цѣпи думныхъ чиновъ. Бояре, большинство окольныхихъ и думныхъ дворянъ не вступали въ совѣтъ въ званіи думныхъ дьяковъ; но думные дьяки часто возводились въ званіе думныхъ дворянъ и потомъ даже окольныхихъ, какъ думные дворяне дослуживались до окольности и иногда до боярства. Въ составѣ этихъ четырехъ чиновъ число постоянныхъ членовъ думы, не считая братьевъ и сыновей великаго князя, также духовныхъ властей, присутствовавшихъ въ думѣ въ особо важныхъ случаяхъ, стало въ XVI вѣкѣ довольно значительно, хотя еще не достигало цифръ XVII вѣка, когда въ думѣ бывало болѣе 60 членовъ. Великій князь Василій наследовалъ отъ отца 19 бояръ, 6 окольныхихъ, одного дворецкаго и одного казначея, а сыну оставилъ 23 совѣтника, не считая не обозначенныхъ въ спискѣ думныхъ дьяковъ и дворянъ, если только послѣдніе тогда уже присутствовали въ думѣ. Царь Борисъ началъ царствовать съ 45 совѣтниками, боярами, окольными и думными дворянами, считая въ этомъ числѣ и тѣхъ, кого онъ самъ назначилъ по вступленіи на престолъ. Всѣ эти совѣтники обозначались общимъ названіемъ *думныхъ людей*, а самый совѣтъ назывался *думой*: съ XVI вѣка этотъ терминъ нерѣдко встрѣчается въ нашихъ памятникахъ съ значеніемъ постояннаго правительственнаго учрежденія, а не отдѣльнаго совѣщанія или приговора ¹⁾. Теперь наконецъ, когда чиновный составъ думы

1) Въ такомъ же смыслѣ московскія канцеляріи обозначали этимъ словомъ и иностранныя учрежденія. Московскій переводчикъ нѣмецкаго письма, присланнаго изъ Лондона толмачомъ Бекманомъ въ 1589 году, выражалъ иностранныя понятія, конечно, примѣняясь къ политическому языку своего времени: министры королевы Елизаветы называются здѣсь „думцами“ или „думчими“, а министерство „думой“ королевниной, какъ въ XVII

окончательно сформировался, она составила цѣльный и постоянный правительственный корпусъ, строго отличавшійся отъ разныхъ частныхъ комиссій, какія составлялись по порученіямъ государя изъ думныхъ же людей. Въ удѣльное время такого различія не замѣтно: извѣстный правительственный актъ считался приговоромъ князя съ боярами, все равно, присутствовали ли при этомъ всѣ наличные совѣтники князя или только два-три боярина, которыхъ по занимаемымъ ими дворцовымъ должностямъ спеціально касалось дѣло. Теперь приговоромъ бояръ признавалось только постановленіе, состоявшееся въ обычномъ общемъ собраніи постоянной боярской думы. Отсюда въ памятникахъ XVI вѣка появляется выраженіе, получающее значеніе обычной правительственной формулы: «со всѣхъ бояръ приговору». Это выраженіе не надобно, разумѣется, понимать въ буквальномъ смыслѣ: и тогда умѣли отличать общее собраніе отъ

вѣкъ наши послы называли англійскій парламентъ „земскимъ собраніемъ“. Въ сношеніяхъ съ польско-литовскими послами наши дипломаты называли московскую думу „радою государя“ и своею „господою“; „избранною радой“ и кн. Курбскій называетъ думу, составившуюся при царѣ Иванѣ подъ вліяніемъ Сильвестра и Адашева. Въ документахъ XVI в. совѣтникъ имѣлъ спеціальное значеніе перваго думнаго чина, былъ синонимомъ боярина въ отличіе отъ окольниковъ: иностраннымъ посламъ говорили въ Москвѣ отъ имени думы, что если они пріѣхали съ тайными „рѣчами“ или предложеніями, то должны сказать такія рѣчи совѣтникамъ и окольниковымъ государскимъ. Впрочемъ въ переводѣ одной грамоты англійской королевы Елизаветы и думный дьякъ А. Щелкаловъ названъ „честнымъ совѣтникомъ“. Въ актахъ чаще всего дума обозначалась общимъ выраженіемъ „бояре“, рѣже болѣе точнымъ „думные люди“. На нескромные вопросы цесарскаго посла о политикѣ московскому приставу приказывали отвѣчать: „то вѣдаютъ государевы думные люди, а мы люди служилые, намъ того нельзя вѣдати“. Пам. дипл. снош. I, 544, 361, 968. Стат. списокъ посольства Флетчера во Времен. Общ. Ист. и Др. Росс., кн. 8, стр. 49 и 75. Сборн. Ист. Общ. т. 35, стр. 121. Акты Зап. Росс. I, стр. 239. Сказ. кн. Курбскаго, 11.

полнаго. Извѣстный дипломатъ В. Щелкаловъ жаловался, что думный дьякъ Казанскаго Дворца Дружина Петелинъ по недружбѣ къ нему стакнулся съ дьякомъ Большаго Прихода, и они приписали въ его помѣстьѣ пустую землю къ жилой, велѣвъ брать съ нея ямскія и всякія подати какъ съ населенной. Щелкаловъ билъ челомъ, какъ гласить отъ имени царя уцѣлѣвшій указъ 1598 года, «намъ бы велѣть брать въ Большой Приходъ подати съ села по-прежнему, а что сверхъ того прибавили на его помѣстьѣ мимо нашъ указъ и *безо всѣхъ нашихъ бояръ приговору*, имать того не велѣть, потому что въ запискѣ въ Большомъ Приходѣ того имянно не написано, что *всѣхъ бояръ приговоръ*, опричь Дружинины сказки». Указъ рѣшилъ дѣло согласно съ просьбой помѣщика, признавъ распоряженіе двухъ дьяковъ незаконнымъ ¹⁾.

Перечисливъ важнѣйшія перемѣны въ устройствѣ думы, какія произошли или обнаружались въ XVI в., не видимъ ни въ одной изъ нихъ прямого выраженія аристократическихъ притязаній новаго московскаго боярства. Всѣ онѣ выходятъ изъ другихъ источниковъ, вызываются или измѣненіемъ состава высшаго служилаго класса, или дальнѣйшимъ развитіемъ, усложненіемъ центральной московской администраціи. Эти перемѣны, вѣроятно, произошли бы, еслибы на верху боярства и не стало знатное княжье изъ удѣловъ, бывшее главнымъ питомникомъ и разсадникомъ этихъ притязаній. Правда, съ тѣхъ поръ какъ оно появилось въ Москвѣ, здѣсь рѣзче прежняго обозначилась іерархія родословнаго старшинства въ служебныхъ отношеніяхъ членовъ думы между собою, въ самомъ размѣщеніи ихъ на засѣданіяхъ. Переводя свои взаимныя отношенія на языкъ родства, эти люди, набѣжавшіе въ Москву изъ всѣхъ угловъ Руси и даже изъ чужихъ земель, составили какъ

1) Сборн. грам. Тр. Серг. мон. № 530, л. 371.

будто тѣсную и дружную семью, заботливо высчитывая по родословнымъ и разряднымъ росписямъ, кто кому доводился братомъ и кто дядей, и настойчиво требовали, чтобы согласно съ этой ариеметикой мѣстническаго старшинства ихъ и разсаживали въ думѣ, и поименовывали въ думскихъ спискахъ. Въ 1502 г. паны литовскіе въ письмѣ къ московскимъ боярамъ, извиняясь, пишутъ: «а потому вашихъ милостей мы не написали по именамъ, что не вѣдаемъ на тотъ часъ мѣстецъ вашихъ, гдѣ кто сидитъ подлѣ кого въ радѣ государя вашего» ¹⁾. Но эта плотная семья думныхъ дядей и племянниковъ не помѣшала вторженію въ ея среду худородныхъ чужеродцевъ уже въ XVI в. Виѣшнія ли обстоятельства не позволили боярству облечь свои притязанія въ способныя ихъ обезпечить политическія формы, или оно и не знало и не думало, въ какія формы облечь ихъ, чтобъ ихъ обезпечить?

ГЛАВА XIV.

Само боярство не проводило въ XVI в. никакого плана государственнаго устройства, достаточно обезпеченнаго, въ смыслъ своихъ притязаній.

Боярскія поколѣнія, современныя Ивану III и его двумъ ближайшимъ преемникамъ, не прошли молча мимо явленій, которыя ихъ такъ сильно волновали. Напротивъ, остались слѣды того, какъ они много и горячо объ нихъ толковали, и кое-что изъ этихъ толковъ сохранилось въ памятникахъ письменности того времени даже не безъ участія боярскаго пера. Русская литература въ числѣ своихъ видныхъ пред-

¹⁾ Акты Зап. Росс. I, стр. 239 и 246.

ставителей XVI в. считаетъ двухъ очень родословныхъ писателей, князей Василя Косого Патрикѣева, въ иночествѣ Вассіана, и Андрея Курбскаго. Оба были въ совѣтѣ московскаго государя боярами, не разъ водили съ усилѣхомъ его полки въ походы и оба въ своихъ твореніяхъ очень настойчиво проводили задушевныя думы московскаго боярства своего времени.

Какъ и слѣдовало ожидать, новое боярство не было расположено представлять въ свѣтлыхъ чертахъ московское прошедшее: не его предки дѣлали это прошедшее, « мужествовали на многія страны » съ внукомъ и правнукомъ Калиты, и если гдѣ эти предки являлись въ московской исторіи, то обыкновенно ея жертвами, а не героями. Въ преданіяхъ московскаго княжескаго дома это боярство не находило ничего славнаго и высокаго и въ его вѣковомъ историческомъ дѣлѣ, объединеніи Руси, видѣло только рядъ насилій « издавна кровопійственнаго рода », дѣйствіе его хищническихъ инстинктовъ, фамилной привычки « желать крови своихъ братій и губить ихъ ради ихъ убогихъ вотчинъ ». При всей своей лояльности даже тѣ изъ титулованныхъ бояръ XVI в., предки которыхъ по доброй волѣ пришли служить въ Москву, могли смотрѣть на своихъ государей, какъ смотрятъ разорившіеся капиталисты на сыновей счастливаго богача, къ которому перешли ихъ отцовскіе капиталы и къ которымъ сами они должны были пойти въ прикащики.

И въ настоящемъ московскомъ порядкѣ вещей многое не нравилось боярамъ. Прежде всего не нравились всѣ эти новыя церемоніи и титулы, о которыхъ такъ хлопотали при московскомъ дворѣ со времени Ивана III. Курбскій въ исторіи Ивана Грознаго неохотно даетъ ему званіе, которое усвоилъ себѣ въ торжественныхъ случаяхъ уже дѣдъ этого царя, неохотно зоветъ его царемъ и въ перепискѣ съ нимъ не можетъ удержаться, чтобы не колынуть ему глазъ

его «прегордымъ царскимъ величествомъ». Негодование переносилось и на тѣ стороннія вліянія, которыя иногда преувеличенно винили въ этихъ церемоніальныхъ нововведеніяхъ, особенно на великихъ княгинь иноземокъ. Софья греческая и Елена литовская, бабушка и мать Грознаго, одна «чародѣйка», другая «жена законопреступная», стали въ боярскихъ преданіяхъ олицетвореніемъ всего дурнаго, и неистощима была боярская фантазія въ изобрѣтеніи самыхъ невѣроятныхъ слуховъ и сплетенъ, которыя ходили про этихъ княгинь въ Москвѣ чуть не до конца XVI вѣка. Ихъ считали главнымъ орудіемъ, которымъ дьяволъ испортилъ «предобрыи русскіихъ князей родъ», поселилъ въ нихъ злыя нравы. Софья царградская и отравила своего пасынка Ивана, и удавила его сына, «боговѣнчаннаго царя» Дмитрія, отставнаго наслѣдника Ивана III, и испортила политическій образъ мыслей своего мужа коварными византійскими внушеніями, и съ привезенными ею греками замутила Русскую землю, жившую дотолѣ въ тишинѣ и покоѣ. Но наиболѣе полной, искренней и постоянною ненавистью ненавидѣли бояре-писатели современное иночествующее духовенство, собственно то огромное большинство его, которое дѣйствовало въ духѣ преп. Іосифа Санина и его учениковъ. Это духовенство было въ глазахъ бояръ чернымъ пятномъ на русской жизни. Благодаря усердію пера бояръ и писателей одинаковаго съ ними образа мыслей монахъ вышелъ самымъ яркимъ типомъ, съ наибольшою тщательностію обработаннымъ въ нашей литературѣ XVI вѣка. Это раболѣпный ласкатель и потаковникъ властей, исполненный презрѣнія и гордыни съ низшими, расхититель и наставникъ расхитителей, туеядецъ, питающійся мірскими крестьянскими слезами, шатающійся по городамъ, чтобы безстыдно выманить у вельможи село или деревнишку, жестокосердый притѣснитель своей братіи крестьянъ, бросающійся на нихъ дикимъ звѣремъ, сребролюбецъ нена-

сытнѣй, жидовинъ-ростовщикъ, лихоимецъ и прасолъ, пьяница и чревоугодникъ, помышляющій только о пирахъ и селахъ съ крестьянами, возлюбившій «вся неподобная міра сего», не десятый чинъ ангельскій, не свѣтъ мірянамъ, а «соблазнъ и смѣхъ всему міру». «И въ царяхъ рѣдко встрѣтишь такую свирѣпость, какая бываетъ въ инокахъ, замѣчаетъ авторъ *Бесѣды* валаамскихъ чудотворцевъ: мнѣтъ себя разумнѣе всѣхъ людей въ мірѣ, ничего не знаютъ лучше своего разума и не допускаютъ, чтобы у бѣльцовъ былъ такой умъ, какъ у нихъ, а того не разсудятъ, что врагъ въ нихъ дѣйствуетъ и весь ихъ разумъ хуже несмысленныхъ и плохихъ умовъ». Не одно негодованіе на комфортный аскетизмъ, которымъ окружали себя старцы богатыхъ обитателей, не одна скорбь о легкихъ монастырскихъ нравахъ, воспитанныхъ спокойнымъ и привольнымъ житіемъ, поднимали столько боярской желчи. Отшельники выступили соперниками боярства на поприщѣ, гдѣ оно надѣялось властвовать безраздѣльно, въ привилегированномъ землевладѣніи, и успѣшно оспаривали у него самый насущный его интересъ, землю съ крестьянскими рабочими руками. Поземельные акты большихъ монастырей XVI в. открываютъ намъ, какія широкія землевладѣльческія операціи совершали иноки посредствомъ вкладовъ, закладовъ, покупокъ, льготъ, своза крестьянъ у другихъ землевладѣльцевъ и т. п. Они завели или дѣятельно поддерживали на тогдашнемъ земельномъ рынкѣ настоящую игру въ крестьянъ и въ землю, благодаря которой населенныя имѣнія переходили изъ рукъ въ руки чуть не съ быстротой цѣнныхъ бумагъ на нынѣшней биржѣ. Способные наблюдать и размышлять изъ бояръ съ прискорбіемъ видѣли, какъ въ этой игрѣ одна за другой сокрушались боярскія и княженецкія вотчины, уцѣлѣвшія отъ московскаго погрома или выслуженныя на московской службѣ, какъ крестьяне, посаженные на боярскую землю и обстроенныя на боярское

серебро, перебѣгали на болѣ льготную землю богатаго монастыря. Притомъ землевладѣльческія хлопоты создавали тѣсную политическую связь между иночествомъ и главою государства, заставляли первое постоянно обращаться къ послѣднему съ просьбами и за милости поддерживать его всемъ своимъ нравственнымъ авторитетомъ. Потому же оппозиціонное боярство было и горячимъ противникомъ автокефальности Русской церкви: ея независимость отъ цареградскаго патріарха открывала путь къ вмѣшательству туземной свѣтской власти въ церковныя дѣла. Оно было противъ подчиненія церкви государству, т. е. государю, продолжало и въ XVI в. считать русскаго митрополита канонически подсуднымъ только цареградскому патріарху и готово было предпочитать положеніе Греческой церкви при басурманскихъ царяхъ положенію Русской подъ покровомъ православныхъ государей, находя, что въ первой еще есть Богъ, если тамъ и злочестивая власть не вмѣшивается въ святительскія дѣла, намекая, что во второй уже нѣтъ Бога. Въ этомъ порабощеніи церкви оно видѣло мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣ, разрушеніе священныхъ законовъ, поруганіе уставовъ апостольскихъ, и винило въ томъ преимущественно современное духовенство. Зато и доставалось отъ титулованныхъ ревнителей этимъ «сквернымъ соборищамъ іереевъ Вельзевулиныхъ» и этимъ «вслукавымъ мнхамъ, глаголемымъ осифлянскимъ», которые «простерты лежатъ», обнявшись съ своимъ богатствомъ, и потворствуютъ властямъ, чтобы сохранить и приумножить его. Въ ихъ глазахъ заботливо высматривали каждую слицу, для чего впрочемъ и не нужно было особенно острого зрѣнія при тогдашнемъ нравственномъ состояніи духовенства: они и ереси вызвали своимъ поведеніемъ, и опустошили благодатныя сокровища церкви своимъ любостыжаніемъ. Когда монахи, съ грустью замѣчаетъ кн. Курбскій, стали любить стяжанія, особенно села съ деревнями, «тогда

угасоша божественныя чудеса». Обличители не любили и новыхъ чудотворцевъ, прославленныхъ Русскою церковью, именно за то, что они были «мужики сельскіе» и основали монастыри, быстро богатѣвшіе вотчинами.

Весь этотъ энтузіазмъ ожесточенія и брани любопытенъ только потому, что характеризуетъ политическое настроеніе боярства. Онъ показываетъ, что классъ этотъ въ XVI вѣкѣ не оставался равнодушнымъ зрителемъ того, что происходило вокругъ него и въ немъ самомъ. Напротивъ, онъ слѣдилъ за явленіями общественной жизни повидимому съ самымъ возбужденнымъ вниманіемъ и воспринималъ впечатлѣнія съ нервною раздражительностію. Государственный порядокъ касался его ближе и больнѣе чѣмъ церковный; да и самый церковный порядокъ волновалъ его преимущественно по своей связи съ государственнымъ. Литературныя органы боярства недовольны ходомъ дѣлъ и въ государствѣ, какъ въ церкви; только ихъ сужденія объ этомъ выражались съ большою сдержанностію языка. Любопытна въ этомъ отношеніи нѣкоторая разница между Вассіаномъ и кн. Курбскимъ. Они были представителями одного слоя, но разныхъ поколѣній боярства. Первый выросъ и началъ дѣйствовать еще при Иванѣ III, а къ этому Ивану оппозиціонное боярство и послѣ относилось мягче чѣмъ къ его преемникамъ, считало его добрымъ и до людей ласковымъ, любившимъ выслушивать возраженія и жаловавшимъ тѣхъ, кто противъ него говорилъ. Правда, князь Василій, въ иночествѣ Вассіанъ, и люди его духа «высокоумничали» уже при Иванѣ, на что жаловался послѣдній, «износили ему многія поносныя и укоризненныя словеса», что припоминалъ послѣ его внукъ. Однако можно замѣтить, что политическій вопросъ еще не былъ возбужденъ тогда во всей своей силѣ, взаимное недовольство обѣихъ сторонъ не прониталось еще всею горечью послѣдующаго времени. Вассіанъ неохотно и осторожно касается политическихъ явленій и все свое жесткое красно-

рѣчіе обращаетъ на свою братію по ипочеству, на «мужиковъ сельскихъ, утучнившихъ себя христіанскими кровьюми», вселукавыхъ мниховъ осифлянскихъ съ самимъ ихъ духовнымъ родоначальникомъ. Курбскій принадлежалъ къ поколѣнію, которое выросло вмѣстѣ съ Грознымъ и начало дѣйствовать около половины XVI вѣка. Его вниманіе поглощено политическими явленіями и лишь мимоходомъ, кстати задѣваетъ порой священнической чинъ, прежде всего, разумѣется, тѣхъ же «мниховъ многостяжательныхъ». При неодинаковости настроенія не слѣдуетъ забывать и разницу положенія, въ какомъ находились оба писателя. Курбскій и публицисты его времени и лагеря прежде всего были недовольны ходомъ управленія, отсутствіемъ правды въ судахъ, жестокостью правителей, ихъ пренебреженіемъ къ управляемымъ и къ общему благу. Въ этомъ они винили болѣе всего самихъ «державныхъ», которые «грѣхъ ради нашихъ вмѣсто кротости свирѣпѣе звѣрей кровоядцевъ обрѣтаются». Никакими риторскими языками не надѣялись они изобразить всю настоящую бѣду отъ «нерадѣнія державы» и другихъ пороковъ правительства, яркими чертами рисовали бѣдственное состояніе всѣхъ классовъ общества кромѣ духовенства. Воинскій чинъ, дворянство, хуже нищихъ, лишень не только ратныхъ коней и надлежащаго вооруженія, но и дневной пищи; убожество его превосходитъ всякое описаніе. Купцы и крестьяне—кто не видитъ, какъ они страдаютъ отъ безмѣрныхъ налоговъ и немилостивыхъ приставовъ: вотъ одну дань съ нихъ уже взяли, другую берутъ, за третьей посылаютъ, о четвертой уже подумываютъ. Люди отъ всѣхъ этихъ мукъ бѣгутъ изъ отечества и пропадаютъ безъ вѣсти, собственныхъ дѣтей отдаютъ въ вѣчное холопство, сами на себя накладываютъ руки, давятся, топятся: горе заглушаетъ въ нихъ лучшіе инстинкты человѣческой природы, «естественное ихъ бытство». Недовольные наблюдатели указываютъ на зло еще

болѣе глубокое, происходящее отъ того же государственнаго нестроенія, на социальную рознь, взаимную вражду общественныхъ классовъ: древній лукавый змій, строя козни нашей землѣ, высихъ поставилъ внизу, «чины чипомъ обидники сотвори», заставилъ единовѣрныхъ братій съѣдать одинъ другаго вмѣсто хлѣба. Обличителямъ чужалось, что все это не кончится добромъ, и они съ сомнѣніемъ взирали на будущее своего отечества. Ни съ кѣмъ у насъ мира нѣтъ, съ грустью говорилъ въ 1524 году опальный Берсень, высказывая въ бесѣдѣ съ Максимомъ Грекомъ свои опасенія за прочность, за долгое стояніе родной земли: все намъ недруги, отовсюду брани, а все за наше нестроеніе. На Бога только и осталась надежда, заключалъ онъ, не чая никакого добра отъ правительства. Курбскому вся Русская земля кажется объятой словно страшнымъ пожаромъ, и онъ грозитъ властямъ близкою катастрофою: «горе грабящимъ и кровь проливающимъ и милости и суда не имущимъ во властехъ своихъ, занеже день отмщенія близъ есть!» Онъ даже предвѣщаетъ царю близкій конецъ его династіи ¹⁾. Апокрифическая *Бесѣда* валаамскихъ чудотворцевъ вмѣстѣ съ появившимся до нея такимъ же апокрифическимъ *Пророчествомъ* Исаи также предвидитъ междоусобную брань и великія смятенія въ царствѣ, заустѣніе селъ и городовъ, безлюдіе земли, быструю смѣну царей «за ихъ царскую простоту, иноческіе грѣхи и мірское невоздержаніе», за «небреженіе и неразсуженіе царей и великихъ князей»: тогда праздники превратятся въ плачь и игрища въ слезное рыданіе; тогда заустѣютъ церкви и при дверяхъ ихъ не сядетъ убогій, потому что не будетъ молящихся; тогда

1) Скорби о бѣдствіяхъ, обрушившихся на Россію по винѣ цари, кн. Курбскій въ посланіи 1579 г. напоминаетъ ему гибель Саула съ его царскимъ домомъ и продолжаетъ: „Не губи себя и дому твоего!... кровью христіанскими оплывающіи исчезнутъ вскорѣ со всѣмъ домомъ“. Сказ. кн. Курбскаго, 249.

заплачетъ земля о людской погибели, точно дѣвица красная, и на ея плачь отзовутся слезами и море и рѣки и бездна преисподняя и сами ангелы. Трудно рѣшить, въ какой мѣрѣ говорило здѣсь разгоряченное тревогами времени воображеніе писателей и въ какой предчувствовали они дѣйствительно скоро наступившія бѣдствія, очень похожія на тѣ, какія рисовались въ ихъ живомъ воображеніи, гибель династїи, частую смѣну новыхъ царей, возстаніе одного класса общества на другой, разруху государства. Во всякомъ случаѣ у этихъ публицистовъ много земской скорби, патріотическаго сокрушенія о бѣдствїяхъ родной земли, которую они повидимому такъ горячо любили. Но изъ-подъ этой скорби иногда какъ будто невзначай прорвется фраза горькой досады на эту землю, которая давала такъ мало мѣста ихъ завѣтнымъ идеаламъ. Подобно позднѣйшимъ старообрядцамъ они иногда готовы были умиляться, какъ это дѣлаетъ князь Курбскій въ одномъ изъ своихъ посланій, превосходно написанномъ, картиной благочестія, цвѣтущаго во «всей землѣ нашей Русской отъ края и до края», обилїемъ и благолѣпїемъ Божїихъ храмовъ и монастырей, возможностью читать на родномъ языкѣ слово Божїе ветхое и новое. Но они тотчасъ же старались оттѣнить эту картину изображеніемъ того, какъ неблагоприятные современники, правители и управляемые, искажали это благочестіе. Набожные патріоты не забывали замѣтить при этомъ кстатї, что такое обиліе благодатныхъ даровъ испослано странѣ совершенно незаслуженно, что «мы убогіе, мало извѣстные древнимъ народамъ, заброшенные въ уголь вселенной, благодатїю Христовою не отъ дѣль призваны, не отъ добродѣтелей познаны», а такъ, даромъ, ни за что попали въ царство благодати. Можетъ-быть, они и любили ее, эту землю убогихъ людей, но только развѣ какъ географическое понятїе и много-много въ ея историческомъ прошломъ: современная дѣйствительность только огорчала ихъ, а эти убогіе

заброшенные люди возбуждали въ нихъ плохо скрываемое пренебреженіе. Курбскій называетъ свое покинутое имъ отечество «Святорусской землей», говоря о царѣ, ея губителѣ. Но когда пришлось ему рассказывать о своей братіи, о молодыхъ Лыковыхъ, которые попали въ плѣнъ къ польскому королю, по его повелѣнію, «яко сущаго святаго христіанскаго», обучены были шляхетскимъ наукамъ и языку римскому и потомъ по просьбѣ московскихъ пословъ возвращены были въ отечество, то эта Святорусская земля тотчасъ превратилась у него въ отечество «воистину неблагодарное и недостойное ученыхъ мужей, въ землю лютыхъ варваровъ». По его же разсказу, и цесарскій посолъ Герберштейнъ, пріѣзжавшій въ Москву для заключенія союза противъ поганыхъ Турокъ, не успѣлъ въ своемъ дѣлѣ «въ варварскихъ языцѣхъ глубокихъ ради ихъ и жестокихъ обычаевъ».

Но если эти даровитые и много думавшіе люди были плохіе патріоты, то положеніе и обстоятельства заставляли ихъ быть заботливыми и предусмотрительными политиками. Въ объединенной московской Руси тогда устанавливались государственный порядокъ и общественныя отношенія. Боярство должно было подумать о надежномъ обезпеченіи своего положенія и своихъ интересовъ; оно могло ихъ обезпечить теперь или никогда. Въ его литературныхъ представителяхъ, такъ внимательно слѣдившихъ за явленіями времени, накопилось такое количество пессимизма, они такъ много отрицали въ существовавшемъ порядкѣ и съ такою силой, что у нихъ можно предполагать ясный, продуманный политическій идеалъ, который они желали бы поставить на мѣсто огорчавшей ихъ дѣйствительности. По ихъ литературнымъ трудамъ видно, что они много думали и говорили о томъ, какъ «государю устроить землю свою». Они дѣйствительно высказывали свой планъ земскаго устройства, свою политическую программу.

Правда, это все лишь общія мысли, главныя основанія, что объясняется свойствомъ памятниковъ, въ которыхъ встрѣчаемъ разсѣянныя черты этого плана. Прежде всего люди боярской оппозиціи большіе консерваторы, неохотники до нововведеній, особенно такихъ, въ которыхъ винили великихъ княгинь иноземокъ: «лучше старыхъ обычаевъ держаться, говорилъ Берсень Максиму Греку, людей жаловать и старыхъ почитать». Они потому и сомнѣвались, долго ли простоить Русская земля, что видѣли въ ея государяхъ склонность «перемѣнять старые обычаи». Потомъ само собою предполагалось, что государи должны править землей, «всякія дѣла милосердно дѣлать со своими пріятелями, князи и бояры и съ прочими великородными и праведными людьми мірскими». Это до такой степени предполагалось само собою, что публицисты не считали нужнымъ доказывать это, какъ порядокъ естественный и неизбѣжный. Точно также предполагалось, что во главѣ такого управленія, какъ руководитель его великородныхъ и праведныхъ орудій, долженъ стоять царь съ своимъ совѣтомъ: «царю, замѣчаетъ валаамская *Беспда*, достоинъ не простовати, со совѣтники совѣтъ совѣщавати о всякомъ дѣлѣ, съ бояры о всемъ совѣтовати, крѣпко-накрѣпко думати». Одинъ авторитетъ выше думы государевыхъ совѣтниковъ — Слово Божіе: «а святымъ божественнымъ книгамъ, продолжаетъ *Беспда*, достоинъ царю всѣхъ свыше совѣтовъ внимати и почасту ихъ прочитати». Но политическій порядокъ, согласный съ Словомъ Божіимъ, у Курбскаго таковъ: «самому царю достоинъ быти яко главѣ и любити мудрыхъ совѣтниковъ своихъ яко свои уды». Люди антимонашескаго, вассіановскаго направленія были противниками воинственнаго задора во внѣшней политикѣ, какъ Берсень скорбѣлъ о томъ, что ни съ кѣмъ у насъ мира нѣтъ, ни съ Литвой, ни съ Крымомъ, ни съ Казанью. Пусть укрѣпляются города избранными воеводами и могучими воинами,

пусть царство соединяется «во благоденство» и распространяется отъ Москвы «сѣмо и овамо, всюду и всюду». Но цари должны держать свою область «не своею царскою храбростью, а царскою премудрою мудростью», не думая приобрѣсти суетную славу «бранью и мужествомъ храбрости своея»: только невѣрные «тщатся на ратехъ на убійство и на всякую злобу своими храбростями и тѣмъ хвалятся». Можетъ-быть даже мысль о земскихъ тяглыхъ людяхъ, такъ страдавшихъ отъ войнъ, была не безъ участія въ этихъ мирныхъ наклонностяхъ. Публицисты въ своихъ планахъ земскаго строенія не забывали положенія этихъ людей. Они возставали противъ жестокости правительства съ управляемыми, противъ его равнодушія къ ихъ благосостоянію: «а царемъ и княземъ, поучаетъ валаамская *Бесѣда*, достоинъ изъ міру всякіе доходы съ пощадою собирать и всякія дѣла милосердно дѣлать». Въ ихъ политическихъ воззрѣніяхъ не замѣтно узкаго сословнаго эгоизма. Совсѣмъ напротивъ: они не только задумывались надъ положеніемъ и нуждами простаго земскаго люда, но готовы были дѣлиться съ нимъ даже правительственною властью. Доказывая Св. Писаніемъ, какими бѣдствіями караетъ Богъ царей за «непослушаніе сиклитскаго совѣта», Курбскій въ слѣдъ за тѣмъ выражаетъ такое возвышенное политическое положеніе: «Царь, аще и почтенъ царствомъ, а дарованій которыхъ отъ Бога не получилъ, долженъ исгати добраго и полезнаго совѣта не токмо у совѣтниковъ, но и у *все-народныхъ челоувкъ*, понеже даръ духа дается не по богатству виѣшнему и по силѣ царства, но по правости душевной». Итакъ надменный родословный бояринъ призналъ и одобрилъ политическое явленіе XVI вѣка, которое, казалось, своимъ демократизмомъ должно было претить боярству, земскій совѣтъ или соборъ «всѣхъ чиновъ государства». Еслибы доказано было, что публицистъ боярскаго направленія, съ такимъ одушевленіемъ и талантомъ соста-

вившій валаамскую *Бесѣду*, писалъ до 1550 года, когда созванъ былъ первый такой соборъ, высокій историческій интересъ получили бы его слова о земскомъ совѣтѣ, и можно было бы думать, что самая мысль объ этомъ учрежденіи вышла изъ круга людей, къ которому по своимъ взглядамъ принадлежали князь Василій Патрикѣевъ, въ иночествѣ Вассіанъ, и потомъ князь А. Курбскій. Во всякомъ случаѣ эти люди не желали, чтобы боярству принадлежала монополія власти, и ихъ планъ земскаго совѣта шелъ даже дальше дѣйствительности: они хотѣли, чтобъ этотъ совѣтъ былъ постояннымъ собраніемъ, ежегодно обновляемымъ новыми выборами, а не созывался только въ особыхъ экстренныхъ случаяхъ. Публицистъ совѣтуетъ духовнымъ властямъ благословить царей и великихъ князей «на такое дѣло благое—на единомысленный вселенскій совѣтъ и съ радостію царю воздвигнути и отъ всѣхъ градовъ своихъ и отъ уѣздовъ градовъ тѣхъ, безъ величества и безъ высокоумныя гордости, съ хриstopодобною смиренною мудростію, безпрестанно всегда держати погодно при себѣ ото всякихъ мѣръ (чиновъ) всякихъ людей и на всякъ день ихъ добрѣ и добрѣ распросити царю самому про всякое дѣло міра». Пользуясь указаніями этихъ совѣтныхъ людей и постоянно имѣя при себѣ «разумныхъ мужей и добрыхъ, надежныхъ приближенныхъ воеводъ (думу)», царь самъ узнаетъ все, касающееся правленія, и будетъ въ состояніи удержать подчиненныя власти, воеводъ и приказныхъ людей, отъ взятокъ и всякой неправды, «и объявлено будетъ тѣми людьми всякое дѣло предъ царемъ, да правдою тою держится во благоденствѣ царство его»¹⁾.

¹⁾ Сказанія кн. Курбскаго, въ разныхъ мѣстахъ. Его же три посланія въ Правосл. Собесѣдн. 1863 г., ч. 2. Полемич. сочиненія Васс. Патрикѣева тамъ же, ч. 3. Его же преніе съ митр. Даніиломъ въ Чтен. Общ. Ист. и Др. Р. 1847 г. № 9. Отрывокъ слѣдств. дѣла о Ив. Берсенѣ въ Акт. Арх.

Можно признать возвышенными все эти политическія воззрѣнія; но въ нихъ одно неожиданно. Бояре, эти «разумные мужи и добрые, надежные воеводы», постоянно находились при царѣ и правили вмѣстѣ съ нимъ. Своимъ участіемъ въ управленіи они готовы были дѣлиться съ другими классами общества. Для ихъ литературныхъ представителей правительственное значеніе боярства было не столько политической мечтой, сколько естественнымъ историческимъ фактомъ; но они не могли не знать, что это фактъ не безспорный и далеко не обезпеченный достаточно. Они ненавидѣли «русскихъ писарей», дьяковъ, людей изъ поповичей или простаго всенародства, по выраженію Курбскаго, за то, что они не безъ успѣха оспаривали у боярства его правительственное вліяніе. Эти публицисты жестоко нападали на осифлянское монашество, которое еще успѣшнѣе оспаривало у бояръ монополію крупнаго привилегированнаго землевладѣнія и которому они приписывали всякія абсолютистскія «шептанія» царямъ, совѣты править не такъ, какъ они правили доселѣ. Между боярами ходилъ рассказъ о совѣтѣ, какой далъ царю въ 1553 году бывшій епископъ Вассіанъ въ отвѣтъ на его вопросъ, какъ ему царствовать: «если хочешь быть самодержцемъ, не держи совѣтниковъ умнѣе себя, потому что ты всехъ лучше, и тогда будешь твердъ на царствѣ». Пусть это была политическая легенда и пусть Курбскій называлъ совѣтъ Вассіана силлогизмомъ сатанинскимъ: однако, значитъ, уже существовала мысль о возможности обойтись безъ бояръ въ управленіи; по крайней мѣрѣ сами бояре такъ толковали

Эксп. I, № 172. Выдержки изъ Бесѣды валаамскихъ чудотворцевъ приведены по списку въ рукоп. Солов. библиот. № 609 (позднѣйшая передѣлка ея по неисправному списку напечатана въ Чтен. Общ. Ист. и Др. Р. 1859 г. кн. 3). Мѣсто о земскомъ соборѣ приведено по другому списку той же библиот. въ статьѣ А. С. Павлова въ Правосл. Собес. 1863 г., ч. 1, стр. 304.

это сказаніе. Но въ изложенныхъ взглядахъ писателей боярскаго направленія заключалась повидимому вся политическая программа боярства. Она шла немного дальше дѣйствительности, немного новаго прибавляла къ тому, чѣмъ уже владѣло боярство, и не предлагала никакихъ средствъ обезпеченія того, чѣмъ оно обладало, отъ произвола сверху или притязаній снизу. Помысла объ этомъ не замѣтно у публицистовъ XVI вѣка. Ихъ мысль не попадала даже въ кругъ тѣхъ политическихъ отношеній, которыя такъ просто и ясно понимали Псковичи. «У насъ, говорили они московскому послу на вѣчѣ въ 1510 году, съ великими князьями крестное цѣлованіе положено: намъ не отойти отъ своего государя ни въ Литву, ни къ Нѣмцамъ, а ему насъ держать по старинѣ въ добровольи; нарушимъ мы крестное цѣлованье — на насъ гнѣвъ Божій, гладь и огонь и потопъ и нашествіе поганыхъ, а нарушить его государь нашъ — на него тотъ же обѣтъ, что и на насъ». Московскіе публицисты ограничивались простымъ указаніемъ нормальнаго порядка политическихъ отношеній, какъ будто этотъ ихъ порядокъ ни съ какой стороны не подвергался спору, какъ будто никому не приходили въ голову ни сатанинскіе силлогизмы, ни помыслы о томъ, нельзя ли изъ камней создать чадъ Аврааму.

То же самое встрѣчаемъ, переходя отъ политическихъ идей боярства къ его политической практикѣ въ XVI вѣкѣ. Дума, гдѣ сидѣли вожди его, давала властные отвѣты на текущіе вопросы законодательства. Наблюдатель, знакомый съ тактикой господствующихъ классовъ въ другихъ странахъ и въ другія времена, поразится недостаткомъ политической предусмотрительности или излишкомъ политической безпечности въ московскомъ боярствѣ XVI вѣка. Впродолженіе большей части этого вѣка оно занимало выгодное положеніе въ государствѣ; но не видно, чтобъ оно чувствовало потребность оградить выгоды этого положенія рядомъ за-

коновъ и учрежденій отъ случайностей, которыя предвидѣли его же литературные представители. Оно не пытается сдѣлать это даже тамъ, гдѣ повидимому стоило ступить лишь одинъ шагъ впередъ, чтобы закрѣпить выгодные факты обычными предосторожностями права. Въ этомъ отношеніи, рассматривая дѣятельность боярства издали, гдѣ становятся неуловимы мелкія условія, ежедневно на нее вліявшія, наблюдатель найдетъ въ ней много важныхъ недосмотровъ, которые покажутся ему устранимыми. Съ особенною любовію бояре разработывали свое мѣстничество. Это понятно: оно имѣло для боярства большую политическую цѣну, какъ средство охраны его служебныхъ и правительственныхъ преимуществъ, и можно сказать, что во весь XVI вѣкъ это было единственное надежное и признанное средство. Но казалось бы, что бояре должны были дорожить имъ лишь настолько, насколько оно ограждало выгоды ихъ положенія, и что они будутъ развивать ту его сторону, которая дѣлала его такимъ охранительнымъ средствомъ. Случилось напротивъ: съ этой именно стороны въ немъ оставались существенныя пробѣлы, хотя въ XVI вѣкѣ оно уже успѣло сложиться въ стройную, законченную систему отношеній служилыхъ лицъ и фамилій. Сословное оборонительное значеніе этой системы держалось на ея связи съ управленіемъ, гдѣ лица согласно съ ней размѣщались по должностямъ. Въ XVI вѣкѣ еще очень много значилъ въ управленіи чинъ: отъ него зависѣли прежде всего должность, занимаемая лицомъ, потомъ размѣръ помѣстнаго и денежнаго оклада жалованья. Мѣстничество не установило постояннаго и точнаго отношенія породы къ службѣ, іерархіи родословной къ іерархіи чина и должности. Чинъ не вводился, какъ необходимый коэффициентъ, въ систему мѣстническихъ счетовъ. Вторымъ воеводой полка не назначали боярина, когда первымъ былъ окольничій, хотя бы послѣдній былъ родовитѣе перваго;

но и болѣе родовитый окольнічій, даже кравчій, не согласился бы стать ниже менѣе родовитаго боярина только потому, что онъ выше чиномъ. Чинъ для родовитаго челоуѣка былъ вопросомъ времени, а не генеалогіи. Іерархія чиновъ въ значительной степени зависѣла отъ іерархіи породы; но послѣдняя очень мало зависѣла отъ первой. Родовитому челоуѣку «скажутъ» высокій чинъ, когда онъ достигнетъ приличныхъ лѣтъ; но высокій чинъ, сказанный неродовитому челоуѣку, не дѣлалъ его родовитымъ, потому что «отечество» есть наслѣдіе отцовъ, а отцы не дѣлались выше отъ чиновнаго возвышенія потомка. Вотъ почему родные неродовитой царицы, пожалованные въ бояре, не ходили въ думу, по свидѣтельству Котошихина: имъ негдѣ было сѣсть тамъ; ниже другихъ бояръ «сидѣть сгядно, а выше не умѣть, потому что породю не высоки». Родословная знать не раздвигалась, когда къ ней приходили новые люди. Съ ними поступали такъ же, какъ поступаютъ въ плотно застроенной деревнѣ съ новымъ поселенцемъ: ставъ избу на концѣ порядка, а въ срединѣ негдѣ. Противъ такихъ вторженій со стороны, противъ «заѣздовъ» и была направлена своеобразная московская форма мѣстничества: оно выработалось среди продолжительнаго прилива знатныхъ слугъ въ Москву, которые то-и-дѣло разрывали ряды боярства, становясь въ нихъ по личному уговору съ княземъ. Но въ мѣстническихъ дѣлахъ выражалась смутная, перѣшительная мысль о томъ, что у каждой фамиліи долженъ быть свой наслѣдственный рядъ чиновъ, выслуженный предками, «своя степень», опредѣляющая размѣръ доступной ея членамъ служебной чести. Легко видѣть, что было бы, еслибы въ XVII вѣкѣ установлена была строго связь чина съ знатностью. Боярскій классъ сталъ разбиваться, а царь жаловалъ въ высшіе чины неродовитыхъ людей: іерархія породы при такой связи съ чиномъ подверглась бы всѣмъ случайностямъ удачи, личнаго служебнаго успѣха.

Напротивъ, въ XVI вѣкѣ, когда порода и служба еще не разошлись далеко и боярство представляло сплоченный классъ, эта связь оставила бы въ самой іерархіи чиновъ такъ же мало мѣста личной удачѣ, какъ его мало было въ іерархіи породы. То, что при царѣ Алексѣѣ посредствомъ высокихъ чиновъ надѣлало бы множество новой родословной знати изъ худыхъ людей, при царѣ Иванѣ не допустило бы худороднаго до высокихъ чиновъ, которые стали бы достояніемъ одной старой родословной знати. Точно также не существовало точнаго и постояннаго отношенія породы къ правительственной должности. Должность сама по себѣ ничего не значила въ мѣстническомъ счетѣ, и родословный человѣкъ былъ къ ней равнодушенъ; онъ ревниво смотрѣлъ только на свои отношенія къ другимъ по должности. И. В. Годуновъ, троюродный братъ знаменитаго Бориса, не согласился бы пойти въ походъ вторымъ воеводой большого полка, когда первымъ въ лѣвой рукѣ назначили бы Панкратья Самтыкова, потому что послѣдній постъ однимъ мѣстомъ выше втораго воеводы большого полка, а Годуновъ самъ былъ выше Панкратья однимъ мѣстомъ. Но Годуновъ ничего не имѣлъ бы противъ своего низведенія на нѣсколько ступеней полковой іерархіи, согласился бы стать и третьимъ воеводой большого полка, лишь бы Панкратій стоялъ ступенью ниже его, да остальные воеводы были подходящіе по своему отечеству. Боярство какъ будто не чувствовало опасности, какую грозилъ ему этотъ недостатокъ связи мѣстническаго порядка съ тогдашнею табелью должностей и ранговъ. Пока хранились еще свѣжія преданія удѣльной старины, а кругъ неродовитыхъ дѣльцовъ не успѣлъ сложиться, высшіе чины и должности принадлежали родословной знати. Но когда эти преданія стали выдыхаться, а этотъ кругъ «въ службу поспѣлъ», очистилась дорога и къ чиновному возвышенію недоровитаго новика: царь, жалуетъ его въ окольнічіе и даже

въ бояре, не оскорблялъ генеалогической гордости знати, не спутывалъ ея затверженныхъ мѣстныхъ вычисленій, потому что чинъ не вводилъ пожалованнаго въ родословную знать. Между тѣмъ по чину новикъ получалъ и высокій помѣстный и денежный окладъ, и высокую должность, никого не задѣвая, не сталкиваясь съ родословнымъ чело-вѣкомъ. Для этого старались увеличивать количество та-кихъ должностей, которымъ другъ до друга «дѣла не было» или которымъ приказывали «быть безъ мѣсть», не счи-таться старшинствомъ. Царь прикажетъ и приказъ прове-детъ черезъ думу, чтобы воеводы сторожеваго и лѣваго полковъ были всегда безъ мѣсть. Согласно съ тѣмъ въ сторожевой полкъ вторымъ назначать дѣльца Д. Ѳ. Карпова, а въ низшій лѣвый вторымъ же болѣе родовитаго князя А. П. Охлябинина. Послѣдній по старой привычкѣ забыть челомъ объ отечествѣ, что «ему въ лѣвой рукѣ въ дру-гихъ для Карпова быти не мочно». На это изъ Москвы ему шлютъ выговоръ отъ царя: «не дуруй! вѣдаемъ мы своихъ холопей, на свою службу посылаемъ, гдѣ кому пригоже быти; а тѣ полки давно приговорены посылати безъ мѣсть». Благодаря этому, пока родовитые бояре учитывали другъ друга предками, занимались своей ариеме-тикой прошедшаго, изъ ихъ рукъ незамѣтно стала усколь-зать власть надъ настоящимъ. Въ XVII вѣкѣ іерархія породы расходится все дальше съ іерархіей чиновъ; послѣд-няя становится все болѣе дѣйствительной административною силой, а первая, какъ миеологическій символъ, потерявшій житейское значеніе, превращается въ парадъ, въ археоло-гическое обремененіе придворнаго церемоніала. Въ 1579 году бояре и воеводы московской арміи, перессорившись изъ-за мѣсть, замыслили и не пошли на непріятельскій городъ по наказу. Царь, «кручинясь», прислалъ дьяка и дворянина, приказавъ имъ промышлять своимъ дѣломъ мимо воеводъ, а воеводамъ быть съ ними. Этотъ случай —

предзнаменованіе, наглядное изображеніе послѣдующей судьбы боярства: пока бояре, не дѣлая дѣла, спорили о мѣстахъ, царь прислалъ дьяка да простаго дворянина съ приказомъ дѣлать дѣло мимо ихъ, хотя и при нихъ.

Ту же безпечность или непредусмотрительность можно замѣтить и въ дѣятельности боярской думы, точнѣе, въ порядкѣ ея дѣлопроизводства. Отъ удѣльнаго времени дума наслѣдовала порядокъ законодательства по докладу снизу. Тогда управитель отдѣльнаго вѣдомства докладывалъ князю дѣло, котораго самому почему-либо «вершить было не мочно», и тотъ рѣшалъ его съ боярами. Такимъ путемъ, разрѣшеніемъ частныхъ случаевъ, административныхъ затрудненій, перенесенныхъ къ князю снизу, преимущественно и создавался правительственный и общественный порядокъ въ княжествѣ удѣльнаго времени. Этотъ путь оставался обычнымъ и теперь и былъ даже утвержденъ Судебникомъ 1550 года, по которому новые вопросы, не предусмотрѣнные закономъ, разрѣшаются «съ государева доклада и со всѣхъ боярь приговору», то-есть возбуждаются докладомъ на государево имя изъ того или другаго вѣдомства. Иногда въ особо важныхъ дѣлахъ починъ идетъ сверху, отъ самого царя. Такъ въ 1553 году, уѣзжая изъ Москвы, царь велѣлъ боярамъ въ свое отсутствіе «сидѣть о кормленіяхъ»; этотъ вопросъ разрѣшился введеніемъ извѣстныхъ земскихъ учреждений XVI вѣка. Любопытное положеніе создавалось для думнаго боярства такимъ порядкомъ законодательства. Виродолженіе XVI вѣка дума стоитъ среди потока дѣлъ самаго важнаго, учредительнаго свойства: кладутся или закрѣпляются основы государственнаго порядка, возникаютъ или устрояются раньше возникшія учрежденія, которыя становятся самыми дѣятельными колесами правительственной машины, на цѣлые вѣка опредѣляются положеніе и взаимныя отношенія классовъ общества. Всѣ эти важныя дѣла проходятъ черезъ думу, ею разсматриваются и разрѣшаютъ

ся. Но не она возбуждает вопросы о нихъ; боярскаго почина во всемъ этомъ не замѣтно. Все это идетъ откуда-то сверху или снизу; бояре только слушаютъ да приговариваютъ и приговариваютъ большею частію обдуманно, въ интересъ земскаго блага, какъ его тогда понимали. Привычки или желанія самимъ возбуждать законодательные вопросы, не дожидаясь, пока ихъ доложитъ начальникъ какого-нибудь приказа или самъ царь прикажетъ сидѣть о нихъ, — этого не обнаруживаетъ дума. Между тѣмъ у боярства, въ ней сидѣвшаго, было много интересовъ, не обеспеченныхъ закономъ, много вопросовъ еще не разрешенныхъ, до которыхъ было мало дѣла отдѣльнымъ приказнымъ докладчикамъ.

Наконецъ можно отмѣтить въ старинной московской администраціи одну мелкую черту, которая обнаруживаетъ въ высшемъ служиломъ классѣ изысканную брезгливость политическаго вкуса. Въ московскомъ областномъ управленіи не было другой должности, которая имѣла бы такой земскій авторитетъ и такое широкое вліяніе на общество, какъ должность губнаго старосты. Она одна замѣщалась всесловными выборами, одна соединяла все классы мѣстнаго общества, разобщенные пренебреженіемъ высшихъ къ низшимъ и сословнымъ раздѣленіемъ государственныхъ повинностей. Поддерживаемый довѣріемъ и порукой всего мѣстнаго общества, вооруженный орудіями пытки, губной староста имѣлъ властный цензорскій надзоръ надъ жизнью обывателей уѣзда; посредствомъ предварительнаго обыска или опроса о лихихъ людяхъ, для котораго онъ созывалъ къ себѣ представителей уѣздныхъ общественныхъ міровъ, послѣдніе становились отвѣтственными передъ нимъ за полицейскій порядокъ и безопасность въ своихъ предѣлахъ. Высшее боярство могло брезговать уголовно-полицейскою неопрятностью этой должности и скучать ея безпокойною хлопотливостью; но низшему боярскому слою, терпѣвшему постоянныя «по-

терьки» въ столичномъ служебномъ мѣрѣ и все болѣе погружавшемуся въ провинціальное дворянство, эта должность открывала удобный путь къ пріобрѣтенію вліянія на провинціальное общество, не только дворянское, но и тяглое. Однако не видно, чтобы люди этого класса, давашіе взятки дьякамъ Разряднаго приказа, чтобы ихъ пустили въ уѣздъ на воеводство покориться, особенно добивались должности губнаго старосты, и не слышно жалобъ на происки кандидатовъ, искавшихъ этой должности на выборахъ. Напротивъ, въ XVII вѣкѣ люди съ очень скромною родословной обнаруживаютъ большое пренебреженіе къ этой должности. Въ 1634 и 1635 годахъ шла мѣстническая тяжба князя В. Вяземскаго съ Мирономъ Вельяминовымъ изъ рода Зерновыхъ, далеко не цвѣтущей вѣтви одного корня съ Сабуровыми и Годуновыми. Оба соперника принадлежали къ тому слою служилаго класса, который вершиной своей соприкасался съ настоящимъ боярствомъ, а низомъ уходилъ въ провинціальное, городовое дворянство; въ боярской книгѣ 1627 года обоихъ находимъ въ чинѣ такъ-называвшихся «дворянъ московскихъ». Князь Вяземскій упрекалъ Вельяминова, что его роду многіе бывали въ губныхъ старостахъ и на другихъ подобныхъ должностяхъ, а въ губныхъ старостахъ «всегда бываютъ изъ обышнихъ молодыхъ людей», неродословныхъ. Вельяминовъ, соглашаясь, что родословному челоуѣку быть губнымъ старостой безчестье, возражалъ, что у него въ роду никто въ такомъ безчестьи не бывалъ ¹⁾.

Итакъ напряженіе политической мысли, замѣтное въ боярской средѣ по ея литературнымъ представителямъ, не привело въ XVI вѣкѣ къ разработанію въ подробностяхъ

¹⁾ Царств. книга, стр. 337. Русск. Ист. Сборн. Общ. Ист. и Др. Росс., V, 37: издатель по недосмотру отнесъ дѣло къ 1631 году.

плану государственнаго устройства, въ которомъ были бы полно и послѣдовательно выражены и надежно обеспечены политическія притязанія класса. Боярство какъ будто не понимало возможности или надобности этого. Въ его рукахъ была власть; но и въ его правительственной практикѣ не замѣтно сословнаго направленія, стремленія законодательнымъ путемъ провести и упрочить свои политическія права. Московскій государственный порядокъ, казалось, строился боярскими руками, но не во имя боярскихъ интересовъ. Боярство XVI вѣка является какой-то аристократіей безъ вкуса къ власти, безъ умѣнья или охоты вліять на общество, знатю, которую больше занимали взаимные счеты и ссоры ея членовъ, чѣмъ отношенія къ государю и народу, какъ ея литературнымъ представителямъ лучше удавались политическія пророчества, чѣмъ политическіе планы.

ГЛАВА XV.

Состояніе народнаго хозяйства было главною причиною равнодушія боярства XVI в. къ расширенію и обезпеченію своихъ политическихъ правъ.

Это равнодушіе тѣсно связано съ общимъ вопросомъ о политической судьбѣ московской боярской аристократіи. Имѣя въ виду формы, въ какія облекались отношенія подданныхъ къ московскому государю, и припоминая, какъ смотрѣла масса народа на государя и боярство уже въ XVI в., особенно со времени боярскаго правленія въ малолѣтство Грознаго, наблюдатель готовъ сказать, что бояре того времени глубокого заблуждались, если думали такъ, какъ писали объ ихъ государственномъ значеніи ихъ литературные представители, если воображали себя «великими и сильными во Израили», видѣли въ себѣ настоящую поли-

тическую аристократію. Исторія поддерживаетъ это впечатлѣніе, собрушивъ безъ особеннаго труда аристократическія притязанія боярства и разбивъ его родословный и брезгливый къ худороднымъ кругъ по разнымъ слоямъ простаго дворянства.

Почему въ самомъ дѣлѣ политическое значеніе этого боярства было такъ скоротечно и отчего Московское государство не вышло аристократическимъ? Казалось бы, весь аппаратъ аристократическаго порядка былъ уже готовъ, когда это государство устроилось: родовитыхъ фамилій съ титуломъ и безъ титула накопилось въ Москвѣ даже больше, чѣмъ сколько было нужно; между ними уже установился извѣстный іерархическій распорядокъ, признанный самимъ государемъ; въ средѣ ихъ не было недостатка ни въ правительственныхъ преданіяхъ, ни въ привычкѣ къ власти; наконецъ, имъ была открыта обширная практика власти, потому что московскій государь преимущественно изъ нихъ набиралъ личный составъ высшаго управленія, военнаго и гражданскаго.

Когда задаемъ себѣ этотъ вопросъ, то прежде всего приходятъ на мысль соображенія, которыя не даютъ на него прямого отвѣта, хотя, какъ говорится, и освѣщаютъ предметъ съ той или другой стороны. Легко, во-первыхъ, замѣтить, что многочисленное и блестящее боярство Москвы явилось довольно случайно, составилось довольно искусственно и частію даже насильственно: вѣдь Москва не имѣла бы такого боярства, еслибъ ею не было совершено такого успѣшнаго и повальнаго упраздненія самостоятельныхъ мѣстныхъ правительствъ, существовавшихъ на Руси. Такимъ образомъ политическая сила, ограничивавшая власть московскаго государя, создана была успѣхами этой же самой власти. Но башмачникъ изъ Пуату, попавшій въ армію Вильгельма Завоевателя и уцѣлѣвшій при Гастингсѣ, еще случайнѣе водворился въ Англіи; это однако не помѣшало его

потому съ большою настойчивостью пользоваться политическими правами англійскаго джентльмена. Почему Рюриковичъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ принцъ крови, изъ великаго или удѣльнаго князя превратившись въ московскаго боярина, не имѣлъ политической судьбы англійскаго барона? Развивая ту же самую мысль, можно отмѣтить и другую особенность московскаго боярства. Въ западной Европѣ аристократіи обыкновенно создавались изъ верхняго слоя общества завоевателей, а въ Московскомъ государствѣ цвѣтъ боярства составилъ изъ людей, которые или предки которыхъ подверглись завоеванію, вооруженному или дипломатическому, изъ князей, сведенныхъ съ своихъ престоловъ или успѣвшихъ сойти съ нихъ, не дожидаясь, пока ихъ сведутъ. Въ Москвѣ именно оттого и явилось слишкомъ много знатныхъ, что тамъ собралось чрезчуръ много павшихъ и побѣжденныхъ. Но эта черта можетъ дать больше матеріала для назидательныхъ размышленій объ ироніи исторіи, чѣмъ для научнаго объясненія историческаго факта. Не больше даетъ въ этомъ отношеніи и то обстоятельство, что боярская знать не жила по своимъ вотчиннымъ усадьбамъ, какъ бароны жили по своимъ замкамъ, а тѣснилась въ столицѣ, подъ рукой у государя, которому такъ легко было достать, кого ему нужно было для расправы. Иностранцы, наблюдавшіе политическую жизнь Москвы XVI и XVII в., высказывали мысль, едвали внушенную имъ туземными политиками, бывшую скорѣе плодомъ ихъ собственныхъ соображеній, будто московскіе государи заставляли своихъ бояръ жить въ Москвѣ съ цѣлью лишить ихъ возможности составлять политическіе заговоры, которые они будто бы легко могли устроить въ своихъ деревняхъ, имѣя подъ рукой подвластныхъ и преданныхъ имъ людей ¹⁾. Извѣстно, что было много другихъ менѣе

¹⁾ Оларій въ 18 гл. 3 книги: „damit sie nicht, wenn sie auf ihren Gütern bey ihren Unterthanen wohneten, etwa eine Conspiration wider Ihr Zaar vornehmen möchten“.

макиавелевскихъ причинъ этого землевладѣльческаго абсентеизма московскихъ бояръ. Но отъ чего бы онъ ни происходилъ, указывая на него, не слѣдуетъ забывать, что прежняя изолированная жизнь князей по удѣламъ не спасла же ихъ отъ руки московскаго государя, не смотря на ихъ удѣльные полки. Гораздо важнѣе то, что московскому боярству, не смотря на его скученность въ Москвѣ, на жизнь вмѣстѣ, какъ-то не удавалось сомкнуться въ плотную и единостороннюю корпорацію, проникнуться сознаниемъ сословныхъ интересовъ и приобрести привычку дѣйствовать дружно во имя этихъ интересовъ. Бояре гораздо больше, кажется, думали о своихъ личныхъ и фамильныхъ счетахъ, чѣмъ о средствахъ упрочить свое политическое положеніе. Но этимъ соображеніемъ вопросъ только развивается, а не разрѣшается: когда спрашиваютъ, почему политическое положеніе боярства было такъ непрочно, почему этому классу не удалось расширить и обезпечить свое значеніе въ государствѣ, то прежде всего и желаютъ знать, почему онъ не успѣлъ сомкнуться въ такую корпорацію, проникнуться такимъ сознаниемъ и т. д.

Вопросъ этотъ слишкомъ сложенъ, чтобы на него можно было дать полный отвѣтъ, касаясь его мимоходомъ, по его связи съ судьбою изучаемаго правительственнаго учрежденія. Мы хотимъ только напомнить рядъ явленій, къ которымъ, по нашему мнѣнію, прежде всего слѣдуетъ обратиться, чтобы разрѣшить этотъ вопросъ. Явленія, о которыхъ рѣчь, очень далеки отъ сферы, гдѣ дѣйствовала боярская дума; но они оказали могущественное вліяніе на судьбу класса, представители котораго сидѣли въ этомъ учрежденіи, а чрезъ него подѣйствовали и на самое учрежденіе. Въ состояніи народнаго хозяйства прежде всего надобно искать объясненія равнодушія боярства къ мысли объ упроченіи своего положенія, о расширеніи и обезпеченіи своихъ политическихъ правъ. Политическое право общественнаго

класса само по себѣ конституціонная метафизика, доступная лишь досужему размышленію. Житейская практика понимаетъ и цѣнитъ его соразмѣрно съ житейскими выгодами, имъ обезпечиваемыми. Съ этой стороны оно чаще всего является не болѣе какъ оборонительнымъ оружіемъ, которое берутъ взамѣнъ наступательной силы, чтобъ упрочить ся завоеванія. До послѣднихъ лѣтъ XVI в. московское боярство не думаетъ объ этой метафизикѣ и плохо ее понимаетъ, потому что ему еще нечего было ограждать, оно еще не завоевало того, что стоило бы обезпечивать обычными политическими средствами.

Въ старой кievской Руси аристократическій складъ общества выразился между прочимъ въ безправномъ, близкомъ къ рабству положеніи крестьянина, взявшаго ссуду у землевладѣльца при поселеніи на его землѣ, и особенно въ суровомъ постановленіи, по которому такой должникъ въ случаѣ бѣгства отъ хозяина безъ расплаты превращался въ полного его холопа. Въ подобномъ близкомъ къ холопству положеніи является крестьянинъ на землѣ частнаго владѣльца и въ аристократическомъ Новгородѣ Великомъ по актамъ удѣльнаго времени. Но въ удѣльной суздальской Руси движеніе колонизаціи повидимому вывело крестьянина изъ такого кабальнаго состоянія. По актамъ XV вѣка видно, что здѣсь крестьянинъ-должникъ не только не превращался въ холопа за уходъ съ земли частнаго владѣльца безъ расплаты, но и послѣ ухода уплачивалъ свой долгъ съ разсрочкой и безъ процентовъ. Нужда въ рабочихъ рукахъ вмѣстѣ съ невозможностью удержать ихъ насильственными средствами при общемъ броженіи, несомнѣнно, всего болѣе содѣйствовала такой льготной перемѣнѣ въ юридическомъ положеніи крестьянъ. На этой зыбкой почвѣ вольнаго и подвижнаго крестьянскаго труда должно было созидаться частное землевладѣніе въ верхневолжской удѣльной Руси. Соединенными усиліями множества князей-хозяевъ,

дѣйствовавшихъ по своимъ удѣламъ въ одинаковомъ правленіи, хотя и безъ соглашенія, удалось установить по крайней мѣрѣ сносный порядокъ поземельныхъ отношеній, сдѣлавшій возможнымъ развитіе частнаго землевладѣнія. Средствами гражданскаго права, ссудами, льготами, частными ограниченіями крестьянскихъ переходовъ успѣли къ концу XV вѣка нѣсколько усадить крестьянъ по мѣстамъ. Въ то же время судебныя и податныя привилегіи, какими жаловали князья землевладѣльцевъ въ удѣльное время, давали вотчинникамъ важныя политическія средства устроить свое землевладѣльское хозяйство. Этимъ успѣхамъ въ завоеваніи крестьянскаго труда много, если не болѣе всего, помогало то обстоятельство, что движеніе колонизаціи на нѣкоторое время было задержано въ тѣсномъ междурѣчьи Оки и верхней Волги. Пока продолжалось насильственное скупленіе населенія въ этомъ краѣ, тяглый людъ поневолѣ дѣлался болѣе усидчивымъ, облегчая устроительную работу мѣстныхъ правительствъ и землевладѣльцевъ. Сохранились и нѣкоторые слѣды этихъ успѣховъ. Такъ съ половины XV в. замѣчается усиленное стремленіе землевладѣльцевъ путемъ законодательства установить прочный порядокъ въ своихъ поземельныхъ отношеніяхъ, становятся слышны съ ихъ стороны жалобы на беспорядочный переходъ и перевозъ крестьянъ, высказывается желаніе, чтобъ установлены были закономъ постоянные обязательные сроки для переходовъ и расчетовъ крестьянъ съ землевладѣльцами. Отвѣчая на эти стремленія землевладѣльцевъ, жалованныя грамоты князей и потомъ Судебникъ 1497 г. устанавливають однообразный срокъ, Юрьевъ день осенній. Извѣстіе Герберштейна о шестидневной крестьянской барщинѣ, какъ общемъ явленіи, и о жалкомъ положеніи крестьянъ не вполне точно; но самымъ преувеличеніемъ тягости ихъ положенія оно свидѣтельствуетъ, какую самоувѣренность пріобрѣталъ сѣверный русскій землевладѣлецъ и до какихъ значительныхъ

размѣровъ достигла къ началу XVI в. его вотчинная власть надъ крестьянами благодаря привилегіямъ. Это подтверждается и русскими свидѣтельствами того же времени. Васіанъ Косой въ своей полемикѣ противъ монастырскаго землевладѣнія горько жаловался на злоупотребленіе со стороны вотчинной монастырскаго администраціи правомъ или обычаемъ подвергать крестьянъ тѣлесному наказанію, преимущественно за недоимки. Противникъ его преп. Іосифъ, по разсказу его жизнеописателя, также уговаривалъ землевладѣльцевъ, сосѣдей своей обители, во имя ихъ собственныхъ интересовъ не обременять своихъ «тяжарей земодѣльниковъ» излишними работами и не разорять непосильными поборами.

Въ XVI в. въ положеніи сельскаго населенія обнаружился издавна подготовлявшійся переломъ, который грозилъ разрушить всѣ эти выгоды вотчинниковъ. Казалось, готова была разорваться съ такими усиліями сотканная вокругъ крестьянина паутина, привязывавшая его къ землевладѣльцу юридическими и экономическими нитями. Съ конца XIV в. началась важная по своимъ послѣдствіямъ перемѣна въ размѣщеніи массы великорусскаго населенія. Насильственное сгущеніе его въ междурѣчьи Оки и верхней Волги стало прекращаться. Съ одной стороны, открылись или облегчились для него пути на сѣверъ и сѣверо-востокъ благодаря ослабленію препятствій, которыя до тѣхъ поръ затрудняли его движеніе за Волгу. Съ другой стороны, стало слабѣть дѣйствіе обстоятельствъ, которыя столь же насильственно сгоняли населеніе въ это междурѣчье. Въ XVI в. не только прекращается шедшій сюда цѣлые вѣка приливъ населенія съ юга и юго-запада, но и становится замѣтенъ отливъ въ обратномъ направленіи. Заокская степь, которую нѣкогда засорили потоки кочевниковъ, теперь стала прочищаться; возстановлялись смытыя нѣкогда этими потоками старинныя русскія поселенія по восточнымъ окраинамъ

древнихъ княжествъ Переяславскаго и Черниговскаго. Кн. Курбскій, говоря въ своей исторіи царя Ивана о славныхъ годахъ его царствованія, слѣдовательно до опричнины, замѣчаетъ, что тогда предѣлы христіанскіе расширялись «и на дикихъ поляхъ древле плѣнные грады отъ Батыя безбожнаго паки воздвизахуся». Изъ центральнаго между-рѣчья населеніе не только начало спускаться внизъ по Волгѣ къ юго-востоку, но и пошло прямо на югъ внизъ по Дону, перебиралось съ верховьевъ Оки на верховья Семи, а отсюда на верховья Доица и Оскола. На появленіе русскаго земледѣльческаго населенія въ этихъ краяхъ, много вѣковъ остававшихся заброшенными, явственно указываютъ возникшіе для его защиты въ концѣ XVI в. города Кромы, Ливны, Воронежъ, Курскъ, Осколь, Бѣлгородъ, Валуйки.

Этотъ разбродъ населенія подвергалъ тяжелому кризису частное землевладѣніе въ срединныхъ областяхъ, гдѣ оно преимущественно развивалось. Рабочее населеніе уливалось изъ этихъ областей на открывавшіяся для колонизаціи окраины государства, гдѣ боярское землевладѣніе еще не имѣло насиженныхъ мѣстъ. Съ половины XVI вѣка вопросъ о бѣглыхъ становится большимъ мѣстомъ русскаго землевладѣнія. Кн. Курбскій въ одномъ изъ посланій, описывая положеніе тяглыхъ людей въ Московскомъ государствѣ, скорбитъ о томъ, что многіе изъ нихъ стали «безъ вѣсти бѣгунами изъ отечества». И царь Иванъ въ предложеніяхъ, которыя онъ готовилъ Стоглавому собору, писалъ о заставахъ крѣпкихъ по рубежамъ литовскимъ, нѣмецкимъ и татарскимъ между прочимъ для наблюденія за бѣглыми людьми. Въ то же время замѣчается усиленная забота землевладѣльцевъ о томъ, какъ бы добыть пашенныхъ людей, сманить ихъ у сосѣдняго землевладѣльца или изъ общества государственныхъ крестьянъ. Эту операцію особенно настойчиво и успѣшно вели богатые монастыри.

Но любопытно, что Вассіанъ Косой, черная свои обвиненія противъ землевладѣльческаго монашества изъ его вотчинной практики начала XVI вѣка, не упрекаетъ его въ этой операціи; а онъ навѣрное не пропустилъ бы случая кольнуть ея глаза ненавистной братіи, еслибы было за что. Напротивъ, онъ горько жалуется на монаховъ за то, что они, обобравъ неисправныхъ крестьянъ за недоимки, самихъ выгоняли изъ своихъ селъ съ женами и дѣтьми, провожая побоями. Съ малолѣтства Грознаго, приблизительно съ 1540 годовъ, становится замѣтенъ отливъ населенія изъ центральныхъ областей государства. Здѣсь во второй половинѣ XVI в. путешественникъ на обширныхъ пространствахъ, даже по бойкимъ торговымъ дорогамъ, встрѣчалъ уже только свѣжіе слѣды прежней населенности края, обширныя, но безлюдныя села и деревни, жители которыхъ ушли куда-то; вездѣ народъ разбѣгался и пустѣли не только деревни, но и города. Разныя случайныя обстоятельства, татарскіе набѣги, многолѣтніе неурожай въ 1550 годахъ, усиливали этотъ отливъ. Кн. Курбскій въ разсказѣ о малолѣтствѣ Ивана замѣчаетъ, что пустыня начиналась въ 18 миляхъ отъ столицы благодаря татарскимъ вторженіямъ, что вся Рязанская земля была опустошена ими по самую Оку. Въ нѣкоторыхъ извѣстіяхъ иностранцевъ XVII вѣка о Московіи можно видѣть отдаленные слѣды этого переворота въ размѣщеніи сельскаго населенія. Переселенцы прежде всего кинулись на ближайшія и безопаснѣйшія изъ открывшихся имъ плодородныхъ мѣстъ и въ два-три поколѣнія успѣли истощить ихъ, какъ умѣлъ истощать почву только древне русскій хлѣбопашецъ. Служившій придворнымъ врачомъ при царѣ Алексѣѣ англичанинъ Коллинсъ писалъ, что въ его время лучшія земли въ Россіи приносили весьма мало дохода, потому что имъ не давали отдыхать, а другія отъ недостатка въ рабочихъ рукахъ лежали необработанными. Съ другой стороны, чехъ Таннеръ, пріѣзжавшій въ Рос-

сію съ польскимъ посольствомъ въ 1678 году, видѣлъ въ подмосковныхъ мѣстностяхъ много барскихъ усадебъ и лѣса, но мало полей, объясняя это впрочемъ свойствомъ почвы ¹⁾. Но уже во второй половинѣ XVI вѣка остатки поземельныхъ описей поражаютъ обиліемъ пашни переложной и лѣсомъ поросшей, количествомъ пустошей, «что были деревни», въ ближайшихъ къ столицѣ уѣздахъ. Почти въ каждомъ имѣніи, даже при каждомъ крестьянскомъ поселеніи, сверхъ трехъ полей «пашни паханой» существовалъ перелогъ обыкновенно гораздо болѣе обширный, часто втрое или вчетверо. Независимо отъ этого являлись большія сплошныя пространства «порозжихъ земель», которыя отмѣчались въ писцовыхъ книгахъ словами: «лежатъ впустѣ и не владѣеть ими никто». Лишь по мѣстамъ на этихъ брошенныхъ залежахъ поддерживались отхожія пашни, вспаханныя «наѣдомъ». Наконецъ теперь стали покидать на неопредѣленное время и существовавшія трехпольныя пашни, превращая ихъ въ безсрочный перелогъ; самыя поселенія со всѣмъ ихъ хозяйствомъ переносились изъ старыхъ срединныхъ областей въ другія, иногда очень отдаленныя мѣста, на болѣе плодородныя нови. Такъ ходъ сельскаго хозяйства въ московской Руси XVI в. представлялъ, можно сказать, геометрическую прогрессию запустѣнія. Повторяя хозяйственную формацію своего мельчайшаго составнаго элемента, двороваго крестьянскаго участка, вся русская территория на востокъ отъ древняго днѣпровскаго пути «изъ Варягъ въ Греки» явственно распадалась на три поля. На заволжскомъ сѣверѣ и сѣверо-востокѣ только-что поднятыя нови благодаря искусственному и скоротечному плодородію, какое получали онѣ отъ выжженного на нихъ лѣса,

1) Legatio Polono-Lithuanica, по изданію 1689 года, стр. 108: Conspiciebantur prope Moscuam villae atque arces lignae paucis cum agris; plures terrae mollities non patitur, unde arbusta silvaeque maximae prognerantur.

способны были нѣкоторое время выдерживать тяжелые по-сѣвы: въ концѣ XVI в. еще сѣяли пшеницу въ Бѣлозерскомъ и даже Каргопольскомъ уѣздѣ. Въ срединныхъ областяхъ почва, истощенная болѣе давней и усиленной эксплуатаціей, могла удовлетворять только легкимъ требованіямъ земледѣльца, обрабатывалась кое-какъ, и начиншіяся выселенія готовили ее къ скорому переложному отдыху. На заокскомъ югѣ обширныя пространства тогдашней степи, плодороднѣйшія земли русской равнины, представляли многовѣковую вынужденную паренину, которую покинулъ плугъ не вслѣдствіе ея истощенія, а отъ наплыва кочевыхъ массъ, уничтожавшихъ работу плуга. Въ XVI в. поселенцы, возвращаясь на покинутыя нѣкогда предками мѣста, начинали съ разныхъ краевъ медленно и робко трогать это слишкомъ отдохнувшее поле и вводить его въ народно-хозяйственный оборотъ. Кажется, еще бы по одной сильной волнѣ колонизаціи изъ центра къ окраинамъ на югъ и на сѣверъ,—и Москвѣ предстала бы опасность, уже испытанная ея предшественникомъ Кіевомъ, опасность превратиться въ столицу пустыни, окруженную, по техническому выраженію вотчинныхъ книгъ XVII вѣка, «по-метной (брошенной) землей тяглыхъ жеребьевъ впускъ».

Такое тревожное для правительственнаго класса направленіе принималъ земледѣльческій трудъ. Въ то самое время, когда боярство складывалось въ правительственную аристократію, его вотчинное благосостояніе становилось вопросомъ. Только-что оно устроилось было по переѣздѣ въ Москву, спасши большую часть своихъ вотчинныхъ усадебъ въ исчезнувшихъ удѣлахъ, какъ стала грозить необходимость перенесенія самыхъ усадебъ въ другіе края. Всѣ добытыя землевладѣльческія привилегіи стали терять свою цѣну, потому что плохо обезпечивали привилегированному землевладѣльцу главную силу, на которой могло основаться прочное вотчинное хозяйство, надежныя рабочія руки. Такъ

задачей высшаго землевладѣльческаго класса, стоявшаго у власти, было спасти отъ крушенія свое поземельное хозяйство; въ эту сторону отъ вопросовъ объ устройствѣ высшаго управленія должно было обратиться политическое вниманіе этого класса. Не слѣдуетъ думать, чтобъ это вниманіе было исключительно поглощено мелочами вотчиннаго хозяйства. Но положеніе дѣлъ въ селѣ давало тонъ политическому настроенію боярства, направленіе его правительственной дѣятельности, роняло цѣну однихъ его интересовъ въ пользу другихъ, ставило, напримѣръ, мысль объ отношеніяхъ къ селу впереди мысли объ отношеніяхъ къ дворцу, заставляло въ этихъ послѣднихъ отношеніяхъ искать опоры для обезпеченія первыхъ, а не наоборотъ. Какъ землевладѣльческій классъ боролся съ разбѣгавшимся крестьянствомъ, то дѣйствуя противъ него объ руку съ правительствомъ и закономъ, то изъ-за него противодѣйствуя и правительству и закону, и какъ онъ наконецъ восторжествовалъ надъ тѣмъ и другимъ—это одинъ изъ любопытнѣйшихъ эпизодовъ нашей исторіи. Не останавливаясь на немъ, замѣтимъ только, что вниманіе боярства не даромъ было отвлечено отъ высшей политики къ сельскимъ отношеніямъ. На этомъ поприщѣ классъ совершилъ важныя завоеванія. Во-первыхъ, онъ отстаивалъ вредное для государства право принимать вольныхъ людей «въ закладъ», въ личную зависимость, освобождая ихъ тѣмъ отъ «государской подати и земской тягли», какъ выразился царь Иванъ. Въ аристократическомъ Польско-Литовскомъ государствѣ короли уже въ половинѣ XV в. запрещали духовнымъ и свѣтскимъ землевладѣльцамъ держать закладней, а въ самодержавномъ Московскомъ государствѣ не могли провести такого запрещенія въ законодательство до половины XVII в. Царь Иванъ, послѣ коловшій Баторію глаза его избирательной ограниченной властью, напрасно пытался поднять на Стоглавомъ соборѣ вопросъ о закладничествѣ. Во вторыхъ, пользуясь

скудостью крестьянскаго землевладѣльческаго инвентаря, крушныя московскіе землевладѣльцы въ XVI в. посредствомъ ссудъ прикрѣпили къ своимъ имѣніямъ множество крестьянъ и даже провели въ Судебникъ 1550 г. важное постановленіе, которое дозволяло крестьянину, не стѣсняясь законнымъ срокомъ для перехода, Юрьевымъ днемъ, во всякое время покидать свой участокъ, продаваясь съ пашни «въ полную въ холопи». Въ XVII в. правительство напрасно старалось замѣнить эту личную зависимость крестьянъ по договору поземельнымъ ихъ прикрѣпленіемъ по закону ¹⁾.

Явленія, происходившія въ селѣ, открываютъ одну причину политическаго настроенія боярства XVI вѣка. Политическимъ образомъ дѣйствій оно производитъ впечатлѣніе властвующей аристократіи безъ вкуса къ власти, потому что власть, какую оно имѣло, лишена была того, что только и могло сообщить ей привлекательный политическій вкусъ: ей недоставало обладанія народнымъ трудомъ. Поэтому интересъ политическихъ гарантій отступалъ передъ интересомъ экономическаго обезпеченія, забота о частныхъ имущественныхъ привилегіяхъ брала перевѣсъ надъ вопросомъ о сословныхъ политическихъ правахъ. Село XVI в. и надобно признать главною причиною того, что Московское государство не сдѣлалось аристократическимъ по своему устройству. Послѣ дѣлались попытки въ этомъ направленіи, но уже не повторялись такія благопріятныя для того обстоятельства, какія были въ XVI вѣкѣ. Въ борьбѣ съ селомъ боярство достигло большихъ успѣховъ; но достигнутыми выгодами воспользовались и другіе помимо его и даже во вредъ ему.

1) Акты Зап. Рос. 1, № 60. Царскія предложенія, не вошедшія въ Стоглавъ, напечатаны г. Ждановымъ въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1876 г. № 7, стр. 54—64.

ГЛАВА XVI.

Ближняя или комнатная дума государя была косвеннымъ признаніемъ съ ея стороны политическаго значенія боярской думы.

Другою причиною равнодушія боярства къ вопросу объ устройствѣ высшаго управленія въ духѣ его аристократическихъ притязаній было отношеніе самихъ московскихъ государей къ боярству, какъ къ правительственному классу.

Довольно трудно опредѣлить отношенія, дѣйствовавшія между людьми, которые сами никогда не выражали ихъ прямо и точно и даже повидимому не чувствовали надобности ихъ формулировать. Остается слѣдить за отдѣльными фактами, въ которыхъ эти отношенія обнаруживались.

Прежде всего тотъ самый государь, на суровость и самовластіе котораго такъ жаловалось боярство, признавалъ его классомъ, на которомъ преимущественно лежитъ дѣло земскаго строенія, которымъ держатся внѣшняя безопасность и внутренній порядокъ въ государствѣ. Взглянувъ на своихъ бояръ, умирающій великій князь, отецъ Грознаго, какъ рассказываетъ лѣтописецъ, сказалъ имъ: «съ вами держалъ я Русскую землю, вы мнѣ клятву дали служить мнѣ и моимъ дѣтямъ; приказываю вамъ княгиню и дѣтей своихъ, послужите княгинѣ и сыну моему, поберегите подъ нимъ его государство, Русской земли и всего христіанства отъ всѣхъ его недруговъ, отъ бесерменства и отъ латынства и отъ своихъ сильныхъ людей, отъ обидъ и отъ продажъ, всѣ заединъ, сколько вамъ Богъ поможетъ». Ту же мысль, только другими словами, выражаетъ боярамъ умирающій Василій и по разсказу современнаго повѣствователя о его смерти, очень близкаго къ двору, имѣвшаго возможность слышать или узнать подлинныя выраженія ве-

ликаго князя. Съ боярами Василій говоритъ «о устроеніи земскомъ», имъ приказываетъ передъ смертью, какъ «безъ него царству строитися». Такому политическому положенію класса соотвѣтствовали составъ и правительственное значеніе боярской думы. Званіе думнаго человѣка не было наследственнымъ по закону: въ думные чины жаловали, «думу сказывали» по назначенію государя. Теперь это назначеніе стало само по себѣ необходимо при множествѣ боярскихъ фамилій, при обиліи наличныхъ служилыхъ лицъ въ отдѣльныхъ фамиліяхъ. Но по родословному составу думы XVI в. можно видѣть, въ какой степени государево назначеніе согласовалось съ аристократическимъ порядкомъ лицъ и фамилій, установившимся въ боярской средѣ. Члены думы, особенно двухъ высшихъ чиновъ, обыкновенно выходили изъ извѣстнаго родовитаго круга, который въ лицѣ своихъ очередныхъ представителей «думу вѣдалъ»; какъ полковыхъ воеводъ, такъ и совѣтниковъ своихъ государь «прибиралъ, разсуждая ихъ отечество, кто того породился». И правительственное значеніе думы на дѣлѣ далеко не было пассивнымъ: она является болѣе чѣмъ совѣщательнымъ собраніемъ при своемъ государѣ, пользуется извѣстнымъ просторомъ въ своей дѣятельности. Въ 1510 г. тотъ же суровый великій князь Василій, властію своею надъ подданными превосходившій всѣхъ монарховъ въ свѣтѣ, рѣшая въ Новгородѣ политическую судьбу Пскова, «велѣлъ своимъ боярамъ по своей думѣ творити, какъ себѣ сдумали», и арестъ псковскихъ властей и гражданъ, пріѣхавшихъ тогда къ государю съ челобитьями, является дѣломъ московскихъ бояръ, слѣдствіемъ ихъ думнаго приговора. Строгій языкъ официальныхъ актовъ затѣнялъ значеніе бояръ передъ авторитетомъ царя. Но когда царь говорилъ простымъ неофициальнымъ языкомъ, обѣ стороны являются въ другомъ освѣщеніи. Въ рѣчи, заготовленной для произнесенія на соборѣ 1551 года, Иванъ, вспоминая свой приговоръ

о мѣстничествѣ въ думѣ 1549 года, съ удовольствіемъ замѣчаетъ, что «всѣмъ боярамъ тотъ былъ приговоръ любь». Собору, на которомъ присутствовали вмѣстѣ съ духовенствомъ князья и бояре, Иванъ указываетъ задачу все устроить по св. правиламъ и праотеческимъ законамъ «на чемъ мы, святители, царь и всѣ, приговоримъ и уложимъ». Дума сама располагала порядкомъ обсужденія вопросовъ, стоявшихъ на очереди. Въ концѣ 1552 г. царь, уѣзжая изъ Москвы къ Троицѣ крестить поворожденнаго сына, велѣлъ боярамъ промыслить объ устройствѣ только что завоеванной Казани и потомъ сидѣть о кормленіяхъ; но они пустили впередъ ближе касавшійся ихъ вопросъ о кормленіяхъ, а «казанское строеніе поотложили», за что на нихъ жалуется лѣтописецъ. Въ XVI в. было формально утверждено политическое значеніе думы: боярскій приговоръ былъ признанъ необходимымъ моментомъ законодательства, черезъ который долженъ былъ проходить каждый новый законъ, прибавлявшійся къ Судебнику ¹⁾.

Боярское сидѣнье о кормленіяхъ въ 1552 г. представляетъ интересъ не съ формальной только стороны, указывая, какъ бояре вели правительственныя дѣла въ думѣ. Въ томъ, какъ тогда разрѣшенъ былъ этотъ вопросъ, вскрылась связь политическаго значенія боярства съ правительственнымъ положеніемъ всего класса, вершиной котораго было боярство. Сущность этого вопроса состояла въ передачѣ судебной власти намѣстниковъ и волостей выборнымъ земскимъ старостамъ, вмѣстѣ съ чѣмъ упразднились и самыя кормленія. Реформа эта вызвана была двусторонними неудобствами администраціи кормленщиковъ. Эти управители были служилые, военные люди, обязанные ходить

¹⁾ Полн. Собр. Лѣт VIII, 285; IV, 270 и сл. Татищева, Судебникъ, стр. 130. Ср. Никон. VII, 258. Полн. Собр. Лѣт. IV, 284 Журн. Мин. Нар. Пр. 1876 г. № 7, стр. 54. Царств. книга, стр. 337.

въ походы съ своими вооруженными дворнями. Ратныя обязанности дѣлали ихъ неудовлетворительными администраторами, а административныя занятія ослабляли ихъ военно-походную годность. По административнымъ понятіямъ нашего времени дѣло представляется въ такомъ простомъ видѣ: правительство, признавъ неудовлетворительными прежніе органы областного управленія, замѣнило ихъ другими, отъ которыхъ ожидало лучшаго веденія дѣла, отставило своихъ служивыхъ кормленщиковъ и предоставило земскимъ мірамя въ мѣстныхъ земскихъ дѣлахъ самимъ управлять собою. Но въ половинѣ XVI в. вопросъ поставленъ былъ нѣсколько иначе. Кормленія были не просто отмѣнены, а были *выкуплены*: земскія общества, освобождавшіяся отъ кормленщиковъ, облагались взаменъ ихъ кормовъ новымъ оброкомъ, который шелъ на денежное жалованье служивымъ людямъ, тогда же разверстанное пропорціонально ихъ помѣстнымъ окладамъ. Поэтому эмансипація извѣстнаго общества отъ намѣстника или волостеля вмѣстѣ съ новымъ оброкомъ называлась «кормленнымъ окупомъ или откупомъ». Значить, за тѣмъ классомъ, изъ котораго выходили кормленщики, было признано нѣкоторое *владѣльческое* право на кормленія, подобное тому, какое входило въ юридическій составъ помѣстнаго владѣнія. Въ исторіи кормленій и помѣстій можно найти не одну сходственную черту. Такъ въ XV и XVI в. повинности кормленія служили замѣной помѣстныхъ: извѣстныхъ села и деревни запрещено было отдавать помѣщикамъ, потому что съ нихъ спеціально шелъ кормъ извѣстному намѣстнику. Съ другой стороны, еще въ древней Руси возникла мысль о такомъ же точно выкупѣ помѣстій, какъ выкуплены были въ XVI в. кормленія. Она принадлежала кн. В. В. Голицыну, извѣстному либералу и любимцу царевны Софьи. Иностранецъ Невиль, получившій свѣдѣнія объ этомъ проектѣ изъ вторыхъ рукъ, передаетъ его неполно и неясно, говоря, что кн. Голицынъ

думалъ освободить крестьянъ, предоставивъ имъ земли, ими обрабатываемыя, за извѣстный оброкъ, который по расчету князя увеличилъ бы доходъ казны болѣе чѣмъ на половину. Въ другомъ мѣстѣ, говоря о жалованьи служилыхъ людей, которое выдавалось на-половину мѣхами, Нёвиль прибавляетъ, что князь задумывалъ производить всѣ казенные платежи на деньги, что было бы выгодно и казнѣ, и служилымъ людямъ ¹⁾. Этотъ планъ построенъ былъ на тогдашнемъ положеніи служилаго землевладѣнія, вотчиннаго и помѣстнаго. То и другое одинаково подлежало ратной повинности, было владѣніемъ обязательнымъ, условнымъ, и различіе между тѣмъ и другимъ все болѣе сглаживалось. Издавна установилось въ помѣстьяхъ и вотчинахъ хозяйственное и частью податное раздѣленіе земли на барскую пашню и крестьянскіе участки. Поземельное прикрѣпленіе узаконило это раздѣленіе: по смыслу его, впрочемъ выраженному нерѣшительно въ законодательствѣ XVII в., запрещалось брать крестьянина съ участка, къ которому онъ приписанъ, и слѣдовательно брать изъ-подъ крестьянина участокъ, который за нимъ записанъ. Это упрощало операцию, которую послѣ, когда исчезло прежнее различіе между барской и крестьянской пашней, чрезвычайно затруднилъ вопросъ о надѣлахъ. Какъ средство матеріальнаго обезпеченія служилаго класса, вотчинное и помѣстное землевладѣніе служило замѣной денежнаго жалованья. Опираясь на указанное раздѣленіе земель, планъ Голицына возстановлялъ это жалованье, точнѣе говоря, увеличивалъ существовавшіе уже оклады, черная пужныя для того средства изъ казеннаго оброка, которымъ облагались крестьяне за предоставленную имъ землю взаменъ платежей и повинностей въ пользу владѣльцевъ. Вотчинныя и помѣстныя

1) De la Neuville, Relation curieuse et nouvelle de Moscovie, изд. 1688 года, стр. 215 и 219.

земли предполагалось выкупить, какъ въ XVI в. выкуплены были кормленія; слѣдовательно въ послѣднихъ признавалось такое же, какъ и въ первыхъ, сословное право служилыхъ людей, вытекавшее изъ ихъ сословной служебной повинности. Правда, и кормленіе было вознагражденіемъ за службу, финансовой операціей. Но такъ какъ оно было послѣдствіемъ обязательной службы сословія и давало правительственную власть, то финансовая операція получала характеръ сословнаго политическаго права. Это право обнаруживалось въ областномъ управленіи; но дѣятельность боярства въ центральныхъ учрежденіяхъ и въ самой думѣ была лишь продолженіемъ и завершеніемъ его участія въ областной администраціи, держалась на одинаковыхъ политическихъ основаніяхъ.

Если мы припомнимъ, что обширное дворцовое вѣдомство поставлено было какъ-то въ сторонѣ отъ центральной государственной администраціи при ея новомъ устройствѣ и сановники перваго были случайнымъ и мало-замѣтнымъ элементомъ въ составѣ учрежденія, стоявшаго во главѣ послѣдней, то все управленіе представится намъ раздѣленнымъ на двѣ сферы, собственно государеву и государственную, изъ которыхъ одной государь руководилъ непосредственно, а другой черезъ посредство думы. Съ теченіемъ времени правительственная практика установила много переилетавшихся связей между той и другой; но и въ XVII в. можно еще замѣтить различіе между обѣими, слѣдя за тѣмъ, откуда исходятъ распоряженія по дѣламъ «земскимъ» и собственно государевымъ, хотя тѣ и другія часто идутъ однимъ и тѣмъ же административнымъ путемъ, исполняются одними и тѣми же учрежденіями. Къ числу такихъ связей принадлежало учрежденіе, существованіе котораго едва замѣтно въ правительственныхъ актахъ XVI и XVII в., но которое было довольно дѣятельною пружиною тогдашняго управленія. Это былъ осо-

бый совѣтъ, отличный отъ боярской думы, который созывался государемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ.

Первое дошедшее до насъ извѣстіе объ этомъ совѣтѣ пущено въ ходъ строптивымъ совѣтникомъ великаго князя Василя И. Н. Берсенемъ-Беклемишевымъ, подвергшимся опалѣ за какое-то возраженіе государю въ думѣ. Терпя эту невзгоду, онъ въ потаенной бесѣдѣ съ Максимомъ Грекомъ жаловался на то, что государь разрушаетъ политическую старину, вводитъ новые государственные порядки, стариковъ не почитаетъ. На возраженіе Максима, что политическіе обычаи мѣняются сообразно съ государственными интересами и удобствами, Иванъ Никитичъ замѣтилъ: «а все лучше старыхъ обычаевъ держаться, людей жаловать и стариковъ считать; а нынѣшній государь, запершись самъ третьей у постели, всё дѣла дѣлаетъ». Было бы большой неосторожностью принять эти слова въ буквальномъ смыслѣ и подумать, что отецъ Грознаго лишилъ боярскую думу усвоеннаго ей давнимъ обычаемъ участія въ управленіи и рѣшалъ всё государственные вопросы помимо ея съ какими-то двумя-тремя приближенными, ктому же дьяками. Читая бесѣды Берсея съ Максимомъ, какъ онѣ воспроизведены въ слѣдственномъ дѣлѣ объ опальномъ совѣтникѣ, легко замѣтить, что послѣдній съ горя или досады изображалъ каррикатурно непріятныя ему лица и явленія того времени. Современникъ его митрополитъ Данилъ былъ однимъ изъ самыхъ начитанныхъ и учительныхъ пастырей русской церкви, сколько можно судить объ немъ по его твореніямъ. Но онъ былъ осифлянинъ, политическій сторонникъ великаго князя: вотъ почему опальный представитель боярской оппозиціи, съ большой ироніей отзываясь объ этомъ владыкѣ, въ той же бесѣдѣ съ Максимомъ между прочимъ сказалъ объ немъ, что отъ него учительнаго слова не услышишь. Такую же каррикатуру можно подозрѣвать и въ Берсеновомъ извѣстіи о привычкѣ великаго

князя Василя рѣшать все государственный дѣла втроемъ въ спальнѣ.

Изъ источника болѣе спокойнаго мы узнаемъ составъ и значеніе этой спальни или этого кабинета великаго князя. Какой-то близкій ко двору современникъ очень живо и подробно описалъ послѣдніе дни жизни великаго князя Василя. Заболѣвъ тяжело въ одну изъ своихъ охотничьихъ поѣздокъ, великій князь спѣшитъ сдѣлать обычныя предсмертныя распоряженія, прежде всего составить духовную. Духовная для московскаго государя XVI в. была наполовину государственнымъ и наполовину домашнимъ, семейнымъ актомъ, во всякомъ случаѣ дѣломъ совсемъ не текущимъ. Изъ того, какъ это дѣло дѣлалось, именно не слѣдуетъ заключать, что такъ дѣлались всякія дѣла высшаго управленія. Слѣдя за порядкомъ веденія этого экстреннаго дѣла, прежде всего встрѣчаемъ интимный совѣтъ, ближнюю думу умирающаго государя, притомъ въ различныхъ видахъ, узнаемъ, какъ и изъ кого она составлялась и даже частію какъ она относилась къ большой государственной думѣ бояръ. Въ Волоколамскѣ больной Василю совѣтуется съ Шигоной и дьякомъ Путятинымъ о томъ, кого бы изъ сопровождавшихъ его бояръ пустить въ думу о духовной. Значитъ, великій князь обсуждаетъ дѣло самъ третей въ своей спальнѣ. Но Шигона и Путятинъ были люди немалые въ управленіи и не потому только явились первыми совѣтниками у постели великаго князя, что были его любимцами. Путятинъ носилъ званіе «дьяка великаго», т. е. думнаго, а И. Ю. Шигона Поджогинъ былъ бояринъ, членъ стариннаго и очень хорошаго московскаго боярскаго рода, другія вѣтви котораго, Бѣлеутовы, Хабаровы-Симскіе и др., стояли далеко не въ послѣднихъ рядахъ московской знати; притомъ Шигона занималъ должность тверскаго и ростовскаго дворецкаго. Слѣдовательно оба сановника вѣдали дѣла высшаго дворцо-

ваго и государственнаго управленія, которыхъ касалась духовная. Потомъ, на этомъ тайномъ совѣтѣ втроемъ только то и было рѣшено, что такого экстреннаго дѣла, какъ духовное завѣщаніе, нельзя сдѣлать безъ бояръ. Воротившись въ Москву, великій князь собираетъ чрезвычайное засѣданіе думы, на которомъ приказываетъ писать духовную и говорить боярамъ о малолѣтнемъ своемъ наслѣдникѣ и о томъ, какъ строиться царству послѣ него, великаго князя. Обсуждались, очевидно, дѣла великой важности для государя и государства; но въ этомъ обсужденіи изъ 20 бояръ слишкомъ, которые значатся по списку того года, сначала участвовали только пятеро. Послѣ уже великій князь призвалъ, «прибавилъ къ себѣ въ думу къ духовной грамотѣ» еще троихъ. Эти 8 бояръ были «послухами» при составленіи духовной. Бояре, очевидно, приглашались на засѣданіе не по степени ихъ знатности, а по степени ихъ близости къ государю или надобности ихъ въ данномъ случаѣ: князь И. В. Шуйскій приглашенъ послѣ дворецкаго Шигоны и казначея Головина, которые стояли намного ступеней ниже его по разрядамъ, но по должностямъ своимъ были нужнѣе его при обсужденіи правительственныхъ и особенно хозяйственныхъ подробностей завѣщанія. Князь М. Л. Глинскій стоялъ по разрядамъ очень высоко, но былъ человѣкъ пріѣзжій, еще не освоившійся въ московской боярской средѣ. Великій князь призвалъ его послѣ всѣхъ, напередъ поговоривъ объ этомъ съ другими боярами, и призвалъ только потому, что онъ былъ родня великой княгини, человѣкъ близкій къ семейству, судьба котораго устроилась въ духовной. Но этимъ засѣданіемъ не все кончилось. Черезъ нѣсколько дней собрались къ больному *всѣ* бояре. Многіе изъ нихъ, кого не было въ Москвѣ, поспѣшили возвратиться изъ своихъ вотчинъ, услыхавъ о болѣзни государя. Приглашены были также митрополитъ и братья великаго князя. Такимъ образомъ у

постели умирающаго Василія составилось собраніе боярской думы, какого по полнотѣ вѣроятно не бывало прежде во все его княженіе. Здѣсь государь опять говорилъ о сынѣ-наслѣдникѣ, о земскомъ строеніи, т.-е. повторилъ передъ всѣми боярами сущность того, о чемъ шла рѣчь на тайномъ совѣщаніи, передалъ собственно политическую часть составленной на немъ духовной. Бесѣду свою онъ закончилъ признаніемъ, что видитъ въ боярахъ главныхъ дѣльцовъ земскаго дѣла, самую надежную опору государственнаго порядка и своего малолѣтняго сына. Отпустивъ митрополита и братьевъ и оставивъ при себѣ «бояръ своихъ всѣхъ», больной говорилъ: «мы вамъ государи прирожденные, а вы наши извѣчные бояре; такъ постоитъ, братья, крѣпко, чтобы сынъ мой учинился на государствѣ государемъ и была въ землѣ правда; будьте всѣ сообща, дѣло земское и сына моего дѣло берегите и дѣлайте заодно». Такъ говорилъ передъ смертью московскій государь, о которомъ при его жизни и послѣ рассказывали, что онъ лишилъ бояръ голоса въ высшемъ государственномъ управленіи, всѣ дѣла рѣшалъ у себя въ спальнѣ съ двумя-тремя любимцами. Черезъ два дня Василій опять призываетъ къ себѣ тѣхъ же самыхъ 8 бояръ и 2 дьяковъ, съ которыми онъ прежде думалъ о духовной, и 4 часа совѣтуется съ ними о сынѣ-наслѣдникѣ и объ устроеніи земскомъ; но для совѣщанія о своей княгинѣ, какъ ей безъ него быть и какъ къ ней боярамъ ходить по дѣламъ управленія, онъ оставляетъ изъ этихъ бояръ только троихъ самыхъ близкихъ. Умирающій государь спѣшитъ сдѣлать всѣ предсмертныя распоряженія по общимъ государственнымъ и по своимъ домашнимъ дѣламъ. Сообразно съ тѣмъ онъ призываетъ къ себѣ большее или меньшее количество совѣтниковъ, думу о духовной начинаетъ съ 7 боярами и дьяками, а оканчиваетъ съ десятию, съ дворецкимъ и дьякомъ думаетъ, кого изъ бояръ «пустить» въ ту думу, а

съ боярами говорить, что надобно «прибавить» въ думу кн. М. Глинскаго. Но отъ этихъ собраній, составлявшихся по особому подбору лицъ, какъ составлялась дума въ удѣльные вѣка, явственно отличается совѣщаніе со *всѣми* личными боярами и только съ боярами, безъ митрополита и безъ братьевъ великаго князя. Это постоянный государственный совѣтъ, боярская дума новой формаціи, а тѣ измѣнчивыя по составу собранія—частный совѣтъ государя ¹⁾).

Такимъ является тѣеный кабинетъ при великомъ князѣ Василии. Это не дума втроемъ: самъ-третьей великій князь только обсуждаетъ выборъ бояръ для тайнаго совѣщанія. Подумать объ этомъ надобно было прежде всего: тогда этотъ кабинетъ не имѣлъ опредѣленнаго постояннаго состава. Члены его назначались особо для каждаго совѣщанія и должны были мѣняться по свойству подлежащихъ обсужденію вопросовъ и по другимъ причинамъ. Еслибы были постоянные члены кабинета, больной Василій Ивановичъ не сталъ бы спрашивать у Шигоны и Путятина, кого изъ бояръ позвать на совѣщаніе о духовной. Порядокъ веденія дѣлъ въ высшихъ правительственныхъ мѣстахъ того времени достаточно объясняетъ побужденія, заставлявшія созывать особый тайный совѣтъ. Боярская дума слушала доклады по разнымъ частямъ государственнаго управленія и давала на нихъ резолюціи. Предварительная разработка вопроса, подготовка основаній для резолюціи лежала на докладчикѣ или поручалась тому приказу, который могъ дать нужныя справки. Но возникали вопросы экстреннаго, такъ сказать, учредительнаго свойства, которые не устанавливались въ колею обычнаго дѣлопроизводства и доложить о которыхъ въ думѣ не пришлось бы никому изъ управляющихъ отдѣльными вѣдомствами. Инициатива законодательной постановки такого вопроса, какъ бы онъ ни воз-

¹⁾ Полн. Собр. Р. Лѣт. IV, 268—272.

буждался, принадлежала верховному предсѣдателю думы, государю. Но самая важность или сложность такихъ вопросовъ дѣлала необходимымъ предварительное ихъ обсужденіе, чтобы предлагая ихъ на разсмотрѣніе думѣ, можно было не только «мысль свою объявить», какъ выразился Котошихинъ, но и мотивировать ее, какъ говорятъ въ наше время, дать дѣлу извѣстное направленіе. Съ другой стороны, возникали важные вопросы, касавшіеся не общаго государственнаго управленія, а болѣе тѣсной придворной сферы. Они обыкновенно не шли въ думу, а разрѣшались непосредственно самимъ государемъ. Не думѣ было обсуждать, какъ обрядить какое-нибудь необычное торжество при дворѣ или богомольную поѣздку государя, какъ на всякій случай устроить изъ дворцовыхъ доходовъ матеріальное положеніе великой княгини или засидѣвшейся великой княжны; но поговорить объ этомъ было необходимо съ тѣми или другими совѣтниками. Въ обоихъ случаяхъ государь обращался къ тѣмъ изъ нихъ, кто стоялъ къ нему ближе или лучше другихъ могъ «къ тому дѣлу дать способъ», т.-е. кто въ его глазахъ былъ къ тому способнѣе. Обыкновенно это были тѣ же думные люди; но они становились въ такихъ случаяхъ тайными совѣтниками государя не въ силу своего оффиціального званія думныхъ людей, государственныхъ совѣтниковъ, а по личному усмотрѣнію или довѣрію къ нимъ государя. Потому между ними могли появляться лица, не сидѣвшія въ боярской думѣ. Такимъ образомъ составъ этого совѣта вполнѣ зависѣлъ отъ воли государя, тогда какъ въ выборѣ членовъ думы онъ соображался съ боярскимъ отечествомъ, съ родословной очередью, жаловалъ многихъ въ бояре не по личной оцѣнкѣ, а по аристократическому старшинству, «не по разуму ихъ, а по великой породѣ». Въ первоначальномъ видѣ такой совѣтъ нельзя даже назвать учрежденіемъ: это была частная предварительная справка госу-

даря о дѣлѣ у близкихъ или свѣдущихъ людей, имѣвшая больше нравственное чѣмъ политическое значеніе, оставшая слѣдъ во взглядѣ, въ настроеніи государя, а не въ протоколѣ. Вотъ почему въ правительственныхъ актахъ этотъ совѣтъ почти незамѣтенъ. Легко понять, что онъ не устранилъ обычной правительственной дѣятельности боярской думы, хотя долженъ былъ имѣть большое косвенное вліяніе на эту дѣятельность. Судя по изложенному выше разсказу, рѣшенія по дѣламъ общегосударственнаго характера, принятые въ тайномъ совѣтѣ, сообщались боярской думѣ по крайней мѣрѣ къ свѣдѣнію, если не для вторичнаго обсужденія. Но это были рѣдкія, особо важныя дѣла, выходившія изъ ряда текущихъ дѣлъ думы. Государь обсуждалъ ихъ съ тайными совѣтниками не для того, чтобы обойтись безъ содѣйствія думы, а для того, чтобы возбудить въ думѣ вопросъ о нихъ, котораго никто не могъ поднять здѣсь помимо его. Проводя въ думѣ мнѣніе, внушенное тайнымъ совѣтомъ, государь, разумѣется, дѣйствовалъ на бояръ только своимъ личнымъ авторитетомъ, не имѣя никакой нужды подкрѣплять его указаніемъ на то, что такъ высказались его тайные совѣтники. Государю нужно было предварительное совѣщаніе съ послѣдними, чтобы приготовить свое собственное мнѣніе, съ которымъ онъ являлся въ думу, а не для того, чтобы приготовить приглашенныхъ на тайный совѣтъ членовъ этой думы къ своему предложенію.

При совершенно сходныхъ обстоятельствахъ и съ такимъ же значеніемъ является тѣсный совѣтъ въ царствованіе Грознаго. Въ 1553 г., опасно занемогши, царь успѣшилъ составить духовную и привести бояръ къ присягѣ на имя новорожденнаго царевича Димитрія. Для этого сначала призваны были въ думу нѣкоторые бояре. Послѣ засѣданія, полнаго шумныхъ пререканій, большинство приглашенныхъ присягнуло. Эту думу лѣтописецъ ясно отличаетъ отъ думы

всѣхъ бояръ, рассказывая, что на другой день послѣ того, какъ царь привелъ къ присягѣ *ближнихъ* бояръ, онъ призвалъ *всѣхъ* своихъ бояръ и пригласилъ ихъ къ присягѣ. Къ началу тогдашняго 1553 года по списку значилось 47 бояръ и окольныхчихъ, не считая думныхъ дворянъ и другихъ членовъ думы, а на совѣтъ ближнихъ людей, сколько можно судить о томъ по неясному разсказу лѣтописи, приглашены были 9—12 бояръ, 1 окольныхчій, 1 думный дьякъ и 2 думныхъ дворянина изъ бывшихъ спальниковъ, которые явились къ присягѣ уже послѣ засѣданія предварительной думы. Этотъ совѣтъ въ дипломатическихъ актахъ времени Грознаго и называется *ближнею думою*. Такъ въ грамотѣ цесаревымъ посламъ 1575 г. царь пишетъ о Н. Р. Юрьевѣ, ки. В. А. Сицкомъ и дьякѣ ближнемъ А. Щелкаловѣ, что посылалъ къ нимъ, посламъ, для переговоровъ «бояръ, ближнюю свою думу»; думные дворяне Зюзинъ и Черемисиновъ, бывшіе въ числѣ уполномоченныхъ при заключеніи перемирія съ Баторіемъ въ 1578 г., названы «ближніе думы дворянами». Котошихинъ объясняетъ значеніе этихъ терминовъ и частію составъ самаго учрежденія. По его словамъ, «ближній» бояринъ или окольныхчій только дипломатическое названіе бояръ и окольныхчихъ, которые состояли прежде спальниками при царѣ, жили въ его комнатѣ; ихъ потому и звали при дворѣ «комнатными» боярами и окольныхчими. Они носили званіе ближнихъ, «потому что отъ близости пожалованы». *Комната* была честью, отличіемъ, возвышавшимъ извѣстный служебный чинъ, и въ редословныхъ росписяхъ фамилій среднихъ статей тщательно отмѣчалось, кто былъ пожалованъ «въ комнату». Комнатные стольники были выше простыхъ, потому что изъ простыхъ иногда жаловали въ комнатные. Ближняя дума не состояла исключительно изъ людей думныхъ чиновъ, по крайней мѣрѣ при Грозномъ. Ни въ XVI, ни въ XVII в. по документамъ не видимъ

духовныхъ лицъ въ числѣ постоянныхъ членовъ большой думы; но есть нѣкоторое основаніе предполагать, что знаменитый священникъ Сильвестръ имѣлъ мѣсто на засѣданіяхъ ближняго государева совѣта. Изображая огромное вліяніе, какимъ онъ пользовался при дворѣ и въ управленіи, лѣтописецъ замѣчаетъ, что Сильвестръ былъ у государя «въ великомъ жалованьи и совѣтѣ духовномъ и въ думномъ»¹⁾.

Съ царствованія Грознаго ближняя дума не разъ мелькаетъ въ своихъ и иностранныхъ извѣстіяхъ о вышемъ московскомъ управленіи. Она носила еще названіе *тайной думы*: въ московскомъ переводѣ письма эрцгерцога австрійскаго Максимилиана къ Б. Ѳ. Годунову 1587 г. этотъ ближній бояринъ названъ «начальнымъ тайные думы думцемъ». Флетчеръ, рассказывая о боярской думѣ царя Ѳедора Ивановича, говоритъ очень неясно и сбивчиво; но самая эта сбивчивость не лишена нѣкотораго интереса. Онъ различаетъ бояръ думныхъ и простыхъ недумныхъ; послѣднимъ титулъ бояръ дается больше для почета, потому что на *общій* совѣтъ ихъ приглашаютъ

¹⁾ Акт. А. Эксп. т. I, стр. 142. П. С. Р. Лѣт. VI, 268 и сл. Царств. кн., стр. 339—343. Пам. дипл. снош. I, 501. Котош. 20. Трудно разобрать, что разумѣлъ кн. Курбскій подъ „избранной радой“, какъ называются у него совѣтники, подобранные царю Ивану Сильвестромъ и Адашевымъ послѣ московскаго пожара 1547 г. Названіе напоминаетъ ближнюю думу; но приписываемый радѣ кругъ правительственныхъ дѣлъ собственно не принадлежалъ ближней думѣ: Курбскій разумѣлъ, очевидно, то „земское строеніе и ратныя дѣла“, что вѣдалъ государь съ совѣтомъ „всѣхъ бояръ“. Вѣроятноже, что Курбскій имѣлъ въ виду большую думу: огромное большинство бояръ и окольныхъ, съ которыми царь дѣйствовалъ въ началѣ 1550-хъ годовъ, назначено было въ думу уже послѣ пожара, когда Сильвестръ получилъ значеніе придворья. Самъ Курбскій въ перечнѣ жертвъ Ивановой жестокости одного М. Я. Морозова называетъ членомъ избранной рады: это одинъ изъ ближнихъ бояръ 1553 г. Сказ. кн. Курбскаго, 11 и 115.

рѣдко или никогда не приглашаютъ. Думные бояре — это тѣ, которые на самомъ дѣлѣ принадлежатъ къ особому тайному совѣту царя, собирающемуся ежедневно для обсуждения государственныхъ дѣлъ ¹⁾). Перечисливъ поименно думныхъ людей, которыхъ было 31, Флетчеръ прибавляетъ, что всѣ они принадлежатъ къ особому совѣту царя, хотя немногіе изъ нихъ приглашаются на совѣщанія, потому что всѣ дѣла обсуждаются и рѣшаются Б. Θ. Годуновымъ, братомъ царицы, съ 5 или 6 другими лицами, которыхъ онъ заблагоразсудитъ призвать. Выходитъ, что кромѣ общаго былъ еще особый частный совѣтъ у государя, что члены только этого особаго совѣта, собиравшагося правильно каждый день, носили званіе думныхъ бояръ, и однако большинство ихъ, какъ и бояръ недумныхъ, не приглашали на засѣданія, что наконецъ собирався еще совѣтъ, состоявшій изъ Годунова съ нѣсколькими по его усмотрѣнію назначаемыми лицами, который собственно и рѣшалъ всѣ дѣла. Флетчеръ, очевидно, перепуталъ сдѣланныя ему сообщенія. Иностранцы въ своихъ запискахъ о Московіи обыкновенно называютъ боярами и тѣхъ недумныхъ придворныхъ сановниковъ, стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ московскихъ, которыхъ они встрѣчали въ нарядномъ платьѣ, идя представляться государю; такъ, можетъ быть, они и величались въ просторѣчій, на неофициальномъ языкѣ. Флетчеру говорили въ Москвѣ, что эти са-

1) Of the Russe Common Wealth, chapt. 11: They which are of his speciall and privie counsell indeed (whom hee useth daily and ordinarily for all publique matters perteing to the state) have the addition of dumnoy and are named dumnoy boiaren or lords of the counsell. Учрежденіе или засѣданіе этихъ „лордовъ совѣта“ (their office or sitting) Флетчеръ называетъ boarstva dumna. Если подъ этими звуками скрывается боярская дума, то, значить, этотъ терминъ, не встрѣчающійся въ нашихъ памятникахъ, употреблялся на языкѣ московскаго общества XVI в.

новники не думные люди, хотя и зовутся боярами, что настоящіе бояре тѣ, которые каждый день съѣзжаются въ боярскую думу, что есть еще ближняя дума, созываемая по временамъ изъ немногихъ лицъ, которыя принадлежать къ числу тѣхъ же думныхъ людей, и этою думой заправляетъ теперь Годуновъ, первый у государя человѣкъ, который у него всякія дѣла дѣлаетъ. Не разобравъ всѣхъ этихъ тонкостей, Флетчеръ не могъ хорошенько отличить общаго боярскаго совѣта отъ частной ближней думы. Не смотря на то, его рассказъ, изображая Годунова дѣйствительнымъ предсѣдателемъ и руководителемъ особаго тѣснаго совѣта, лучше всего объясняетъ выраженіе Максимилианова письма, въ которомъ Борисъ названъ начальнымъ думцемъ тайной думы. Маржеретъ о ближней думѣ 1600—1606 гг., когда онъ жилъ въ Москвѣ, говоритъ, что въ случаѣ дѣлъ важныхъ собирався тайный совѣтъ, состоявшій обыкновенно изъ близкихъ царскихъ родственниковъ. Присутствіе царской или царицыной родни особеннсть ближней думы, объясняющаяся самымъ характеромъ этого полудомашняго совѣта царя, а напримѣръ въ началѣ царствованія Бориса Годунова встрѣчаемъ 8 членовъ его фамиліи въ званіи бояръ и окольничихъ. Описаніе ближней думы царя Алексѣя у Котошихина совершенно согласно съ извѣстіями иностранцевъ о тайномъ совѣтѣ прежнихъ царей. Эта дума созывалась, когда царю нужно было о чемъ-нибудь «мыслить тайно»; она состояла изъ однихъ ближнихъ бояръ и окольничихъ; изъ прочихъ думныхъ людей имѣлъ доступъ «въ тое палату въ думѣ» лишь тотъ, кто получалъ особое приглашеніе. Рейтенфельсъ, бывшій въ Москвѣ въ концѣ царствованія Алексѣя, отличалъ еще комнатныхъ бояръ, какъ особенно довѣренныхъ совѣтниковъ, отъ простыхъ, хотя подобно Флетчеру и другимъ дѣлилъ боярство на думное и недумное. Но въ концѣ вѣка, когда прежнее московское управленіе уже разрушалось, Корбъ называетъ тайнымъ

совѣтомъ то, что оставалось тогда отъ прежней боярской думы. Въ началѣ XVIII в. названія, заимствованныя частію отъ тайной ближней думы, носятъ учрежденія, очень мало на нее похожія ¹⁾).

Во все время своего существованія, насколько оно извѣстно, ближняя дума сохраняла одинаковый характеръ, соотвѣтствовавшій ея происхожденію. Она созывалась, когда государю нужно было о чемъ-нибудь помыслить тайно съ ближайшими довѣренными совѣтниками. Потребность въ такихъ тайныхъ совѣщаніяхъ вызывалась переменами, происшедшими въ высшемъ московскомъ управленіи. Московскіе государи, во всемъ крѣпко державшіеся дѣдовской пошрины удѣльныхъ вѣковъ, теперь видѣли себя въ совершенно новой правительственной обстановкѣ. Рядомъ съ прежними дворцовыми учрежденіями воздвиглось новое зданіе государственнаго управленія съ новыми органами и задачами; надъ «государевымъ» дѣломъ поднялось дѣло «земское». Прежніе привычные совѣтники, дворцовые бояре введенные, не всѣ и не всегда имѣли мѣсто въ боярской думѣ, а новые думные люди вѣдали не дворцовыя дѣла. Ближняя дума связывала старую дворцовую сферу съ государственной, государево дѣло съ дѣльцами земскаго. Какъ прежде изъ дворцовыхъ совѣтниковъ составлялся при князѣ совѣтъ по государственнымъ дѣламъ, такъ теперь изъ государственныхъ совѣтниковъ составлялся особый дворцовый совѣтъ по дѣламъ, наиболѣе близко касавшимся государя. Легко замѣтить черты сходства этого особаго кабинета государева съ прежней думой бояръ введенныхъ. Тотъ и другая обыкновенно состояли изъ очень ограниченнаго круга

¹⁾ Ближняя канцелярія въ русскихъ актахъ и тайный совѣтъ у Плейера въ запискѣ 1710 г.—Пам. диплом. снош. т. I, стр. 973. Устрялова, Сказ. совр. о Димитріи Самозванцѣ, т. III, стр. 35. Котошихинъ, стр. 20. Рейтенфельсъ въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1839 г., іюль, стр. 26. Дневникъ Корба, стр. 277 и 316.

лицъ; въ томъ и въ другой выборъ этихъ лицъ зависѣлъ исключительно отъ усмотрѣнія государя, руководившагося при этомъ прежде всего довѣріемъ къ призываемому совѣтнику; тотъ и другой совѣтъ имѣлъ характеръ экстреннаго совѣщанія по дѣламъ, выходившимъ изъ ряда текущихъ; наконецъ даже самое названіе «введенныхъ», которое носили совѣтники князя удѣльнаго времени, является въ актахъ XVI в. синонимомъ «ближнихъ», какъ назывались члены тайнаго совѣта московскаго государя. Но если чувствовали потребность имѣть такой особый совѣтъ рядомъ съ думой всѣхъ бояръ, то за послѣдней, очевидно, признавали не то значеніе, не тѣ задачи и свойства, какія имѣлъ первый: значить, признавали, что составъ ея не вполне зависитъ отъ усмотрѣнія государя, а долженъ согласоваться съ боярской іерархіей, что эта дума есть постоянно дѣйствующее учрежденіе, которое направляетъ текущія дѣла, что и дѣла особо важныя должны проходить чрезъ нее же, хотя бы они уже обсуждались въ ближней думѣ, словомъ признавали, что это не государевъ только, но и государственнй совѣтъ. Но въ этихъ именно свойствахъ думы всѣхъ бояръ и выражалось политическое значеніе боярства при его новомъ составѣ. Потому слѣды ближней думы и появляются со второй половины XV вѣка: уже въ актахъ княженія Ивана III нѣкоторые московскіе бояре называются ближними. Легко понять однако, что ближній совѣтъ, оставаясь частнымъ и предварительнымъ, долженъ былъ имѣть большое вліяніе на общую думу: когда государь приносилъ въ послѣднюю мнѣніе, внушенное тайными совѣтниками, его политическій авторитетъ и служилое приличіе обыкновенно заставляли бояръ соглашаться съ нимъ. Только на это вліяніе имѣлъ основаніе жаловаться Берсень въ бесѣдѣ съ Максимомъ Грекомъ, а не на устраненіе боярской думы отъ дѣлъ ближнею думой государя втроемъ въ спальнѣ.

ГЛАВА XVII.

Опричнина Грозного была дальнейшимъ развитіемъ комнаты и завершеніемъ этого признанія.

Эта знаменитая опричнина по происхожденію своему была тѣсно связана съ ближней думой, даже можетъ быть названа эпизодомъ изъ ея исторіи.

Учрежденіе это всегда казалось очень страннымъ какъ тѣмъ, кто страдалъ отъ него, такъ и тѣмъ, кто его изслѣдовалъ. Разсорившись съ своимъ боярствомъ, царь Иванъ покинулъ въ 1564 г. Кремль, Москву, всё свои «государства» и самый титулъ царя, учредилъ себѣ новый дворъ съ особыми боярами, дворянами, приказными и другими людьми, оставивъ прежній правительственный и придворный штатъ при его должностяхъ, отобралъ для этого новаго двора нѣсколько улицъ въ Москвѣ и нѣсколько областей въ государствѣ, оставивъ другія улицы и области подъ властью боярской думы и подчиненныхъ ей приказовъ, началъ скромно зваться Иванцомъ Васильевымъ, княземъ московскимъ, ходить и ѣздить въ «смирномъ» черномъ платьѣ и немилостиво казнить тѣхъ, кого считалъ измѣнниками. Государь, потратившій столько усилій мысли, чтобъ усвоить себѣ понятіе о единствѣ верховной власти, ввелъ «раздѣленіе земли и градовъ»; объявивъ предъ лицомъ земли, что всё бояре измѣнники и что на простыхъ людей царской опалы и гнѣва нѣтъ, онъ оставилъ этихъ вѣрныхъ ему простыхъ людей земли подъ властью боярской думы, наполненной измѣнниками. Если все это не простое сумасбродство, то очень похоже на политическій маскарадъ, гдѣ всѣмъ государственнымъ силамъ нарочно даны несвойственные имъ роли и поддѣльные фізіономіи.

Въ опричинѣ надобно различать двѣ стороны, ея поли-

тическую форму и ея политическую цѣль. Первая вовсе не была новостью въ русскомъ государственномъ устройствѣ, введенной царемъ Иваномъ. Это знакомый намъ удѣлъ. Самый терминъ *опричина* былъ заимствованъ изъ удѣльнаго языка: такъ назывались особыя выдѣленные владѣнія, преимущественно тѣ, которыя отдавались въ полную собственность княгинямъ-вдовамъ, въ отличіе отъ данныхъ въ пожизненное пользованіе, отъ «прожитковъ». Въ актахъ XVI в. «опричный» значитъ чужой, сторонній, не принадлежащій къ извѣстному обществу или уѣзду. Кн. Курбскій подыскалъ мѣткій этимологическій синонимъ этого термина, но только этимологическій, назвавъ опричниковъ «кромѣшниками», удачно играя букввальнымъ и переноснымъ смысломъ этого слова. Никогда прежде не существовало удѣла, состоявшаго изъ тѣхъ именно городовъ, какіе взяты были царемъ въ опричину. Но Иванъ поступалъ согласно съ преданіемъ удѣльныхъ вѣковъ, составивъ свой новый удѣлъ частію изъ городовъ, принадлежавшихъ къ старинной вотчинѣ московскихъ князей, каковы были Можайскъ, Устюгъ, Медынь, Ярославецъ, частію изъ недавнихъ сравнительно прибрѣтеній московскихъ государей, какими были Двина, Вага, Вязьма, Бѣлевъ, наконецъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ сельскихъ волостей, разбросанныхъ въ Московскомъ и другихъ уѣздахъ, которые не были взяты въ опричину. Изъ такихъ именно разрядовъ земель и съ такой же черезполосицей предки Грознаго составляли удѣлы своимъ дѣтямъ въ духовныхъ грамотахъ. Самое управленіе въ опричинѣ было устроено по старому удѣльному образцу, сколько можно судить о томъ по скуднымъ слѣдамъ дѣятельности опричной администраціи. Какъ въ удѣльное время привилегированное лицо получало право судиться у самого князя или его боярина введеннаго, такъ и теперь въ жалованной грамотѣ игумену Махрицкаго монастыря 1571 г. царь пишетъ объ искахъ стороннихъ людей на

игуменъ съ братіей или на ихъ слугахъ и крестьянахъ: «а сужу ихъ язъ, царь и великій князь, или мой бояринъ введенный *у насъ въ опришнину*». Какъ въ удѣльное время все центральное управленіе заключалось въ предѣлахъ дворцоваго вѣдомства, дворъ князя составлялъ собственно княжеское правительство; такъ и опричина нѣсколько лѣтъ спустя послѣ ея учрежденія была переименована во «дворъ», а бояре и дворяне опричные въ бояръ и дворянъ дворовыхъ. Наконецъ, самымъ опричнымъ своимъ титуломъ царь противопоставалъ опричнину землѣ, какъ удѣльную часть всему національному и государственному, «земскому» цѣлому: нѣкоторое время онъ оффиціально назывался просто «княземъ *московскимъ*», даже не великимъ, предоставивъ титулъ «великаго князя *всехъ Руси*» поставленному имъ во главѣ земщины крещеному хану касимовскому Симеону.

Но возстановляя старую форму, уже отжившую повидимому свое время, царь указалъ ей цѣль, для которой прежде не существовало особаго учрежденія: устанавливая опричнину, онъ задумалъ вывести измѣну изъ Русской земли. По челобитью духовенства царь воротился на покинутое имъ государство, но съ тѣмъ, чтобы ему на своихъ измѣнниковъ и ослушниковъ опалу класть, а иныхъ казнить, имѣніе ихъ брать на себя, чтобы духовенство, бояре и приказные люди все это положили на его государскою волѣ, ему въ томъ не мѣшали. Такимъ образомъ учреждалась высшая полиція по дѣламъ государственной измѣны; назначенный по уставу новаго учрежденія опричный отрядъ въ 1.000 человекъ становился корпусомъ дозорщиковъ внутренней крамолы, и самъ царь бралъ въ руки полицейскую диктатуру для борьбы съ этою крамолой, становился верховнымъ шефомъ этого корпуса дозорщиковъ. Но направленная противъ людей правительственнаго класса опричина не касалась политическаго положенія всего этого класса.

Высшее управленіе оставалось аристократическимъ попрежнему; боярская дума продолжала руководить землей посредствомъ подчиненныхъ ей приказовъ; теперь, поставленная во главѣ земщины, она какъ будто даже стала самостоятельнѣе прежняго. Къ сожалѣнію, остается неизвѣстенъ хранившійся въ одномъ изъ ящиковъ царскаго архива подлинный «указъ объ опричинѣ», и мы знаемъ его содержаніе только по изложенію лѣтописца. Послѣдній пишетъ, что учреждая опричнину, царь приказалъ вѣдать государство свое Московское, воинство, судъ и управу и всякія земскія дѣла дѣлать своимъ земскимъ боярамъ, къ которымъ должны приходиться съ докладомъ «о большихъ дѣлахъ» управляющіе отдѣльными приказами, а сами бояре обязаны приходиться къ государю, когда будутъ какія «ратныя вѣсти или земскія великія дѣла» ¹⁾. И прежде бояре иногда сидѣли въ думѣ о дѣлахъ безъ государя; но это бывало по особому указу государя, или боярскій приговоръ докладывался послѣднему на утвержденіе. Теперь повидимому такія засѣданія становились обычными, и докладъ государю ограничивался лишь наиболѣе важными государственными дѣлами; слѣдовательно боярскіе приговоры по всѣмъ прочимъ вопросамъ получали силу закона и безъ этого доклада.

Такое странное сочетаніе старой уже отжившей политической формы съ новой еще не бывалой правительственной задачей и сочетаніе ихъ обѣихъ съ существующимъ правительственнымъ порядкомъ, которому была чужда та и другая, вызвано было однимъ любопытнымъ эпизодомъ нашей политической исторіи XV и XVI в. Этотъ эпизодъ принято называть борьбой московскихъ государей съ своимъ боярствомъ. Не только люди послѣдующихъ поколѣній, но и современники, даже сами участники борьбы расположены были видѣть источникъ ея въ непри-

¹⁾ Акты Арх. Эксп. I, стр. 349. Карамзинъ, IX, прим. 137.

мирности политических притязаній тогдашняго боярства съ политическими понятіями и стремленіями государей, преимущественно Грознаго. Но извѣстна привычка бойцовъ въ пылу боя забывать происхождение и первоначальную цѣль борьбы и останавливаться въ оцѣнкѣ ея на послѣднемъ пережитомъ моментѣ. Этимъ объясняется, какимъ образомъ малыя причины иногда рождаютъ великія ссоры и наоборотъ важныя разногласія разрѣшаются мелкими распрями. Обѣ стороны, борюшіяся въ Москвѣ XVI в., даютъ поводъ сомнѣваться въ такомъ происхожденіи ихъ борьбы, какое онѣ сами ей приписывали. Во-первыхъ, притязанія боярства далеко не были такъ рѣшительны и радикальны, чтобы не оставалось никакой возможности примиренія. Они шли, какъ мы видѣли, немного дальше дѣйствительности; притомъ важнѣйшія изъ нихъ были признаны государями. Боярская программа состояла не столько въ требованіи политическихъ нововведеній, сколько въ защитѣ дѣйствовавшихъ правительственныхъ обычаевъ. Былъ важный недостатокъ въ политическомъ положеніи боярства — отсутствіе надежныхъ обезпеченій этого положенія; но требованія такихъ обезпеченій не находимъ и въ боярской программѣ. Съ другой стороны, еслибы споръ шелъ о политическомъ порядкѣ и выходилъ изъ несогласныхъ между собою плановъ государственнаго устройства, отъ царя прежде всего можно было бы ожидать прямого отвѣта на вопросъ, какого онъ хочетъ порядка, того ли, какой тогда складывался и дѣйствовалъ, или какого-нибудь другаго. Письма Ивана къ Курбскому наиболѣе полная его политическая исповѣдь. Они рѣшительно подкупаютъ читателя своей задушевностью, жаромъ рѣчи, иногда доходящимъ до ораторскаго блеска. Подъ первымъ впечатлѣніемъ этой корреспонденціи, въ которой каждая страница кипитъ и пѣнится, читатель готовъ признать у царя самыя широкія и возвышенныя политическія возрѣнія. Но снявъ эту пѣну, находимъ подъ нею скудный запасъ идей и довольно

много противорѣчій. Онъ, пользуясь его же выраженіемъ, собственно «едино слово пишетъ, обращая сѣмо и овамо», діалектически развиваетъ одну идею, которую противопоставляетъ притязаніямъ своихъ политическихъ противниковъ: это идея самодержавія, которую Иванъ старается утвердить на историческихъ и политическихъ основаніяхъ. Самодержавіе для него исконый фактъ нашей исторіи, который онъ ведетъ отъ Владиміра Святаго, прибавляя, что русскіе самодержцы изначала сами владѣютъ своими царствами, а не бояре и вельможи. Единая и полная власть, сосредоточенная въ рукахъ царя, необходима для водворенія внутренняго порядка, для прекращенія междоусобныхъ браней и самовольства. Но боярство, по крайней мѣрѣ его литературные представители, возставали не противъ того самодержавія, которое шло отъ Владиміра Святаго, а противъ самодержавія, окруженнаго кромѣшниками, жертвой котораго палъ св. Филиппъ и въ которомъ царь Алексѣй, также самодержавный, принесъ торжественное покаяніе за своего предшественника, за «прадѣда» своего царя Ивана. Съ особенной горечью жалуется царь на бояръ во имя своего самодержавія, вина ихъ въ тѣхъ стѣсненіяхъ, какія онъ терпѣлъ отъ «попа невѣжи» и «собаки» А. Адашева съ ихъ совѣтниками: они сняли съ царя всю власть, оставили ему только честь предсѣдательства и званіе царя, а на дѣлѣ сталъ онъ ничѣмъ не лучше холопа; они совѣтовались обо всемъ тайкомъ отъ царя, всё дѣла рѣшали, какъ хотѣли, ни въ чемъ его не спрашиваясь, какъ будто его и не было, или былъ онъ младенцемъ неразумнымъ. Но если дѣйствительно таково было значеніе Сильвестра, какимъ изобразилъ его Иванъ, если и по словамъ лѣтописца этотъ іерей былъ «аки все мога», неограниченно распоряжался всѣми церковными и государственными дѣлами, только-что не имѣлъ званія и сѣдалища царскаго и святительскаго, то въ этомъ вовсе не были виноваты бояре. Точно также не боярами, а скорѣе на

зло боярамъ Адашевъ взятъ былъ «отъ гноища» и изъ батожниковъ пожалованъ въ вельможи. Прежде всего на самого себя долженъ былъ царь пенять за то, что оба избранника не оправдали его надеждъ. Политическое значеніе боярства, его притязанія не были виной того, что эти люди, не принадлежавшіе къ боярскому кругу, стали временщиками, подобрали царю непочтительныхъ къ нему совѣтниковъ и начали «всѣхъ бояръ въ самовольство приводить»: царь самъ отдался имъ въ руки, испуганный событіями 1547 года. Иванъ какъ будто не замѣчалъ, что обвиняетъ противниковъ въ собственныхъ ошибкахъ и слабостяхъ и самъ выдаетъ имъ свое самодержавіе. И это самодержавіе для него не политическій порядокъ, а простая личная власть или голая отвлеченная идея: не безъ искусства развивая ее діалектически, онъ не выводитъ изъ нея всѣхъ практическихъ послѣдствій; она не облекается у него въ опредѣленный планъ государственнаго устройства. Вся его философія самодержавія сводится къ одному простому заключенію: «жаловать своихъ холопей мы вольны, а и казнить ихъ вольны же». Но это положеніе вовсе не отличалось новизною: оно такъ легко давалось уже князьямъ удѣльнаго времени безъ помощи возвышенныхъ теорій самодержавія, безъ той начитанности и тѣхъ усилій мысли, какія потрачены были царемъ Иваномъ въ полемикѣ съ бѣглымъ бояриномъ. Въ актахъ удѣльнаго времени это положеніе и выражалось почти тѣми же словами: «я, князь великій Борисъ Александровичъ (тверской), воленъ, кого жалую, кого казню», а другому въ то не вступаться, читаемъ мы въ договорной грамотѣ одного изъ этихъ князей, писанной лѣтъ за 170 до полемики Грознаго съ Курбскимъ ¹⁾. Это положеніе выработано удѣльнымъ порядкомъ, который зналъ не государя-правителя съ

1) Сборн. Муханова, № 1.

его подданными, а хозяина-вотчинника съ его холопами, въ которомъ вольные люди были политической случайностью, временными обывателями на наемной землѣ или службѣ. На такомъ основаніи можно было построить не государственный порядокъ въ объединенной Великой Руси, а запоздалую пародію удѣла, чѣмъ и была опричина царя Ивана.

Не вопросомъ объ основаніяхъ государственнаго порядка вызвана была вражда, литературнымъ памятникомъ которой осталась полемическая корреспонденція царя съ бояриномъ. Этотъ вопросъ затрогивается въ корреспонденціи лишь кстати, къ слову; Курбскій даже почти вовсе не затрогиваетъ его въ своихъ письмахъ. Не противоположные политическіе принципы, а личные счеты и взаимныя огорченія раздѣляютъ обоихъ корреспондентовъ. Потому въ своей перепискѣ они не столько полемизируютъ другъ съ другомъ, сколько жалуются другъ на друга и исповѣдуются одинъ другому. Курбскій, вообще болѣе противника владѣвшій собою, самъ замѣтилъ это и прямо назвалъ посланіе царя исповѣдью, съ ироніей прибавивъ, что будучи не пресвитеромъ, а военнымъ и ктому же очень грѣшнымъ человекомъ, не считаетъ себя достойнымъ и краемъ уха послушать царской исповѣди. У обоихъ корреспондентовъ есть свои больныя мѣста, о которыхъ каждый усердно твердитъ другому, плохо вслушиваясь въ рѣчь противника. За что ты бьешь насъ, вѣрныхъ слугъ своихъ? спрашиваетъ Ивана Курбскій. — «Нѣтъ, отвѣчаетъ Иванъ Курбскому, русскіе самодержцы изначала сами владѣютъ своими царствами, а не бояре и вельможи». Такимъ короткимъ діалогомъ можно выразить сущность знаменитой переписки.

Дѣйствительная причина вражды была проще и понятнѣе общихъ политическихъ принциповъ, и всегда не въ мѣру откровенный Иванъ не скрылъ ея въ своей исповѣди. Съ половины XV в. эта вражда дважды обнаруживалась съ

особенною силой и каждый разъ по одинаковому поводу, по вопросу о престолонаслѣдіи, о преемникѣ. Въ первый разъ, когда вел. кн. Иванъ III развѣнчалъ внука и назначилъ сына, первостепенное боярство стояло за перваго, и его противодѣйствіе великому князю въ этомъ дѣлѣ сопровождалось казнями и насильственными постриженіями. Нерасположеніе вел. кн. Василія къ боярству было естественнымъ чувствомъ государя къ людямъ, которые не желали видѣть его на престолѣ и неохотно терпѣли на немъ. Первые сильныя столкновенія при московскомъ дворѣ, какія помнилъ Иванъ IV, были связаны съ этимъ вопросомъ о престолонаслѣдіи: онъ напоминалъ Курбскому, что отецъ его кн. Михаилъ съ вел. кн. Димитріемъ внукомъ на его государева отца «многія нагубныя смерти умышляли». Другой случай былъ при самомъ Иванѣ IV въ 1553 г., когда царь опасно занемогъ и потребовалъ отъ бояръ присяги своему новорожденному сыну, а его двоюродный братъ, удѣльный князь Владиміръ, заявилъ притязанія на престолъ. Сильвестръ и Адашевъ вели себя двусмысленно въ этомъ дѣлѣ, а ихъ совѣтники, большинство бояръ, не хотѣли цѣловать креста младенцу, говоря, что его именемъ будутъ править родственники царицы Захарьины. Больной царь на совѣтѣ долженъ былъ черезъ силу уговаривать непокорныхъ бояръ и между прочимъ сказалъ имъ: «вы намъ и дѣтямъ нашимъ служить не хотите, не помните, на чемъ намъ крестъ цѣловали; такъ если *мы вамъ не надобны*, то это на вашихъ душахъ». Съ тѣхъ поръ и пошла вражда, замѣчаетъ лѣтописецъ, и самъ Иванъ подтверждаетъ это замѣчаніе, отвѣчая Курбскому на обвиненія въ жестокостяхъ: «только бы на меня съ попомъ не стали вы, такъ ничего бы этого и не было». А бояре стали съ попомъ противъ царя прежде всего въ этомъ несчастномъ дѣлѣ 1553 г., благопріятствуя Владиміру. Воображеніе, всегда господствовавшее надъ нервнымъ царемъ и теперь

еще усиленное болѣзнью, нарисовало ему все ужасы, ожидающіе его семью въ случаѣ его смерти. «Не дайте жены моей на поруганіе боярамъ, говорилъ онъ Захарьинымъ и другимъ вѣрнымъ своимъ совѣтникамъ, не дайте боярамъ извести моего сына, возьмите его и бѣгите съ нимъ въ чужую землю». Имъ опять, какъ послѣ московскихъ пожаровъ и волненій 1547 г., овладѣло чувство, которому онъ всегда легко поддавался, чувство страха. Въ немъ заговорилъ инстинктъ самосохраненія убѣдительнѣе всякихъ книжныхъ политическихъ доктринъ: «за себя еси сталъ», пишетъ онъ Курбскому, напоминая, какъ они, бояре, хотѣли посадить на царство Владиміра, а его «и съ дѣтьми извести». Мы имъ не надобны, такъ надо бѣжать отъ нихъ или обороняться: это представленіе, несомнѣнно преувеличивавшее опасность, съ тѣхъ поръ, кажется, всю жизнь не покидало царя. Достаточно просмотрѣть его знаменитые синодики опальныхъ, чтобы видѣть, что во время опричины Иванъ дѣйствовалъ какъ не въ мѣру испугавшійся человекъ, который, закрывъ глаза, билъ направо и налево, не разбирая своихъ и чужихъ. Шла борьба съ измѣнническимъ боярствомъ, а въ поминанье заносились перебитые десятками по разнымъ городамъ и селамъ боярскіе люди, подъячіе, псары, монахи, монахини, мастеровые, «скончавшіеся христіане мужескаго, женскаго и дѣтскаго чина», которыхъ не только имена, но и политическія вины «Ты Самъ, Господи, вѣси», какъ причитаетъ помянникъ послѣ каждой статьи избитыхъ массаи.

Такъ борьба московскихъ государей съ боярствомъ имѣла не политическое, а династическое происхожденіе. Несомнѣнно, что въ обоихъ указанныхъ случаяхъ не остались безъ вліянія на образъ дѣйствій бояръ старыя боярскія привычки удѣльнаго времени. Тогда бояринъ считалъ себя въ правѣ выбирать себѣ мѣсто службы, переѣзжая отъ одного князя къ другому. Теперь, когда уѣхать изъ Москвы стало не-

куда или неудобно, бояре считали возможным выбирать между кандидатами на престолъ. «Чѣмъ намъ служить государю молодому, мы лучше станемъ служить старому князю Владиміру, говорили они въ 1553 году: какъ служить малому мимо стараго?» Выборъ облегчался отсутствіемъ закона о престолонаслѣдіи. Руководясь правомъ, дѣйствовавшимъ въ частной гражданской средѣ, удѣльные князья не хотѣли стѣснять себя въ распоряженіи своими вотчинами передъ смертью: имъ не приходила мысль о возможности и пользѣ ограниченія личной воли завѣщателя. Этотъ обычай продолжалъ дѣйствовать и въ Московскомъ государствѣ: «кому хочу, тому и дамъ княжество», говорилъ Иванъ III. Цѣну этой личной воли, простой и понятной, московскіе государи почувствовали раньше, чѣмъ стали думать о болѣе сложныхъ политическихъ своихъ прерогативахъ, и дорожили ей больше чѣмъ послѣдними, когда стали объ нихъ думать. Потому стороннее вмѣшательство въ эту область трогало ихъ больнѣе, чѣмъ могъ трогать общій вопросъ о политическомъ значеніи боярства и его отношеніи къ государственной власти. Едвали и сами бояре смотрѣли на свое вмѣшательство въ распоряженія обоихъ Ивановъ о престолонаслѣдіи, какъ на свое право опредѣлять порядокъ преемства верховной власти; они просто хотѣли воспользоваться случаемъ вмѣшаться въ это дѣло, чтобъ устранить непріятнаго преемника. Но легко понять, что династическій случай долженъ былъ поднять и общій политическій вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ обѣихъ сторонъ, о прерогативахъ верховной власти и правахъ аристократіи. Только ни та, ни другая сторона не была приготовлена къ разрѣшенію этого вопроса ни при Иванѣ III, ни при его внука. Страннымъ можетъ показаться, что русское общество инстинктомъ или сознательною мыслью глубже своего правительства проникало въ смыслъ совершавшихся событій, лучше понимало политическое положеніе, какое

ими создавалось. Писатели XVI вѣка говорили уже «о единомъ существѣ Русской земли» и о соединеніи «во единое существо міра всего Божиимъ милосердіемъ и царской добродѣтелью», на чемъ настаиваетъ валаамская *Бесѣда*; еще раньше старецъ Филоеѣй въ посланіи къ вел. кн. Василю писалъ, т. е. мечталъ о томъ, что уже всѣ христіанскія царства собрались въ одно царство русскаго царя. Политическое единство свободной извнѣ земли неразрывно съ ея національнымъ и церковнымъ единствомъ было для русскаго общества фактомъ, который оно почувствовало живо, съ отрадой и гордостью, почувствовало впервые послѣ ряда вѣковъ внѣшняго порабощенія и внутренняго разъединенія. Оффиціальныи языкъ, кажется намъ, можетъ служить нѣкоторымъ отраженіемъ политическихъ понятій правителей, которые имъ пользуются. Судя по нему, московское правительство и во второй половинѣ XVI в. какъ будто слабо сознавало указанный фактъ и его послѣдствія. Сохранились крестоцѣловальныя записи, по которымъ присягали царю Ивану и его царевичамъ Ивану и Ѳеодору областные судьи и таможенные головы: чиновники присягали царю, царицѣ, царевичамъ и ихъ *землямъ*. Уже съ конца XV в. московскіе государи не разъ заявляли польскому правительству, что всю Русскую землю считаютъ своей исконной прародительской отчиной; однако и въ XVI и даже въ XVII в. они продолжали называться въ торжественныхъ случаяхъ не государами единого государства Всероссийскаго, а государами Владимірскаго и Московскаго и «всѣхъ великихъ государствъ» Россійскаго царства. Отдѣльная земля, присоединенная къ старой вотчинѣ московскаго государя, долго считалась еще особымъ «государствомъ», т. е. особымъ благопріобрѣтеннымъ хозяйствомъ государя, и эта личная связь новаго пріобрѣтенія съ старой вотчиной, состоявшая въ томъ, что у нихъ являлся общій хозяинъ, кажется, чувствовалась

яснѣ всякой другой, политической или народной. И царь Иванъ въ письмѣ къ Курбскому писалъ, что русскіе самодержцы изначала сами владѣютъ «всѣми царствы» своими. Всѣ владѣнія государя составляли единую отчину *государеву*; но правительственное сознание долго не могло освоиться съ мыслью, что эта вотчина есть и цѣлое *государственное*. Самъ Иванъ, не смотря на высоту, до которой поднялся его взглядъ на значеніе государя, еще смутно понималъ недѣлимость верховной власти и въ своей духовной далъ удѣлъ младшему сыну, только съ неясной оговоркой, что этотъ удѣлъ «ему же (старшему сыну, царю) къ великому государству». Московскимъ государямъ, кажется, легче давалась идея самодержавія, чѣмъ идея еди-нодержавія: извѣстны случаи двоегосударія и въ XVII в. Изъ такихъ остатковъ удѣльныхъ отношеній и понятій, признанныхъ или еще не брошенныхъ московскимъ правительствомъ, главнымъ образомъ и слагалось политическое положеніе московскаго боярства въ его новомъ составѣ, ими и питались его аристократическія притязанія. Сопоставляя политическія возрѣнія обѣихъ сторонъ, высказавшіяся въ XVI в., находимъ, что они вовсе не расходились между собою до невозможности соглашенія. Мы видѣли, что боярство почти не требовало ничего такого, что не было бы допущено государями въ правительственной практикѣ, и не настаивало на многомъ, что тогда еще могло быть допущено въ его пользу. Его литературные представители признаютъ власть государя, какъ она есть, со всѣми ея обширными, практически выработавшимися полномочіями, даютъ государю значеніе главы правительственнаго тѣла, но при этомъ желаютъ, чтобъ и бояре, какъ мудрые совѣтники, были членами того же тѣла, а не отрѣзанными ногтями или мозолями. Иванъ жаловался на бояръ съ ихъ «начальниками» Сильвестромъ и Адашевымъ, будто они добивались того, чтобъ онъ, царь, только «словомъ

былъ государь», а сами хотѣли всѣмъ владѣть и «всю землю Русскую подъ ногами своими видѣть». Но это было преувеличеніемъ боярскихъ притязаній со стороны совѣтниковъ, подобранныхъ царю его же любимцами, если только не было преувеличеніемъ со стороны самого Ивана, котораго страхъ, обладавшій слишкомъ великими глазами, заставлялъ давать невѣроятные размѣры своимъ бѣдамъ и опасностямъ. Правда, тотъ же Иванъ непримиримо рѣзко, самымъ остріемъ поставилъ противъ боярства идею неограниченной власти. Но эта идея явилась довольно искусственно, не вышла послѣдовательно изъ органическаго роста привычнаго, отъ предковъ унаслѣдованнаго политическаго сознанія, а была, такъ сказать, наростомъ на этомъ сознаніи, натертымъ уже во время борьбы. Царь пользовался этой идеей, какъ политическимъ оружіемъ противъ бояръ, для оправданія своихъ жестокостей; но она осталась у него безъ практическаго употребленія, ничего не измѣнивъ въ основаніяхъ государственнаго порядка и только увеличивъ существовавшія въ немъ противорѣчія. Итакъ у обѣихъ сторонъ не было ни готовыхъ противоположныхъ плановъ государственнаго устройства, ни даже непримиримыхъ стремленій, изъ которыхъ могли бы выработаться такіе планы. Но при сходствѣ политическихъ понятій или, лучше сказать, политическихъ привычекъ онѣ еще связаны были одна съ другой важными практическими интересами и очень нуждались другъ въ другѣ. Бояринъ былъ нуженъ и полезенъ государю и внѣ своей правительственной дѣятельности, какъ крупный землевладѣлецъ. О князьяхъ М. Воротынскомъ и П. Одоевскомъ Курбскій пишетъ, что они и при Иванѣ IV «велія отчины подъ собою имѣли, а колико тысящъ съ нихъ не чту воинства было слугъ ихъ»; изъ зависти будто бы къ этому воинству царь и погубилъ обоихъ. Значить, они выставляли въ поле цѣлые полки ратныхъ людей, которыхъ сами вербовали, вооружали и содержали,

избавляя правительство отъ хлопотъ объ этомъ. Въ дѣлѣ обороны страны одинъ такой князь стоилъ цѣлаго уѣзда, наполненнаго мелкими вотчинниками и помѣщиками. Общій интересъ связывалъ обѣ стороны и въ дѣлѣ поземельнаго устройства крестьянскаго труда. Обоюдная выгода ихъ состояла въ томъ, чтобъ этотъ бродячій и безкапитальный трудъ привязать къ мѣсту и расширить его производство. Есть признаки, что крупнымъ землевладѣльцамъ это удавалось тогда лучше, чѣмъ мелкимъ и даже чѣмъ обществамъ черныхъ государственныхъ крестьянъ. Различіе интересовъ крупной земельной собственности и государства въ этомъ отношеніи чувствовалось еще слабо въ XVI в. Наконецъ боярство и правительство въ XVI в. вмѣстѣ боролись съ успѣхами монастырскаго землевладѣнія и его послѣдствіями, вредными для обоихъ.

Значить, безъ особаго жгучаго повода не отъ чего было возгорѣться пожару лютой въ землѣ Русской, воспуриться гоненію великому, на что жалуется кн. Курбскій. Такимъ жгучимъ поводомъ послужило при царѣ Иванѣ повторившееся столкновеніе по вопросу о престолонаслѣдіи. Вызванный этимъ случаемъ споръ продолжался и послѣ него; династическая распря перенесена была въ область высшей политики. Въ странное положеніе ставила эта распря обѣ разсорившіяся стороны: объявили другъ друга врагами, заспорили о власти, о политическихъ принципахъ люди, политически нуждавшіеся другъ въ другѣ, воспитанные въ сходныхъ политическихъ понятіяхъ и привычкахъ, привыкшіе дѣйствовать вмѣстѣ. Не слѣдуетъ однако думать, что вражда продолжалась только по недоразумѣнію, потому что враги не умѣли или не имѣли случая стовориться между собою. Несчастный династическій случай далъ почувствовать обѣимъ сторонамъ, можетъ быть, даже усилилъ существовавшее въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ противорѣчіе, которое безъ того не помѣшало бы имъ мирно

ужиться другъ съ другомъ, какъ онѣ уживались во времена Димитрія Донскаго. Это противорѣчіе состояло въ томъ, что московскій государь, котораго ходъ исторіи велъ къ демократическому полновластію, долженъ былъ дѣйствовать посредствомъ очень аристократической администраціи, и обѣ эти силы, выросшія вмѣстѣ благодаря государственному объединенію Руси и вмѣстѣ работавшія надъ этимъ объединеніемъ, прониклись взаимнымъ недовѣріемъ и враждой благодаря нѣкоторымъ несчастнымъ случаямъ въ исторіи московской династіи. Московское государство въ XVI в. представляло монархію съ государемъ во главѣ, власть котораго ничѣмъ формально не была ограничена кромѣ практической необходимости дѣлиться ею съ знатными врагами. Правительственный обычай и общіе интересы заставляли обѣ стороны дѣйствовать вмѣстѣ, дѣлали ихъ необходимыми другъ для друга, и эта необходимость только обостряла вражду, усиливала столкновеніе. Обѣ стороны увидѣли себя въ чрезвычайно неловкомъ положеніи и не знали, какъ изъ него выйти. Ни боярство не умѣло устроиться и устроить государственный порядокъ безъ государевой власти, какой она была тогда, ни государь не зналъ, какъ управиться безъ боярскаго содѣйствія съ своимъ царствомъ въ его новыхъ предѣлахъ; ни та, ни другая сторона не знала, какъ ужиться одной съ другой и какъ обойтись другъ безъ друга. Онѣ попытались раздѣлиться, жить рядомъ, но не вмѣстѣ. Попыткой устроить такое политическое сожителство и было раздѣленіе государства на земщину и опричнину. Форма послѣдней, какъ мы замѣтили выше, была указана или подсказана Ивану московскимъ правительственнымъ преданіемъ. Когда старое удѣльное зданіе Московскаго княжества, такъ сказать, со всѣхъ сторонъ заставилось новыми государственными пристройками, ближняя государева дума послужила одной изъ связей перваго съ послѣдними. Но ближняя дума была реставраціей боярскаго

совѣта удѣльнаго времени, когда послѣдній превратился въ постоянный правительственный корпусъ съ определеннымъ многосложнымъ вѣдомствомъ и составомъ, основаннымъ на новомъ складѣ боярства. Не устраняя дѣятельности боярской думы и составляясь обыкновенно изъ ея же членовъ, ближній совѣтъ былъ со стороны государя косвеннымъ признаніемъ этой думы въ значеніи такого правительственнаго корпуса и слѣдовательно признаніемъ боярства въ значеніи правительственного класса. Къ ближнимъ думнымъ людямъ примыкали ближніе постельничіе, стольники и нѣкоторые другіе дворцовые чины, которые подъ общимъ названіемъ «ближнихъ людей» слѣдовали въ придворной іерархіи непосредственно за думными и вмѣстѣ съ ближними людьми думныхъ чиновъ составляли государствену *комнату*. Выдѣленіе этой комнаты изъ большого двора было слѣдствіемъ желанія государей сохранить около себя привычную тѣсную обстановку удѣльнаго времени среди придворнаго штата, принимавшаго все большіе размѣры: такъ точно, построивъ себѣ большія каменные палаты, они долго еще продолжали жить въ тѣсныхъ деревянныхъ хоромахъ, напоминавшихъ имъ удѣльныя избы ихъ предковъ. Опричина была развитіемъ этой комнаты, только доведеннымъ до крайности, получившимъ ненормальные размѣры согласно съ характеромъ ея учредителя, что еще болѣе дѣлало ее похожей на реставрацію удѣла: въ ней были не только особые ближніе бояре, окольничіе и другіе чины, но и весь дворовый штатъ ближній, полный дворъ, даже съ особой ближней гвардіей, конной и пѣшей. Поэтому на учрежденіе опричины можно смотрѣть какъ на завершеніе того, чѣмъ была ближняя дума: имъ завершилось признаніе политическаго значенія боярства и боярской думы со стороны государя. Специальной полицейской цѣлью опричины не ослаблялось, а только рѣзче обозначалось это признаніе. Опричина боролась не съ порядкомъ, а съ ли-

цами, провозглашала неблагонадежность послѣднихъ и подтверждала удовлетворительность перваго, была направлена не противъ положенія цѣлаго правительственнаго класса въ государствѣ, а противъ отдѣльныхъ людей этого и даже не одного этого класса, навлекавшихъ на себя полицейское подозрѣніе или попадавшихъ подъ руку царя въ дурную минуту. Такъ въ опричинѣ сказалось одно изъ главныхъ основаній московскаго государственнаго порядка, создавшагося въ XV—XVI вѣкахъ: надъ *лицами* государь воленъ, можетъ казнить ихъ за вины и опалы на нихъ власть, но не можетъ устранить отъ власти правительственнаго *класса*, обойтись безъ его содѣйствія. Того же взгляда держалось само боярство. По наказу, данному боярской думой, московскіе послы кн. И. М. Воротынскій съ товарищами, въ 1615 г. переговариваясь съ Поляками, должны были при случаѣ сказать имъ отъ имени «природныхъ» боярь: «видали мы отъ прежнихъ государей опалы себѣ, *только во всемъ государствѣ справа всякая была на насъ*, а худыми людьми насъ не безчестили и чести нашей природной не отнимали». Въ такомъ исходѣ политической борьбы, разрѣшившейся личною враждой, даже не удержавшейся въ предѣлахъ борьбы съ классомъ, и сказалась существенная особенность власти московскаго государя, безграничной по отношенію къ лицамъ, но сдержанной и скромной въ отношеніи къ порядку. Это признаніе выразилось въ болѣе самостоятельной постановкѣ думы, въ томъ, что ей предоставлено было вести текущія дѣла управленія безъ участія царя, который, живя внѣ Москвы, пріѣзжалъ въ столицу «не на великое время». Не слѣдуетъ впрочемъ думать, чтобы царь совсѣмъ пересталъ являться въ совѣтъ земскихъ боярь. Сохранилось нѣсколько приговоровъ думы, изданныхъ во времена опричины отъ имени первоприсутствующаго боярина съ товарищами, даже съ участіемъ духовенства, но состоявшихся безъ царя, только по царскому

приказу или слову. Но извѣстны и законы, начинающіеся обычною формулою приговоровъ царя «со всеми бояры», согласно съ указомъ объ опричиннѣ, по которому земскіе бояре должны были приходиться къ царю въ случаѣ особо важныхъ земскихъ дѣлъ и ратныхъ вѣстей ¹⁾).

Соединяя черты, которыми обозначились взаимныя отношенія государя и боярства въ XVI в., находимъ, что обѣ стороны признавали другъ за другомъ государственное значеніе, какое для каждой изъ нихъ создано было практически, ходомъ исторіи. Государь признавалъ бояръ прямыми и необходимыми своими сотрудниками въ земскомъ строеніи и ратныхъ дѣлахъ, правящимъ классомъ въ предѣлахъ существующаго порядка. Отецъ и дѣдъ Грознаго признавали это и въ теоріи, и на практикѣ; Грозный въ разгарѣ борьбы попытался отвергнуть это въ теоріи, но продолжалъ признавать на практикѣ. Боярство съ своей стороны видѣло въ государѣ необходимаго носителя верховной власти, какъ тогда ее понимало, и не простирало своихъ политическихъ желаній далеко за предѣлы существующаго порядка. Кореннаго измѣненія послѣдняго, новаго государственнаго строя не добивается ни та, ни другая сторона: обѣ стоятъ на исторической дѣйствительности, на существующихъ фактахъ, не углубляясь въ ихъ внутреннее противорѣчіе другъ другу. Этимъ и парализовалась та доля боярскаго вниманія къ вопросамъ высшей политики, которая оставалась отъ заботъ, возбуждавшихся ходомъ народнаго хозяйства. Правда, со стороны царя обнаруживаются нѣкоторые признаки неяснаго предчувствія этого противорѣчія, смутные помыслы о томъ, что дѣйствующій со-

¹⁾ См. напримѣръ Акты Ист. I, стр. 270 и слѣд. Въ царскомъ архивѣ хранились „списки государеву сидѣнью о всякомъ земскомъ указѣ“, т. е. протоколы думскихъ засѣданій государя съ боярами за январь 1568 года. Акты Арх. Эксп. I, стр. 349. Соловьева, Ист. Росс. IX, 54.

ціальный составъ управленія въ государствѣ неудобенъ для государя и долженъ быть замѣненъ другими административными орудіями, болѣе соответствующими политической натурѣ московскаго монарха, какъ онъ начиналъ созидать себя. Въ извѣстномъ юмористическомъ письмѣ Грознаго къ Васюшкѣ Грязному читаемъ откровенное признаніе царя: «по грѣхамъ нашимъ учинилось, и намъ того какъ утаити, что отца нашего и наши бояре учили намъ измѣнять, и мы васъ страдниковъ приближали, хотячи отъ васъ службы и правды». Этой мысли царь не скрываетъ и въ письмахъ къ Курбскому; она, разумѣется, встрѣчала полное сочувствіе въ обществѣ худородныхъ «кромѣшниковъ». Здѣсь также роились неясныя идеи дворянской демократіи. Презирая мѣстническое преданіе, упомянутый сейчасъ Васюкѣ Грязной отвѣчалъ царю на его признаніе: «ты, государь, какъ Богъ, и малаго дѣлаешь великимъ». Извѣстно, какъ не любила опричина мѣстничества. Послѣ спорившіе о мѣстахъ, желая показать, что извѣстный служебный случай былъ неправиленъ и не имѣетъ цѣны, говорили: «то дѣялось въ опришнинѣ». *Эпистоля* Ивашки Пересвѣтова была отвѣтомъ этого общества Александровской слободы на памфлеты, выражавшіе идеи московскаго боярства. Здѣсь предостерегаютъ царя Ивана отъ ловленія со стороны ближнихъ людей, безъ которыхъ онъ не можетъ «ни часу быти»; другаго такого царя во всей подсолнечной не будетъ, лишь бы только Богъ соблюлъ его отъ «ловленія вельможъ». Вельможи у царя худы, крестъ цѣлуютъ да измѣняютъ; царь междуособную войну «на свое царство пушаетъ», назначая ихъ управителями городовъ и волостей, а они отъ слезъ и крови богатѣютъ и лѣнивѣютъ. Кто приближается къ царю вельможествомъ, а не воинской выслугой или другой какой мудростью, тотъ чародѣй и еретикъ, у царя счастье и мудрость отнимаетъ, того жечь надо. Авторъ считаетъ образцовымъ порядокъ, заведенный

царемъ Магметъ-салтаномъ, который возведетъ правителя высоко «да и пхнетъ его въ зашею надолъ», приговаривая: не умѣлъ въ доброй славѣ жить и вѣрно государю служить. Государю пристойно со всего царства доходы собирать себѣ въ казну, изъ казны воинамъ (не вельможамъ) сердце веселить, къ себѣ ихъ припускать близко и во всемъ имъ вѣрить ¹⁾). Но и Грозный и Грязные, ему понадобившіеся, оставались пока при однихъ помыслахъ о новомъ порядкѣ, безъ средствъ и рѣшительныхъ попытокъ осуществить ихъ. И въ противной сторонѣ борьба вызвала нѣкоторыя новыя ощущенія, которыя облеклись въ политическія формы, въ опредѣленные планы государственнаго устройства уже въ поколѣніи, слѣдовавшемъ за сверстниками Грознаго. Такъ обѣ стороны до самаго исполненія боярскаго пророчества, до пресѣченія династіи, не нашли выхода изъ неловкаго положенія, въ какомъ себя почувствовали, хотя на одной сторонѣ стоялъ «мужъ чуднаго разсужденія, мужъ толико славенъ и толико многоразсуденъ», какъ отзывались современники о царѣ Иванѣ, да и у противниковъ его не было недостатка ни въ напряженіи мысли, ни въ талантахъ. Это потому, что надъ талантами, идеями, капризами и страхами обѣихъ сторонъ высился порядокъ, державшійся на обычаяхъ, преданіи, поколебать который онѣ были безсильны, пока онѣ самъ не поколебался подъ дѣйствіемъ новыхъ обстоятельствъ.

¹⁾ Карамз. IX, прим. 405, 406 и 849.

ГЛАВА XVIII.

Мысль оградить политическое значеніе думы договоромъ съ государемъ возникла въ одномъ поколѣніи боярства подѣ вліяніемъ исключительныхъ обстоятельствъ.

Опричнина была направлена противъ лицъ, а не противъ существовавшаго государственнаго порядка. Но борьба уже потому не могла не отозваться и на государственномъ порядкѣ, что измѣнила лица, служившія ему опорой.

Эта борьба произвела двоякую перемѣну въ высшихъ слояхъ служилаго московскаго класса, нравственную и генеалогическую. Есть извѣстія о нѣкоторыхъ дьякахъ и людяхъ боярскаго происхожденія, которые помощію дипломатической службы или другихъ обстоятельствъ приобрѣтали въ XVI в. нѣкоторое знакомство съ западною Европой и ея образованіемъ, имѣли случай обучиться, говоря словами князя Курбскаго, «шляхетнымъ наукамъ и языку римскому или алеманскому». Какъ рѣдкія исключенія, эти случаи едва ли могли замѣтно подѣйствовать на политическія понятія правительственнаго класса. Можетъ быть, они помогли пробужденію въ немъ нѣкотораго любопытства, желанія узнать покороче Западъ, съ которымъ у московскаго правительства завязалось уже столько сношеній и счетовъ, откуда столько людей приходило въ Москву. По крайней мѣрѣ царскій посолъ Даниилъ Принцъ изъ Бухова, бывшій въ Москвѣ въ 1570-хъ годахъ, слышалъ здѣсь о жалобахъ многихъ на свою замкнутость, на то, что они не смѣютъ ни сами съѣздить, ни дѣтей своихъ послать въ чужіе края. И кн. Курбскій считаетъ такую замкнутость «непохвальнымъ обыкновеніемъ», упрекая царя въ письмахъ къ нему за то, что онъ «затворилъ царство

Русское, сирѣчь свободное естество человѣческое, аки во адовѣ твердынѣ». Но несомнѣнно, что борьба и сопровождавшія ее опалы, казни и конфискаціи пробудили въ боярствѣ сильное чувство если не политической, то по крайней мѣрѣ личной свободы и безопасности и стремленіе найти ее хотя бы внѣ «отечества неблагодарнаго, земли лютыхъ варваровъ». Въ 1568 г. король польскій Сигизмундъ Августъ далъ жалованную грамоту князю М. А. Оболенскому, который съ женою выѣхалъ изъ земли королева непріятеля, великаго князя московскаго, «слышачи о вольностяхъ и свободахъ въ панствахъ нашихъ», прибавляетъ король въ грамотѣ ¹⁾).

Это чувство надобно считать главною причиною усиленной боярской эмиграціи въ царствованіе Грознаго. Въ числѣ бояръ, отказывавшихся въ 1553 г. присягать царевичу Дмитрію, былъ кн. Семень Ростовскій. Онъ вскорѣ послѣ того послалъ къ польскому королю сказать, что идетъ къ нему съ своими братьями и племянниками. Князь Семень вмѣсто вольной Польши попалъ въ бѣлозерскую тюрьму. Но со времени этого династическаго столкновенія идетъ длинный рядъ бѣглецовъ, спасавшихся въ свободную страну отъ московскаго рабства. Въ этомъ ряду встрѣчаемъ людей и большихъ и малыхъ боярскихъ родовъ, титулованныхъ и простыхъ, и кн. Глинскихъ, кн. Пронскихъ, кн. Шуйскихъ, кн. Курбскихъ, кн. Оболенскихъ, Воронцовыхъ-Вельяминовыхъ, Жулебиныхъ, и подлѣ нихъ какихъ-ни-

¹⁾ Д. Принцъ въ Чт. Общ. Ист. и Др. Росс. 1876 г., кн. 3, IV, стр. 31. Сказ. кн. Курбскаго, 235. Акт. З. Рос. III, № 87. Въ концѣ царствованія Грознаго, если вѣрить Поссевину, изъ членовъ думы только думный дворянинъ Зюзинъ зналъ нѣсколько по-латыни да думный дьякъ А. Щелкаловъ по-польски. Зюзинъ родился въ Литвѣ, куда еще дѣдъ его бѣжалъ съ послѣднимъ великимъ княземъ Твери. Русск. Ист. Сборн. Общ. Ист. и Др. Р. V, 4 и 6. Горсей пишетъ, что составилъ для Ѳ. Н. Романова латинскую грамматику русскими буквами, которой тотъ усердно занимался.

будь кн. Морткиныхъ, кн. Масальскихъ, кн. Барятинскихъ, кн. Долгорукихъ, дѣйствовавшихъ на скромной дворовой службѣ у владыки новгородскаго, и даже такихъ Плещеевыхъ, которые служили во дворѣ Бутурлиныхъ. Эта эмиграція едвали меньше унесла знатныхъ именъ изъ московскихъ разрядныхъ списковъ, чѣмъ казни временъ опричнины. Много такихъ именъ значится у кн. Курбскаго и въ синодикѣ царя Ивана въ числѣ жертвъ борьбы. Но Курбскій часто преувеличиваетъ генеалогическую разрушительность этой борьбы, рассказывая объ очень многихъ фамиліяхъ, будто онѣ цѣликомъ, «всеродиѣ» истреблены были Грознымъ. Это онъ говоритъ между прочимъ о Колычовыхъ, Заболоцкихъ, о князьяхъ Одоевскихъ и Воротынскихъ; но по разряднымъ книгамъ XVII в. извѣстно не мало людей съ этими фамиліями. Если мы припомнимъ къ этому, сколько большихъ или по крайней мѣрѣ старинныхъ родословныхъ фамилій въ концѣ XVI и въ началѣ XVII в. выбыло изъ верхнихъ служилыхъ слоевъ независимо отъ казней и побѣговъ, вымерло естественною смертью или унало на низъ служилаго общества, то пойдемъ, какъ долженъ былъ измѣниться генеалогическій составъ московскаго боярства: оно въ одно и то же время стало и менѣе терпѣливымъ, и болѣе разбитымъ.

Впрочемъ объ эти перемѣны сами по себѣ не произвели бы такого быстраго и сильнаго дѣйствія на государственнѣй порядокъ, еслибы къ нимъ не присоединилось еще одно обстоятельство, прекращеніе московской царской династіи. Это событіе имѣло огромное вліяніе на умы и образъ дѣйствій боярства. Старая династія, собравшая это боярство, была крѣпкимъ узломъ всѣхъ его отношеній. Боярство привыкло къ ней, съ ней строило государственный порядокъ и заводило правительственный обычай. Обѣ стороны, не смотря на политическое разстояніе, все болѣе ихъ раздѣлявшее, знали цѣну другъ другу и многое прощали

одна другой, какъ старыя знакомыя и товарищи. Московскій государь считалъ своихъ правительственныхъ сотрудниковъ наслѣдственными извѣчными боярами своего дома. Бояре съ своей стороны видѣли въ немъ своего государя прирожденнаго, своего хозяина, и этотъ взглядъ, унаслѣдованный еще отъ удѣльнаго времени, болѣе всего, можетъ-быть даже больше Ивановыхъ жестокостей, сдерживалъ боярскія притязанія и замыслы. Въ Смутное время Поляки, присмотрѣвшись къ придворнымъ московскимъ обычаямъ, были поражены близостью отношеній правительственнаго класса къ главѣ государства, постояннымъ присутствіемъ высшаго духовенства и бояръ при особѣ царя, который шагу безъ нихъ не дѣлалъ, безпрестанными придворными угощеніями бояръ и думныхъ людей, на что тратилось пропасть времени и казны. Чтобы вырвать царя изъ этой плотной среды, его замыкавшей въ себѣ и мѣшавшей польскимъ планамъ, Поляки считали необходимымъ хотя на время перенести царскую резиденцію изъ Москвы куда-нибудь. Но Поляки застали въ Москвѣ лишь остатки придворныхъ отношеній, заведенныхъ при старомъ царскомъ родѣ, хозяинѣ земли. Теперь, когда такого хозяина не стало, все отношенія правительственнаго класса стали путаться и разрываться, его политическія понятія и интересы остались безъ привычнаго устоя, на которомъ они держались. О возможности править царствомъ безъ царя бояре думали, можетъ-быть, еще меньше, чѣмъ царь думалъ о возможности править безъ бояръ. Важнѣе всего было то, что пошатнулся правительственный обычай, когда изъ свода государственнаго зданія выпалъ сцѣпившій его вѣнецъ.

Все эти переменныя и создали тотъ періодъ въ исторіи боярской думы, который начался царствованіемъ Василія Шуйскаго и кончился царствованіемъ Михаила. Политическое значеніе думы въ этотъ періодъ держалось не на правительственномъ только обычаяхъ, но и на формальномъ до-

говорѣ съ государемъ. Мысль объ этомъ договорѣ, незна-
комая прежнимъ поколѣніямъ правительственнаго класса,
возникла и развивалась постепенно подъ вліяніемъ указан-
ныхъ перемѣнъ. Къ нимъ присоединились созданныя извѣст-
ными событіями Смутнаго времени обстоятельства, которыя
безъ этихъ перемѣнъ не произвели бы на умы того дѣйствія,
какое они имѣли. Прежде всего, церемонія избранія Бориса
на царство дала почувствовать значеніе политической силы,
которой правительственный классъ не замѣчалъ прежде или
на которую онъ свысока смотрѣлъ какъ на вспомогатель-
ное орудіе управленія: этой силой была всенародная воля.
По разсказу одного хронографа, Борисъ своимъ упрямствомъ
въ отказѣ отъ престола нарочно старался вызвать сцену
всенароднаго моленія о принятіи царскаго вѣнца, чтобы
зажать ротъ завистникамъ: я де не самохотѣніемъ принялъ
скипетръ, но «народнымъ множествомъ, всего Россійскаго
государства раченіемъ и возлюбленіемъ избранъ». Потомъ,
тогда съ разныхъ сторонъ толковали московскому обществу
о правахъ и свободѣ. Мнишекъ посылалъ въ Москву ска-
зать боярамъ и всему рыцарству, что будетъ хлопотать
объ увеличеніи правъ боярскихъ и дворянскихъ, за что
кн. Мстиславскій и кн. Воротыньскій благодарили добраго
пана. Самъ Лжедмитрій въ манифестѣ, всенародно прочи-
танномъ на площади въ Москвѣ его агентами, писалъ бо-
ярамъ, дворянамъ и торговымъ людямъ о притѣсненіяхъ,
какія они терпѣли отъ царя Бориса, какихъ и отъ природ-
наго государя терпѣть невозможно, и обѣщалъ боярамъ
«честь и повышеніе учинить» и ихъ въ чести держать,
торговымъ людямъ сулилъ льготы въ податяхъ и пошли-
нахъ. Данное Борисомъ подъ рукой при вступленіи на
престолъ обѣщаніе никого не казнить смертію въ первыя
5 лѣтъ и слѣдовавшія за тѣмъ полицейскія козни поде-
зрительнаго царя и жестокости, напомнившія ненавистную
опричнину, новости, введенныя въ думѣ самозванцемъ въ

подражаніе польскому сенату, любовь этого царя говорить на засѣданіяхъ думы краснорѣчивыя рѣчи со ссылками на исторію и на видѣнное имъ въ чужихъ земляхъ и заводитъ даже горячіе споры съ боярами, его ласковость къ знати, казавшаяся чрезмѣрной, передача дѣла о крамолѣ кн. Шуйскаго на судъ земскаго собора, чего прежде не бывало — все это при общемъ возбужденіи должно было произвести сильное впечатлѣніе на людей, и безъ того сбившихся съ привычной колеи, подѣйствовать разрушительно на весь «чинъ» политической жизни, на строгую дисциплину понятій и отношеній, заведенную при дворѣ старыхъ московскихъ царей и въ старомъ московскомъ обществѣ. Всѣ эти обстоятельства, дѣйствуя вмѣстѣ, произвели глубокую перемѣну въ политическихъ понятіяхъ и нравахъ общества, высшихъ и низшихъ слоевъ его. Въ послѣднихъ эта перемѣна обнаруживалась политической распущенностью. Надобно признать долю правды въ словахъ иностранныхъ наблюдателей, которые писали, что уже въ началѣ царствованія Шуйскаго московская чернь, избалованная недавними переворотами, въ надеждѣ грабежа готова была хоть каждую недѣлю мѣнять царя. Въ высшихъ классахъ зародились новые политическіе вкусы. По замѣчанію тѣхъ же наблюдателей, первый самозванецъ иногда слишкомъ ласково обходился съ вельможами и «мало по малу давалъ чувствовать Русскимъ, сколь счастливъ народъ свободный, управляемый милосерднымъ государемъ». Власть этого самозванца не была ограничена формально; однако боярское правительство Шуйскаго обвиняло его даже въ томъ, что онъ иногда посылалъ въ Польшу пословъ по своей волѣ, безъ вѣдома «сенаторей», и признавало такія посольства незаконными. Уже въ началѣ царствованія Шуйскаго нѣкоторые въ Москвѣ желали установить избирательную монархію, подобную польской. Царь Василій преслѣдовалъ людей съ такимъ образомъ мыслей; но его собственные послы должны были по

наказу говорить въ Польшѣ о правѣ всего московскаго на рода «осудить истиннымъ судомъ» и казнить за злыя богомерзкія дѣла такого царя, какимъ былъ Лжедмитрій. Эти послы говорили и больше того: они доказывали, что хотя бы явился и прямой прирожденный государь царевичъ Дмитрій, но если его на государство не похотятъ, ему силою нельзя быть на государствѣ. Даже у кн. Курбскаго вѣроятно встали бы волосы дыбомъ отъ такой политической ереси, а кн. Гр. Волконскій и дьякъ Ивановъ, ее проповѣдовавшіе оффиціально, оставались повидимому совершенно спокойны ¹⁾).

Подъ вліяніемъ такого переворота въ умахъ составились два плана государственнаго устройства, основаннаго на политическомъ договорѣ, съ неодинаковою правительственною постановкою боярской думы въ каждомъ. Оба эти плана впрочемъ различались между собою не столько основаніями, сколько степенью политическаго развитія, конституціонной разработки этихъ основаній. Притомъ неодинаково было соціальное происхожденіе того и другаго плана: одинъ былъ произведеніемъ высшей титулованной знати, другой принадлежалъ знати второстепенной съ выслужившимися перодовитыми дѣльцами.

Въ первые годы опричнины худородные московскіе эмигранты упрекали знатное боярство, что у него Богъ за грѣхи, видно, умъ отнялъ, если оно съ такимъ терпѣніемъ отдаетъ себя въ жертву царской жестокости, не жалѣя своихъ женъ и дѣтей ²⁾). Однако дальнѣйшія дѣйствія опричнины заставили бояръ взяться за умъ, подумать о себѣ и о своихъ семьяхъ, а опалы Годунова образумили ихъ еще болѣе.

1) Соловьевъ, Ист. Росс. VШ, 216 и сл., 205. Маржереть въ Сказ. современ. о Дмитріи Самозванцѣ, Ш, 89 и 101. Записки Жолкевскаго, изд. 2, стр. 12.

2) Письмо Тетерина и Сарыгозина къ М. Я. Морозову въ Сказ. кн. Курбскаго, стр. 374.

Пресѣченіе династіи помогло найти средство обезпеченія личной безопасности. При отношеніяхъ, какія существовали между знатью и старою династіей, странной показалась бы боярину мысль о формальномъ политическомъ контрактѣ съ государемъ. Но она была естественна, когда на престолѣ вступалъ одинъ изъ своей же братіи боярь. Эта мысль, надобно думать, жила уже среди боярства при избраніи Годунова на престолѣ: только ея присутствіе дѣлаетъ понятной комедію, устроенную тогда «лукавой лисой», какъ называетъ лѣтописецъ Бориса. Обѣ стороны выжидали, которая сдѣлаетъ первый шагъ, и молчали. Бояре ждали, что Борисъ наконецъ догадается и заговоритъ объ обязательствахъ, объ уговорѣ, а Борисъ ждалъ, пока московскій народъ и земскій соборъ заставятъ боярь признать его безъ всякихъ обязательствъ съ его стороны. Борисъ перемолчалъ и дождался своего: по разсказу одного современника ¹⁾, онъ тогда только склонился на моленіе московскаго народа, когда убѣдился, что «никотораго прекословія ему нѣсть ни отколѣ отъ мала даже и до велика». За это знать и приготовила гибель Борису и его семейству. Вступленіе на престолѣ перваго самозванца показываетъ, что именно прекращеніе прежней династіи было для большихъ боярь ближайшимъ источникомъ мысли объ ограниченіи верховной власти. Годъ спустя эти бояре обязали царя Василя Шуйскаго извѣстными условіями, а бродягу признали царемъ безъ условій, хотя многіе знали, что онъ

1) Кн. Ив. М. Катырева-Ростовскаго, повѣствованіе котораго о Смутномъ времени вошло въ хронографъ С. Кубасова. А. Попова Изборникъ, стр. 286; объ авторѣ сл. стр. 291 и 315 съ Книг. Разр. I, стр. 29 и 566, и Русск. Ист. Библ., т. 2, № 90. Въ боярской книгѣ 1627 г. этотъ кн. Иванъ поставленъ первымъ дворяниномъ московскимъ; онъ умеръ, какъ видно изъ позднѣйшихъ боярскихъ книгъ, въ 1641 г. Другихъ сыновей у боярина кн. М. П. Катырева не видать по книгамъ, а въ старыхъ родословныхъ нѣтъ и Ивана.

не сынъ Грознаго. Но самозванецъ шелъ въ личинѣ царевича стараго царскаго рода, съ которыми договариваться не довелось, не было въ обычаѣ. Заговоръ, низвергнувшій самозванца, былъ дѣломъ чисто боярскимъ, даже олигархическимъ: имъ руководили немногіе первостепенные бояре, кн. В. Шуйскій съ братьями, кн. Голицынъ, кн. Курякинъ. Даже не все родовитое боярство участвовало въ переворотѣ: по замѣчанію келаря Авраамія Палицына, Шуйскій «малыми иѣкими отъ царскихъ полатъ излюбленъ бысть царемъ и никимъ же отъ вельможъ пререкованъ, ни отъ прочаго народа умоленъ». Впрочемъ и это молчаливое одобреніе выбора остальными боярами повидимому не было единодушнымъ: Маржереть говоритъ о вельможахъ, которые вскорѣ по избраніи царя едва не свели его съ престола, негодуя на то, что онъ былъ избранъ безъ ихъ согласія. На совѣщаніи передъ возстаніемъ титулованные заговорщики положили, что кому изъ нихъ придется быть царемъ, тотъ не долженъ никому мстить за прежнія досады, но править царствомъ «по общему совѣту», т. - е. по совѣту всѣхъ бояръ: такъ надобно понимать эти слова по ходу современнаго разсказа о переворотѣ и по событіямъ, его сопровождавшимъ.

Таково было первое боярское выраженіе мысли о политическомъ договорѣ; но эта мысль получила неширокое развитіе. По грамотѣ, которою новый царь Василій извѣстилъ государство о своемъ избраніи, власть его ограничивалась одними боярами, то-есть боярскою думой: безъ нея, «не осудя истиннымъ судомъ съ бояры своими», онъ обязывался никого не предавать смерти, не отнимать имѣнія у семействъ преступниковъ и ихъ родственниковъ, если они не участвовали въ преступленіи, не слушать доносовъ, но разслѣдовать дѣло, ставя обвиняемаго и обвинителя «съ очей на очи», наказывать ложныхъ доносчиковъ. Вотъ всѣ политическія обезпеченія, выговоренныя первостепеннымъ бояр-

ствомъ. Они не шли далѣе личной и имущественной безопасности отъ произвола сверху и дѣлали боярскую думу единственнымъ оплотомъ этой безопасности: дума становилась высшимъ судилищемъ по самымъ важнымъ преступлениямъ и преимущественно политическимъ. Остается неяснымъ, какое значеніе имѣлъ земскій соборъ по боярской конституціи Шуйскаго. Этотъ царь избранъ былъ на престолъ не земскими «депутатами», какъ выражались московскія канцеляріи въ Смутное время, а случайной толпой, собравшейся на Красной площади и состоявшей преимущественно изъ московскихъ служилыхъ людей. Царь Василій и правилъ безъ содѣйствія выборныхъ отъ земли. Но трудно рѣшить, условія ли его уговора съ боярами, или смутныя обстоятельства его непродолжительнаго царствования мѣшали созыву земскаго совѣта. Видно только, что и при Шуйскомъ мысль о земскомъ соборѣ не угасала ни въ обществѣ, ни въ самомъ правительствѣ. Напротивъ, это учрежденіе считалось единственной властью, имѣющей право избирать царя, какъ и низводить его съ престола. По низверженіи перваго самозванца бояре настаивали на необходимости согласиться со всею землею, призвать въ Москву совѣтныхъ людей изъ городовъ, чтобы выбрать царя, который бы всѣмъ былъ любъ. Многіе потому и оспаривали законность власти Шуйскаго, что онъ избранъ былъ безъ согласія земли, «малыми и ѣкими отъ царскихъ палатъ». Въ 1609 г. Сунбулову и его товарищамъ, требовавшимъ на Красной площади низложенія царя, толпа возражала, что «безъ большихъ бояръ и всенароднаго собранія» его съ царства свести невозможно. То же самое говорилъ мятежникамъ и царь Василій: «убить меня вы можете, но не можете согнать меня съ престола безъ большихъ бояръ и дворянъ, безъ совѣта всей земли» ¹⁾. Любопытно, что

¹⁾ Карамзинъ, XII, прим. 354. А. Попова Изборникъ, 198: „аще ли отъ престола и царства мя изгоняете, то не има-

правительство и самъ патріархъ въ оффиціальныхъ актахъ и изустныхъ рѣчахъ къ народу старались представить избраніе Василя дѣломъ земскаго собора: его де выбрали «всякіе люди Московскаго государства всемъ Московскимъ государствомъ», или «всякіе люди всехъ чиновъ и все православныя христіане», изо всехъ де городовъ на его царскомъ избраніи были люди многіе. Дѣло было вовсе не такъ; но это стараніе такъ изобразить дѣло лучше всего доказываетъ, что именно такой порядокъ избранія само боярское правительство Шуйскаго считало единственно правильнымъ. Всемъ этимъ объясняется странный случай, бывшій при воцареніи Василя. Одинъ лѣтописецъ рассказываетъ, что скрѣпя присягой свои обязательства въ Успенскомъ соборѣ, новый царь началъ говорить, чего искони вѣковъ въ Московскомъ государствѣ не важивалось: «цѣлую я крестъ *всей земли* на томъ, что мнѣ ни надъ кѣмъ ничего не дѣлати безъ *собору* никакого дурна». Значитъ, царь хотѣлъ ограничить свою власть не боярскою думой, а земскимъ собраніемъ. Имъ руководило понятное соображеніе: ограниченія власти требовало высшее боярство, а не вся земля, и потому земскій соборъ былъ бы гораздо болѣе удобнымъ товарищемъ по власти, чѣмъ боярская дума. Но еще любопытнѣе возраженіе противъ поступка царя Василя: «бояре и *всякіе люди* говорили ему, чтобъ онъ на томъ креста не цѣловалъ, потому что въ Московскомъ государствѣ того не повелось». Легко видѣть, противъ чего направлено было возраженіе. Въ обязательствѣ править по общему боярскому совѣту Шуйскій и его товарищи по заговору уговорились еще заранѣе, и большинство бояръ не противорѣчило воцаренію Василя на такомъ условіи. Слѣдовательно бояре возражали не про-

те сего учинити, дондеже снидутся все большіе боляре и всехъ чиновъ люди и азъ съ ними, и какъ вся земля совѣтъ положить, такъ и азъ готовъ по тому совѣту творити“.

тивъ ограниченія царской власти вообще. Они могли возражать только противъ присяги царя всей землѣ, противъ ограниченія его власти земскимъ соборомъ, а не боярскою думой: иначе весь ходъ дѣла, какъ его передаютъ современники, становится непонятенъ¹⁾. Значить, бояре и всякіе люди находили, что дѣлить власть съ земскимъ соборомъ царю не повелось, а дѣлить ее съ боярскою думой повелось. Такъ сказалось политическое возрѣніе, воспитанное правительственной практикой XVI в. Отсюда же становится понятно и то, какъ смотрѣли въ началѣ XVII в. русское общество и само боярство на земскій соборъ и боярскую думу. Необходимость выбирать царя была новымъ, непривычнымъ фактомъ въ Московскомъ государствѣ. Это дѣло было признано исключительнымъ правомъ земскаго собора, недавняго учрежденія, которое вызвано было къ жизни именпо для разрѣшенія новыхъ чрезвычайныхъ вопросовъ государственнаго порядка. Но земскій соборъ не вмѣшивался въ текуція дѣла законодательства и управленія: то вѣдалъ царь съ боярскою думой. Шуйскій затѣялъ необычную повизну, поклялся ни надъ кѣмъ не дѣлать никакого дурна безъ собора, т. е. попытался вовлечь земскій соборъ въ текуція дѣла управленія и суда. Его присяга *всей землѣ* была попыткой государственнаго удара, который долженъ былъ освободить царя отъ обязательствъ передъ боярами и ограничить его власть учрежденіемъ, къ тому не привыкшимъ, т. е. долженъ былъ избавить власть царя отъ всякаго ограниченія. Но никто не признавалъ такого значенія за земскимъ соборомъ, ни бояре, ни «всякіе люди». Вотъ почему правительство царя Василя въ манифестѣ о его избраніи нашло болѣе приличнымъ и согласнымъ съ

1) Лѣтоп. о мятежахъ, 102. Никон. VШ, 75 и сл. Палицына Сказаніе, 29. Карамзинъ, XI, прим. 524. Соловьевъ, VШ, 267. Собр. гос. гр. и дог. II, № 140.

политическимъ обычаемъ скрыть, что произошло въ Успенскомъ соборѣ, объявивъ отъ имени царя, что онъ поволѣлъ раздѣлить власть съ своими боярами, а не съ собраніемъ всѣхъ чиновъ людей. Бояре отстаивали свою аристократическую старину XVI вѣка, а Шуйскій выступилъ агитаторомъ, демагогомъ, захотѣлъ идти по слѣдамъ Б. Годунова и перваго самозванца, неудачно попробовалъ стать съ помощію «всенароднаго собранія» неограниченнымъ монархомъ. Этимъ консервативнымъ направленіемъ боярства объясняется и видимая неразвитость его договора съ царемъ, выраженнаго въ такомъ ограниченномъ количествѣ условій, которыя притомъ исключительно направлены къ огражденію личной и имущественной безопасности отъ произвола сверху. Боярство живо чувствовало потребность оградить себя отъ повторенія грозившей именно этой безопасности полицейской диктатуры Грознаго, испытанной еще разъ въ царствованіе Годунова, но не понимало необходимости обезпечивать договоромъ свое общее участіе въ управленіи, и безъ того освященное вѣковымъ обычаемъ. Современныя извѣстія, что бояре при Василии имѣли большіе власти, чѣмъ самъ царь, и что послѣднимъ играли какъ дѣтищемъ, показываютъ, что на этотъ разъ старый московскій обычай еще могъ оправдать надежды высшей знати.

Иначе настроена была другая часть правительственнаго класса, состоявшая изъ довольно посредственной знати съ выслужившимися дѣльцами приказовъ, дьяками. Самымъ виднымъ человѣкомъ въ этомъ кругу былъ бояринъ М. Гл. Салтыковъ. Предки его были нехудые люди, и онъ самъ называлъ свой родъ «сенаторскимъ». Но онъ поднялся при царѣ Федорѣ и особенно въ Смутное время выше своего служебнаго «отечества», личными качествами: ни отца, ни дѣда его не встрѣчаемъ не только въ числѣ бояръ, но и между окольными. Заодно съ нимъ дѣйстви-

ютъ князья Тюфякинъ изъ Оболенскихъ, Хворостининъ изъ Ярославскихъ и Масальскій, также Плещеевъ, Ляпуновы и цѣлый рядъ дьяковъ; даже «торговый дѣтина» Ѳ. Андроновъ является на этой сторонѣ. Въ среднихъ служилыхъ слояхъ живо чувствовалась уже переменна, которой повидимому еще не замѣчали большіе бояре съ своей генеалогической высоты. Въ началѣ XVII в. изъ большихъ боярскихъ фамилій прежняго времени дѣйствовали Метиславскіе, Шуйскіе, Одоевскіе, Воротынскіе, Трубецкіе, Голицыны, Куракины, Пронскіе, нѣкоторые изъ Оболенскихъ и въ числѣ ихъ послѣдній въ роду своемъ Курлятевъ, Шереметевы, Морозовы, Шеины — и почти только; а рядомъ съ ними видимъ Масальскихъ, Прозоровскихъ, Долгорукихъ, Нагихъ, Плещеевыхъ, которымъ въ прежнее время до тѣхъ большихъ родовъ было далеко. Посредствующихъ фамилій, прежде стоявшихъ между тѣми и другими, теперь не было, и къ этой генеалогической убыли присоединилась еще политическая перетасовка фамилій, произведенная бурями Смутаго времени, понизившая одни роды и поднявшая другіе. Въ XVII в. трудно стало служилымъ людямъ считаться мѣстами; это можно почувствовать по тѣмъ средствамъ, къ которымъ они прибѣгали, чтобы выйти изъ мѣстническихъ затрудненій. Съ одной стороны, худыя колѣна родовъ, оставшись безъ добрыхъ старшихъ, старались по наслѣдству присвоить себѣ ихъ родословное дородство; съ другой, добрыя фамиліи не знали, что дѣлать съ поднявшимися случайно выше ихъ худыми. Къ половинѣ XVII в. многихъ добрыхъ Плещеевыхъ не стало. Въ 1646 г. одинъ Плещеевъ изъ худаго колѣна заупрямился съ самимъ Шереметевымъ. Упрянца послали на три дня въ тюрьму, объяснивъ, что и получше его были Плещеевы-Бяконтовы, Басмановы, Очины, да и тѣ съ Шереметевыми бывали «безсловно», а онъ изъ какихъ Плещеевыхъ? изъ Туровкиныхъ, которые бывали у митрополитовъ и архіепископовъ

въ десятиникахъ, на Москвѣ въ стрѣльцахъ и пирожникахъ, въ городахъ у воеводъ въ деньщикахъ. Въ 1614 г. заспорили стольники князя Прозоровскіе съ стольниками князями Куракиными. Царь велѣлъ судить ихъ боярамъ, которые спросили у Прозоровскихъ, почему имъ невмѣстно быть съ Куракиными, и потребовали «случаевъ» въ оправданіе жалобы. Но Прозоровскіе обратились съ просьбой о судѣ мимо бояръ прямо къ государю: случаевъ у насъ много, говорили они въ объясненіе своего поступка, да передъ боярами положить ихъ нельзя, потому что и до *многихъ бояръ въ случаяхъ дойdetъ*. Мѣстничество не сбивало думныхъ и служилыхъ людей въ густые, плотные ряды, а вытягивало ихъ въ длинную тонкую цѣпь. Теперь, когда многія звенья этой цѣпи выпали, разорванныя части не знали, какъ стать и сцѣниться другъ съ другомъ, и замѣнались. На мѣстнической іерархіи основанъ былъ правительственный распорядокъ думныхъ и служилыхъ людей. Здѣсь дѣйствовало правило, что служба не дѣлаетъ родовитымъ, что за службу государь можетъ пожаловать помѣстьемъ и деньгами, но не отечествомъ; потому служебный чинъ самъ по себѣ значилъ мало въ мѣстничествѣ. Но теперь на опустѣлыя родовитыя мѣста тѣснилось много чиновной знати, и люди, ставшіе «великими» путемъ службы, начали развивать мысль, которая была въ ходу при Грозномъ въ опричинѣ и такъ энергично, хотя и не совсемъ набожно высказана была Грязнымъ, что государь, какъ Богъ, и малаго великимъ чинить. Въ 1602 г. Пильемовъ, далеко не изъ лучшихъ Сабуровыхъ, тягаясь съ кн. Лыковымъ-Оболенскимъ. Когда противникъ въ своихъ «случаяхъ» указалъ на то, что отецъ Пильевова былъ на неважной должности городничаго въ Смоленскѣ, Пильемовъ поставилъ противъ этого случая любопытное возраженіе. Замѣтивъ, что городничимъ отецъ его посланъ былъ въ опалѣ, въ чемъ воленъ Богъ да государь, онъ

прибавилъ, что иные большіе роды бывали и хуже городничихъ, городовыми прикащиками, а нынѣ царскою милостію въ боярахъ сидятъ. Все то дѣлается, сказалъ онъ въ заключеніе, Божиимъ милосердіемъ да государевымъ прирѣньемъ: *великъ и малъ живетъ государевымъ жалованьемъ* ¹⁾. Сказать, что великость и малость челоуѣка зависитъ отъ государева жалованія, значило вполнѣ отвергнуть самое основаніе, на которомъ держался весь мѣстническій и политическій строй боярства. Провозглашеніемъ этого новаго правила положено было начало не только разрушенія мѣстничества, но и перестройки связаннаго съ нимъ правительственнаго порядка. Послѣ Смутнаго времени, когда, по выраженію одного лѣтописца, «вновь царство строитися начать», и правительственный классъ началъ перестраиваться согласно съ происшедшими въ его составѣ и понятіяхъ перемѣнами. Какъ скоро отношенія стали выступать изъ колеи, проведенной преданіемъ, обычаемъ, почувствовалась потребность опредѣлить ихъ точнымъ уложеніемъ, закономъ. Подъ вліяніемъ мысли о необходимости такого уложенія развивались политическія понятія М. Г. Салтыкова и его товарищей. Они живѣе первостепенной знати чувствовали совершившіяся перемѣны, больше ея терпѣли отъ недостатка политическаго устава и отъ личнаго произвола, и потому ихъ политическія понятія получили болѣе широты и ясности, а испытанные перевороты и столкновенія съ иноземцами помогли имъ въ этой работѣ. Въ письмахъ къ литовскому канцлеру Сапѣгѣ Салтыковъ высказываетъ свой политическій образъ мыслей. Онъ противъ тиранніи и порядка, основаннаго на измѣнчивомъ личномъ произволѣ: государь долженъ людей къ себѣ приводить милосерднымъ жалованьемъ, лаской и «постоятель-

¹⁾ Дворц. Разр. т. III, стр. 44. Русск. Ист. Сборн. Общ. Ист. и Др. Русс. т. V, стр. 317; II, 244.

ствомъ», а не гоненьемъ, кровью и «премѣнными дѣлами»; управленіемъ, основаннымъ на постоянномъ, а не измѣнимомъ порядкѣ, надобно присвоить людей, овладѣвать ими, особенно неприродному государю. Членъ «сенаторскаго рода», Салтыковъ твердо держался убѣжденія, что управленіе могутъ вести какъ слѣдуетъ только люди, обладающіе правительственнымъ опытомъ и авторитетомъ, т. е. люди боярскаго происхожденія, которымъ московскіе государственные обычаи «старовѣдомы». Потому онъ горячо возстаётъ противъ временщиковъ, «верременниковъ», которые случайно попали въ думцы и правители, въ родѣ «торговаго мужика» Андропова.

Впрочемъ нужны были исключительныя обстоятельства, чтобы накопившіеся политическіе опыты и размышленія облечь въ форму ясно выраженныхъ политическихъ требованій. Образъ дѣйствій Годунова и Шуйскаго, которые повторили на престолѣ ошибки и злоупотребленія царей старой династіи, не обладая ихъ авторитетомъ, утвердили во многихъ боярахъ и другихъ правительственныхъ лицахъ мысль, что между своими не найдешь вполне удобнаго кандидата на престолъ и лучше поискать его на сторонѣ, между иноземными принцами. Одинъ лѣтописецъ рассказываетъ, что люди всѣхъ чиновъ, не желая долѣе терпѣть Шуйскаго на престолѣ, просили патріарха послать къ польскому королю, чтобъ онъ далъ своего сына на Московское царство. Гермогенъ, указавъ на опасности такого избранія, спросилъ: развѣ вы не можете выбрать кого-нибудь изъ русскихъ князей?— Не хотимъ своего брата слушаться, отвѣчали ему на это князья и бояре: ратные люди не боятся царя изъ Русскихъ, не слушаются его и не служатъ ему. Нѣкоторые доходили до такого политическаго унынія, что потерявъ надежду на возможность установить прочную наследственную династію, склонялись уже, если вѣрять Жолкевскому, къ мысли о свободномъ избра-

ніи, подобномъ польскому, т.-е. объ учрежденіи избирательной монархіи ¹⁾). И Салтыковъ съ своими товарищами по Тушинскому лагерю рѣшился отъ имени Московскаго государства предложить московскій престолъ сыну польскаго короля на извѣстныхъ условіяхъ. Такъ былъ заключенъ подъ Смоленскомъ договоръ 4 февраля 1610 года, первый московскій опытъ построенія государственнаго порядка, основаннаго на формальномъ ограниченіи верховной власти. Недовѣріе къ иноземцу и католику естественно вызывало напряженную осмотрительность въ вопросѣ о церковныхъ и политическихъ обезпеченіяхъ. Притомъ трактатъ вырабатывался среди переговоровъ съ польскими панами, и рускіе политики незамѣтно для самихъ себя подчинялись дѣйствию политическихъ обычаевъ и формъ Рѣчи Посполитой. Всѣ эти разнообразныя вліянія отразились на договорѣ 4 февраля. Здѣсь опредѣляются права всего народа и отдѣльныхъ его сословій, прежде и болѣе всего, разумѣется, служилаго класса. Каждому изъ народа московскаго вольно выѣзжать для науки въ другія государства, но только христіанскія. Братья и семьи подвергшихся казни не наказываются за ихъ вину и не лишаются имущества, если не участвовали въ преступленіи. Имѣнія и права духовенства, какъ и всякихъ служилыхъ людей, остаются неприкосновенными. Крестьяне не могутъ переходить отъ одного землевладѣльца къ другому; холопы остаются въ прежней зависимости. Верховная власть ограничивается земскимъ соборомъ и боярской думой. Первый имѣетъ учредительное значеніе: измѣненіе суднаго обычая или исправленіе Судебника зависитъ отъ бояръ и всей земли; что не предусмотрено въ условіяхъ договора, о томъ дѣлаютъ предложенія государю духовенство, бояре и всѣхъ чиновъ люди, и государь рѣшаетъ предложенные вопросы

¹⁾ П. С. Р. Лѣт. V, 60. Зап. гетм. Жолкевскаго, стр. 12.

со все́мъ освященнымъ соборомъ, боярами и всею землею, по обычаю Московскаго государства. Дума имѣеть законодательную власть: именно вопросы о налогахъ, о жалованьяхъ служилымъ людямъ, объ ихъ помѣстьяхъ и вотчинахъ рѣшаются государемъ съ боярами и думными людьми; безъ согласія думы государь не вводитъ новыхъ податей и никакихъ вообще переменъ въ налогахъ, установленныхъ прежними государями. Думѣ принадлежитъ и высшая судебная власть: безъ слѣдствія и безъ суда «съ бояры все́ми» государю никого не карать, чести не лишать, въ ссылку не ссылатъ, великихъ чиновъ безъ вины не понижать, а меньшихъ людей возвышать по заслугамъ; все эти дѣла, какъ и дѣла о наслѣдствахъ послѣ умершихъ бездѣтно, государю дѣлать по приговору и совѣту бояръ и думныхъ людей, а безъ думы и приговора такихъ дѣлъ не дѣлать. Оговоренъ въ трактатѣ одинъ случай, разрѣшаемый боярскою думой въ соединенномъ засѣданіи съ «освященнымъ соборомъ» высшаго духовенства: если понадобится для людей римской вѣры имѣть костель въ Москвѣ, о томъ будетъ совѣтъ съ патріархомъ, со все́мъ духовенствомъ, боярами и думными людьми¹⁾.

Такъ договоръ 4 февраля, довольно подробно опредѣливъ политическій авторитетъ думы, призналъ и впервые формулировалъ авторитетъ земскаго совѣта и формулировалъ согласно *съ обычаемъ Московскаго государства*. Изъ условій договора видимъ, что онъ развивалъ и точнѣе опредѣлялъ то же значеніе земскаго собора, какое онъ имѣлъ въ XVI в. и какое придавало ему русское общество въ началѣ XVII в. Вскорѣ по низверженіи царя Василія договоръ Салтыкова былъ принятъ и московскими боярами, которые впрочемъ выкинули при этомъ статьи о правѣ ѣздить за границу для науки и о повышеніи

¹⁾ Зап. гетм. Жолкевскаго, прилож. № 20.

меньшихъ людей, прибавивъ съ своей стороны условіе: «московскихъ княжескихъ и боярскихъ родовъ пріѣзжими иноземцами въ отечествѣ не тѣснить и не понижать»¹⁾. Но довольно трудно рѣшить, дѣйствовала ли дума когда-нибудь на основаніи этого договора. Въ междуцарствіе она находилась въ исключительномъ положеніи, была временнымъ правительствомъ безъ государя. Съ разныхъ сторонъ дошли до насъ извѣстія, согласно свидѣтельствующія, что новый царь Михаилъ вступилъ на престолъ съ ограниченою властью; но условія этого ограниченія передаются различно. Одинъ современникъ исковичъ, описавшій событія Смутнаго времени, рассказывая съ негодованіемъ о томъ, какъ бояре при Михаилѣ «обладали Русскою землею», царя ни во что не ставили и не боялись, замѣчаетъ между прочимъ, что сажая его на царство, они заставили его поцѣловать крестъ на томъ, что ему не казнить смертью за преступленія людей вельможескихъ и боярскихъ родовъ, а только наказывать заточеніемъ. Другое извѣстіе, сообщенное Татищевымъ, говоритъ, что хотя избраніе царя Михаила «было порядочно всенародное, да съ такою же записью», какая взята была ими съ Шуйскаго. Третьимъ свидѣтелемъ является извѣстный подъячій Посольскаго приказа Котошихинъ, бѣжавшій изъ отечества 19 лѣтъ спустя по смерти Михаила. Въ его время, если только онъ вѣрно передаетъ историческія воспоминанія своихъ современниковъ, господствовало мнѣніе, что все цари, избравшіеся на престолъ по прекращеніи старой династіи, правили съ ограниченою властью, что «на нихъ были иманы письма» съ извѣстными обязательствами; по крайней мѣрѣ онъ не дѣлаетъ никакой оговорки ни о Годуновѣ, ни о первомъ самозванцѣ, который впрочемъ и не считался царемъ выбраннымъ. Обязательства «обиранныхъ» царей по Котоши-

1) Собр. госуд. грам. и дог. II, № 199.

хину состояли въ томъ, чтобъ «имъ быть нежестокимъ и непальчивымъ, безъ суда и безъ вины никого не казнить ни за что и мыслити о всякихъ дѣлахъ съ бояры и съ думными людьми сопча, а безъ вѣдомости ихъ тайно и явно никакихъ дѣлъ не дѣлати». Только нынѣшняго царя (Алексѣя), продолжаетъ Котошихинъ, «обрали на царство, а письма онъ на себя не далъ никакого, что прежніе цари даывали, и не спрашивали, потому что разумѣли его гораздо тихимъ». Котошихинъ не выдѣляетъ царя Михаила изъ числа прежнихъ царей, дававшихъ на себя письма. Напротивъ, объ этомъ царѣ онъ замѣчаетъ, что хотя Михаилъ и писался самодержцемъ, «однако безъ боярскаго совѣту не могъ дѣлати ничего». По взгляду московскаго приказнаго, и царя Алексѣя «обрали на царство», и съ него могли спросить письмо и не спросили только потому, что считали его очень тихимъ. Слѣдовательно избирательное право земли не представлялось прекратившимся съ избраніемъ на престолъ Михаила. По изложеннымъ извѣстіямъ нельзя заключать, чтобъ обязательства, данныя Михаиломъ, были такъ же неопредѣленны или частны, какъ обязательства, изложенныя въ грамотѣ Шуйскаго. Въ окружной грамотѣ, разосланной боярами во время междуцарствія, и о договорѣ Салтыкова сказано только, что въ силу его Владиславъ обязался православною вѣры не разорять, городовъ отъ государства не отводить, имущество у подданныхъ не отнимать и безъ сыску ни надъ кѣмъ никакого дурна не учинять; но изъ подлиннаго текста договора знаемъ, что обязательства далеко не ограничивались одними этими условіями ¹⁾. Воеводъ Шеина и Измайлова казнили смертью за канитуляцію подъ Смоленскомъ въ 1634 году; но это

¹⁾ П. Р. Лѣт. V, 64 и 66. Записка Татищева въ альманахъ „Утро“ 1859 г., стр. 375. Котош. 104. Собр. гос. гр. и дог. II, стр. 441.

было по приговору царя съ боярами, раздраженными на Шеина за его выходки противъ нихъ. Важнѣе было то, что семейства и родственники осужденныхъ по этому дѣлу, нисколько въ немъ не виноватые, попрежнему были наказаны ссылкой и конфискаціей имущества, что противорѣчило и грамотѣ Шуйскаго, и договору Салтыкова; но это могло быть исключительнымъ приговоромъ думы, не нарушавшимъ общаго правила. И другое учрежденіе является съ значеніемъ, какого ему не дано ни въ грамотѣ Шуйскаго, ни въ договорѣ Салтыкова. Царствованіе Михаила было временемъ усиленной дѣятельности земскаго собора, на обсужденіе котораго предлагались вопросы, по акту 4 февр. 1610 г. рѣшаемые государемъ съ думой, на примѣръ вопросы о новыхъ налогахъ, по крайней мѣрѣ экстренныхъ на военныя издержки. Еще замѣчательнѣе то, что сама боярская дума признавала необходимымъ участіе земскаго собора въ рѣшеніи такихъ дѣлъ, которыя далеко не имѣли значенія важныхъ законодательныхъ вопросовъ. Въ первые годы Михайлова царствованія англійское правительство черезъ своего агента Джона Мерику обратилось къ московскому съ нѣсколькими предложеніями, направленными къ развитію восточной торговли Англичанъ. Оно просило, чтобы Англичацамъ дозволено было ѣздить Волгою въ Персію, искать р. Обью дороги въ Индію и Китай, на р. Сухонѣ искать желѣзной и оловянной руды, около Вологды сѣять ленъ и ткать полотно и т. п.; наконецъ оно просило, чтобы за прещенъ былъ вывозъ смолы изъ Московскаго государства. На эти предложенія дума отвѣчала Мерику, что «такого дѣла теперъ рѣшить *безъ совѣту всего государства* нельзя ни по одной статьѣ» ¹⁾. Изъ всего этого можно вывести лишь то заключеніе, что правительственный по-

1) Соловьева, Ист. Россіи, IX, 94, 125 и 190. Впрочемъ „совѣтъ всего государства“ ограничивается опросомъ московскихъ торговыхъ людей, будетъ ли выгодно принять предложенія Мерики.

рядокъ, дѣйствовавшій при Михаилѣ, основанъ былъ на какомъ-то новомъ сочетаніи условій, являющихся въ прежнихъ актахъ объ ограниченіи верховной власти. Значеніе, съ какимъ является земскій соборъ при царѣ Михаилѣ, надобно думать, создано было положеніемъ государства послѣ Смутнаго времени. Возстановляя порядокъ среди общей разрухи, правительство на каждомъ шагу встрѣчалось съ дѣлами текущаго управленія, которыхъ однако не могло разрѣшить собственными скудными средствами, и потому должно было обращаться за содѣйствіемъ къ земскому собранію.

Соображая обстоятельства, при которыхъ возникаетъ и развивается въ боярской средѣ мысль о договорѣ съ государемъ, надобно признать, что она не развилась сама собою изъ правительственнаго обычая, установившагося въ XV—XVI вѣкахъ. Въ томъ видѣ, какъ выражали ее люди начала XVII вѣка, она была вызвана исключительными и частію случайными вліяніями, подъ которыя стало поколѣніе, смѣнившее сверстниковъ Ивана Грознаго, хотя повидимому еще держалась въ умахъ нѣсколько времени послѣ того, какъ перестали дѣйствовать вызвавшія ее условія. Эти условія были созданы переменами въ составѣ и настроеніи боярства, прекращеніемъ династіи и виѣшними отношеніями государства при новыхъ царяхъ. Но эта мысль внесла очень мало новаго въ правительственную практику: дума, авторитетъ и дѣятельность которой были ограждены политическимъ договоромъ, дѣйствовала точно такъ же, какъ и прежде, правила и законодательствовала при Шуйскомъ, какъ и при Грозномъ. Это потому, что новая мысль не была новымъ началомъ въ устройствѣ Московскаго государства: политическій договоръ былъ только замѣной правительственнаго обычая, дѣйствовавшаго въ XVI вѣкѣ, но колебавшагося въ концѣ этого столѣтія. Вотъ почему и люди, добивавшіеся этого договора, такъ часто ссылались на этотъ обычай, вводя небывалую повидимому политиче-

скую повизну, такъ настойчиво твердили о политической старинѣ.

Г Л А В А XIX.

Боярскій советъ въ древней Руси былъ показателемъ общественныхъ классовъ, руководившихъ въ данное время народнымъ трудомъ.

Изложенными опытами политическаго договора кончилась политическая исторія боярской думы. Далѣе она перестаетъ быть участницей верховной власти, становясь только ея орудіемъ, остается во главѣ управленія, какъ его привычный рычагъ, но изъ политической силы превращается въ простое правительственное удобство. Въ XVII вѣкѣ въ ней происходятъ нѣкоторыя перемѣны; но онѣ не измѣняютъ ея политическаго значенія, вызываются потребностями текущаго управленія и сообразно съ усложняющимися задачами правительства развиваютъ ее, какъ правительственное орудіе, не развивая ея политическаго авторитета.

Въ XVI вѣкѣ значеніе думы держалось на «московскомъ обычаѣ», сложившемся посредствомъ практическаго опредѣленія отношеній государя къ правительственному классу. Когда этотъ обычай поколебался, въ классѣ возникла мысль опредѣлить эти отношенія договоромъ. Когда миновали исключительныя обстоятельства, вызвавшія эту мысль, тогда оказалось, что разрушался самый классъ, ее проводившій. Это разрушеніе, какъ мы видѣли, замѣтно отразилось на составѣ боярской думы XVII вѣка. Уже въ началѣ этого столѣтія люди чувствовали его живѣе, чѣмъ можемъ почувствовать мы съ разрядными и родословными книгами въ рукахъ. Взявшись командовать земскимъ ополченіемъ про-

тивъ Поляковъ, худародный князь Пожарскій говорилъ въ 1612 году про одного представителя стараго боярства, князя В. В. Голицына, бывшаго въ польскомъ плѣну: «теперь бы такіе люди были надобны; былъ бы теперь здѣсь такой столпъ, какъ князь Василій Васильевичъ, такъ за него всѣ держались бы, и я за такое великое дѣло мимо его не взялся бы». А вся сила этого столпа заключалась не въ какихъ-либо особыхъ личныхъ качествахъ, а въ томъ, какъ онъ самъ говорилъ о себѣ, что «отца моего и дѣда изъ думы не высылавали и думу они всякую вѣдали, и не купленное у нихъ было боярство». Исторія личнаго состава боярской думы въ XVII вѣкѣ есть исторія постепеннаго паденія такихъ столповъ, наследственно думу вѣдавшихъ. Въ XVI вѣкѣ правилъ классъ; отдѣльныя лица значили мало. Въ XVII вѣкѣ правятъ лица, иногда превосходныя, блестящія лица, стойвшія Косыхъ, Курбскихъ, Воротынскихъ XVI в., но не составлявшія и не представлявшія класса. При господствѣ этихъ лицъ и восторжествовало начало, разрушавшее весь строй прежняго правительственнаго класса, которое такъ стереотипно выразилъ Пильемовъ, сказавъ на мѣстническомъ судѣ въ 1602 году: «великъ и малъ живетъ государевымъ жалованьемъ». Значить, пока держался правительственный боярскій классъ, значеніе боярской думы не было ограждено политическимъ договоромъ, будучи, по мнѣнію людей того времени, достаточно упрочено правительственнымъ обычаемъ. Когда вслѣдствіе колебанія обычая явился договоръ, правительственный классъ уже разрушался, а благодаря его разрушенію не удержался договоръ и не возстановился въ прежней силѣ правительственный обычай. Такъ можно обозначить моменты политической исторіи думы въ XVI и XVII вѣкахъ.

Чтобъ оцѣнить значеніе и происхожденіе послѣдняго изъ этихъ моментовъ, надобно привести его въ связь со всей исторической судьбой учрежденія. Въ X в., когда оно впер-

вые является передъ нами по нашимъ памятникамъ, въ немъ присутствуютъ рядомъ съ боярами князя представители главнаго волостнаго города, городская военная старшина, образовавшаяся еще въ то время, когда большіе торговые города были единственною организованною силою, оборонявшею страну и руководившею ея экономическою жизнью. Въ тѣ времена они оружіемъ или мирными средствами завоевали свои городовые округа, волости. Въ X в., когда городская старшина сидѣла въ думѣ князя, эти города продолжали руководить экономическою жизнью страны, но уже не правили мѣстными обществами, которыя были въ другихъ рукахъ. Въ XII вѣкѣ, когда они приобретаютъ прежнее правительственное вліяніе на мѣстныя общества, на свои волости, ихъ «старцы» уже не сидятъ въ думѣ князя повидимому нигдѣ кромѣ Новгорода; но тогда эти города уже переставали руководить и хозяйственными оборотами страны. Въ думѣ князя остаются одни его бояре. Когда волостные города съ успѣхомъ оспаривали у нихъ правительственное вліяніе на мѣстныя общества, классъ, верхнимъ слоемъ котораго было боярство, оставался руководящею оборонительною силою страны и начиналъ овладѣвать народнымъ трудомъ: онъ становился классомъ привилегированныхъ землевладѣльцевъ въ то время, когда внѣшняя торговля переставала быть главною силою въ народномъ хозяйствѣ. Въ Новгородѣ и Псковѣ удѣльныхъ вѣковъ мѣстнымъ управленіемъ руководила дума господъ, которую составляли члены мѣстнаго боярства, образовавшагося изъ древней городской старшины. Политически этотъ правительственный боярскій совѣтъ вполнѣ зависѣлъ отъ народной массы, собиравшейся на вѣчѣ. Но покорное повидимому орудіе вѣчевой площади, боярство вольныхъ городовъ правило мѣстнымъ рынкомъ, посредствомъ своихъ капиталовъ руководило трудомъ той самой массы, передъ которой отвѣчало по дѣламъ управленія на вѣчѣ. Въ кня-

жествѣ удѣльнаго времени князь правилъ съ совѣтомъ бояръ, которые были собственно его вольнонаемными дворцовыми прикащиками. Бродячіе люди, разбивавшіеся по удѣламъ, они не составляли правительственнаго класса, долго не могли сомкнуться ни въ какой плотный классъ. Но дѣйствуя при князьяхъ одинокими лицами, случайными слугами, они рано стали забирать въ свои руки главную силу въ народномъ хозяйствѣ тѣхъ вѣковъ, земельную собственность, и это помогло имъ потомъ сомкнуться въ цѣльный и усидчивый классъ и стать правительственною силой. Такой классъ сложился въ Москвѣ; въ него вошли не только удѣльные бояре, но и сами удѣльные князья. Какъ и прежде, онъ владѣлъ обществомъ не по праву завоеванія и не въ силу закона; но онъ держалъ въ рукахъ огромную массу земледѣльческаго населенія и труда.

Такъ видимъ, что въ составѣ высшаго правительственнаго учрежденія, какимъ была боярская дума, отражались не классы, владѣвшіе обществомъ силой оружія или въ силу права, а классы или только элементы еще неготовыхъ классовъ, которые и внѣ думы держали въ своихъ рукахъ нити народного труда въ извѣстное время. Это явленіе, можетъ-быть не принадлежащее исключительно нашей исторіи, въ ней повторяется съ правильностію, какая только допускается историческою жизнью. И въ XVI вѣкѣ думу составлялъ классъ, который былъ на дѣлѣ политическою силой, не будучи властью, права которой были бы приобрѣтены оружіемъ или ограждены закономъ; но права обществомъ, онъ въ то же время владѣлъ народнымъ трудомъ не въ качествѣ правителей, а въ качествѣ крупныхъ привилегированныхъ землевладѣльцевъ. Съ половины этого вѣка въ народномъ хозяйствѣ обнаружился кризисъ, который при содѣйствіи другихъ обстоятельствъ подготовилъ совершенно обратное явленіе. Народный трудъ уходилъ изъ боярскихъ рукъ, приходилъ въ такое состояніе, что его невозможно было за-

хватить не только законодательной, но и вооруженною рукой. Въ Смутное время и впродолженіе многихъ лѣтъ послѣ него, когда боярская дума стала наконецъ учрежденіемъ, правящимъ въ силу права, договора, боярство менѣе чѣмъ когда-либо владѣло народнымъ трудомъ. Продолжительными усиліями, частными вотчинными и общими законодательными мѣрами боярство старалось поймать вырывавшіяся изъ его рукъ нити народного труда. Въ половинѣ XVII вѣка дума опять стала тѣмъ, чѣмъ была она до исключительныхъ обстоятельствъ начала этого столѣтія. Ея недавнія политическія обезпеченія утратили силу, договоръ не былъ возобновленъ по смерти царя Михаила, и дума продолжала править по давнему обычаю; но въ то же время Уложеніе царя Алексѣя окончательно узаконило поземельное прикрѣпленіе крестьянъ, статьи о которомъ встрѣчаемъ и въ договорѣ Салтыкова, и въ договорѣ московскихъ бояръ 1610 года. Правда, тогда же отмѣнено было право личного закладничества; но думные и служилые люди отвѣтили на это небезусибною работою уравненія прикрѣпленныхъ къ землѣ крестьянъ съ лично крѣпостными холодами вопреки закону. Однако экономическій кризисъ оказалъ сильное дѣйствіе на боярскія и служилыя состоянія, уронивъ одни и поднявъ другія. По самому свойству достигнутаго въ селѣ обезпеченія своихъ интересовъ боярство должно было подѣлиться его плодами съ другими слоями служилаго класса. Среднее дворянство выступаетъ успѣшнымъ его соперникомъ на этомъ поприщѣ, какимъ въ XVI вѣкѣ былъ монастырь, а торжествовавшій принципъ «великъ и малъ живетъ государевымъ жалованьемъ» помогъ этому слою успѣшно соперничать съ боярствомъ и въ высшемъ управленіи. Въ XVII в. люди средняго дворянства бойко идутъ вверхъ, отбивая у старыхъ родовитыхъ фамилій и чины, и помѣстья, и думу государеву. Иностранецъ по дорогѣ къ Москвѣ встрѣчалъ князей, которыхъ по бѣдности обстановки не могъ отличить отъ

крестьянъ, а люди, не принадлежавшіе ни къ княжескимъ, ни къ старымъ боярскимъ родамъ, приобрѣтали тысячи крестьянъ. Эти экономическія превратности ускорили генеалогическое разрушеніе прежняго правительственнаго класса, начавшееся съ конца XVI вѣка, а совокупнымъ дѣйствіемъ обоихъ этихъ процессовъ довершено было и его политическое разрушеніе. Цѣлые вѣка боярство работало внизу общества надъ обезпеченіемъ своего экономического положенія; все это время, за исключеніемъ какихъ-нибудь 40 лѣтъ, его политическое положеніе на верху оставалось неупроченнымъ, держалось на одномъ обычаяхъ. Въ XVII вѣкѣ, когда оно послѣ потрясеній достигло уже значительныхъ успѣховъ въ своей экономической работѣ, оно исчезало какъ политическая власть, теряясь въ обществѣ при новомъ складѣ понятій и классовъ, растворяясь въ служилой дворянской массѣ. Отмѣна мѣстничества въ 1682 году отмѣтила довольно точно историческій часъ смерти его какъ правительственнаго класса, и политическую отходную прочиталъ надъ нимъ, какъ и подобало по заведенному чину московской правительственной жизни, выслужившійся дьякъ. Въ 1687 году Шакловитый уговаривалъ стрѣльцовъ просить царевну Софью вѣнчаться на царство, увѣряя, что препятствій не будетъ. «А патриархъ и бояре?» возразили стрѣльцы. — «Патриарха смѣнить можно», отвѣчалъ Шакловитый, «а бояре—что такое бояре? это зяблое, упавшее дерево».

ГЛАВА XX.

Боярская дума XVI—XVII в. состояла изъ старшихъ членовъ боярскихъ фамилій и изъ выслужившихся при- казныхъ дѣльцовъ.

Попытаемся изобразить устройство и дѣлопроизводство думы XVI—XVII в., когда то и другое можно считать достаточно установившимся. Начнемъ съ соціального или, говоря точнѣе, генеалогическаго ея состава.

И въ XVII в. численное преобладаніе въ думѣ оставалось за членами родовитыхъ фамилій, хотя многія изъ этихъ фамилій, если не большинство, были младшія вѣтви тѣхъ, которыя господствовали въ боярскомъ совѣтѣ XVI в. Не смотря на то, что ряды родословной знати страшно порѣдѣли ко времени воцаренія новой династіи, что многіе большіе роды «безъ остатку миновались», генеалогическій составъ думы былъ очень измѣнчивъ попрежнему. Проматривая погодные списки ея членовъ, видимъ, что она никогда не соединяла въ себѣ представителей всѣхъ наличныхъ фамилій боярства. Нѣкоторыя фамиліи то наполняютъ совѣтъ своими членами, то исчезаютъ изъ него совсѣмъ, уступая мѣсто другимъ, то появляются снова. По списку 1627 г. не находимъ въ думѣ между ея 25 боярами и окольничими никого изъ князей Голицыныхъ, Куракиныхъ, Воротынскихъ, Пронскихъ, Хованскихъ, Прозоровскихъ, Репниныхъ, никого изъ Салтыковыхъ, Плещеевыхъ, Волынскихъ, Колычовыхъ. Беремъ списокъ 1668 г. и встрѣчаемъ въ немъ въ званіи бояръ или окольничихъ двоихъ Репниныхъ, двоихъ Куракиныхъ, по одному изъ Пронскихъ, Прозоровскихъ, Хованскихъ и Голицыныхъ, троихъ Салтыковыхъ, двоихъ Волынскихъ. За то теперь не было въ думѣ никого изъ Морозовыхъ, Шеиныхъ, Го-

ловиныхъ, изъ князей Сицкихъ и Мезецкихъ, которые присутствовали тамъ въ 1627 г. ¹⁾. Эта измѣнчивость состава происходила отъ порядка назначенія членовъ въ думу. Думный чинъ жаловали, «думу сказывали» по уемотрѣнiю государя. Но государь въ своихъ назначенiяхъ сообразовался съ мѣстническими отношенiями боярства. Чинъ самъ по себѣ ничего не значилъ въ мѣстническомъ счетѣ, и какой-нибудь Колычовъ, понавъ въ окольнічiе, не дѣлался родовитѣе стольника кн. Одоевскаго. Но не давая знатности, чинъ давалъ власть, и неловко было назначить въ окольнічiе племянника, когда родной дядя значился въ списокѣ стольниковъ. Вслѣдствiе этого въ думѣ обыкновенно сидѣли только тѣ члены знатныхъ фамилiй, которымъ въ данное время принадлежало мѣстническое или родословное старшинство среди ихъ родичей. Сличая списки людей высшихъ чиновъ съ родословными росписями, видимъ, что чаще всего знатные сыновья и племянники держались въ стольникахъ и дворянахъ московскихъ, пока отцы и дяди сидѣли въ окольнічихъ или боярахъ; по мѣрѣ того какъ старшіе выбывали изъ думы, младшіе приходили на ихъ мѣста, слѣдуя порядку старшинства. Но для вступленія въ думу требовался приличный возрастъ; по большинству своихъ членовъ она была совѣтомъ старцевъ, сенатомъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Поэтому фамилiя, въ которыхъ старшіе не достигали этого возраста, «не поспѣвали» въ думу, тѣ фамилiи не имѣли въ ней представителей или представлялись тамъ однимъ лицомъ: пользуясь выраженiемъ комиссiи, предложившей въ 1682 г. отмѣнить мѣстничество, случалось, что изъ иныхъ родовъ въ думные чины никого не было написано, «потому что за малыми лѣтами въ тѣ чины они не приказаны». Бывало, по нѣ-

¹⁾ Боярская книга 135 г. въ Моск. архивъ мин. Юстиціи, № 1. Боярск. книга 176 г. тамъ же, № 6.

скольку Шереметевыхъ одновременно сидѣло въ думѣ. Но послѣ Смутнаго времени тамъ много лѣтъ оставался изъ нихъ одинъ Ѳеодоръ Ивановичъ, пока старшіе другихъ вѣтвей рода поспѣвали въ думу, служа въ чинѣ дворянъ московскихъ. Въ 1634 г. сказано было боярство старшему двоюродному племяннику Ѳеодора Ивану Петровичу, въ 1641 г. среднему Василю Петровичу и наконецъ въ 1645 г. младшему Борису Петровичу. По отдѣльнымъ случаямъ можно убѣдиться, съ какою строгостью даже въ XVII в. назначеніе въ думу согласовалось съ мѣстническимъ отечествомъ. По списку 1627 г. въ высшихъ чинахъ встрѣчаемъ 12 князей Долгорукихъ. Изъ нихъ 10 человѣкъ принадлежали къ двумъ смежнымъ родословнымъ поколѣніямъ: старшее составляли 4 брата двоюродные или четвероюродные; 6 человѣкъ младшаго поколѣнія доводились старшимъ племянниками родными, двоюродными или четвероюродными. Высчитавъ по правиламъ мѣстнической ариѳметики отношеніе дядей къ ближайшему общему ихъ предку, находимъ, что изъ нихъ трое занимали 16-е мѣсто отъ этого предка или ниже и одинъ 15-е. Этотъ старшій на одно мѣсто дядя бояринъ кн. Владиміръ Тимоѳеевичъ и былъ единственнымъ представителемъ фамиліи въ думѣ 1627 года; остальные братья, какъ и племянники, оставались въ стольникахъ или дворянахъ московскихъ. Но въ томъ же списокѣ значится еще дворяниномъ московскимъ кн. Ив. Мих. Долгорукій, которому по родословной росписи бояринъ Владиміръ Тимоѳеевичъ доводился *внукомъ*, такъ какъ прямой дѣдъ этого боярина былъ двоюроднымъ братомъ кн. Ивана Михайловича. Такой случай объясняется тѣмъ, что отецъ этого князя Ивана былъ *седьмымъ* и послѣднимъ сыномъ у того отца, у котораго прадѣдъ боярина Владимира былъ *третьимъ*. Потому дѣдъ оказался всего однимъ мѣстомъ выше своего боковаго внука, тогда какъ прямой внукъ могъ сидѣть не выше седьмаго мѣста отъ дѣда по тому

правилу мѣстническаго счета, что старшій сынъ отъ отца четвертое мѣсто. Притомъ, очевидно, вся эта линія рано захудала: никто изъ нея не бывалъ въ думныхъ чинахъ, и быть въ думѣ стало ей уже не по отечеству.

По разсказу Котошихина и по книгамъ Разряднаго приказа можно представить себѣ обычную служебную карьеру родовитаго человѣка XVII в. Лѣтъ 10 его берутъ во дворець: онъ столъничаетъ у царицы. Достигнувъ 15 лѣтъ, «недоросль» становится служилымъ «новикомъ». Его берутъ съ царицой половины и опредѣляютъ «въ царскій чинъ» или штатъ, назначаютъ или въ столъники, или въ спальники къ царю спать у него «въ комнатѣ», разувать и раздѣвать его. Камеръ-пажъ государыни превращается въ камеръ-пажа государя. Эта служба въ государевой комнатѣ на весь вѣкъ даетъ ему почетное званіе *ближняго* или *комнатнаго* человѣка. Изъ спальниковъ его жалуютъ, смотря по степени его знатности, въ дворяне московскіе или столъники. Людей неважныхъ фамилій возводили изъ званія московскихъ дворянъ въ столъники. Но для большой знати столъничество еще сохраняло значеніе придворной должности или временнаго придворнаго порученія и не было выше сословнаго званія дворянина московскаго. Потому нерѣдко бывало, что старшій братъ служилъ дворяниномъ московскимъ, когда младшій числился столъникомъ, или отецъ значился въ спискѣ дворянъ, когда его дѣти были уже столъниками; наконецъ иногда дворяниномъ писался человѣкъ, бывшій прежде столъникомъ. Столъникъ или дворянинъ московскій—штабъ-офицеръ или капитанъ гвардіи и исполняетъ разнообразныя порученія правительства, дипломатическія, военныя и административныя. Онъ посылается посломъ въ иноземное государство, приставствуетъ у иноземнаго посольства въ Москвѣ, командуетъ провинціальными дворянами въ армейскихъ полкахъ въ качествѣ полковника или сотеннаго головы, ротнаго

офицера, управляетъ какимъ-нибудь второстепеннымъ приказомъ въ Москвѣ, воеvodствуетъ по городамъ, назначается въ писцы для поземельной описи областей, командируется «для сыскныхъ дѣлъ» производить какое-либо дознание: словомъ, онъ на посылкахъ «для всякихъ дѣлъ». Когда во дворцѣ аудіенція, пріемъ или отпущекъ иноземныхъ пословъ, его съ тремя товарищами наряжаютъ въ казенное бѣлое камчатное на горностаяхъ платье, надѣваютъ на него высокую бѣлую шапку, даютъ въ руки серебряный топорикъ и ставятъ подлѣ престола. Если назначенный стоять въ числѣ этихъ *рынды* онъ заупрямится, станетъ говорить, что ему по его отечеству съ такими товарищами «быть невмѣстно», и откажется надѣть мундиръ рынды, на ослушникѣ по царскому приказанію издерутъ все платье, въ которомъ онъ пріѣхалъ во дворецъ, силой облекутъ его въ парадный костюмъ и поставятъ подлѣ царя, а по окончаніи пріема раздѣнутъ и высекутъ въ Разрядѣ или передъ царскимъ окномъ «при всѣхъ людяхъ», приговаривая: «не ослушивайся царскаго указу». Наконецъ лѣтъ черезъ 30, иногда болѣе, иногда менѣе, родовитому стольнику или дворянину московскому «думу сказывали», жаловали чинъ окольниковичаго или прямо боярина, смотря по степени его родовитости ¹⁾. Такова была школа, сообщавшая по-

¹⁾ Котошихинъ (стр. 19) приводитъ неполный списокъ фамилій того и другаго разряда, насчитывая 16 родовъ въ первомъ и 15 во второмъ. Боярскія книги XVII в. не вполне подтверждаютъ его показаніе. Салтыковыхъ, князей Прозоровскихъ, Черкасскихъ и Хилковыхъ онъ помѣщаетъ въ первой статьѣ родовъ, которые въ окольниковичихъ не бывають, вступая въ думу прямо боярами. Но до Котошихина и послѣ него извѣстно нѣсколько лицъ этихъ фамилій въ чинѣ окольниковичихъ. Напротивъ изъ фамилій, которыя Котошихинъ отнесъ ко второму разряду, князья Куралины обыкновенно вступаютъ въ думу прямо боярами, минуя окольниковичество, а князья Долгорукиѣ вступаютъ туда и окольниковичими, и прямо боярами. Котошихинъ, всегда точный и добросовѣстный въ своихъ показаніяхъ, нерѣдко принималъ случайныя явленіи

литическую выправку древнерусскому государственному совѣтнику изъ «природнаго» боярства. Съ дѣтства онъ вращался во дворцѣ на глазахъ у государя, узнавалъ всѣ дворцовые покои, жилые и пріемные, «комнаты» и «налаты», узнавалъ людей, порядки и самъ становился всѣмъ извѣстенъ. Исполняя разнообразныя порученія правительства, онъ близко знакомился съ правительственнымъ механизмомъ и управляемымъ обществомъ, съ пріемами управленія. Въ думу вступалъ онъ «думцемъ и правителемъ», которому, по выраженію боярина М. Г. Салтыкова, «московскіе обычаи были старовѣдомы», съ большимъ навыкомъ «во всякихъ дѣлахъ». Этотъ навыкъ замѣнялъ ему умъ, талантъ, размышленіе, тѣ качества, недостаткомъ которыхъ вообще страдаютъ классы, долго пользовавшіеся властью.

Но если боярская знать и въ XVII в. продолжала довольствоваться этимъ правительственнымъ навыкомъ, то новыя задачи правительства все настойчивѣе возбуждали потребность въ государственныхъ людяхъ съ умомъ, талантомъ и склонностью къ размышленію. Уже при Котошихинѣ жаловались на то, что царь многихъ возводитъ въ бояре «не по разуму ихъ, но по великой породѣ, и многіе изъ нихъ грамотѣ не ученые и не студерованные». Инаго великороднаго человѣка уже «всякъ дуракомъ называлъ», какъ говорилъ въ 1658 г. царь Алексѣй одному изъ такихъ людей, кн. И. А. Хованскому, и нужно было царской милостію и взысканіемъ поддерживать ихъ правительственный авторитетъ въ обществѣ. Подъ вліяніемъ этой государственной потребности въ XVII в. съ каждымъ десятилѣтіемъ все усиливался начавшійся ранѣе притокъ въ думу дѣльцовъ съ иной, не боярской подготовкой къ

дѣламъ. Они проникали туда преимущественно черезъ два вѣдомства, финансовое и дипломатическое. Здѣсь съ особенной силой чувствовалась нужда въ дѣльцахъ новаго характера, которые были бы вооружены не однимъ навыкомъ, но и знаніемъ, изобрѣтательностью и сообразительностью, тѣмъ, что люди XVII в. называли «промысломъ» и «разсмотрѣніемъ». Уже въ XVI в. появляется цѣлый рядъ такихъ мастеровъ казеннаго и посольскаго дѣла, «промышленниковъ», какъ называлъ такихъ дѣльцовъ въ XVII в. самый блестящій изъ нихъ А. Л. Ординъ-Нащокинъ. Это были либо выѣзжіе греки, либо захудалые потомки бояръ удѣльнаго времени, либо дьяки очень скромнаго служилаго и даже неслужилаго происхожденія. Не великіе отечествомъ, они становились велики службой. Нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ грекъ Ю. Д. Мамый Траханіотовъ съ сыномъ и Ѡ. И. Сукинъ, достигали боярства. Но обыкновенно служебное поприще этихъ неродовитыхъ московскихъ финансистовъ и дипломатовъ завершалось думнымъ дьячествомъ или думнымъ дворянствомъ. Къ началу XVII в. въ Москвѣ стали уже привыкать видѣть худородныхъ людей на должностяхъ по финансовому управленію или въ званіи государственныхъ секретарей. Большіе бояре очень сердились, когда по приказу короля Сигизмунда къ нимъ въ думу вступилъ въ 1610 г. думный дворянинъ и товарищъ казначея Ѡ. Андроновъ, бывшій торговый мужикъ-кожевникъ. Но тогда же говорили въ Москвѣ, что и при прежнихъ государяхъ «такіе у такихъ дѣль» бывали ¹⁾).

¹⁾ Акты Зап. Росс. IV, 495. Происхожденіе Сукиныхъ или Суковыхъ неизвѣстно по старымъ родословнымъ. Но извѣстно, что Иванецъ и Семень Ивановъ Сукины, повидимому отецъ и братъ боярина и казначея Ѡ. И. Сукина, были дѣти боярскія въ концѣ княженія Ивана III, а Елка Сукинъ служилъ тогда дьякомъ дворцовымъ. Сб. Р. Ист. Общ. т. 35, стр. 123, 164 и 340. Какой-то Салтанъ Сукинъ въ 1547 г. былъ пошлин-

По слѣдамъ Сукиныхъ шли знаменитые въ свое время дипломаты А. и В. Щелкаловы. Дѣти незначительнаго дворцоваго дьяка, они оба дослужились до званія «ближнихъ дьяковъ большихъ». Первый былъ думнымъ посольскимъ дьякомъ и казначеемъ, а В. Щелкаловъ изъ печатниковъ и думныхъ посольскихъ дьяковъ былъ даже произведенъ при первомъ самозванцѣ въ окольникове, чего, можетъ быть, не бывало прежде. Смутное время выдвинуло много «самыхъ худыхъ людей, торговыхъ мужиковъ и молодыхъ дѣтишекъ боярскихъ», которымъ случайные цари и искатели царства подавали окольниковство, казначейство или думное дьячество, какъ говорили потомъ большіе московскіе бояре. Нѣкоторые изъ этихъ правительственныхъ «новичковъ» удержались на видныхъ мѣстахъ и по восстановленіи порядка. Польскіе комиссары въ 1615 г. имѣли нѣкоторое основаніе писать московскимъ боярамъ, что теперь по грѣхамъ на Москвѣ простые мужики, поповскіе дѣти и мясники негодные мимо многихъ княжескихъ и

никомъ въ Опочкѣ. П. Собр. Р. Лѣт. IV, 308. О. И. Сукинъ, второй казначей уже въ 1547 г., не разъ вѣздилъ при Грозномъ въ Литву съ дипломатическими порученіями, а другой братъ его Борисъ служилъ дьякомъ, потомъ печатникомъ и судьей Разбойнаго приказа, нося повидимому чинъ думнаго дворянина: въ соборномъ актѣ 1566 г. онъ «у бояръ въ судъ», чѣмъ былъ прежде А. Адашевъ. Акты Ист. I, стр. 211. Разрядн. кн. въ Моск. арх. мин. Ин. Дѣль, № 99/131, л. 204. Иванчина-Писарева, Прогулка по Колом. узвуду, 27. Собр. гос. гр. и дог. I, № 192. Сынъ этого Бориса Василій былъ въ 1604 г. думнымъ дворяниномъ и начальникомъ Большаго Прихода, департамента неокладныхъ сборовъ въ министерствѣ финансовъ. Боярск. кн. въ Моск. арх. мин. Ин. Д. № 2, л. 429. Король произвелъ купца гостинной сотни Андронova въ казначей въ 1610 г. Но уже въ 1608 г., при царѣ В. Шуйскомъ, Андроновъ былъ печатникомъ и думнымъ дьякомъ Посольскаго приказа. Др. Р. Вивл. XX, 365. Значить, появленіе его въ думѣ вовсе не было такимъ необычайнымъ актомъ королевскаго произвола, какъ это казалось послѣ большимъ боярамъ.

боярскихъ родовъ не попригожу къ великимъ государственнымъ и земскимъ и посольскимъ дѣламъ припускаются. При царяхъ новой династїи такіе новики еще смѣлѣе вторгаются въ думу въ званїи думныхъ дворянъ или дьяковъ и всего чаще тѣми же путями, финансовымъ и дипломатическимъ. Для знаменитаго Кузмы Минина, пожалованнаго изъ купцовъ въ думные дворяне, боярское правительство царя Михаила нашло должность казначея наиболѣе подходящей по его происхожденію. Во второй половинѣ вѣка въ думу проходитъ довольно длинный рядъ людей изъ высшаго купечества, изъ московскаго и провинціального дворянства, служа думными дьяками и въ большинствѣ дослуживаясь до думнаго дворянства. Таковы были Ѳ. Лихачовъ, Л. Лопухинъ изъ московскихъ дворянъ, Л. Голосовъ изъ углицкихъ дворянъ, С. Заборовскій изъ бѣжецкихъ дворянъ, отецъ и сынъ Кириловы изъ московскихъ гостей и многіе др. Нѣкоторые, какъ Ив. Гавреневъ и Ѳ. Елизаровъ, возвышались даже до околичества. Въ то же время рядъ провинціальныхъ и московскихъ дворянъ проникаетъ въ думу, минуя дьячество, исполняя дипломатическія порученія, служа по финансовому вѣдомству въ приказахъ Большой Казны, Большаго Прихода и т. п. Таковы были Прончищевы, Нарбековъ, новгородскій уѣздный дворянинъ Дубровскій, Баклановскій, Матюшкины, Аничковы и др. Со второй половины царствованія Алексѣя въ боярской книгѣ любого года эти люди стоятъ сплошной стѣной въ перечняхъ думныхъ дьяковъ и дворянъ, нерѣдко мелькаютъ и выше. Ихъ ряды завершаются громкими именами канцлеровъ Ордина-Нащокина и Матвѣева. Первый происходилъ изъ уѣзднаго псковскаго дворянства; второй былъ сынъ простаго дьяка, служившаго въ Казанскомъ Дворцѣ при царѣ Михаилѣ, и долго занималъ неважную должность «полковника и головы стрѣлецкаго». Оба вступили въ боярскій совѣтъ думными

дворянами и оба вышли изъ него боярами. Въ XVII в. *чинъ* уже совершенно отрывается отъ *отечества*: въ одномъ приговорѣ 1693 г. сами бояре признали, что «въ милости великихъ государей жалованы бывають въ чести (чины) не по родамъ». Такъ еще до Петра, задолго до его табели о рангахъ, отдѣлившей должности военныя отъ гражданскихъ, въ московской приказной администраціи обозначилась сфера, которую можно назвать тогдашней штатской службой. Здѣсь требовались особая дѣловая подготовка, особый навыкъ, но не требовалось знатности, родословнаго отечества. Правительство старалось заохотить неродовитые таланты къ такой службѣ, даже иногда насильно выводило ихъ на эту дорогу. Извѣстный ревнитель просвѣщенія при царѣ Алексѣѣ Ѳ. М. Ртищевъ въ 1650 г. заставилъ одного неважнаго молодого дворянина Лучку Голосова учиться латинскому языку у вызванныхъ изъ Кіева ученыхъ монаховъ, надѣясь, что со временемъ изъ него выйдетъ полезный дѣлецъ по министерству иностранныхъ дѣлъ, гдѣ въ то время требовались образованные люди. Съ большою нравственною тревогой принимался Голосовъ за латынь въ угоду сильному покровителю. Въ задушевныхъ бесѣдахъ съ пріятелями онъ признавался, что учиться у кіевскихъ старцевъ не хочетъ, старцы они недобрые, добра онъ въ нихъ не позналъ и добраго ученья у нихъ нѣтъ; въ латинскомъ языкѣ многія ереси есть, и «кто по латыни ни учился, тотъ съ праваго пути соврагился». Лучка пошелъ по дорогѣ своего отца, служившаго дьякомъ въ подчиненной Посольскому приказу Нижегородской Четверти, и нѣсколько лѣтъ спустя является уже Лукьяномъ Тимофеевичемъ Голосовымъ, товарищемъ боярина А. Л. Ордина-Нащокина, думнымъ дьякомъ Посольскаго приказа, а потомъ и думнымъ дворяниномъ; дѣти его служили уже въ стольникахъ. Провинціальное дворянство въ XVII в. добивалось дьяче-

скихъ мѣстъ въ московскихъ приказахъ, какъ видно изъ просьбъ объ этомъ, поданныхъ королю Сигизмунду въ Смутное время. Но московскіе дворяне брезговали еще этой карьерой. Лопухины издавна служили «выборными» городовыми дворянами, т.-е. принадлежали къ высшему слою провинціального дворянства, служившему переходной ступенью къ столичному, къ службѣ «по московскому списку». Ларіонъ Лопухинъ лѣтъ сорокъ служилъ въ низшемъ изъ столичныхъ чиновъ, въ званіи «жильца» и потомъ въ чинѣ московскаго дворянина. Его назначили дьякомъ въ Казанскій Дворецъ. Обидѣвшись просьбой гостей въ 1649 г. написать ихъ въ Уложеніи выше дьяковъ, Лопухинъ билъ челомъ, чтобы его или написали въ Уложеніи особой отъ дьяковъ статьей, или совсѣмъ отставили отъ дьячества. Государь пожаловалъ, велѣлъ ему впередъ того, что онъ въ дьякахъ, въ безчестье и въ упрекъ передъ его братіей дворянами не ставить, «потому что онъ взятъ изъ дворянъ во дьяки по государеву имянному указу, а не его хотѣнемъ». Но этого невольнаго приказнаго дѣльца скоро встрѣчаемъ думнымъ дьякомъ въ Казанскомъ, потомъ даже въ Посольскомъ приказѣ и наконецъ думнымъ дворяниномъ и вторымъ начальникомъ того же Казанскаго Дворца, гдѣ онъ началъ свою дьяческую службу съ такою неохотой и съ такой сословной стыдливостью передъ своею дворянской братіей. Успѣхамъ худородныхъ дѣльцовъ, безъ сомнѣнія, много помогло положеніе московскаго боярства въ XVII в. Курбскій не совсѣмъ былъ правъ, когда писалъ, что послѣ ужасовъ опричнины у Грознаго остались отъ стараго боярства только «калики». Но такое замѣчаніе вполнѣ идетъ къ московской знати съ половины XVII в. То были жалкіе остатки «стародавнихъ честныхъ родовъ», какъ выражался царь Алексѣй. Подъ руками у этого царя былъ разбитый классъ со спутавшимися политическими понятіями, съ разорваннымъ правительственнымъ

преданіемъ. Онъ падалъ генеалогически и даже экономически. У царя Алексѣя не оставалось старыхъ бояръ родовитѣе князей Одоевскихъ; а онъ и Одоевскимъ писалъ, пославъ, что было нужно, на выносъ и погребеніе одного изъ нихъ: «впрямь узналъ и провѣдалъ я про васъ, что опричь Бога на небеси, а на земли опричь меня никого у васъ нѣтъ». Въ боярскихъ спискахъ можно найти краснорѣчивыя отмѣтки въ этомъ смыслѣ. Думные и даже простые дьяки получали помѣстные оклады по 900 и по 1000 четей (1350—1500 десятинъ въ трехъ поляхъ), а при именахъ комнатныхъ стольниковъ князей М. Ю. Долгорукаго и П. И. Прозоровскаго, которые потомъ стали боярами, списокъ 1670 г. замѣчаетъ: «помѣстій и вотчинъ нѣтъ». Этотъ упадокъ старой знати наглядно отразился на генеалогическомъ составѣ думы при новой династіи. По списку 1668 г. изъ 62 бояръ, окольных и думныхъ дворянъ можно насчитать не болѣе 28 именъ старыхъ боярскихъ фамилій, бывавшихъ въ думѣ при прежней династіи, а въ 1705 г. находимъ всего 17 членовъ думы съ такими фамиліями среди 52 бояръ, окольных и думныхъ дворянъ. Этимъ объясняется поступокъ П. П. Головина въ 1651 г. Его пожаловали въ окольные, а онъ отказался отъ чести, объявивъ, что предки его окольными не бывали и что окольных нѣтъ «въ его пору», т. е. равныхъ ему по отечеству, а всѣ его ниже, моложе. Первое было совсѣмъ неправда, но второе не было лишено основанія: Головину обидно было сидѣть среди окольных того времени. Дума приговорила было за дерзость бить его кнутомъ и сослать въ Сибирь; но государь велѣлъ только посадить его сутокъ на двое въ тюрьму, оставивъ въ прежнемъ чинѣ, а черезъ годъ простилъ, пожаловалъ въ окольные съ выговоромъ ¹⁾).

¹⁾ Соловьева, Ист. Россіи, IX, 68. Акты 3. Росс. IV, 401 и 406. Дворц. Разр. III, 113. Боярск. книга № 6 въ Моск.

ГЛАВА XXI.

Думные люди были управители центральных приказовъ или исполнители особыхъ порученій по центральной и областной администраціи.

Разсмотримъ теперь административный составъ думы.

Государь совѣтовался съ боярами по дѣламъ законодательства и управленія. Но эти бояре не были только совѣтниками государя. У нихъ было много дѣла и внѣ государственнаго совѣта. Вмѣстѣ съ государемъ они не только законодательствовали, но и правили обществомъ, не только опредѣляли общественныя отношенія, но и непосредственно на самыхъ мѣстахъ наблюдали за дѣйствіемъ своихъ опредѣленій. Словомъ, московскіе государственные совѣтники не только руководили всѣмъ правительственнымъ механизмомъ государства, но и были главными его колесами. Потому думный человѣкъ дѣйствовалъ всюду, на самыхъ разнообразныхъ путяхъ государственнаго управленія, какъ и въ ходѣ церковной жизни, въ центрѣ, какъ и въ провинціи, въ гражданской администраціи и во главѣ полковъ. Отсюда же происходила и чрезвычайная измѣнчивость, разнообразіе дѣятельности думнаго человѣка. Околичнаго или думнаго дворянина, управлявшаго Ямскимъ приказомъ, посылали воеводствовать куда-нибудь на Вятку, а черезъ годъ или даже меньше вызывали съ Вятки въ Москву, чтобы послать командовать полкомъ въ Сѣвскѣ или Путивлѣ.

арх. мин. Юстиціи. Боярск. спис. 1670 г. № 6 тамъ же. Приказн. дѣла Моск арх. мин. Ин. Дѣлъ 1650 г., № 31. Иванова, Опис. Разрядн. архива, стр. 345. Сказ. кн. Курбскаго, 234. Статья о приказахъ въ Др. Росс. Вивл. XX, 277—421. Акты Ист. IV, №№ 20 и 63. Родъ Голосовыхъ въ рукописной Родословной Иванова, П. С. З. №№ 390, 1460. 61 и 62.

По свойству правительственной дѣятельности во всемъ личномъ составѣ думы можно различить два элемента. Одинъ изъ нихъ отличался меньшей подвижностью сравнительно съ другимъ. Это были управители или «судьи» центральныхъ приказовъ, которыхъ можно назвать министрами или директорами департаментовъ. Думнымъ людямъ поручали только важнѣйшіе изъ приказовъ; остальными завѣдовали стольники, дворяне, простые дьяки. Въ приказахъ Тайныхъ Дѣлъ, Каменномъ, Холопьемъ, Счетномъ, въ нѣкоторыхъ дворцовыхъ, напримѣръ Хлѣбномъ, Панафидномъ, въ Царской и Царицыной Мастерскихъ палатахъ, даже въ Конюшенномъ приказѣ обыкновенно сидѣли въ XVII в. начальники, не имѣвшіе думныхъ чиновъ. Впрочемъ здѣсь не было постоянныхъ правилъ: судными приказами Московскимъ, Владимірскимъ и Дворцовымъ завѣдовали то бояре, то стольники. При обычаѣ назначать въ иные приказы къ главному судѣ одного или двухъ товарищей изъ думныхъ же людей не достало бы членовъ думы для замѣщенія всѣхъ многочисленныхъ приказовъ. Притомъ въ XVII в., какъ извѣстно, по мѣрѣ размноженія приказовъ старались сосредоточивать центральное управленіе, поручая одному лицу нѣсколько приказовъ. При царѣ Алексѣѣ тестъ его бояринъ И. Д. Милославскій управлялъ пятью приказами, Иноземскимъ, Рейтарскимъ, Стрѣлецкимъ, Аптекарскимъ, Большой Казной; нѣкоторое время къ нимъ былъ еще присоединенъ Казенный Дворъ. Точно также начальникъ Посольскаго приказа Ординъ - Нащокинъ съ товарищами своими правилъ въ то же время Малороссійскимъ приказомъ и Четьми Новгородской, Галицкой и Владимірской. Впрочемъ и эти сочетанія измѣнялись въ разное время. Въ управленіи приказами господствовала та же подвижность, какой отличалась вся администрація Московскаго государства. Приказныя должности еще не вполне освободились отъ характера случайныхъ, кратковременныхъ порученій, какой

онѣ носили въ удѣльное время. Это можно замѣтить, слѣдя за служебнымъ движеніемъ приказныхъ дѣльцовъ, думныхъ и недумныхъ, за ихъ переводами изъ одного вѣдомства въ другое. Въ какихъ приказахъ не приходилось посидѣть на своемъ вѣку иному боярину или дьяку! Однако здѣсь больше, чѣмъ въ другихъ сферахъ московской администраціи, можно найти слѣдовъ нѣкотораго постоянства, устойчивости какъ въ XVI, такъ и въ XVII в. Нѣкоторые управители подолгу сидѣли въ однихъ учрежденіяхъ. Казначей Ѳ. И. Сукина встрѣчаемъ въ этой должности и въ 1547, и въ 1555 г. И. Д. Милославскій правилъ пятью названными приказами цѣлыхъ 17 лѣтъ (1651—1667).

Кромѣ приказнаго управленія у думныхъ людей было въ столицѣ много дѣлъ, для которыхъ не существовало постоянныхъ учреждений. Отправленіе такихъ дѣлъ носило вполнѣ удѣльный характеръ, и въ нихъ, можетъ быть, всего явственнѣе сказывался духъ старой московской администраціи, дѣятельной, хотя и не умѣвшей выработать себѣ твердыхъ формъ и постоянныхъ правилъ, старавшейся руководить не только государственной, но и нравственной жизнью общества. Думныхъ людей наряжали идти «за кресты» по городу, когда бывали крестные ходы въ Москвѣ, относить «ѣства» съ царскаго стола къ патріарху въ извѣстные торжественные дни. Когда государь въ Грановитой палатѣ скрѣплялъ клятвой заключенный съ иноземными послами договоръ, св. Евангеліе онъ самъ провожалъ до сѣней, а проводить дальше до Благовѣщенскаго собора назначалъ бояръ и окольничихъ, человѣка три или четыре. Когда патріархъ на Масляницу съ своимъ «освященнымъ соборомъ» присутствовалъ на религіозно-назидательномъ зрѣлищѣ, «дѣйствѣ Страшнаго суда», а выхода государева къ тому дѣйству не было, на представленіе посылалась «по указу» государя комиссія, которая при царѣ Алексѣѣ составлялась напрімѣръ, переводя старые административ-

ные термины на нынѣшніе, изъ министра почтъ, статсъ-секретаря у принятія прошеній, статсъ-секретаря военного департамента государственнаго совѣта (думнаго разряднаго дьяка) да изъ касимовскаго царевича татарскаго происхожденія Василя Араслановича. Все то были думные люди кромѣ послѣдняго. Когда государь выходилъ въ Успенскій или Благовѣщенскій соборъ, въ Чудовъ монастырь, даже къ Преображенію на своемъ дворѣ, онъ оставлялъ «въ верху» во дворцѣ одного боярина или двоихъ для поддержанія порядка. Когда государь «ходилъ въ походъ» изъ столицы въ подмосковныя села на охоту или въ монастыри на богомолье, даже только за Тверскія ворота къ Страстному монастырю встрѣтить возвращавшуюся изъ польскаго плѣна полковую икону Божіей Матери, онъ также оставлялъ «на Москвѣ» комиссію думныхъ людей, двоихъ или болѣе, для текущихъ дѣлъ высшаго управленія. Когда въ Москву пріѣзжало иноземное посольство, для переговоровъ съ нимъ, «въ отвѣтъ» назначались бояре съ думными дьяками.

Двѣ правительственныя сферы всего чаще отвлекали членовъ думы отъ ихъ думныхъ занятій. Это было воеводство городское и полковое. Думнымъ людямъ поручалось управленіе важнѣйшими областями и обыкновенно поручалось на короткое время въ XVII, какъ и въ XVI в. Иностранцамъ, на примѣръ Маржерету, преувеличенно казалась даже, будто въ каждой области находится членъ думы для управленія и суда ¹⁾). Эта краткосрочность выражалась и въ административной терминологіи того времени: городской воевода, военный губернаторъ области, «годоваль» въ томъ или другомъ городѣ. Въ разрядныхъ книгахъ велись погодныя росписи «воеводъ по городомъ», воеводскихъ назначеній, и по нимъ можно видѣть, какъ часто смѣня-

1) Сказаніе современ. о Димитріи Самозванцѣ, III, 35.

лись областные управители. Городовой воевода нерѣдко превращался въ полковаго. Оборона границъ, особенно южныхъ и юговосточныхъ, татарскихъ, и въ промежуткѣ между открытыми войнами чуть не ежегодно поднимала на ноги большую или меньшую массу ратныхъ людей, которые собирались въ полки, чтобы нѣсколько недѣль постоять на рубежѣ въ ожиданіи непріятельскаго набѣга. Командовать этими полками, какъ и ревизовать, «разбирать» или «смотреть» ратныхъ людей, присылались изъ столицы люди высшихъ чиновъ, преимущественно думныхъ. То и другое воеводство устанавливало постоянное и живое движеніе правительственнаго класса изъ столицы въ провинцію и обратно, и на этомъ движеніи держалась та московская политическая и административная централизація, въ дальнѣйшемъ развитіи которой XVIII вѣкъ при всѣхъ своихъ средствахъ и усиліяхъ сдѣлалъ очень мало успѣховъ, если только сдѣлалъ сколько-нибудь. Въ этомъ движеніи боярская дума, дѣйствуя съ помощію необильнаго, даже скуднаго сравнительно административнаго персонала, ей подчиненнаго, имѣла значеніе главнаго ткацкаго челнока, который на основѣ національныхъ, церковныхъ и географическихъ связей выводилъ рѣдкую и грубую, но крѣпкую и выносливую ткань государственнаго порядка, умѣвшую выдерживать общественныя потрясенія, какихъ не пришлось испытать XVIII вѣку.

Благодаря разнымъ особымъ порученіямъ, какія возлагались на думныхъ людей, боярская дума, оставаясь совѣтомъ «всѣхъ бояръ», едвали когда собиралась въ полномъ составѣ членовъ, сколько ихъ значилось по списку. Всегда были члены, отсутствовавшіе по службѣ. Разсматривая разрядныя росписи XVI в., можно замѣтить, что около половины думы дѣйствовало ежегодно внѣ столицы, гдѣ-нибудь воеводствовало. Въ 1531 г. было слишкомъ 40 бояръ и окольныхчихъ; изъ нихъ 20 находились въ от-

лучшѣ, ходили въ походы полковыми воеводами, иные по нѣскольку разъ въ разное время года. При этомъ не считаются члены думы, бывшіе въ тотъ годъ управителями областей. Вслѣдствіе этого обычныя ежедневныя засѣданія думы составлялись изъ немногихъ сравнительно членовъ совѣта. Въ 1566 г. членовъ думы считалось 59 кромѣ думныхъ дьяковъ; но въ приговорѣ думы, внесенномъ въ соборное опредѣленіе этого года о войнѣ съ Польшей, обозначено всего 23 члена думы кромѣ 6 подписавшихся на актѣ дьяковъ, о которыхъ трудно сказать, были ли всѣ они думные ¹⁾. По разрядамъ XVII в. можно довольно точно разсчитать, сколько думныхъ людей ежегодно занято было внѣ Москвы по областямъ или въ полкахъ и сколько сидѣло въ столичныхъ приказахъ. Беремъ для этого боярскій списокъ и разряды 1668 сентябрьскаго года ²⁾. Въ думѣ считалось тогда 26 бояръ, 20 окольниковихъ, 15 думныхъ дворянъ съ казначеемъ и 7 думныхъ дьяковъ съ печатникомъ. Изъ этихъ 68 государственныхъ совѣтниковъ въ первую половину года сидѣло въ 28 приказахъ 25 (6 бояръ, 4 окольниковихъ, 8 думныхъ дворянъ и всѣ думные дьяки съ печатникомъ). Двое состояли дядьками при царевичѣ Алексѣѣ, слѣдовательно также заняты были въ столицѣ. Изъ остальныхъ членовъ 13 воеводствовали по городамъ (4 боярина, 6 окольниковихъ и 3 думныхъ дворянина).

1) Собр. гос. гр. и дог. I, стр. 547. •

2) Боярская книга 176 г. № 6 въ Моск. арх. мин. Юстиціи. Дворц. Разряды, III, 659—848. Не считаемъ обозначеннаго въ списокѣ бояръ гетмана Войска Запорожскаго И. М. Брюховецкаго, который въ томъ же году измѣнилъ московскому государю. См. у Олеарія главы 3-й книги „Von den Boyaren“ и „Von unterschiedlichen Cantzeleyen“. Перечень относится къ веснѣ 1654 г. Изъ него видно, что членовъ думы считалось тогда 62 и изъ нихъ 18 были заняты въ 30 приказахъ: остальными тремя, къ которымъ отнесенъ и Таможенный, завѣдовали недумные люди.

Кромѣ того одинъ думный дворянинъ ѣздилъ посломъ въ Польшу для подтвержденія мирнаго договора, по возвращеніи былъ въ отвѣтъ съ англійскимъ посломъ и потомъ отправился въ Вятку на воеводство. Когда пришли въ Москву вѣсти объ измѣнѣ гетмана Брюховецкаго, изъ Москвы наряжено было 5 думныхъ людей въ Бѣлевъ, Бѣлгородъ и Сѣвскъ командовать полками противъ измѣнившихъ Черкаскъ или наблюдать за сборомъ ратныхъ людей въ эти полки. Двое изъ этихъ экстренныхъ уполномоченныхъ были управители приказовъ Большой Казны и Челобитеннаго. Въ другіе годы съ такими военными порученіями посылали изъ Москвы гораздо большее количество думныхъ людей. Такія порученія падали иногда и на приказныхъ управителей: бояринъ В. В. Бутурлинъ при царѣ Алексѣѣ долго дѣйствовалъ въ Малороссіи, оставаясь въ должности дворецкаго и начальника приказа Большаго Дворца. Но обыкновенно такія порученія возлагались на тѣхъ совѣтниковъ, которые въ тотъ годъ были «не у дѣлъ», оставались въ Москвѣ свободными отъ приказной службы. Благодаря этому часто случалось, что значительное большинство думныхъ людей, собиравшихся на засѣданія совѣта, состояло изъ начальниковъ приказовъ, и тогда дума получала характеръ совѣта министровъ или, точнѣе, становилась собраніемъ председателей департаментовъ государственнаго совѣта и «главноуправляющихъ разными отдѣльными частями, принадлежащими къ общему приказному устройству», какъ можно выразиться, примѣняясь къ терминологіи перваго тома Свода Законовъ.

Г Л А В А XXII.

Въ своей ежедневной практикѣ дума была постояннымъ совѣтомъ наличныхъ думныхъ людей, находившихся при государѣ.

Въ порядкѣ думскаго дѣлопроизводства, въ отношеніяхъ думы къ подчиненнымъ правительственнымъ учрежденіямъ, въ кругѣ предметовъ, составлявшихъ ея вѣдомство, остается много неяснаго ¹⁾. Надобно думать, что большая часть этихъ темныхъ подробностей вполне раскроется, когда лучше изученъ будетъ огромный канцелярскій матеріалъ, сохранившійся отъ старинныхъ московскихъ приказовъ и ожидающій дружныхъ усилій многихъ изслѣдователей ²⁾. Мы ограничимся краткимъ, неполнымъ очеркомъ правительственной дѣятельности боярскаго совѣта въ ея обычномъ теченіи.

Обычными дѣловыми названіями боярскаго совѣта были *дума* или *бояре*: человѣку, получавшему званіе государственнаго совѣтника, приказывали «сидѣти съ боярами въ думѣ и всякія думныя и тайныя дѣла вѣдати». Въ указахъ и боярскихъ приговорахъ XVII в. о дѣлахъ, рѣшенныхъ въ думѣ, иногда писали, что они вершены въ *палатѣ*; потому и думныхъ людей называли также *палатными*. Въ актахъ, исходившихъ отъ духовныхъ властей, любили обозначать боярскій совѣтъ греческимъ терминомъ

1) Считаемо долгомъ напомнить читателю, что съ этихъ сторонъ былъ уже сдѣланъ опытъ изслѣдованія московской боярскаго думы, основанный на изданныхъ матеріалахъ. Г. Загоскина, Исторія права Моск. государства, т. 2, выпускъ 1. Казань. 1879.

2) Пользуемся случаемъ выразить здѣсь нашу искреннюю признательность начальнику II и III отдѣл. Московскаго архива мин. Юстиціи В. И. Холмогорову, содѣйствию котораго мы много обязаны при изученіи дѣлъ стариннаго Помѣстнаго приказа, разъяснившихъ намъ нѣкоторыя изъ этихъ подробностей.

синклитъ: это было торжественнымъ, болѣе книжнымъ, чѣмъ дѣловымъ названіемъ думы ¹⁾). Въ обычное время, когда царь съ боярами жилъ въ Москвѣ, засѣданія думы начинались рано по утрамъ, когда думные люди прїѣзжали во дворець «челомъ ударить» государю. Флетчеръ говоритъ, что на засѣданія собирались въ 7 часовъ утра: онъ, очевидно, имѣлъ въ виду зимнее время, когда онъ жилъ въ Москвѣ. Олеарій, держась тогдашняго московскаго счета дневныхъ и ночныхъ часовъ отъ восхода и заката солнца, писалъ, что на совѣщанія о дѣлахъ бояре собирались послѣ полуночи, отправляясь въ Кремль около 1 или 2 часовъ дня. Еще точнѣе указываетъ время засѣданій Маржеретъ, у котораго читаемъ, что лѣтомъ бояре вставали обыкновенно при восходѣ солнца и ѣхали во дворець, гдѣ присутствовали въ думѣ отъ перваго до седьмаго часа дня. Столь продолжительное засѣданіе сопровождалось присутствіемъ бояръ съ государемъ въ церкви у обѣдни, длившейся часа два, такъ что думные люди возвращались домой уже къ обѣду около полудня по Олеарію. Засѣданіе совѣта возобновлялось вечеромъ, когда думные люди, соснувъ послѣ обѣда, съ первымъ ударомъ колокола къ вечернѣ опять выѣзжали во дворець поклониться государю и оставались тамъ по Маржерету часа два или три. По указамъ 1669 и 1676 г. думнымъ людямъ велѣно было съѣзжаться зимой въ первомъ часу дня и ночи, утромъ и вечеромъ, чтобы «сидѣть

¹⁾ Намекъ на то, что она называлась боярской думой, есть только у Флетчера (см. выше стр. 343). Впрочемъ въ договорной записи московскихъ бояръ 17 авг. 1610 г. встречаемъ выраженіе: „съ думою бояръ“. Собр. гос. гр. и дог. II, № 199. Иванъ Грозный въ своихъ письмахъ называлъ думу синклитіей, а Курбскій въ исторіи этого царя сенатомъ; ее называли также царскимъ совѣтомъ. Сказ. кн. Курбскаго, 79 и 188. Акты А. Эксп. I, № 308. Карамзинъ, IX, прим. 181; XII, прим. 10. Акты 3. Росс. IV, 411. Собр. гос. гр. III, № 24. Полн. Собр. Зак. № 1355 и др.

за дѣлы». Но какъ въ то же время судьямъ и дьякамъ велѣно было сидѣть въ ихъ приказахъ и ходить въ думу къ боярамъ съ докладами съ перваго до восьмага часа ночи, то слѣдовательно вечернія засѣданія думы зимой продолжались часу до 11-го ночи по нашему счету. Поэтому иностранцы, бывавшіе въ Москвѣ зимой, говорили, что государственный совѣтъ здѣсь собирался обыкновенно ночью ¹⁾. Ходить съ докладами въ думу значило «всходить съ дѣлами въ верхъ передъ боярѣ». Около половины XVI в. въ кремлевскихъ дворцовыхъ хоромахъ была одна палата, служившая постояннымъ мѣстомъ засѣданій думы. Въ 1542 г., когда у государя былъ столъ для польскихъ пословъ, посольскую свиту, не усѣвшуюся за столомъ вмѣстѣ съ другими, угощали особо «въ полатѣ, гдѣ бояре судятъ». Въ XVII в. при царѣ Алексѣѣ чаще всего дума засѣдала въ такъ называвшейся *Передней* палатѣ. При дѣтяхъ его засѣданія часто бывали также въ *комнатѣ*, т. е. кабинетѣ государя. Иногда впрочемъ встрѣчаемъ по актамъ засѣданія боярѣ въ палатахъ *Золотой* и *Столовой*. Въ поѣздкахъ государей бояре слѣдовали за ними. Это дѣлало думу очень подвижнымъ учрежденіемъ, дѣйствовавшимъ тамъ, гдѣ въ извѣстную минуту находился государь съ боярами. Потому встрѣчаемъ дѣла, о которыхъ государь «сидѣлъ» съ боярами въ селахъ Измайловѣ или Коломенскомъ, въ Троицкомъ Сергіевомъ монастырѣ и проч. Царь Иванъ IV, собираясь въ походъ на Казань въ 1549 г., постановилъ съ боярами приговоръ о мѣстничествѣ не въ дворцовой палатѣ, а въ Успенскомъ соборѣ, и на походѣ слѣдовалъ рядъ засѣданій думы по тому же вопросу во Владимірѣ и въ Нижнемъ. Флетчеръ пишетъ, что

1) Сказ. соврем. о Дим. Самозв. III, 38 и сл. О леарій, 18 глава III книги. Флетчеръ, гл. 11. II. С. З. №№ 461, 462 и 621; засѣданія бывали и въ другое время, наприм. во 2-мъ часу пополудни (тамъ же № 582). Relation de trois ambassades de m-r le comte de Carlisle. Amsterd. 1669, p. 62.

обыкновенныя засѣданія думы бывали только по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ и что членамъ думы разсылали особыя повѣстки, когда нужно было созвать бояръ на чрезвычайное засѣданіе въ какой-либо другой день. Можетъ быть, такъ и бывало въ царствованіе Федора Ивановича. Но въ XVII в. у думы и государя было обыкновенно столько правительственной работы, что дѣятельность боярскаго совѣта не ограничивалась тремя днями въ недѣлю. Большая часть этой работы состояла въ слушаніи и обсужденіи «судейскихъ докладовъ» или докладныхъ выписокъ, съ которыми приходили въ думу начальники приказовъ. Надобно различать три рода докладовъ, шедшихъ «въ верхъ»: доклады государю безъ бояръ, государю въ присутствіи бояръ и государю съ боярами. По крайней мѣрѣ Котошихинъ ясно отличаетъ два первыхъ рода докладовъ отъ слушанія дѣлъ въ думѣ государемъ съ боярами. Благодаря привычкѣ московской приказной администраціи обращаться къ высшей власти за разрѣшеніемъ каждаго своего недоумѣнія доклады перваго рода могли случиться во всякое время. По словамъ Котошихина, бояре и другіе думные люди приходили къ царю съ дѣлами «на докладъ», даже когда царь кушалъ съ царицей; докладчикъ или тотчасъ допускался въ комнату, или дожидался конца стола. Государь «слушалъ дѣла» также по утрамъ, когда бояре находились во дворцѣ. Но это не было «сидѣнье государя съ бояры о дѣлахъ»: бояре только присутствовали при этомъ, «стояли» передъ царемъ «всѣ», а иные, уставши стоять, выходили изъ покоевъ отдохнуть на дворъ. Въ 1659 г. важныя инструкціи главнокомандующему, дѣйствовавшему въ Малороссіи, доложены были государю въ трапезѣ дворцовой церкви. Въ тяжёбныхъ дѣлахъ, доходившихъ до государя, встрѣчаемъ резолюціи, помѣченныя думными дьяками въ воскресные и праздничные дни, также на Страстной недѣлѣ. По Уложенію въ воскресные и царскіе дни, въ большіе праздни-

ки и между прочимъ всю Страстную въ приказахъ не сидѣли и никакихъ дѣлъ не дѣлали кромѣ «самыхъ нужныхъ государственныхъ дѣлъ». Такія дѣла сосредоточивались въ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ приказахъ. Какъ бы разъясняя статью Уложенія, изданный въ концѣ того же 1649 г. указъ предписываетъ не сидѣть въ приказахъ по субботамъ послѣ обѣда и по воскресеньямъ до обѣда. Исключеніе сдѣлано только для Разряда, Посольскаго приказа и Большаго Дворца, какъ учреждений, вѣдавшихъ самыя нужныя государственныя дѣла. Значить, и въ праздники изъ приказовъ могли идти доклады государю и боярамъ. Самъ Флетчеръ замѣчаетъ, что по всемъ государственнымъ дѣламъ царь обращался къ боярскому совѣту ежедневно (daily). Въ XVII в. старались внести порядокъ въ теченіе дѣлъ высшаго управленія, установить очередь докладовъ, назначая для того важнѣйшимъ приказамъ извѣстные дни въ недѣлѣ. Такъ въ 1669 г. велѣно было вносить дѣла къ боярамъ въ думу по понедѣльникамъ изъ Разряда и Посольскаго приказа, по вторникамъ изъ Большой Казны и Большаго Прихода, двухъ важнѣйшихъ финансовыхъ приказовъ, по средамъ изъ Казанскаго Дворца и Помѣстнаго приказа, вѣдавшихъ дѣла по служилому землевладѣнію въ большей части областей государства, по четвергамъ изъ приказа Большаго Дворца и Сибирскаго, по пятницамъ изъ судебныхъ приказовъ Московскаго и Владимірскаго. По изложенію указа можно подумать, что хотѣли установить постоянный еженедѣльный порядокъ докладовъ. Но сохранилась роспись на 4—11 августа 1676 г., совершенно несогласная съ распорядкомъ 1669 г. и притомъ измѣнчивая: на пятницу 11 августа назначены были доклады совсѣмъ не изъ тѣхъ приказовъ, которые должны были докладывать въ пятницу 4 августа ¹⁾.

¹⁾ Дѣла Польскія въ Моск. арх. мин. Ин. Д., г. 1542, № 3, л. 12 и 13. О названныхъ палатахъ см. г. Забѣлина, Дом.

Въ изложеніи указовъ XVII в. мы встрѣчаемъ двоякую редакцію. Одни начинаются словами: «великій государь, слушавъ докладной выписки, указалъ и бояре приговорили». На другихъ думный дьякъ помѣчалъ: «по указу великаго государя бояре, той докладной выписки слушавъ, приговорили». Въ этихъ формулахъ можно видѣть указаніе на то, состоялся ли приговоръ думы подъ председательствомъ царя или безъ него. Руководствуясь такимъ указаніемъ, можно замѣтить, что цари Алексѣй и его старшій сынъ часто присутствовали на засѣданіяхъ думы. Лѣтомъ 1680 года, живя въ селѣ Воробьевѣ, царь Ѳедоръ пріѣзжалъ въ Москву «слушать дѣлъ съ бояры» изъ приказовъ рано утромъ, при восходѣ солнца, или часу въ десятомъ. Иногда впрочемъ дѣло докладывалось особо царю и боярамъ. Такъ можно думать по резолюціи, положенной на одинъ докладъ въ 1686 г., во время соцарствованія младшихъ сыновей Алексѣя, и начинающейся словами: «великіе государи, слушавъ сей выписки въ *комнатъ*, указали и бояре приговорили въ *Передней*». Правительницы также лично принимали доклады и присутствовали въ думѣ. Назначивъ свою жену правительницей государства на время несовершеннолѣтія старшаго сына, великій князь Василій Ивановичъ передъ смертію совѣтовался съ приближенными о своей княгинѣ, какъ ей быть послѣ него и какъ къ ней боярамъ приходиться по дѣламъ управленія. Царевна Софья часто присутствовала въ думѣ, сколько можно судить о томъ по указамъ, изданнымъ въ ея правленіе. Впрочемъ при ней обычная формула думскихъ приговоровъ уже теряла буквальное значеніе. По указамъ 1683—1686 г. царевна слушала дѣла въ думѣ вмѣстѣ

съ обоими братьями; но изъ разсказа А. Матвѣева и писемъ шведскаго посла Кохена видно, что Петръ сталъ часто посѣщать думу не раньше 1688 г., а прежде бывалъ въ ней очень рѣдко, лишь въ особенно важныхъ случаяхъ. Лишая князей Голицыныхъ боярства, именной указъ 1689 г. ставилъ имъ въ вину между прочимъ и то, что они «сестрѣ великихъ государей о всякихъ дѣлѣхъ мимо ихъ, великихъ государей, докладывали, а имъ, великимъ государемъ, о тѣхъ дѣлѣхъ было неизвѣстно». Послѣ паденія Софьи за сѣданія думы безъ царя повидимому стали обычными. По указу 17 марта 1694 г. бояре слушали дѣла изъ приказовъ и по нимъ чинили приговоры, докладываясь великихъ государей только по тѣмъ дѣламъ, «которыхъ имъ за чѣмъ безъ ихъ, великихъ государей, именнаго указа вершить будетъ не мочно». Когда государь не присутствовалъ въ думѣ, первое мѣсто въ ней принадлежало старшему по «отечеству» боярину, «первосовѣтнику», какъ говорили въ XVI в. Отъ имени этого первосовѣтника «съ товарищи» писались приговоры думы. Такъ во времена опричнины первоприсутствующими въ думѣ видимъ князей И. Д. Бѣльскаго, И. Ѳ. Мстиславскаго, М. И. Воротынскаго ¹⁾).

Дѣла докладывали въ думѣ тѣ думные люди, которые управляли приказами, каждый по своему вѣдомству. Нѣтъ прямыхъ указаній на то, какъ шли въ думу доклады изъ приказовъ, начальники которыхъ не имѣли думныхъ чиновъ. Иногда они шли чрезъ Разрядъ; но иногда, кажется, допускались «въ верхъ» и сами такіе начальники. Впервыхъ, они являлись съ докладами къ самому государю. Въ 1681 г. постельничій и стряпчій съ ключомъ били челомъ о подмосковныхъ помѣстьяхъ. Думный дьякъ помѣтилъ на челобитной, что государь велѣлъ составить выписку о томъ и «доложить

¹⁾ Дв. Разр IV, 163 и 165. Зап. Матвѣева по изд. Сахарова, стр. 51. Русск. Старина 1878 г. № 9, стр. 121. П. С. З. №№ 1202, 1206, 1174, 1348 и 1491. Никон. VII, 42.

себя» столънику кн. Коркодинову, который тогда управлялъ Помѣстнымъ приказомъ. Въ 1694 г. велѣно было по всѣмъ приказамъ составить выписки о недоимкахъ; эти вѣдомости должны были доложить государямъ сами судьи приказовъ безъ различія, были ли они въ думныхъ чинахъ или не были. Точно также и въ думѣ встрѣчаемъ иногда съ докладами недумныхъ людей. Въ 1601 г. донесеніе о кн. Репнинѣ «вносили въ верхъ» къ боярамъ дьяки Казанскаго Дворца А. Власьевъ и Федоровъ; первый былъ думнымъ, а второй простымъ. Въ 1606 г. приговоръ думы о служилыхъ кабалахъ бояре велѣли приписать въ Судебникъ Милюкову и дьяку Жукову въ приказѣ Холопья Суда. По всей вѣроятности приговоръ бояръ и вызванъ былъ докладомъ этихъ судей приказа, какъ обыкновенно бывало. Но по списку 1607 г. Милюковъ не былъ думнымъ человѣкомъ, числился въ московскихъ дворянахъ. Поэтому можно принять извѣстіе Флетчера, что начальнику всякаго судебного мѣста предоставлено было право входить въ думу съ докладами. Докладчиками думы по преимуществу были думные дьяки. Въ XVI и первой половинѣ XVII в. ихъ было обыкновенно трое или четверо: это были начальники приказовъ Посольскаго, Большаго Разряда, Помѣстнаго и иногда Казанскаго Дворца или Новгородскаго Разряда. Выше было уже объяснено, почему эти именно важные приказы, откуда шло наибольшее количество докладовъ, долго управлялись не думными людьми высшихъ чиновъ, боярами или окольничими, а только думными дьяками ¹⁾. Эти приказы были не особыми правительственными вѣдомствами, а только разными отдѣленіями думской канцеляріи. Дѣла посольскія, разрядныя и помѣстныя непосредственно вѣдала сама дума, возлагая на думныхъ дьяковъ этихъ приказовъ исполненіе своихъ

¹⁾ Стр. 178 и сл.

приговоровъ. Потому эти приказы можно назвать учрежденіями по преимуществу административными. Въ приказахъ, которыми правили «судьи» высшихъ думныхъ чиновъ, существенную часть вѣдомства составлялъ судъ. Напротивъ въ дьячѣихъ приказахъ этотъ элементъ малозамѣтенъ. Помѣстному приказу, наприимѣръ, иногда приходилось разбирать поземельныя тяжбы, особенно по порученію думы; но прямымъ и постояннымъ его дѣломъ была администрація служилаго землевладѣнія подъ ближайшимъ руководствомъ думы. Главное мѣсто между этими приказами принадлежало Большому Московскому Разряду: это было первое и можетъ быть древнѣйшее отдѣленіе думской канцеляріи. Такое значеніе сохранялъ онъ до конца своего существованія. Его дѣломъ была администрація службы служилыхъ людей: онъ, какъ описывали его вѣдомство въ началѣ XVIII в., «всѣмъ розряжалъ, бояры и дворяны и дьяки и дѣтьми боярскими, гдѣ куды государь роскажетъ». Но сверхъ этого военно-административнаго значенія Разрядъ имѣлъ еще значеніе канцеляріи, стоявшей посредницей между высшимъ правительствомъ и прочими приказами. Онъ сообщалъ по принадлежности распоряженія государя, касавшіяся всѣхъ приказовъ; чрезъ него восходили въ думу справки, которыхъ она требовала отъ всѣхъ приказовъ. Такъ въ Разрядѣ начальникъ его объявлялъ всѣмъ приказнымъ судьямъ и дьякамъ государевы именныя указы о порядкѣ дѣлопроизводства и о времени присутствія въ приказахъ. Въ 1681 г. велѣно было всѣмъ приказамъ собрать находившіяся въ нихъ дѣла, рѣшенныя государемъ съ думой, и по нимъ составить новыя статьи на такіе случаи, на которые не дали законодательнаго отвѣта Уложеніе и сопровождавшія его новоуказныя статьи. Такія кодификаціонныя «выписки» всѣ приказы обязаны были прислать въ Разрядъ для представленія ихъ въ докладъ высшему правительству. Въ 1699 г. Разрядъ принимаетъ и докладываетъ государю

челобитые гостей о выборѣ бурмистровъ и о другихъ дѣлахъ городского самоуправленія. Наконецъ Разрядъ общалъ членамъ самой думы указы государя, касавшіеся порядка ихъ думныхъ занятій. Флетчеръ упоминаетъ о писцѣ думы, который по распоряженію Разряда разносилъ думнымъ людямъ повѣстки объ экстренныхъ засѣданіяхъ боярскаго совѣта. Этотъ писецъ думы былъ одинъ изъ разрядныхъ подъячихъ, которыхъ, какъ видно изъ актовъ XVII в., приказъ разсылалъ по дворамъ думныхъ людей съ повѣстками въ извѣстныхъ случаяхъ. Если думныхъ дьяковъ другихъ приказовъ можно назвать статсъ-секретарями, то думный разрядный дьякъ имѣлъ среди нихъ значеніе государственнаго секретаря. Иностранцы и называли Разрядъ государственной канцеляріей¹⁾. Въ XVII в. думное дьячество постепенно теряло свое первоначальное значеніе. Впервыхъ, начальниками дьячихъ приказовъ стали назначать людей высшихъ думныхъ чиновъ, бояръ и окольниковъ, такъ что думные дьяки, бывшіе прежде главными докладчиками думы, превращались въ ихъ товарищей. Вторыхъ, самихъ думныхъ дьяковъ все чаще стали жаловать въ высшіе чины думныхъ дворянъ и даже окольниковъ. Наконецъ, въ думу вводили за службу дьяковъ такихъ приказовъ, которые уже давно утратили значеніе ближайшихъ думскихъ канцелярій и управлялись боярами, окольными или даже недумными чинами, стольниками и дворянами московскими: старый московскій статсъ-секре-

1) П. С. З. №№ 856, 1484, 777, 900, 1683, 582. А. И. II, №№ 355, 38 и 63. Памятн. дипл. снош. II, 656. Боярск. сп. 1607 г. въ рукоп. Е. В. Барсова. Флетчеръ, гл. 11. Др. Р. Вивл. XX, 367. Ср. Корба Дневникъ, изд. Общ. Ист. и Др. Р., стр. 311. Сказ. соврем. о Дим. Самозв. I, 26. Самое названіе четвертсѣй, какос носили приказы Посольскій, Помѣстный, Большой Разрядный и Казанскій въ концѣ XVI в., мы объясняемъ въ смыслѣ четырехъ частей или отдѣленій думской канцеляріи.

тариатъ превращался въ простое служебное отличіе. Кромѣ названныхъ приказовъ въ XVII в. думныхъ дьяковъ встрѣчаемъ въ Большомъ Дворцѣ, Четьяхъ Новой и Владимірской, на Казенномъ дворѣ, въ приказахъ Ямскомъ, Стрѣлецкомъ и многихъ другихъ; въ нѣкоторыхъ приказахъ ихъ бывало по-двое въ одно время. Благодаря всему этому въ думѣ иногда появлялось много дьяковъ: въ 1681 г. ихъ можно насчитать по разрядамъ до 15. Эта толпа дьяковъ въ боярской думѣ была выразительнымъ признакомъ превращенія аристократическаго совѣта въ бюрократическое учрежденіе.

Памятники древнерусскаго законодательства даютъ намъ возможность слѣдить за предварительными моментами думскаго дѣлопроизводства, предшествовавшими обсужденію дѣла боярами. Мы видимъ, чѣмъ вызывался докладъ въ томъ или другомъ приказѣ, какъ этотъ докладъ составлялся и вносился въ думу, какъ и гдѣ собиралась эта дума для его обсужденія. Но далѣе акты покидаютъ насъ, такъ сказать, передъ самыми дверями совѣта. Мы снова встрѣчаемся съ докладомъ, когда онъ выходитъ изъ палаты уже вполне готовымъ закономъ, «вершеннымъ» дѣломъ съ обычной помѣтой думнаго дьяка; «великій государь, сей докладной выписки слушавъ, указалъ и бояре приговорили». Мы знаемъ эти доклады и помѣты, начала и концы стараго московскаго законодательства; но намъ остается неясенъ самый процессъ его. Что происходило за дверями думной палаты, какъ обсуждался докладъ, какъ думные люди высказывали свои мнѣнія и какія мнѣнія, какъ государь относился къ сужденіямъ своихъ совѣтниковъ—ничего этого дьякъ не заносилъ въ свою помѣту, потому что ни въ чемъ этомъ не нуждалась его приказная практика. Въ памятникахъ сохранились лишь нѣкоторые намеки, безсвязные отголоски, доходившіе изъ залы засѣданій до людей, доступа въ ту залу не имѣвшихъ. Бояре, окольные и дум-

ные дворяне разсаживались въ палатѣ на лавкахъ по чинамъ, а люди одного чина по отечеству, одни подъ другими, «кто кого породю ниже», а не по старшинству службы. Только думные дьяки присутствовали стоя, пока царь не приглашалъ ихъ сѣсть. Бѣглый подъячій Котошихинъ описываетъ засѣданіе думы съ замѣтнымъ оттѣнкомъ ироніи, похожей на гримасу, какую недостаточно вѣжливый подчиненный, вырвавшись на волю, издаетъ своему бывшему суровому начальнику. Когда совѣщаніе открывалось какимъ-либо предложеніемъ царя, онъ, высказавъ свою мысль, приглашалъ бояръ и думныхъ людей «помысля къ тому дѣлу дать способъ». Кто изъ бояръ побольше и поразумнѣе, тѣ «мысль свою къ способу объявляють». Порой кто-нибудь и изъ меньшихъ заявитъ свою мысль, «а иные бояре, брады своя уставя, ничего не отвѣщаютъ, потому что царь жалуетъ многихъ не по разуму ихъ, но по великой породѣ, и многіе изъ нихъ грамотѣ не ученые и не студерованные». Эти детальныя фигуры молчаливыхъ совѣтниковъ съ уставленными брадами, неизбѣжныхъ при обсужденіи дѣла во всякомъ многочисленномъ собраніи, напрасно иногда принимаются за полную картину засѣданія боярской думы. Онѣ и у Котошихина не закрываютъ собою другихъ думныхъ людей, «на отвѣты разумныхъ, изъ большихъ и изъ меньшихъ статей бояръ». Засѣданія думы вовсе не отличались молчаливостью. Въ лѣтописи описано засѣданіе съ участіемъ митрополита въ 1541 г., когда въ Москву пришли вѣсти о грозномъ нашествіи крымскаго хана Саипъ-Гирея. Помолившись въ Успенскомъ соборѣ и благословившись у митрополита, великій князь Иванъ повелѣлъ ему идти за собою. Они пришли въ палату, гдѣ обыкновенно происходили «сидѣнья съ бояры». Здѣсь были въ сборѣ и думные люди. Лѣтописецъ влагаетъ въ уста Ивану рѣчь, обращенную къ владыкѣ и вѣроятно прочитанную думнымъ дьякомъ отъ

лица 11-лѣтняго великаго князя. Рѣчь ставила на обсужденіе думы вопросъ: въ виду опасности оставаться ли государю въ столицѣ, или уѣхать куда-нибудь? Великій князь приглашалъ владыку «посовѣтовать о томъ съ бояры». Сначала говорили бояре. Ихъ мнѣнія раздѣлились. Одни говорили, что прежде, когда татарскіе цари подступали къ Москвѣ, великіе князья въ городѣ не сиживали. Другіе возражали, что тогда государи были не малыя дѣти, истому великую могли поднять и землѣ пособлять, собирая полки въ другихъ городахъ на выручку столицы; изъ Москвы ѣхать надо скоро, чтобы уйти отъ погони, а теперь государь съ братомъ малыя дѣти, «борзаго ѣзду и истомы некоторой поднять не могутъ»: съ малыми дѣтьми какъ ѣздить скоро? Возражавшіе подкрѣпили свое мнѣніе примѣромъ изъ исторіи Москвы. Митрополитъ склонился на эту сторону и высказалъ еще другія соображенія въ ея пользу: уѣхать теперь некуда, да и на кого чудотворцевъ и Москву оставить? когда в. князь Димитрій уѣхалъ изъ Москвы, не оставивъ въ столицѣ брата съ крѣпкими воеводами (при нашествіи Тохтамыша въ 1382 г.), съ Москвой что случилось? отъ такой бѣды Господи защити и помилуй! поручимъ великаго князя чудотворцамъ Петру и Алексію: они о Русской землѣ и о нашихъ государяхъ попеченіе имѣютъ; имъ великаго князя отецъ его и на руки отдалъ. Бояре послѣ этихъ словъ «сошли всѣ на одну рѣчь», рѣшили въ одинъ голосъ оставаться великому князю въ городѣ. Выслушавъ рѣчи бояръ и владыки, великій князь отдалъ приказъ укрѣплять столицу. Сохранилось похожее на протоколъ краткое и не вполне ясное изложеніе одного думскаго засѣданія 1679 г. съ участіемъ патріарха. Обсуждался, кажется, вопросъ, отдавать ли питейныя заведенія на откупъ, или мірскимъ выборнымъ головамъ и цѣловальникамъ подъ присягой, «на вѣру». Патріархъ былъ того мнѣнія, что у питейныхъ сборовъ слѣдуетъ

быть головамъ за выборомъ мірскихъ людей, только не приводить ихъ къ присягѣ, чтобъ «клятвы и душевредства не было», за воровство же пригрозить выборнымъ конфискаціей всего имущества и «казнью по градскому суду», а избирателямъ тяжелымъ штрафомъ. Бояре возражали на это: опасно безъ присяги; и подъ присягой у выборныхъ было воровство многое, а «безъ подкрѣпленія вѣры» воровства будетъ и больше того. Путемъ обоюдныхъ уступокъ пришли къ такому рѣшенію: выборныхъ къ присягѣ не приводить согласно съ мнѣніемъ владыки, но вопреки ему не брать и штрафа съ избирателей, противъ котораго вѣроятно были бояре, а взыскивать недоборы «по сыску» ¹⁾. Значить, совѣщанія думы сопровождались преніями. Эти пренія, какъ узнаемъ изъ другихъ извѣстій, иногда достигали чрезвычайной живости. Сверхъчаянія, на засѣданіяхъ думы порой нарушалась та спокойная и натянутая чинность, которая господствовала при дворѣ московскихъ государей. Нерѣдко бывали «встрѣчи», возраженія государю со стороны его совѣтниковъ. Объ Иванѣ III рассказывали, что онъ даже любилъ встрѣчу и жаловалъ за нее. Изъ словъ Грознаго въ письмѣ къ Курбскому видно, что оппозиція въ совѣтѣ его дѣда доходила до раздраженія, до «поносныхъ и укоризненныхъ словесъ» самому государю. Сынъ Ивана Василій не былъ такъ сдержанъ и самъ легко выходилъ изъ себя при встрѣчѣ. Разъ при обсужденіи дѣла о Смоленскѣ знакомый уже намъ неважный отечествомъ совѣтникъ И. Н. Берсень-Беклемишевъ что-то возразилъ великому князю. Василій разсердился, обозвалъ Берсенья «смердомъ» и выслалъ изъ думы съ глазъ долой, положивъ на него опалу, отнявъ у него свои государевы очи, какъ говорили въ старину о государевой

¹⁾ Котоших. 20. Царств. книга, 84 и сл. П. С. З. № 859: неполный повидимому протоколъ засѣданія 1679 г., вставленный въ докладъ 1681 г.

не милости. Нельзя, разумѣется, считать обычными явленіями, бывавшія при московскомъ дворѣ въ малолѣтство Грознаго, въ годы боярскаго самовластья, когда разъ бояре среди самаго засѣданія думы въ Столовой избѣ «взволновались между собою» передъ великимъ княземъ, схватили его любимца Воронцова, били его по щекамъ, оборвали на немъ платье, не убили его только по просьбѣ великаго князя, пинками вытолкали его изъ дворца и наперекоръ просьбѣ государя «приговорили» сослать избитаго совѣтника на Кострому. Къ числу чрезвычайныхъ принадлежало и извѣстное засѣданіе ближнихъ бояръ при больномъ царѣ въ 1553 г. по поводу присяги новорожденному наследнику, когда, по словамъ лѣтописи, была между боярами «брань велія и крикъ и шумъ великъ и слова многія бранныя». Повѣствователь приводитъ рѣчь царя на этомъ засѣданіи и возраженія на нее боярина кн. И. М. Шуйскаго и окольничаго Ѳ. Г. Адашева. Буссовъ, хорошо знавшій московскія дѣла при первомъ самозванцѣ, въ своихъ разсказахъ объ отношеніяхъ его къ боярамъ мимоходомъ отмѣтилъ черту, показывающую, что думные люди любили на засѣданіяхъ думы подолгу разсуждать о предметахъ совѣщанія. Не проходило дня, замѣчаетъ этотъ иностранецъ, когда бы царь не присутствовалъ въ совѣтѣ, гдѣ сенаторы докладывали ему государственныя дѣла и подавали объ нихъ свои мнѣнія. Иногда, слушая продолжительныя и безплодныя ихъ пренія, онъ смѣялся и говорилъ: «столько часовъ вы разсуждаете и все безъ толку! а я вамъ скажу, дѣло вотъ въ чемъ», и въ минуту рѣшалъ дѣла, надъ которыми сановитые бояре долго ломали свои головы. Но наканунѣ своей свадьбы, обсуждая съ боярами, въ какомъ платьѣ вѣнчаться его невѣстѣ, въ польскомъ или русскомъ, Лжедмитрій послѣ долгаго и жаркаго спора уступилъ своимъ совѣтникамъ, которые стояли за старый московскій обычай. При царѣ Алексѣѣ по утрамъ, когда бояре съѣзжались во дворецъ на

засѣданія думы, правительственныя занятія государя и его совѣтниковъ не прекращались даже въ церкви. За обѣдной въ удобныя минуты государь продолжалъ выслушивать доклады, отдавалъ приказы, разговаривалъ о дѣлахъ съ боярами; послѣдніе также разсуждали другъ съ другомъ о дѣлахъ, какъ будто сидѣли въ думѣ. У цесарскаго посла барона Майерберга въ его сочиненіи о Московіи есть очень изобразительная и драматичная картинка одного засѣданія думы при этомъ царѣ, напоминающая сцену великаго князя Василя съ Берсенемъ. Когда въ 1661 г. въ Москву пришли вѣсти о пораженіи Русскихъ Литвой, царь созвалъ думу, чтобы обсудить, что дѣлать. Тестъ царя Милославскій вызвался стать во главѣ царскихъ полковъ, обѣщая привести польскаго короля плѣнникомъ въ Москву. Вспыльчивый царь вышелъ изъ себя отъ такого самохвальства. «Ахъ, ты такой-сякой! съ чего это ты взялъ хвастаться своимъ искусствомъ въ ратномъ дѣлѣ? какія твои подвиги противъ непріятеля? смѣешься ты что-ль надо мной? пошелъ вонъ отсюда!» Съ этими словами Алексѣй векочилъ съ своего мѣста, далъ старику пощечину, надралъ ему бороду, пинками вытолкалъ его изъ палаты и захлопнулъ за нимъ дверь. Иногда мѣстничество поднимало шумъ въ думѣ. Въ 1651 г. на засѣданіи при царѣ братья Пушкины, бояринъ и окольный, принялись браниться съ братьями князьями Долгорукими и били челомъ государю, что имъ меньше послѣднихъ быть не можно, а князья Долгорукіе били челомъ о безчестьи, говоря, что Пушкины своимъ челобитьемъ ихъ безчестятъ. Или кн. И. А. Хованскій, прославившійся при царѣ Алексѣѣ своими пораженіями и заносчивостью еще болѣе, чѣмъ недобросовѣстностью и глупостью, и совѣмъ сбросившій съ себя узду послѣ стрѣльцкихъ мятежей въ маѣ 1682 г., которыми онъ руководилъ, этотъ Хованскій прерветъ спокойное теченіе думскихъ совѣщаній, не стѣняясь присутствіемъ въ палатѣ

обоихъ государей, о чемъ ни приговорятъ бояре, противъ всего возражаетъ «съ великимъ шумомъ, невѣжествомъ и возношеніемъ», не обращая вниманія ни на Уложеніе, ни на государевы указы, либо примется вычитать свои службы и поносить свою братію бояръ: и никто съ такой славой и радѣньемъ не служивалъ, какъ онъ Хованскій, и никого среди бояръ нѣтъ, кто бы ему былъ въ версту, и государство-то все стоитъ, пока живъ онъ Хованскій, а какъ его не станетъ, въ Москвѣ будутъ ходить въ крови по колѣна и не спасется тогда «никакая же плоть» ¹⁾.

Такъ шли совѣщанія думы въ присутствіи царя. Есть два любопытныя описанія боярскаго совѣта, засѣдавшаго безъ государя. Къ сожалѣнію, одно изъ нихъ изображаетъ думу при исключительныхъ обстоятельствахъ междуцарствія, когда по низверженіи царя В. Шуйскаго въ Москвѣ стояли Поляки. Другой памятникъ изображаетъ засѣданіе думы въ царствованіе Грознаго, но также засѣданіе не совсѣмъ обычное, по мѣстническому спору и не въ обычномъ мѣстѣ. Когда польскій предводитель Гонсѣвскій ходилъ «въ верхъ къ боярамъ» поговорить о какихъ-нибудь дѣлахъ, ему у него на дворѣ и по дорогѣ Русскіе подавали множество челобитныхъ. Гонсѣвскій приносилъ всѣ эти челобитныя въ думу; придетъ и сядетъ, около себя посадить своихъ сторонниковъ Салтыкова, казначея Андропова, печатника Грамотина и другихъ; думные дѣяки прочитывали челобитныя и помѣчали, что по каждой приговаривали Гонсѣвскій съ окружавшими его пріятелями. Другимъ членамъ думы и не слышно было, что эта компанія говорила и приговаривала. Въ 1579 г. бояринъ кн. В. Ю. Голицынъ билъ челомъ государю, прося разсудить его «въ счетѣ о

1) Царств. книга, 112, 339. А. А. Э. I, стр. 143. Сказ. соврем. о Дим. Самозв. I, 62 и 76. Г. Забѣлина, Дом. бытъ русск. царей, I, 292. Майерберга, Путеш. въ Московію, изд. Общ. Ист. и Др. Р., стр. 168. П. С. З. №№ 75 и 954.

мѣстахъ» съ бояриномъ кн. И. П. Шуйскимъ. Государь приказалъ думѣ разобрать дѣло. По свойству дѣла засѣданіе происходило въ Разрядной избѣ. Первосовѣтникомъ думы былъ тогда кн. И. Ѡ. Метиславскій. Думный дворянинъ А. Ѡ. Нагой пришелъ и сказалъ боярамъ, что государь велѣлъ слушать дѣло сегодня же. Бояре сказали сидѣвшему среди нихъ кн. Голицыну: «билъ ты челомъ на кн. И. П. Шуйскаго о мѣстахъ, и ты на кн. Ивана дай челобитную и ищи на немъ, а мы васъ слушать готовы». Кн. Василій иска не вчиналъ и челобитной не давалъ, а билъ челомъ боярамъ, чтобъ дали ему срокъ съѣздить домой «на подворье» и взять разрядныя памяти, чѣмъ ему съ кн. Иваномъ тягаться въ отечествѣ. Кн. Иванъ въ свою очередь билъ челомъ боярамъ, чтобы они велѣли кн. Василью искать на немъ и его съ кн. Васильемъ судили, что отвѣчать противъ челобитной истца онъ готовъ. Бояре трижды приглашали Голицына подать челобитную о своемъ искѣ или искать безъ челобитной, о чемъ онъ просилъ на Шуйскаго. Кн. Василій отвѣчалъ на всѣ эти «вспросы» боярѣ, что разрядныя памяти, чѣмъ ему съ кн. Иваномъ считаться, лежатъ на подворьѣ, дали бы ему бояре срокъ съѣздить на подворье, а теперь онъ искать не готовъ. Кн. Иванъ также три раза билъ челомъ боярамъ, что отвѣчать онъ готовъ, да кн. Василій на немъ не ищетъ, и бояре велѣли бы его челобитье записать. Давъ срокъ истцу, бояре перешли къ другому очередному дѣлу, тоже мѣстническому спору, и слушали его до пятого часа ночи (до 9-го часа по нашему счету, такъ какъ дѣло было въ ноябрѣ на вечернемъ засѣданіи думы). Кн. Иванъ сидѣлъ въ это время съ боярами, и какъ дослушано было дѣло, поѣхалъ изъ Разрядной избы домой. Слѣдомъ за нимъ стали разѣзжаться и другіе бояре; уѣхали Д. Годуновъ, сыновья первоприсутствующаго и другіе члены. Между тѣмъ кн. Голицынъ принесъ боярамъ челобитную о счетѣ

и билъ челомъ, чтобы бояре по челобитной его съ кн. Иваномъ судили въ отечествѣ. Судъ былъ отложенъ до другаго засѣданія. На слѣдующій день кн. Голицынъ въ думѣ повторилъ свое челобитье боярамъ, а бояре опять потребовали у него челобитной. Голицынъ просилъ судить его по челобитной, какую подавалъ онъ государю на Шуйскаго въ Псковѣ. Бояре опять три раза спрашивали Голицына, станетъ ли онъ искать и если станетъ, подастъ ли челобитную объ искѣ. Голицынъ на эти вопросы также отвѣчалъ просьбой, чтобы его судили по псковской челобитной и ту челобитную велѣли передъ собой положить. Бояре ему въ томъ отказали, прибавивъ, что готовы судить его и безъ челобитной, если онъ будетъ искать «словомъ». Голицынъ изъявилъ готовность искать безъ челобитной словомъ и началъ искъ изустнымъ изложеніемъ своей псковской челобитной ¹⁾.

Ходъ обсужденія и рѣшенія общихъ законодательныхъ вопросовъ не записывался такъ подробно, какъ излагались частныя мѣстныя тяжбы, которыя рѣшала боярская дума или ея комиссія. Веденіе протоколовъ думскихъ засѣданій или «списковъ государеву сидѣнью о всякомъ земскомъ указѣ» не было постояннымъ правиломъ. Выше изложены случайныя записи нѣкоторыхъ совѣщаній думы, попавшія въ лѣтопись или въ позднѣйшій докладъ дьяка, каковъ былъ отрывокъ протокола преній, происходившихъ на засѣданіи думы въ 1679 г. по вопросу о питейной торговлѣ ²⁾. Записывались только приговоры думы. По

¹⁾ Соловьева, Ист. Росс. IX, 56. Русск. Ист. Сб. Общ. Ист. и Др. Росс., т. II, 1—4.

²⁾ Въ царскомъ архивѣ Грознаго хранились только протоколы за январь 1568 г. См. выше стр. 365. Въ мнѣніи думы о войнѣ съ Польшей, поданномъ на соборъ 1566 г., читаемъ, что бояре уже прежде говорили между собой объ этомъ дѣлѣ и что рѣчи бояръ, бывшихъ тогда „въ приговорѣ“, были записаны. Не видно однако, чтобы боярскія рѣчи записывались на каждомъ засѣданіи. Собр. гос. гр. и дог. I, стр. 548.

словамъ Котошихина, «на чемъ которое дѣло быти приговорятъ, приказываетъ царь и бояре думнымъ дьякомъ помѣтитъ и тотъ приговоръ записать». Въ 1690 г. въ думѣ было постановлено, чтобы только думные, а не простые дьяки крѣпили именные указы, обыкновенно составляшіеся на основаніи приговоровъ государя съ боярами. Приговоры излагались въ двоякой формѣ, въ видѣ государевыхъ указовъ, закрѣпленныхъ «всѣхъ думныхъ дьяковъ руками» или помѣченныхъ какимъ-либо однимъ изъ этихъ дьяковъ. Въ указахъ перваго рода излагались приговоры общаго законодательнаго характера, касавшіеся одинаково всѣхъ правительственныхъ вѣдомствъ; за помѣтой одного думнаго дьяка выходили указы болѣе частнаго свойства, о которыхъ вѣдать надлежало одному или нѣсколькимъ приказамъ. Въ *закрѣпкѣ* и *помѣткѣ* выражалась неясная, нерѣшительно проведенная мысль древнерусскаго законодательства о различіи между органическимъ закономъ и простымъ распоряженіемъ верховной власти, между общимъ правиломъ и его примѣненіемъ къ частнымъ случаямъ. Трудно сказать, требовалось ли въ XVI в. закрѣпленіе какихъ-либо приговоровъ руками всѣхъ думныхъ дьяковъ: этого не замѣтно, можетъ быть, по недостатку памятниковъ того времени. И въ XVII в. думскія постановленія общаго, органическаго характера нерѣдко помѣчались однимъ думнымъ дьякомъ, чаще всего разряднымъ, и изъ Разряда сообщались указами или «памятями» прочимъ приказамъ¹⁾. Съ другой стороны, въ 1665 г. по

1) Въ 1677 г. велѣно было въ приказы, управляемые думными людьми, писать изъ Разряда указами, а въ остальные памятями или простыми отношеніями. Въ этомъ, кажется, выражалась мысль, что приказы перваго рода имѣютъ непосредственное отношеніе къ государю и думѣ, а остальные сносятся съ высшимъ правительствомъ черезъ посредство Разряда, какъ думской канцеляріи. П. С. З. № 677. Иначе объясняетъ это г. Дмитріевъ въ Ист. суд. инстанцій, стр. 335.

случаю пожалованія боярскаго чина гетману Брюховецкому состоялся приговоръ бояръ, по которому думные люди, назначенные сказывать боярство этому и впредь всѣмъ будущимъ гетманамъ, не должны ставить себѣ это въ безчестье и при мѣстническихъ спорахъ писать «въ случай»; по указу, сообщенному въ Разрядъ изъ собственной канцеляріи государя, изъ приказа Тайныхъ Дѣлъ, «сію статью», столь спеціальную на нашъ взглядъ, велѣно было записать въ книгу «впредь для утвержденія и закрѣпить всѣхъ думныхъ дьяковъ руками». Однако можно замѣтить присутствіе мысли, что всѣми думными дьяками должны закрѣпляться устанавливаемые высшимъ правительствомъ правила наиболѣе основныя и постоянныя, касающіяся всѣхъ отдѣльныхъ вѣдомствъ. Въ 1676 г. по докладу изъ Помѣстнаго приказа утвержденъ былъ думой рядъ новыхъ статей о помѣстьяхъ; государевъ указъ и боярскій приговоръ объ этихъ статьяхъ велѣно было закрѣпить всѣмъ думнымъ дьякамъ «для вѣчнаго укрѣпленія, дѣлать бы всякія дѣла по Уложенію и по сямъ новымъ статьямъ». Въ 1693 г. по поводу разбиравшейся въ думѣ брани и драки бояръ Шеина и кн. Ромодановскаго состоялся указъ съ изложениемъ всего дѣла, закрѣпленный 8 думными дьяками: велѣно было во всѣ приказы послать для вѣдома со всего того дѣла памяти. Распоряженія болѣе частнаго характера помѣчались тѣмъ или другимъ думнымъ дьякомъ, смотря по вѣдомству, котораго они касались, чаще всего дьякомъ разряднымъ, какъ главнымъ секретаремъ думы по всѣмъ дѣламъ. Изъ Разряда обыкновенно сообщались постановленія думы и тѣмъ приказамъ, начальники которыхъ не были членами думы. Изъ г. Яранска, подвѣдомственнаго приказу Казанскаго Дворца, въ 1601 г. прислана была отписка о растратѣ казеннаго имущества воеводой кн. Репнинымъ. Дьяки приказа эту отписку «вносили въ верхъ», сказывали боярамъ. Выслушавъ отписку, бояре приговорили у

кн. Репнина за воровство отобрать на государя отчины, помѣстья и дворъ въ Москвѣ со всѣми животами, а самого съ женою и дѣтьми сослать на Уфу и быть ему тамъ «въ рядъ», т. е. рядовымъ дворяниномъ, лишеннымъ чиновъ. Приговоръ помѣченъ былъ думнымъ разряднымъ дьякомъ Е. Вылузгинымъ, которымъ рѣшеніе думы и было сообщено другимъ приказамъ, насколько оно касалось каждаго: память о конфискаціи помѣстій и вотчинъ послана въ Помѣстный приказъ, объ отобраніи московскаго двора съ движимостью на Земскій Дворъ, главное полицейское управленіе столицы, а о ссылкѣ кн. Репнина на Уфу въ Казанскій Дворецъ. Кромѣ Разряда государевы указы и боярскіе приговоры сообщалъ приказамъ тотъ изъ нихъ, который своимъ докладомъ вызвалъ постановленіе высшей власти, если начальникъ его былъ членомъ думы. Въ этомъ случаѣ самъ Разрядъ получалъ сообщеніе о боярскомъ приговорѣ изъ другаго приказа, если этотъ приговоръ его касался. Приговоръ думы о порядкѣ гражданскаго судопроизводства, возбужденный докладомъ напимѣръ Суднаго Владимірскаго приказа, здѣсь записывался въ книгу и сообщался отсюда въ Разрядъ и въ другіе приказы, которые должны были переслать новое постановленіе въ подсудные имъ города. Разрядъ сообщилъ всѣмъ приказамъ приговоръ думы 1682 г. о возстановленіи прежняго названія Стрѣлецкаго приказа, незадолго до того переименованнаго въ приказъ Надворной пѣхоты. Но тотъ же Разрядъ долженъ былъ разослать по городамъ грамоты о надзорѣ за московскими стрѣльцами, сосланными за безпорядки того года, и сообщить мѣстнымъ властямъ утвержденныя думой и подписанныя думными дьяками статьи о томъ, какъ стрѣльцы должны вести себя: указъ объ этомъ вмѣстѣ съ выпиской изъ статей сообщенъ былъ Разряду изъ Стрѣлецкаго приказа. Впрочемъ иногда дѣла восходили въ думу и шли оттуда путями не совсѣмъ для насъ понятными, извилис-

тыми и можетъ быть случайными. Въ Стрѣлецкомъ приказѣ производилось между прочимъ разслѣдованіе по уголовнымъ дѣламъ въ Москвѣ. Въ 1691 г. по докладу Стрѣлецкаго приказа дума приговорила одного иноземца къ смерти за татьбу и другія лихія дѣла; этотъ приговоръ помѣченъ былъ думнымъ дьякомъ Казанскаго Дворца. Государь помиловалъ осужденнаго, замѣнивъ смертную казнь кнутомъ и ссылкой; указъ объ этомъ былъ помѣченъ думнымъ дьякомъ Большаго Дворца. По тому же дѣлу привлеченъ былъ къ слѣдствію одинъ торговецъ серебрянаго ряда. Рядскіе старосты ходатайствовали передъ государями за подсудимаго; милостивая резолюція государей помѣчена на этой челобитной думнымъ дьякомъ Помѣстнаго приказа ¹⁾. Послѣ Смутнаго времени московскіе бояре жаловались Полякамъ, что во время владычества Гонсѣвскаго въ Москвѣ грамоты отъ имени думы писались по его волѣ, боярамъ приказывали прикладывать къ нимъ руки и они прикладывали. Подпись бояръ подъ актами, излагавшими постановленія боярской думы, была повидимому временной новостью, вошедшей въ московскую правительственную практику вмѣстѣ съ другими новостями Смутной эпохи. Приказные акты первыхъ трехъ царствованій новой династїи оправдываютъ слова Котошихина, что «на всякихъ дѣлахъ закрѣпляютъ и помѣчаютъ думные дьяки, а царь и бояре ни къ какимъ дѣламъ руки своей не прикладываютъ; для того устроены они думные дьяки». Значеніе этой черты думскаго дѣлопроизводства открывается при сопоставленіи ея съ другой. Была еще своеобразная форма, въ которой сообщались приказамъ постановленія высшаго правительства. Какъ государь иногда передавалъ свою волю всѣмъ боярамъ или начальникамъ отдѣльныхъ вѣдомствъ изустно, «словомъ», такъ точно и эти начальники сообщали своимъ

¹⁾ П. С. З. №№ 1372, 375, 633, 634, 1460, 1349, 968, 1377, 975, 978, 1429. А. И. П., № 38, VII, IX и XII.

приказамъ «государевымъ словомъ», что государь приказалъ или приговорилъ съ ними, боярами. Въ 1660-хъ годахъ думный дьякъ Помѣстнаго приказа Карауловъ словесно сообщилъ своимъ подъячимъ государевъ указъ не давать въ помѣстья порожнихъ пустошей въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, и подъячіе послѣ не могли припомнить, въ какомъ году это было. Въ этихъ чертахъ обнаруживается отношеніе думныхъ судей къ приказамъ, которыми они управляли. Принося «съ верху» законъ, постановленный высшей властью, такой управитель являлся передъ приказомъ не главой исполнительнаго учрежденія, а составной единицей высшей власти, по указаніямъ которой это учрежденіе дѣйствовало. Руки къ дѣламъ прикладывали исполнительные органы, которые на то «устроены». Но думный человекъ, стоявшій во главѣ приказа, былъ не исполнителемъ, а руководителемъ. Въ своемъ приказѣ онъ велъ дѣла вмѣстѣ съ товарищами, другими думными или съ недумными людьми, составлялъ съ ними присутствіе, своего рода коллегію, засѣдавшую въ особой присутственной залѣ, въ «казенкѣ, гдѣ сидятъ начальныя люди», какъ говорили въ XVII в. Въ этой казенкѣ онъ былъ старшій изъ товарищей, предсѣдатель коллегіи, подчиненной думѣ; но въ думной палатѣ онъ былъ начальникомъ своихъ приказныхъ товарищей. Такое двойственное значеніе думныхъ управителей приказовъ вызывало много неудобствъ и злоупотребленій, облегчало произволъ судей, затрудняло надзоръ думы за ними. Впослѣдствіи Петръ Великій возстановилъ это противорѣчіе стараго московскаго управленія, когда ввелъ въ Сенатъ президентовъ коллегій, которыми онъ замѣнилъ древніе приказы. Но онъ скоро увидѣлъ вытекавшія отсюда затрудненія и сознался, что «сіе не осмотра учинено». Эти неудобства чувствовались и раньше. Важнѣйшіе изъ старыхъ приказовъ, какъ извѣстно, имѣли территоріальное значеніе, завѣдовали извѣстными областями государства въ нѣкоторыхъ или во всѣхъ дѣлахъ. Англійскій капитанъ Перри, пріѣхавшій въ Россію въ 1698 г.,

еще засталъ въ Москвѣ старыя административныя порядки. Знатные господа, стоявшіе во главѣ важнѣйшихъ приказовъ, показались ему владѣтельными князьями, пользовавшимися исключительнымъ правомъ назначать правителей въ города, подчиненные ихъ приказамъ, а эти приказы были простыми канцеляріями такихъ господъ, исполнявшими ихъ распоряженія. Въ этихъ канцеляріяхъ дѣла вели дьяки, которые время отъ времени отдавали отчетъ своимъ начальникамъ; сами эти начальники даже рѣдко приходили въ свои приказы, чтобы выслушивать дѣла; подать жалобу на эти приказы въ высшее мѣсто не было возможности ¹⁾.

ГЛАВА XXIII.

Съ конца XVII в. дума становилась тѣснымъ совѣтомъ, дѣйствовавшимъ безъ государя.

Къ описанію устройства и дѣлопроизводства думы прибавимъ очеркъ формъ, какія она приняла въ непродолжительный періодъ своего разрушенія.

Дума дѣйствовала не всегда въ присутствіи государя, но обыкновенно при государѣ, тамъ, гдѣ онъ имѣлъ пребываніе. Когда царь выѣзжалъ изъ Москвы, его обыкновенно сопровождало въ «походѣ» большинство наличныхъ его совѣтниковъ. Нѣкоторые оставались въ Москвѣ, по словамъ Котошихина, «для приказныхъ дѣлъ»: это были думные начальники важнѣйшихъ приказовъ. Кромѣ того «въ верху» оставляли Москву вѣдать и царскій дворъ оберегать нѣсколько членовъ думы съ стрѣльцами, приказными и неприказными дьяками, которые дневали и ночевали по очереди во дворцѣ съ оставленными боярами. По свидѣтельству Котошихина, эта верховая коммиссія составлялась изъ одного боярина, двухъ околь-

¹⁾ Соловьевъ, Ист. Росс. IX, 57 по 2 изданію. А. Ист. I, № 154, X и XI. П. С. З. №№ 632 и 1306. Джона Перри, Состояніе Россіи, по изд. Общ. Ист. и Др. Росс. стр. 121.

ничихъ, двухъ думныхъ дворянъ и изъ думныхъ дьяковъ, слѣдовательно не менѣе какъ изъ 7 членовъ. Но по разряднымъ книгамъ XVI и XVII в. ни численный, ни чиновный составъ ея не отличался такимъ постоянствомъ и однообразіемъ: она состояла изъ 4, 6, 8, даже 11 членовъ, изъ нѣсколькихъ бояръ съ окольными, думными дворянами и дьяками, но иногда безъ думныхъ дворянъ. Въ этой временной малой думѣ, какъ можно назвать ее, иногда участвовалъ въ качествѣ председателя высшій іерархъ Русской церкви. Въ 1547—1548 г., когда царь ходилъ въ походъ на Казань, въ Москвѣ оставлены были удѣльный князь Владиміръ Андреевичъ и 6 бояръ и окольных; имъ, какъ сказано въ разрядной книгѣ, «во всѣхъ своихъ дѣлѣхъ велѣлъ царь приходити къ митрополиту Макарію». Въ XVII в. эта коммиссія обыкновенно засѣдала въ Столовой или Золотой палатѣ. Уѣзжая недалеко, царь иногда бралъ съ собою немногихъ бояръ. Тогда дума сидѣла безъ него за «служивыми и приказными дѣлами», или царь пріѣзжалъ на ея засѣданія, какъ дѣлалъ Ѳеодоръ, живя въ селѣ Воробьевѣ. Чаше дума засѣдала «въ походѣ» при государѣ, даже въ очень тѣсномъ составѣ: въ 1674 г. царь разъ въ Преображенскомъ сидѣлъ «о всякихъ дѣлахъ» только съ 13 членами думы. Управители приказовъ, остававшіеся въ Москвѣ, должны были пріѣзжать «въ походѣ» къ государю для сидѣнья или съ докладами для вершенія всякихъ дѣлъ въ извѣстные дни недѣли, обыкновенно 3 раза. Котошихинъ говоритъ о верховой коммиссіи бояръ, что кромѣ обереганія царскаго двора и Москвы, если «лучатся какія дѣла изъ полковъ или изъ городовъ, и они тѣ дѣла кромѣ тайныхъ, смотря, посылаютъ къ царю въ походѣ, а по инымъ дѣламъ указъ чинятъ, не писавъ къ царю, по которымъ мочно». По разрядамъ и актамъ также видно, что коммиссія служила посредницей между исполнительными учрежденіями и государемъ съ думой, бывшими въ походѣ. Черезъ нее шли указы государя; ей докладывали приказы текуція дѣла; въ тяжбахъ она

допрашивала стороны и произносила приговоры, пересылая къ царю дѣла, которыхъ не могла вершить. Въ 1674 г., по случаю убійства старосты серебрянаго ряда, рядцы били челомъ комиссіи объ арестѣ убійць. Предсѣдатель послалъ «съ верху» стрѣльцовъ взять убійць въ Стрѣлецкій приказъ и тамъ распросить, потомъ по докладу приказа велѣлъ отвезть дѣло съ распросными рѣчами въ Преображенское, гдѣ царь слушалъ его съ боярами и послалъ комиссію указъ пытать преступниковъ въ Стрѣлецкомъ приказѣ. Рѣшеніе частныхъ дѣлъ комиссія подобно думѣ сопровождала общими законодательными постановленіями, которыя потомъ докладывались думѣ. Въ Смутное время М. Г. Салтыковъ писалъ, что при прежнихъ государяхъ, «коли они въ отъѣздѣ бывали, безъ нихъ государей бояре на Москвѣ помѣстья давали». Однако отношенія комиссіи къ думѣ не вполне ясны. Многія дѣла изъ приказовъ шли прямо въ думу мимо комиссіи. Въ 1675 г. велѣно было приказнымъ судьямъ ѣздить съ докладными дѣлами для вершенья къ государю въ Преображенское и вмѣстѣ съ тѣмъ «спорныя дѣла вносить къ боярамъ». Къ какимъ, въ комиссію ли, или въ думу, рѣшить трудно. Вѣроятноже, въ комиссію, которая и послѣ, ставъ постоянной, служила преимущественно инстанціей въ спорныхъ дѣлахъ. Но трудно догадаться, съ какими докладными дѣлами указы обращались прямо въ думу, хотя несомнѣнно въ числѣ ихъ были дѣла, которыя разсматривались, но не вершились комиссіей. Когда дума оставалась въ Москвѣ безъ государя, она не собиралась правильно каждый день. Комиссія, ведя текущія дѣла, тогда была посредницей между ней и государемъ и созывала бояръ, когда являлось экстренное дѣло, которое государь указывалъ обсудить въ думѣ ¹⁾.

¹⁾ Котоших. 25. Разр. кн. въ Моск. арх. мин. Ин. Д. № 99/131, л. 200, 208, 229. Дв. Разр. III, 1045, 1109, 1095, 1409, 1111, 1119, 1389, 1392. Разр. книга въ Симб. Сборникъ Валуева.

При царѣ Алексѣѣ, во время частыхъ отлучекъ государя съ дворомъ изъ столицы, членами комиссіи въ продолженіе всего года иногда бывали одни и тѣ же лица, такъ что эта особая комиссія становилась привычнымъ мѣстомъ, гдѣ разбирались и рѣшались нѣкоторыя текуція, именно тяжёбныя дѣла, восходившія изъ приказовъ «въ верхъ» къ боярамъ. Благодаря тому временная малая дума превратилась постепенно въ постоянное судное отдѣленіе думы, въ судебный департаментъ государственнаго совѣта, образовавшій новую инстанцію между приказомъ и думой. Такъ образовалось первое и единственное постоянное отдѣленіе думы, привыкшей до того времени выдѣлять изъ себя лишь временныя комиссіи. Обремененіе думы множествомъ частныхъ дѣлъ несомнѣнно было главнымъ побужденіемъ, вызвавшимъ это нововведеніе. Оно совершилось уже въ царствованіе Федора Алексѣевича. Новое учрежденіе получило названіе *Расправной Золотой* или *Разрядной* палаты. Оно имѣло двойное правительственное значеніе, замѣщало думу по текущимъ дѣламъ управленія на время отсутствія царя и разбирало восходившія къ боярамъ судныя дѣла при царѣ. Въ дворцовыхъ разрядахъ 1681 г. читаемъ, что 9 мая государь указалъ нѣсколькимъ думнымъ людямъ «у расправныхъ дѣлъ и какъ онъ, великій государь, изволить быть въ походѣхъ, быти на Москвѣ съ бояриномъ со кн. Н. И. Одоевскимъ въ товарищахъ»: далѣе названы 9 бояръ, окольныхъ и думныхъ дворянъ, по 3 человѣка cadaго чина, и 12 думныхъ дяковъ, которымъ всѣмъ велѣно быти на Москвѣ въ товарищахъ у кн. Одоевскаго. Этотъ бояринъ и прежде въ разные годы много разъ бывалъ предсѣдателемъ временной правительственной комиссіи въ отсутствіе государя. Но

уже въ мартѣ 1681 г. этотъ же бояринъ съ товарищами слушалъ докладную выписку изъ Помѣстнаго приказа и по ней приговорилъ отобрать помѣстье у одного служилаго челоуѣка и передать другому. Даже еще раньше, въ январѣ того же года, когда въ Помѣстномъ приказѣ была составлена для доклада выписка, касавшаяся порядка исковъ и челобитій о помѣстныхъ дачахъ, этотъ докладъ по государеву указу слушалъ и приговоръ по нему постановилъ бояринъ кн. Н. И. Одоевскій съ товарищами, хотя государь съ боярами, какъ видно по дневнымъ запискамъ государевыхъ выходовъ, находился тогда въ Москвѣ ¹⁾. Это учрежденіе дѣйствовало до 1694 г. Въ августѣ 1681 г. боярамъ, окольниковымъ и думнымъ людямъ, которые сидѣли «у росправныхъ дѣлъ въ Золотой палатѣ» съ кн. Н. И. Одоевскимъ въ товарищахъ, было указано, чтобы тѣ изъ нихъ, чьи дѣла будутъ слушаться въ палатѣ, на то время уходили изъ присутствія. Во время смуты 1682 г. члены палаты, въ отсутствіе государей оставленные въ Москвѣ на государевомъ дворѣ для расправныхъ дѣлъ, «отъ шатости многихъ людей унимали». Составъ палаты измѣнялся: время отъ времени приказывали быть въ ней «у росправныхъ дѣлъ» новымъ боярамъ, окольниковымъ и думнымъ людямъ. Но ихъ уже не бывало такъ много, какъ въ 1681 году: въ палатѣ сидѣло иногда 11 членовъ, иногда менѣе. Въ ней образовалась канцелярія, явился думный дякъ съ 2 простыми. Послѣ кн. Н. И. Одоевскаго видимъ во главѣ палаты кн. Голицыныхъ, П. В. Шереметева, кн. Я. Н.

¹⁾ Дворц. Разр. IV, 187. II. С. З. №№ 967 и 1264. Выходы царей, стр. 697. Составитель статьи о приказахъ въ Др. Росс. Вивліюэикѣ (XX, 312) читалъ въ записныхъ книгахъ, что уже 8 марта 1680 г. царь указалъ сидѣть въ Золотой палатѣ за расправными дѣлами боярамъ, окольниковымъ и думнымъ людямъ изъ разныхъ приказовъ. 8 марта 1680 г. царь былъ въ отлучкѣ, а на Москвѣ оставлена была обычная временная коммиссія изъ 5 членовъ. Дв. Разр. IV, 140.

Одоевскаго, кн. М. Я. Черкаскаго. Палата сохраняла прежнее двойственное значеніе: при государѣ она разсматривала и рѣшала спорныя дѣла изъ приказовъ, а когда высшее правительство отлучалось изъ Москвы, здѣсь на государевомъ дворѣ оставляли предсѣдателя съ товарищами, «которые съ нимъ у росправныхъ дѣлъ» или «съ нимъ въ Росправной палатѣ» ¹⁾).

Къ тому времени, когда «марсовы потѣхи» царя Петра готовы были стать «настоящимъ дѣломъ», выработались довольно разнообразныя формы, въ которыхъ обнаруживалась дѣятельность боярской думы. Она засѣдала съ государемъ или безъ него, въ присутствіи одного патріарха или съ участіемъ всего «освященнаго собора» высшаго духовенства. Постоянное отдѣленіе думы разбирало частныя дѣла по челобитьямъ, восходившія къ боярамъ изъ приказовъ; по временамъ государь призывалъ къ себѣ въ «ближнюю думу» нѣкоторыхъ бояръ для обсужденія тайныхъ дѣлъ, которыя не докладывались думѣ «всѣхъ» бояръ или общему собранію совѣта; въ случаѣ надобности изъ членовъ думы составлялись временныя тѣсныя комиссіи для разныхъ порученій, для «отвѣта» или переговоровъ съ иноземными послами, для суда по мѣстническимъ дѣламъ. Съ 1694 г. высшее правительство постепенно измѣняется; но ходъ измѣненія не вполнѣ ясенъ. Прежде всего становится незамѣтна дѣятельность Расправной палаты. Изрѣдка на время отлучекъ государя остаются на его дворѣ въ Москвѣ попрежнему думные люди иногда въ числѣ 10, а иногда только 3; но не видно, чтобы эти люди и при государѣ постоянно находились «у росправныхъ дѣлъ». По изданному въ мартѣ 1694 г. указу скорѣе можно заключить, что особой Расправной палаты при думѣ уже не существовало. Этимъ указомъ предписано было судныя дѣла по докладамъ изъ приказовъ

¹⁾ П. С. З. № 885. Др. Р. Вивл. XX, 439. Дв. Разр. IV, 198, 228, 236, 247, 390, 483, 623, 693, 731 и др.

и по челобитнымъ слушать у государей «въ верху въ Передней бояромъ и думнымъ людемъ *всѣмъ*». Въ Золотой палатѣ нѣтъ судебного присутствія; частныя лица высшихъ чиновъ только приносятъ сюда свои челобитныя на имя государей; думные дьяки принимаютъ эти челобитныя и вносятъ «въ верхъ къ бояромъ». Въ февралѣ 1700 г. велѣно было всѣ дѣла, которыя «въ прошлыхъ годѣхъ» по частнымъ челобитьямъ внесены были изъ разныхъ приказовъ въ Расправную палату «къ бояромъ для разсмотрѣванія», разобрать и раздать въ указы, откуда они были взяты, при чемъ замѣчено въ указѣ, что «въ прошлыхъ годѣхъ» въ этой палатѣ были думный дьякъ Никифоровъ и «думный совѣтникъ» Возницынъ. Расправная палата является здѣсь учрежденіемъ, давно переставшимъ дѣйствовать, отъ котораго остался только архивъ ¹⁾).

Съ другой стороны, и дѣятельность всей думы принимаетъ необычныя формы. Бывали случаи, когда боярскій совѣтъ, судя по редакціи состоявшихся въ немъ приговоровъ, дѣйствовалъ совершенно постарому, собирався въ присутствіи государя и слушалъ приказныя доклады, давая на нихъ свои отвѣты. Такъ въ 1699 г. по докладу изъ Стрѣлецкаго приказа состоялся «государевъ указъ и боярскій приговоръ», чтобы купчія и другія крѣпости писались въ Москвѣ не на Ивановской площади, какъ прежде, а въ приказахъ добрыми подъячими. Въ 1700 г. Судный Московскій приказъ докладывалъ о множествѣ челобитчиковъ, которые ищутъ безчестья, придираясь къ словамъ. Государь, «сей выписки слушавъ», указалъ и бояре приговорили такимъ челобитчикамъ отказывать, а съ ихъ исковъ брать двойныя пошлины ²⁾). Но заведенный поря-

1) П. С. З. № 1491. Дв. Разр. IV, 893, 898, 900, 904, 1123.

2) Дворц. Разр. IV, 1138 и 1132. Ср. П. С. З. №№ 1625, 1714, 1732, 1894.

докъ высшаго управленія видимо колебался. Съ каждымъ годомъ умножались новыя правительственныя дѣла, для которыхъ перестраивались старыя центральныя учрежденія и создавались новыя. Царь большею частью находился въ отлучкѣ. Въ его сношеніяхъ съ центральнымъ боярскимъ правительствомъ, остававшимся въ столицѣ, явились вліятельные посредники, правительственные дѣльцы новаго рода, непохожіе на прежнихъ приказныхъ начальниковъ. Имъ поручались важныя дѣла, хотя они не всё принадлежали къ членамъ думы. Уѣзжая за границу въ 1697 г., Петръ поручилъ управленіе столицей ближнему *стольнику* кн. Ѳ. Ю. Ромодановскому, который и послѣ, оставаясь въ этомъ недумномъ чинѣ, оказывалъ сильное вліяніе на боярскую думу и участвовалъ въ ея занятіяхъ. Черезъ этихъ посредниковъ Петръ проводилъ много мѣръ законодательнаго свойства помимо думы. Съ другой стороны, старая боярская дума пустѣла все болѣе: съ начала Сѣверной войны, вызвавшей напряженную дѣятельность правительства на границахъ, все больше думныхъ людей выбывало изъ столицы, чтобы командовать полками, управлять областями, смотрѣть за постройкой кораблей и т. п. Притомъ самый правительственный центръ раздвояется: возникаетъ новая столица съ своими особыми центральными учрежденіями. Наконецъ измѣняются формы и языкъ правительственныхъ актовъ, учрежденія получаютъ новыя необычныя названія. Среди всѣхъ этихъ перемѣнъ становится трудно разглядѣть, что дѣлаетъ боярская дума и что съ ней дѣлается. Слѣдя за ней по актамъ Полнаго Собранія Законовъ, можно подумать, что ея дѣятельность падаетъ. Съ 1695 г. приговоры этого учрежденія, прежде всѣмъ руководившаго, разрѣшавшаго всѣ приказныя недоумѣнія, дѣлаются малозамѣтнымъ, рѣдкимъ явленіемъ; на мѣсто боярскихъ приговоровъ въ актахъ становятся именныя указы и высочайшія резолюціи. Но это впечатлѣніе не вполне вѣрно: падаетъ не дѣятельность

думы, а только старый язык думскаго законодательства; начинается выходить изъ употребленія прежняя обычная формула «государь указалъ и бояре приговорили». Одинъ иностранецъ, писавшій много лѣтъ спустя по смерти Петра, описывая первые годы его царствованія, говоритъ даже, что еще до стрѣлецкаго мятежа 1698 г. Петръ «отмѣнилъ старинный образецъ, по которому въ законахъ и указахъ упоминалось о согласіи бояръ». Важнѣйшія экстренныя дѣла, какъ и многія изъ текущихъ, теперь, какъ и прежде, разрѣшались при участіи бояръ. Послѣ того какъ въ Преображенскомъ произведенъ былъ розыскъ о заговорѣ Циклера съ товарищами въ 1697 г., обнаружено было, что государь, «со всѣми бояры слушавъ» того дѣла, указалъ виновныхъ казнить смертью. Изъ разсказа современника видно, что государь созывалъ въ Преображенское для суда надъ злоумышленниками всѣхъ бояръ, окольныхъ и «палатныхъ» людей. По свидѣтельству англійскаго капитана Перри, отпраляясь въ томъ же году за границу, Петръ поручилъ управленіе государствомъ Л. К. Нарышкину, кн. Б. А. Голицыну и кн. П. И. Прозоровскому, давъ имъ обширныя полномочія. Москва, по словамъ Желябужскаго, приказана была кн. Ѳ. Ю. Ромодановскому. Но другой русскій современникъ Матвѣевъ прибавляетъ, что сановникамъ, которымъ поручено было все правленіе государственное, велѣно было «о приключившихся важныхъ дѣлахъ» сноситься и совѣтоваться съ старыми боярами, тогда присутствовавшими въ Москвѣ. Когда въ отсутствіе царя вспыхнулъ стрѣлецкій мятежъ, въ Москвѣ, по словамъ Матвѣева, бояре, «сколько ихъ прилучилось», собрались во дворецъ и «въ учиненной своей думѣ опредѣлили» послать Шеина и Гордона противъ мятежниковъ. Это подтверждается и разсказомъ Корба, тогда находившагося въ Москвѣ: во время стрѣлецкаго мятежа у него дѣйствуютъ «всѣ бояре», по нѣскольку разъ въ день собираясь на совѣщаніе. По возвращеніи Петра

«на совѣщаніе относительно войны и мира» 1 и 2 января 1699 г. царь созвалъ къ себѣ въ Преображенское также всѣхъ бояръ. Не задолго до того на обѣдѣ у Лефортова иностраннымъ посламъ удалось видѣть конецъ совѣщанія царя съ боярами. Царь явился на обѣдъ съ боярами прямо съ засѣданія и за столомъ продолжалъ прерванное обсужденіе дѣлъ. Иностранцамъ показалось это совѣщаніе похотимъ скорѣе на ссору благодаря горячности и упрямству, съ какимъ бояре отстаивали передъ царемъ свои мнѣнія, такъ что раздраженный царь далъ волю не только своимъ словамъ, но и рукамъ. Въ именныхъ указахъ 30 января 1699 г., которыми вводилось городское самоуправленіе, нѣтъ и намека на участіе боярской думы въ этой важной реформѣ. Но въ сочиненіи упомянутаго капитана Перри находимъ любопытный разсказъ о борьбѣ, среди которой родился законъ объ этомъ «ратушномъ правленіи». Задумавъ увеличить казенные сборы съ промысловъ и торговли и уничтожить злоупотребленія воеводъ и приказныхъ людей, Петръ созвалъ «торжественное собраніе» бояръ и предложилъ имъ новый порядокъ управленія торговыми и промышленными людьми, устранявшій отъ того воеводъ и приказныхъ управителей. Это предложеніе взволновало совѣтниковъ. Они возражали царю, что честь собирать царскіе доходы, какъ знакъ особаго довѣрія, доселѣ всегда принадлежала дворянству, и умоляли царя не дѣлать имъ такого всенароднаго оскорбленія, отнимая у нихъ этотъ знакъ и отдавая его въ руки мужиковъ и холоповъ, мірскихъ выборныхъ бурмистровъ, недостойныхъ стать на ряду съ ними, боярами и высшихъ чиновъ служилыми людьми. Бояре предлагали съ своей стороны нѣсколько другихъ проектовъ для достиженія предположенныхъ Петромъ цѣлей. Не получивъ согласія отъ царя, они просили его по крайней мѣрѣ назначить нѣсколько знатныхъ людей въ главную московскую ратушу, отъ которой зависѣли по казеннымъ сборамъ выборные

бурмистры другихъ городовъ. Царь стоялъ на своемъ и бояре уступили, замѣтивъ, что его начинали раздражать ихъ возраженія. Тотъ же капитанъ изъ своихъ московскихъ наблюдений вынесъ то общее впечатлѣнiе, что царь, занимаясь болѣе всего дѣлами военными и постройкой кораблей, предоставлялъ вести государственное хозяйство своимъ боярамъ. Слова Перри относятся ко всему первому десятилѣтiю XVIII вѣка ¹⁾). Сохранившiеся памятники законодательства тѣхъ лѣтъ и громадная переписка Петра подтверждаютъ это наблюдение. Здѣсь находимъ многочисленныя слѣды, показывающiе, что до самаго учрежденiя Сената въ началѣ 1711 г. боярскiй совѣтъ руководилъ внутреннимъ управленiемъ въ Москвѣ, между тѣмъ какъ царь, дѣйствуя внѣ столицы, велъ свои важныя дѣла войны и внѣшней политики. Но продолжая прежнюю дѣятельность, боярская дума сама не осталась прежней: измѣнились и ея составъ, и обстановка ея дѣятельности.

Какъ и прежде, боярская дума при Петрѣ не имѣла постоянного мѣста засѣданiй. Она собиралась то въ Столовой палатѣ дворца, то на «генеральномъ дворѣ» въ Преображенскомъ. Но всего чаще она засѣдала въ *Ближней канцелярiи*, такъ что именемъ этого присутственнаго мѣста иногда называлась и самая дума. Но это была не дума, а только ея канцелярiя. Она повидимому находилась также въ кремлевскомъ дворцѣ, судя по тому, что Петръ въ одномъ письмѣ къ Ромодановскому называетъ ее *Верхней канцелярiей*. Она становится извѣстна по приказнымъ дѣламъ съ

¹⁾ Фоккеродтъ въ переводѣ г. Шемякина, стр. 26 (Чт. въ Общ. Ист. и Др. Р. 1874, кн. 2). Желябужскiй у Сахарова въ Запискахъ Русск. людей, стр. 48—52: ср. П. С. З. № 1575. Матвѣевъ тамъ же, стр. 60 и 61. Корба Дневникъ, 209, 123 и 113. П. С. З. №№ 1674 и 1675. Перри, Состоянiе Россiи, изд. Общ. Ист. и Др. Р., стр. 100, 123—125, 161 и 162. Ср. также указъ 27 окт. 1699 г. въ П. С. З. № 1705 съ рассказомъ о томъ Желябужскаго, стр. 65.

1701 года: въ этомъ году велѣно было доставить въ Ближнюю канцелярію изъ всѣхъ приказовъ подробныя вѣдомости объ управляемыхъ ими людяхъ и зданіяхъ, о собираемыхъ ими доходахъ, объ имѣющихся у нихъ казенныхъ запасахъ и суммахъ. Въ 1702 г. въ этой канцеляріи были уже дьяки, подъячіе и сторожа. Изъ этой канцеляріи разсылались по приказамъ распоряженія высшаго правительства. Въ 1705 г. велѣно было въ Ближней канцеляріи завести особую книгу, куда бы заносились «по числамъ» всѣ именныя указы, состоявшіеся по докладамъ изъ приказовъ. Каждый приказъ въ свою очередь долженъ былъ немедленно сообщать Ближней канцеляріи обо всѣхъ высочайшихъ распоряженіяхъ, имъ полученныхъ. Сюда же призывались начальники приказовъ для выслушанія государевыхъ повелѣній. Въ то же время въ приказныхъ бумагахъ Ближняя канцелярія значилась на первомъ мѣстѣ въ ряду московскихъ приказовъ ¹⁾. Этимъ уясняется ея происхожденіе и значеніе. Бояре бывали въ Ближней канцеляріи «въ консиліи», какъ выражались акты начала XVIII в. Но Ближняя канцелярія не то же, что эта боярская «консилія», собиравшаяся и въ другихъ мѣстахъ. Ближняя канцелярія была канцеляріей, т. е. приказомъ. Царь Алексѣй для личной переписки и другихъ дѣлъ, которыя онъ велъ безъ участія бояръ, учредилъ особую канцелярію подъ именемъ приказа Тайныхъ Дѣлъ. Черезъ эту собственную канцелярію царь велъ надзоръ и за управленіемъ. Въ началѣ царствованія Федора управляющій этого приказа носилъ званіе «дьяка въ государевѣ имени». Но потомъ этотъ приказъ исчезаетъ, и бумаги его рассылаются по роду дѣлъ въ Разрядъ и другіе

1) П. С. З. №№ 2155, 2250, 2172, 2091, 2022, 2239. Желябужскій въ указ. изданіи, стр. 66. Письма къ Ромодановскому въ Р. Арх. 1865 г., 651. Сборн. выписокъ изъ архивн. бум. о Петрѣ В., т. 2, стр. 177 и 299.

приказы. Ближняя канцелярія Петра была повидимому рестаураціей этого приказа. Указаніе на это можно видѣть въ томъ, что дѣла Тайнаго приказа, оставшіяся за раздачей по другимъ приказамъ и хранившіяся въ присутствіи или «казенкѣ» Печатнаго приказа, велѣно было потомъ взять въ Ближнюю московскую канцелярію, а нѣкоторыя переслать въ Петербургъ въ другую Ближнюю канцелярію, сопровождавшую Петра въ поѣздкахъ и называвшуюся Походной. Ближняя канцелярія наслѣдовала отъ Тайнаго приказа одну изъ его главныхъ задачъ, административный контроль, который теперь по обстоятельствамъ принялъ иное направленіе: изъ указа 1701 г. видно, что въ эту канцелярію стягивалась изъ всѣхъ центральныхъ учреждений отчетность по дѣламъ государственнаго хозяйства. Можетъ быть, исполненіемъ этого указа и началась дѣятельность этой канцеляріи, учрежденіе которой можно отнести ко времени около начала Сѣверной войны. Послѣ велѣно было присылать въ Ближнюю канцелярію изъ губерній и приказовъ третныя и годовыя вѣдомости о доходахъ и расходахъ. Эти вѣдомости, какъ и книга для записи указовъ и приговоровъ, требовались для того, чтобы государь могъ слѣдить за теченіемъ финансовъ и исполненіемъ законовъ, «чтобъ о томъ ему, великому государю, было извѣстно всегда». Значить, Ближняя канцелярія возникла и существовала независимо отъ думы ¹⁾. Но когда совѣтъ бояръ началъ въ нее съѣзжаться,

1) Вотъ почему она не была закрыта и по учрежденіи Сената съ его канцеляріей, къ которой перешли ея дѣла, какъ думской канцеляріи. Она осталась орудіемъ личнаго надзора государя за управленіемъ, преимущественно финансовымъ, и въ этомъ значеніи помогала канцеляріи Сената: ей поручалась ревизія приказовъ и канцелярій по приходамъ и расходамъ; приходо-расходныя вѣдомости присылались какъ въ сенатскую, такъ и въ Ближнюю канцелярію. Др. Р. Вивл. XX, 125, 129 и 404. Зап. отд. русск. и слав. арх. Русск. Арх. Общ. II, 1. II. С. 3. №№ 2270, 2763, 2458 и друг.

онъ сталъ пользоваться ей, какъ своей канцеляріей. Появленіе этой особой ближайшей канцеляріи думы было естественнымъ послѣдствіемъ перемѣны, совершившейся въ центральной приказной администраціи. вмѣстѣ съ измѣненіемъ стараго значенія думнаго дьячества и дьячьи приказы превратились въ боярскіе: приказы Посольскій, Помѣстный, Казанскій во второй половинѣ XVII в. управлялись уже боярами и другими высшими думными чинами, изъ отдѣленій думской канцеляріи превратились въ особыя вѣдомства, руководившія отдѣльными отраслями управленія. Эта перемѣна коснулась и Разряда; онъ только позже другихъ, уже при Петрѣ, сталъ боярскимъ приказомъ и не освободился отъ нѣкоторыхъ обязанностей, напоминавшихъ, что онъ былъ первымъ отдѣленіемъ думской канцеляріи.

Но совѣтъ, собиравшійся въ Ближней канцеляріи, былъ уже только обломкомъ прежней боярской думы, какъ думная знать того времени была обломкомъ стараго боярства. О боярахъ 1699 г. Корбъ замѣчаетъ, что изъ нихъ немногіе присутствовали въ думѣ, потому что многіе не находились при дворѣ, а управляли провинціями. По списку 1705 г. изъ 59 бояръ, окольных и прочихъ думныхъ людей въ Москвѣ находилось всего 28. По списку 1708 г. значилось членовъ думы 51 человекъ, не считая 5 сановниковъ придворныхъ, кравчихъ, стряпчихъ съ ключемъ, постельничаго, которые бывали думные и недумные. Въ ноябрѣ этого года дума собралась въ Ближней канцеляріи подъ предѣдательствомъ царевича Алексѣя Петровича и слушала «настоящихъ изъ приказовъ докладныхъ дѣлъ», а потомъ въ Успенскомъ соборѣ присутствовала при молебнѣ о побѣдахъ надъ Шведомъ и при торжественномъ проклятій измѣнника гетмана Мазепы: при царевичѣ было въ церкви всего 8 человекъ думныхъ чиновъ. Этимъ подтверждается сообщеніе, сдѣланное агентомъ

вѣнскаго двора въ Москвѣ Плейеромъ въ 1710 г. Боярская дума въ это время была такъ непохожа на прежнюю, что казалась Плейеру новымъ учрежденіемъ Петра. Тайный совѣтъ, какъ называетъ онъ эту новую думу, состоялъ всего изъ 8 членовъ. Всѣ они управляли отдѣльными вѣдомствами центральной администраціи, приказами Разряднымъ, Сибирскимъ, Монастырскимъ и др. Слѣдовательно это были все сановники, которые по дѣламъ службы и независимо отъ своихъ думныхъ занятій должны были оставаться въ Москвѣ. Такъ дума сама собою превратилась въ довольно тѣсный совѣтъ министровъ; *министрами* и называются члены этого тѣснаго совѣта въ письмахъ Петра и въ актахъ того времени. Оставаясь постояннымъ руководящимъ учрежденіемъ, этотъ тѣсный совѣтъ министровъ становился болѣе прежняго измѣнчивымъ по составу. Ускоренная гонка, какъ можно назвать дѣятельность правительства въ тѣ годы, то-и-дѣло уносила Петра и его совѣтниковъ изъ столицы. Въ первое время по возвращеніи изъ-за границы въ 1698 г. Петръ, увозя съ собою бояръ въ Воронежъ или куда-нибудь, по старому обычаю оставлялъ въ Москвѣ комиссію думы, которой приказывалъ «на своемъ государевѣ дворѣ быть и дѣла вѣдать, какія прилучатся». Но потомъ и сама дума или «консилія» министровъ превращается въ такую же комиссію или въ Расправную палату съ тѣмъ значеніемъ, какое имѣла она въ отсутствіе государей при царѣ Ѳеодорѣ и во время двоевластія. Иногда и при царѣ въ Москвѣ оставалось на лицо очень немного совѣтниковъ, которымъ онъ на совѣщаніяхъ спѣшилъ раздать порученія по вѣдомству каждаго въ виду скорого отъѣзда; уѣзжая, онъ ввѣрялъ этимъ наличнымъ боярамъ главное руководство текущими внутренними дѣлами «съ общаго совѣту». Въ первыхъ числахъ января 1706 г. Петръ былъ въ Москвѣ. Въ его *Записныхъ тетрадахъ* этотъ годъ открывается замѣткой; «Ука-

зано, когда были съѣзды въ Преображенское на капитанскій дворъ боярамъ (именно Стрѣшневу, Головину, кн. Голицыну и Апраксину—и только), и сія тетрадь записная, что имъ приказано». 13 января Петръ скакалъ уже въ Гродно къ своей арміи, угрожаемой Шведами. Съ дороги онъ писалъ дѣйствовавшему противъ астраханскихъ мятежниковъ Шереметеву, чтобы онъ за всѣмъ обращался въ Москву къ Головину «и прочимъ, которымъ я по отъѣздѣ своемъ вручилъ дѣла». При прежнихъ царяхъ въ случаѣ надобности и недумные начальники приказовъ входили въ думу съ докладами. И теперь важныя отрасли центрального управленія были въ рукахъ людей довѣренныхъ, но не имѣвшихъ думныхъ чиновъ. Тѣсному кружку бояръ, оставшихся въ Москвѣ, Петръ предоставлялъ приглашать въ свою консилію и изъ этихъ людей, кто имъ былъ надобенъ. По поводу того же астраханскаго бунта Петръ съ дороги напоминалъ Головину съ товарищами: «будучи на Москвѣ, приказывалъ я, чтобы за тѣми и прочими дѣлами трудиться вамъ и прочимъ, кого возьмете къ себѣ». Этимъ объясняется появленіе людей съ недумными чинами въ спискѣ членовъ думы 1710 г. у Плейера. Таковы были кн. Ѳ. Ю. Ромодановскій, Ю. С. Нелединскій-Мелецкій, М. А. Головинъ и А. А. Курбатовъ. Первый управлялъ Преображенскимъ приказомъ и былъ могущественнымъ лицомъ въ центральной администраціи. Въ одномъ письмѣ 1707 г. Петръ приказываетъ ему извѣстныя дѣла дѣлать «съ общаго совѣту съ боярами»; но кн. Ромодановскій и въ 1711 г. носилъ недумный чинъ ближняго или комнатнаго стольника. Нелединскій, товарищъ боярина Г. Н. Стрѣшнева по Разряду и Конюшенному приказу, имѣлъ чинъ только рядоваго стольника, какъ и Головинъ, судья Ямскаго приказа, а Курбатовъ, бывший дворовый боярина Шереметева и потомъ за проектъ гербовой бумаги ставшій простымъ дьякомъ Оружейной палаты, теперь въ должности инспектора ратушнаго правленія былъ

первымъ и вліятельнѣйшимъ дѣльцомъ въ финансовой администраціи ¹⁾).

Новое положеніе думы отразилось на характерѣ ея правительственной дѣятельности. Петръ изрѣдка самъ являлся въ Ближнюю канцелярію, слушалъ тамъ доклады съ боярами или безъ нихъ и оттуда выдавалъ именныя указы. Но при частыхъ отлучкахъ царя изъ столицы обычнѣе были собранія бояръ въ Ближней канцеляріи безъ царя. Благодаря этому въ теченіи законодательства образуются двѣ параллельныя струи, слабо соприкасавшіяся другъ съ другомъ. Много важныхъ распоряженій шло отъ государя мимо думы прямо въ приказы, которыхъ они касались. Въ 1705 г. велѣно было этимъ приказамъ только сообщать Ближней канцеляріи о полученныхъ ими именныхъ указахъ въ тотъ же день, когда «какой указъ состоится или изъ государева похода пришется». Съ другой стороны, высшее управленіе складывалось такъ, что дума должна была во многомъ дѣйствовать помимо отсутствующаго государя. Дѣятельность ея возбуждалась двоякимъ путемъ. Вопервыхъ, она рѣшала текуція дѣла по докладамъ изъ приказовъ или, какъ тогда выражались, слушала «настоящихъ изъ приказовъ докладныхъ дѣлъ». Во вторыхъ, на думу возлагалась законодательная разработка особыхъ порученій государя. Эти порученія сообщались боярамъ или именовымъ указомъ, или письмомъ царя къ кому-нибудь изъ приближенныхъ сановниковъ, находившихся въ Москвѣ, которые подавали полученные предписанія боярамъ въ Ближней канцеляріи или въ другомъ мѣстѣ ихъ собраній. Такія письма имѣли значеніе тѣхъ же именныхъ указовъ. Такъ

¹⁾ Устрялова, Ист. царств. Петра В., т. IV, ч. 2, стр. 490. Боярск. книга № 55 въ Моск. арх. мин. Юстиціи. П. С. З. № 2213, 2332 и 2309. Корбъ, 161 и 315. Дв. Разр. IV, 1127. Желябужскій, 71. Тетр. Записныя Петра В. 1704—1706 г., 50. Голикова, Дѣян. Петра В., X, 313 и 316; XI, 309. Фоккеродта и Плейера, Россія при Петрѣ В., изд. Общ. Ист. и Др. Р., донесеніе 1710 г., стр. 15 и сл.

именной указъ получалъ новое значеніе: прежде въ немъ обыкновенно излагался приговоръ государя съ боярами; теперь имъ вызывался приговоръ бояръ безъ государя. Петръ сообщалъ въ Москву общую мысль задуманной мѣры, иногда намѣчалъ нѣкоторыя подробности ея исполненія; развитіе этой мысли, обещаніе средствъ и порядка ея осуществленія представлялось думѣ. Въ началѣ 1707 г., находясь въ Польшѣ, Петръ писалъ въ Москву о необходимости принять оборонительныя мѣры на случай ожидаемаго движенія Карла XII изъ Саксоніи въ русскіе предѣлы. Одно письмо объ этомъ было получено адмираломъ Апраксинымъ и имъ подано боярамъ; другое предписаніе объявилъ боярамъ управитель Монастырскаго приказа Мусинъ-Пушкинъ; по обоимъ сообщеніямъ бояре въ Столовой палатѣ постановили приговоры. Точно также именнымъ указомъ въ 1708 г. предписано было раздѣлить государство на 8 губерній и къ нимъ росписать города; это раздѣленіе съ росписаніемъ городовъ по губерніямъ было произведено въ Ближней канцеляріи. Плейеръ довольно точно обозначаетъ кругъ дѣлъ и характеръ дѣятельности Тайнаго совѣта, говоря, что тамъ разсуждали о томъ, какъ всего удобнѣе привести въ исполненіе поступающіе отъ царя указы, и что содержаніе этихъ указовъ большею частью составляли сборъ денегъ, изысканіе новыхъ государственныхъ доходовъ, введеніе новыхъ налоговъ, развитіе торговли, доставка въ армію аммуниціи и провіанта, наборъ, обмундировка, обученіе, расквартированіе и содержаніе рекрутъ; также въ случаѣ какого-либо волненія въ дальнихъ областяхъ государства совѣтъ принималъ мѣры, прежде чѣмъ доносилъ о томъ царю и получалъ отъ него предписанія насчетъ дальнѣйшаго образа дѣйствій ¹⁾. Издали Петръ не могъ слѣдить, какъ бояре разработывали и приводили въ исполненіе его порученія и какъ они вершили теку-

¹⁾ П. С. З. №№ 2169, 2170, 2022, 2155, 2218. Ср. №№ 2189 и 2217. Плейеръ въ указ. изд. стр. 2.

ція дѣла изъ приказовъ. Отсюда въ дѣятельности думы появляются еще двѣ особенности, которыхъ не было замѣтно до Петра. Дума становится распорядительнымъ совѣтомъ по внутреннему управленію, который, въ извѣстныхъ предѣлахъ дѣйствуя самостоятельно, вмѣстѣ съ тѣмъ и *отвѣчаетъ* передъ государемъ за свои дѣйствія; въ то же время вводится въ ея дѣлопроизводство порядокъ, который позволялъ бы провѣрять ея дѣйствія. Въ потокѣ своихъ военныхъ и дипломатическихъ занятій Петръ самъ настаивалъ, чтобы управители отдѣльныхъ вѣдомствъ обращались за указаніями по текущимъ дѣламъ не къ нему, а къ боярскому совѣту. Въ отвѣтъ на донесеніе о такихъ дѣлахъ Петръ писалъ въ 1707 г. изъ Польши кн. Ромодановскому: «Еще прошу васъ, дабы о такихъ дѣлахъ и подобныхъ имъ изволили тамъ, гдѣ съѣздъ бываетъ въ Верхней канцеляріи или гдѣ индѣ, посовѣтовавъ съ прочими, рѣшеніе чинить, а здѣсь истинно и безъ того дѣла много». Еще рѣшительнѣе высказываетъ онъ эту мысль въ упомянутыхъ письмахъ къ Головину съ товарищами и къ Шереметеву. Первымъ онъ приказываетъ самимъ вершить астраханскія дѣла, не спрашивая у него рѣшенія, а второму велитъ обо всемъ писать къ московскимъ боярамъ, прибавляя: «а мнѣ изъ Польши ничего дѣлать невозможно, токмо къ нимъ же посылать, и изъ того кромѣ медленія ничего не будетъ». Такъ точно относился онъ потомъ и къ Сенату. Съ прекращеніемъ ежедневныхъ съѣздовъ бояръ въ Кремль на поклонъ къ государю и засѣданія боярскаго совѣта перестали быть ежедневными: въ 1708 г. было указано «министрамъ, которымъ бываетъ съѣздъ въ Ближнюю канцелярію», пріѣзжать туда по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ; кто почему-либо не могъ пріѣхать на засѣданіе, обязанъ былъ собственноручно написать о томъ въ Разрядъ. Плейеръ прибавляетъ къ этому, что засѣданія Тайнаго совѣта продолжались до полудня лѣтомъ съ 8 часовъ,

зимой съ 9 утра. Заведенная въ Близней канцеляріи книга для записки указовъ давала возможность слѣдить за теченіемъ дѣлъ въ думу изъ приказовъ и за исполненіемъ государевыхъ распоряженій и боярскихъ приговоровъ. Наконецъ въ 1707 г. установлены были обязательные протоколы думскихъ засѣданій и установлены въ интересѣ отвѣтственности, для облегченія контроля за дѣйствіями министровъ совѣта. Въ письмѣ изъ Вильны Петръ предписываетъ кн. Ромодановскому объявить при съѣздѣ въ палатѣ «всѣмъ министрамъ, которые въ конзилью съѣзжаются, чтобъ они всякія дѣла, о которыхъ совѣтуютъ, записывали, и каждый бы министръ своею рукой подписывали, что зѣло нужно надобно, и безъ того отнюдь никакого дѣла не опредѣляли, ибо симъ всякаго дурость явлена будетъ»¹⁾.

Итакъ боярскій совѣтъ при Петрѣ во многомъ не былъ похожъ на прежнюю боярскую думу, такъ что иностранцамъ онъ казался новымъ учрежденіемъ, которое создалъ Петръ. Измѣнились его составъ, вѣдомство и характеръ дѣятельности. Эти перемѣны произошли отъ двухъ причинъ: разрушилось прежнее боярство, и кружокъ оставшихся бояръ разбился по службамъ внѣ столицы; отсутствіе царя изъ Москвы, бывшее прежде случайностью, теперь стало обычнымъ явленіемъ. Боярская дума при Петрѣ стала тѣснымъ совѣтомъ съ разрушавшимся генеалогическимъ и даже чиновнымъ составомъ старой думы; даже люди недумныхъ чиновъ теперь имѣли въ ней мѣсто. Существенной ея особенностью было то, что она дѣйствовала вдали отъ государя и была передъ нимъ отвѣтственна, руководя внутреннимъ управленіемъ и исполняя особыя порученія государя, но не мѣшаясь въ военныя дѣйствія и внѣшнюю политику. Читая первые указы объ учрежденіи

¹⁾ П. С. З. №№ 2188 и 2022. Голиковъ, XI, 303 и 328.

Сената въ 1711 г., можно замѣтить, что онъ имѣлъ близкую родственную связь съ боярскимъ совѣтомъ, собиравшимся въ Ближней канцеляріи, и наследовалъ всѣ его особенности. Сенатъ также учреждался «для всегдашнихъ въ сихъ войнахъ отлучекъ» государя, являлся случайной временной комиссіей, а не постояннымъ учрежденіемъ; даже первоначальный 9-членный составъ его близко напоминалъ прежнія комиссія въ отсутствіе государей изъ Москвы, какъ и совѣтъ бояръ въ Ближней канцеляріи. Въ личномъ его составѣ происхожденіе и чинъ также имѣли мало значенія; важнѣйшіе сановники, «верховные господа», «принципалы», кн. Меншиковъ, канцлеръ Головкинъ, адмиралъ Апраксинъ, не вошли въ первоначальный составъ Сената и писали ему «указомъ». Сенатъ также руководилъ всѣмъ внутреннимъ управленіемъ, не вмѣшиваясь въ военныя дѣйствія и внѣшнюю политику, и при этомъ на него возложено было государемъ нѣсколько особыхъ порученій по набору войска, по развитію торговли и особенно государственныхъ доходовъ. Первая инструкція, данная Петромъ Сенату 2 марта, не постоянный и подробный регламентъ, а скорѣе рядъ такихъ порученій, «указъ, что по отбытіи нашемъ дѣлать», какъ выразился Петръ. По первоначальной мысли Петра Сенатъ, какъ и собраніе министровъ Ближней канцеляріи, не государственный совѣтъ при государѣ, а высшее распорядительное учрежденіе, замѣняющее въ правительственномъ центрѣ государя на время его отсутствія и подлежащее строгой, даже суровой отвѣтственности. Такъ идея и форма Сената со-
здались прежде, чѣмъ явилось его названіе.

Г Л А В А XXIV.

Правительственная дѣятельность думы при видимомъ разнообразіи дѣлъ имѣла собственно законодательный характеръ.

Исторія боярской думы при Петрѣ любопытна потому, что въ ней явственно обнаружился моментъ, которымъ завершилось существованіе этого учрежденія. Оно перестало существовать, постепенно преобразилось въ учрежденіе другаго характера, когда обстоятельства заставили его дѣйствовать отдѣльно, вдали отъ государя. Это значитъ, что боярская дума древней Руси была учрежденіемъ, привыкшимъ дѣйствовать только при государѣ и съ нимъ вмѣстѣ. Дѣйствительно давній обычай неразрывно связалъ обѣ эти политическія силы, и онѣ не умѣли дѣйствовать другъ безъ друга, срослись одна съ другой, какъ части одного органическаго цѣлаго. Эпохи, когда онѣ разрывались, когда боярская дума оставалась одна безъ государя, какъ въ Смутное время, или когда государь отдѣлялся отъ думы, какъ во времена опричнины Грознаго, такія эпохи были ненормальными кризисами, болѣзненными состояніями государства. Точно также и древнерусское общество не привыкло отдѣлять эти силы одну отъ другой, видѣло въ нихъ нераздѣльные элементы единой верховной власти: законъ являлся передъ управляемыми въ видѣ государева указа и боярскаго приговора, и какъ въ боярскомъ приговорѣ они видѣли государевъ указъ, такъ и за государевымъ указомъ предполагался боярскій приговоръ. Вотъ почему собственно нельзя говорить о правительственномъ вѣдомствѣ боярской думы, какъ о чемъ-то точно определенномъ, о ея политическомъ авторитетѣ, какъ о чемъ-то отличномъ отъ государевой власти. Пространство дѣятель-

ности думы совпадало съ предѣлами государевой верховной власти, потому что послѣдняя дѣйствовала вмѣстѣ съ первой и черезъ первую. Изъ этого общаго основанія развились всѣ существенныя свойства правительственной дѣятельности древнерусской боярской думы.

Непосредственная дѣятельность верховной власти въ древней Руси опредѣлялась не суммой политическихъ прерогативъ этой власти, а количествомъ наличныхъ правительственныхъ потребностей. Носители верховной власти не любили спрашивать себя о томъ, на что они имѣютъ право и на что не имѣютъ его. Они считали себя призванными дѣйствовать тамъ, гдѣ переставали дѣйствовать другіе, дѣлать то, чего не могли сдѣлать подчиненныя имъ орудія управленія. Но эти орудія руководились въ своей дѣятельности заведеннымъ порядкомъ, должны были дѣлать только то, на что указывали имъ прямой законъ или признанный обычай. Гдѣ кончались этотъ законъ и этотъ обычай, тамъ начиналась дѣятельность высшаго правительства. Этимъ общимъ правиломъ древнерусской администраціи опредѣлялась и сфера дѣятельности боярской думы. Она указывала исполнительнымъ органамъ управленія, какъ надобно дѣлать то, чего они не могли сдѣлать безъ указаній сверху, т. е. на что не давали имъ указаній дѣйствующій законъ и признанный обычай. Черезъ думу проходило множество дѣлъ, которыя мы назвали бы судебными или административными. Однако мы неточно опредѣлили бы ея характеръ, еслибы приписали ей судебныя и административныя функціи. Если подъ судебнымъ и административнымъ мѣстомъ разумѣть учрежденіе, дѣйствующее на основаніи готоваго закона, то боярская дума не была такимъ учрежденіемъ. Она разбирала извѣстное судебное или административное дѣло не на основаніи готоваго, прямаго и яснаго закона; это дѣло и не поступило бы въ думу, еслибы существовалъ прямой и ясный законъ, на основаніи котораго можно было

бы разрѣшить его. Дума разрѣшала такое дѣло, чтобы показать, какъ надобно впредь рѣшать подобныя дѣла; ея судебный или административный приговоръ становился прецедентомъ, получалъ силу закона. Значить, дума законодательствовала, а не судила и не вела дѣлъ текущей администраціи; точнѣе говоря, она законодательствовала и тогда, когда судила и рѣшала дѣла текущей администраціи. Этимъ объясняются нѣкоторыя особенности въ дѣятельности думы, которыя съ перваго взгляда кажутся странными. Однимъ изъ важнѣйшихъ предметовъ дѣятельности законодательныхъ учрежденій обыкновенно служатъ вопросы государственнаго хозяйства, дѣла финансовыя. Но эти дѣла всегда составляли сравнительно мало замѣтный элементъ въ вѣдомствѣ московской боярской думы, сколько можно судить о томъ по сохранившимся памятникамъ ея законодательныхъ трудовъ. Напротивъ эти памятники переполнены дѣлами по службѣ и служилому землевладѣнію, иногда удивительно мелкими на нашъ взглядъ. Это потому, что теченіе государственнаго хозяйства рано вошло въ твердо установившееся русло и могло быть въ большей степени отдано въ руки исполнительныхъ органовъ управленія, чѣмъ дѣла служилыя и поземельныя, требовавшія постояннаго надзора и заботливаго руководства со стороны законодателя.

Итакъ боярская дума была собственно и даже исключительно законодательнымъ учрежденіемъ. Вотъ почему при изученіи ея правительственной дѣятельности не совсѣмъ удобно прилагать къ ней обычное дѣленіе на функціи законодательныя, судебныя и административныя. Такое дѣленіе внесло бы въ эту дѣятельность распорядокъ, какого не знала или не признавала сама дума. Это не значитъ, что думные люди тѣхъ вѣковъ не умѣли отличать дѣла законодательныя отъ судебныхъ или административныхъ. Но правительственная практика думы основана была не на

различіи *дѣла* по существу, а на различіи *процессовъ*, какими разрѣшались дѣла, восходившія въ думу. Потому однородныя дѣла рѣшались иногда различными процессами, и наоборотъ различныя по характеру дѣла шли одинаковымъ путемъ. Въ процессѣ думскаго дѣлопроизводства надобно различать порядокъ возбужденія дѣла и порядокъ его «вершенія». Дѣло возбуждалось въ думѣ тройкимъ путемъ: 1) государевымъ *указомъ*, 2) приказнымъ *докладомъ* и 3) частнымъ *челобитьемъ*. Дѣло вершилось 1) думскою комиссіей, 2) общимъ собраніемъ думы безъ участія государя, 3) общимъ собраніемъ подъ предѣдательствомъ государя и 4) соборомъ, т. е. думой съ высшимъ духовенствомъ.

Думные люди, какъ государственные совѣтники, а не какъ начальники приказовъ, сами очень рѣдко возбуждали въ думѣ вопросы, подлежащіе ея обсужденію. Это возбужденіе обыкновенно шло сверху или снизу, а не изъ среды самого совѣта: что не могло быть доложено ни изъ какого приказа, что не входило въ текущее приказное дѣлопроизводство, то вносилъ въ думу самъ государь. Ему принадлежалъ починъ въ важнѣйшихъ дѣлахъ внѣшней политики и внутренняго государственнаго строенія. Такія дѣла разумѣли московскіе бояре царя Василія Шуйскаго, когда въ 1608 г. писали гетману втораго Лжедмитрія Рожинскому, что въ Московскомъ государствѣ во всякихъ дѣлахъ безъ царскаго «повелѣнія и начинанія ссылатся и дѣлать не привыкли». Царь или самъ лично предлагалъ вопросъ на обсужденіе боярамъ, или только указывалъ имъ «сидѣть» объ извѣстномъ дѣлѣ, ставилъ его на очередь, но самъ не присутствовалъ при его обсужденіи. Такъ въ 1573 г., во время войны съ Швеціей, когда воеводы вернулись изъ неудачнаго похода въ Новгородъ, гдѣ находился царь, послѣдній велѣлъ боярамъ «о свейскомъ дѣлѣ поговорити, какъ съ свейскимъ королемъ впередъ быти»; первосовѣтникъ кн. Воротынскій съ боярами приговорили вступить съ шведскимъ

королемъ въ переговоры, приостановивъ военныя дѣйствія. Вскорѣ по завоеваніи Казани царь, уѣзжая къ Троицѣ, поставилъ думѣ на очередь два вопроса, велѣлъ «безъ себя» сидѣть объ устройствѣ новозавоеваннаго царства и о кормленіяхъ, т. е. о преобразованіи областнаго управленія. Возбуждая дѣло въ думѣ лично, царь предлагалъ совѣтникамъ, чтобы они, «помысля о томъ крѣпко и единодушно согласясь, государю объявили, на какихъ мѣрахъ тому дѣлу быть». Въ особо важныхъ случаяхъ царь вносилъ въ думу заранѣе заготовленные письменныя предложенія. На Стоглавый соборъ 1551 г. царь Иванъ смотрѣлъ какъ на государственную боярскую думу съ участіемъ духовенства, а не какъ на сословное собраніе представителей духовенства только по дѣламъ церкви, и въ посланіи своемъ къ этому собранію обращался не только къ святителямъ, архимандритамъ и «всему священному собору», но и къ «братіи своей, любимымъ своимъ князьямъ, боярамъ и воинамъ». Потому кромѣ 37 вопросовъ, касавшихся собственно «церковнаго строенія», онъ внесъ на соборъ еще болѣе 10 предложеній, которыя касались государственнаго устройства, того, что царь отъ лица государственнаго правительства называлъ «нашими нуждами и земскими нестроеніями». Здѣсь царь говорилъ о мѣстничествѣ, о помѣстьяхъ и вотчинахъ, о мытахъ и корчмахъ, объ общей поземельной описи всего государства, все о предметахъ, возбуждавшихъ самое заботливое вниманіе московской законодательной власти въ XVI в. Предложенія эти или простые вопросы, обращенные къ собору, или цѣлыя развитые законопроекты. Они, какъ видно по ихъ изложенію, были написаны или продиктованы самимъ 21-лѣтнимъ царемъ; ихъ долженъ былъ прочитать дьякъ въ присутствіи царя, святителей и бояръ, которыхъ царь приглашалъ вмѣстѣ съ нимъ о томъ «по совѣтовать вкупѣ, приговорить и уложить». Сохранилась единственная въ своемъ родѣ записочка царя Алексѣя Ми-

хайловича, «о какихъ дѣлѣхъ говорить бояромъ». По намекамъ царя видно, что она писана въ 1657 году: упомянутый здѣсь кн. Василій—это астраханскій воевода бояринъ Ромодановскій, устроившій тогда договоръ съ Калмыками. Отъ этого маленькаго документа вѣтъ тою свѣжестью и добротой, какой проникнуто все, написанное или продиктованное этимъ умнымъ и добрѣйшимъ царемъ. Читая записку, живо чувствуешь, какія отношенія существовали между этимъ царемъ и его совѣтниками, какіе вопросы обсуждались въ думѣ и даже какъ обсуждались. Это краткій конспектъ, показывающій, какъ царь *готовился* къ засѣданіямъ думы. Онъ не только записалъ, какіе вопросы предложить на обсужденіе боярѣ, но и намѣтилъ, что самому говорить о томъ или другомъ изъ нихъ, какъ рѣшить его. Кой о чемъ онъ навелъ справки, записалъ цифры, сколько людей въ томъ или другомъ полку. О другомъ надобно будетъ навести справки въ подлежащемъ приказѣ: тамъ это знаютъ, выпишутъ въ докладъ, и по этому докладу, поговоривъ съ боярами, можно будетъ рѣшить дѣло. Объ иныхъ предметахъ царь не имѣетъ никакого мнѣнія и не знаетъ, какъ рѣшать бояре; о другихъ онъ имѣетъ нерѣшительное мнѣніе, отъ котораго откажется, если станутъ возражать. Онъ даже старается угадать эти возраженія и приготовить отвѣтъ на нихъ. Шведское посольство, задержанное въ Москвѣ, просило позволить ему послать въ Швецію гонца за новыми инструкціями: «сидѣтъ де надокучило». Царь думаетъ, что и позволить «не будетъ худа». Но вѣдь гонецъ передастъ дома московскія вѣсти?—Ну такъ что же? «они давно все вѣдаютъ и кромѣ сего гонца». По другимъ вопросамъ царь составилъ твердое мнѣніе, за которое онъ будетъ упорно бороться въ совѣтѣ, если встрѣтитъ сопротивленіе: это вопросы не административной техники или дипломатической осторожности, а простой справедливости и служебной добросовѣстности. Астраханскій воевода въ

чемъ-то провинился, по слухамъ даже уступилъ Калмыкамъ православныхъ плѣнниковъ, захваченныхъ ими. Царь рѣшилъ назначить ревизора, «сыщика», а къ воеводѣ послать наказъ, какъ ему жить, отнявъ у него честь (чинъ), да написать ему «съ грозою и съ милостью, чтобы онъ къ намъ, великому государю, вину свою покрылъ службою», казнѣ сдѣлалъ бы прибыль свыше прежняго и тѣмъ возвратилъ бы себѣ отнятую честь, а смѣнять его не зачѣмъ, «убыточно и Астрахани къ изводу (разорительно)». Если же правда, что слышно о плѣнникахъ, «за то довелася ему казнь смертная, а то самое легкое, что отсѣчь руку и сослать въ Сибирь», конфисковавъ помѣстья и вотчины. Составляя свой конспектъ, царь уже воображалъ себя говорящимъ въ палатѣ: за плѣнниковъ, пишетъ онъ далѣе, «учинить казнь, какую *приговорите* по сему наказу» ¹⁾.

Всего чаще дѣла возбуждались въ думѣ такъ называвшимися *судейскими докладами* или *докладными выписками*, восходившими изъ приказовъ. Эти доклады были двухъ родовъ, казуальные и кодификаціонные. Приказъ выписывалъ о какомъ-нибудь дѣлѣ либо по справкѣ со стороны царя или думы, либо по собственному побужденію, когда не могъ самъ рѣшить дѣла. Последнее бывало въ случаѣ неполноты, неясности или разногласія законовъ. Въ докладной выпискѣ излагалась сущность дѣла, приводились относящіяся къ нему статьи закона и ставился вопросъ, выведенный приказомъ изъ примѣненія этихъ статей къ данному дѣлу. Вопросъ заключалъ въ себѣ случай или отношеніе, котораго не предусматрѣлъ законъ, и выражался въ обычной формулѣ: «и

¹⁾ Соловьевъ, VIII, 211. Карамзинъ, IX, примѣч. 416. Царств. кн. 337. П. С. З. № 547. Стоглавъ по каз. изд. 30 и 49. Журн. мин. Нар. Пр. 1876, № 7, стр. 54—64. Записки отд. русск. и слав. арх. Русск. Археол. Общ. II, 733; ср. Дв. Разр. III, 490. Дополн. 130, 135, 103 и 106; Солов. XII, 295; А. И. IV, № 131.

великій государь о томъ что уложить» или «что укажетъ?» Къ такимъ докладнымъ выписямъ можно отнести и обязательные доклады о дѣлахъ, рѣшеніе которыхъ по особому закону принадлежало исключительно государю съ думой. Такъ по закону 1572 г. запрещено было Помѣстному приказу утверждать безъ доклада и безъ боярскаго приговора вклады вотчинами за малоземельными монастырями; иногда запрещалось раздавать безъ доклада свободныя казенныя земли въ извѣстныхъ уѣздахъ служилымъ людямъ, просившимъ помѣстныхъ дачъ. Въ докладныхъ выпискахъ кодификаціоннаго характера обобщались частныя однородныя случаи, возбуждавшіе недоумѣніе приказа или превышавшіе его компетенцію, и это обобщеніе выражалось въ формѣ мотивированнаго вопроса. Судья приказа либо устно излагалъ въ думѣ этотъ вопросъ, «говоря о томъ съ бояры», либо вмѣстѣ съ своими дьяками вносилъ о томъ письменный докладъ. Иногда приказъ представлялъ думѣ цѣлый рядъ такихъ вопросовъ или «статей» объ извѣстномъ предметѣ. Часто, если не всегда, это дѣлалось по особому порученію государя и думы. Такой докладъ носилъ специальное названіе *статейнаго списка*. Надобно различать два рода статейныхъ списковъ, представлявшіе два момента кодификаціонной выработки закона. Составивъ свои вопросы, приказъ «докладывалъ по статейному списку». Приговоры по каждой статьѣ помѣчалъ думный дьякъ того приказа, откуда шелъ докладъ, или какой-либо думный же дьякъ, если въ томъ приказѣ такого не было: такъ въ 1628 г. по докладу Челобитнаго приказа о порядкѣ производства исковыхъ дѣлъ приговоры помѣчалъ думный дьякъ Посольскаго приказа. Этимъ впрочемъ не кончалось дѣло. «Въ верху» вообще господствовалъ обычай двукратнаго слушанія дѣлъ. Царь и бояре приказывали думнымъ дьякамъ записать свои распоряженія и приговоры. Но запись могла быть неточна; въ *Указной книгѣ* Помѣстнаго приказа было

прямо засвидѣтельствовано, что дьяки иногда записывали приговоры не такъ, какъ приговаривала дума, и «многія статьи переправляли не дѣломъ». Еще легче могло случиться, что велѣдствіе краткости помѣты дьяка исполнители понимали ее неправильно. Потому только въ исключительныхъ обстоятельствахъ изустный приказъ верховной власти сообщался къ исполненію безъ новаго доклада. Въ 1580 г., когда государь поѣхалъ къ Троицѣ, съ Москвы отъ бояръ, тамъ оставленныхъ для управленія, пришли вѣсти, по которымъ оказалось, что надобно отмѣнить предполагаемый походъ московскихъ воеводъ въ Литву изъ Ржевы. Вѣсти, конечно, были тотчасъ доложены государю, и онъ велѣлъ заготовить дьяку надлежащій указъ отъ государева имени. Послѣ оказалось, что дьякъ заготовилъ грамоту по тѣмъ вѣстямъ, писалъ ее спѣшно, а «государя доложить не успѣлъ», послалъ ее безъ доклада «для промыслу», чтобы ускорить дѣло. Сказавъ, что грамоты въ окрестныя государства, заготовленные по-сольскимъ думнымъ дьякомъ, слушаются въ думѣ дважды, одними боярами и потомъ боярами вмѣстѣ съ государемъ, Котошихинъ прибавляетъ: «также и иныя дѣла написавъ внесутъ слушать всеѣмъ же бояромъ, и слушавъ бояре учнутъ слушать вdrugорядъ съ царемъ же». По извѣстнымъ намъ статейнымъ спискамъ нельзя судить, всегда ли подобныя акты докладывались сперва однимъ бояремъ, а потомъ государю съ боярами; но въ нѣкоторыхъ спискахъ можно замѣтить слѣды вторичнаго доклада. Кромѣ отвѣтовъ подъ каждой вопросной статьей съ обычной формулой «государь указалъ и бояре приговорили» или «бояре, сей статьи слушавъ, приговорили», на статейныхъ спискахъ о помѣстьяхъ и вотчинахъ и другихъ важныхъ предметахъ встрѣчаемъ во главѣ статей еще общую помѣту, которая гласитъ, что государь указалъ и бояре приговорили «симъ статьямъ быть такъ, какъ въ сей докладной

выпискѣ написано подѣ статьями». Въ иныхъ докладныхъ спискахъ отвѣты подѣ статьями представляютъ не краткія помѣты, а развитыя законоположенія съ слѣдами тщательной редакціонной обработки, какую они едва ли могли получить въ ту минуту, когда думный дьякъ помѣчалъ приговоры боярскаго совѣта. Притомъ здѣсь не повторяется предѣ каждой отвѣтной статьѣй обычная законодательная формула, а только во главѣ списка отмѣчено просто: «бояре, слушавъ статей, приговорили быть такъ, какъ въ сей докладной выпискѣ написано». Можно думать, что вопросный списокъ съ помѣченными на немъ отвѣтами думы переписывался въ доложившемъ его приказѣ, причѣмъ помѣты, положенныя на немъ при первомъ докладѣ, обрабатывались, получали надлежащую редакцію и въ такомъ отдѣланномъ видѣ вторично докладывались думѣ, которая давала имъ окончательное утвержденіе. Впрочемъ въ актахъ есть и болѣе прямыя указанія на то, что приговоры бояръ обрабатывались въ приказахъ. Эти приговоры по частнымъ дѣламъ представляютъ обыкновенно развитыя, мотивированныя резолюціи съ изложеніемъ сущности дѣла и основаній его рѣшенія. Но встрѣчаются и краткіе необработанные приговоры, въ которыхъ основанія едва намѣчены, но которые заканчиваются словами: «написать въ боярскій приговоръ изъ дѣла подлинно». Это значитъ, по нашему мнѣнію: развитъ боярскій приговоръ, указавъ главныя обстоятельства дѣла и основанія его рѣшенія. Законопроектовъ въ собственномъ смыслѣ безъ предварительнаго доклада вопросныхъ статей и безъ думскихъ помѣтъ подѣ ними указы повидимому не составляли ¹⁾.

¹⁾ Акты Ист. I, стр. 270; III, 303—307. А. до юр. быт. др. Росс. I, № 72. Русск. Ист. Сб. 2, 96. Котош. 20. П. С. З. №№ 1170, 634, 644, 700, 702, 900, 860. Указн. кн. Пом. прик. 46. Столб. Пом. пр. въ Моск. арх. мин. Юст. по г. Рязани № 175, дѣло № 11.

Кромѣ государева почина и приказнаго доклада дѣла возбуждались въ думѣ еще частными ходатайствами на государево имя, шедшими отъ отдѣльныхъ лицъ или цѣлыхъ обществъ. Самый докладъ изъ приказа иногда вызывался такой частной просьбой. Указъ 1694 г., пересчитывая дѣла, какія докладываются боярамъ въ думѣ, говоритъ объ апелляціяхъ на рѣшенія приказовъ и о всякихъ челобитныхъ, въ которыхъ о чемъ-либо бьютъ челомъ государямъ. Обычнымъ средствомъ возбужденія дѣла въ думѣ по частному дѣлу была *подписная челобитная*. Ее смѣшиваютъ иногда съ *заручной* челобитной, подававшейся «за руками» челобитчиковъ и ихъ сторонниковъ, т. е. ими подписанной. Но заручная могла быть подписной, могла и не быть. Подписная шла мимо низшихъ инстанцій прямо «въ верхъ». Когда царь выѣзжалъ изъ столицы или въ праздники выходилъ изъ дворца въ церковь, всякіе люди могли подавать ему челобитныя. Существовало особое учрежденіе, Челобитный приказъ, начальникъ котораго съ дьякомъ принималъ эти челобитныя и по нимъ расправу чинилъ, а которыхъ не могъ рѣшить, тѣ «вносилъ» къ государю. По указу 1694 г., когда уже не было этого приказа, люди высшихъ чиновъ приносили челобитныя въ Золотую палату дворца, а другіе ждали на площади у Краснаго крыльца, пока у нихъ примутъ просьбы. Думные дьяки вносили всѣ эти челобитныя «въ верхъ», гдѣ ихъ слушали по Котошихину самъ царь и бояре. Если челобитная не получала «отказа», не оставлялась безъ послѣдствій, то государь и бояре направляли ее въ тотъ или другой приказъ, гдѣ ее разсматривали и составляли по ней докладную выписку, которую вносили въ думу. Что государь съ боярами указывалъ сдѣлать по челобитной, то на ней помѣчалъ или подписывалъ какой-либо думный дьякъ: отсюда и названіе подписной челобитной. Пока Челобитный приказъ не былъ въ 1685 г. слитъ съ Суд-

нымъ Владимірскимъ, такія челобитныя съ «подписями» прочитывались его подъячими на площади передъ царскимъ дворомъ «всѣмъ людемъ» и отдавались челобитчикамъ, или вручались имъ въ самомъ приказѣ, а тѣ, смотря по подписи, несли свои просьбы въ тотъ приказъ, гдѣ велѣно было рассмотреть ихъ дѣла. Подписная челобитная подписывалась думнымъ дьякомъ по докладу; подписанная по распоряженію судьи какого-либо приказа безъ доклада, «самовольствомъ», считалась незаконной. Впрочемъ прошенія по дѣламъ, о которыхъ существовалъ прямой и ясный законъ, кажется, предоставлено было подписывать думнымъ дьякамъ и безъ доклада; въ противномъ случаѣ приказъ, куда поступила челобитная къ исполненію, обязанъ былъ доложить ее государю. Въ иныхъ дѣлахъ подписная была обязательна: такъ по указу 1666 г. запрещено было высшему купечеству, гостямъ, покупать и брать въ закладъ вотчины безъ подписныхъ челобитенъ. Это значило другими словами, что гости не могли пріобрѣтать вотчинъ безъ доклада государю; подписная челобитная была для челобитчиковъ справкой о позволеніи совершить тотъ или другой актъ. Подписныя челобитныя имѣли очень важное значеніе въ развитіи московскаго законодательства: это была наиболѣе обычная, такъ-сказать, ежедневная форма участія общества въ устроеніи общественнаго порядка. Въ памятникахъ XVII в. находимъ многочисленныя слѣды коллективныхъ челобитныхъ, поданныхъ служилыми людьми московскихъ чиновъ, дворянами разныхъ уѣздовъ и другими классами съ заявленіемъ своихъ мѣстныхъ или сословныхъ нуждъ, съ указаніемъ на какой-либо пробѣлъ въ законодательствѣ. Эти челобитныя подавались обычнымъ порядкомъ, какъ и другія частныя просьбы, проходившія черезъ Челобитный приказъ, докладывались и подписывались думными дьяками, вызывали «выписи» и доклады изъ приказовъ, обсуждались въ думѣ и такимъ образомъ

подавали поводъ къ очень важнымъ узаконеніямъ. Довольно сказать, что статьи Уложения, зачислившія въ городское тягло городскія и подгородныя слободы частныхъ привилегированныхъ владѣльцевъ и при этомъ уничтожившія льготное состояніе «закладчиковъ», были внушены просьбами разныхъ чиновъ выборныхъ людей Земскаго Совѣта 1648—1649 г., доложенными и помѣченными думнымъ дьякомъ, какъ докладывались и помѣчались всѣ частныя челобитныя, поданныя самому государю: о чемъ безуспѣшно хлопоталъ царь Иванъ Грозный въ своихъ предложеніяхъ собору 1551 г., то спустя столѣтіе проведено было снизу скромной подписной челобитной земскихъ людей. Такъ подписная челобитная получила значеніе народной петиціи, земскаго адреса на Высочайшее имя о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ ¹⁾).

Дѣло, возбужденное въ думѣ предложеніемъ царя, приказнымъ докладомъ либо подписной челобитной, рѣшалось также не одинаковымъ порядкомъ. Не имѣя наклонности распадаться на постоянныя спеціальныя отдѣленія, департаменты, дума любила поручать второстепенныя дѣла временнымъ комиссіямъ, составляя ихъ изъ своихъ же членовъ. Эти комиссіи были довольно разнообразны: *ответныя* для переговоровъ съ иноземными послами, *судныя* по мѣстническимъ, поземельнымъ и другимъ тяжбамъ, *расправныя* по дѣламъ текущаго управленія на время отъѣзда царя изъ Москвы, превратившіяся потомъ въ постоянную Расправную палату; наконецъ въ XVII в. было двѣ комиссіи *уложенныя*, которымъ поручалось составленіе проекта уложенія. Эти

1) П. С. З. №№ 1491, 954, 630, 974, 390, 998, 1140, 1297. А. И. II, стр. 424. Котош. 91. Изъ известной юмористической заручной челобитной царя Алексѣя, обращенной къ боярамъ, видно, что и частныя исковыя челобитныя, поданныя прямо государю, приказывалъ подписывать онъ самъ, и это считалось милостью, которая давала ходъ дѣлу. Зап. русск. и слав. арх. Русск. Археол. Общ. II, 712.

комmissiи состояли изъ двухъ, трехъ или болѣе членовъ думы, къ которымъ иногда присоединяли и недумныхъ людей, обыкновенно дьяковъ. Проектъ Уложенiя 1649 г. составленъ былъ двумя боярами, окольнымичимъ и двумя дьяками. Комmissiя, которой поручено было въ 1700 г. составить проектъ новаго уложенiя, состояла изъ 12 членовъ думы, 28 стольниковъ, 2 дворянъ и 6 простыхъ дьяковъ: это былъ скромный первообразъ, неясный силуэтъ пышной екатерининской «Комmissiи о сочиненiи проекта новаго уложенiя», родоначальника которой почему-то видать въ старомъ земскомъ соборѣ, никогда не созывавшемся для составленiя проектовъ. Комmissiонный порядокъ веденiя дѣлъ унаслѣдованъ былъ московской думой XVI и XVII в. отъ удѣльнаго времени. Мы видѣли, что тогда текущiя дѣла управленiя вела съ княземъ дума въ составѣ двухъ-трехъ бояръ. Но тогда не было мысли о думѣ *всѣхъ* бояръ, какъ высшей правительственной инстанци по отношенiю къ этимъ ежедневнымъ тѣснымъ совѣтамъ: рѣшенiя послѣднихъ также считались окончательными, какъ и приговоры всѣхъ бояръ. Теперь думскiя комmissiи дѣйствовали подъ контролемъ общаго собранiя, которое могло пересматривать и вершить шедшiя черезъ нихъ дѣла. Пока московскiе дипломаты, назначенные «въ отвѣтъ», переговаривались съ иноземными послами въ Отвѣтной палатѣ, недалеко въ Передней засѣдала дума, къ которой комmissiя обращалась съ вопросами и тутъ же получала новыя инструкци. Старое удѣльное преданiе такъ крѣпко держалось въ московскомъ управленiи, что даже въ XVI в. дума собиралась и дѣйствовала иногда совершенно по-удѣльному, въ комmissiонномъ порядкѣ. Такъ было въ тяжбныхъ дѣлахъ, восходившихъ на судъ самого государя. Въ 1567 г. царь «судилъ судъ» по тяжбѣ челоуѣка боярина И. В. Шереметева съ кн. А. П. Ноздроватымъ объ угодыяхъ: на судѣ у царя, какъ помѣчено въ правой грамотѣ, были одинъ

бояринъ и два окольниковъ. Въ 1547 г. передъ царемъ шла тяжба этого Щереметева съ тѣмъ же кн. Ноздроватымъ и его родичами князьями Токмаковыми о заложенномъ селѣ и о поддѣлкѣ документовъ на него. Въ правой грамотѣ, любопытной по своимъ процессуальнымъ подробностямъ и бытовымъ чертамъ, обозначено, что на судѣ у царя были бояринъ И. П. Федоровъ «и иные бояре», да окольниковъ Ѳ. М. Нагой и четыре дьяка. Точно въ такой же обстановкѣ творился судъ самого князя и въ удѣльные вѣвка. Въ XVI в. государь, можетъ быть, уже не присутствовалъ или не всегда присутствовалъ въ судѣ о такихъ дѣлахъ, а только такъ значилось по формѣ въ актахъ суда. Во время производства обѣихъ упомянутыхъ тяжбъ существовало уже различіе между думой «всѣхъ» бояръ и думской комиссіей. Значить, совѣтъ, судившій оба дѣла, по составу своему былъ комиссіей думы, состоялъ изъ «иныхъ» бояръ, но не «всѣхъ». Но такъ какъ по формѣ это былъ судъ самого государя, на который не было апелляціи, то комиссія замѣняла здѣсь думу «всѣхъ» бояръ, какъ послѣднюю инстанцію. Такъ въ половинѣ XVI в. еще встрѣчались другъ съ другомъ и дѣйствовали рядомъ обѣ правительственныя формы, старая и новая, временное порученіе удѣльныхъ вѣковъ и постоянное учрежденіе Московскаго государства. Въ XVII, какъ и въ XVI в., комиссіямъ думы поручали разнообразныя дѣла. Въ началѣ XVI в. вмѣстѣ съ кн. М. Глинскимъ пришло въ Москву много выходцевъ изъ Литвы. Этихъ «Глинскаго людей» испомѣстили между прочимъ въ Муромскомъ уѣздѣ, и они долго назывались тамъ «Литвой», хотя большинство ихъ были Русскіе. Одинъ изъ этой муромской Литвы Крыжинъ въ 1524 г. изъ мести обговорилъ другихъ эмигрантовъ Щукиныхъ и Каргашина въ намѣреніи бѣжать на родину. Великій князь приказалъ «розслухать» это дѣло двумъ боярамъ, тверскому дворецкому М. Ю. Захарьину и И. Ю.

Шигонѣ. Въ 1659 г. послѣ Конотопскаго пораженія, опасаясь нашествія изъ Крыма, царь велѣлъ укрѣплять Москву. Руководить этимъ «городовымъ дѣломъ» поручено было кн. Н. И. Одоевскому съ 6 товарищами изъ бояръ и окольных чинихъ. Но въ XVII в. уже не замѣтно судебныхъ комиссій съ значеніемъ послѣдней инстанціи, подъ дѣйствительнымъ или номинальнымъ предсѣдательствомъ самого государя. Въ этомъ вѣкѣ встрѣчаемъ одну думную комиссію, только не судебного характера, на которую не простирался контроль общаго собранія: это извѣстная уже намъ «ближняя дума». При московскомъ дворѣ и въ XVII в. всегда находились ближніе бояре, окольные чини и другихъ чиновъ люди; простыхъ бояръ и окольных чинихъ иногда жаловали въ званіе «ближнихъ» или «комнатныхъ». Но ближнюю думу нельзя назвать постояннымъ отдѣленіемъ думы всѣхъ бояръ: она не имѣла ни постоянного состава, ни правильныхъ срочныхъ засѣданій, ни опредѣленнаго круга дѣлъ. Царь призывалъ въ эту думу ближнихъ думныхъ людей, но вмѣстѣ съ ними, по свидѣтельству Котошихина, иногда призывалъ и неближнихъ. Ординъ-Нащокинъ въ одномъ письмѣ къ царю писалъ, что «въ Московскомъ государствѣ искони, какъ и во всѣхъ государствахъ», посольскія, т. е. дипломатическія дѣла вѣдаютъ люди «тайной ближней думы». Но знаменитый московскій дипломатъ говорилъ здѣсь о томъ, что важныя дипломатическія порученія, какъ и управленіе Посольскимъ приказомъ, всегда возлагались на ближнихъ думныхъ людей, а не о томъ, что дѣла внѣшней политики были исключительнымъ достояніемъ ближней думы. Въ XVII в., какъ и прежде, эти дѣла вѣдалъ государь съ думой всѣхъ бояръ, а не съ одними ближними. Извѣстно одно любопытное засѣданіе ближней думы царя Алексѣя, бросающее свѣтъ на отношеніе этой интимной комиссіи думы къ общему собранію. Въ 1659 г. послано было въ Малороссію войско подъ начальствомъ кн. А. Н. Трубецкаго на гетмана Вы-

говскаго и измѣнившихъ Черкасѣ. Кн. Трубецкому данъ былъ наказъ уговаривать Черкасѣ къ повиновенію, въ случаѣ успѣха привести ихъ къ присягѣ на вѣрность, а гетмана смѣнить и выбрать другаго, въ противномъ случаѣ идти на нихъ войной. Всѣ эти мѣры были обдуманы и приняты царемъ, разумѣется, вмѣстѣ со всеми боярами. Но кромѣ этого наказа къ Трубецкому были потомъ посланы особыя секретныя инструкціи на всякій случай, въ которыхъ предписывалось воеводѣ войти въ сношенія съ Выговскимъ и покончить борьбу любовной сдѣлкой. Эти инструкціи доложены были только царю и пяти «комнатнымъ» боярамъ, въ томъ числѣ Морозову и двоимъ Милославскимъ, свойственникамъ царя по царицѣ: царь слушалъ эти инструкціи въ трапезѣ дворцовой церкви, а комнатные бояре въ комнатахъ. Этимъ объясняются слова Котошихина, что ближняя дума собиралась, когда царю случалось о чемъ мыслить тайно. Царь обсуждалъ съ ближней думой особыя секретныя дѣла, которыя хотѣлъ вести мимо думы всѣхъ бояръ. Это былъ его личный совѣтъ, который по его составу, полуоффиціальному характеру и отношеніямъ къ боярской думѣ можно было бы сравнить съ конференціей императрицы Елизаветы или государственнымъ совѣтомъ въ первые годы царствованія Екатерины II, еслибы тогдашній Сенатъ былъ больше похожъ на боярскую думу даже XVII вѣка ¹⁾.

Дѣла, поручавшіяся комиссіямъ думы, или рѣшались ими окончательно, или пересматривались однимъ государемъ, либо вершились общимъ собраніемъ думы. Общее

¹⁾ П. С. Лѣт. VI, 214 и сл. Дв. Разр. IV, 1120; II, 750; III, 95, 1003. А. З. Р. II, стр. 280 и др. Разр. кн. въ Сиб. Сборн. Валуева, стр. 67, 88 и др. А. до юр. быта др. Росс. I, № 52, VIII и V. Прикази. дѣла 1524 г. въ Моск. арх. мин. Ин. Д. № 1. Дополн. къ III т. Дв. Разр. 165, 194 и 131. Времен. Общ. Ист. и Др. Росс. XII, смѣсь, стр. 54. Соловьевъ, XI, 62; XII, 65.

собрание рѣшало инныя дѣла въ присутствіи государя, другія безъ него. Изъ памятниковъ московскаго законодательства не видно, чтобы эта разница въ ходѣ дѣлъ зависѣла единственно отъ ихъ свойства, сравнительной политической важности. Это объясняется характеромъ отношеній думы къ ея верховному предсѣдателю. Дума, видѣли мы, дѣйствовала по указу государя, по докладу приказа или по частной челобитной. Возбуждаемая къ дѣятельности сверху или снизу, она можетъ показаться совершенно пассивнымъ учрежденіемъ безъ собственной инициативы, простымъ законодательнымъ механизмомъ. Была ли она самостоятельной двигателницей законодательства? принадлежалъ ли совѣту бояръ законодательный починъ? Изъ сохранившихся памятниковъ можно извлечь только тотъ отвѣтъ на этотъ вопросъ, что такой починъ не былъ въ обычаѣ; въ этомъ заключалась одна изъ слабыхъ сторонъ политическаго положенія стараго московскаго боярства. Однако мы увидимъ ниже случай, когда самими боярами былъ возбужденъ важный законодательный вопросъ, затрогивавшій самыя основанія государственнаго устройства. Значить, отсутствіе обычая не вытекало изъ отсутствія права или возможности, а только указывало на недостатокъ потребности въ боярскомъ починѣ, на возможность обойтись безъ него при другихъ средствахъ возбужденія дѣлъ въ думѣ. Отношенія думы къ государю такъ сложились, что не развивали этой потребности. Въ устройствѣ высшаго московскаго управления всего труднѣе точно обозначить предѣлы власти государя и его боярскаго совѣта. Это потому, что государь и его совѣтъ не были двумя разными властями, а составляли одно властное, верховное цѣлое. Политическое значеніе и правительственная дѣятельность думы основывались на томъ глубоко укоренившемся въ московскомъ обществѣ возрѣніи, лучше сказать, на томъ предположеніи, что дума не дѣйствуетъ безъ государя и государь не дѣйствуетъ безъ думы. Государь ежедневно дѣлалъ много правительственныхъ дѣлъ безъ участія бояр-

скаго совѣта, какъ и боярскій совѣтъ рѣшалъ много дѣлъ безъ участія государя. Но это вызывалось соображеніями правительственнаго удобства, а не вопросомъ о политическихъ правахъ и прерогативахъ, было простымъ раздѣленіемъ труда, а не разграниченіемъ власти. Такое отношеніе государя къ думѣ выражалось въ одной изъ самыхъ существенныхъ особенностей, какими отличалась послѣдняя, въ отсутствіи ея отвѣтственности передъ государемъ. Слѣдовъ этой отвѣтственности не замѣтно ни въ чемъ, ни въ памятникахъ законодательства, ни въ устройствѣ боярскаго совѣта. Дума не была отвѣтственна предъ государемъ, потому что государь не былъ для нея сторонней властью, а самъ входилъ въ ея составъ, былъ ея главой. Мысль объ отвѣтственности появляется только тогда, когда дѣятельность государя и совѣта раздѣляется, когда тотъ и другой начинаетъ дѣйствовать въ своей особой сферѣ и послѣдній становится орудіемъ перваго. Такъ было съ боярской «консиліей» при Петрѣ въ первые годы XVIII в. Отъ нея мысль объ отвѣтственности перешла по наслѣдству къ Сенату. Сравнивая боярскую думу и Сенатъ, обыкновенно отдають рѣшительное предпочтеніе послѣднему по большей самостоятельности и энергіи его дѣйствій, по большей широтѣ его правительственныхъ полномочій: ему, по словамъ Петра, всякій долженъ былъ повиноваться въ отсутствіе государя «такъ, какъ Намъ Самому, подъ жестокимъ наказаніемъ или и смертію»; онъ былъ установленъ «вмѣсто присутствія Его Царскаго Величества собственной персоны»; отъ него даже требовалось, чтобы онъ велъ дѣла самостоятельно, не испрашивая на всякое дѣло особаго разрѣшенія у государя. Ничего подобнаго не говорили о старой боярской думѣ. Но здѣсь сравниваются учрежденія слишкомъ различныя, дѣйствовавшія въ слишкомъ несходныхъ положеніяхъ. По своему происхожденію Сенатъ былъ орудіемъ верховной власти, а боярская дума ея участницей. Первый вызванъ былъ потребностью въ хорошо устроен-

номъ руководителѣ управленія, а вторая служила органомъ господства извѣстнаго класса надъ обществомъ. Первый въ исторіи нашего управленія имѣлъ правительственно-техническое значеніе; значеніе второй было соціально-политическое. Въ отсутствіе государя Сенатъ конечно дѣйствовалъ самостоятельно, но въ томъ смыслѣ, въ какомъ прикащикъ, оперирующій «на отчетѣ» вдали отъ хозяина, самостоятельно товарища этого хозяина, обязаннаго дѣйствовать съ нимъ вмѣстѣ по соглашенію. За то думѣ не грозили, что за неисправность съ ней со всей поступлено будетъ, «какъ ворахъ достоинъ», чѣмъ грозилъ Петръ учрежденію, установленному вмѣсто присутствія собственной государевой персоны. Самостоятельность была обязанностью для Сената, а не его правомъ. При отсутствіи отвѣтственности по той же причинѣ не развился въ обычай и починъ думы въ законодательствѣ. Государь и дума не были разными властями съ своими особыми интересами и стремленіями, которыя имъ надобно было бы усиленно заявлять и проводить путемъ законодательства. Текущія дѣла вносились въ думу думными людьми, какъ начальниками приказовъ, а дѣла особой важности самими государемъ, какъ предсѣдателемъ думы, и этимъ удовлетворялись потребности управленія. Оставались интересы класса, представители котораго сидѣли въ думѣ, и эти интересы нерѣдко сталкивались съ интересами другихъ классовъ общества и самого государя. Но эти столкновенія шли внѣ думы и очень слабо отражались на ея устройствѣ, какъ мы видѣли изъ ея исторіи съ половины XV в. По своему историческому складу боярская дума не сдѣлалась ареной политической борьбы. Такимъ ея характеромъ опредѣлились и ея дѣловыя правительственныя отношенія къ государю. Когда, при какихъ дѣлахъ сидѣть въ думѣ самому государю и какія дѣла дѣлать боярамъ безъ его личнаго присутствія, это не было политическимъ вопросомъ. Въ XVI в., который былъ временемъ натянутыхъ отношеній между госуда-

ремъ и боярствомъ, вопросы о прекращеніи войны, объ устройствѣ Казанскаго царства и о преобразованіи земскаго управленія разрѣшались въ думѣ безъ государя, какъ безъ него состоялся, судя по редакціи закона, и знаменитый приговоръ 24 ноября 1597 г. о сыскѣ и возвратѣ бѣглыхъ крестьянъ, а подробности законодательства о холопяхъ, какъ и о новокрещенахъ, не годившихся въ государеву службу, разрабатывались думой въ личномъ присутствіи государя. Въ одномъ случаѣ это присутствіе было обычно, если не необходимо—когда приговоръ боярь по дѣлу, уже рѣшенному безъ царя, докладывался въ окончательной формѣ, данной ему думнымъ дьякомъ. Но этотъ вторичный докладъ, о которомъ говоритъ Котошихинъ, имѣлъ цѣлью провѣрку дьячьей редакціи приговора и его окончательное утвержденіе, и не видно, чтобы цѣлью его была провѣрка самаго приговора боярь государемъ. Значить, засѣданіе думы въ присутствіи государя или безъ него имѣло только процессуальное значеніе, касавшееся не столько сущности дѣлъ, сколько порядка дѣлопроизводства.

Но приговоры, состоявшіеся въ думѣ безъ государя, представлялись ли ему на утвержденіе? Въ запискѣ объ устройствѣ Московскаго государства, составленной въ Смутное время по польскому заказу, читаемъ: «повинность бояромъ и окольничимъ и дьякомъ думнымъ быти всегда на Москвѣ при государѣ безотступно и засѣдать въ полатѣ, думати о всякихъ дѣлѣхъ, о чемъ государь роскажетъ и что царству Московскому належать будетъ, и доносятъ до государя думу дѣяки думные». Изъ этого описанія думы можно заключить, что она обыкновенно обсуждала то, что ей указывалъ или «росказывалъ» государь, не присутствуя лично на ея засѣданіяхъ; но послѣднія неясныя слова описанія не значать, что приговоры думы, состоявшіеся безъ государя, всегда представлялись думными дьяками на его утвержденіе. Памятники законодательства не поддерживаютъ

такого значенія извѣстія. Судебникъ 1550 г. опредѣляетъ и порядокъ дальнѣйшаго законодательства: новые законы вносятся въ кодексъ, «приписываются» въ Судебникъ, какъ новыя дѣла, не предусмотрѣнныя прежними законами, «съ государева доклада и со всѣхъ бояръ приговору вершатся». Вопросы о новыхъ законахъ вносились въ думу изъ приказовъ всегда на государево имя въ обычной формулѣ: «и о томъ великій государь что укажетъ»? Это и есть «государевъ докладъ» ¹⁾). Вопросъ докладывался на государево имя и потомъ разрѣшался боярскимъ приговоромъ: таковы два момента въ созданіи новаго закона; третьяго момента, представленія приговора всѣхъ бояръ на утвержденіе государю, не указываетъ Судебникъ. Отдѣльные законодательные акты подтверждаютъ такой порядокъ законодательства. Въ 1606 г. бояре одни безъ царя постановили приговоръ о служилыхъ кабалахъ по докладу Холопьяго приказа и «сесь свой приговоръ въ верху приказали въ приказѣ Холопья суда въ Судебникъ приписать», не доложивъ своего постановленія государю. Дума иногда обращалась съ докладомъ къ не присутствовавшему на засѣданіи государю, но не для того, чтобы представить на его утвержденіе свой приговоръ о дѣлѣ, а потому, что не умѣла или не хотѣла сама постановить приговоръ о немъ. Въ 1588 г. англійскій посолъ Флетчеръ просилъ себѣ аудіенціи, чтобы представить государю новую присланную изъ Англіи грамоту королевы Елизаветы. Думный дьякъ Посольскаго приказа А. Щелкаловъ сообщилъ объ этой просьбѣ боярамъ, а бояре доложили о томъ государю, «и государь приговорилъ съ бояры» отказать Флетчеру въ аудіенціи.

Извѣстенъ одинъ случай доклада государю боярскихъ приговоровъ. Въ 1636 г. Помѣстный приказъ представилъ царю 13 вопросовъ о помѣстьяхъ и вотчинахъ. Царь при-

¹⁾ Только въ послѣдствіи доклады Сенату заканчивались вопросомъ: „о томъ Правительствующій Сенатъ что повелить?“

казалъ рѣшить вопросы боярамъ, а что они приговорятъ, доложить себѣ. На другой день бояре разрѣшили 12 вопросовъ, а на третій день царь утвердилъ все ихъ приговоры безъ перемѣны. Остался безъ отвѣта одинъ вопросъ о правѣ владѣльцевъ продавать и закладывать вотчины, купленные ими изъ своихъ же подмосковныхъ помѣстій или изъ порожнихъ земель: бояре съ большимъ тактомъ объявили, что «имъ о томъ приговаривать невозможно, потому что за ними за самими такія вотчины». Государь самъ разрѣшилъ вопросъ, утвердивъ за владѣльцами это право. Но такой случай является рѣдкимъ исключеніемъ. Обычнымъ кажется тотъ порядокъ, какимъ по указу 1694 г. дума рѣшала безъ государя судныя дѣла, восходившія «въ верхъ» по челобитнымъ или по докладамъ изъ приказовъ: бояре рѣшали ихъ окончательно, докладывая государямъ лишь о томъ, чего имъ «за чѣмъ безъ ихъ, великихъ государей, именнаго указа вершить будетъ немочно». Значить, докладъ былъ не обязанностью думы, а ея отказомъ отъ своего права. Онъ не составлялъ особаго момента въ теченіи дѣла, а былъ только возстановленіемъ личнаго присутствія государя среди бояръ, слѣдствіемъ чего обыкновенно являлся приговоръ государя «съ бояры». Было, кажется, только два рода боярскихъ приговоровъ, которые всегда или часто представлялись на утвержденіе государю: это приговоры думы о мѣстническихъ спорахъ и о наказаніи за тяжкія вины. Государь пересматривалъ такіе приговоры, и пересмотръ втораго рода дѣлъ обыкновенно сопровождался помилованіемъ виновнаго или смягченіемъ его наказанія ¹⁾. Но по ходатайству духовенства государь смягчалъ и собственные приговоры о преступникахъ.

¹⁾ А. И. II, №№ 355 и 63. Временникъ Общ. Ист. и Др. Росс., кн. 8, стр. 58. Ср. Пам. дипл. снош. I, 1427. П. С. Зак. №№ 1491, 62, 1124, 1267 и 1429. Указн. кн. Пом. прик. 120—127. Ист. Сб. Общ. Ист. и Др. Р. V, 206. Разр. въ Симб. Сб. Валуева, 81.

Перечислимъ кратко дѣла, которыя разрѣшались въ общемъ собраніи думы, не различая ея засѣданій въ присутствіи царя или безъ него. Дума разрѣшала все правительственные вопросы, на которые дѣйствовавшій законъ не отвѣчалъ прямо и ясно или къ которымъ исполнительные органы управленія не умѣли примѣнить прямого и яснаго закона. Такіе вопросы можно раздѣлить на два разряда: дума опредѣляла частныя отношенія лицъ, входящія въ составъ гражданскаго порядка; она же опредѣляла отношенія лицъ къ государству, строила политическій порядокъ въ широкомъ смыслѣ слова. Дѣла перваго рода возбуждались въ думѣ частными просьбами или докладами изъ приказовъ; дѣла втораго рода вносили въ думу также указы и преимущественно самъ государь.

Черезъ думу проходило множество частныхъ дѣлъ, судебныхъ и другихъ. Для нѣкоторыхъ дума служила только распорядительнымъ передаточнымъ пунктомъ, приказывая дьяку помѣтить, «подписать» на челобитной, въ какой приказъ должно направить дѣло, чтобы тамъ учинили по нему указъ. Это были дѣла, которыя дума находила возможнымъ рѣшить на основаніи дѣйствующаго закона. Флетчеръ вѣрно отмѣтилъ эту распорядительную функцію думы. Другія дѣла дума рѣшала сама, какъ послѣдняя или первая правительственная инстанція. Въ качествѣ послѣдней инстанціи она рассматривала судныя дѣла, рѣшенныя въ подчиненныхъ учрежденіяхъ, но обжалованныя той или другой стороною. Такой инстанціей дума служила какъ для приказовъ, такъ и для собственныхъ комиссій ¹⁾. Кроме того дума вершила част-

¹⁾ Мы не думаемъ особо и подробно описывать дѣятельность думы, какъ высшей судебной инстанціи: есть спеціальныя труды по исторіи русскаго судоустройства и судопроизводства, гдѣ изображена роль думы въ древнерусскомъ судебномъ процесѣ. См. напримѣръ у г. Дмитріева I и III гл. его Исторіи судебныхъ инстанцій. Наша цѣль обозначить законодательный элементъ въ правительственныхъ дѣйствіяхъ думы какъ по суднымъ, такъ и по другимъ дѣламъ.

ныя дѣла, начатыя въ подчиненныхъ учрежденіяхъ, комиссіяхъ или приказахъ, но не рѣшенные ими. Въ этихъ дѣлахъ ее даже трудно назвать послѣдней инстанціей въ строгомъ смыслѣ этого слова: она не пересматривала рѣшенія, постановленнаго низшей инстанціей, а сама доканчивала дѣло и впервые произносила приговоръ по нему. Обиліе такихъ дѣлъ въ думѣ было слѣдствіемъ своеобразнаго способа, которымъ разграничивались компетенціи думы и подчиненныхъ ей учреждений. Раздѣльная черта между ними проводилась не степенью власти, а степенью разумнiя, если можно такъ выразиться. Не было точно опредѣлено, какія дѣла, поступающія въ приказъ, можетъ онъ рѣшать самъ и о какихъ долженъ докладывать думѣ. Приказъ переносилъ въ думу дѣла, которыхъ ему «за чѣмъ вершить было немочно»: таково было общее опредѣленіе приказной компетенціи. Можно было бы подумать, что такое неясное опредѣленіе открывало широкій просторъ превышенію власти со стороны приказовъ. Въ дѣйствительности было наоборотъ: старые московскіе приказы, какъ видно по ихъ докладамъ думѣ, скорѣе склонны были уменьшать свою власть, часто «не смѣли указать безъ государева указа» и вносили въ верхъ къ боярамъ такія дѣла, которыя они могли рѣшить сами на основаніи дѣйствующаго закона. Такое отношеніе приказовъ къ думѣ замѣтилъ и Флетчеръ; только онъ объяснялъ стѣсненіемъ сверху то, въ чемъ надобно видѣть слѣдствіе самоограниченія и нерѣшительности приказовъ. Судья, пишетъ Флетчеръ, такъ стѣсненъ въ отпращиваніи своей должности, что не смѣютъ рѣшить ни одного особеннаго дѣла сами собой, но должны пересылать его вполнѣ въ Москву въ царскую думу ¹⁾.

1) Флетчеръ, гл. 7: онъ разумѣлъ собственно областныхъ судей; но такъ какъ между областью и думой стоялъ приказъ, то, значить, стѣсненіе, о которомъ рѣчь, раздвѣляла и эта посредствующая инстанція.

Приговоры думы какъ по рѣшеннымъ дѣламъ, рѣшеніе которыхъ обжаловано, такъ и по дѣламъ, восходившимъ въ думу изъ приказовъ для вершенья, имѣли законодательное значеніе. Апелляція или «жалоба» въ древнерусскомъ судѣ, какъ извѣстно, имѣла характеръ обвиненія низшей инстанціи недовольной стороной въ несправедливомъ рѣшеніи дѣла: апелляціонная жалоба называлась «спорнымъ челобитьемъ» или челобитной «о неправомъ вершеньи на судей»; ея цѣлью было доказать, что судья «просудился», вершилъ дѣло «не дѣломъ». Судейскіе доклады думѣ не вершенныхъ дѣлъ, какъ мы видѣли, вызывались обыкновенно недоумѣніями судей, возбужденными недостаткомъ закона или его неясностью и противорѣчивостью. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ приговоръ думы пополнялъ, разъяснялъ и соглашалъ постановленія закона; въ первомъ случаѣ онъ провѣрялъ и исправлялъ пониманіе и примѣненіе закона подчиненнымъ мѣстомъ. Въ обоихъ случаяхъ дума развивала дѣйствовавшее законодательство. Приговоръ бояръ не ограничивался разрѣшеніемъ частнаго случая: обыкновенно онъ обобщалъ этотъ случай и извлекалъ изъ него постоянное правило на будущее время. Это правило выражалось въ обычной формулѣ, которой заканчивался приговоръ: «да и впредь бояре приговорили» и т. д. Сохранилось множество боярскихъ приговоровъ по частнымъ дѣламъ съ такимъ общимъ законодательнымъ заключеніемъ; это былъ наиболѣе простой и обычный древнерусскій способъ выработки закона. Впрочемъ боярскій приговоръ по частному случаю имѣлъ законодательное значеніе и безъ этой заключительной прибавки «да и впредь»: въ докладахъ и челобитныхъ его приводили какъ прецедентъ, основаніе для рѣшенія всѣхъ подобныхъ случаевъ, «выписывали на примѣръ» наравнѣ съ статьями Уложенія. Такіе прецеденты назывались въ докладахъ «примѣрными или образцовыми дѣлами». Когда дума измѣняла дѣйствовавшій законъ, она особой оговоркой «отставляла»

примѣры и образцовыя дѣла, рѣшенныя по этому закону, т. е. запрещала ими руководиться. Такимъ законодательнымъ значеніемъ приговоровъ по частнымъ дѣламъ дума отличалась, какъ законодательная власть, отъ приказовъ, какъ учрежденій судебно-административныхъ: приговоры приказовъ, не доложенные думѣ и ею не утвержденные, въ примѣръ не выписывались. Въ 1692 г. одному челобитчику, въ оправданіе своего иска приводившему дѣла, вершенныя въ приказѣ безъ доклада, въ боярскомъ приговорѣ было замѣчено, что «изъ такихъ вершеныхъ дѣлъ выписывать не довелось, потому что они вершены не по докладнымъ выпискамъ, а изъ такихъ дѣлъ, которыя вершены не по докладнымъ выпискамъ, на примѣръ не выписываютъ, а чинять указъ по Уложению и по новоуказнымъ статьямъ и по именнымъ указамъ и по боярскимъ приговорамъ». Такое же законодательное значеніе имѣли и приговоры судныхъ комиссій думы по утвержденіи ихъ общимъ собраніемъ. Извѣстенъ боярскій приговоръ 12 марта 1680 г. по дѣлу о приданой жениной вотчинѣ, продаиной Воиномъ Ординымъ-Нащокинымъ, сыномъ знаменитаго канцлера. Приговоръ сопровождался общимъ постановленіемъ о порядкѣ укрѣпленія и записи за новыми владѣльцами жениныхъ вотчинъ, проданныхъ или заложенныхъ мужьями. 12 марта 1680 г., какъ видно по разряднымъ книгамъ, царя съ думой не было въ Москвѣ, гдѣ оставалась комиссія подъ предсѣдательствомъ кн. А. А. Голицына. Ей и принадлежалъ упомянутый приговоръ. Изъ одного позднѣйшаго доклада, въ которомъ дѣло Воина было выписано «на примѣръ», видно, что по возвращеніи царя этотъ приговоръ былъ 19 марта доложенъ «въ верху» и утвержденъ думой, которая при этомъ дала ему болѣе пространную редакцію, сославшись въ подкрѣпленіе его на неизвѣстный намъ боярскій приговоръ 12 марта 1677 г. Но изъ другаго доклада видно, что потомъ выписывали «на при-

мѣръ» краткій приговоръ комиссiи, а не болѣе развитую редакцію общаго собранiя ¹⁾).

Поземельныя дѣла XVII в., сохранившiяся во множествѣ, едвали не лучший матеріалъ для изученiя процесса, какимъ вырабатывались эти прецеденты, «примѣры и образцовыя дѣла», превращавшiяся потомъ въ законы. Поземельныя тяжбы были особенно сложны и кляузны, и въ нихъ всего нагляднѣе вскрывается дѣйствіе центральной правительственной машины Московскаго государства со всѣми ея подробностями и особенностями. Слѣдя за тѣмъ, какъ двигались ея неуклюжія, неповоротливыя и не всегда опрятныя колеса, какъ среди безконечной волокиты и постоянныхъ остановокъ, среди ябеды, взятокъ, встрѣчныхъ и поперечныхъ исконъ и кляузъ шли по этимъ колесамъ частныя дѣла, поднимаясь «въ верхъ къ бояромъ», и какъ въ концѣ этой трудной и медленной работы являлся боярскій приговоръ съ его обычнымъ «да и впредь», иногда поражающимъ своею ясностью, простотой и практическимъ смысломъ, — слѣдя за всѣмъ этимъ, невольно вспоминаешь трудную и грязную работу хлѣбопашца, въ концѣ которой является полное, чисто провѣянное и питательное зерно. Поземельныя дѣла всего лучше даютъ понятъ и своеобразное значеніе закона въ XVII в. Выѣзжій грекъ кн. Ѳ. Македонскій въ 1646 г. 4 октября началъ искъ о справкѣ за нимъ вотчины, заложенной ему и просроченной вдовой Плещеевой съ сыновьями. Истецъ подавалъ въ Судный Московскій приказъ челобитную за челобитной; приказъ только помѣчалъ на оборотѣ каждой челобитной: «записать его челобитье», и ничего не дѣлалъ. Наконецъ на *десятой* челобитной вышла помѣта: «поставить Плещеева съ братомъ въ приказѣ». Впрочемъ только по новой челобитной старшій Плещеевъ

1) П. С. З. №№ 633, 1447, 803 и 814, ст. 7. Отрывокъ доклада съ выпиской дѣла Война въ собраніи актовъ, принадлежащемъ автору. Дв. Разр. IV, 139 и сл.

былъ поставленъ въ приказъ и приложилъ къ ней руку въ томъ, что стать ему къ суду завтра, а не станетъ, на немъ истцовъ искъ, т. е. отвѣтчикъ будетъ обвиненъ безъ суда. Но отвѣтчикъ не сталъ на судъ, а черезъ день принесъ въ приказъ подписную челобитную, въ которой заявлялъ, что пропустилъ срокъ заклада, будучи на государевой службѣ, что теперь онъ отдаетъ свой долгъ кн. Македонскому, да тотъ своихъ денегъ брать не хочетъ. Это вызвало новый рядъ челобитій со стороны кн. Македонскаго. По *пятнадцатой* челобитной его приказъ внесъ въ думу докладную выписку о дѣлѣ, и дума 22 ноября 1646 г. приговорила оправить истца. Плещеевы, проигравъ тяжбу, начали разорять заложенную вотчину, вывозя оттуда крестьянъ, скотъ, хлѣбъ. Дѣло возобновилось и усложнилось еще тѣмъ, что родичи вдовы Плещеевой, урожденной Вердеревской, братья и племянники ея Вердеревскіе принялись наперерывъ одинъ передъ другимъ бить челомъ о выкупѣ своей родовой вотчины, а кн. Македонскій по условію закладной, уступая вотчину на выкупъ, искалъ на Плещеевыхъ 1000 рублей долговой ссуды, роста и убытковъ. Дѣло затянулось до іюля 1649 г. Македонскій билъ челомъ о перенесеніи дѣла въ Помѣстный приказъ изъ Суднаго Московскаго, гдѣ одинъ изъ судей былъ въ свойствѣ съ Вердеревскими, да и по нижегородскому имѣнію своему имѣлъ ссору съ Македонскимъ, своимъ сосѣдомъ. Вердеревскіе просили взнестъ дѣло въ расправную комиссію подъ предсѣдательствомъ кн. Пронскаго, такъ какъ государь съ боярами на ту пору случился въ походѣ въ селѣ Покровскомъ, а Плещеевы справили себѣ подписную челобитную о перенесеніи дѣла «къ бояромъ въ Покровское». Македонскій получалъ помѣту на челобитной, чтобъ указъ по дѣлу учиненъ былъ въ Помѣстномъ приказѣ по Уложенію, тогда только что отпечатанному; на подписной челобитной одного изъ Вердеревскихъ помѣчалось, чтобы дѣло доложено было кн. Пронскому съ

товарищами, а по помѣтѣ на челобитной Плещеевыхъ думный дьякъ Помѣстнаго приказа долженъ былъ взнести дѣло къ боярамъ въ Покровское. Плещеевы обвиняли Македонскаго въ томъ, что онъ въ своихъ челобитныхъ утайлъ указъ о докладѣ дѣла боярамъ въ Покровскомъ, а Македонскій обвинялъ Плещеевыхъ въ челобитѣ мимо Пронскаго самому государю и въ утайкѣ того, что дѣло уже разбиралось Пронскимъ. Пронской съ товарищами по докладу изъ Помѣстнаго приказа слушалъ дѣло и приговорилъ съ Вердеревскихъ, которые выкупали вотчину, взыскать Македонскому долгъ Плещеевыхъ 288 р., а съ Плещеевыхъ за неустойку и неочищенье 700 р., о ростѣ же черезъ Помѣстный приказъ справиться въ Судномъ Московскомъ, велѣно ли по новому государеву Уложенію брать ростъ на заемныя деньги или нѣтъ, на что изъ Суднаго приказа послѣдовалъ отвѣтъ, что въ приказѣ никакого такого государева Уложенія не сыскано, а въ вершенныхъ дѣлахъ въ подписныхъ челобитныхъ найдено, что «по заемнымъ кабаламъ въ Московскомъ Судномъ приказѣ ростовыхъ денегъ не указываютъ». Плещеевы просили послать въ Судный Московскій приказъ вторично справиться, велѣно ли по Уложенію брать ростъ; но Македонскій былъ челомъ не посылать въ Судный, а послать въ Челобитенный, гдѣ о такомъ дѣлѣ въ Уложеніи указъ навѣрное есть. Наконецъ въ Помѣстномъ приказѣ доискались въ Уложеніи статьи, которая гласила, что по правиламъ св. апостола и св. отецъ росту брать не велѣно, и даже высчитали зачѣмъ-то, сколько роста не придется Македонскому взять съ Плещеевыхъ на заемныя деньги за 1645 и 1646 г. Плещеевы однако остались недовольны приговоромъ Пронскаго и добились доклада дѣла государю съ боярами. Дума отмѣнила приговоръ комиссіи кн. Пронскаго и постановила оставить вотчину за кн. Македонскимъ, а Вердеревскимъ въ выкупѣ отказать на томъ основаніи, что эта вотчина за

Плещеевой отдана была въ приданое ея мужу и «изъ Вердеревскихъ роду вышла въ родъ Плещеевыхъ», которые заложили вотчину Македонскому и просрочили. Впродолженіе тяжбы обѣ стороны подали 45 подписныхъ и простыхъ челобитныхъ, изъ которыхъ 28 пришлось на долю истца кн. Македонскаго, и все это изъ-за половины деревни въ Рязанскомъ уѣздѣ съ 10 крестьянскими дворами и 138 десятинами пашни. За то приговоръ думы создавалъ важный прецедентъ или прибавлялъ еще одинъ новый къ прежнимъ по вопросу о предѣлахъ права рода на выкупъ отчуждаемыхъ его членами родовыхъ вотчинъ. Въ изложенномъ случаѣ приказная волокита является преимущественно слѣдствіемъ отношенія приказа къ челобитчикамъ. Въ другомъ дѣлѣ рядомъ съ этой выступаетъ другая причина, путаница вѣдомствъ, шатость порядка приказнаго дѣлопроизводства. Въ 1643 г. стольникъ Фефилатьевъ выпросилъ себѣ въ помѣстье подъ видомъ порожнихъ пустоши въ Московскомъ уѣздѣ, которыя оказались собственностью Угрѣшскаго монастыря; кромѣ того онъ захватилъ поле и сѣнокосъ одного изъ сель того же монастыря и произвелъ порубку монастырскаго лѣса на 120 руб. съ полтиной. Дѣло о земельномъ захватѣ разбиралось въ Помѣстномъ приказѣ, а о порубкѣ въ Разбойномъ. Монастырь подавалъ подписныя челобитныя, на которыхъ думный разрядный дьякъ помѣчалъ, что государь пожаловалъ, велѣлъ послать изъ Разряда дворянина для размежеванія спорныхъ земель, а въ Помѣстномъ приказѣ отмѣчали: «и по той помѣтѣ дворянинъ не посланъ». Въ 1649 г. по новой челобитной монастыря приказъ рѣшилъ было заготовить приговоръ объ очной ставкѣ по дѣлу о спорныхъ пустошахъ, какъ послѣдовало распоряженіе перенести и земельное дѣло Фефилатьева съ монастыремъ въ Разбойный приказъ, такъ какъ по государеву указу и подписной челобитной Фефилатьева велѣно судомъ вѣдать въ томъ приказѣ. Монастырь новой подписной отмолилъ переносъ

дѣла; но не смотря на новый рядъ просьбъ и помѣтъ, чтобы поставить отвѣтчика на очную ставку «не замѣшкавъ», Фефилатьевъ не являлся и даже уѣхалъ изъ Москвы. Дѣло остановилось на много лѣтъ. Между тѣмъ къ нему присоединялись новыя дѣла. Монастырь искалъ на Фефилатьевѣ учиненной имъ погравы и своза хлѣба съ монастырской пашни; отвѣтчикъ съ своей стороны вчинилъ цѣлый рядъ встрѣчныхъ исковъ о захватѣ его земли монастыремъ, о подговорѣ его крестьянъ, о воровскомъ прїѣздѣ игумена съ людьми въ его деревню съ боемъ и грабежемъ и наконецъ о безчестьи, такъ какъ въ монастырской челобитной его написали *Филатьевымъ*, а онъ былъ и есть Фефилатьевъ, а вовсе не Филатьевъ. Эти дѣла производились въ Судномъ Московскомъ приказѣ. Тяжба о захватѣ монастырской земли возобновилась въ 1661 г., и монастырь просилъ снести все его дѣла съ Фефилатьевымъ въ одинъ приказъ, только не въ Судный Московскій. Государь указалъ вѣдать монастырь судомъ въ Монастырскомъ приказѣ, но поземельную тяжбу его разрѣшить въ Помѣстномъ. Въ 1669 г. она еще не была разрѣшена и ее указано было рѣшить въ приказѣ Большаго Дворца, а два года спустя челобитья и другія бумаги по этому дѣлу велѣно было взять въ Судный Московскій. Тогда же и Фефилатьевъ писалъ въ челобитной, что его дѣла съ монастыремъ, производившіяся въ приказахъ Разбойномъ и Судномъ Московскомъ, потомъ «по промыслу» братіи «объявились» въ патриаршемъ Разрядномъ приказѣ; онъ просилъ все дѣла сосредоточить въ приказѣ Большаго Дворца. Такъ его встрѣчные иски изъ Суднаго Московскаго приказа были перенесены въ патриаршіи Разрядъ, оттуда въ Помѣстный, а отсюда наконецъ вмѣстѣ съ другими попали въ Большой Дворецъ. Послѣдній въ 1673 г. приговорилъ отдать захваченную землю монастырю, и писцы отмежевали ее отъ земель Фефилатьева. Но Фефилатьевъ и не думалъ повиноваться приговору: въ 1675 г. онъ «великимъ скопомъ,

собрался съ друзьями и совѣтниками, съ пистолѣми и сайдаки», на отсуженной землѣ пожалъ посѣянный монастырскими крестьянами хлѣбъ и покосилъ сѣно, а братію грозилъ «бить смертнымъ боемъ»; люди его на мѣстѣ сжатаго хлѣба даже засѣяли свое озимое на 1676 г. По докладу велѣно было разобрать дѣло въ Помѣстномъ приказѣ, а если тамъ рѣшить его по чему-либо будетъ немочно, взнести къ боярамъ. Вслѣдствіе этого распоряженія дѣло о землѣ и другія тяжбы Фефилатьева, перенесенныя въ Большой Дворецъ, были переданы оттуда въ Помѣстный приказъ. Въ 1676 г. это дѣло было доложено думѣ между прочимъ и потому, что неугомонный Фефилатьевъ чѣмъ-то обезчестилъ всѣхъ судившихъ его начальниковъ и дьяковъ приказа Большаго Дворца, вѣроятно, при обжалованіи ихъ приговора обвинилъ въ недобросовѣстномъ рѣшеніи дѣла. По приговору бояръ въ Золотой палатѣ пустоши были утверждены за монастыремъ, а за безчестье судей велѣно Фефилатьева оштрафовать и въ случаѣ несостоятельности бить кнутомъ. Но онъ и послѣ того не тотчасъ очистилъ захваченную землю, которой владѣлъ 34 года. Въ 1677 г. монастырь билъ челомъ о проторяхъ и убыткахъ, причиненныхъ ему Фефилатьевымъ. Челобитная была «подписана» и по ней велѣно указъ объ убыткахъ учинить въ Помѣстномъ приказѣ по Уложенію. Но и этого дѣла приказъ не рѣшилъ самъ. Не смотря на помѣту подписной челобитной онъ спрашивалъ въ докладѣ боярамъ, искать ли монастырю своихъ убытковъ судомъ, или «по Уложенію указывать». Притомъ Уложеніе, опредѣляя сумму вознагражденія за захваченныхъ крестьянъ и сѣнные покосы, не указывало, сколько брать за пользованіе захваченной пашней. Не задолго до монастырскаго иска объ убыткахъ этотъ пробѣлъ въ Уложеніи былъ устраненъ боярскимъ приговоромъ, по которому за владѣніе захваченной пашней положено было взыскивать съ захватившаго по 2 рубля «за десятину, которая съ хлѣбомъ, а безъ хлѣба за

десятину по рублю». Приказъ спрашивалъ думу въ своемъ докладѣ, можно ли рѣшить дѣло по этому приговору ¹⁾.

Такъ вмѣстѣ съ своенравіемъ древнерусской приказной подсудности обнаруживается своеобразное отношеніе приказа къ закону. Когда не было закона на извѣстный случай, думу спрашивали, какъ рѣшить дѣло; когда существовалъ подходящий къ случаю законъ, ее спрашивали, можно ли по этому закону рѣшить дѣло. Законъ еще не получилъ надлежащей твердости, постоянства; исполнительныя учрежденія предполагали возможность ежеминутной его переменны или отмѣны. Сама законодательная власть раздѣляла этотъ взглядъ и иногда простодушно сознавалась, что руководствуется соображеніями минуты. Въ 1627 г. царь и его отецъ патріархъ приказали отнюдь никому не давать помѣстій и вотчинъ изъ дворцовыхъ селъ и деревень, потому что не доставало доходовъ на дворцовыя надобности. Въ указѣ было прибавлено: «и хотя буде ихъ государскій и приказъ будетъ по чьему челобитью, велеть выписать кому дворцовое село или деревни къ отдачѣ, и сей ихъ государскій указъ памятовать и докладывать ихъ, государей». Приказы Помѣстный и Дворцовый обязаны были памятовать это распоряженіе, а сама власть не надѣялась на свою память или твердость, боялась въ отдѣльных случаяхъ подъ вліяніемъ лицъ и обстоятельствъ отступить отъ принятаго рѣшенія и предписывала исполнителямъ не исполнять безъ особаго доклада ея приказаній, несогласныхъ съ этимъ рѣшеніемъ: приказный докладъ становился для законодательной власти средствомъ надзора

¹⁾ Дѣло кн. Македонскаго см. въ столбцѣ Помѣстн. приказа въ Моск. архивѣ мин. Юстиціи по г. Рязани № 15, дѣло № 14: за сообщеніе копіи этого дѣла приношу мою благодарность помощнику начальника I отдѣл. этого архива А. Н. Зерцалову. Дѣло Фефилатьева тамъ же въ столбцѣ по г. Москвѣ № 32956, дѣло № 3. Ср. новоуказныя статьи 10 марта 184 г. въ П. С. З. № 633.

за своими собственными дѣйствіями! Въстѣ съ тѣмъ не существовало и точно опредѣленнаго законодательнаго порядка. По приговору государя со всеми боярами въ 1597 г. вольные люди, прослужившіе у кого-нибудь не меньше полугода безъ кабалной записи, становились кабалными холопами, хотя бы они и не хотѣли давать на себя кабалъ. Царь Василій Шуйскій въ 1607 г. отмѣнилъ этотъ законъ, запретивъ такихъ добровольныхъ холопей отдавать ихъ господамъ въ кабалное холопство, если они сами не хотѣли дать на себя кабалъ, и прибавивъ въ объясненіе новаго закона: «не держи холопа безъ кабалы ни одного дни, а держалъ безкабално и кормилъ, и то у себя самъ потерялъ». Указъ царя былъ записанъ въ Судебникъ. Въ 1609 г. судьи Холопьяго приказа докладывали объ этой статьѣ въ верху боярамъ, и бояре одни безъ царя приговорили царскій указъ 1607 г. отмѣнить и возстановили прежній законъ 1597 г., также записанный въ Судебникъ. Можно подумать, что такое распоряженіе бояръ было слѣдствіемъ политическаго значенія думы, пріобрѣтеннаго при этомъ царѣ въ силу договора съ нимъ, проявленіемъ ея новаго права законодательствовать безъ царя и даже вопреки его волѣ. Но такое мнѣніе было бы не совсѣмъ вѣрно. При отсутствіи подлиннаго договора этого царя съ боярами нельзя сказать, былъ ли тамъ установленъ подробно порядокъ законодательства. Но можно замѣтить по дѣйствіямъ думы въ это царствованіе, что для царя Василя стало по договору только *обязательно* то, что было *обычно* при прежнихъ царяхъ. Еще до боярскаго приговора 1609 г. мѣсяца за 4 царь Василій самъ отступился отъ своего указа 1607 г., отмѣненнаго потомъ боярами, постановивъ добровольныхъ холопей, служившихъ безъ кабалъ лѣтъ пять, шесть или больше и не хотѣвшихъ давать на себя кабалъ, отдавать въ кабалное холопство тѣмъ, кому они служили. Что еще любопытнѣе, послѣдній указъ данъ былъ

царемъ какъ временная мѣра, пока этотъ вопросъ не будетъ разрѣшенъ боярскимъ приговоромъ: давая его, царь «рекъ о томъ говорить съ бояры». Очевидно, боярскій приговоръ 1609 г. былъ слѣдствіемъ этого разговора царя съ боярами, а не актомъ конституціонной оппозиціи послѣднихъ первому. При царѣ Федорѣ Алексѣевичѣ, когда не существовало ни такой оппозиціи, ни самой конституціи, встрѣчаемъ явленіе еще болѣе странное на первый взглядъ: низшая правительственная инстанція, комиссія думы, отмѣняетъ законъ, изданный высшей инстанціей, государемъ съ думой. 18 января 1681 г. въ отсутствіе государя кн. Н. И. Одоевскій съ товарищами слушалъ и утвердилъ рядъ докладныхъ статей Помѣстнаго приказа о помѣстьяхъ и вотчинахъ. Одна изъ этихъ статей, касавшаяся порядка раздачи лишнихъ земель, оказавшихся за владѣльцами по писцовымъ книгамъ сверхъ ихъ помѣстныхъ и вотчинныхъ дачъ, была несогласна съ приговоромъ государя и бояръ 1680 г., дававшимъ нѣкоторую льготу тѣмъ владѣльцамъ или наслѣдникамъ тѣхъ владѣльцевъ, которые захватили лишнія земли до Уложенія 1649 г., сравнительно съ тѣми, кто сталъ владѣть такими землями послѣ Уложенія. Приговоръ этотъ основанъ былъ на докладной выпискѣ Помѣстнаго приказа, въ которой пропущены были указы, уравнивавшіе въ этомъ отношеніи оба разряда владѣльцевъ. На основаніи такой неполноты доклада комиссія кассировала постановленіе государя съ боярами, а 10 дней спустя государь и бояре, которымъ были доложены слушанныя комиссіей статьи, утвердили приговоръ кн. Одоевскаго съ товарищами. Дума законодательствовала при царѣ Федорѣ точно такъ же, какъ она законодательствовала и при царѣ Василии Шуйскомъ. Оба изложенные случая вышли изъ одинаковаго источника, изъ взгляда на законъ, господствовавшаго въ XVI и XVII в. Если рѣшеніе по частному случаю получало силу закона, то и общій законъ являлся похожимъ на частную временную

мѣру. Онъ еще не получилъ значенія постояннаго, рѣшительнаго правила, которому должны подчиняться существующія житейскія отношенія; онъ самъ приноровлялся къ этимъ отношеніямъ, устанавливавшимся независимо отъ него подъ другими вліяніями. Общеобязательнымъ считалось то, что исходило отъ верховной власти, на то уполномоченной. Но эта власть примѣнялась къ обстоятельствамъ, прислушивалась къ потребностямъ минуты, выискивала наиболѣе подходящія къ нимъ законодательныя нормы, терпѣла неудачи, ошибалась и поправлялась, вообще дѣйствовала безъ всякой самоувѣренности и самолюбиваго упрямства: она давала законъ, какъ временную мѣру, пробный проектъ, и охотно поступалась имъ для новаго болѣе удачнаго опредѣленія, откуда бы оно ей ни подсказывалось. Вдова Бахтеярова сдала свое прожиточное помѣстье зятю, обязавшемуся по смерти ея кормить и выдать замужъ ея дочерей, своихъ свояченицъ, а зять, не дождавшись ея смерти, промѣнялъ сдаточное помѣстье подъячему Разряда. Судья Помѣстнаго приказа кн. Троекуровъ въ 1689 г. приговорилъ подъячему въ его просьбѣ объ утвержденіи сдѣлки его отказать и помѣстье возвратитъ вдовѣ. Но кн. Троекуровъ поступилъ несогласно съ закономъ 1679 г., который, видоизмѣняя статью Уложенія, запрещалъ отбирать такія сдаточныя и промѣненныя помѣстья у тѣхъ, кто ихъ вымѣнялъ, и возвращать сдатчикамъ. Дума утвердила приговоръ Помѣстнаго приказа, а свой приговоръ 1679 г. отмѣнила, возстановивъ дѣйствіе статьи Уложенія. Такой взглядъ на законъ дѣлалъ законодательство тѣхъ вѣковъ доступнымъ широкому вліянію со стороны общества; въ приговорахъ думы, отмѣнявшихъ или подтверждавшихъ прежде изданныя узаконенія, нерѣдко читаемъ: «бояре, сію статью слушавъ, приговорили отставить для челобитья и спору всякихъ чиновъ людей». Благодаря всему этому въ московскомъ законодательствѣ господствовало необычайное движеніе: рядомъ съ изданіемъ новыхъ законовъ шелъ по-

стоянный пересмотръ старыхъ, которые дополнялись или ограничивались, измѣнялись или отмѣнялись; Судебникъ, Уложеніе, отдѣльные уставы или «статьи» становились анахронизмами, отставали отъ законодательнаго теченія, едва успѣвъ по выходѣ изъ думы достигнуть казенки столичнаго приказа или областного управителя. Уложеніе 1649 г. признало дочерей съ ихъ сыновьями наслѣдницами и вотчичами родовыхъ и выслуженныхъ вотчинъ отцовъ при отсутствіи братьевъ. Черезъ годъ право нисходящихъ по женской линіи было ограничено въ пользу боковыхъ родственниковъ. Въ 1676 г. это ограниченіе отмѣнено и восстановлено дѣйствіе статьи Уложенія; въ слѣдующемъ году былъ подтвержденъ этотъ приговоръ. Такая подвижность сообщаетъ великій историческій интересъ этому законодательству, позволяя слѣдить шагъ за шагомъ, какъ московскіе государи съ своими боярами строили право и государственный порядокъ ¹⁾.

Эта торопливая постройка мелкими частями производила на сторонняго наблюдателя такое впечатлѣніе, которое заставляло его думать, будто въ Московскомъ государствѣ не было постояннаго закона, а его мѣсто занимали текуція распоряженія правительства. Здѣсь, пишетъ одинъ изъ такихъ наблюдателей въ концѣ XVI в., нѣтъ письменныхъ законовъ кромѣ одной небольшой книги, въ коей опредѣляются порядокъ и формы суда; но нѣтъ вовсе правилъ, которыми могли бы руководствоваться судьи, чтобы признать самое дѣло правымъ или неправымъ; единственный законъ у нихъ есть законъ изустный, т. е. воля царя, судей и другихъ должностныхъ лицъ. У Москвитянъ нѣтъ писаннаго права, повторяетъ другой въ концѣ XVII вѣка: воля государя и указъ думы считаются у нихъ верховнымъ закономъ.

¹⁾ Указн. книга Помѣстн. приказа, 47. А. Ист. I, стр. 420; II, стр. 114 и 116. П. С. З. №№ 860, 1264 и 814, 1341 и 774, 700 (о вотчинахъ ст. 3, ср. № 33 и Уложеніе, XVII, 4).

Стороннимъ наблюдателямъ не былъ замѣтенъ осадокъ, какой оставался отъ потока государевыхъ указовъ и боярскихъ приговоровъ. Рядомъ съ законодательствомъ по текущимъ дѣламъ шла кодификація. Хотя каждое новое дѣло разрѣшалось на основаніи подробной докладной выписки прежнихъ къ нему подходящихъ случаевъ и узаконеній, что поддерживало движеніе законодательства въ одномъ направленіи, однако накоплялись законы, которыхъ исполнители не умѣли согласить другъ съ другомъ; притомъ усиленный пересмотръ то-и-дѣло «отстаивалъ» однѣ статьи, замѣняя ихъ другими. Отъ этого приказу становилось трудно разобраться въ своей записной книгѣ указовъ и приговоровъ, откуда онъ выписывалъ въ докладъ «примѣры и образцовыя статьи». Государь съ думой руководилъ разборкой наличнаго законодательнаго запаса, скоплявшагося послѣ Уложенія, устанавливая порядокъ дальнѣйшей кодификаціи. Сверхъ общихъ записныхъ книгъ, куда заносились въ хронологическомъ порядкѣ государевы указы и боярскіе приговоры, приказы обязаны были вести списки тѣхъ статей закона, которыя отмѣнялись, чтобы по нимъ дѣлать не дѣлать и «на примѣръ» ихъ не выписывать. Когда въ приказахъ накоплялись вершennыя дѣла съ боярскими приговорами, разрѣшавшими случаи, которыхъ не предвидѣло Уложеніе, приказы, каждый по своему вѣдомству, выписывали эти приговоры и къ нимъ присоединяли обыкновенно въ формѣ вопросовъ свои проекты на встрѣчавшіеся въ ихъ практикѣ случаи, не разрѣшенные ни Уложеніемъ, ни позднѣйшими боярскими приговорами, «дѣлали статьи вновь, какія въ которыхъ приказѣхъ впредь къ вершенью всякихъ дѣлъ пристойны». Расположивъ эти выписки и проекты статьями въ тетрадяхъ, приказы прямо или чрезъ Разрядъ вносили ихъ въ думу. Любопытнымъ образчикомъ такой работы могутъ служить новоуказныя статьи о помѣстьяхъ и вотчинахъ 1676 и 1677 г. По распоряженію начальника въ Помѣстномъ приказѣ въ 1676 г. выписали

статьи Уложения о помѣстьяхъ и вотчинахъ и боярскіе приговоры о томъ же предметѣ, состоявшіе послѣ Уложения и съ нимъ «несходные». Присоединивъ къ этому нѣсколько вновь написанныхъ своихъ статей, которыми пополнялись Уложение и боярскіе приговоры, т. е. указывалось, чего въ нихъ не доставало, приказъ составилъ двѣ докладныя выписки, одну о помѣстьяхъ, другую о вотчинахъ, и въ разныхъ числахъ марта внесъ ихъ въ думу. Бояре выслушали доклады, положили подъ каждой статьей свой приговоръ и велѣли всѣмъ думнымъ дьякамъ закрѣпить оба акта. Но оказалось, что статьи эти вызываютъ много споровъ, апелляціонныхъ жалобъ, и нѣкоторыя изъ нихъ думѣ пришлось измѣнить вскорѣ послѣ ихъ утвержденія. Помѣстный приказъ соединилъ обѣ докладныя выписки въ одну и въ новой редакціи, исправленной и дополненной, въ 1677 г. доложилъ боярамъ, которые утвердили нѣкоторыя изъ своихъ прошлогоднихъ приговоровъ, другіе дополнили, а третьи отмѣнили. Такъ составилось нѣчто похожее на уставъ о помѣстномъ и вотчинномъ землевладѣніи. Вотъ для примѣра изложеніе первой статьи его. Землевладѣльцы мѣняются между собою землями «съ переходими четвертьми», т. е. съ неоднаковымъ количествомъ десятинъ пашни. Уложение допускаетъ утвержденіе такихъ сдѣлокъ, когда переходихъ четвертей немного, но не говоритъ, сколько именно. 22 февраля 1676 г. бояре приговорили утверждать переходячія четверти, сколько бы ихъ ни было написано въ заручной челобитной мѣняющихся. 9 августа того же года бояре приговорили: лишнихъ четвертей должно быть не больше 10 на 100. 6 апрѣля 1677 г. бояре приговорили, въ уваженіе челобитья всякихъ чиновъ людей, поступать по приговору 22 февраля, такъ какъ мѣна полюбовная. Нынѣ 10 августа бояре, сей статьи слушавъ, приговорили: быть по приговорамъ 22 февраля и 6 апрѣля ¹⁾.

¹⁾ Флетчеръ, гл. 14. Корбъ, стр. 273. П. С. З. №№ 1022, 900, 700, 633 и 634.

Таковы были моменты московскаго законодательнаго процесса: сначала докладъ приказа по дѣлу, не предусмотрѣнному закономъ или чѣмъ-нибудь возбудившему недоумѣніе судьи; потомъ боярскій приговоръ, разрѣшавшій это дѣло и присоединявшій къ рѣшенію общее постановленіе на всѣ подобныя случаи; затѣмъ выборка и сводъ такихъ приговоровъ по предметамъ въ статейные докладные списки; далѣе пересмотръ приговоровъ думой по статейному списку, ихъ исправленіе, дополненіе и утвержденіе. Такъ обрабатывались различныя части московскаго законодательства до Уложенія 1649 г., какъ и послѣ него; такъ вырабатывалось московское право. Оставался еще моментъ, послѣдній: это сводъ отдѣльныхъ статейныхъ списковъ въ цѣльный кодексъ. Такимъ сводомъ и было Уложеніе 1649 г. для законодательства предшествующаго времени. Въ 1700 г. предпринята была такая же работа надъ многочисленными новоуказными статьями, явившимися послѣ Уложенія царя Алексѣя. Изъ этой работы должно было выйти новое Уложеніе, которое относилось бы къ старому такъ же, какъ Судебникъ 1550 г. относился къ Судебнику 1497 г. Но это дѣло не удалось, какъ не удавалось оно во весь XVIII в.

Создавая законъ, дума строила и государственный порядокъ, обезпечивавшій его дѣйствіе. Она съ государемъ вела дѣла внѣшней политики и народной обороны, дѣлала распоряженіе о мобилизаціи войскъ, составляла планы военныхъ операцій и т. п. Она же вѣдала и тѣсно связанное съ этими дѣлами государственное хозяйство. Новые налоги, постоянные и временные, прямые и косвенные, вводились обыкновенно по приговору бояръ. Участіе выборныхъ представителей земли въ этомъ дѣлѣ было лишь вспомогательнымъ средствомъ финансовой политики думы, служило простой справкой. Характеръ этого участія выражается въ вопросѣ, какой предложенъ былъ въ 1681 г. выборнымъ изъ городовъ по поводу назначеннаго думой

новаго оклада «стрѣлецкихъ денегъ»: «нынѣшній платежъ платитъ имъ въ мочь, или не въ мочь, и для чего не въ мочь»? Когда выборные заявили, что платитъ имъ сполна не въ мочь, и объяснили, почему не въ мочь, ихъ отпустили по домамъ, а бояре приговорили положить новый окладъ «передъ прежнимъ съ убавкою». Въ этомъ отношеніи Салтыковъ съ товарищами, заключая договоръ съ польскимъ правительствомъ 4 февраля 1610 г., формулировалъ только московскій политическій обычай, поставивъ условіе, чтобы новыя подати вводились съ согласія думныхъ людей, а не съ согласія выборныхъ всей земли. Выпускъ монеты новаго чекана, назначеніе подарковъ, какіе должно было повезти къ иностранному двору московское посольство, всѣ экстраординарные расходы, назначеніе и выдача жалованья ратнымъ людямъ передъ походомъ, даже выдача окладнаго жалованья впередъ дьякамъ, ѣхавшимъ въ командировку,—эти и имъ подобныя болѣе или менѣе экстренныя мѣры вызывали докладъ и разрѣшались самой думой ¹⁾. Но вообще слѣды финансовой дѣятельности думы въ памятникахъ сравнительно скудны. Теченіе казенныхъ суммъ—это была статья московскаго управленія, наиболѣе тщательно разработанная и установленная такими заботливыми хозяевами, какъ московскіе государи; потому здѣсь меньше возникало недоумѣній, требовавшихъ указанія со стороны законодательной власти. Въ одной важной отрасли государственнаго хозяйства исполнительныя учрежденія на каждомъ шагѣ должны были обращаться къ думѣ за указаніями: это была раздача казенныхъ земель въ помѣстное и вотчинное

1) Чт. въ Общ. Ист. и Др. Р. 1880 г., кн. 3: приговоръ о Чигир. походѣ. А. А. Эксп. IV, № 250. А. Ист. V, №№ 77 и 83. П. С. З. №№ 494, 499, 876, 879, 882 и др. П. С. Р. Лѣт. VI, 297. Г. Викторова, Опис. записн. книгъ дворц. приказовъ, I, 139. Десятина Рязская 1579 г. № 94 въ Моск. арх. мин. Юст. Боярск. кн. 1604 г. № 2 въ Моск. арх. мин. Ин. Дѣль, л. 53.

владѣніе. Здѣсь даже текущія дѣла восходили по докладу «въ верхъ».

Недостаточно извѣстны подробности того, какъ возникало и складывалось московское центральное и областное управление, дѣйствовавшее въ XVI и XVII в. Но боярскій совѣтъ надобно признать постояннымъ сотрудникомъ государя въ этомъ дѣлѣ. Крупныя и мелкія административныя реформы этихъ вѣковъ шли изъ думы или черезъ думу. По актамъ XVI и XVII в. видимъ, что дума устанавливала областное административное дѣленіе, разграничивала вѣдомства центральныхъ и областныхъ учреждений, опредѣляла порядокъ дѣлопроизводства въ нихъ, особенно порядокъ суда уголовнаго и гражданскаго, давала общія правила для назначенія областныхъ управителей, указывала предѣлы ихъ власти, вводила новыя должности или отмѣняла старыя, предметы вѣдомства закрываемыхъ приказовъ вмѣстѣ съ книгами передавала другимъ учрежденіямъ и т. п.¹⁾ Иногда она касалась и еще болѣе важныхъ вопросовъ государственнаго устройства. Отъ царствованія Федора Алексѣевича остался одинъ странный документъ, заслуживающій изученія: это проектъ росписи высшихъ чиновъ и должностей по степенямъ. Высшія должности, обозначенныя въ этой росписи, трехъ родовъ: военныя, придворныя и гражданскія. Высшихъ военныхъ сановниковъ 14: «дворовый воевода», что то въ родѣ военнаго министра и вмѣстѣ начальника походной царской квартиры, «оружейничей», фельдцейгмейстеръ, два инспектора пѣхоты и кавалеріи («боляринъ надъ пѣхотою» и «боляринъ надъ конною ратію», которыхъ не было въ прежнемъ составѣ московскаго военнаго управления) и 10 «воеводъ» мѣстныхъ «рядовъ» или военныхъ округовъ; среди этихъ воеводъ по-

¹⁾ А. И. I, № 154; III, № 167. П. С. З. №№ 1150, 1293, 951, 617, 441, 1085, 1277, 508, 779 и др. Записки отд. русск. и слав. арх. Р. Арх. Общ. II, 45, 51 и др.

ставленъ и «обоихъ сторонъ Днѣпра гетманъ». Придворные сановники, дворецкій, кравчій, главный чашникъ и постельничій, существовали и прежде при московскомъ дворѣ. Рядъ гражданскихъ сановниковъ открывается «предстателемъ и разсмотрителемъ надъ всеми судіями царствующаго града Москвы», т. е. министромъ юстиціи, съ коллегіей 12 «засѣдателей», боярь и думныхъ людей: это знакомая намъ Расправная палата, ставшая постояннымъ учрежденіемъ не задолго до составленія разсматриваемой росписи. За министромъ юстиціи слѣдуютъ 60 намѣстниковъ, носившихъ имена разныхъ городовъ государства; первое мѣсто между ними занимаетъ «намѣстникъ Володимерской», второе «намѣстникъ Новгородской» и т. д. Рядъ гражданскихъ сановниковъ оканчивается печатникомъ и думнымъ посольскимъ дьякомъ. Всѣ эти должности распределены на 34 степени, изъ которыхъ однѣ, такъ сказать, единоличныя, а къ другимъ причислено по нѣскольку сановниковъ: такъ первую степень составляетъ «разсмотритель надъ судіями» съ своими 12 товарищами, а къ послѣдней 34-ой степени отнесены 20 намѣстниковъ, печатникъ и думный посольскій дьякъ. Кромѣ того въ росписи удержано и прежнее дѣленіе должностной іерархіи по думнымъ чинамъ на боярь, окольныхчихъ и думныхъ дворянъ. Одною изъ особенностей этой росписи является наклонность называть греческими, собственно византійскими терминами не только вновь проектированныя, но и старыя должности московскаго управленія: такъ министр юстиціи или первый бояринъ Расправной палаты названъ *дикеофилаксомъ*, блюстителемъ правосудія, кравчій *куропалатомъ* и т. п. Въ составленіи росписи участвовалъ, очевидно, какой-нибудь служившій въ Москвѣ грекъ, можетъ быть извѣстный въ то время переводчикъ Посольскаго приказа Николай Спафарій. Роспись эта непонятна во многихъ отношеніяхъ. Между прочимъ трудно угадать, для чего она составлена. Она явилась вскорѣ послѣ отмѣны мѣстничества и была повидимому вызвана этимъ

актомъ 12 января 1682 г. Самое количество высшихъ должностей, которыхъ въ проектѣ обозначено 92, не считая гетмана и думнаго посольскаго дьяка, рассчитано на тогдашній личный составъ думы: въ началѣ 1682 г. членовъ ея въ высшихъ думныхъ чинахъ бояръ, окольниковихъ и думныхъ дворянъ было около 90, не считая думныхъ дьяковъ¹⁾. До отмѣны мѣстничества лица высшей правительственной іерархіи разсаживались по мѣстническому старшинству, по породѣ. Теперь іерархію, основанную прежде на родовитости *лицъ*, хотѣли, можетъ быть, построить на сравнительной важности *должностей*. Но зачѣмъ, казалось бы, создавать новое основаніе, когда было подъ руками одно изъ старыхъ? Когда пало «отечество», оставалось старшинство чиновъ, а въ предѣлахъ каждаго чина старшинство службы: на этомъ чиновномъ и служебномъ старшинствѣ держалась іерархія дьяковъ и подъячихъ по приказамъ. Между тѣмъ дума и по отмѣнѣ мѣстничества оставалась вѣрна чисто мѣстническому взгляду, не признавала старшинства по службѣ въ извѣстномъ чинѣ: боярину, который въ 1693 г. доказывалъ свое превосходство передъ другими тѣмъ, что раньше ихъ былъ пожалованъ въ этотъ чинъ, дума, отвергнувъ значеніе породы, заявила однако: «кто прежде или послѣ пожалованъ, о томъ принять къ безчестью не для чего». Но кромѣ своей видимой ненужности роспись отличается еще недостаткомъ смысла. Въ сношеніяхъ съ иноземными правительствами московскимъ сановникамъ былъ обычай давать для парада титулы намѣстниковъ разныхъ городовъ

1) Роспись въ Архивѣ ист.-юрид. свѣдѣній, г. Калачова, кн. I, отд. 2, стр. 23—33. Подъ актомъ объ отмѣнѣ мѣстничества подписались 88 бояръ, окольниковихъ и думныхъ дворянъ и 10 думныхъ дьяковъ. Но этотъ списокъ повидимому не полонъ: нѣтъ напримѣръ бояр. кн. М. А. Голицына и околн. А. С. Хитрово. Собр. гос. гр. и дог. IV, стр. 407 и сл.; ср. съ разрядомъ 190 г. въ приложеніи къ XIV тому Ист. Россіи Соловьева.

государства, въ которыхъ они никогда не намѣстничали. При встрѣчѣ съ иноземными герцогами и графами, съ польскими маршалками, воеводами и старостами разныхъ городовъ Москва хотѣла показать, что и у нея есть обильный запасъ титулованныхъ магнатовъ не хуже заграничныхъ, что «свейскаго короля великому и полномочному послу графу Оксенстерну» не стыдно имѣть дѣло съ «ближнимъ бояриномъ и намѣстникомъ Тверскимъ княземъ Ю. А. Долгоруково» или съ «бояриномъ и намѣстникомъ Шацкимъ, царственныя большія печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегателемъ» Аѳ. Лавр. Ординымъ-Нащокинымъ; для пущей важности московскаго дипломата иногда писали въ актѣ дворецкимъ «имени ддя, а онъ былъ не дворецкій», какъ откровенно признавалась оффиціальная записъ. Все это имѣло свой дипломатическій смыслъ. И въ разбираемой росписи многочисленныя намѣстничества только титулы, а не должности: дѣйствительная обязанность этихъ намѣстниковъ, по объясненію росписи, состояла въ томъ, что когда государь созывалъ бояръ и думныхъ людей «для совѣту государственныхъ дѣлъ, они въ палатахъ садятся въ думѣ», т. е. они именно и были этими боярами и думными людьми. Трудно догадаться, зачѣмъ понадобилось украсить членовъ думы устарѣлыми званіями областныхъ намѣстниковъ, передъ кѣмъ изъ своихъ хотѣли блеснуть этимъ феодально-геральдическимъ орнаментомъ. Одинъ почти современный памятникъ объясняетъ происхожденіе и смыслъ этого проекта, смыслъ очень важный. Предполагалось раздѣлить государство на нѣсколько дѣйствительныхъ намѣстничествъ и разсѣять по нимъ наличныхъ представителей московской знати съ значеніемъ дѣйствительныхъ и притомъ *несмѣняемыхъ* намѣстниковъ. Самая замѣчательная черта этого замысла та, что починъ дѣла принадлежалъ самимъ боярамъ. Въ 190 г., рассказываетъ *Икона*, т. е. по всей вѣроятности въ концѣ 1681 г., когда возбужденъ былъ вопросъ объ

отмѣнѣ мѣстничества, совѣтовали царю Ѳедору «палатстѣи бояре», чтобы въ его державѣ «по подчиненнымъ единой власти государствамъ и царствамъ», въ Великомъ Новгородѣ, въ Казани и другихъ областяхъ были царскіе намѣстники, «великородные бояре», *вѣчно* и носили бы они «титла тѣхъ *царствъ*, гдѣ кто будетъ», одинъ, на примѣръ, писался бы бояриномъ и намѣстникомъ *княземъ* всего царства Казанскаго, другой — царства Сибирскаго и проч. Значить, проектированныя намѣстничества были не мелкіе уѣзды, на которые дѣлилось Московское государство, а цѣлыя историческія области, вошедшія въ составъ Московской державы и составлявшія прежде самостоятельныя государства. Сообразно съ новымъ административнымъ дѣленіемъ государства предполагалось устроить и епархіальное дѣленіе церкви. Царь далъ согласіе на предложеніе бояръ, и уже заготовили проектъ, «тетрадь» за помѣтою думнаго дьяка съ изложеніемъ того, «гдѣ кому быти и творити что». Оставалось испросить благословеніе патріарха на реформу, и къ нему препроводили тетрадь. Іоакимъ понесъ много труда и хлопотъ отъ «палатскихъ подустителей», настаивавшихъ, чтобы онъ то дѣло благословилъ и утвердилъ. Но патріархъ «всеконечно» возсталъ противъ проекта, указывая на политическія опасности задуманнаго преобразованія: великородные «вѣчные намѣстники», разбогатѣвъ и возгордившись, разрушатъ единовластіе, «многими годами» установленное, подѣлятъ между собою верховную власть и поколеблѣютъ государство, ибо раздѣлившееся царство, по евангельскому слову, не простоятъ долго, и тогда опять пойдутъ войны, нестроенія, гибель людей, всѣ тѣ несказанныя бѣды, какія были нѣкогда въ Русской землѣ, когда она дѣлилась на разныя княженія, какъ о томъ въ исторіяхъ и лѣтописныхъ книгахъ разсказывается всюду. Возраженія патріарха остановили этотъ проектъ аристократической децентрализаціи государства или, если можно такъ выразиться, попытку ввести въ московской Руси феодализмъ

польскаго пошиба ¹⁾). Разсмотрѣнная роспись чиновъ и должностей по степенямъ была уже передѣлкой этого не удавшегося проекта, въ которой отъ него остались только на мѣстническіе титулы членовъ думы, не имѣвшіе ни дипломатическаго, ни какого-либо инаго смысла.

Не смотря на скудость прямыхъ указаній, можно замѣтить, что дума имѣла широкое вліяніе на личный составъ управленія. По характеру ея отношеній къ государю и здѣсь, какъ въ другихъ дѣлахъ, не могло быть точно опредѣлено, въ какихъ случаяхъ назначаетъ на должности и возводитъ въ чины одинъ государь и въ какихъ вмѣстѣ съ думой. Изъ юмористической челобитной царя Алексѣя къ боярамъ видно, что онъ иногда самъ назначалъ на воеводства и жаловалъ въ стряпчіе и стольники по частнымъ ходатайствамъ думныхъ людей. Но гетмана Брюховецкаго государь пожаловалъ боярствомъ въ 1665 г., «говоря съ бояры»; точно также по приговору царя съ боярами провинціальныя дворяне за службу и полное терпѣніе изъ «дворовыхъ» возводились въ слѣдующій чинъ, писались «по выбору». Изъ записки того же царя, о чемъ говорить съ боярами, видимъ, что въ думѣ обсуждались вопросы о смѣнѣ городовыхъ воеводъ и назначеніи полковыхъ, какъ и вопросы о служебномъ передвиженіи самихъ полковъ по городамъ. Въ 1675 г. даже увольненіе отъ долж-

¹⁾ Икона или изображеніе дѣлъ патріаршаго престола, соет. въ 1700 г., по копіи Ундольскаго № 210, л. 38 и сл. (ср. г. Замысловскаго, Царств. Ѳедора Алексѣевича, I, приложенія, стр. XXXIV). Кажется, мысль о реформѣ возникла еще до образованія (въ ноябрѣ 1681 г.) той думской комиссіи съ выборными стольниками и другихъ чиновъ людьми, которая предложила отмѣнить мѣстничество. По крайней мѣрѣ связанный съ вопросомъ о намѣстничествахъ проектъ новаго распределенія епархій и архіереевъ по степенямъ, шедшій впереди другихъ царскихъ предложеній о церковныхъ преобразованіяхъ, былъ заявленъ патріарху съ соборомъ уже 2 сентября 1681 г. Собр. гос. гр. и дог. IV, №№ 131 и 128. Ср. А. Ист. V, № 75.

ности разбитого параличомъ втораго кievскаго воеводы состоялось по приговору государя съ боярами на особомъ за-сѣданіи думы, которое вызвано было докладомъ приказа объ этомъ дѣлѣ. Въ 1677 г. вообще запрещено было перемѣнять городовыхъ воеводъ и приказныхъ людей безъ именнаго указа, а въ именныхъ указахъ обыкновенно передавались приговоры государя съ думой. Воеводы назначались въ города изъ Разряда и другихъ приказовъ, но по докладу государю съ думой. Извѣстіе Татищева о таксѣ, по которой будто брали взятки въ Разрядѣ и Казанскомъ Дворцѣ за назначеніе на воеводство въ тотъ или другой городъ, показываетъ только, что дума обыкновенно утверждала кандидата, предложеннаго приказомъ. По волѣ государя или по указанію думы назначались и судьи приказовъ. Говоря о себѣ, какъ начальникъ Посольскаго приказа, А. Л. Ординъ-Нащокинъ писалъ царю въ 1669 г., что онъ служить ему по его государственной неисчетной милости, а не по *палатному* выбору; но знаменитый канцлеръ при этомъ противопоставлялъ себя правителямъ, которые «изъ палаты къ дѣламъ *по совѣту* выбраны». Государь вмѣстѣ съ думой распредѣлялъ правительственныя дѣла и между членами самой думы, при отъѣздѣ изъ Москвы совѣщался съ боярами, кому слѣдовать за нимъ и кому поручить управленіе столицей, или въ случаѣ войны кому изъ бояръ становиться во главѣ полковъ и какихъ именно и кому оставаться въ Москвѣ для текущихъ дѣлъ управленія ¹⁾).

1) Записки отд. русск. и слав. арх. Р. Арх. Общ. II, 712 и 734. П. С. З. №№ 375, 736, 704. Дв. Разр. III, 1175. Татищева Судебникъ, 137. Соловьевъ, XII, 71 и 72. Корбъ, 159. Разр. книга въ Симб. Сборн. Валугева, 16. Въ 1621 г. Б. Давыдовъ билъ челомъ, что ему меньше кн. Барятинскаго быть не мочно. Разрядный дьякъ, вышедши отъ бояръ, сказывалъ Давыдову приговоръ государя и бояръ: „вѣдаючи твое отечество, потому и выбрали тебя, что мочно тебѣ быть меньше кн. В. Барятинскаго“. Оба соперника были назначены полковыми воеводами. Дв. Разр. I, 470.

Надзоръ за ходомъ управленія можно признать одной изъ неясныхъ сторонъ дѣятельности думы. У нея не было особаго механизма для административнаго контроля, и она повѣряла дѣйствія подчиненныхъ учрежденій черезъ нихъ же самихъ. Она старалась имѣть подъ руками подробныя свѣдѣнія обо всемъ наличномъ составѣ управленія. Сборъ этихъ свѣдѣній былъ одной изъ специальныхъ обязанностей Разряда, какъ главнаго отдѣленія думской канцеляріи. Онъ составлялъ въ XVII в. «годовыя смѣты» всѣмъ служилымъ людямъ отъ боярина воеводы до послѣдняго пушкаря, служившимъ «съ денежнаго и хлѣбнаго жалованья или съ земли». Для этого въ началѣ каждаго года онъ разсылалъ по приказамъ памяти съ требованіемъ «рописей всякимъ людемъ» по вѣдомству каждаго. Всѣ приказы вели прихода-расходныя книги; отъ времени до времени съ «верху» требовали, чтобы начальники приказовъ велѣли сосчитать и доложили государю, сколько за извѣстное время получено дохода въ каждомъ приказѣ и сколько, на что и по какимъ указамъ израсходовано, также сколько государевой казны числится въ недоборѣ. Казенныя постройки въ городахъ разрѣшались только по докладу боярамъ, которые указывали порядокъ осмотра ветхихъ зданій и составленія смѣтъ для постройки новыхъ; повидимому и эти смѣты, составленныя на мѣстѣ, представлялись подлежащимъ приказомъ на утвержденіе думѣ. Наиболѣе обычнымъ средствомъ судебно-административнаго надзора оставался докладъ дѣль думѣ для окончанія ихъ или пересмотра. Этотъ докладъ, какъ мы видѣли, былъ добровольный или невольный: первый вызывался собственнымъ недоумѣніемъ подчиненной инстанціи, второй либо особымъ закономъ, запрещающимъ вершить извѣстныя дѣла безъ доклада, либо апелляціонной жалобой, даже «извѣтомъ», доносомъ. Приговоръ думы, вызванный докладомъ, не только провѣрялъ дѣйствія подчиненнаго мѣста, но и давалъ указаніе, какъ впредь дѣйствовать, создавалъ прецедентъ. Такимъ образомъ

законодательный процессъ становился и средствомъ контроля за управленіемъ, или контроль становился моментомъ законодательнаго процесса. Съ другой стороны, древнерусская апелляціонная жалоба по своему характеру влекла за собой судъ о правильности дѣйствій должностныхъ лицъ. Потому, какъ извѣстно, такой судъ сопровождался не только утвержденіемъ или отмѣной приговора низшей инстанціи, но и наказаніемъ жалобника или судьи¹⁾. Челобитья на судей по закону вносились къ боярамъ, т. е. въ общее собраніе думы или въ ея комиссію. Не смотря на строгость за ложную жалобу, тяжущіеся въ древней Руси любили бить челомъ «о неправомъ вершенъи на судей», и потому апелляція была для думы очень энергическимъ средствомъ контроля за дѣйствіями подчиненныхъ учрежденій, областныхъ и центральныхъ. Президентъ Юстицъ-коллегіи А. Матвѣевъ, сынъ извѣстнаго боярина при царѣ Алексѣѣ, вспоминая въ 1721 г. старину XVII в., писалъ Петру, что въ прошлыхъ годахъ, когда кн. Я. Ѳ. Долгорукій сидѣлъ въ Судномъ Московскомъ приказѣ, въ одинъ годъ съ полтора ста дѣлъ по челобитьямъ на его вершенъе было перенесено въ Расправную палату; а кн. Я. Ѳ. Долгорукій считался образцовымъ судьей²⁾. Судъ по дѣламъ службы, о неисправномъ исполненіи служебныхъ обязанностей входилъ въ составъ обширной политической юрисдикціи, принадле-

¹⁾ Уложеніе, X, 5—10. Въ 1675 г. бояринъ кн. Пронской обжаловалъ рѣшеніе по своему дѣлу, постановленное судьей Владимірскаго Суднаго приказа стольникомъ Морозовымъ будто бы „по недружбѣ“ къ боярину. По просьбѣ судьи государь велѣлъ думному разрядному дьяку взнести дѣло въ докладъ „въ верхъ“ и съ боярами утвердивъ приговоръ Морозова, указалъ доправить послѣднему за безчестье съ кн. Пронскаго 500 р. (болѣе 5000 на наши деньги). Дворц. Разр. III, 1287. Такіе случаи не рѣдки въ дѣлахъ XVII в.

²⁾ Соловьевъ, XVI, 192 и сл. Долгорукій сидѣлъ въ этомъ приказѣ съ 1689 и повидимому до 1697 г. Др. Р. Вивл. XX, 342; ср. Желябужскаго, 22, и Дв. Разр. IV, 990 и 1040.

жавшей думѣ. Послѣдняя не только вершила всѣ дѣла по государственнымъ преступленіямъ, но и производила по нимъ слѣдствіе, дѣлала распоряженія объ арестѣ и обыскѣ заподозрѣннаго, сама его допрашивала. Въ 1674 г. дума въ полномъ составѣ отправилась на Земскій дворъ, куда привезенъ былъ изъ Малороссіи самозванецъ Воробьевъ, допросила его съ пыткой, допросныя рѣчи послала съ начальникомъ Посольскаго приказа Матвѣевымъ къ государю, оставшись сама на Земскомъ дворѣ дожидаться государева указа, и когда вернулся Матвѣевъ съ указомъ государя, приговорила самозванца къ казни. Допросъ обвиняемаго въ присутствіи всѣхъ бояръ считался необходимымъ моментомъ правильно веденнаго политическаго процесса. Кн. Курбскій рассказываетъ, что когда приближенные царя Ивана оклеветали въ смерти царицы Анастасіи Сильвестра и Адашева, послѣдніе письменно и чрезъ митрополита просили у царя суда и очной ставки съ клеветниками: «да будетъ, писали они царю, судъ явственный предъ тобою и предо всѣмъ сенатомъ твоимъ». Упомянутый Матвѣевъ-сынъ въ запискахъ своихъ считаетъ совершенно неправильнымъ судъ надъ князьями Хованскими, которыхъ бояре и палатные люди, уступая настояніямъ царевны Софьи, въ 1682 г. осудили на смерть по заранѣе составленному приговору, «безъ всякаго розыска, какъ бы надлежало», не выслушавъ ихъ «очистокъ» въ своихъ винахъ. Нарушеніе важныхъ служебныхъ обязанностей имѣло значеніе государственнаго преступленія, разсматривалось какъ «воровство и измѣна» и судилось думой. Въ 1615 г. воевода кн. Барятинскій, посланный на Лисовскаго, «шелъ мѣшкотно и идучи села и деревни разорялъ»; бояре судили его за воровство и измѣну и приговорили къ тюрьмѣ. Точно также, когда изъ отчета пословъ, воротившихся изъ Персіи въ 1620 г., оказалось, что дьякъ Тюхинъ частію поневолѣ велъ себя при дворѣ шаха не по прежнимъ обычаямъ, завязалъ неловкія сношенія, бояре судили

его, какъ вора и измѣнника, и не смотря на его оправданія, приговорили послѣ пытки сослать его въ Сибирь. Даже судъ по мѣстническимъ дѣламъ былъ лишь видомъ суда о преступленіяхъ и проступкахъ по службѣ: споры объ «отечествѣ» тѣсно сплетались съ служебными отношеніями и постоянно мѣшали надлежащему теченію правительственныхъ дѣлъ. Вотъ почему эти дѣла вѣдала сама дума, если не поручала ихъ кому-нибудь изъ своихъ членовъ. Значеніемъ думы, какъ учрежденія, наблюдавшаго за управленіемъ и имъ руководившаго, объясняются и ея отношенія къ областной администраціи. Въ текущихъ дѣлахъ управленія между думой и областью стоялъ приказъ, какъ посредствующая инстанція, пользовавшаяся извѣстной долей самостоятельности. Но въ вопросахъ, касавшихся самаго порядка управленія или правильности дѣйствій областныхъ управителей, этотъ посредникъ превращался въ простой передаточный пунктъ, чрезъ который проходили донесенія изъ области въ думу и распоряженія думы въ область. Отписку изъ уѣзда о недобросовѣстныхъ дѣйствіяхъ воеводы приказъ докладывалъ боярамъ, а бояре возлагали на этотъ или другой приказъ исполненіе мѣры, принятой ими противъ воеводы. По Судебнику 1550 г. только государь или всѣ бояре, «приговоря вмѣстѣ», могли чрезъ приказъ вызвать областного управителя къ отчету въ приказныхъ дѣлахъ раньше срока, на какой дана ему должность; самъ приказъ, въ вѣдомствѣ котораго находился этотъ управитель, не имѣлъ на то права. Въ XVII в. для провѣрки дѣйствій воеводъ въ экстренныхъ случаяхъ посылались особые назначенные думой ревизоры, «сыщики». Дума пользовалась даже остатками земскаго самоуправленія, чтобы установить прямой и постоянный надзоръ за дѣйствіями областной приказной администраціи. Такъ, чтобы унять воеводъ отъ «вымышленныхъ и казнѣ и людемъ разорительныхъ поступокъ», предписывалось сообщать земскимъ избамъ копии съ

данныхъ воеводамъ инструкцій. Старосты и «земскіе всякихъ чиновъ жители», въ случаѣ нарушенія воеводой этихъ «статей», должны были посылать въ Москву челобитныя за своими руками, подробно указывая, «противъ которыхъ статей какія неправости въ доходахъ государевой казнѣ или въ ихъ обидахъ учинить» воевода; такія челобитныя, разумѣется, докладывались въ «верху». Въ XVI в. земскіе судьи пересылали дѣла, которыхъ не могли кончать сами, въ подлежащій приказъ, а приказъ докладывалъ ихъ прямо царю; и въ XVII в. важная тяжба переносилась изъ уѣзда прямо въ думу, какъ скоро одна сторона «порочила», оспаривала дѣйствіе мѣстной власти; участіе средней инстанціи, приказа, мало замѣтно. Поэтому не было совершенной новостью то, что по жалованной грамотѣ 1654 г. добровольно сдавшемуся городу Могилеву дѣла, рѣшенныя выборнымъ городскимъ судомъ, переносились по жалобамъ въ Москву въ думу, гдѣ ихъ слушали и расправу по нимъ чинили «бояре и думные люди», хотя въ данномъ случаѣ непосредственное отношеніе думы къ городскому суду условливалось и тѣмъ, что для управленія новопріобрѣтенными въ Литвѣ городами еще не было въ Москвѣ особаго приказа, который вскорѣ возникъ подъ именемъ Литовскаго. Такой порядокъ надзора долженъ былъ имѣть значительную степень энергіи благодаря тому, что государю и боярамъ докладывался вообще всякій необычный случай въ центральномъ и областномъ управленіи, неповиновеніе воеводъ предписаніямъ приказовъ, какъ и пропажа ста рублей казенныхъ денегъ изъ лубяной коробки въ приказной казенкѣ. Этимъ объясняется извѣстіе Флетчера о множествѣ разнообразныхъ дѣлъ, проходившихъ черезъ думу, какъ и ея обычай собираться утромъ и вечеромъ ¹⁾.

¹⁾ См. о сборѣ росписей для годовой смѣты въ записныхъ книгахъ Моск. стола Разр. приказа (въ Моск. арх. мин. Юст.); два извлеченія за 1634 и 1637 г. напечатаны г. Гольцевымъ

Въ устройствѣ государственнаго управленія и въ надзорѣ за нимъ, какъ и въ регулированіи частныхъ отношеній гражданскаго порядка, дума дѣйствовала, не опираясь на готовый законъ, а во имя своего авторитета сама создавая новый законъ или прецедентъ. Такой авторитетъ ея скзывался и въ формахъ законодательства. Высшей законодательной формой въ Московскомъ государствѣ былъ государевъ *именной указъ*. Именнымъ указомъ въ собственномъ смыслѣ назывался законодательный актъ, основанный на приговорѣ государя съ боярами. Въ этомъ смыслѣ *именной указъ* можно отличать какъ отъ боярскаго приговора, состоявшагося безъ государя, такъ и отъ единоличнаго указа самого государя, не говоря уже о распоряженіяхъ приказа, также облекавшихся въ форму государевыхъ указовъ. Но московская правительственная практика такъ мало привыкла отдѣлять волю государя отъ воли его совѣта, что не дѣлала этого различія и приговоры по дѣламъ, которыя «вершены въ палатѣ», принимала за «государскіе *именные указы*», все равно, были ли они произнесены въ присутствіи государя или безъ него; точно также выраженіе «государь указалъ» не всегда означало единоличное повелѣніе государя. Государевъ указъ и боярскій приговоръ не противопоставались другъ другу въ смыслѣ актовъ неодинаковой силы; актъ считался одинаково законнымъ, обязательнымъ, составленъ ли онъ дьякомъ «по государеву приказу, или по боярскому приговору». На-

(Госуд. хозяйство во Франціи XVII в., 163—170). П. С. З. №№ 802, 1484, 1271, 617, 1511 и 1309. А. З. Росс. IV, стр. 404. Дв. Разр. III, 1019 и сл. (ср. А. Ист. IV, № 247); I, 200. См. еще дѣла о преступленіяхъ по должности Шеина съ товарищами въ А. А. Э. III, № 251, полковн. Грибоѣдова тамъ же, IV, № 254 и др. Сказ. кн. Курбскаго, 79. Записки Матвѣева, 45. Соловьевъ, IX, 207 (2 изд.). А. Ист. IV, стр. 226. А. Э. I, № 234. Г. Вахромѣева, Княж. и царск. грамоты Ярослав. губерніи, № 5. Г. Викторова, Оп. записн. кн. дворц. прик. I, 70.

противъ именной указъ, состоявшійся по справкѣ или докладу съ указаніемъ основаній и закрѣпленный однимъ или нѣсколькими думными дьяками, отличался, какъ законъ, отъ акта, даннаго государемъ или отъ его имени по выпискѣ за помѣтой простаго дьяка, и отъ предварительнаго распоряженія самого ли царя, или боярь, помѣченнаго на доложенной подписной челобитной. Все, что приговорено «*вѣдѣху*» установленнымъ законодательнымъ порядкомъ, было одинаково обязательно для исполнителей. Они должны были отличать подписную челобитную отъ именнаго указа; но не ихъ дѣло было знать, состоялся ли этотъ указъ въ присутствіи царя среди боярь, или по приговору однихъ боярь. Западно-европейскимъ наблюдателямъ высшее московское управленіе казалось построеннымъ на тонко разсчитанномъ макиавелизмѣ; они писали, что царь московскій только дѣлалъ видъ, будто уступалъ думѣ часть своей самодержавной власти, что онъ спрашивалъ ея мнѣнія только для того, чтобы свалить съ себя отвѣтственность за свои дѣйствія. Но если снять съ этого изображенія тенденціозную окраску, основныя черты его окажутся совершенно вѣрными: дѣля съ государемъ власть, дума дѣлила съ нимъ и отвѣтственность. Съ такимъ же авторитетомъ являлась она и передъ управляемымъ обществомъ. Думные люди рѣзко отличались отъ него: они *по закону* не подвергались тѣлесному наказанію за то, что недумные люди искупали кнutomъ или батогами; за оскорбленіе ихъ наказывали гораздо строже, чѣмъ за оскорбленіе другихъ. Дума рѣдко входила въ прямыя отношенія къ обществу, даже какъ будто избѣгала этого. Въ XVII в. довольно часто призывали выборныхъ отъ разныхъ классовъ, чтобы выслушать ихъ мнѣнія о вопросахъ, возбужденныхъ въ думѣ и ихъ касавшихся. Но этихъ представителей не вводили прямо въ думу: она не выслушивала ихъ сама, а обыкновенно поручала распросить ихъ въ извѣстномъ приказѣ, либо

составляла для того особую комиссію изъ своихъ членовъ. Она и на земскомъ соборѣ выдѣлялась изъ ряда представителей земли. Вопросъ, подлежащій обсужденію, предлагался отъ царя выборнымъ людямъ при боярахъ, но не боярамъ вмѣстѣ съ выборными людьми. Бояре съ государемъ обыкновенно уже до собора обсуждали этотъ вопросъ; по ихъ приговору съ государемъ и созывались выборные, какъ и распускались. Думные люди являлись на соборѣ не представителями земли, призванными правительствомъ, а частью правительства, призваннаго представителями земли; члены думы назначались и руководить совѣщаніями этихъ представителей, «сидѣть съ выборными людьми». Такъ смотрѣли на думу и сами выборные. На предложенный имъ правительствомъ вопросъ они отвѣчали, что «въ томъ воленъ государь и его государевы бояре»; высказавъ свое мнѣніе о дѣлѣ, они прибавляли: «и тебѣ государю сверхъ той нашей сказки какъ Богъ извѣститъ и твоя государская дума одержитъ и твоихъ государевыхъ бояръ»; о боярахъ они выражались: «бояре вѣчные наши господа промышленники». Такое значеніе «промышленниковъ», попечителей земли сказывалось и въ ежедневныхъ отношеніяхъ общества къ думнымъ людямъ, даже на улицѣ. При царѣ Ѳеодорѣ въ 1681 г. служилымъ людямъ словесно объявленъ былъ въ Москвѣ любопытный царскій указъ, повелѣвавшій имъ оставить обычай, о которомъ трудно сказать, дѣйствительно ли его не существовало ни при отцѣ, ни при дѣдѣ этого царя, какъ говорилось въ указѣ. Служилые люди даже высокихъ чиновъ, стольники, стряпчіе и другіе, встрѣтившись на дорогѣ съ бояриномъ, думнымъ или ближнимъ человекомъ, слѣзали съ лошадей и кланялись въ землю. Указъ предписывалъ боярѣ, думныхъ и ближнихъ людей почитать и достойную имъ честь воздавать, но при встрѣчѣ съ ними на дорогѣ только посторониться, повернувъ лошадь, и поклониться «по обычаю», а съ лошадей сходить и бить

челомъ «пристойно одному великому государю». Если мы представимъ себѣ учрежденіе, которое по предписаннымъ правиламъ творить формулы закона, предоставляя другимъ его разъясненіе и примѣненіе, строго держась точно указанныхъ границъ власти и пріемовъ дѣйствія, такое учрежденіе не будетъ похоже на московскую боярскую думу. Эта дума не только создавала законы государственнаго и общественнаго порядка, но при случаѣ сама непосредственно учила людей порядку, не стѣняясь формальностями. Первообраза и подобія ея отношеній къ управляемымъ надобно искать въ отношеніяхъ древнерусскаго хозяина къ домочадцамъ. Ея духъ живо сказывается въ одномъ мелкомъ случаѣ, записанномъ въ официальной разрядной книгѣ 1620 г. Неважный дворянинъ Чихачовъ, назначенный стоять рындой въ бѣломъ платьѣ при посольской аудіенціи во дворцѣ ниже кн. Аѳан. Шаховскаго, обидѣлся, казался больнымъ и не поѣхалъ въ Кремль. Бояре послали за нимъ и велѣли его поставить передъ собою. Чихачовъ предсталъ передъ боярами въ Золотой палатѣ больнымъ-разболынымъ, съ костью да не съ однимъ, а съ двумя заразъ. Для чего въ городъ не пріѣхалъ? спросили бояре. — Лошадь ногу миѣ сломала третьяго дня на государевой охотѣ въ Черкизовѣ, отвѣчалъ Чихачовъ. — Больше, чай, отбаливаешься отъ кн. Шаховскаго, возразилъ думный разрядный дьякъ Томило Юдичъ Луговской, упрямый и честный патриотъ, какимъ онъ показалъ себя 9 лѣтъ назадъ въ Смутное время. Тогда Чихачовъ пересталъ притворяться и заговорилъ напрямикъ: онъ уже билъ челомъ государю и впредь станетъ бить челомъ и милости просить, чтобы государь пожаловалъ, въ отечествѣ велѣлъ дать ему Чихачову судъ на кн. Аѳанасья, а меньше кн. Аѳанасья ему быть невмѣстно. Можно тебѣ быть его меньше, возразили бояре и приговорили бить кнутомъ Чихачова за безчестье кн. Шаховскаго. — Долго того ждать, бояре! сказалъ Томило и вырвавъ у Чихачова одинъ костьль, принялся

бить его по спинѣ и по ногамъ. Смотри на это, бояринъ И. Н. Романовъ, дядя царя, не утерпѣлъ, схватилъ другой костыль, предусмотрительно заготовленный страдавшимъ генеалогіей, и присоединился къ дьяку, работая также по спинѣ и ногамъ Чихачова, причемъ оба приговаривали: «не по дѣломъ бьешь челомъ, знай свою мѣру». Побивъ рынду, велѣли ему быть въ бѣломъ платьѣ по прежней сказкѣ, а кнутъ, разумѣется, «отставили». Такъ, начавъ холоднымъ приговоромъ по формѣ, «пресвѣтлый царскій синклить» кончилъ горячимъ отеческимъ поученіемъ ослушника. Мало того, что дума тутъ же на мѣстѣ нарушила свое собственное постановленіе: ни думному дьяку, ни боярину и въ голову не пришло, что этимъ собственноручнымъ урокомъ они нарушали одно изъ верховныхъ правъ государя пересматривать приговоры думы о наказаніяхъ за проступки и преступленія по службѣ: «долго того ждать, бояре!»¹⁾.

ГЛАВА XXV.

Дума законодательствовала и въ дѣлахъ, касавшихся церкви, обыкновенно съ содѣйствіемъ церковной власти.

Главный іерархъ Русской церкви, митрополитъ и потомъ патріархъ, дѣйствовалъ въ своей церковной сферѣ съ коллегіей духовныхъ сановниковъ, называвшейся *Освященнымъ соборомъ* или *синодомъ*, какъ выражались иногда во второй

¹⁾ П. С. З. №№ 1491, 1355, 1160, 1394, 899 и 875. Р. Ист. Сб. Общ. Ист. и Др. Р. II, 96. Майербергъ, 166 и сл. Уложение, предисл. и гл. X, 5, 27 и сл. А. А. Э. IV, № 246. А. И. V, № 77. Собр. гос. гр. и дог. I, стр. 548; III, 378, 388 и 392; IV, 337. А. И. V, № 83. П. С. Р. Лѣт. IV, 340. Дв. разр. I, 435.

половинѣ XVII в. Самое названіе собора спеціально усвоилось духовнымъ собраніямъ или коллегіямъ. Земскій совѣтъ разныхъ чиновъ государства тогда носилъ это названіе, когда въ немъ принимали участіе представители церкви. *Соборомъ* называлась и боярская дума, когда въ ней присутствовалъ глава русскаго духовенства одинъ или съ Освященнымъ соборомъ.

Какъ извѣстно, церковное управленіе въ древней Руси не было обособлено отъ государственнаго, не смотря на обширныя привилегіи и правительственныя полномочія, какими пользовалась церковная іерархія. Обѣ власти, государственная и церковная, находились въ постоянномъ взаимодействіи и впродолженіе вѣковъ общенія многое переняли другъ у друга. Царь принималъ близкое и вліятельное участіе въ дѣлахъ церковнаго управленія, которому ввѣрено было столько государственныхъ средствъ и интересовъ, людей и земель. Когда нужно было замѣстить вакантную кафедру, патріархъ съ Освященнымъ соборомъ приходилъ къ государю, и въ Передней палатѣ, обычномъ мѣстѣ засѣданій думы, на глазахъ царя и его синклита «власти» выбирали новаго іерарха. Государь утверждалъ одного изъ трехъ кандидатовъ на патріаршій престолъ, избранныхъ Освященнымъ соборомъ; нареченіе избраннаго въ патріархи происходило въ Столовой палатѣ дворца при государѣ, въ соединенномъ присутствіи Освященнаго собора и царскаго синклита. Патріархъ Никонъ во время ссоры съ царемъ, проповѣдуя о превосходствѣ власти церковной передъ государственной, жаловался, что въ дьяконы, священники и игумены ставили по подписнымъ челобитнымъ, на которыхъ царь приказывалъ помѣчать: «по указу государя царя поставить»; церковные соборы собирались, когда хотѣлъ того царь, архіереевъ ставили по его же волѣ, дѣлали все, что онъ указывалъ. За то и высшей русскою церковною іерархіею не были чужды государственныя дѣла. Описывая ея политическое значеніе,

московскіе послы говорили въ 1610 г. Полякамъ: «изначала у насъ въ Русскомъ царствѣ такъ велось: если великія государственныя или земскія дѣла начнутся, то великіе государи наши призывали къ себѣ на *соборъ* патріарховъ, митрополитовъ и архіепископовъ и съ ними о всякихъ дѣлахъ совѣтовались, безъ ихъ совѣта ничего не приговаривали». Въ чрезвычайныя времена междуцарствія, напримеръ по смерти царя Ѳедора Ивановича, патріархъ, какъ «начальный человѣкъ» земли, становился во главѣ соединенныхъ духовнаго собора и боярской думы, велъ всѣ дѣла управленія и даже усвоялъ себѣ съ другими архіереями, какъ апостольскими учениками, преимущественную власть, сошедшись соборомъ, поставлять своему отечеству «пастыря и учителя и царя достойно». Подъ вліяніемъ тѣсной взаимной связи обоихъ правительствъ, свѣтскаго и церковнаго, и сложился шедшій еще отъ Владиміра Святаго обычай приглашать въ думу «властей», какъ называли у насъ высшихъ церковныхъ сановниковъ¹⁾.

Обычай этотъ вышелъ изъ одного источника съ древнерусскими *смльскими* судами: въ дѣлахъ, подсудныхъ двумъ разнымъ юрисдикціямъ, на судѣ присутствовали представители обѣихъ. По отношенію къ церкви это правило распространялось и на всѣ важныя правительственныя дѣла. Оно еще сказывалось по временамъ и въ областномъ управленіи XVI в. Въ инструкціи казанскому архіепископу Гурію 1555 г. было написано, что о какихъ «думныхъ

1) Собр. гос. гр. и дог. I, стр. 585: рѣшить дѣло по совѣту государя съ митрополитомъ и боярами значило „съ митрополитомъ соборне и съ бояры приговорить“. Указн. кн. Пом. прик. 42: въ 1620 г. государь, совѣтовавшись съ отцомъ своимъ патріархомъ и „говоря о томъ на соборѣ со всеми бояры, приговорили“; о выборныхъ людяхъ другихъ чиновъ не упомянуто. Дв. Разр. III, 968 и 982. П. С. З. №№ 399 и 584. Зап. отд. русск. и слав. арх. Р. Арх. Общ. II, 526. Солов. VIII, 410. А. Арх. Эксп. II, стр. 14. Введеніе къ Разр. въ Симб. Сб. Валуева, 165.

дѣлахъ» будутъ совѣтоваться другъ съ другомъ казанскіе намѣстникъ и воевода, въ ихъ совѣщаніяхъ долженъ участвовать и владыка и «мысль своя во всякія дѣла имъ давати опричь однихъ убивственныхъ дѣлъ.» Тѣмъ же правиломъ опредѣлился и довольно широкой кругъ правительственныхъ дѣлъ, по которымъ призывали въ думу давать свою мысль духовный соборъ съ его главой. То были всѣ вообще важныя государственныя дѣла, затрогивавшія господствующіе интересы, между ними и церковныя, или дѣла, касавшіяся отношеній религіозно-нравственной жизни. Основные законодательные своды XVI и XVII в., Судебникъ и Уложение, были составлены и изданы при содѣйствіи и съ благословеніемъ церковной власти. По смерти царя Федора Алексѣевича патріархъ, власти и бояре пошли въ Переднюю палату и говорили о томъ, которому изъ братьевъ покойнаго царя быть его преемникомъ. Поговоривъ, положили, что тому избранію быть «общимъ согласіемъ всѣхъ чиновъ» государства. Съ крыльца передъ Передней палатой патріархъ съ архіереями и руководилъ избраніемъ Петра на созванномъ въ тотъ же день подобіи земскаго собора, говорилъ рѣчь, отбиралъ мнѣнія. Вопросы о войнѣ съ иновѣрными сосѣдями, предпринимаемой ради утвержденія православной вѣры и покоя христіанскаго, о мѣстничествѣ, на которое хотѣли подѣйствовать нравственными побужденіями, какъ на источникъ «братоненавистнаго враждотворенія», обыкновенно обсуждались въ думѣ съ участіемъ церковной власти. По самому существу церковной юрисдикціи, вѣдавшей дѣла вѣры и семейнаго порядка, присутствіе представителей церкви въ думѣ считалось необходимымъ при обсужденіи вопроса о женитьбѣ царя, какъ и о мѣрахъ противъ опаснаго для чистоты вѣры вліянія иноземцевъ. Потому же патріархъ съ соборомъ подавалъ свой голось, когда въ думѣ шла рѣчь о порядкѣ принесенія присяги тяжущимися въ судахъ, какъ и о томъ, отдавать ли продажу питей на откупъ, или поручить ее присяжнымъ

выборнымъ головамъ: дѣло касалось крестоцѣлованія, «клятвы и душевредства», отъ того происшедшаго. Съ самаго начала христіанской жизни Руси надзору церковной власти поручены были торговыя мѣры и вѣсы; и въ XVII в. дума устанавливала однообразныя казенныя мѣры по совѣту съ патріархомъ. Даже положеніе торговыхъ Грековъ въ Московскомъ государствѣ дума устроила съ участіемъ патріарха по связи этого дѣла съ восточными отношеніями Русской церкви. Всего чаще являлся въ думѣ глава русскаго духовенства «со-властьми» или одинъ, когда она затрогивала многосложныя матеріальныя интересы церкви, именно положеніе обширныхъ патріаршихъ, властелинскихъ и монастырскихъ вотчинъ. Вопросы о межеваніи и описи земель, о поземельныхъ налогахъ, о землевладѣльческихъ льготахъ, о крестьянскихъ побѣгахъ разрѣшались царемъ и боярами по совѣту съ высшей церковной властью. Частое обращеніе государственной власти къ церковной за содѣйствіемъ въ разрѣшеніи такихъ законодательныхъ вопросовъ и заставляло иностранныхъ наблюдателей московской жизни въ XVI в. говорить, что московскій государь никакого важнаго дѣла не рѣшаетъ безъ согласія митрополита. При всемъ разнообразіи государственныхъ вопросовъ, въ разрѣшеніи которыхъ участвовала церковная власть, въ мнѣніяхъ своихъ она помнила предѣлы своей компетенціи и устранялась отъ того, что было внѣ этихъ предѣловъ. На вопросъ о войнѣ она отвѣчала, что ратное дѣло—дѣло царя и его бояръ, а ей то все не за обычай, помогать же ратнымъ людямъ они, государевы богомольцы, готовы, чѣмъ могутъ. На вопросъ, какъ быть съ Крымскимъ царемъ, не отмстить ли на его послахъ за все его неправды и грабежи, духовенство отвѣчаетъ, что ему объ этомъ писать непристойно, что мстить врагамъ дѣло государя и его синклита, а не ихъ дѣло, государевыхъ богомольцевъ. Въ думѣ вопросъ о необходимости новаго налога рѣшался съ духов-

нымъ соборомъ, но размѣръ этого налога опредѣлялъ государь съ одними боярами ¹⁾.

Участіе высшаго духовенства въ законодательной дѣятельности думы, сообщая ему извѣстное политическое значеніе, имѣло и другую важную сторону: оно расширяло законодательную компетенцію самой думы. Обычай призывать въ думу представителей церковной власти для рѣшенія государственныхъ дѣлъ, касавшихся церкви, создавалъ привычку такимъ же точно порядкомъ рѣшать и церковныя дѣла, касавшіяся государства. Потому видимъ участіе государя съ думой во внутреннемъ управленіи церкви и въ дѣлахъ, подлежащихъ церковной юрисдикціи. Дума присутствовала на Стоглавомъ соборѣ, рѣшавшемъ важные вопросы церковнаго порядка, и предлагая собору эти вопросы, царь приглашалъ обсудить ихъ не только святителей, но и бояръ своихъ. Царь приговаривалъ съ патріархомъ, властями и «своими государевыми боярами» о перемѣнахъ въ составѣ церковной іерархіи и въ распорядкѣ епархій. Человѣкъ, на котораго духовникъ въ 1675 г. подалъ патріарху извѣтъ, что онъ живетъ не по правиламъ и держитъ еретическія книги, не былъ прямо привлеченъ къ церковному суду: патріархъ препроводилъ извѣтную челобитную къ государю, который слушалъ ее и указалъ съ боярами послать обвиняемаго къ патріарху «для свидѣтельства и очной ставки» съ духовникомъ. Приговоръ патріарха о раздѣлѣ имущества между наслѣдницами дума утверждала, какъ высшая инстанція, даже обращая этотъ приговоръ въ обязательный для судей прецедентъ. Этотъ приговоръ опредѣлялъ долю, какую должна получать бездѣтная вдова въ

¹⁾ Др. Росс. Вивл. XV, 284. А. Арх. Эксп. I, стр. 260 и 372; IV, 88 и 331. П. С. З. №№ 547, 723, 905, 775, 741, 859, 659, 832, 799, 985, 1210 и др. Котомш. 4 и 107. Чт. въ Общ. Ист. и Др. Р. 1876, кн. 2, IV, 7. Собр. гос. гр. III, 384. Зап. отд. русск. и сл. арх. Р. Арх. Общ. II, 372.

купленномъ дворѣ умершаго мужа. Но запрещеніе отдавать бездѣтной вдовѣ по духовной родовую или выслуженную вотчину мужа дума въ 1650 г. просто сообщила къ исполненію патріарху, который и не участвовалъ въ обсужденіи этого вопроса. Встрѣчаемъ даже указы думы о крещеніи инородцевъ и преслѣдованіи раскольниковъ безъ замѣтнаго участія патріарха въ ихъ изданіи. Повидимому и духовенству не былъ чуждъ этотъ взглядъ на думу, какъ привычную участницу въ чисто церковныхъ дѣлахъ: въ 1651 г. по поводу запрещенія пѣть и читать въ церквахъ въ нѣсколько голосовъ одновременно одинъ московскій священникъ говорилъ, что онъ ни за что не дастъ подписки на это нововведеніе, пока бояре и окольнічіе не приложатъ своихъ рукъ о единогласіи, «любо ли имъ будетъ единогласіе» ¹⁾).

Высшее церковное учрежденіе, Освященный соборъ являлся въ думѣ на совѣщаніяхъ о государственныхъ вопросахъ не въ одинаковомъ составѣ. Иногда митрополитъ или патріархъ былъ окруженъ одними архіереями; иногда къ нимъ присоединялись еще «выборныя власти», архимандриты, игумены и другія духовныя лица. Неизвѣстно только, какъ выбирались эти выборныя власти. Высшія духовныя власти, составлявшія Освященный соборъ, считались дѣйствительными членами думы, имѣли въ ней мѣсто по своему сану, хотя не всегда присутствовали на ея засѣданіяхъ. При первомъ самозванцѣ во главѣ списка думныхъ людей значились патріархъ, 4 митрополита, 7 архіепископовъ и 3 епископа. Предложеніе комиссіи бояръ и выборныхъ служилыхъ людей объ отмѣнѣ мѣстничества въ 1682 г. обсуждалось государемъ съ боярской думой и Освященнымъ соборомъ, который состоялъ изъ патріарха «со архіереи и выборными властями»; но подъ актомъ вмѣстѣ съ патріархомъ, 6 митро-

¹⁾ Дворц. Разр. III, 1288. Прилож. къ III т. Дв. Разр. 110. П. С. З. №№ 1071, 1081, 1157, 34, 1117 и 1163. А. А. Э. IV, № 284; Зап. отд. русск. и слав. арх. Р. Арх. Общ. II, 395.

политами и 3 архіепископами подписались только 3 архимандрита. Запрещеніе духовенству пріобрѣтать вотчины было въ 1580 г. постановлено государемъ съ думой и духовнымъ соборомъ, состоявшимъ изъ митрополита, 11 архіереевъ, 39 архимандритовъ и игуменовъ и 9 старцевъ важнѣйшихъ монастырей. Но Освященный соборъ не всегда присутствовалъ при главѣ церковной іерархіи, собирався только для дѣлъ особо важныхъ, и потому въ думѣ чаще появлялся одинъ его предсѣдатель ¹⁾).

Флетчеръ описываетъ подробно засѣданіе думнаго собора; онъ только смѣшиваетъ это учрежденіе по сходству названія съ соборомъ всѣхъ чиновъ, какъ по той же причинѣ смѣшалъ ближній совѣтъ съ общей боярской думой. На соборѣ присутствовалъ обыкновенно самъ царь. Впрочемъ по актамъ извѣстны засѣданія думы безъ царя не только съ однимъ первымъ іерархомъ церкви, но и со всѣмъ Освященнымъ соборомъ. Членовъ думы по Флетчеру бывало до 20; какъ мы видѣли, въ Москвѣ, благодаря разнымъ служебнымъ командировкамъ, думныхъ людей оставалось обыкновенно немного болѣе этого числа. Патріархъ приглашалъ на соборъ митрополитовъ, архіепископовъ и тѣхъ изъ епископовъ, архимандритовъ и монаховъ, которые пользовались наибольшей извѣстностью и уваженіемъ. Днемъ засѣданія обыкновенно назначали пятницу по святости этого дня. Собраніе открывалось въ Столовой палатѣ дворца. По одну сторону палаты на тронѣ садился царь. Неподалеку отъ него за небольшимъ столомъ помѣщались патріархъ съ архіереями и важнѣйшіе бояре съ думными дьяками, которые записывали все происходившее на соборѣ. Прочіе члены собранія расаживались на скамьяхъ вдоль стѣны по званіямъ. Изъ другихъ указаній знаемъ, что патріархъ садился не съ боярами, а рядомъ съ государемъ по правую руку на особомъ

1) Собр. гос. гр. и дог. II, стр. 207; IV, 398; I, № 200.

мѣстѣ. Думный дьякъ докладывалъ вопросъ, подлежащій обсужденію. Освященный соборъ подавалъ мнѣнія прежде бояръ въ порядкѣ сановъ, какіе носили его члены. Ихъ мнѣнія выражались всегда въ однообразной формулѣ: «царь и дума его премудры и лучше ихъ могутъ судить о томъ, что полезно для государства, а они, духовные люди, занимаются только служеніемъ Богу и дѣлами вѣры и потому просятъ ихъ самихъ сдѣлать надлежащее постановленіе, а они, архіереи, будутъ помогать имъ молитвами по своей должности». Когда всѣ духовные члены собора высказывались такимъ образомъ, одинъ изъ нихъ вставалъ и просилъ царя, чтобы онъ изволилъ объявить имъ свое собственное мнѣніе. Тогда думный дьякъ объявлялъ отъ имени царя, какъ онъ съ боярами приговорилъ о дѣлѣ; но дьякъ прибавлялъ, что государь снова приглашаетъ отцовъ откровенно объявить свое мнѣніе или дать согласіе на приговоръ государя съ боярами, чтобы можно было приступить къ окончательному рѣшенію дѣла. Наскоро высказавъ свое согласіе, духовенство удалялось изъ палаты. Проводивъ патріарха до двери, государь возвращался на свое мѣсто и оставался въ думѣ до конца засѣданія ¹⁾.

Не всегда однако засѣданія собора шли такъ ровно и гладко. Извѣстенъ наиримѣръ разсказъ другаго англичанина Горсея, близкаго къ двору царя Ивана въ послѣдніе годы его царствованія. Разсказъ, какъ можно думать, относится къ собору 1580 г. о церковныхъ земельныхъ имуществвахъ ²⁾. Царь потребовалъ у доховенства чрезвычайныхъ пожертвованій на государственныя нужды. Освященный соборъ хотѣлъ было отвѣтить на требованіе отказомъ. Царь

1) Флетчеръ, гл. 8. Ср. мнѣніе митр. Данила по поводу войны съ Литвой въ Царств. кн. 40. А. Ист. I, стр. 270.

2) Доказательства этого см. у г. Павлова въ его Ист. очеркъ секуляриз. церк. имуществъ въ Россіи, I, 147 и сл.

позвалъ къ себѣ членовъ собора, особенно упорно наставлявшихъ на отказѣ, и сказалъ имъ рѣзкую рѣчь, въ которой порицалъ любостыжаніе высшаго духовенства и недостойное употребленіе имъ церковныхъ богатствъ. Въ заключеніе онъ приказалъ подать себѣ подробную выпись доходовъ всѣхъ монастырей съ ихъ вотчинъ, чтобы, оставивъ каждой обители необходимое, излишекъ обратить на государственныя потребности. Власти подали выпись, но въ приложенномъ къ ней докладѣ заявили, что святые угодники не потерпятъ отнятія того, что завѣщано основаннымъ ими обителямъ; иначе пусть царь дастъ подлинное свидѣтельство о захватѣ для заявленія грядущему потомству. Царь ограничился значительной суммой денегъ, взятой съ духовенства, и отобраніемъ въ казну нѣкоторыхъ земель, которыми оно владѣло. Другія извѣстія подтверждаютъ, что духовенство не всегда отвѣчало на предложенія царя и бояръ своимъ «затверженнымъ урокомъ», какъ отозвался Флетчеръ о пародированныхъ имъ мнѣніяхъ духовенства на соборѣ. Такъ есть извѣстіе, что оно отклонило предложеніе царя Бориса вызвать изъ Германіи и другихъ странъ западной Европы просвѣщенныхъ людей и основать въ Россіи школы для изученія иностранныхъ языковъ. Выше было рассказано, какъ патріархъ въ 1681—1682 г. разглядѣлъ смыслъ боярскаго проекта о «вѣчныхъ намѣстникахъ» и разрушилъ замыселъ. По смерти царя Ѳедора патріархъ не разъ говорилъ въ думѣ противъ наплыва иностранцевъ въ Москву, особенно военныхъ; но большинство думы не раздѣляло его мнѣній. Шведскій резидентъ при московскомъ дворѣ Кохенъ писалъ въ началѣ 1688 г., что патріархъ, приглашенный для совѣщанія о задуманномъ новомъ походѣ въ Крымъ, предложилъ прежде всего попытаться овладѣть Азовомъ и уволить всѣхъ иностранныхъ офицеровъ неправославнаго исповѣданія, чтобы въ войскѣ и народѣ не было церковнаго разномыслія. Дума не согла-

силась съ патріархомъ, замѣтивъ, что военныя свѣдѣнія получаютъ русскимъ войскомъ преимущественно отъ иностранцевъ, что и прежніе цари признавали необходимость имѣть ихъ на русской службѣ. Въ концѣ этого года, какъ рассказываетъ Гордонъ, на засѣданіи думы по поводу того же похода патріархъ въ сильныхъ выраженіяхъ говорилъ противъ этого наемнаго генерала, доказывая, что русское оружіе не можетъ имѣть успѣха, когда лучшей частью русскаго войска будетъ командовать еретикъ. Бояре, добавляетъ Гордонъ, мало обращали вниманія на эти слова и только улыбались.

Не смотря на законодательное значеніе думы по дѣламъ, касавшимся церкви, участіе духовенства въ трудахъ думы не проходило безслѣдно для ея законодательной дѣятельности. Можно отмѣтить одинъ случай, когда церковная власть внесла поправку въ государственное законодательство. При царѣ Михаилѣ служилымъ людямъ за службу давали жалованныя грамоты съ правомъ передавать выслуженныя вотчины своимъ бездѣтнымъ женамъ. Въ 1627 г. патріархъ заявилъ, что это не по правиламъ, что такія вотчины должны переходить въ родъ, а не къ женамъ. Приказано было составить докладъ объ этомъ и внести въ думу. По этому докладу состоялся указъ отдавать выслуженныя вотчины роду, а бездѣтнымъ женамъ выдѣлять сверхъ приданого четвертую долю движимаго имущества, оставшагося послѣ ихъ мужей; жалованныя грамоты были признаны составленными не по правиламъ. Этотъ указъ былъ потомъ внесенъ въ Уложеніе ¹⁾.

1) Сказ. соврем. о Дим. Самозв. I, 12. Русск. Старина 1878 г., № 9, стр. 125. Gordon, Tagebuch, II, 233. Ук. книга Пом. приказа, 50 и сл. Уложеніе, XVII, 1 и 2.

ГЛАВА XXVI.

Въ социальномъ-политическомъ значеніи московской боярской думы отразился основной фактъ исторіи Московскаго государства.

Мы пытались изобразить московскую боярскую думу съ двухъ сторонъ. Она, во первыхъ, была учрежденіемъ, тѣсно связаннымъ съ судьбой извѣстнаго класса московскаго общества. Во вторыхъ, она была учрежденіемъ, которое создавало московскій государственный и общественный порядокъ и имъ руководило. По своему социальному составу это было аристократическое учрежденіе. Такой его характеръ обнаруживался въ томъ, что большинство его членовъ почти до конца XVII в. выходило изъ извѣстнаго круга знатныхъ фамилій и назначалось въ думу государемъ по извѣстной очереди мѣстническаго старшинства. По устройству своему дума была учрежденіемъ, дѣйствовавшимъ при государѣ, подъ его дѣйствительнымъ или номинальнымъ предсѣдательствомъ. Отсюда вытекали главныя особенности ея правительственной дѣятельности: эта дѣятельность захватывала все пространство верховной власти; дѣйствуя часто и безъ личнаго присутствія государя, дума не отдавала ему отчета въ своихъ дѣйствіяхъ; ея приговоры имѣли силу закона, одинаковую съ указами государя. Такое устройство и значеніе думы никогда не держалось на самостоятельномъ политическомъ положеніи думныхъ людей внѣ думы и не долѣе одного поколѣнія держалось на прямомъ законѣ, на правѣ, вытекавшемъ изъ договора. Единственной постоянной опорой этого устройства и значенія былъ обычай, въ силу котораго государь призывалъ къ управленію людей боярскаго класса въ извѣстномъ іерархическомъ порядкѣ.

Крѣпость этого обычая создана была исторіей самого Московскаго государства. Оно было не произведеніемъ какой-либо политической теоріи, какъ смутно помышлялъ царь Иванъ Грозный, и не слѣдствіемъ удачнаго хищничества его предковъ, какъ рѣшительно утверждали его политическіе противники. Оно было дѣломъ народности, образовавшейся къ XV вѣку въ области Оки и верхней Волги. Народность эта образовалась по отступленіи стариннаго русскаго населенія въ глубь нашей равнины съ южныхъ и югозападныхъ окраинъ передъ торжествовавшими врагами. Раздѣленная политически, угрожаемая гибелью съ разныхъ сторонъ и съ одной уже разъ завоеванная, эта народность начала устроиться въ обширный лагерь. Средоточіемъ этого лагеря сталъ центральный городъ тогдашней Великороссіи, а вождемъ князь этого города. Всѣ національныя, церковныя, экономическія и другія условія, содѣйствовавшія государственному объединенію Великороссіи, связались съ судьбой Москвы только потому, что она была такимъ центральнымъ городомъ *боевой*, готовившейся къ борьбѣ Великороссіи XIV—XV в., только благодаря ея стратегическому отношенію къ тогдашнему театру военныхъ дѣйствій. Свойства самихъ московскихъ князей, ихъ такъ-называемая политика и политическіе таланты были производной и довольно второстепенной причиной ихъ политическихъ успѣховъ. Князи племя московскихъ Даниловичей въ Твери, а племя ихъ соперниковъ тверскихъ Ярославичей въ Москвѣ, великорусскіе цари XVI в. были бы Ярославичи, а не Даниловичи. Московское государство и было этимъ народнымъ лагеремъ, образовавшимся изъ боевой Великороссіи Оки и верхней Волги и боровшимся на три фронта, восточный, южный и западный. Оно родилось на Куликовомъ полѣ, а не въ скопидомномъ сундукѣ Ивана Калиты. Военное по происхожденію, оно и устроилось повоенному. Въ основаніи его соціальнаго строя лежало дѣленіе общества на служилыхъ

и неслужилыхъ людей, т. е. на строевые и нестроевые части населенія. Строевое общество составилось изъ прежнихъ удѣльныхъ военныхъ дворовъ, въ томъ числѣ и московскаго. На верху этого строеваго общества стояли бывшіе главные и второстепенные вожди этихъ дворовъ, удѣльные князья и ихъ удѣльные бояре, въ томъ числѣ и московскіе. Увлекаемые общимъ народнымъ движеніемъ, и эти мѣстные вожди волей или неволей собрались съ своими полками подъ знаменами московскаго князя, сначала съ значеніемъ не подданныхъ, а вольныхъ слугъ его или военныхъ союзниковъ. Изъ мысли о вольной службѣ или военномъ союзѣ развилось договорное право, опредѣлявшее взаимныя отношенія московскаго великаго князя и другихъ князей, на ней построены ихъ договорныя грамоты XIV и XV в. Московская армія долго состояла изъ территориальныхъ корпусовъ, удѣльныхъ «дворовъ» или «разрядовъ», тверскаго, рязанскаго, одоевскаго, съ ихъ мѣстными тверскими, одоевскими и другими командирами. Московскій дворъ или разрядъ выдѣлялся въ составѣ этой арміи до конца XVII в. Руководя народной обороной изъ своей кремлевской ставки, московскій князь сначала дѣйствовалъ въ этомъ лагерѣ не какъ государь, какимъ сталъ впоследствии, а какъ главный военачальникъ или, выражаясь языкомъ московской полковой администраціи, первый воевода большаго, т. е. московскаго полка. Изъ сочетанія власти такого военачальника съ правительственными понятіями и привычками хозяина-вотчинника удѣльныхъ вѣковъ и вышелъ своеобразный политическій авторитетъ московскихъ государей, какъ онъ обнаруживался въ правительственной практикѣ, а не какъ пытались его изобразить древнерусскіе публицисты, царственные и простые: неограниченно распоряжаясь лицами, эти государи въ дѣлахъ общаго порядка привыкли дѣйствовать вмѣстѣ и по совѣту съ потомками тѣхъ мѣстныхъ воеводъ, которые нѣкогда были военными товари-

щами ихъ предковъ. Московская боярская дума XV—XVI в. является по преимуществу военнымъ совѣтомъ, члены котораго то-и-дѣло разсылаются изъ столицы командовать по окраинамъ и совѣтуются съ государемъ въ промежуткѣ походовъ или при сборѣ на походъ и совѣтуются преимущественно о военныхъ дѣлахъ или тѣсно съ ними связанныхъ дѣлахъ внѣшней политики и служилаго землевладѣнія, что и выразилось въ значеніи приказовъ Разряднаго, Посольскаго и Помѣстнаго, какъ отдѣленій думской канцеляріи. Сначала эти военные совѣтники имѣли широкія правительственныя полномочія въ мѣстахъ расположенія своихъ удѣльныхъ дворовъ — остатокъ ихъ прежней удѣльной самостоятельности. Они и въ общемъ строѣ государственнаго управленія, т. е. въ лагерной и походной администраціи разстановивались по степени важности своихъ мѣстныхъ полковъ, т. е. дворовъ, если были удѣльные князья, или по своему іерархическому положенію въ этихъ полкахъ, если были простые удѣльные бояре. Посредствомъ сочетанія удѣльнаго происхожденія съ правительственными, прежде всего военно-походными назначеніями на московской службѣ, посредствомъ соглашенія удѣльнаго «родословца» съ московскимъ «разрядомъ» и сложилось московское мѣстничество, военно-аристократическій распорядокъ московскаго боярства. Но потомъ съ военно-административной перестройкой государства и съ землевладѣльческой перетасовкой титулованныхъ и простыхъ бояръ ихъ мѣстное полковое значеніе постепенно исчезло, прежнія политическія и экономическія связи порвались, удѣльные столы и усадьбы развалились. Въ концѣ XVI в. Флетчеру еще рассказывали въ Москвѣ о недавно бывшихъ здѣсь лицахъ древняго дворянства, «которыя владѣли по наслѣдству различными областями съ неограниченною властію и съ правомъ судить и рядить всѣ дѣла безъ апелляціи и даже не отдавая отчета царю»; но самъ Флетчеръ въ 1588 г. уже не засталъ такихъ владѣтелей.

Но утративъ территоріальное значеніе, московское боярство сохранило значеніе генеалогическое. Оторвавшись отъ ярославской или оболенской почвы, прежній авторитетъ боярской или княжеской фамиліи, ея удѣльный вѣсь, такъ сказать, черезъ родословную книгу связался съ московской разрядной книгой и перешелъ въ московскій политическій обычай, застывъ въ мѣстническомъ «отечествѣ». Правительственный порядокъ, завязавшійся при началѣ народной борьбы, въ минуту соединенія для нея удѣльныхъ полковъ съ московскимъ, развивался въ томъ же направленіи все время, пока длилась борьба, хотя уже не было ни удѣльныхъ полковъ, ни самыхъ удѣловъ. Когда московскій удѣльный князь сталъ государемъ Русской земли, *формы* высшаго управленія, какъ и *формы* отношеній этого государя къ своимъ совѣтникамъ, оставались тѣ же, какія установились еще въ то время, когда этотъ государь былъ первымъ воеводой большаго народнаго великорусскаго полка, а эти совѣтники, князья и бояре, первыми и «другими» воеводами удѣльныхъ великорусскихъ полковъ. Характеръ управленія, сущность отношеній, разумѣется, измѣнялись; но крѣпость формы была такова, что пока стройной мѣстнической цѣпью стоялъ вокругъ престола правительственный классъ, составившійся изъ большихъ и малыхъ удѣльныхъ воеводъ, эти измѣненія не отражались замѣтно въ ходѣ управленія. Дѣятельность государя съ боярами оставалась дѣятельностію народнаго военачальника съ военными товарищами, младшими соратниками, государевыми «вѣрными пріятелями», какъ называли ихъ московскіе публицисты XVI в., какъ въ XVII в. называлъ самъ царь Алексѣй членовъ «стародавнихъ честныхъ родовъ» въ своихъ письмахъ къ нимъ. Здѣсь источникъ и отмѣченныхъ выше особенностей устройства и дѣятельности думы, какъ и правительственнаго типа знатнаго думнаго совѣтника: между тѣмъ какъ въ высшемъ управленіи складывался кружокъ неродовитыхъ дѣльцовъ,

спеціально или преимущественно дѣйствовавшихъ на невоенныхъ должностяхъ, родовитый бояринъ до конца XVII в. оставался собственно *воеводой*, который сидѣлъ въ думѣ въ промежуткахъ между посылками на воеводство городское или полковое. Формы высшаго управленія стали измѣняться, когда началось разрушеніе правительственнаго класса, когда, пользуясь библейскою фразеологіей кн. Курбскаго и царя Ивана, на мѣсто «сильныхъ во Израилѣ» стали являться созданныя изъ камней чада Авраама. Это было въ XVII в. Но и тогда эти формы еще обнаруживаютъ большую живучесть. Послѣ того какъ утратилъ силу политическій договоръ, мѣстничество осталось единственною опорой политическаго положенія боярства. Знатные люди чувствовали его политическую цѣну, когда говорили въ концѣ XVI вѣка: «то ихъ смерть, что имъ безъ мѣсть быть». Такъ какъ мѣстничество основано было на связи политическаго положенія родовитаго человѣка съ значеніемъ его предковъ, слѣдовательно на преданіи, и это преданіе часто не имѣло никакой опоры ни въ экономическомъ положеніи, ни въ личномъ значеніи родовитыхъ потомкомъ, то московское боярство царя Алексѣя можно назвать въ полномъ смыслѣ слова аристократіей воспоминаній. Но эта аристократія понесла столько потерь въ своемъ генеалогическомъ составѣ, такъ разбилась, растворяясь въ массѣ дворянства, что стало трудно поддерживать мѣстническій порядокъ, высчитывать «отечество» каждаго, и въ концѣ вѣка сами наличные остатки боярства принуждены были согласиться на отмѣну того, за что, какъ выразился одинъ бояринъ царя Алексѣя, «прежде наша братія помирали». Такъ не боярство умерло потому, что осталось «безъ мѣсть», чего оно боялось въ XVI в., а «мѣста» исчезли потому, что умерло боярство и некому стало сидѣть на нихъ. Послѣдніе бояре сами чувствовали необходимость перемѣстить свое политическое положеніе на новыя основанія: мысль объ этомъ и блеснула

въ ихъ одновременномъ съ отрицаніемъ мѣстничества проектѣ о «великородныхъ вѣчныхъ намѣстникахъ». Не смотря на это, боярская дума и въ XVII в. дѣйствовала попрежнему, въ прежнемъ порядкѣ и по формѣ съ прежнимъ политическимъ авторитетомъ, такъ что становится замѣтно противорѣчіе между ея устройствомъ и ея соціальнымъ составомъ. Еслибы сторонній наблюдатель, не зная, что случилось съ боярствомъ, внимательно посмотрѣлъ на боярскую думу во второй половинѣ XVII в., она показалась бы ему торжественной палатой, устроенной и убранной для великородныхъ и властныхъ посѣтителей, товарищей хозяина; но такіе посѣтители почему-то перестали являться въ палату, а пришли туда невзыскательные рабочіе люди, простые исполнители хозяйской воли, которымъ нужна была не такая палата, а простая рабочая канцелярія, «изба», какъ назывались приказы въ XVI в. Нѣчто подобное этому впечатлѣнію и можно прочесть между строками у нѣкоторыхъ иностранцевъ XVII в. въ извѣстіяхъ о думѣ. Боярская дума, какъ правительственное учрежденіе, пережила боярство, какъ правительственный классъ.

Такъ московская боярская дума по своему устройству и характеру дѣятельности была созданиемъ того же факта, который послужилъ исходной точкой исторіи самого Московскаго государства. Это государство началось военнымъ союзомъ мѣстныхъ государей Великороссіи подъ руководствомъ самаго центрального изъ нихъ, союзомъ, вызваннымъ образованіемъ великорусской народности и ея борьбой за свое бытіе и самостоятельность. Дума стала во главѣ этого союза съ значеніемъ военно-законодательнаго совѣта мѣстныхъ союзныхъ государей съ ихъ вольными слугами-боярами, собравшихся въ Москвѣ подъ предсѣдательствомъ своего вождя.

П Р И Л О Ж Е Н І Я.

I (къ стр. 15).

Для прекращенія усилившагося разбойничества епископы посовѣтовали Владиміру „казнить“ разбойниковъ, отмѣнивъ виры за разбой. Значитъ, при Владимірѣ до этого постановленія дѣйствовало другое уголовное право, не похожее на Русскую Правду, по которой разбойникъ наказывался „потокомъ и разграбленіемъ“ съ женою и съ дѣтьми. Это во первыхъ. Во вторыхъ, словомъ „казнить“ на языкѣ древнерусскаго права XI и XII в. не означалась исключительно смертная казнь; изъ одного мѣсталаѣтописи (Ипат. 226) видно даже, что подъ „казнью“ не разумѣлась именно смертная казнь. Извѣстная статья Русской Правды о холопяхъ-татахъ показываетъ, что и денежный штрафъ въ пользу князя назывался казнью. Но казнь была правительственнымъ наказаніемъ, возмездіемъ отъ правительства и въ пользу правительства, а не въ пользу частныхъ лицъ, если это была денежная пеня. Поэтому заслуживаетъ вѣроятія этимологическое сближеніе словъ казнь и казна. Вира по Русской Правдѣ была денежной пеней въ пользу князя или казны, т. е. была казнью. Если Владиміръ замѣнилъ виру за разбой казнью, то надобно заключить отсюда, что при немъ вира не была штрафомъ въ пользу князя. На другомъ засѣданіи думы епископы по случаю борьбы съ Печенѣгами сказали князю: „оже вира, то на оружьи и на конихъ буди“. Князь согласился. Лѣтопись не указываетъ прямой связи этого постановленія съ предшествующимъ. Вира взималась не за одинъ разбой. До отмѣны права мести ею наказывалось убійство челоуѣка, за котораго некому было мстить, какъ и убійство, виновникъ котораго оставался неизвѣстенъ. Надобно думать, что въ послѣднемъ случаѣ уже до Ярослава штрафъ платило общество, въ которомъ совершилось преступленіе и которое не могло или не хотѣло обнаружить преступника. Но этимъ самъ собою предпо-

лагался и обратный случай, о которомъ не говоритъ Русская Правда: за убійство человѣка, у котораго не было кровныхъ мстителей, требовало вознагражденія общество, къ которому онъ принадлежалъ или въ которомъ совершилось убійство, если убійца былъ извѣстенъ. Такой случай разсказанъ въ скандинавской сагѣ объ Олафѣ, въ которой несомнѣнно уцѣлѣли иногда въ искаженномъ видѣ дѣйствительныя черты Владимірова времени. Олафъ въ Гольмгардѣ (Новгородѣ) убилъ Клеркона. Весь народъ сбѣжался, требуя его смерти. Княгиня приняла мальчика подъ свое покровительство и готова была защищать его отъ народа своими слугами. Князь примирилъ обѣ стороны, присудилъ за убійство виру, а княгиня заплатила ее (Русск. Ист. Сб. Общ. Ист. и Др. Р. IV, 41—43). Изъ этого же разсказа саги видно, что при Владимірѣ вира за убійство шла не въ пользу князя: князь присудилъ штрафъ съ Олафа новгородскому обществу: странно было бы предположить, что по приговору мужа княгиня ему же заплатила деньги за Олафа.

Итакъ оба постановленія говорятъ о различныхъ предметахъ, и второе не отмѣна перваго, а новый законъ. Но между обоими законами была тѣсная внутренняя связь, почему лѣтописное преданіе и разсказываетъ объ нихъ рядомъ: первый замѣнялъ виру за разбой какимъ-то правительственнымъ наказаніемъ; второй обращалъ виру за простое убійство („въ свадѣ“ по Русской Правдѣ) на вооруженіе ратныхъ людей, т. е. и всѣ остальные виры превращалъ въ „казнь“, въ наказаніе правительственное, въ казенное взысканіе, какимъ онѣ являются въ Русской Правдѣ. По уцѣлѣвшимъ въ позднѣйшемъ сводѣ словамъ лѣтописца XIII в. виры специально шли на содержаніе боевой дружины князя (И. С. Лѣт. V, 87: „Ти (древніе) князи не собираху многа имѣнія, ни творимыхъ вирь, ни продажъ вскладаху на люди, но оже будяше правая вира, и ту возма, даваше дружинѣ на оружіе“). Оба закона измѣняли дѣйствовавшее право въ одномъ направленіи, превращали въ правительственное взысканіе пеню за преступленіе, шедшую прежде въ пользу частныхъ лицъ или обществъ; только второй законъ, измѣняя уголовное право, вмѣстѣ съ тѣмъ вносилъ важную новостъ въ систему налоговъ. Этотъ второй законъ вводилъ то, что потомъ видимъ въ Русской Правдѣ; ею же можно объяснить и первый законъ, т. е. можно думать, что вира за разбой была замѣнена потокомъ и разграбленіемъ разбойника, правительственной продажей его въ рабство на-сторону съ конфискаціей его имущества. Если такъ, то оба внушенныя думой постановленія Владиміра ставятъ насъ при началѣ законодательнаго процесса, создавшаго Рус-

скую Правду. Инициатива переработки древняго русскаго права идетъ здѣсь отъ духовенства: мы по нѣкоторымъ признакамъ считаемъ и Русскую Правду кодексомъ, выработаннымъ въ средѣ духовенства для удовлетворенія потребностей порученной ему широкой юрисдикціи по недуховнымъ дѣламъ, которой подчинены были такъ-называвшіеся «церковные люди».

Догадка, что второй законъ былъ отмѣной перваго, повидимому внушалась изслѣдователямъ заключительными словами лѣтописнаго разсказа. Сказавъ, что князь согласился со вторымъ предложеніемъ епископовъ, лѣтопись прибавляетъ: «и живяше Володимеръ по устроенью отню и дѣдню». Значитъ, первый законъ, замѣнившій виры за разбой казнью, былъ противъ этого «отня и дѣдня устроенья». Но эти слова лѣтописи могутъ имѣть и совершенно обратный смыслъ. Владиміръ на вопросъ епископовъ, почему онъ не казнить разбойниковъ, сослался не на устроенье отца и дѣда, а на свое христіанское чувство нравственной отвѣтственности, сказалъ: „боюсь грѣха“. Съ другой стороны, арабъ Ибнъ-Даста, писавшій именно при дѣдѣ Владиміра, говоритъ о русскихъ Славянахъ, что царь ихъ, поймавъ разбойника, приказываетъ задушить его или отсылаетъ его подъ надзоръ какого-либо правителя на отдаленныхъ окраинахъ своихъ владѣній (Г. Гаркави, Сказ. мусульм. писат. о Славянахъ и Русскихъ, стр. 267). Послѣднія неясныя слова намекаютъ на какое то наказаніе, состоявшее въ ссылкѣ преступника на границу страны, т. е. похожее на потокъ и разграбленіе Русской Правды. Можетъ быть, Владиміръ подъ вліяніемъ христіанскаго чувства смягчилъ наказаніе за разбой, уравнявъ это преступленіе съ простымъ убійствомъ. Извѣстный разсказъ о разбойникѣ Могутѣ, котораго простилъ Владиміръ, повидимому поддерживаетъ это предположеніе (Никон. I, 112). Въ такомъ случаѣ смыслъ лѣтописнаго разсказа становится ясенъ. Уже при дѣдѣ Владиміра правительство взяло въ свои руки преслѣдованіе разбоя, отличая его отъ убійства въ ссорѣ, за которое предоставляло попрежнему мстить или брать виру частнымъ лицамъ и обществамъ. Кажется, уже до Русской Правды за простое убійство чаще брали виру, чѣмъ метили смертью. Владиміръ и расправу за разбой предоставилъ частнымъ лицамъ и обществамъ. Тогда епископы, приуменьшая свои понятія о наказаніяхъ къ мѣстнымъ юридическимъ обычаямъ, присовѣтовали Владиміру казнь разбойниковъ, похожую на ту, какая уже употреблялась при его отцѣ и дѣдѣ, какъ впоследствии духовенство провело въ судебную практику наказаніе за цѣлый рядъ не

вмѣнявшихся прежде преступленій религиозно-нравственнаго характера, приноровляясь къ господствовавшему въ странѣ обычаю денежныхъ штрафовъ. Но частныя лица и общества и послѣ того вимали виру не только за простое убійство, но и за разбой въ случаѣ, если разбойника не могли поймать или не хотѣли выдать: въ этомъ случаѣ взысканіе падало на общество, въ которомъ совершено преступленіе или въ которомъ скрылся преступникъ. Воспользовавшись борьбой съ Печенѣгами, епископы и старцы присовѣтовали князю всѣ вируы обратить въ казенный доходъ на военныя нужды. Такимъ образомъ при Владимірѣ и штрафъ за простое убійство превращенъ былъ въ правительственную кару, какой прежде подлежалъ разбой, т. е. довершено было то, что начали отецъ и дѣдъ этого князя. Это и разумѣемъ мы подъ «отънимъ и дѣднимъ устроеніемъ» лѣтописи.

II (къ стр. 88).

Духовныя грамоты московскихъ князей могутъ служить надежными указателями успѣховъ этого движенія. Со второй половины XIV в., особенно съ куликовщины, стали прочищаться степь и Поволжье на югъ отъ линіи Оки между Рязанью и Нижнимъ; становятся замѣтны русскія поселенія въ Мещерской землѣ и мордовскихъ лѣсахъ по правому берегу Волги. Во второй половинѣ XIV в. видимъ усилія со стороны населенія Нижегородскаго княжества продвинуться къ Сурѣ и за эту рѣку. Въ уцѣлѣвшемъ отрывкѣ нижегородской лѣтописи къ 1371 г. отнесено одно любопытное извѣстіе объ этомъ. Нижегородскій купецъ Тарасъ Петровъ Новосильцевъ, который за услуги, оказанныя князю, пожалованъ былъ имъ въ званіе боярина, счелъ возможнымъ выдвинуть поселенія за рѣку Кудьму и основалъ 6-ть селъ съ деревнями по р. Сундовику, на землѣ, купленной у нижегородскаго князя, населивъ ихъ выкупленными изъ Орды плѣнниками. Въ 1372 году былъ основанъ городецкимъ княземъ Борисомъ городъ Курмышъ на самой Сурѣ. Подъ защитой этого города является цѣлый округъ русскихъ поселковъ, выдвигавшихся еще далѣе на востокъ, Засурье, какъ называетъ его лѣтописецъ. Правда, эти поселенія возникали на зыбкой, опасной почвѣ: татарскія и мордовскія нападенія вскорѣ повидимому стерли ихъ. Погибли и Тарасовы села по Сундовику, когда, по выраженію мѣстной лѣтописи, запусылъ отъ Татаръ тотъ уѣздъ. Но усилія колонизаціи не пропадали безслѣдно; послѣ погро-

ма новыя русскія поселенія возникали на мѣстѣ разрушенныхъ. Въ духовной великаго князя Василія Димитріевича (около 1406 года) является Курмышъ «съ селами, съ путыми и съ пошлинами, со всѣмъ, что къ нему потягло». То же происходило и на южной окраинѣ: въ началѣ XV вѣка въ далекомъ Задонѣ существовали уже рязанскія волости, которыя въ 1415 г. вмѣстѣ съ Елецкой землей пострадали отъ Татаръ. Одновременно съ движеніемъ колонизаціи по правому берегу средней Волги появляются русскіе поселки и на другой ея сторонѣ. Другая, позднѣйшая духовная того же великаго князя Василія упоминаетъ о Керженѣ, одной изъ нижегородскихъ волостей; еще раньше въ 1373 г. возвращавшіеся съ Волги на Вятку разбойники-ушкуйники пограбили по Ветлугѣ множество селъ и волостей, также по видимому русскихъ (Др. Р. Вивл. XVIII, 72. Никон. IV, 34, 38, 53; V, 55). Съ того же времени появляются признаки движенія изъ центрального междурѣчья, преимущественно изъ ростовскаго края, на сѣверъ, на перерѣзъ восточной колонизаціи изъ Новгорода. Писатель XV вѣка Паисій Ярославовъ, рассказывая въ своей лѣтописи о возникновеніи и первоначальной судьбѣ (въ XIII и XIV в.) Каменнаго монастыря на Кубенскомъ озерѣ, замѣчаетъ, что тогда еще не вся заволжская земля была крещена, много было не крещенныхъ людей. Надобно думать, что съ половины XIV вѣка два обстоятельства помогли крещеной Руси проложить путь въ этомъ направленіи: во первыхъ, князья московскіе, ставъ великими, укрѣпили свой авторитетъ въ Новгородѣ, и по ихъ договорнымъ грамотамъ съ послѣднимъ видно, что предоставляя льготы новгородскимъ купцамъ въ Низовой землѣ, они не забывали выгодъ низовыхъ промышленниковъ, заводившихъ дѣла на новгородскомъ сѣверѣ; во вторыхъ, усилившіяся опасности на западѣ и югѣ, со стороны Швеціи, Ливонскаго ордена и Литвы, вмѣстѣ съ внутренними смутами партій отвлекали силы вольнаго города въ другую сторону и ослабили его движеніе на востокъ. Съ конца XIV вѣка колонизація съ Низа дѣлаетъ замѣтные успѣхи, проникаетъ далеко на сѣверъ, переваливъ за водораздѣлъ Волги и сѣверной Двины и ставя новые поселки въ новгородскомъ Заволочѣ. Въ завѣщаніяхъ Димитрія Донскаго и его старшаго сына упоминаются села московскихъ служилыхъ людей въ Вологодской и даже Устюжской области. Лѣтописный рассказъ о попыткахъ великаго князя Василія Димитріевича отнять у Новгорода Двинскую землю и о жестокой борьбѣ въ Заволочѣ, которой онѣ сопровождались, даетъ видѣть, какъ въ порубежныхъ княжествахъ Бѣ-

дозерскомъ и Галицкомъ при помощи новгородскихъ бѣглецовъ, также Устюжанъ и Вятчанъ, составлялись иногда подъ предводительствомъ бояръ этихъ княжествъ вольныя дружины, которыя, нападая на Заволочье, указывали дорогу въ эту сторону земледѣльческой колонизаціи. Далѣе, съ половины XIV вѣка возникаетъ и постепенно усиливается въ XV в. знаменательное движеніе иноческихъ колоній изъ Низовой земли. Любопытно, что и это движеніе идетъ къ сѣверу по направленію къ новгородскому Заволочью. Среди глухихъ дѣбрей обширнаго пространства, по которому шла граница вологодскаго и костромскаго края, въ области водораздѣла сѣверной Двины и Волги, по рѣчкамъ Глушицѣ, Пелшмѣ, Нурмѣ и другимъ возникали новые монастыри, основатели которыхъ большею частію выходили изъ обители преп. Сергія Радонежскаго или ея старшихъ колоній. Пустынные монастыри того времени были лучшими показателями направленія, въ какомъ шло крестьянское населеніе; по уцѣлѣвшимъ актамъ Павлова Обнорскаго и нѣкоторыхъ другихъ монастырей того края видно, что возникшая въ пустынѣ обитель снѣшила окружить себя деревнями и починками, число которыхъ росло съ каждымъ десятилѣтіемъ. Именно около того времени, къ которому относятся монастырскія поселенія на этихъ рѣчкахъ, послѣднія появляются одна за другой въ духовныхъ Димитрія Донскаго, его старшаго сына и внука, какъ волости, принадлежащія князю московскому. Такими путями населеніе низовой Руси проникало въ глубь новгородскаго сѣвера. Этимъ объясняется одно неожиданное явленіе. Великій князь Иванъ III, перечисляя въ своей духовной грамотѣ волости въ Заволоцкой землѣ по Вагѣ и Двинѣ, называетъ и «Ростовщину». Одинъ списокъ двинскихъ земель 1471 года указываетъ въ томъ же краю по Вагѣ и по Двинѣ до рѣки Си «ярославскій рубежъ» и рядъ вотчинъ ростовскихъ князей, владѣвшихъ ими еще до паденія Новгорода; одна изъ этихъ вотчинъ была въ рукахъ двинскихъ бояръ Своеземцевыхъ. Колонизація, шедшая на сѣверъ изъ Ростовской и Ярославской земель, была причиной того, что владѣнія ростовскихъ и ярославскихъ князей такъ глубоко врѣзались клиномъ въ новгородское Заволочье. Это движеніе пошло сюда очень рано: извѣстная рядная грамота предка упомянутыхъ Своеземцевыхъ, которую можно отнести по нѣкоторымъ признакамъ къ началу XIV вѣка, обозначая границы земли этого двинскаго посадника въ шенкурскомъ краю, упоминаетъ уже о «ростовскихъ межахъ» (А. А. Э. I, № 94, П. А. Юр. № 257, I.).

III (къ стр. 102).

Погодинъ установилъ мнѣніе, которое доселѣ, кажется, остается господствующимъ въ нашей литературѣ, что въ разныхъ областяхъ древней кievской Руси одновременно ходили гривны кунъ разнаго вѣса, именно кievская гривна содержала въ себѣ серебра треть нашего фунта, новгородская полфунта, а смоленская только четверть. Это мнѣніе основано частію на письменныхъ памятникахъ, которые говорятъ о гривнахъ кунъ съ обозначеніемъ ихъ вѣса, частію на вѣсѣ нѣсколькихъ экземпляровъ старинной гривны кунъ, найденныхъ въ разныхъ мѣстахъ Руси. Но это мнѣніе едвали не слѣдуетъ признать простымъ недоразумѣніемъ. Гривны разнаго вѣса принадлежали не разнымъ областямъ Руси, а разнымъ эпохамъ ея экономической исторіи. Смоленская гривна потому оказалась вѣсомъ въ четверть фунта, что извѣстіе о ней нашли въ памятникѣ начала XIII в., именно въ смоленскомъ договорѣ 1229 г. съ Ригой и Готскимъ берегомъ. Но въ началѣ XIII в. и въ другихъ областяхъ Руси ходила гривна точно такого же вѣса: такая именно гривна по договору новгородскаго князя Ярослава съ Нѣмцами ходила уже въ самомъ концѣ XII в. (около 1199 г.) въ томъ самомъ Новгородѣ, которому приписываютъ неизмѣнную полуфунтовую гривну. Разборъ различныхъ указаній, которыхъ здѣсь не излагаемъ, привелъ насъ къ такимъ заключеніямъ. Мѣстныхъ постоянныхъ гривенъ кунъ разнаго вѣса не существовало; всюду ходила одинаковая общерусская гривна. Но въ XII и XIII в. эта гривна всюду постепенно становилась легковѣснѣе. Причиной того было постепенное уменьшеніе прилива серебра на Русь вслѣдствіе упадка внѣшней торговли. Найденныя гривны въ полфунта или около того относятся къ концу XI или началу XII в., можетъ быть и къ болѣе раннему времени. Но около половины XII в. ходили уже гривны немного менѣе 40 золотниковъ вѣсомъ, а съ конца этого вѣка вѣсъ ихъ упалъ до четверти фунта и продолжалъ падать еще ниже въ XIII в. Русская Правда въ первоначальномъ своемъ видѣ, по нѣкоторымъ, впрочемъ недостаточно яснымъ признакамъ, считала на полуфунтовую гривну, но окончательную редакцію получила уже при гривнѣ въ 24 золотника или около того.

IV (къ стр. 108—116).

Путь, какъ отдѣльное вѣдомство обширнаго дворцоваго управленія, очевидно, тоже, что Владиміръ Мономахъ въ своемъ Поученіи называетъ «нарядомъ» логчимъ, коню-

шимъ, сокольничимъ (Лаврент. 242). Управители дворцовыхъ путей и другіе дворцовые сановники за свою службу въ видѣ награды получали во владѣніе дворцовыя села, волости и даже, можетъ быть, города на правахъ намѣстниковъ и волостелей. Эти административныя пожалованія или кормленія также носили названіе путей. Такъ были дворецкіе съ путемъ, крайчіе, постельничіе съ путемъ и проч. Пожалованіе путемъ было честью, повышеніемъ по службѣ: крайчій съ путемъ считался честью выше крайчаго безъ пути, выше и другаго должностнаго лица, равнаго по должности простому крайчему. Въ этихъ путныхъ пожалованіяхъ замѣтны признаки нѣкоторой правильности. Въ XVII в. дворецкіе преемственно получали въ путь извѣстные доходы съ однихъ и тѣхъ же ярославскихъ дворцовыхъ слободъ (см. примѣчаніе на стр. 120). Крайчимъ съ путемъ обыкновенно давалась во владѣніе дворцовая волость Гороховець (Др. Р. Вивл. XX, 182). Въ древнерусскихъ памятникахъ слово путь является съ разнообразными значеніями и въ дворцовой администраціи. Путемъ называлось все, что давало доходъ, чѣмъ доходили до извѣстной прибыли, пользы; отсюда путный въ смыслѣ полезнаго, годнаго, дѣльнаго; отсюда и выраженіе: «въ немъ пути не будетъ». Положеніе человѣка въ обществѣ, занятіе, которымъ онъ жилъ, было его путемъ. Въ поздней редакціи Русской Правды (по изд. г. Калачова IV, ст. 4) читаемъ, что за ударъ жердью или за толчокъ потерпѣвшему боярину, простолюдину или не крещенному варягу платится безчестіе «по ихъ пути». Путь—промыселъ, всякое прибыльное дѣло или доходная статья; отсюда выраженіе поземельныхъ актовъ: «пути и ухояи». О разбойникахъ, которые ходили промыслять грабежемъ по Волгѣ, о «волжаныхъ» говорили въ XIV вѣкѣ: «кто въ путь ходилъ на Волгу» (И. С. Р. Лѣт. IV, 94 и 97). Въ XII в. походъ князя на Литву или въ степь на поганыхъ также назывался путемъ (Ипат. 454 и сл.). Пайщикъ въ компаніи соловаровъ называлъ своимъ путемъ принадлежавшую ему долю въ промыслѣ (Сб. грам. Тр. Серг. мон. № 530, л. 1197). Въ дальнѣйшемъ развитіи своего значенія путь—право на извѣстный доходъ, угоды, землю. Въ такомъ смыслѣ употребляютъ княжескія грамоты XIV в. выраженіе «старѣйшій путь», означавшее право на извѣстныя земли и доходы, принадлежавшее старшему великому князю въ силу его старшинства (Собр. гос. гр. и дог. I, №№ 23 и 34). Волость, отдавая крестьянину участокъ земли въ пользованіе, писала въ грамотѣ: «да въ томъ ему и путь дали»; писать грамоту, коей утверждалось это право пользованія, значило «путь писать» (А. Юр. № 175).

V (къ стр. 129).

Легко замѣтить, что этотъ «списокъ» не есть точная копія съ подлиннаго акта, а его передѣлка или парафраза. Начавъ говорить отъ имени давшаго грамоту кн. Димитрія, списокъ потомъ выражается о немъ въ третьемъ лицѣ, переходя въ простое повѣствованіе о томъ, за что Новосильцевъ изъ кунцовъ былъ пожалованъ въ бояре и какъ составлена была эта «мѣстная» грамота. По лѣтописямъ неизвѣстно большинство лицъ, упоминаемыхъ въ спискѣ. Архимандритъ нижегородскаго Печерскаго монастыря Юна вѣроятно преемникъ Діонисія, основателя и перваго архимандрита этой обители. Такъ какъ Діонисій сталъ епископомъ суздальскимъ и нижегородскимъ въ 1374 г., то грамота составлена между этимъ и 1383 г., когда умеръ кн. Димитрій. Но что значитъ появленіе въ актѣ епископа нижегородскаго Серапіона, нигдѣ болѣе не упоминаемаго, когда архіереемъ той епархіи все это время оставался Діонисій, который только за 5 дней до смерти кн. Димитрія Константиновича поѣхалъ въ Царьградъ ставиться въ митрополита (Никон. IV, 142)? Діонисій былъ епископомъ суздальскимъ и нижегородскимъ и имѣлъ «столъ» въ Суздальѣ, а въ Нижнемъ бывалъ временно, какъ можно заключить изъ словъ лѣтописи (Тамъ же, 131; П. С. Л. VIII, 21, г. 6883). Серапіонъ въ грамотѣ названъ владыкой нижегородскимъ, городецкимъ, сарскимъ и курмышскимъ, но не суздальскимъ. Притомъ извѣстно, что еще по желанію отца Димитріева, перенесшаго великокняжескій столъ изъ Суздаля въ Нижній, поставленъ былъ особый епископъ для новой резиденціи вел. князя (Арх. Филарета, Русск. Святые, окт. стр. 228). Думаемъ, что Серапіонъ былъ нижегородскимъ епископомъ—намѣстникомъ или викаріемъ суздальско-нижегородскаго епископа Діонисія. Въ грамотѣ упомянутъ одинъ викарій, можетъ быть потому, что Діонисія тогда не было на Руси; а онъ ѣздилъ въ Царьградъ въ 1380—1381 г., чѣмъ точнѣе опредѣляется время составленія грамоты. Изъ совѣтниковъ нижегородскаго князя, которыхъ разсаживаетъ грамота, на первомъ мѣстѣ встрѣчаемъ тысяцкаго Димитрія Алибуртовича, князя волынскаго. Этотъ тысяцкій своимъ титуломъ, очевидно, и заинтересовалъ Арт. Петр. Волынскаго, благодаря чему документъ и попалъ въ слѣдственное дѣло о знаменитомъ кабинетъ-министрѣ имп. Анны. Этотъ Алибуртовичъ—безвѣстный, не упоминаемый даже въ старинныхъ нашихъ родословныхъ сынъ седьмаго Гедиминовича Любарта, котораго князь Волыни за немѣніемъ собственныхъ сыновей взялъ «къ дочцѣ своей на свое мѣсто

на княженіе» (Родосл. въ X кн. Времен. Общ. Исторіи и Др. Р., стр. 84). Старшій сынъ этого Любарта, родоначальникъ князей Сангушекъ, княжилъ послѣ отца на Вольтыни, а младшій тревожными судьбами того времени занесенъ былъ на берега Волги и служилъ нижегородскимъ тысяцкимъ. Изъ другихъ совѣтниковъ нижегородскаго князя только о Т. Новосильцевѣ говоритъ мѣстная лѣтопись (Др. Росс. Вивл. XVIII, 72). Объ остальныхъ нѣтъ ясныхъ указаній ни въ лѣтописяхъ, ни въ родословныхъ. Любопытная черта нижегородскаго боярскаго совѣта, описываемаго въ грамотѣ, численное преобладаніе князей. Лѣтопись, рассказавъ, какъ московскій великій князь Димитрій въ самомъ началѣ своего княженія взялъ волю надъ княземъ ростовскимъ, а галицкаго и стародубскаго согналъ съ ихъ княженій, прибавляетъ, что тогда «все князи» отъѣхали въ Нижній, «скорбяще о княженіяхъ своихъ» (Ник. IV, 5). Сличая княжескія имена въ грамотѣ съ родословной стародубскихъ князей, можно догадываться, что нѣкоторые изъ нихъ сидѣли въ совѣтѣ нижегородскаго великаго князя. Въ такомъ случаѣ любопытное по составу общество представлялъ этотъ совѣтъ, въ которомъ засѣдали князья-изгнанники изъ сосѣднихъ удѣловъ, бѣдный Гедиминичъ, пришедшій съ береговъ Стыря или Западнаго Буга, и два бывшіе нижегородскіе купца.

VI (къ стр. 210 и 216).

Говоря о боярахъ отъ концовъ, мы не касаемся ихъ судебного значенія. По новгородской Судной грамотѣ 1471 г. при судебномъ докладѣ «во владычнѣ комнатѣ» присутствовали 10 «докладчиковъ», именно по одному боярину и по одному житъему отъ конца (А. А. Эксп. I, 71). Это были постоянные судебные засѣдатели, собиравшіеся три раза въ недѣлю. Хотя нѣтъ прямыхъ указаній на ихъ отношеніе къ суду княжескаго намѣстника съ посадникомъ, имѣвшему мѣсто также «во владычнѣ дворѣ», однако судъ докладчиковъ можно назвать судебной коллегіей при новгородскомъ правительственномъ совѣтѣ, собиравшемся «у владыки въ полатѣ». Но, вопервыхъ, ни откуда не видно, чтобы эти судные бояре и житьи люди отъ концовъ принимали постоянное участіе въ политическихъ дѣлахъ боярскаго совѣта. Вторыхъ, судъ этихъ докладчиковъ повидимому возникъ уже въ послѣднее время новгородской вольности, а не былъ стариннымъ учрежденіемъ. Въ концѣ XIV в. встрѣчаемъ судныхъ бояръ и житьихъ людей, но представителями не концовъ, а тяжущихся сторонъ. Въ 1384 г. Новгородцы постановили навѣчѣ не ѣздить на судъ къ митрополиту въ Москву, но су-

дить новгородскому владыцѣ по Номоканону, а посаднику и тысяцкому судить свои суды по крестному цѣлованію, а истцу и отвѣтчику «на судъ поимати по два боярина и по два житья съ сторонѣ» (И. С. Р. Лѣт. IV, 91).

Нѣмецкое донесеніе 1331 г. изъ Новгорода рижскому городскому совѣту вскрываетъ нѣкоторыя любопытныя черты отношеній разныхъ новгородскихъ властей. Нѣмцы подрались ночью съ Русскими и одного положили на мѣстѣ. На другой день Новгородцы собрались на вѣче вооруженные и съ распущенными знаменами, принесли и убитаго. Съ вѣча послали къ Нѣмцамъ биричей съ требованіемъ немедленной выдачи виновныхъ, грозя въ противномъ случаѣ перебить всѣхъ. Не добившись требуемаго, толпа съ вѣча бросилась на нѣмецкій дворъ и принялась разбивать и грабить, пока княжескій судья (*des konighes rechter*) не прогналъ ея оттуда. Тогда вѣче послало трехъ другихъ биричей съ тѣмъ же требованіемъ. Нѣмцы нашли одного изъ своихъ, у котораго оказался мечъ въ крови, и предложили его; но Русскіе потребовали 50 головъ (*houede*). Такъ прошелъ день; Новгородцы поставили караулъ стеречь Нѣмцевъ на ихъ дворѣ. Ночью послы отъ Нѣмцевъ явились къ тысяцкому и удовлетворили истца (*den Sacwolden*), вѣроятно ближайшаго родственника убитаго, предложивъ ему за голову 80 рублей (*stucken sylvers*: «старый» новгородскій рубль XIV в. содержалъ въ себѣ 80 золотн. серебра. Г. Прозоровскаго, Монета и вѣсъ, 503). Сверхъ того дано было посаднику 10 р. и намѣстнику князя 5 р., а тысяцкій отказался отъ денегъ. На другой день опять собралось вѣче и потребовало отъ Нѣмцевъ черезъ прежнихъ трехъ биричей либо выдачи 50 человекъ, либо уплаты 2500 р., именно 1000 Новгороду, 1000 князю и 500 истцу. Нѣмцы объявили, что съ истцомъ они уже помирились, и пообѣщали биричамъ по фіолетовому платю и по боченку вина. Вѣче разсердилось, узнавъ о примиреніи истца: какъ онъ смѣлъ помириться безъ новгородскаго слова! Посланцы вѣча еще разъ явились къ Нѣмцамъ и потребовали съ нихъ 2000 р. «за обиду» (*vor ere smaheyt*). Нѣмцы предложили 40 р., и биричи въ гнѣвѣ воротились на вѣче. Вечеромъ пришелъ къ Нѣмцамъ новый посланецъ, объявившій, что его послали «300 золотыхъ поясовъ» (*guldene gordele*). Сущность его заявленія состояла въ томъ, что Новгороду Великому денегъ не нужно, что у него и своего довольно, но что онъ требуетъ 50 головъ, а они, Нѣмцы, не выдаютъ ни головъ, ни денегъ: сами посудите, есть ли тутъ правда. Нѣмцы должны выйти съ имуществомъ изъ церкви, гдѣ они скрылись, оставивъ тамъ виноватыхъ, съ которыми Новгородъ

поступить по закону. Мы вамъ выдавали виновнаго, отвѣчали Нѣмцы, но вы его не приняли, а требуете 50 головъ: Богъ свидѣтель, что вы требуете невинныхъ людей. Посланецъ въ жесткихъ выраженіяхъ повторялъ, что ему было наказано. Нѣмцы объявили, что они готовы заплатить 100 р., что больше не могутъ, и просили посланнаго сказать это 300 золотымъ поясамъ и похлопотать о томъ, за что ему будетъ дано фіолетовое платье. Ночью чрезъ одного изъ тѣхъ же трехъ вѣчевыхъ биричей посадникъ заявилъ Нѣмцамъ, что если они дадутъ ему 20 р. и два пурпуровыхъ платья, онъ возьметъ все дѣло на себя и уладитъ его, причемъ биричъ потребовалъ и себѣ съ товарищами 10 руб. и пурпуроваго платья, да по фіолетовому платью еще двумъ важнымъ господамъ, почему-то вмѣшавшимся въ дѣло. Поутру три бирича съ этими двумя господами пришли и объявили Нѣмцамъ, что Новгородъ прощаетъ ихъ и принимаетъ 100 р. Тутъ одинъ изъ принеженныхъ, представлявшій интересы князя, заявилъ, что и князь долженъ получить столько же. Но одинъ изъ биричей возразилъ: что обѣщано княжему намѣстнику, то слѣдуетъ ему заплатить; Новгородцы получаютъ 100 руб., а съ княземъ они сами сочтутся, какъ слѣдуетъ. Что касается до насилія, учиненнаго толпой съ вѣча надъ Нѣмцами, то объ этомъ они и рѣчи не заводили бы, а скорѣе поцѣловали бы крестъ на томъ, что не будутъ мстить за это. Тутъ посадникъ ввелъ въ дѣло новое обстоятельство. Года за два передъ тѣмъ въ Дерптѣ убили новгородскаго посла Ивана Сыпа, важнаго человѣка, женагаго на сестрѣ посадника. Послѣдній теперь заявилъ, что его племянники должны выступить истцами по дѣлу, что они хотятъ мстить за отца, и потребовалъ 50 р. выкупа. Нѣмцы возразили, что имъ нѣтъ дѣда до Дерпта, что они «заморскіе гости» (*gheste van over see*: ссору начали Нѣмцы готскаго двора съ острова Готланда). Посадникъ понизилъ требованіе до 40, потомъ до 30 и даже 20 руб. Нѣмцы уже согласились было на уплату. Но пришли «новгородскіе господа» (*heren van Nogatden*) и отмѣнили эту сдѣлку, объявивъ, что заморскіе Нѣмцы не отвѣчаютъ за дерптскихъ, а боярина своего Ивана они не отдадутъ и за тысячу рублей. Нѣмцамъ предложено было поцѣловать крестъ на мировой записи, въ которой они, признавая себя виновными въ случившемся и прося снисхожденія къ поступку, совершенному въ пьяномъ состояніи, обѣщались заплатить Новгороду 100 руб. да сверхъ того дать обѣщанное намѣстнику, посаднику, тысяцкому и биричамъ. Нѣмцы объявили, что имъ обидно цѣловать крестъ на такой записи, и представили тысяцкому свою, въ которой вся вина

сваливалась на Новгородцевъ. Выслушавъ запись, тысяцкій съ бранью объявилъ посланнымъ, что она не годится. «Такъ стояло дѣло, пока тысяцкій докладывалъ нѣмецкую запись посадникамъ и господамъ Новгорода; они послали къ Нѣмцамъ тѣхъ же биричей, которыхъ посылали и прежде, и сказали то же, что говорилъ тысяцкій» (*bit de hertoghe wittlich dede den borchgreuen unn den heren van Nogarden der duschen bref. des sanden se deseluen boden to den duschen, de se en och er ghesant hadden etc.*). Нѣмцы были приневолены (*bi dwanghe*) поцѣловать крестъ на новгородской грамотѣ, по которой они должны были уплатить Новгороду 100 р. пени. Сверхъ того это дѣло стоило имъ 20 р., которые они посулили нѣкоторымъ новгородскимъ «господамъ» и биричамъ или позовникамъ при совѣтѣ господъ (*den Roregen bi der heren gade*. Русско-Лив. Акты, стр. 56—61).

Для насъ особенно важны слѣдующія черты новгородскаго управленія, обозначающіяся въ изложенномъ донесеніи. Во-первыхъ, посланцы вѣча являются вмѣстѣ и биричами при совѣтѣ господъ. Въ донесеніи поименованы пять такихъ посланцовъ; изъ нихъ трое, какъ очевидно по ходу разсказа, были биричи при совѣтѣ господъ; отношеніе двоихъ остальныхъ къ этому совѣту неясно. Двое изъ этихъ пяти посланцовъ были вмѣстѣ старостами, какими—неизвѣстно, вѣроятно уличскими или даже сотскими, какъ въ Псковѣ въ должности сотскаго встрѣчаемъ «старога придверника» при господѣ, если только «старый» не значитъ здѣсь «бывшій». Во-вторыхъ, Нѣмцы въ переговорахъ своихъ обращаются къ «герцогу», какъ они называютъ тысяцкаго въ отличіе отъ «бургграфа», посадника. Тысяцкій былъ предсѣдателемъ высшаго новгородскаго суда по торговымъ дѣламъ. Въ извѣстной грамотѣ кн. Всеволода церкви св. Іоанна на Опокахъ читаемъ, что для управленія всѣми дѣлами торговыми и «гостинными», для «суда торговаго» князь «поставилъ три старосты, отъ житыхъ людей и отъ черныхъ тысяцкаго, а отъ купцовъ два старосты». Значитъ, этотъ судъ состоялъ изъ тысяцкаго, представителя житыхъ и черныхъ людей, и двухъ старостъ, представителей купцовъ, т. е. изъ трехъ членовъ, а не изъ шести, какъ считаютъ иногда (напримѣръ Бѣляевъ въ Лекціяхъ по ист. русск. зак., стр. 139, и другіе), неправильно читая это мѣсто грамоты, думая, что въ составъ суда были назначены три старосты отъ житыхъ людей, затѣмъ тысяцкій отъ черныхъ и наконецъ два старосты отъ купцовъ. По одному договору Новгорода съ Нѣмцами дѣла между нѣмецкими гостями и туземцами разбирались только *in curia sancti Johannis coram duce et oldermanno*

nogardiensibus и нигдѣ болѣе (Bunge, Urkund. I, 522). Почему здѣсь при тысяцкомъ упомянуть одинъ староста, неизвестно. Изъ разсматриваемаго донесенія видно, что въ важныхъ случаяхъ тысяцкій докладывалъ такія дѣла совѣту господъ. Въ-третьихъ, надъ отдѣльными сановниками высшаго новгородскаго управленія явственно возвышается совѣтъ господъ. Тысяцкій докладываетъ «господамъ» предложенную ему Нѣмцами мировую запись; «господа» отмѣняютъ сдѣлку посадника съ Нѣмцами. Наконецъ, этотъ совѣтъ господъ замѣтно отличается и отъ 300 «золотыхъ поясовъ». Донесеніе ясно различаетъ эти названія. «Господа» приходили на дворъ къ Нѣмцамъ для переговоровъ: едвали это могла быть толпа въ 300 человекъ. Посланцомъ отъ золотыхъ поясовъ приходитъ къ Нѣмцамъ нѣкто Борисъ, котораго нѣтъ въ числѣ не разъ упоминаемыхъ донесеніемъ бирчей совѣта господъ. Притомъ золотые пояса являются въ тѣсной связи съ вѣчемъ: они поддерживаютъ его требованіе о выдачѣ виновныхъ, тогда какъ посадникъ и господа склоняютъ дѣло къ уплатѣ 100 р. Новгороду. Золотые пояса выступаютъ послѣ вѣча втораго дня и не появляются въ слѣдующіе дни, когда не замѣтно вѣча. Поэтому мы думаемъ, что эти «золотые пояса» были не члены совѣта господъ, а вся совокупность новгородскихъ властей, присутствовавшихъ на вѣчѣ, вся наличная правительственная знать города, старосты улицъ, слободъ, десятковъ, разныхъ мелкихъ городскихъ союзовъ, наконецъ бояре, не сидѣвшіе въ совѣтѣ господъ, но пользовавшіеся вліяніемъ въ мѣстныхъ кругахъ города и въ иныхъ случаяхъ являвшіеся представителями отъ концовъ. Они назывались такъ по особенностямъ въ одеждѣ, отличавшей ихъ отъ простыхъ гражданъ. Большая часть этихъ низшихъ городскихъ должностей повидимому также была въ рукахъ боярской и житейской знати. Въ послѣднее десятилѣтіе свободы Новгорода тамъ пользовался большимъ вліяніемъ нѣкто Памфилъ, сторонникъ аристократической партіи «великихъ бояръ», враждовавшей съ людьми «жителями и младшими». Въ житіи Соловецкихъ чудотворцевъ этотъ Памфилъ называется знатнымъ новгородскимъ бояриномъ, а въ 1476 г. онъ занималъ невысокій постъ старосты Федоровской улицы. Сынъ его, принадлежавшій по своему званію къ дѣтямъ боярскимъ, не смотря на то является «купецкимъ» старостой (И. С. Р. Л. VI, 203 и 220). Какъ вожди частей вооруженнаго города, люди этой знати въ Новгородѣ, очевидно, были то же, что «лучшіе мужи», являющіеся посредниками между вѣчемъ и княземъ въ Кіевѣ XII в. На вѣчѣ къ нимъ, разумѣется, примыкали и высшіе сановники, чле-

ны совѣта господъ, и всѣ они составляли классъ руководителей вѣча. Правильнымъ приговоромъ вѣча, «новгородскимъ словомъ» признавалось то, что постановлено на собраніи города съ согласія и подъ руководствомъ этихъ властей. Вотъ почему грабежъ нѣмецкаго двора толпой, прибѣжавшей съ вѣча безъ этихъ вождей, «господа» въ своей мировой записи 1331 г. признавали поступкомъ «неразумной черни», сдѣланнымъ безъ новгородскаго слова (*sunder der Nogarder wort*). Триста—круглое число, приблизительно опредѣлявшее количество всѣхъ мѣстныхъ и общихъ городскихъ властей, или показывающее, сколько считалось знатныхъ домовъ въ городѣ, старшіе члены которыхъ были этими властями. Любопытно, что и псковской лѣтописецъ, рассказывая о захватѣ в. кн. Василиемъ «всѣхъ лучшихъ людей» Пскова въ 1510 г., приводитъ ту же круглую цифру 300 чел. съ ихъ семьями (И. С. Лѣт. IV, 287).

VII (къ стр. 288).

Когда появились думные дьяки, на это нѣтъ прямыхъ указаній. Впрочемъ вопросъ разъясняется частію самымъ своимъ содержаніемъ. Въ удѣльное время письмоводство при начальникахъ разныхъ дворцовыхъ вѣдомствъ было въ рукахъ дьяковъ. Главные изъ нихъ подобно этимъ начальникамъ назывались большими или введенными. Эти дьяки, разумѣется, докладывали и дѣла, которыя рѣшалъ самъ князь съ совѣтомъ боярѣ, и помѣчали ихъ приговоры. Но это были собственно дворцовые дьяки, а не спеціальныя думные: они состояли при боярахъ введенныхъ, а не при думѣ, какъ послѣ думные. Послѣдніе появились тогда, когда сформировались новыя недворцовыя вѣдомства, которыя дума приняла подъ свое ближайшее руководство, дѣйствуя въ нихъ чрезъ особыхъ непосредственныхъ секретарей: это были приказы Разрядный, Посольскій, Помѣстный и можетъ быть другіе. Эти новые секретари, вѣроятно, носили сначала старыя званія большихъ или введенныхъ. На предсмертныхъ совѣщаніяхъ вел. кн. Василія съ боярами о дѣлахъ дворцовыхъ и общегосударственныхъ появляются пять дьяковъ. Не всѣ они были дворцовые: нѣкоторые дѣйствовали, вѣроятно, по упомянутымъ новымъ вѣдомствамъ. Изъ нихъ двое, Цыплятевъ и Путятинъ, ведутъ переговоры съ иноземными послами, составляютъ дипломатическіе акты, отправляются послами за границу. Эти именно два дьяка являются въ дипломатическихъ бумагахъ Василіева княженія въ званіи «дьяковъ великихъ», какъ послѣ думный дьякъ

В. Щелкаловъ носилъ званіе дьяка введеннаго (Сб. Имп. Р. Ист. Общ. т. XXXV, 859). Но можно думать, что къ началу XVI в. упомянутые новые приказы, во главѣ которыхъ потомъ видимъ думныхъ дьяковъ, уже успѣли выдѣлиться изъ дворцоваго управленія, прежде соединявшаго въ себѣ всѣ дѣла центральной администраціи. Намекъ на это выдѣленіе можно видѣть въ Судебникѣ 1550 г. (ст. 26), который различаетъ дьяковъ дворцовыхъ и полатныхъ, т. е. всего вѣроятнѣе думныхъ.

VIII (къ стр. 387—390).

Изъ иностранцевъ у одного Фоккеродта находимъ изложеніе условій, на которыхъ вступилъ на престолъ царь Михаилъ. Извѣстіе это помѣщено въ запискѣ о состояніи Россіи при Петрѣ Великомъ, составленной въ 1737 г., слѣдовательно можетъ быть названо современнымъ приведенному извѣстію Татишева въ его запискѣ, вызванной событіями 1730 г. (Переводъ записки Фоккеродта въ Чт. Общ. Ист. и Др. Р. 1874, кн. 2). Фоккеродтъ хорошо зналъ положеніе современной ему Россіи, гдѣ онъ жилъ въ послѣдніе годы царствованія Петра I. Онъ имѣлъ свѣдѣнія и о московскихъ дѣлахъ XVII в., но отдѣльныя событія передаетъ въ своемъ трудѣ не всегда ясно и точно. Онъ пишетъ (стр. 21), что при избраніи царя по окончаніи Смуты московская знать составила между собою родъ сената, который назвала соборомъ и въ которомъ не только бояре, но и всѣ другіе, находившіеся на высшей государственной службѣ, имѣли мѣсто и голосъ. По единодушному рѣшенію этого собора избранный царь долженъ былъ подъ присягой принять на себя слѣдующія обязательства: предоставить полный ходъ правосудію по стариннымъ земскимъ законамъ, никого не судить собственною властію, безъ согласія собора не вводитъ ни новыхъ законовъ, ни новыхъ налоговъ и ничего не рѣшать въ дѣлахъ войны и мира. Царь Михаилъ не колеблясь принялъ и подписалъ эти условія и нѣкоторое время дѣйствовалъ согласно съ ними. Но отецъ царя, воротившись изъ польскаго плѣна и ставъ патріархомъ, искусно воспользовался значеніемъ своего сана въ народѣ, неудовольствіемъ низшаго дворянства на властолюбивыхъ бояръ и ихъ собственными раздорами, одинъ завладѣлъ опекою надъ сыномъ и самовластно распоряжался всѣми дѣлами, оставивъ собору лишь честь одобрять его распоряженія. Стрѣльцы служили опорой этому самовластію, и это войско дало возможность Михаилу даже по смерти отца продолжать правленіе съ такою же властію, ка-

кую имѣлъ отецъ. Въ этомъ извѣстїи надобно отмѣтить одну любопытную черту: одно и то же учрежденіе является съ учредительной и законодательной властью, издаетъ новые законы и вводитъ новые налоги, тогда какъ по договору 1610 г. основное законодательство принадлежало земскому собору, а текущее вмѣстѣ съ законодательствомъ налоговъ боярской думѣ. Но какое это учрежденіе? Фоккеродтовъ сенатъ, названный соборомъ, въ которомъ кромѣ думныхъ людей, бояръ, имѣли мѣсто не представители всѣхъ чиновъ, а какіе-то „всѣ другіе, находившіеся на высшей государственной службѣ“, не похожъ ни на земскій соборъ, ни на думу. Очевидно, Фоккеродтъ смѣшалъ соборъ съ думой въ одно учрежденіе, а въ границахъ авторитета обоихъ этихъ учрежденій и состоитъ весь вопросъ объ устройствѣ высшаго управленія при Михаилѣ. Но мы видѣли, что и въ правительственной практикѣ Михаилава времени эти границы обозначались не вполне согласно съ договоромъ 1610 г. Всего вѣроятнѣе, что при вступленіи на престолъ Михаила отношеніе думы къ земскому собору и не было опредѣлено точно. Дума руководила всѣмъ управленіемъ; ей предоставлено было рѣшать, когда слѣдуетъ обратиться къ содѣйствію всей земли, а по обстоятельствамъ времени она принуждена была обращаться къ этому содѣйствію чаще прежняго и въ такихъ вопросахъ, которые прежде рѣшались безъ собора. Что касается до патріарха Филарета, то онъ имѣлъ большое личное вліяніе на управленіе, но не измѣнилъ его основаній, не произвелъ переворота, какъ расположенъ былъ думать Фоккеродтъ. Отъ него много доставалось непріятнымъ ему людямъ; но учрежденія дѣйствовали попрежнему. Такъ смотритъ на него и одинъ близкій къ тому времени памятникъ, хронографъ архіеп. Пахомія, который, характеризуя этого патріарха, говоритъ, что онъ былъ „правомъ опальчивъ и мнителенъ, а владителенъ таковъ былъ, яко и самому царю бояться его, бояръ же и всякаго чина царскаго синклита зѣло томляше заточенми необратными и иными наказанми“ (А. Попова, Изборникъ, 316). Извѣстіе Фоккеродта о характерѣ правленія Михаилава по смерти Филарета опровергается свидѣтельствомъ Котошихина, который, разумѣется, зналъ дѣло лучше Фоккеродта.

IX (къ стр. 279 и 414).

Излагая численный составъ думы по боярскимъ спискамъ, мы не считаемъ дворцовыхъ сановниковъ, кравчихъ, постельничихъ, стражчихъ съ ключемъ, ясельничихъ, если нѣтъ

прямыхъ указаній на то, что они носили какой-либо думный чинъ. Изъ того, что кравчій или постельничій въ списокѣ является выше думныхъ дворянъ, еще нельзя заключать, что эти сановники были думные люди. По списку 176 г. постельничій Г. И. Ртищевъ стоитъ выше думныхъ дворянъ; но онъ получилъ чинъ думнаго дворянина только въ слѣдующемъ году. Именамъ этихъ сановниковъ давали въ спискахъ почетныя мѣста среди думныхъ людей; въ помѣстныхъ окладахъ ихъ уравнивали съ думными дворянами; но сами они бывали «думные», бывали и «не въ думъ». Постельничаго думнаго иногда возводили въ окольнічіе, кравчему особымъ указомъ иногда велѣли „ходить въ палату и сидѣть съ бояры“. Но все это не было постояннымъ правиломъ (И. С. З. №№ 856 и 865. дв. Разр. IV, 174).

О П Е Ч А Т К И.

Стран.	Строки.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
42	2	растояние	разстояние
65	22	и поступалъ	и онъ поступалъ
89	27	цетральяной	центральной
132	13	городержавцами	горододержавцами
153	8	князьями	князьми
159	7	въ	къ
180	примѣч.	334	364
196	примѣч.	317	317 и 333.
245	14	въ ней	на ней
266	2	была	быль
—	3	признана	признанъ
290	15	60	90
338	примѣч.	IV	VI
344	28	думъ	думу
383	примѣч.	Русс.	Росс.
432	18	мѣствъ.	мѣствъ (въ Новгородѣ).
452	примѣч.	не была	не тотчасъ была
471	9	дѣла	вопроса

Biblioteka WSP Kielce

0162438